Еуразия даласындағы ежелгі тайпалардың этникалық тарихының құпиялары

Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 63

Авторлар / Авторы:
Е. Е. Кузьмина† (Москва, Россия), В. А. Новоженов (Алматы, Казахстан), А. В. Епимахов (Челябинск, Россия), К. Алтынбеков (Алматы, Казахстан), А. Р. Хазбулатов (Астана, Казахстан), К. М. Линдафф (Питтсбург, США), И. Н. Швец (Гейдельберг, ФРГ), Э. Р. Усманова (Караганда, Казахстан), И. В. Чечушков (Питтсбург, США), А. Б. Ипполитова (Москва, Россия).

Баспаға мәдениет институтының Ғылыми кеңесі ұсынған / Печатается по решению Ученого совета Казахского научно-исследовательского института культуры.
Напечатано при поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан и при частичной поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках государственного задания № 33.2644.2014/к

Пікір жазғандар / Рецензенты:
К. М. Байпаков, д.и.н., академик НАН РК.
В. В. Евдокимов, д.и.н., профессор, Карагандинский университет
А. Н. Марьяшев, д.и.н., с.н.с. Институт археологии имени А.Х. Маргулана

Е 63 Еуразия даласындағы ежелгі тайпалардың этникалық тарихының құпиялары = Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии = The Mystery of the Ethnic History of the Earliest Nomads of the Eurasian steppe / құраст. /сост. /comp. В. А. Новоженов; бас. ред. / гл. ред. / ed. А. В. Епимахов. – Алматы: Остров Крым, 2014. – 454 б. - қазақша, орысша, ағылшынша.

Ғалымдардың үндіеуропалықтардың шығу тарихы мәселесін зерттеп келе жатқанына 250 жылдан асты. Оның ұзақ уақытты алу себебі, бұл зерттеулердің арқасында Еуразия аумағында мекен ететін қазіргі халықтардың тарихы жайында да түсінік алуға болады. Авторлар үндіеуропалық тайпалардың таралуы жайындағы көпшілікке белгілі ғылыми тұжырымдамаларды зерттеген және үндіеуропалықтардың ежелгі дөңгелекті тасымал құралы, көрнекті ескерткіштері және басқа да инновацияларының таралуын мысалға келтіре отырып, көшпелі халықтар атажұртының жалпы моделін жасап шығарған. Аталған кітап әйгілі кеңес және Ресей археологі Е. Е . Кузьминаны еске алуға арналады. Басылым суреттермен иллюстрияцияланған, карталармен, кестелермен, сапалы суреттермен толықтырылған. Тарихшыларға, археологтарға, шығыстанушыларға, музей қызметкерлеріне арналған

Проблема происхождения индоевропейцев занимает умы исследователей уже 250 лет, поскольку она может объяснить появление многих современных народов на территории Евразии. Авторы подробно рассматривают известные научные концепции расселения племён индоевропейского корня и обосновывают общую модель “кочевой” прародины на примерах распространения древнего колёсного транспорта, изобразительных памятников и других инноваций. Книга посвящена светлой памяти Е. Е. Кузьминой - выдающегося советского и российского археолога. Издание хорошо иллюстрировано, снабжено картами, таблицами и фотографиями. Адресовано археологам, лингвистам, историкам, востоковедам, музейным работникам и студентам.

УДК 902/904
ББК 63.4

В оформлении книги использованы андроновские бляшки из памятников Сарыарки (мог. Нуртай, Майтан, Копа, Ташик, др.) и орнаментальные мотивы андроновской посуды из мог. Лисаковский, опубликованные Э. Р. Усмановой [2005. С. 202-206; 2010. С. 92-93], фотографии авторов и О. В. Белялова.

На обложке: реконструкция андроновской колесницы, выполненная в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым». Авторы реконструкции: К. Алтынбеков и В. Новоженов. Фото: О. В. Белялов.

ISBN 978-601-06-3164-9

© – К. Алтынбеков - реконструкции, текст статьи, 2014.
© – А. В. Епимахов – редактура, тексты статей, иллюстрации, 2014.
© – А. Б. Ипполитова - текст статьи, библиография Е. Е. Кузьминой, 2014.
© – Е. Б. Кудрявцева, Н. В. Назарова, Т. С. Федорова - составление библ. Е. Е. Кузьминой, 2014.
© – Е. Е. Кузьмина - текст статьи, 2012, 2014.
© – К. М. Линдафф - текст статьи, воспоминания, иллюстрации, 2014.
© – В. А. Новоженов - тексты, составление монографии, переводы, карты, оформление, 2014.
© – В. А. Новоженов - иллюстрации, электронное мультимедийное приложение, 2014.
© – ТОО «Остров Крым» - верстка, допечатная подготовка, 2014.
© – И. Н. Швец - текст статьи, иллюстрации, 2014.
© – А. Р. Хазбулатов - текст статьи, иллюстрации, 2014.
© – Э. Р. Усманова – текст статьи, иллюстрации, воспоминания, 2014.
© – Т. С. Федорова - редактирование библиографии Е. Е. Кузьминой, 2014.
© – И. В. Чечушков - текст статьи, иллюстрации, 2014.
© – Казахский научно-исследовательский институт культуры - полиграфия, 2014.

Министерство культуры и спорта Республики Казахстан
Казахский научно-исследовательский институт культуры

Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора А. В. Епимахова,
составитель В. А. Новоженов

Научно-реставрационная лаборатория
«Остров Крым»

Алматы
2014

Содержание

А. Мухамедиулы Вступительное слово министра культуры и спорта РК 6
А. Р. Хазбулатов Вступительное слово директора Казахского НИИ культуры 8
А. В. Епимахов От редактора 10
В. А. Новоженов От составителя 12

Часть I. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций 17
(монография В. А. Новоженова с дополнениями Е. Е. Кузьминой † - раздел 1.2. и А. В. Епимахова - разделы 1.4. и 2.8.)

Введение 18

Глава 1. Из истории изучения древних коммуникаций 20
1.1.Краткая история изучения 20
1.2. **Е. Е. Кузьмина** Новые данные по расселению индоиранцев (перевод с английского В. А. Новоженова) 26
1.3. Обзор новых концепций 34
1.4. **А. В. Епимахов** К оценке свидетельств дальних связей в эпоху палеометалла 40
1.5. Метод 44

Глава 2. Распространение колёсного транспорта: модель «кочевой» прародины 47
2.1. Древнейшие регионы распространения колеса 47
2.1.1. Шумер 50
2.1.2. Элам 51
2.1.3. Иран, Южная Туркмения 56
2.1.4. Гонур-тепе 56
2.1.5. Хараппская цивилизация 62
2.1.6. Кавказ и степная зона 64
2.1.7. Восточная и Центральная Европа 71
2.1.8. Памятники азиатской части Евразии 76
2.2. Путь на восток 88
2.3. Протоиндоевропейские инновации 90
2.3.1. Животноводство 90
2.3.2. Металлургия 90
2.3.3. Социальные изменения 91
2.3.4. Колёсный транспорт 92
2.3.5. Колесница 100
2.3.6. Мегалитическая и изобразительная традиции 109
2.4. «Мобильная», «кочевая» или «кочующая» прародина? 109
2.5. Формирование коммуникаций в прародинах 114
2.5.1. Европейская прародина 114
2.5.2. Степная прародина 114
2.5.3. Прародина в Анатолии и Северной Месопотамии 115
2.6. Урало-казахстанская поздняя прародина 118
2.6.1. «Андроновский социум» 119
2.6.2. «Карасукский социум» 120
2.7. Сейминско-турбинский феномен и тохарская миграция 121
2.8. **А. В. Епимахов** Динамика коммуникаций бронзового века Урала 125
2.8.1. Коммуникации бронзового века Урала 125
2.8.2. Хронология 146

Мазмұны

Глава 3. Изобразительные коммуникации 206
3.1. Ямно-афанасьевская изобразительная традиция 208
3.1.1. Ямно-афанасьевская мегалитическая традиция 208
3.1.2.Изобразительные ряды и фрагменты кода 218
3.2. Андроновская изобразительная традиция 223
3.2.1. Изобразительные ряды и фрагменты кода 226
3.2.2. Стратиграфия 230
3.3. Карасукская изобразительная традиция 234
3.3.1. Изобразительный код 235

Глава 4. Пазлы этнической истории 250
4.1. Индоиранские письменные источники 252
4.2. Древнекитайские источники 260
4.3. Ассирийские и вавилонские тексты 261

Заключение 265

Часть II. Муза археологии: посвящение Е. Е. Кузьминой 267
(статьи)

Е. Е. Kuzmina† New data on the Development of the Indo-Iranians in the Bronze Age (в редакции С. В. Кулланды) 269
И. В. Чечушков Распространение колесного транспорта в свете данных радиоуглеродной хронологии 274
И. В. Чечушков Радиоуглеродные даты (приложение) 284
Э. Р. Усманова Слово о Елене Ефимовне Кузьминой 286
Э. Р. Усманова Общие принципы реконструкции «андроновского» костюма 287
И. Н. Швец Об антропоморфных изображениях казахстанских петроглифов эпохи бронзы 294
К. М. Линдафф Почему сибирские артефакты были найдены в пределах границ китайского государства? (перевод с английского И. В. Чечушкова) 300
К. Алтынбеков, В. А. Новоженов Повозки ранних кочевников в центре Евразии 308
А. Р. Хазбулатов Ритуальное облачение сакского «Золотого человека» как воплощение идеи Мирового Древа 342
А. Б. Ипполитова Муза археологии. Памяти Елены Ефимовны Кузьминой 357

Такой она навсегда останется в наших сердцах... 360

Библиография печатных работ Е. Е. Кузьминой 370
Составители Е. Б. Кудрявцева, Н. В. Назарова, Т. С. Федорова, А. Б. Ипполитова; ред. Т. С. Федорова

Список литературы 400
Список сокращений 440
Электронное приложение 442

Түйін 444
Summary 446
Zusammenfassung 448
Резюме 450
Информация об авторах 452

Кіріспе сөз

Бұл кітап әйгілі кеңес және Ресей археологы, тарихшы, мәдениеттанушы, қола дәуіріндегі қазақстан ескерткіштерін зерттеуге және үндіеуропалықтардың шығу тарихы мәселелерін шешуге зор үлес қосқан ғалым Елена Ефимовна Кузьминаның рухына бағышталады. Елена Ефимовнаның қазақстандық және шетелдік археологтарға өте жақсы таныс есім. Қазақстан жерінен қазып алған ескерткіштерді жүйелеу, жіктеу және кезеңдеуге арналған көпжылдық іргелі зерттеулері көптеген елдерде жарық көріп, қазіргі таңда ғылымның осы саласында классикалық материалдарға айналған автордың төлтума іргелі монографиялар сериясында жинақталған.

Елена Ефимовна еңбек қорлығы мен көпжылдық ғылыми ізденісінің арқасында қазақтың дәстүрлі мәдениетін терең зерттеу мен насихаттауға үлкен үлес қосты. Оның зерттеу жұмыстарының нәтежиесінде қазақ тарихының тамыры сонау адамзат өркениетінің алғашқы кезеңдеріне дейін таралып жатқаны белгілі болды. Ғалым Қазақстан аумағында осы күнге дейін сақталып келген атабабаларымыздың мұрасы күйінде жеткен бай мәдени мұраларды ЮНЕСКО сынды халықаралық ғалымдар қоғамына мойындатып, бүгінде әлемдік өркениет қазынасының ажырамас бөлігіне айналғаны, біздің ұлттың оған қосқан келелі үлесін қалыптастырды.

Оқырман назарына ұсынылып отырған бұл кітапты Е. Е. Кузьминаны жақсы таныған, оның шығармашылық идеялары мен теорияларын қолдайтын Қазақстан, Ресей, АҚШ, Германия елдеріндегі халықаралық ғалымдар ұжымы жазып шыққан. Кітап екі тараудан тұрады: бірінші тарауда қазақстандық зерттеуші В. А. Новоженовның монографиясы және Е. Е. Кузьминаның өзі мен А. В. Епимахов жазған бөлімдермен толықтырылған; екінші тарау қазақстандық және шетелдік әріптестерінің жекелеген мақалалары, қосымша материалдар, суреттер және оның баспа жұмыстарының толық библиографиясы қамтылған.

Бұл кітапқа жалпы жұртшылықтың қызығушылық танытатына сенімдіміз. Бәлкім, қоғамдық талқыға да түсер. Бірақ қалай болғанда да, оның жариялануы ең көне қазақ халқының бастау алар кезеңі мен көне тарихын, Отанымыздың әзірге аз зерттелген кезеңдерін зерттеу ісіне сүбелі үлесін қосатынына сенімдіміз.

Бұл кітап Елена Ефимовна Кузьмина туралы мемориалдық басылым болуымен қатар, оның бізге қалдырған орасан зор интеллектуалды мұрасы, қазіргі кезде Еуразиялық континентті мекендейтін халықтардың шығу тегі мәселелерін, қазақстандық ежелгі көшпенділер мен қола дәуірі ескерткіштерін зерттеуге қосылған үлкен үлес болып табылады. Сондай-ақ, болашақта академиялық дәстүрге сөзсіз ықпалын тигізетіні анық.

Арыстанбек Мұхамедиұлы
ҚР Мәдениет және спорт министрі

Вступительное слово

Предложенная на суд читателей книга посвящена памяти Елены Ефимовны Кузьминой (1931-2013), выдающегося советского и российского археолога, историка и культуролога, которая внесла огромный вклад в изучение казахстанских памятников археологии и культуры, а также в решение проблемы происхождения индоевропейцев. Многолетние фундаментальные исследования Елены Ефимовны по систематизации, классификации и датировке многочисленных казахстанских памятников, раскопанных отечественными и зарубежными археологами, обобщены в целой серии ее фундаментальных монографий, вышедших в различных странах и давно ставших классическими в этой области знаний.

Своей подвижнической и многолетней научной работой Елена Ефимовна внесла значительный вклад в пропаганду и глубокое исследование истоков казахской традиционной культуры, ее исследования позволили наглядно увидеть мощные корни истории казахов, уходящие в самые ранние периоды человеческой цивилизации. Сохранившееся на территории современного Казахстана и доставшееся нам от предков богатейшее культурное наследие благодаря ее усилиям признано международным сообществом ученых, ЮНЕСКО, стало неотъемлемым достоянием и весомым нашим вкладом в сокровищницу мировой цивилизации.

Книга написана международным коллективом ученых из Казахстана, России, США, Германии, хорошо знавших Е. Е. Кузьмину, разделяющих и творчески развивающих ее блестящие идеи и теории. Книга состоит из двух частей: первая представляет собой монографию казахстанского исследователя В. А. Новоженова, расширенную разделами, написанными Е. Е. Кузьминой и А. В. Епимаховым; вторая часть включает в себя отдельные статьи казахстанских и зарубежных коллег, дополнительные материалы – фотографии и полную библиографию её печатных работ.

Мы не сомневаемся, что эта книга вызовет значительный интерес у широкой общественности, возможно, откроет в обществе дискуссию, но в любом случае ее публикация внесет существенный вклад в дело изучения самых ранних и пока еще недостаточно исследованных периодов истории нашей Родины, истоков и ранней истории казахского этноса.

Даже при том, что эта книга является мемориальной публикацией о Елене Ефимовне Кузьминой, ее огромное интеллектуальное наследие является одним из крупнейших вкладов в исследование казахстанских памятников эпохи бронзы и ранних кочевников, проблемы происхождения народов, ныне населяющий Евразийский континент и несомненно ещё долго будет влиять на академические традиции в будущем.

Арыстанбек Мухамедиулы
Министр культуры и спорта РК

Уақыттан сіз бұлақ жасағыңыз келеді, оның
жағасында отыру және оның ағысын бақылау үшін.
Бірақ уақыт шектелмегенін,сізге өмір уақытқа
қарамайтынын сездіреді.
Және кешегі күн – тек қана бүгінгі күннің елесі,
ал ертеңгі күн – оның арманы.
Калил Джебран

Адамның есі шектеулі. Біз дәл қазір бізге не қажет соны ғана еске сақтауға ұмтыламыз, маңызды дүниелерді жақшаның ішінде қалдырып отырамыз.

Бірақ, тарихтың қақпасы уақытқа қарамайтын түсінік қалыптастырады. Тек қана бірінші көзқарасқа мезеттік болып көрінеді. Және олардың әрқайсысының артында құштар жандар тұрады.

Елена Ефимовна Кузьминаны сондай адамның бірі еді, оның жарқын бейнесіне аталмыш кітап арналады. Оның арынды жігері, білуге құштарлығы мен мейірімділігі, теңдессіз ғылыми қабілетпен байланысы, шыдамдылығы және қайсарлылығы кеңес, орыс және отандық ғылымның өткен кезеңдегі бағасыз бөлігі болып қала бермек.

Ертеректе көшпенділер әлемі бірыңғай, тірі организм іспеттес, ал оның шекарасы бүгінге қарағанда өзге кескінде еді. Рухани қауымдастық және көшпенділердің түсінігі қолда бар көпэтикалық және мәдени әртүрліліктің ықпалынан ерекше ділдің қалыптасуына әсер етті. Ол үрдіс арада мың жыл өткеннен кейінде бізде яғни, үндіеуропалықтардың ұрпақтарында сақталған.

Елена Ефимовна өзгелерге қарағанда жұрттардың айырмашылығын емес, олардың басын қосуды іздеді. Күйме арбалар мен бейнелеу дәстүрі үндіеуропалықтардың ортақ тарихындағы үрдіс - бұл кітаптың мағыналы тұстарының бірі. Бірақ, «өткенді айғақтаушыдан» аса маңыздырақ. Елена Ефимовна және оның көптеген шәкірттері олардың мәдениеттерінің байланыс қаражатын, тәжірибелік әдістерінің жақындасуын, өзара кірігу және өзара сапаландыруды көре білді.

Біз, заманауи адамдардың жалған сенім және соқыр нанымдарының шайылып кету байланысына мұқтаж екеніне куәгерміз. Қазіргі таңда күйме арбалар мен өрнектер қайта жаңару пішішінде болса да, халықтар мен мәдениетті жақындастыруда өз маңызын жойған жоқ деп сеніммен айта аламыз.

Бұл кітаптың үлкен Ғалым және зерттеуші – Елена Ефимовна Кузьминаның жарқын бейнесін еске алуға ғана емес, жас құштар жандардың өздерінің өткенін еске сақтауға, болашағын армандауда рухтандыратынына сенімдіміз.

А. Р. Хазбулатов
ҚР Қазақ ғылыми зерттеу-мәдениет институтының
бас директоры, PhD докторы

Из времени вы хотите сделать ручей,
чтобы сесть на берегу и следить за его течением.
Но вневременное в вас осознает вневременность жизни,
И знает, что вчерашний день – лишь память сегодняшнего,
а завтрашний – его мечта.
Калил Джебран

Человеческая память избирательна. Мы стремимся запомнить лишь то, что нужно нам «здесь и сейчас», часто оставляя за скобками действительно важные вещи. Однако полотно истории формируют понятия вневременные, только на первый взгляд кажущиеся сиюминутными. И за каждым из них стоят неравнодушные люди.

Елена Ефимовна Кузьмина, чьей светлой памяти посвящается данная книга, была одним из таких людей. Ее поистине неуемная энергия, любознательность и доброта в сочетании с выдающимся научным даром, умноженным на терпение и настойчивость, вернули советской, российской и отечественной науке часть бесценных страниц прошлого.

Некогда мир кочевников был единым, живым организмом, а его границы имели иные очертания, чем сейчас. Общность духа и сознания номадов при наличии многих этнических и культурных дифференциаций обусловила формирование особой ментальности, которая спустя тысячелетия по-прежнему живет в нас, их потомках.

Думается, что Елена Ефимовна лучше других понимала это, так как искала не то, что отличает людей, но что объединяет их. Колесницы и изобразительные традиции как одни из смысловых центров этой книги – лишь пазлы в общей картине истории индоевропейцев. Но это гораздо большее, чем просто ценные «свидетельства прошлого». Елена Ефимовна и ее многочисленные последователи видят в них средства коммуникации, практические методы сближения, взаимопроникновения и взаимообогащения культур.

Мы свидетели того, насколько современные люди нуждаются в коммуникации, размываемой кучей предрассудков и предубеждений. Можно сказать, что и сейчас колесницы и орнаменты, пусть и в обновленном формате, не утратили своей сути сближения народов и культур.

Мы уверены, что эта книга не только почтит память Елены Ефимовны Кузьминой – большого Ученого и исследователя, но вдохновит молодых неравнодушных помнить свое прошлое и мечтать о будущем.

А. Р. Хазбулатов
Генеральный директор Казахского НИИ культуры, доктор философии

Три пути ведут к знанию:
путь размышлений – это путь самый благородный,
путь подражания – это самый легкий путь, и
путь опыта – это самый горький.

Конфуций

Причудливы прихоти археологической судьбы, которая едва ли не целиком состоит из встреч и расставаний. На этом пути лишь немногие, промелькнув единожды, остаются в памяти и становятся незримыми спутниками на долгие годы. Нет нужды искать причину этого, как нет надежды найти ее. К числу людей этой редкой когорты, вне сомнений, относится Елена Ефимовна Кузьмина – человек, о ком многие и многие вспоминают с искренней теплотой и приязнью. Перипетии ее судьбы изложены на этих страницах, где читатель найдет не только сухую оценку научных достижений, но и эмоции от личного и заочного общения.

Елена Ефимовна дала импульс изданию, что увидит свет, увы, только теперь, трудами тех, кто ее хорошо знал и хотел поделиться воспоминаниями и новыми идеями на этих страницах. Особая роль в этом воплощении принадлежит Виктору Новоженову, чья монография с благословения Елены Ефимовны стала стержнем настоящей книги (см. раздел «От составителя»). Несколько неожиданно для себя я оказался в роли ее научного редактора и осознал сходство интересов и некоторых подходов с ее главным автором, труды которого и ранее читал не без удовольствия. Так постепенно прорастала идея расширения тематики и текста, складывалась структура книги. По разным причинам не все смогли присоединиться к участию в издании, но мы уверены, что книга не станет последним обращением к наследию по-настоящему большого ученого.

Части этой книги во многом родились из обсуждений (очного и заочного) одной из сложнейших исторических проблем – индоевропейской, прежде всего, аспекта, связанного с возникновением и развитием колесного транспорта. Однако, как писал Франц Кафка: «Путь от головы к перу намного длиннее, нежели путь от головы к языку». В результате стало очевидным, что накопленная огромная сумма фактов не дала (или не могла дать?) ответа на важнейшие вопросы этой проблематики. Необходимо изменить угол зрения, попытаться сформулировать новые модели или провести ревизию тех, что сформулированы ранее. Это никак не отрицает иных научных процедур, которые уже проделаны и продолжаются в самых разных направлениях, что нашло воплощение в многочисленных изданиях.[1] Ссылка на недостаточность фактической базы вряд ли когда-нибудь уйдет со страниц научных публикаций, как и иллюзия, что факты сами «заговорят».

Вместе с тем, группировка даже самым тщательным образом выверенных фактов освещает только некоторые аспекты, часто ограниченные территориальными и хронологическими рамками. Невозможно игнорировать и принципиально разный характер информации, содержащейся в разных типах источников для сравниваемых регионов Евразии. Да и о заведомой неполноте археологических данных и сложностях восстановления информации опубликовано уже предостаточно[2]. В этом смысле книга, написанная археологами, всегда будет «дилетантской вылазкой» в область исторических построений, однако в данном случае таковой она будет и для ученых других специальностей, будь то лингвисты или генетики.

Обращение к теме коммуникаций стало ответной реакцией на неудовлетворительность миграционных и автохтонных объяснительных моделей, которые по-прежнему доминируют. С нашей точки зрения, принятие любой из них серьезно обедняет спектр интерпретаций, особенно в отношении населения, для которого тип хозяйства делал мобильность ключевым, системообразующим фактором существования, а контакты с ближайшими соседями – повседневной реальностью. Это всерьез затрудняет установление идентичности конкретной группы по археологическим данным, делает едва ли возможным установление сколь-нибудь четких границ. Для аридной зоны сложно провести разграничение локальных и магистральных культур. Последние в рамках археологии предстают, скорее, как надкультурные явления, но именно они обеспечивают коммуникацию, стимулы которой могут варьировать в широких пределах. *[Головнев, 2009, с. 18 и далее]*

Во многих отношениях представленная книга дискуссионна, и связано это не только с несколько непривычными терминологией или построением. Не исключено, что даже часть археологических фактов потребует дальнейшего изучения и проверки, а предложенная объяснительная модель не обязательно обретет ранг универсальной. И все-таки, невзирая на оговорки, мы надеемся, что это издание станет побудительным мотивом для коллег и заставит их взглянуть на свои и не только свои материалы под иным углом зрения. Единичные наблюдения и догадки, выпадающие из привычной логики, обретут варианты интерпретации, отличные от традиционных объяснений.

Следуя изречению Конфуция, мы пытаемся сойти с самого легкого пути подражания на путь размышлений, единственно правильный и возможный на пути к знанию. ■

А. В. Епимахов,
доктор исторических наук, профессор

[1] *Среди авторов этой книги немало примеров таких работ [Новоженов, 2012; Чечушков, Епимахов, 2010; Чечушков, 2013 и др.]. Да и часть этой книги посвящена именно такому анализу, без чего построения остаются, по меньшей мере, легковесными.*

[2] *Общие проблемы процедуры исследования в этой части рассмотрены Л. С. Клейном [Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. - 470 с. и др.], применительно к особенностям аридной зоны – Е. Н. Черныхом [2007; 2009 и др.].*

Проблема происхождения индоевропейцев занимает умы исследователей уже более двух столетий, поскольку она может объяснить расселение и появление многих современных этносов на территории Евразии. Пожалуй, нет более мифологизированной и политизированной проблемы в истории. Достаточно вспомнить теорию расового, арийского превосходства нацистов, ставшую по сути, идеологическим обоснованием «нового мирового порядка» и развязанной ими Второй мировой войны.

После распада Советского Союза и Варшавского блока в новых независимых государствах актуальным стал вопрос осознания собственной идентичности, поиск своих исторических корней, начиная с седой древности, влекущий за собой пересмотр устоявшихся в исторической науке стереотипов и представлений. К сожалению, этот процесс зачастую сопровождается новыми «этническими чистками», погромами и даже гражданскими войнами. Именно по этим причинам я долго не решался опубликовать эту книгу.

С другой стороны, отсутствие научных фактов порождает новые мифы и новые заблуждения. Мутный поток медийных «сенсаций» и «открытий» могут остановить только взвешенные, научно обоснованные концепции, сгенерированные сообществом учёных и рожденные в дискуссиях по этому поводу исключительно в среде профессионалов.

Представляется мне, что наступают времена, которые настоятельно требуют исторического осмысления огромного массива артефактов, накопленных многими поколениями археологов. Как никогда актуальными становятся научные реконструкции древних исторических процессов, привлечение к археологическим исследованиям данных смежных дисциплин: антропологии, лингвистики, топонимики, геологии, картографии, искусствоведения, биологии и социологии; новых направлений в исторической науке – компьютерного моделирования процессов, серийного радиоуглеродного датирования, данных палеогенетики. Именно на стыке этих дисциплин, где-то там, лежит решение проблемы происхождения и реконструкции ранней истории народов индоевропейского корня. Публикуя эту книгу, я, разумеется, совсем не претендую на решение такой сложной междисциплинарной научной проблемы, здесь изложена всего лишь одна из возможных версий реального исторического процесса, во многом ещё далёкая от своего завершения реконструкция столь отдалённого периода истории человеческой цивилизации.

Печальным поводом для публикации этой книги стала невосполнимая утрата – преждевременный уход Елены Ефимовны Кузьминой, внёсшей значительный вклад в поиск научного решения проблемы происхождения индоевропейцев.

Мы познакомились с Еленой Ефимовной в далёкие семидесятые, на одной из научных конференций. Она уже тогда – мэтр андроноведения, а мы, студенты, с благоговением воспринимаем её новаторские концепции и идеи. Потом – преддипломная практика в Москве (в те времена возможным было написание студенческих работ в столице), где её гостеприимный дом и богатейшая библиотека стали местом моих робких попыток серьёзного обсуждения новых материалов из андроновских памятников, раскопанных тогда в казахстанских степях.

В историографии изучения степных племён эпохи бронзы Евразии в то время сложились два концептуальных подхода: традиционный и «западный». Традиционный, условно назовём его «советский», предполагал на основании подробнейшего описания, анализа, классификации, построения типологии и датировки материалов, главным образом орудий труда и керамики, выделение самостоятельных степных археологических культур (АК). Вопросы определения их этнокультурной принадлежности, реконструкции исторического процесса, их взаимосвязей, традиционно считались преждевременными и априори недоказуемыми.

В результате, к концу прошлого века оказались открытыми, описанными и исследованными материалы десятков степных археологических культур, выделены хронологические горизонты и целые культурно-исторические общности (области), историческое содержание которых оставалось не всегда понятным и исследованным, а рассматривались они как правило обособленно, регионально, зачастую в отрыве от общего исторического контекста, без анализа их возможных коммуникаций, взаимосвязей и взаимных влияний. Очень редко в археологических исследованиях использовались данные смежных научных дисциплин, не привлекались изобразительные памятники по причине их якобы не обоснованной и не доказанной датировки. Выделенные региональные АК существовали в какой-то искусственной, виртуальной реальности, созданной самими археологами и оторванной от других подобных реальностей, которые независимо генерировали лингвисты, востоковеды или даже представители других «узких» специализаций по «чужим» периодам или регионам в той же археологии, особенно – зарубежной: англо -, немецко -, китайско -, франкоязычной.

Е. Е. Кузьмина являлась ярким представителем другого, междисциплинарного и межрегионального направления исследований, которое я условно здесь называю «западным». Она одной из первых (в соавторстве с К. Ф. Смирновым) решилась в то непростое советское время связать археологические материалы эпохи бронзы степной Евразии с сугубо лингвистической и исторической (а скорее, «буржуазной», как это казалось в то время) проблемой происхождения индоиранцев, наполнив её конкретным «овеществлённым» пониманием.

[Смирнов, Кузьмина, 1977]

. . . Вспоминается её последний приезд в Алматы в конце сентября 2011 года на конференцию, организованную центральноазиатским бюро ЮНЕСКО и посвященную проблемам изучения и сохранения петроглифов региона, её блестящий доклад о миграциях индоиранцев и их искусстве. Она озвучила своё концептуальное понимание петроглифов эпохи бронзы Центральной Азии как свидетельства территориальных перемещений индоиранских племён и развития их изобразительной традиции в пространстве и во времени, сопоставляя в частности образ индоиранского божества Митры со знаменитыми петроглифами «солнцеголовых». Впоследствии эти её идеи изложены в серии статей, а для меня они стали ориентиром в моих собственных поисках исторического значения петроглифов эпохи бронзы и других изобразительных памятников, своеобразным руководством для решения проблемы происхождения индоевропейцев. Некоторые результаты этих поисков представлены на этих страницах.

[см.: библиографию Е.Е. Кузьминой]

Неожиданно для меня Елена Ефимовна высоко оценила рукопись моей книги по колёсному транспорту Евразии и, более того, стала редактором. Как яркий представитель славной научной школы, Елена Ефимовна очень неформально и крайне добросовестно отнеслась к этому делу. У меня сохранились рукописи с многочисленными правками, по её настоянию я поменял само название книги. Только теперь понимаю, что благодаря Елене Ефимовне та книга приобрела законченный вид. Наши научные дискуссии в её уютной квартире, продолжавшиеся каждый раз далеко за полночь, перерастали в разговоры не только о науке и проблемах андроноведения. Вместе с тем, мы сошлись в нашем общем понимании исторического значения андроновских древностей для решения проблемы происхождения индоевропейцев (ИЕ), особенно – индоиранцев (ИИ) и индоариев (ИА).

Наши представления на этот счёт различались в некоторых деталях, например, об Анатолии как возможной прародине ИЕ, маршрутах их миграций, способах передачи инноваций в древних социумах, о чём Елена Ефимовна честно написала в предисловии к той книге.

[Новоженов, 2012. С. 5-6]

* * *

Представленная на суд читателей наша новая книга состоит из двух частей: из монографии В. А. Новоженова, расширенной статьями Е. Е. Кузьминой и А.В. Епимахова, и из части, в которой представлены авторские статьи наших коллег, воспоминания, редкие фотографии Е. Е. Кузьминой и полная библиография её печатных работ.

[Текст этой статьи, изначально написанной на английском языке для одного из восточноевропейских научных журналов, готовился для публикации и доклада на научной конференции в Кракове (7-th European Conference of Iranian Studies, by the Societas Iranologica Europea, см. Библиографию Е. Е. Кузьминой, № 354). Поскольку этот текст публикуется на этих страницах в переводе В. А. Новоженова и не может передать всех особенностей авторского стиля, во второй части этой книги также представлен первоначальный текст статьи на английском языке в редакции С. В. Кулланды]

В первой, историографической главе монографии, публикуется полный перевод на русский язык одной из последних работ Елены Ефимовны, где концептуально изложено её понимание проблемы происхождения ИИ. Подробно представлена концепция другого известного специалиста – замечательного теоретика археологии Л. С. Клейна, изложенная им на научной конференции в честь М.П.Грязнова осенью 2012 года в Санкт-Петербурге, а также новые взгляды на проблему ранних миграций ИЕ, опубликованные в ряде работ А. А. Ковалёвым и С. А. Григорьевым. Кроме того, в этой главе (в виде отдельной статьи) изложена концепция А. В. Епимахова – научного редактора этой книги - и его понимание проблемы дальних связей в эпоху палеометалла, а также обоснован метод, который использован для реконструкций, предложенных на этих страницах.

Принципиальные положения, высказанные В. С. Бочкарёвым в части характеристики им особенностей культурогенеза степных социумов Восточной Европы, использованы в обосновании разделов, изложенных во второй главе, где рассматриваются вопросы ИЕ коммуникаций на примере распространения древнейшего колёсного транспорта по регионам Евразийского континента и связанных с этим процессом инноваций, ставших материальной основой столь продолжительных и далёких миграций и передвижений. Обосновываются направления возможных маршрутов расселения и центры, в которых, по археологическим данным, концентрировалась вся совокупность таких новаций и изобретений, совершённых племенами ИЕ корня. На основании такого анализа предложена модель ИЕ кочевой прародины.

Третья глава посвящена изобразительным памятникам эпохи бронзы, главным образом – в азиатской части континента, где в настоящее время известно более 500 крупных местонахождений наскального искусства, содержащих многие тысячи изобразительных объектов – свидетельств коммуникативной и мифологической активности обитавших в Центральной Азии социумов. Этот огромный массив изобразительных источников пока слабо задействован в научных реконструкциях исторических и этнокультурных процессов в этом обширном регионе. Подавляющее большинство исследователей этих памятников расшифровывают их мифологическое содержание, опираясь на древнейшие письменные свидетельства Ригведы и Авесты и связывают их с ИЕ изобразительной традицией. Признана ИИ атрибуция этой изотрадиции, выделены своеобразные этапы её развития во времени – ямно-афанасьевский, андроновский и карасукский, определены их знаково-коммуникативные коды. Фиксированное в пространстве географическое положение этих изобразительных памятников (скалы с петроглифами, в отличие от вещей, нельзя унести с собой) позволяет наглядно понять и конкретизировать районы расселения и обитания ИЕ племён в древние периоды.

[Франкфор, Якобсон, 2004; дискуссия по теме этой статьи]

В четвёртой главе кратко приведены некоторые данные ассирийских, вавилонских документов, древнекитайских исторических хроник, надписей на гадальных костях и на бронзовых сосудах, собственно индоарийских и древнеиранских письменных источников, которые рассмотрены в этой главе как свидетельства о структуре и расселении народов ИЕ происхождения. Предпринята попытка реконструкции этнокультурной ситуации в этот период и тех последствий, которые имели место в сложении других этносов, в том числе и современных, на территории Центральной Азии.

Отдельные положения этой монографии разрабатывались в рамках двух научно-исследовательских проектов: на кафедре археологии и этнологии Казахского Национального университета им. аль-Фараби под руководством профессора, д.и.н., А. Т. Толеубаева (г. Алматы) и в Сарыаркинском археологическом институте при Карагандинском университете им. Е. А. Букетова, под руководством И. А. Кукушкина и В. Г. Ломана, докладывались автором и обсуждались на международных научных конференциях: «Маргулановские чтения» (Ботай, 2012 г.), на конференции в честь 110-летия М. П. Грязнова (С.-Петербург, 2012 г.), «Оразбаевские чтения» (Алматы, 2012, 2013, 2014 гг.) и изложены в ряде статей. В системном и целостном виде предложенная реконструкция публикуется на этих страницах впервые.

[см.: библиографию]

Хочу выразить искреннюю признательность А. Р. Хазбулатову, сотрудникам научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» и её основателю, талантливому Мастеру – Крыму Алтынбекову за предоставленную возможность подготовки этой книги к печати; А. В. Епимахову, ученику и соратнику Е. Е. Кузьминой, представителю славной челябинской археологической школы, также активно поддержавшему наше начинание и ставшему научным редактором этого издания. Более того, в процессе работы над книгой А. В. Епимахов существенно дополнил первоначальную рукопись собственными научными исследованиями по проблеме дальних связей населения степной Евразии в эпоху бронзы и по хронологии, блестяще определив на основании самых современных научных методов временные рамки описываемых и реконструируемых на этих страницах исторических процессов. Тем самым он стал не только редактором этой книги, но и её полноправным соавтором.

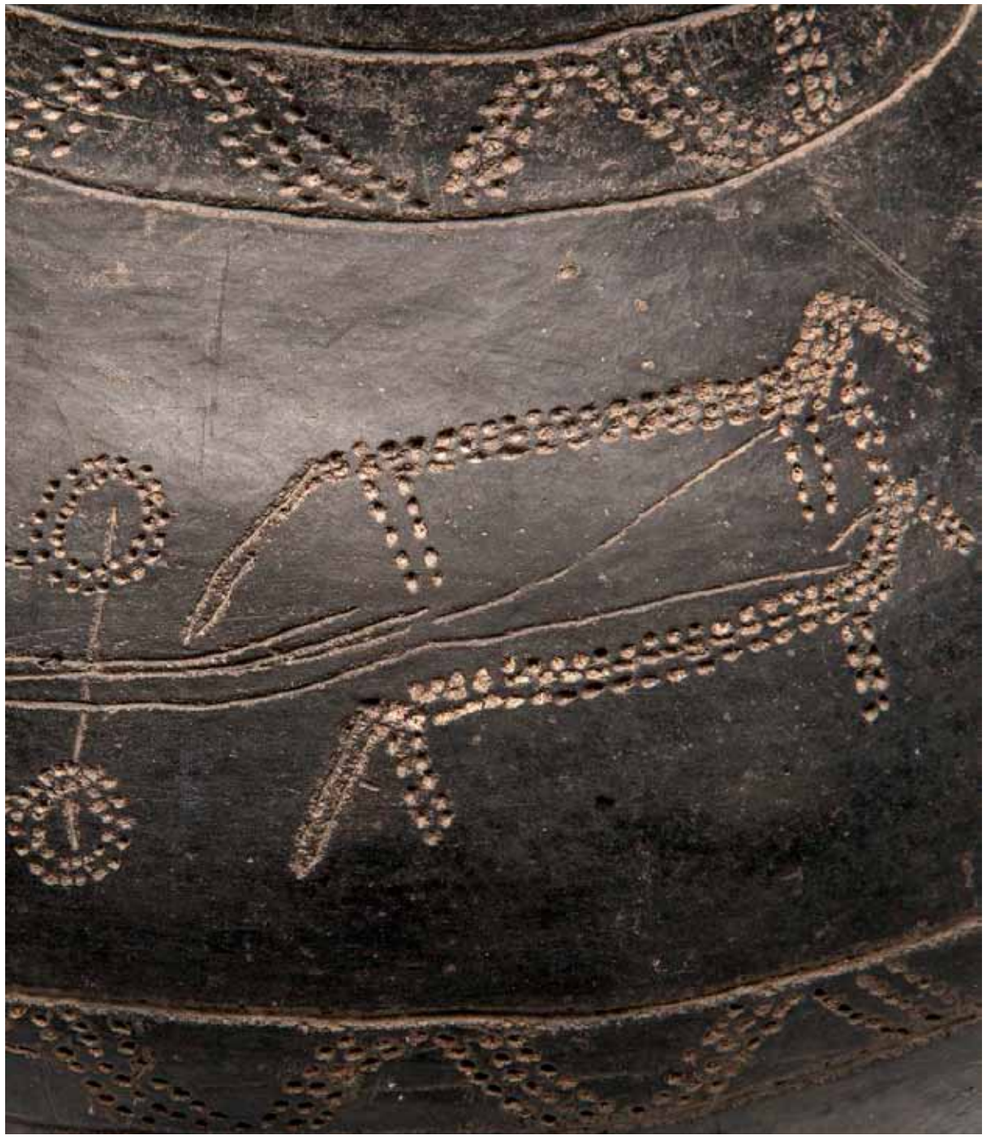
Нашу идею активно поддержала Э. Р. Усманова, поделившаяся своими яркими воспоминаниями. Здесь публикуется ее статья о принципах реконструкции андроновской одежды, написанная по материалам многолетних исследований этой проблематики.

И. Н. Швец из г. Гейдельберга (ФРГ) поддержала наш проект своей статьей об антропоморфных персонажах в казахстанских петроглифах эпохи бронзы, обобщив свои многолетние исследования на изобразительных памятниках Центральной Азии. Коллеги из Питтсбургского университета (США) – К. М. Линдафф и И. В. Чечушков поддержали это издание своими полезными статьями и материалами, за что всем вам отдельное спасибо! От всей души благодарю А. Б. Ипполитову, любимую и преданную ученицу Елены Ефимовны, разделившую с ней последние месяцы её жизни. Здесь публикуется статья Александры, выверенная библиография всех печатных работ Елены Ефимовны и дорогие нам всем ее фотографии. Отдельная благодарность Т. С. Федоровой за кропотливую работу по редактированию библиографического раздела.

Меня как составителя очень обрадовала реакция коллег, когда мы поделились идеей этой книги во Всемирной паутине. Благодарю всех, и прежде всего – В. В. Евдокимова, В. В. Варфоломеева, А. З. Бейсенова, А. Е. Рогожинского, В. Г. Ломана, И. А. Кукушкина, Г. А. Базарбаеву, Г. С. Джумабекову, Г. Б. Здановича, В. В. Ткачёва, А. Д. Таирова, Н. Б.Виноградова, Осада Тошики, П. Ф. Кузнецова, и многих других, откликнувшихся на наш призыв, поддержавших наше начинание и приславших из своих личных архивов малоизвестные и редкие материалы и фотографии. Некоторые из них впервые опубликованы на этих страницах.

Таким образом, задуманная первоначально как авторская монография, трудами и усилиями коллег она превратилась в такую необычную коллективную книгу памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Напутствием для меня в процессе работы над этим изданием стали слова, сказанные Еленой Ефимовной при прощании во время одной из последних встреч: «Наши научные концепции будут появляться и исчезать, как листья на деревьях, – это естественно, но при этом останутся ветви и стволы этих деревьев – очевидные научные факты…». Действительно, древо познания происхождения и ранней истории индоевропейцев растёт и будет прирастать новыми ветвями и свежими побегами. А я именно так и отношусь к этой книге … ■

Виктор Новоженов



В. А. Новоженов

Часть I: монография

Великая степь: человек в системе древних коммуникаций

с дополнениями
Е. Е. Кузьминой † (глава 1, раздел 1.2)
А. В. Епимахова (глава 1, раздел 1.4;
глава 2, раздел 2.8)

Введение

Из всего многообразия коммуникаций выделяются системы базовых и традиционных внутренних каналов, которые человечество формировало тысячелетиями своей истории: письменность, музыка, танец, живопись и различные виды художественного творчества, мировые религии. Это также налаженные каналы внешних коммуникаций – миграции, обмены, торговля, постепенно превратившиеся в глобальные мировые транспортные артерии, это маршруты наземного и воздушного транспорта, современная логистика, разнообразные глобальные электронные сети, ежесекундно передающие по всему миру терабайты разнообразнейшей информации. Словом, это вся транспортная инфраструктура, созданная человеческой цивилизацией и уровень развития ее определяющая.

[Новоженов, 2012. С. 12-20]

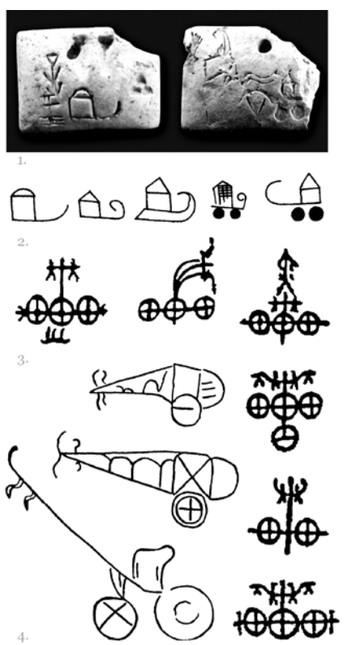
В процессе формирования каналов внешней коммуникации исключительное значение имеет объект самого коммуникативного канала, иными словами – то, ради чего и на основании чего этот канал создаётся. Как правило, это – инновационные предметы или объекты, которые могут отсутствовать в практической жизни социума или не могут им производиться в силу недостаточно развитых знаний, навыков и отсутствия соответствующих технологий и необходимого сырья. Для получения таких важных товаров древние социумы уже на заре своего существования выстраивали очень значительные по своей протяженности, даже по современным меркам, каналы обмена.

[Бродель, 1988. С. 12-156]

Классическим примером из этой области служит Великий Шёлковый путь – трансконтинентальный транспортный коридор между Европой и Китаем, соединивший такие далекие в географическом отношении, культурном и технологическом развитии регионы. Изобретение китайцами чудесного способа производства шёлка, недоступного тогда остальным народам, а также специи, фарфор, порох, бумага стали главным объектом этого канала коммуникации. Заметим, что формирование такого трансконтинентального пути в период раннего средневековья естественным образом опиралось на накопленные предшествующими поколениями географические и астрономические знания и представления традиционно обитавшего на всем протяжении этого маршрута населения. Следовательно, при анализе и реконструкции древнейших, «дошёлковых» систем коммуникации на обширных пространствах Евразии первостепенное значение имеет поиск таких объектов обмена и сложившихся естественных «монополий» на тот или иной продукт, технологию или инновацию, которые имели место в обнаруженных и зафиксированных на этих территориях артефактах и археологических культурах (АК).

Исходя из вышесказанного, наиболее перспективным объектом для целей настоящего исследования представляется древнейший колёсный транспорт и его распространение племенами индоевропейского (ИЕ) корня на просторах Евразийского континента. Уже в самых архаических образцах первых колёсных повозок сконцентрирован комплекс наиболее передовых технологических инноваций и достижений древних социумов в различных отраслях их ключевой жизнедеятельности: в животноводстве, металлообработке, плотницком ремесле, социально-клановой организации общества. Обладание этими преимуществами обеспечивало как сам процесс глобального освоения новых территорий, так и превосходство над менее развитыми в этом плане социумами.

Более того, многочисленными исследованиями лингвистов доказан факт заимствования именно ИЕ специальных терминов, связанных с колёсными повозками, практически во все древнейшие языки народов Евразии. Это обстоятельство со значительной степенью вероятности может свидетельствовать о совпадении географии реальных находок древнейших колёсных транспортных средств с маршрутами расселения и миграции ИЕ кланов на территории континента, так же как и распространение по континенту отдельных ИЕ мифологем и архетипов, сходных изобразительных, орнаментальных, статуарных, мегалитических традиций.



Внизу: Рис. 1. Образцы древнейшей коммуникации: пиктограммы и иероглифы в древнейших письменностях мира.
1-2 – пиктограммы из Урука IVa [Burmeister, 2004. Abb.5; Littauer, Crouwel, 1979. Abb. 1]; 3 – образцы древнекитайских иероглифов; 4 – линейное письмо «Б» [по Шер, 1980; Чередниченко, 1976. Рис. 10].

Изобразительные памятники и прежде всего – скопления петроглифов на скалах, фиксируют факт пребывания носителей этих традиций на конкретной территории, а географическое распространение сходных знаков одного изобразительного ряда (кода) может свидетельствовать о территориальных передвижениях конкретного социума.

Полностью согласимся с представлением о том, что конвергентное, автохтонное развитие и миграция, как исторические явления, не могут противопоставляться друг другу. В свою очередь, реконструкция древнейших каналов коммуникации на континенте в конце IV-II тыс. до н. э. позволяет конкретизировать и прояснить многие спорные вопросы этнической атрибуции и культурогенеза открытых здесь многочисленных АК и некоторые ключевые этапы исторического процесса в этот период.

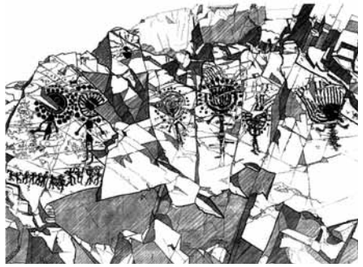


Рис. 2. Алтарь святилища Тамгалы (Южный Казахстан) [по Рогожинский, 2011]

[Дьяконов, 1989. С. 5-21]

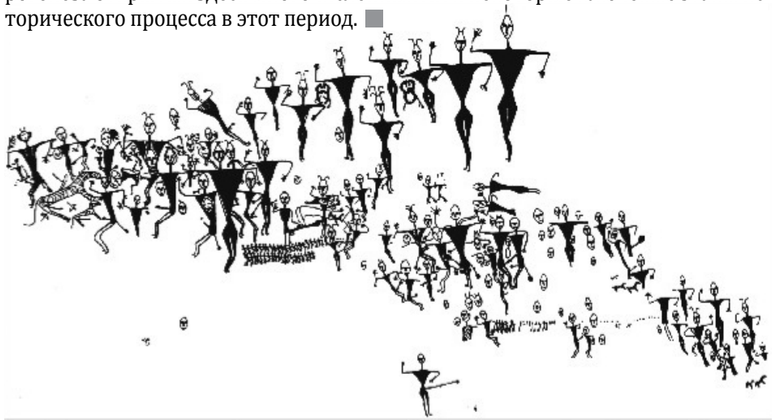


Рис. 3. Алтарь святилища Кангжиашмиенцзы (Синьцзян, отроги Тянь Шаня, уезд Хутуби) [по Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008. P.214-215, 224, 234. Fig.1-4, 6, 8]

Рис. 5. Карта маршрутов Великого Шёлкового пути на территории Казахстана.

Внизу: Рис. 4. Путешествие китайской принцессы Ван Чжаоцзюнь на север к гуннам, автор Чю Ин: в 35 г. до н. э. китайский император Юаньди (Западная Хань) благословил династический брак красавицы Ван Чжаоцзюнь с правителем гуннов – Хуханьсе, что обеспечило мир с воинственными гуннами на 40 лет и безопасный проход торговых караванов с шёлком через северные территории [по Китай: история и цивилизация, 2007. С. 58]

Глава 1

Из истории древних коммуникаций

1.1. Краткая история изучения

Закономерен огромный интерес ученых к проблеме истории коммуникаций и транспорта, начиная с классических трудов Г. Чайлда, М. А. Литтауэр, Дж. Крауэла и Ст. Пигготта. Вместе с тем труды Г. Коссины и его последователей надолго дискредитировали в археологических исследованиях и историографии миграционные теории по политическим причинам, что, впрочем, не помешало значительно позднее, в 70-е – 90-е годы прошлого века, предложить некоторые теоретические разработки, определяющие типы и характер миграций.

[Чайлд, 1956]
[Littauer, Crouwel, 1979], [Piggott, 1983], [Kossina, 1921]

В серии работ Гордон Чайлд сформулировал основные положения своей теории о Шумере как центре, в котором впервые изобретено и использовано колесо – главное механическое средство для перемещения тяжелых грузов. Эта концепция опиралась на ряд работ, появившихся в разных странах в 50-е годы прошлого века, и развита в более поздних публикациях.

[Титов, 1982. С. 89-145; 1988. С. 47-123; Klejn, 1974. S. 7-55; Ольховский, 1992. С. 30-33; Гумилев, 2007; Ртвеладзе, 1999; Александров, 2009; Кузьмина, 2010; Клейн, 2012а; 2013 и др.]

[Childe, 1951; 1954; 1954a]
[Hancar, 1955; Haudricourt, 1948; Hrouda, 1965; Foltiny, 1959; Smolian, 1964; Nagel, 1966; Potratz, 1966; Wiesner, 1968; Клейн, 1963; van der Waals, 1964; Piggott, 1968; Gimbutas, 1970;1974; 1978; 1989; Kammenhuber, 1961; Salonen, 1951; 1956; Zarins, 1976; Кожин, 1985. С. 169-183; 1990; Горелик, 1985. С. 183-193; Littauer, Crouwel, 1979]
[Кузьмина, 1974, 1980; 2010; Сафронов, 1989; Piggott, 1983; Клейн, 2012; 2013]

Некоторые новые материалы заставили усомниться в правильности отдельных выводов Г. Чайлда. К числу таковых относятся находки ацтекских керамических статуэток на колесах из Америки, весьма сходных с древними игрушками на колесах из Индии, и новые, более ранние, датировки уже известных находок в результате «радиоуглеродной революции», случившейся в это время в археологии.

[Piggott, 1983. P. 36-39; 54-64]

Ст. Пигготт в фундаментальной работе о повозках Европы привлекает внимание к радиоуглеродным датировкам находок, калибровка которых на основе дендрохронологической шкалы удревняет их возраст до начала III тыс. до н. э., что соответствует датировкам многих находок на Ближнем Востоке и ставит под сомнение их хронологический приоритет.

В. А. Сафронов сформулировал концепцию «динамической прародины» о происхождении колесного транспорта в индоевропейской среде, где-то в Восточной или Центральной Европе, независимо от влияния ближневосточных цивилизаций.

[Сафронов, 1989. С. 155-179]

П. М. Кожин в серии фундаментальных публикаций подробно исследует разные аспекты ранней этнической истории древних обществ Евразии на примере распространения колёсного транспорта и дает критический анализ многих существующих на этот счёт концепций.

[Кожин, 1982; 1990; 1997; 2007; 2007a; 2011]

А. Хойслер в своей сводке приводит перечень находок из европейской части Евразии и обосновывает независимое происхождение как западноевропейских находок, так и повозок из Предкавказья и Причерноморских степей. Распространение повозок в указанных регионах связывается с древнеямной культурой (культурой окрашенных костяков) .

[Hausler, 1981. S. 581-647]

В специальной литературе уже высказывалась гипотеза распространения колесного транспорта с запада на восток, из Двуречья в Туран; с юга – на север

[Иванов, 1983. С. 36; Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 950-951]

(южный путь), от земледельцев Средней Азии в степные и северные районы Евразии. Ее поддерживают многие исследователи петроглифов на основании того, что на перевале Саймалы-Таш, через который проходит древняя караванная тропа в Ферганскую долину, выделен пласт изображений упряжных животных – быков и горных козлов – в битреугольном стиле (рис. 6).

[Самашев, 2010; Марьяшев, Горячев, 1998; 2002; Слободзян, 2003. С. 157-158]

[Бернштам, 1952; Шер, 1980]

Новые материалы и исследования представлены работами, опубликованными в специализированных сборниках по проблемам изучения древнего колесного транспорта. Количество серьезных публикаций по данной проблематике уже насчитывает несколько сотен основательных исследований, анализ которых требует написания отдельной книги. Так или иначе, распространение древнейшего колёсного транспорта напрямую связывается исследователями с гипотезами миграций тех или иных ИЕ социумов на территории всего континента.

[Fansa, 2004. S. 9-13; Burmeister, 2004. S. 13-40; Crouwel, 2004. S. 69-86; Кони, колесницы..., 2010; и многие другие]

Из многочисленных обзоров происхождения и расселения ИЕ отметим монографии П. Раулвинга и Дж. П. Мэллори, в которых дан подробный анализ и

[Raulwing, 2000]
[Mallory, 1989; 2000; 2002]

Рис. 6. Кыргызстан. Саймалы-Таш. Изображения повозок и возничих. Реконструкция первоначального вида

критика существующих на этот счет гипотез. Из числа последних исследований, обосновывающих степное происхождение ИЕ и развивающих многие положения популярной «курганной» теории М. Гимбутас, в котором собраны и учтены многие современные воззрения и материалы по этой проблеме, выделим книгу Д. Энтони. Подробные рецензии на эту работу опубликованы на русском языке Л. С. Клейном и Э. Кайзер.

[Anthony, 2007]
[Кони, колесницы....., 2010. С. 167-181; Кайзер, 2012. С. 325-333]

Значительных успехов в исследовании тематики происхождения ИЕ и колёсного транспорта добились лингвисты. Выяснилось, что многие древние термины, используемые для описания колёсного транспорта, упряжных животных и особенно – лошади, имеют индоевропейское происхождение и, стало быть, присутствие этих терминов в различных языках может свидетельствовать о распространении самого колёсного транспорта (прежде всего – колесниц) в различных регионах континента, так же как и самих народов ИЕ корня. Классической работой в этой области стала фундаментальная монография Т. В. Гамкрелидзе и В. Вс. Иванова, существенный вклад привнесли исследования В. Н. Топорова, И. М. Дьяконова, А. Парполы и многих других лингвистов.

[см. библиографию и след. раздел этой главы]

Предложены достаточно аргументированные глобальные гипотезы происхождения и распространения ИЕ языков и терминов, обозначающих ло-

[см: Renfrew, 1989; Алёкшин, 1992; 1998; Александров, 2009]

шадь и колёсный транспорт, достаточно надёжно определяемых в пространстве и во времени. Однако эти гипотезы не всегда учитывают современные археологические данные, а зачастую и противоречат им. До сих пор не написаны обобщающие работы археологов на эту тему, которые могли бы совместить в себе анализ как археологических, так и лингвистических источников.

Выяснение глобальных коммуникативных закономерностей может оказаться полезным и при анализе мифологической и изобразительной деятельности древнейших социумов, в том числе – ИЕ корня. Реконструкции мифа о создании человека у степных индоевропейцев посвящено исследование Ю. Е. Берёзкина.

[Берёзкин, 2012. С. 35-40]

Сюжет этот зафиксирован у разных народов повсеместно на территории Евразии в нескольких вариантах, но суть его сводится к тому, как бог лепит из глины фигуры мужчины и женщины, а лошадь или две лошади, нередко крылатые, их разбивают. Тогда творец создаёт собаку или двух собак, которые отгоняют нападающих. Лошадь наказана – она лишается крыльев и должна отныне служить человеку в запряжке и подвергаться побоям. Само стремление лошади помешать созданию человека вызвано опасением, что люди её запрягут. До создания человека землю населяли лошади. Их старания растоптать сделанное из глины тело Адама оказались напрасными благодаря собаке, с тех пор охраняющей человека как его близкий друг. Пупок на человеческом теле – след от удара копытом.

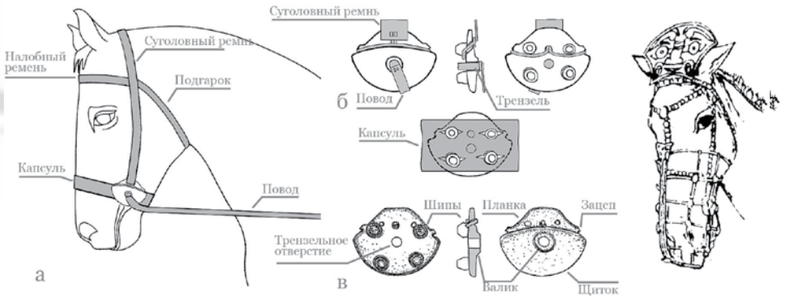
[Берёзкин, 2012. С. 39]

Далее автор приходит к следующим выводам: появление этого мифа с участием собаки-сторожа и лошади-агрессора произошло в евразийских степях в III тыс. до н.э. Нижняя граница определяется временем одомашнивания лошади, верхняя – проникновением сюжета в Южную Азию во II тыс. до н. э. «Гипотеза знакомства степных индоевропейцев с сюжетом, в котором собака играет положительную роль, а конь – отрицательную, не противоречит распространенному убеждению, будто «ранние индоевропейцы были помешаны на лошадях», но позволяет взглянуть на ситуацию не столь односторонне. Либо лошадь одомашнили не индоевропейцы и ее образ сохранил черты существа, первоначально связанного с чужой и враждебной культурой, либо до своего одомашнивания лошадь являлась важным объектом охоты и, соответственно, воспринималась как представитель дикого, нечеловеческого мира».

Таким образом, реконструирован великолепный образец коммуникативного послания, в котором явно нашли отражение некоторые совершенно реальные культурно-исторические процессы – приручения и практического применения в хозяйстве ИЕ лошади. Выявленное широкое географическое распространение этого мифа на обширной территории Евразии свидетельствует о развитых и эффективных каналах ИЕ коммуникаций, которые действовали в этот период. Несомненно, оно связано с самим

Рис. 7. Восточный Казахстан. Могильник Берел, курган 11. Крылатый конь. Вышивка тамбурным швом. Размеры: 7,5 х 8,6 см. Цветная шерстяная нить. 4-3 вв. до н. э [по Самашев., 2011]

Рис. 8. Реконструкция оголовья [по Епимахов, Чечушков, 2006. Рис. 6]. Реконструкция по материалам чемакына из Музея в деревне Чжанцзяопо (реконструировано по связкам раковин каури на ремнях оголовья).



процессом распространения прирученных лошадей на всей территории континента, как инновации, а также навыков управления ими, в древнейших социумах Евразии и имперских цивилизациях, не знакомых до этого с таким «чудом».

Роль лошади в этом мифе соответствует представлениям о сложности процесса её приручения и использования именно в упряжке. Очевидно, что на первоначальных этапах приручения лошади социумы ИЕ корня не могли в нём участвовать, поскольку оно началось раньше их первых попыток освоения степных пространств Евразии в начале III тыс. до н. э. – до этого в запряжках использовали только быков и эквидов. Лошадь в это время была не знакомым им, промысловым, диким животным, объектом охоты. Её разводили в это время главным образом для пропитания в двух местах евразийских степей – на Днепре и на Ботае. Здесь зафиксированы самые первые опыты приручения и попытки управления этим свободолюбивым животным в прагматических целях, в составе стада, для нужд комплексного хозяйства ранних животноводов.

Только с изобретением колесниц на пароконной тяге и развитием колёсных инноваций, на рубеже III-II тыс. до н. э., стало возможным её запрячь в лёгкую повозку-колесницу: неслучайно сохранилось устойчивое мифологическое представление именно о паре коней (парной запряжке – паре крылатых лошадей). Это событие было настолько важным, а роль лошади – столь противоречивой, что и нашло свое отражение в этом мифологическом сюжете. Важно также, что этот процесс происходил через побои лошади и причинение ей боли – своеобразная вербальная «инструкция» сородичам и членам социума, каким способом нужно приручить лошадь и управлять ею в повозке.

Возможно по этой причине в погребениях с колесницами открыты многочисленные теперь псалии трензельного типа с шипами, весьма болезненные для лошади, а также костяные ручки, в навершия которых вставлялся острый бронзовый стержень – стрекало – для уколов крупа лошади, с помощью которого возничий передавал команды упряжным коням и эффективно управлял колесницей (рис. 8-9). При том, что грамотное управление колесницей имело несомненный приоритет в этом процессе. Роль же собаки как защитника однозначна и хорошо документирована археологическими материалами в колесничном контексте: собака непременный «соучастник» многих известных погребений с повозками и особенно – с колесницами.

[Чечушков, 2013]

[Кукушкин, 2011; см.: далее - глава 2, раздел 2.3.4.]

Другой важный вывод, происходящий из реконструированного мифа, – мотив наказания лошади-антагониста – её запряжка (под ярмо – в повозку). Сам факт надева-

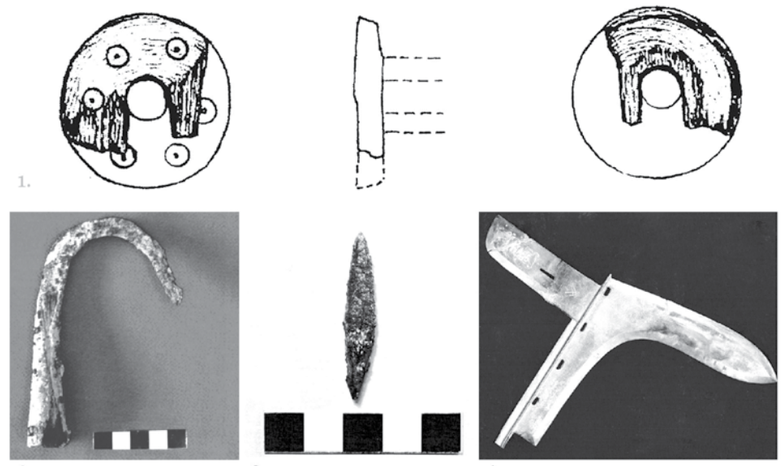


Рис. 9. Урало-казахстанский и китайский колесничные комплексы

1, 3 – стрекало с роговой муфтой и бронзовым наконечником,

2 – крюк-багор из могильника Ащису [Кукушкин, 2007. С. 52, 61, 62. Рис. 15-17].

4 – копье-чекан на длинной ручке из погребального комплекса Цин Шихуана, склеп 1. На лицевой стороне имеется надпись «изготовлено Люй Бувэем», на оборотной стороне – иероглифы «сыгун» – название учреждения, заведующего изготовлением оружия и боевых колесниц [по Цинь Вэнь, 2008. С. 66]

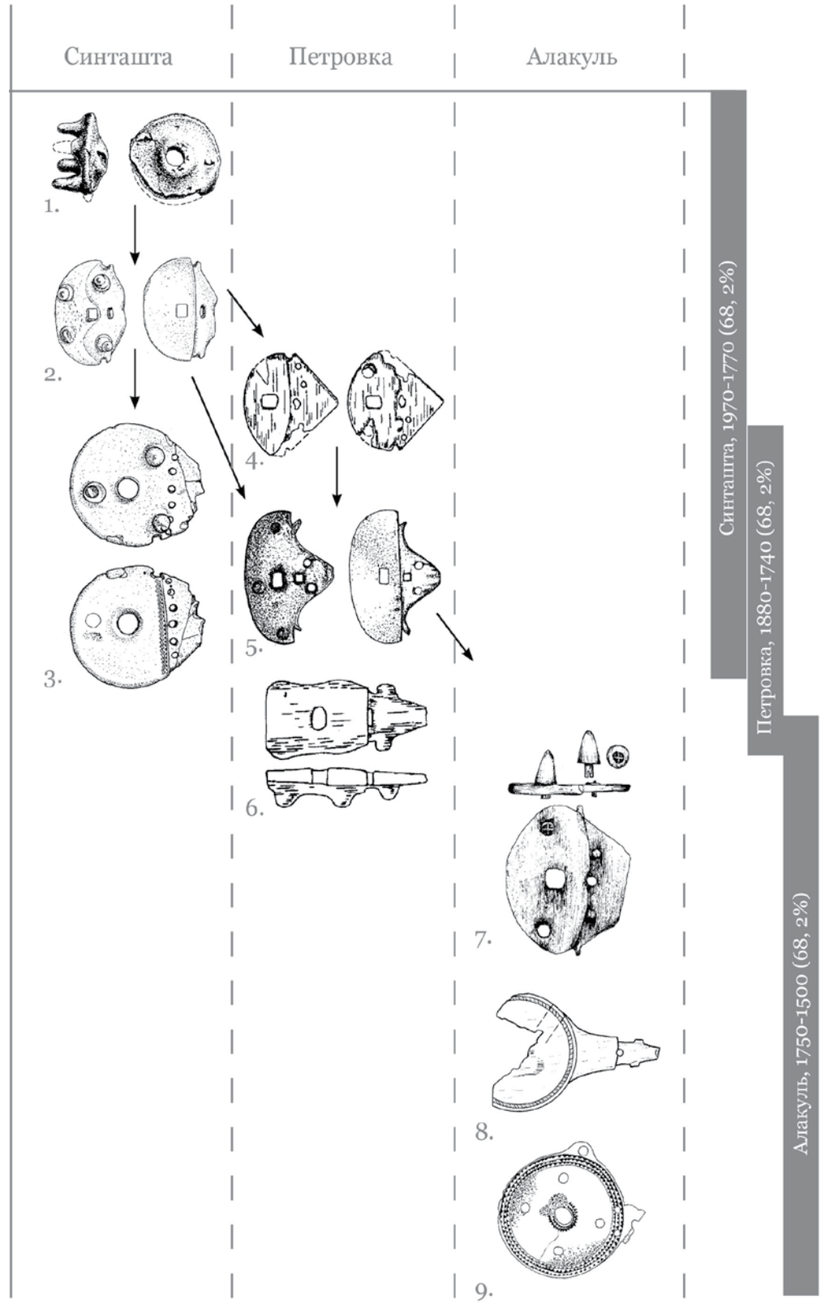


Рис. 10. Эволюция формы псалиев:

1-3 – синташтинские псалии;
4-6 – петровские;
7-9 – алакульские
[по Чечушков, Епимахов, 2010. С. 213. Fig. 8]

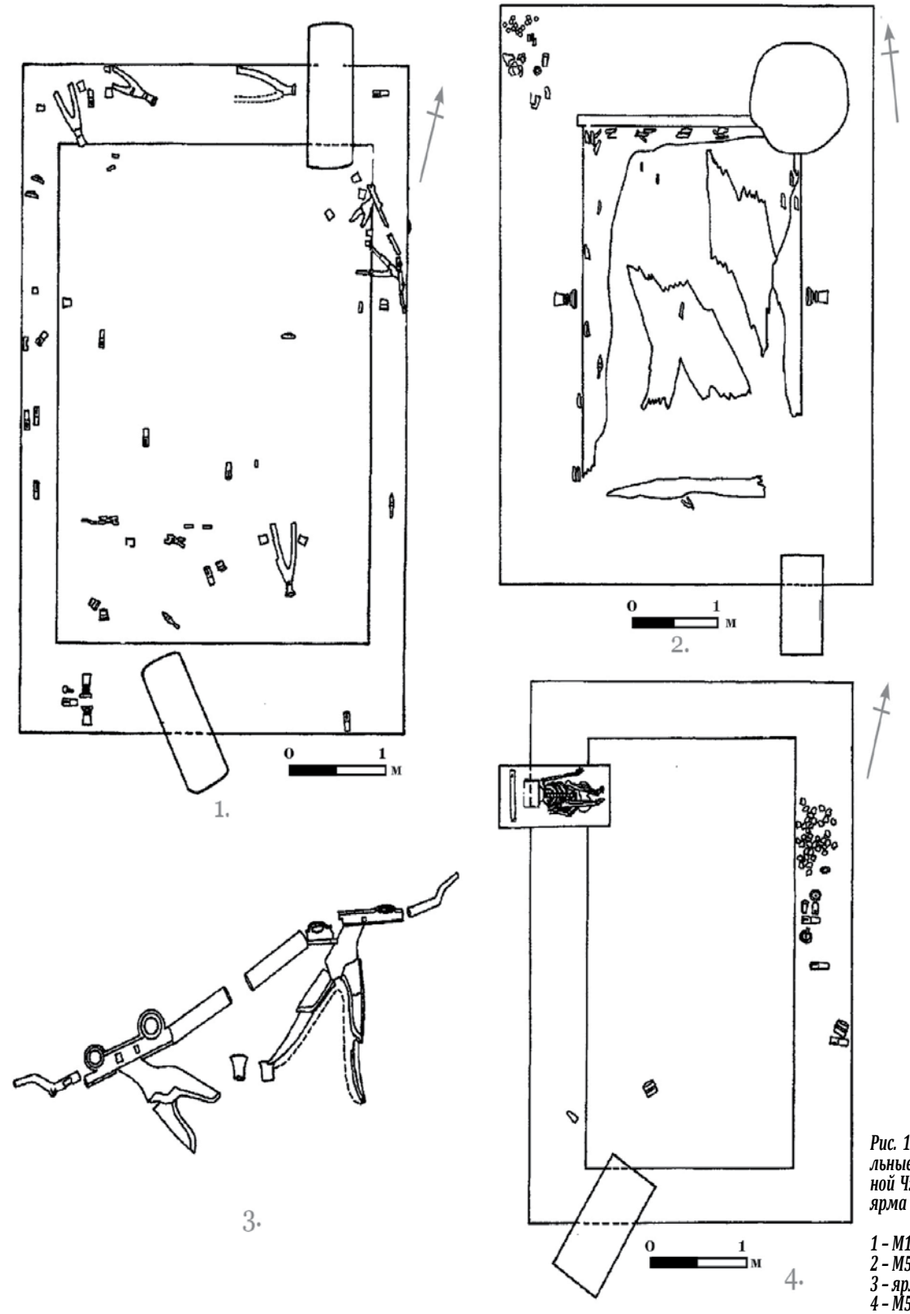


Рис. 11. Китай. Могильник Бэйяо. Отдельные захоронения ярма. Финал Западной Чжоу. Детали колесничной упряжи, ярма с навершиями и ярма-рогатки.

1 – M118;
2 – M534;
3 – ярмо и ярма-рогатки из M118;
4 – M513 [по Hsiao-yun, 2009. P. 122]

[Кузьмина, 1994. С. 164-194]

ния ярма и запряжки животного в повозку (покорения непокорного) – акт подчинения и обращения во благо, для того, кто покорил. Обряд, имеющий глубокое мифологическое обоснование и значение для древних. Этот ритуал хорошо описан в индоиранской (ИИ) письменной традиции. Факт приручения лошади и запряжки её в колесницу оказался таким важным, что отразился в мифологическом сознании практически всех народов, населяющих Евразию! ■

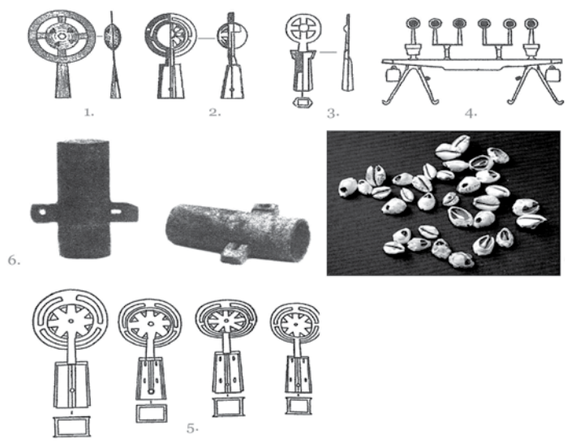


Рис. 12. Китай. Детали украшения ярма колесницы: навершия и колокольчики. Период Чжаньго.

1 – могильник Люлихэ, 131: 7а;
2 – могильник Цзюнюйтай, JM16CHMK: 23;
3 – могильник Сюйлянчжун, XLM8CHMK:33-1;
4 – могильник Маанчжун, ярмо от колесницы 2, чемакын 2;
5 – могила Ченгун, колокольчики;
6 – могильник Маанчжун, втулки на оси колесницы №4, чемакын К2:4-58,59;
7 – раковины каури, украшения ремней оголовья колесничных лошадей [по Hsiao-yun, 2009. P. 191]

Е. Е. Кузьмина †
1.2. Новые данные по расселению индоиранцев

[Текст этой статьи, изначально написанной на английском языке для одного из восточноевропейских научных журналов, готовился для публикации и доклада на научной конференции в Кракове (7-th European Conference of Iranian Studies, by the Societas Iranologica Europea, см. Библиографию Е. Е. Кузьминой, № 354). Поскольку этот текст публикуется на этих страницах в переводе и не может передать всех особенностей авторского стиля, то во второй части этой книги также представлен первоначальный текст этой статьи на английском языке в редакции С. В. Кулланды]

Иранские языки принадлежат *индоиранской (ИИ)* группе *индоевропейской (ИЕ)* языковой семьи. Древнейшая форма иранского языка открыта французским исследователем Анкетиль-Дюперроном: в 1771 году он опубликовал Авесту на фарси. В 1786 году английский лингвист У. Джонс доказал генетическую связь между санскритом, латинским, греческим и германскими языками. Это положило начало индоевропейским языковым исследованиям. Но за прошедшие с той поры 250 лет происхождение ИЕ и локализация их прародины остаются всё ещё не решённой научной проблемой.

Немецкий исследователь А. Шлейхер (1821-1868 гг.) реконструировал ИЕ протоязык. Его соотечественник О. Шрадер в 1901 году локализовал прародину ИЕ на территории Европы, между Рейном, Дунаем и Днепром, на основании слов, связанных с окружающей средой, в том числе, обозначающих названия диких животных, птиц, деревьев, а также – некоторые топонимы этого региона. Индоиранцев он поместил в Евразийские степи, поскольку в их языках отсутствовали такие слова, как ёлка (сосна), болото и им подобные.

Доказаны реконструкции общего ИЕ языкового древа, распадающегося на отдельные языковые ветви: тохарскую, анатолийскую, индоиранскую, армянскую, греческую, романо-германо-балтийско-славянскую. Сегодня очень популярны работы Дж. П. Мэллори. [Mallory, 1989; 2002]

Голландский лингвист Х. Педерсен (1910 г.) положил начало новому направлению исследований в лингвистике – ностратическому.

В 60-е годы исследования продолжились работами русского исследователя В. М. Иллич-Свитыча. Установлены шесть групп наиболее древних языковых семей: индоевропейская, финно-угорская, семито-хамитская, картвельская, дравидийская и алтайская. Эта новая теория поддержана работами И. М. Дьяконова и московской группой С. А. Старостина. Установлено, что перед тем, как протоиндоевропейцы расселились по Евразии, сино-кавказские языки здесь были уже широко распространены. [Старостин, Дыбо, Мудрак, 2003; Васильев, Милитарёв, 2008]

Американский лингвист М. Сводеш предложил свою концепцию глоттохронологии, или лексической статистики, согласно которой исчезновение слов из базового словаря инвариабельно и 14% слов исчезают за каждую 1000 лет. Но С. А. Старостин доказал, что это не совсем так: скорость дезинтеграции зависит от естественных и исторических причин – в горной местности и на изолированных от внешнего мира островах число разнообразных языков значительно больше, чем в степях, где коммуникации между людьми значительно меньше ограничены. [Svodesh, 1960] [Старостин, 1989]

Однако разброс мнений в среде лингвистов огромен. Например, П. Грэй и К. Аткинсон отнесли процесс распада индоевропейской общности к VII тыс. до н. э., в то время как другие исследователи относят его к III тыс. до н. э. [Gray, Atkinson, 2003] [Dyen, Kruskal, Black, 1992]

Российские лингвисты С. А. Старостин и С. А. Бурлак доказывают, что распад индоевропейского протоязыка имел место в III тыс. до н. э., однако не уточняют где: в Анатолии или в степях Европы. [Старостин, Бурлак, 2005]

В 1980 году два советских лингвиста, Т. В. Гамкрелидзе и В. Вс. Иванов, предложили новую гипотезу о прародине ИЕ. Они разместили её сначала на Кавказе, а позднее – на Ближнем Востоке и в Анатолии, где хетты оставались с III тыс. до н. э., а индоиранцы двигались в государство Миттани, затем через Иран и средне-азиатские пустыни – в степи, а позже другие группы ИЕ – ираноязычные саки и скифы, – пришли в I тыс. до н. э. в Европу тем же путём. [Гамкрелидзе, Иванов, 1980; 1984]

Против этой гипотезы выступил И. М. Дьяконов, который локализовал прародину ИЕ на Балканах и в долине Дуная. Сегодня идея В. Вс. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе отвергается многими в силу следующих причин: [Дьяконов, 1982]

1. Миграция ИИ через бывшую советскую Среднюю Азию невозможна, поскольку пустыня Кызылкумы в III тыс. до н. э. представляла собой большое, труднопроходимое болото, а во II тыс. до н. э. в этих местах развивалась тазабагъябская культура – смесь срубной и андроновской культур. Регулярно имели место миграции срубных и андроновских групп населения с севера, из степей, в Туркменистан и на Индийский субконтинент. [иная аргументация - см.: Александров, 2009] [Виноградов, 1981] [Итина, 1961,1977] [Мандельштам, 1966; 1968; 1977; Кузьмина, 1963; 1971; 2008]

2. Продвижение хеттов по восточному побережью Чёрного моря через Кавказ, предложенное А.-Л. Камменхубер, также было невозможным с точки зрения археологии и условий окружающей среды. Колхидская низменность представляла из себя большое болото из-за колебаний уровня воды в море. Здесь известны небольшие поселения, обнесённые дайками, население которых разводило исключительно коров и свиней. [Джибладзе, 2007]

3. Нет никаких следов миграции хеттов в Анатолию через Дербентский перевал и Кавказские горы, как это предполагал Х. Оттен.

Хеттская миграция в Западную Европу доказывается:

1. Языковой аффиляцией, связывающей их с германцами и италиками;

2. Многими заимствованиями в хеттскую культуру из аборигенного хаттского языка и мифологии.

Независимо, лорд Колин Ренфрю разместил ИЕ прародину в Анатолии, откуда в VII тыс. до н. э. ИЕ мигрировали через Балканы в Европу, распространяя вместе с собой знания по земледелию и животноводству, семена культурных [Renfrew, 1987]

растений и доместицированных животных – овец и коз, упряжки, запряжённые парой быков. Идея заимствования из ближневосточного региона различного рода знаний: по разведению домашних животных, в области сельского хозяйства и изготовлению повозок – вполне справедлива. Но эти знания могли передаваться и без миграций. По этой причине многие исследователи не согласны с концепцией К. Ренфрю.

[Sherratts A. and S., 1988]

Таким образом, нет общего мнения ни о времени, ни о прародине ИЕ и ИИ народов. Есть только один способ решения этой проблемы – в сопоставлении лингвистических и археологических материалов.

За 10 лет III тыс. н. э. археология превратилась из гуманитарной в естественно-научную дисциплину, поскольку сегодня в ней используются данные из многих смежных наук. Это даёт возможность в полном объёме фиксировать всю информацию по древней культуре, реконструировать экологические условия, экономику и их изменения.

[Молодин, 2010]

Общими являются прото-ИЕ слова: для обозначения металла - cuprum; старо-индоарийское ajra, означающее «невозделанное поле, пастбище», и общее протоиндоевропейское слово – «пастбище», а также общие названия домашних животных: овец, коз и свиней (последний термин заимствован из индоарийского, где он обозначает понятие «дикий кабан»).

[Бурлак, Старостин, 2005. С. 24]

В древние времена лошади использовались ИЕ народами в качестве пищи, играли значительную роль в их экономике и мифологии, так же как весла, колеса, двуколки, четырёхколёсные телеги, запряжённые парой быков. Это отразилось и в их астрономических терминах: например, Млечный путь обозначался как «Возничий». Все эти общеиндоевропейские термины позволяют нам локализовать древнюю прародину ИЕ по берегам больших рек и определить роль колёсного транспорта в качестве их мобильного жилья.

[Никонов, 1980]

[Новоженов, 2012]

Изобретение металлургии и земледелия относится большинством исследователей к IX - VIII тыс. до н. э. и совершено на Ближнем Востоке. Однако, проникновение металлургии меди на север Кавказа и в евразийские степи датируется IV - первой половиной III тыс. до н. э., когда появляется бронзовое оружие и начинается процесс милитаризациии общества.

[Авилова, 2011; Погребова, 2011]

Рис. 13. Ближний Восток. 1 – терракотовая модель повозки с восседающим божеством (foto Musee du Louvre); 2 – терракотовая модель фургона, Сирия (foto Allard Pierson Museum, Amsterdam); 3 – колесо из Суз; 4 – модель из Тель Аграба [по Littauer, Crouwel, 1979. Fig. 5, 7]

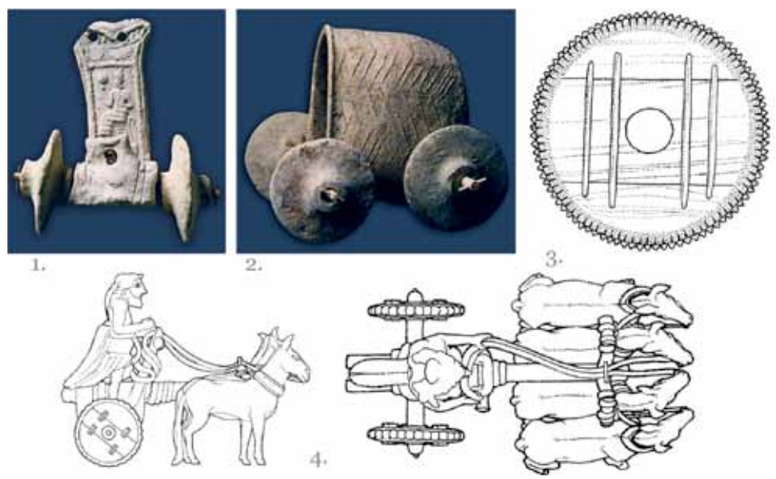


Рис. 14. Анатолия. Бронзовая модель из Алакахуюк (Alacahuyuk) [по Burmeister, 2004. S. 18. Abb. 4]

Колёсный транспорт известен на Ближнем Востоке с конца IV тыс. до н. э., и в течение всего III тыс. до н. э. он широко распространился на юге Центральной Азии, в Хараппе, в Европе, на Кавказе и в евразийских степях.

[Childe, 1951; 1954; Piggot, 1969; 1983; 1992; Littauer, Crouwel, 1979; Кузьмина, 1974; Кони, колесницы..., 2010]

В III тыс. до н. э. в степях сложилось три крупных центра распространения колёсного транспорта:

I. *Бассейн р. Дунай.* Дунайские повозки имели широкие боковины. Они произошли от повозок, использовавшихся в степях.

II. *На территории современного Туркменистана – в культурах Анау и Гонура*. Здесь известны повозки с прямыми боковинами, запряжённые парой быков, но чаще – парой верблюдов-бактрианов. Этот тип повозок распространился из восточной части степей только во второй половине II тыс. до н. э.

[Кузьмина, 1983]

III. *Северный Кавказ.* Здесь использовались два типа повозок: на четырёх массивных колёсах, запряжённые парой быков, и двухколёсные, иногда со сведёнными в виде треугольника концами дышла. Значительное количество повозок обнаружено в курганах новотиторовской культуры. Все найденные здесь типы повозок хорошо известны в степи и найдены в курганах ямной, катакомбной и срубной культур. Это подтверждает старую идею о заимствовании колёсного транспорта с территории Кавказа – в степь.

[Гей, 2000]

Степняки в III - начале II тыс. до н. э. получили с территории Кавказа навыки металлообработки и орнаменты, о чём свидетельствует общая технология их изготовления и спектральные анализы.

[Piggott, 1969; Кузьмина, 1971;Littauer 1992; Погребова, 2011]

[Черных, 1992; Рындина, Дегтярёва, 2002]

Какие сегодня существуют основания для решения проблемы происхождения ИЕ и особенно локализации ИИ прародины?

Рассмотрим четыре гипотезы.

1. Евразийские степи. Предложена О. Шрадером и поддержана М. М. Дьяконовым, которые обосновали локализацию прародины ИИ (и, возможно, также части ИЕ) в евразийских степях. В 1977 году международная научная конференция, на которой присутствовали ведущие советские, индийские, иранские и европейские специалисты, определила евразийские степи как место прародины ИИ.

[Дьяконов, 1967]

[Азимов, 1981; Мерперт, 1968]

Н. Я. Мерперт доказал, что от Днепра до Волги в III тыс. до н. э. активно развивалась ямная культура животноводов. Её носители были хорошо знакомы с особенностями животноводства, разводили большие стада овец, коз, лошадей (только для пропитания) и использовали в своей повседневной жизни телеги, крытые фургоны и двухколёсные повозки, запряженные парой быков или волов. Имеются свидетельства использования ими земледелия, но весьма ограниченные.

[Цалкин, 1970; 1972]

Во II тыс. до н. э. ямную культуру сменяет генетически с ней связанная срубная. В это же время животноводы андроновской культуры осваивают степные просторы от Урала до Западной Сибири, включая всю территорию современного Казахстана.

[Кривцова-Гракова, 1955; Мерперт, 1985]

Связанные со срубной и андроновской культурами племена животноводов обитали также и в южных регионах Центральной Азии. Здесь наряду с животноводством также развивалось земледелие на основе ирригации.

[Грязнов, 1927; Сальников, 1967; Маргулан и др., 1966; Максименков, 1978; Молодин, 1985; Кузьмина, 1994; 2008б]

2. Анатолия – см. выше.

[Мандельштам, 1968; Итина, 1977; Литвинский, 1981]

[Гамкрелидзе, Иванов, 1984]

3. БМАК – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс. В. И. Сарианиди, первооткрыватель и исследователь новой древневосточной цивилизации Гонура, полагает, что её создатели в III – первой половине II тыс. до н. э. были индоариями или древними иранцами.

[Сарианиди, 1990; 2001; 2010]

В дискуссии между В. И. Сарианиди и Е. Е. Кузьминой сторонники этой гипо-

тезы колебались в своих выводах, а Р. Фрай, Д. Энтони, А. Парпола поддержали мою точку зрения.

[Francfort, 1989; Lamberg-Karlovsky 2002]

В 2010 году А. Лубоцкий доказал, что создатели гонурской цивилизации происходили с территории современного Пакистана и говорили на протодравидийском языке.

Антрополог Н. Дубова установила, что некоторые гонурские черепа очень близки хараппским. Таким образом, гипотеза В. И. Сарианиди не выдерживает критики и не актуальна сегодня. Но он прав, когда говорит о сильном влиянии религиозных воззрений гонурцев на степное население, когда они позже пришли на территории современного Туркменистана.

[Дубова, 2010]

4. Катакомбная культура. В 2010 году Л. С. Клейн повторил свою гипотезу о происхождении ариев от населения катакомбной культуры, носители которой в конце III – начале II тыс. до н. э. распространились по степи от Северного Причерноморья до побережья Каспийского моря.

В степных курганах катакомбные могилы зачастую соседствуют с синхронными им ямными погребениями.

Эта гипотеза не может быть принята в силу следующих причин:

1. Происхождение собственно катакомбной культуры до сих пор не выяснено, поскольку её материалы демонстрируют различные влияния европейских культур эпохи бронзы и явные кавказские элементы (имеется в виду: Corded Ware culture – культура шнуровой керамики эпохи бронзы на территории Европы– В. Н.);

2. Нет явной генетической связи с ямной культурой, как в погребальном обряде, так и в керамическом производстве;

[Мочалов, 2008]

3. Металлургия и орнаменты заимствованы с территории Кавказа, но отсутствуют следы сейма-турбинской бронзолитейной металлургии;

4. В экономике животноводов повозки – телеги и двуколки – запряжены парой быков, но нет пароконных колесниц;

5. Невозможность контактов с финно-угорскими племенами, которые обитали на севере Урала (см. далее);

6. Нет никаких следов присутствия катакомбной культуры как в Индии, так и в Иране.

Сегодня, наиболее важную роль в решении проблемы происхождения ИИ имеет анализ материалов следующих археологических культур. Памятники синташтинского типа конца III – начала II тыс. до н. э. обнаруженные в урало-казахстанских степях генетически связаны с андроновскими, а могильники потаповского типа непосредственно предшествуют памятникам синхронной андроновской – срубной культуры, расположенным в степях между Волгой и Доном. Они могут рассматриваться как носители и распространители ИИ языков. (После научной конференции на Аркаиме К. Ренфрю и В. Вс. Иванов изменили свои позиции).

[Генинг, 1979; Смирнов, Кузьмина, 1977; Кузьмина, 1994; 2007; 2008; Генинг и др., 1992; Зданович, 1995; Anthony, Vinogradov, 1995; Anthony, 2007; Koryakova, Epimahov, 2007]
[Васильев, 1995; Васильев и др., 1994; Васильев и др., 1976]
[Renfrew, 2012]

Открытие погребений с пароконными колесницами в Синташте и в памятниках потаповского типа является очень важным, поскольку все боги ИА и ИИ использовали колесницы.

ИИ протоязык является одним из наиболее древних в ИЕ языковой семье, и он сохранился в мифологических древних текстах благодаря поколениям жрецов – rishi, которые устно, в вербальной форме, передавали молодым поколениям эти сакральные тексты, позднее записанные в виде Ригведы и Атарваведы на индоарийском и Авесты – на староиранском. Эти тексты дали основание немецкому исследователю В. Рау, Т. Я. Елизаренковой и В. Н. Топорову для реконструкции экономики и происхождения ИА.

[Rau, 1983; Елизаренкова, 1972; 1999; Топоров, 1995]

Дошедшие до нас письменные источники позволяют сравнить данные лингвистики с археологическими материалами: поселениями и домами, с керамическим производством, с металлургией, с одеждой и, что более важно, с экономикой и транспортом. Ключевые положения, методологию и выводы этой моей книги поддержал И. М. Дьяконов.

[Кузьмина, 1994]
[Дьяконов, 1995]

Лошади распространились в евразийских степях в течение V - III тыс. до н. э., и вместе с ними – культ этого животного, о котором свидетельствуют изобразительные памятники, погребения лошадей Волго-Уральского региона. Это наиболее древние факты использования лошади в культовых целях во всём Древнем мире.

[Кузьмина, 2000]

Синташтинско-петровские пароконные колесницы и их роль в погребальном обряде также являются наиболее древними в Старом Свете, хотя боевые телеги известны на Ближнем Востоке и запрягались эквидами (кунга), а не конями.

[Oates, 2003]

Эти колесницы и бронзовое оружие попали с индоариями в древнее государство Миттанни в XVII в. до н. э. и описаны конюхом Киккули в XIV в. до н. э.

Распространение бронзы, произведённой в уральском и алтайском центрах, где локализован сейминско-турбинский центр металлургии, играло важную роль в укреплении могущества синташтинского и потаповского населения. Для защиты своего металла, лошадей и коров, другой домашней живности, составявших основу их экономики, синташтинские поселения обнесены укреплёнными стенами и защищены. Позже их поселения уже не укреплялись в целях защиты, а количество оружия в памятниках сократилось. Это свидетельствует об изменении ситуации в степи. Андроновское население расселилось по просторам всего современного Казахстана и в юго-западной части Сибири, а срубная культура распространилась до Днепра.

[Отрощенко, 2001]

Перенаселённость и климатические изменения стали причинами миграции части андроновцев, состоявших из разных племен (кланов – В. Н.), которые, должно быть, в XV - XIV в. до н. э. говорили на разных диалектах индоиранского языка. Они двинулись в северо-западную часть Индии. Следы этой их миграции имеются в недавно обнаруженных памятниках Гомала и Свата. Возможно, это были племена дардов или кафиров, хорошо знакомые с конями и колесницами, совсем не известными в хараппской цивилизации, но известными в андроновских памятниках. Материалы этих вновь открытых памятников демонстрируют сходство с андроновской посудой, петроглифами на скалах (особенно впечатляет фигура бога Митры с лучами вокруг головы).

Открытие останков и фигурок коней, двугорбых верблюдов-бактрианов и позднеандроновской посуды в Пираке, в Шортугае и Белуджистане есть яркий факт миграции андроновцев.

[Jarrige, Santony, 1979; Francfort, 1989; Kuzmina, 2007. Fig.91-94;200-105]

Важный аргумент в пользу ИА атрибуции андроновцев – это их связь с финно-угорскими племенами, жившими по обе стороны Уральских гор. Они заимствовали у андроновцев ИА слова, обозначающие домашних животных, термины, связанные с социальной структурой общества, именами их богов: Индрой, Митрой, а также – с культом коня. Кроме того, имеются ИИ термины и слова, заимствованные в палеосибирские языки.

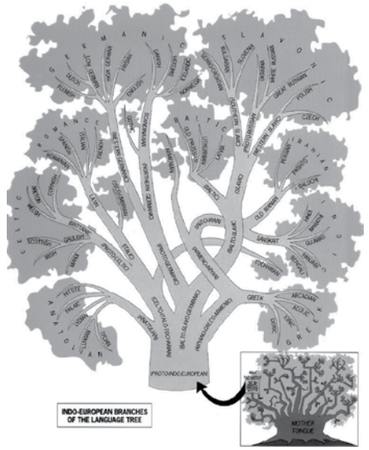
[Хелимский, 1996; Напольских, 1997; ECUIE, 2001; Helimsky, 1998]

Миграция в Иран связана с расселением племен срубной культуры, которые распространились от Волги до Украины. Иранская атрибуция их культуры сохранилась на географической карте в виде названий рек с иранскими топонимами. Экологический кризис, случившийся в 1200 году до н. э., привёл к массовой миграции на территорию Ирана. Один из путей в северо-западный Иран проходил через Кавказ. Следы этой миграции прослеживаются по культовым погребениям лошадей. Возможная дата этих событий – XII - IX вв. до н. э. Соот-

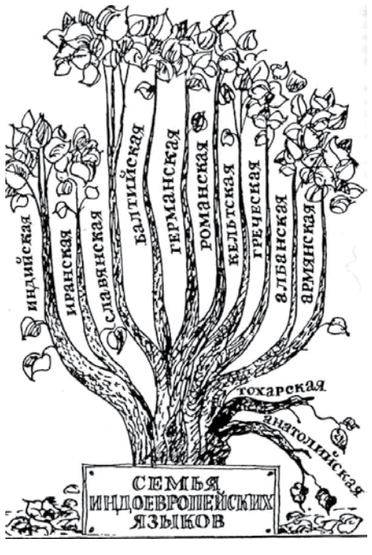
[Васильев и др., 1985; Березанская, 1982; Отрощенко, 1986]

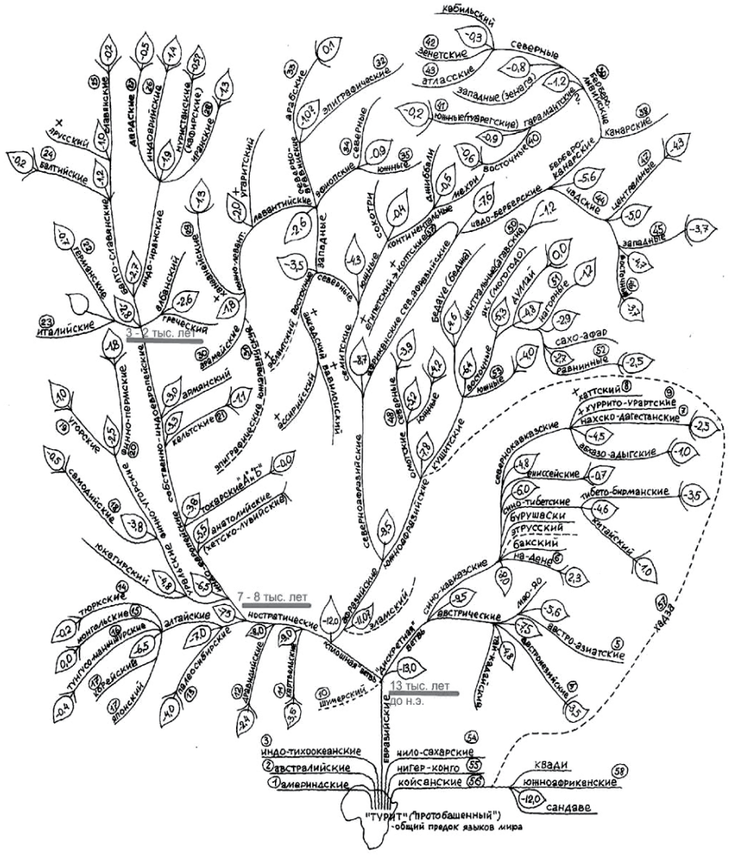
[Топоров, Трубачёв, 1962]

[Грантовский, 1970; 1998]



Традиционно языковые семьи изображаются в виде деревьев, ветви которых обозначают языковые группы и их взаимное расположение и развитие. Заинтересованный читатель сегодня может найти во Всемирной паутине значительное количество разнообразных «деревьев», которые визуализируют концепции лингвистов (см.: например: http://info-graphic.ru/news/derevo_indoevropejskikh_jazykov/2011-07-07-957; http://www.proza.ru/2011/05/25/185)

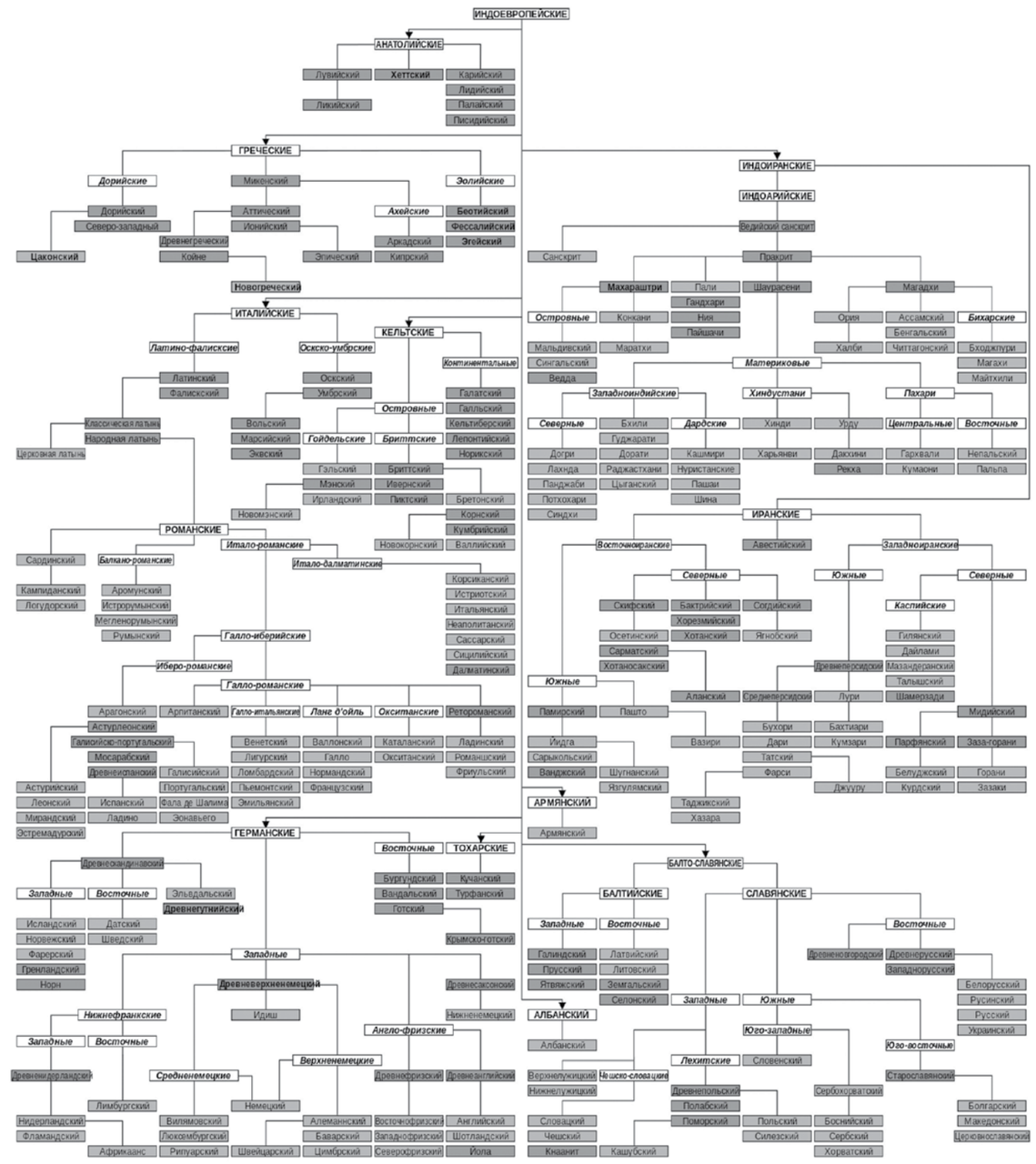




Вверху: Древо языков по И. Милитареву. Выделены хронологические периоды развития индоевропейских языков [Старостин, Дыбо, Мудрак, 2003; Васильев, Милитарёв, 2008]

См.:
http://info-graphic.ru/news/derevo_indoevropejskikh_jazykov/2011-07-07-957
http://s-elena.net/Jazik.htm

Справа: Подробная таблица развития индоевропейских языков и групп.
См: https://ru.wikipedia.org/wiki/



ветственно, культура мигрантов значительно изменилась во время столь длительного маршрута. Другой путь миграции лежал в восточную часть Ирана и доказывается появлением двугорбого верблюда-бактриана и конских псалиев.

[Погребова, 1977]
[Кузьмина, 1983; 2008]

Племена, оставшиеся в степи и не ушедшие в Иран, также были ираноязычными саками и скифами, о чем повествует Гомер, ассирийская, вавилонская и староперсидская письменные традиции.

[Илиада XIII, 4-8]

Антропологические и палеогенетические анализы подтверждают наличие сходных генов казахстанских андроновцев и представителей высших каст в Индии. ■

[Arutunov, 2003; Majundar, 2001; Passarino et al., 1996; Barnabas et al., 1996; Bamshad, 2001]

1.3. Обзор новых концепций

В последние годы наблюдается определённый всплеск интереса русскоязычных исследователей к ИЕ проблематике. Многие археологи понимают, что не все вопросы исторических реконструкций, культурогенеза, прежде всего - применительно к степным социумам, могут быть решены в рамках автохтонного их развития. Этот интерес сконцентрирован на попытках совместить данные разных источников для решения происхождения и определения прародины ИЕ, обоснования трансконтинентальных миграций носителей отдельных АК.

[см. например: Ковтун, 2012. С, 6-16]

[Ковалёв, 2012; Григорьев, 2012]

Л. С. Клейн подробно рассматривает современные воззрения и состояние проблемы поиска ИЕ прародин и на основании двух примеров древнейших миграций – хетто-лувийской и тохарской – ставит вопрос о локализации прародины на просторах Европы. Он выделяет в историографии этой проблемы пять основных гипотез. Далее приведём подробную цитату из этой его работы:

[Клейн, 2012. С. 25-34]
[см.: Zvelebil, 1995. P. 175]

«*I. Север Центральной Европы (из лингвистов – Л. Гейгер, Й. Покорны, Г. Хирт, Ф. Шпехт; из археологов и историков – К. Пенка, М. Мух, Г. Коссина, Г. Швантес)*. За этой гипотезой то преимущество, что прародина расположена в исходном очаге исторических миграций (германцы, славяне), но исторический очаг не обязательно действовал и в доистории, а географически – это край ИЕ ареала.

II. Юг Центральной Европы – Среднее Подунавье, Балкано-Карпатский регион (из лингвистов – Дж. Девото, И. М. Дьяконов; из археологов – П. Босх Жимпера, Х. Хенкен, Я. Маккаи). За этой гипотезой то преимущество, что эта прародина считалась древнейшим центром земледелия, расположена в центральном очаге миграций кельтов и требует минимума миграций для конечного размещения большинства индоевропейских народов на местах их исторического проживания, однако культуры, расположенные в этом очаге, очень отличаются от реконструируемых по языку индоевропейцев.

III. Степи Восточной Европы (из лингвистов – А. Шлейхер, О. Шрадер, Т. Бенфей, Т. Сулимирский; из археологов – Э. Вале, Г. Чайлд, М. Гимбутас, Дж. Мэллори). За этой гипотезой то преимущество, что в числе миграций, требуемых ею, нет самых дальних, ибо прародина располагается в географическом центре индоевропейского ареала, а экология поддерживала кочевой образ жизни, наиболее естественный для миграций. Да и облик этих номадов вроде отвечает языковой реконструкции, и Великое переселение народов шло именно по степям из Азии в Европу. Но то было в конце античного времени, а до того не видать миграций этого населения ни в остальную Европу, ни в Малую Азию. Те миграции, которые можно уловить, шли в противоположном направлении (тохары).

IV. Малая Азия (Анатолия) и Закавказье (из лингвистов – М. Мюллер, Т. В. Гамкрелидзе, В. Вс. Иванов; из археологов – К. Ренфрю, П. М. Долуханов, М. Звелебил). Функционально близка к этому Месопотамия (историк Т. Моммзен). Эта гипотеза позволяет увязать индоевропеизацию Европы с ее неолитизацией и отодвинуть весь процесс на несколько тысяч лет вглубь прошлого. Но опять же пришлось бы признать индоевропейским то догреческое население Южной и Центральной Европы, которое никак не походило на реконструированных праиндоевропейцев.

V. Широкая прародина, включающая всю Европу или ее значительную часть (из лингвистов – Н. Трубецкой, Г. Краэ, В. П. Шмид, С. В. Конча; из археологов – Г.Кюн, К. Яжджевский, Л. Килиан, А. Хойслер, Л. Л. Зализняк). Эта гипотеза удобна тем, что почти исключает необходимость миграций вообще: все сидят испокон веку на своих местах. Но с ней очень трудно объяснить происхождение близких сходств в индоевропейских языках».

[Клейн, 2012. С. 26-27]

Данные лингвистов свидетельствуют об очень раннем отделении от общего индоевропейского «праязыка» хетто-лувийской (анатолийской) и тохарской ветвей. На основании изменения типов керамики баденская культура выводится из линии развития культуры воронковидных кубков (TRB) в Европе и связывается с хеттской миграцией в IV тыс. до н. э. в Анатолию.

Далее автор обращает внимание на наблюдения лингвистов относительно значительного сходства некоторых изоглосс в арийской (индоиранских) и кельто-италийских (КИ) языковых группах, связанных с правителями, властью, государственной структурой и вооружением. Это может означать, что кельты обитали где-то рядом с ариями и заимствовали у них эти термины. Исследователь объясняет эту ситуацию следующим образом: «...с катакомбными культурами III тыс. до н. э. по многим показателям идентифицируются предки индоариев до их вторжения в Индию, со срубными и андроновскими II тыс. до н. э. – предки иранцев, а с ямной культурой конца IV – начала III тыс. до н. э. – общеарийские предки тех и других. Западное крыло ямной культуры, видимо, более позднее – включая начало II тыс. до н. э., отличается от ее восточных групп керамикой, но не отличается курганным способом погребения и подвижным пастушеским образом жизни. Территориально оно заходит в Болгарию, Румынию и Восточную Венгрию – в Потисье. Отсюда ямное население могло совершать набеги на соседние земли Среднего Подунавья, где располагались предки кельто-италиков, и устанавливать над ними власть, обязывать их к дани».

[Клейн, 1980]
[Отрощенко, Вовк, 2001]

[Яровой, 1985. С. 104–109]

[Ecsedy, 1979; Николова, 2000]

[Клейн, 2012. С. 32-33]

Тохарская миграция обосновывается опять же данными лингвистов о заимствованиях индоевропейских – тохарских терминов в китайском языке: «...идеальная «лингвистическая» модель передвижения прототохаров с запада на восток выглядит следующим образом: 1) вторая половина IV (?)–III тыс. до н. э. – возможное соседство с прагерманцами, италийцами (возможно, кельтами), протогреками, балто-славянами, причем вдали от индоиранцев; 2) III–II тыс. до н. э. – обживание территории, населенной неиндоевропейским народом вдали от индоиранцев и предков современных уральских народов, формирование пратохарского; 3) с середины II тыс. до н. э. – контакты на востоке с китайцами и, позднее, с иранцами».

[Клейн, 2012. С. 51]

Как полагают А. А. Ковалёв и Л. С. Клейн, этой модели более всего соответствуют археологические материалы чемурчекской культуры, открытой и исследованной А. А. Ковалёвым и локализованной на границе Казахстана, Китая, Монголии и России - в Восточном Туркестане. Доказывается и трансконтинентальная миграция её носителей из мест первоначального обитания на территории Лангедока во Франции. К числу чемурчекских (тохарских) инноваций, появившихся в Восточном Туркестане, отнесены своеобразные конструкции погребальных сооружений, каменная антропоморфная скульптура и композиции из росписей

[Ковалёв, 2001; 2007; 2011; 2012; 2012а; Чемурчекский культурный..., 2012]

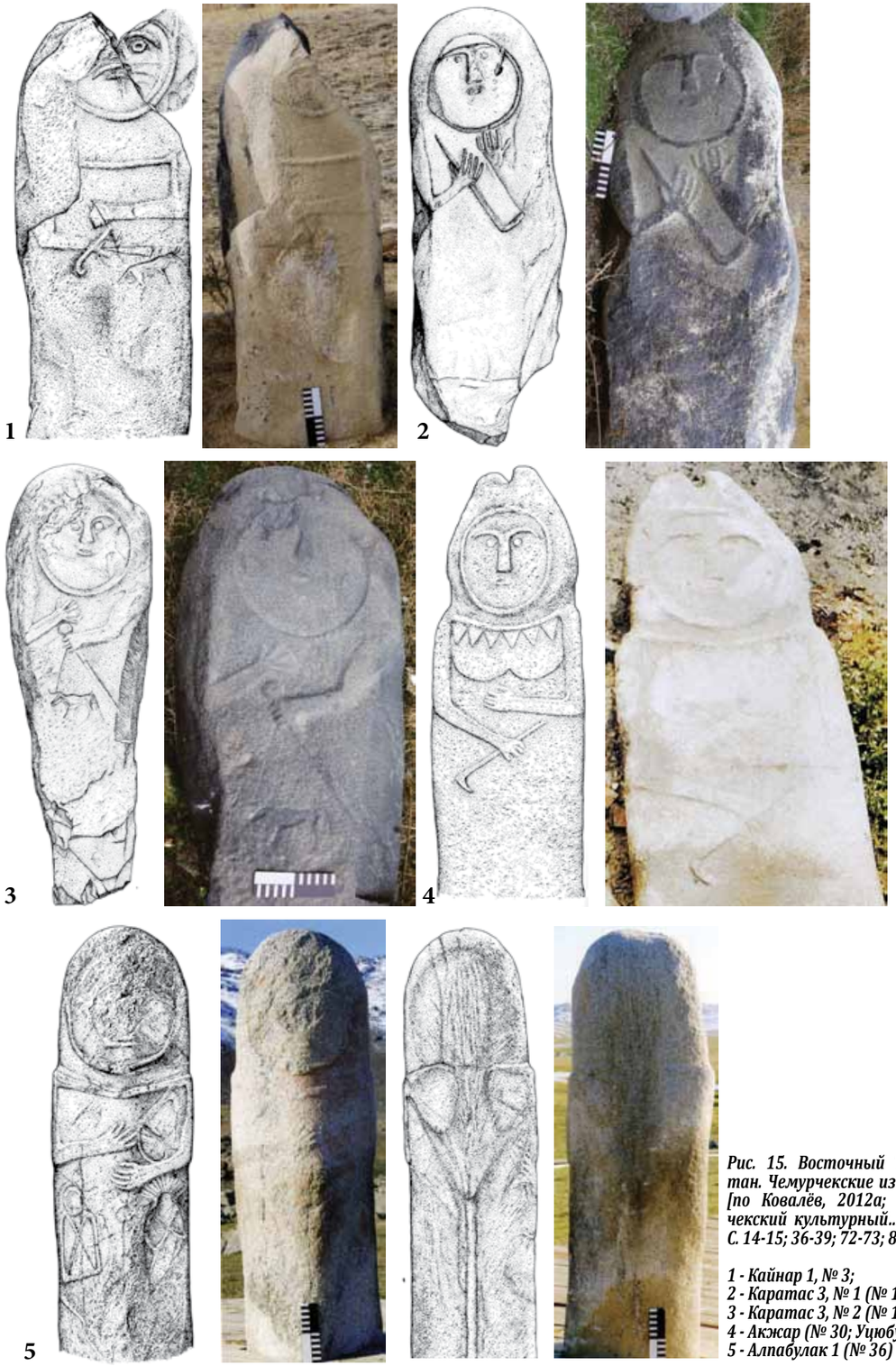


Рис. 15. Восточный Туркестан. Чемурчекские изваяния [по Ковалёв, 2012а; Чемурчекский культурный..., 2012. С. 14-15; 36-39; 72-73; 84-87]

1 - Кайнар 1, № 3;
2 - Каратас 3, № 1 (№ 13);
3 - Каратас 3, № 2 (№ 14);
4 - Акжар (№ 30; Уцюбулак);
5 - Алпабулак 1 (№ 36)

Рис. 15 (продолжение). Восточный Туркестан. Чемурчекские изваяния и рисунки на стенках могил.[по Ковалёв, 2012; Чемурчекский культурный..., 2012а. С. 108, 116-117; 123; 152]

Вверху: 1 - Эрмучан (№ 49);
2 - Ягшийн ходоо 3 (№ 54);
3 - росписи на плитах могил - Ягшийн ходоо 3 и Хух Уздуурийн Дугуй 1

Внизу: Треугольные фестоны на изваяниях и в росписях

1-4 - чемурчекские статуи (№ 37, 6, 30, 4);
5 - плита с росписью из кургана Ягшийн ходоо 3 (№ 54);
6-8 - Пти Шассер (кантон Вале) стелы 10, 20, 5;
9, 11 - стелы из Сежус (Кантабрия) и Пассана (Лерида);
10, 12 - росписи из пещеры Бом Экрит и в гроте Дюма (Департаменты Дром и Вар)

охрой с треугольными фестонами на могильных плитах, формы и орнамент сосудов (керамических и каменных).

Отмечено сходство чемурчекских материалов с елунинскими на Алтае и в Восточном Казахстане, как ранним этапом формирования сейминско-турбинской металлургической традиции, которая, в свою очередь, значительно повлияла на формирование шан-иньской металлургии в Китае.

[Грушин, 2012; Мерц, 2001; 2007; 2010]

Именно благодаря этому обстоятельству произошло заимствование колесничных и строительных терминов в древнекитайском языке, что предполагает атрибуцию части елунинцев и сейминце-турбинцев как тохаров.

В целом предложенная концепция выглядит достаточно аргументированной и может быть принята в качестве рабочей гипотезы. Она предполагает существо-

[Ковалёв, 2012. С. 53-55]

Рис. 16. Копья елунинско-сейминско-турбинского типа [по Грушин, 2012. С. 226]

Наконечники копий преображенского типа (1–3):
1 – Преображенка-6;
2 – р. Чарыш;
3 – г. Омск.
Наконечники копий ростовкинского типа (4–17):
4–10 – Ростовка;
11 – Соузга;
12 – Клепиково;
13–17 – частная коллекция из под г. Омск.
Наконечники копий парфёновского типа (18–20) и кинжалы с сейминско-турбинскими орнаментальными элементами (21–22):
18 – литейная форма с Иртыша;
19 – Устьянка;
20 – Парфеново;
21 – Семипалатинск;
22 – Курейка-III

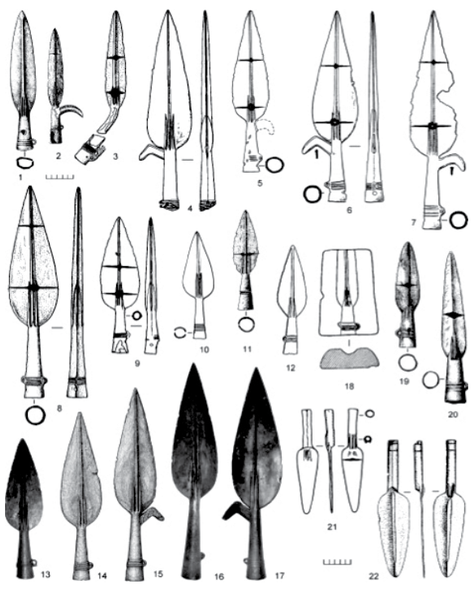


Рис. 17. Китай. Комплекс вооружения и защиты колесничего.
1 – бронзовое копье (эпоха Шан) из Шеньцзюн, провинции Цинхай;
2 – бронзовый топор «цзы» из могильника у деревни Хеджа, могила 1, уезд Цишан (поздняя Шан); 3 – бронзовый декорированный топор из коллекции музея г. Сиань (Западная Чжоу) [Shaanxi Ancient Civilization, 2008. P. 20, 31];
4 – 6 – погребальный комплекс Цин Шихуана: образцы оружия (4); каменные доспехи (5-6); серпы-крюки на оси колесниц (7) [по Цинь Вэнь, 2009. С. 41]

вание очень протяжённого (6500 км) трансконтинентального маршрута, но не объясняет «механизм» такого продвижения. Получается, что чемурчекцы совершили такую продолжительную миграцию неведомым современной науке способом – внезапно осуществили некий «трансконтинентальный перелёт», поскольку никаких надёжных свидетельств использования колёсного транспорта или археологических памятников, трассирующих и картографирующих такой долгий путь на/и в земле пока не зафиксировано.

Справедливости ради отметим, что в материалах чемурчекской культуры найдено погребальное сооружение (мог. Копа), планиграфия которого напоминает форму повозки, что соответствует выделенному нами типу погребений с повозками для погребального обряда «имитации», свойственного для памятников ямно-афанасьевского круга и «стрекалоподобные» предметы, напоминающие гарпуны, крюки, багры или посохи, часто вместе с луками изображенные в руках на некоторых чемурчекских антропоморфных стелах. Такие артефакты обнаружены в многочисленных погребениях западных синхронных евразийских степных памятников в явном колёсном контексте (см.: подробнее в след. главе). Быть может, со временем количество таких свидетельств возрастёт. Что касается оставленных на этом пути археологических памятников, то, возможно, они пока ещё не найдены либо эта миграция была такой быстрой и малочисленной по историческим мерками, что не оставила после себя никаких материальных свидетельств.

[Ковалёв, 2007; 2011; Чемурчекский культурный… , 2012. С. 33-34]

[Новоженов, 2012. С. 157-185]

[Ковалёв, 2012а. С. 14-15, 36, 72, 108, 116-117]

Вероятность именно таких «быстрых» миграций допускает, например, С. А. Григорьев. Исследователь определяет миграции на юг Урала как один из важных компонентов культурогенеза местных племён. К числу таких местных инноваций, появившихся в регионе в результате миграций, он относит мегалитическую традицию (III тыс. до н. э.) и комплекс синташтинских памятников (нач. II тыс. до н. э.). При этом автор сравнивает не просто отдельные вещи или постройки, а рассматривает их комплексно, на уровне сложившихся традиций. Так, мегалитические сооружения на уральском озере Веры находят комплексные соответствия в двух регионах – в Северной Европе (хенджи) и в Восточном Средиземноморье, где сходные дольмены сочетаются с менгирами.

[Григорьев, 2012. С. 40-49]

[Григорьев, 2012. С. 43]

Представляется, что наличие двух импульсов – «южного» и «северного» в распространении мегалитической традиции с менгирами по всему континенту вплоть до Южной Сибири, Ордоса и Монголии вполне вероятно и может совпадать с ранними каналами распространения древнейшего колесного транспорта. Более того, «северная» миграция позволяет объяснить появление на Урале и на севере Казахстана необычной традиции – возведения геоглифов – найденного здесь, например, на склоне горы огромного изображения лося.

[Григорьев, 2012а. С. 30-36; http://www.foxnews.com /science/2012/10/12/]

Что касается памятников типа Аркаим-Синташта, то их появление в уральских степях автор связывает с миграцией населения из Анатолии и аргументирует её сходством «круглоплановых» городищ; вещевого комплекса, включая колесничий; конкретных металлургических навыков и погребального обряда.

[Григорьев, 1999; 2012. С. 41]

Предложенная аргументация выглядит убедительно, однако неизбежно требует детализации. На каких транспортных средствах эта миграция могла произойти? Если на пароконных колесницах, известных в синташтинских погребениях, то тогда требуется доказать хронологический приоритет анатолийских колесничных находок и наличие там обученных колесничных лошадей.

Известная и уже значительная серия степных колесниц донно-волжского регио-

на и урало-казахстанских степей обнаружена не только в синташтинских, но и петровских, алакульских и других памятниках андроновского типа и имеет хорошую серию очень ранних радиоуглеродных калиброванных датировок (рубеж III-II тыс. до н. э. – XVII в. до н. э. – см. далее). Синхронизация их с ближневосточными (анатолийскими) находками пока представляется достаточно проблематичной. Сам маршрут предложенной миграции через кавказский регион вызывает некоторые сомнения в силу развитой и яркой собственной кавказской металлургической традиции с уже сложившимися ранее взаимосвязями со степным населением и не противоречит представлению о возможном «южном» пути такой синташтинской миграции из Анатолии по южному берегу Каспия, через Туран (Западный Туркестан - БМАК) и казахские степи - на Южный Урал. ■

[Новоженов, 2012. С. 278-286]

[Кореневский, 2011; Бочкарёв, 2012]

А. В. Епимахов
1.4. К оценке свидетельств дальних связей в эпоху палеометалла

Системы коммуникации играют важнейшую роль в историческом процессе, включая все аспекты функционирования социумов (экономический, социальный, идеологический и пр.). Несмотря на всеобщее признание важности этой проблематики, конкретные разработки крайне малочисленны и, как правило, касаются конкретных периодов и территорий. Для бесписьменных обществ ситуация выглядит особенно плачевной, поскольку коммуникации находят только косвенное отражение в археологических и лингвистических материалах. В этой связи актуальность темы несомненна, в том числе и в части разработки методологии такого рода исследований. Вне изучения системы коммуникаций не могут быть правильно оценены и поняты особенности генезиса культур и этнических групп.

[Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к тематике диссертационных исследований последних лет]

При рассмотрении крупномасштабных событий и процессов бронзового века Евразии (начиная минимум с рубежа IV–III тыс. до н. э.) невозможно ограничиться «традиционными» объяснительными моделями (эволюция, миграция, заимствование и пр.). Лишь отчасти это связано с региональным (а часто узко региональным) характером исследований. Увеличение массы информации о результатах раскопок в сочетании с нарастающей мультидисциплинарностью исследований сужают территориальные рамки, хотя реконструкция целого спектра ситуаций и процессов настоятельно требует взгляда «сверху». Одним из возможных выходов может стать использование концепции глобализации с некоторыми доработками.

Концепция мировой системы и прямо связанная с ней проблема глобализации вошла в число широко обсуждаемых начиная с 1970-х гг., в связи с работами И. Валлерстайна и его последователей. Мир-система в классическом понимании характеризуется наличием границ, структуры, правил легитимации и внутренней соподчиненностью. Она ориентируется на самовоспроизведение, основанием которого является широкое разделение труда, культурное многообразие, динамика развития по преимуществу имеет внутрисистемный характер. Если основатель концепции сформулировал ее основные положения применительно к событиям мировой истории последних 500 лет, то его последователи достаточно быстро попытались расширить хронологические рамки. Действительно, трудно поверить, что столь масштабные феномены, как миры-империи или миры-экономики, могли сложиться в короткие сроки. Столь же реалистичным кажется предположение о наличии промежуточных этапов в

[см.: Wallerstein, 1974 и др.]

сложении этой суперсистемы.

Если на первом этапе разработчиками теории были предложены две альтернативные формы ее воплощения – объединение по экономическому и политическому принципу, то сегодня чаще фигурируют более сложные конструкты (табл. 1). Противопоставление экономической (децентрализованной) и политической (централизованной) форм вряд ли применимо к обществам менее сложным, чем государства, хотя связывающие их коммуникации часто настолько протяженны и сложны, что могут быть сопоставлены не только с мини-системами Валлерстайна, но и с мир-системами.

[Гринин, 2011. С. 80–83]

[Вариант пространственного деления сформулирован рядом авторов: Chase-Dunn, Hall, Turchin, 2007. P. 135–136 и др.]

Далее под глобализацией мы будем понимать охват экономическими, политическими, социальными и культурными взаимоотношениями всего человеческого сообщества. Естественно, что на этапе становления в этот процесс были вовлечены гораздо меньшие по масштабу коллективы либо группы коллективов. Столь же очевидно, что темпы формирования каждой из составляющих глобализации, несмотря на взаимосвязь и взаимообусловленность, существенно различались.

[Бондаренко, 2005]

[Bintliff, 1997; Kristiansen, 1998 и др.]

Примеры рассмотрения археологических материалов под обозначенным углом зрения имеются в литературе, хотя в большинстве своем они ориентированы на выявление экономических связей между государствами и негосударственной периферией. Имеются примеры исследований, связанных с Европой, Передней Азией, Индостаном, Китаем, Центральной и Южной Америкой и пр. Куда меньшим числом представлены работы, посвященные древней истории Северной Евразии.

[Frank, 1993; Chase-Dunnet al., 2007. Перечень работ столь обширен и географически, и тематически, что аналитические обзоры насчитывают сотни работ (см., например: Hall, Kardulias, 2011]

С нашей точки зрения, происхождение глобализации в этой зоне неразрывно связано с эпохой бронзы, и связь эта носит закономерный характер. Речь идет о кардинальном изменении всей общественной системы. Главным звеном этого процесса стало поэтапное утверждение новых форм экономики. При оценке уровня развития производительных сил не вызывают сомнения усложнение их структуры, повышение производительности труда и трансформация способов взаимодействия с природой. Новая система подтвердила свою способность к внутреннему развитию, территориальному распространению, заимствованию

[Chernykh, 1992; Рындина, Дегтярева, 2002; Kohl, 2007; Kristiansen, 2007; Черных, 2008; Новоженов, 2012 и др.]

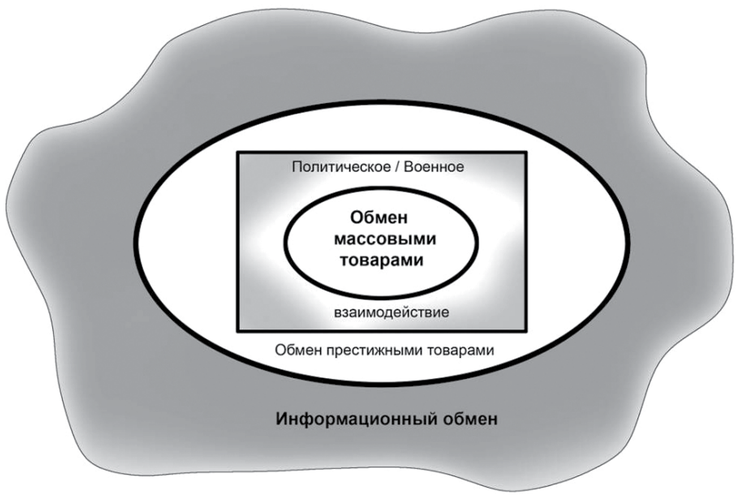


Таблица 1. Зонирование мир-системы [по Chase-Dunn, C., Hall, T. D., Turchin, P. Op. cit. Fig. 1]

достижений извне без коренной трансформации. Она обеспечила некоторый излишек благ и, тем самым, возможность возникновения и устойчивого существования достаточно сложных социальных, культурных и политических систем. Как показала история региона, процесс был комплексным, системным и необратимым и в этом смысле может быть определен в терминах аграрной революции.

Бронзовый век характеризуется массовым формированием комплексных обществ, куда входят не только государства, но также огромное разнообразие масштабных по демографическим параметрам и территориальному охвату социумов, не сформировавших государственных систем. Впервые складывается система зонирования «государства – догосударственная периферия». Для аридной зоны перспектива создания государственности (в ее классическом понимании), видимо, отсутствовала в силу ряда причин, детерминированных, в конечном итоге, особенностями экологической ниши и достигнутым уровнем развития производства. Речь идет о системе жизнеобеспечения, которая на протяжении III–II тыс. до н. э. базировалась почти исключительно на комплексном животноводстве. Во всяком случае, для Урала и сопредельных территорий этот тезис подкреплен многочисленными специальными исследованиями.

[Гринин, 2006. С. 38]

[Епимахов, 2010; 2012 и др.]

Именно для этого времени улавливаются с разной степенью уверенности разнохарактерные дальние связи, реконструируются миграционные потоки. Археологических фактов такого рода накоплено достаточно, хотя они и рассеяны по огромным пространствам и некоторые из них воспринимаются как случайные. Гораздо сложнее уяснить причинные механизмы. К числу широко тиражируемых относится тезис о «металлургической» обусловленности дальних связей и миграций, а также о формировании «элитного» комплекса, ориентированного в своих стереотипах и атрибутике на аналоги вне социума. Скорее всего, оба утверждения состоятельны, чему прямым подтверждением служит намечающаяся синхронность основных этапов периодизации бронзового века в рамках евразийского ядра.

[Епимахов, 2010; Рябогина, Иванов, 2011; и др.]

В реальности на сегодня мы не располагаем возможностью оценить скорость распространения и направления технологических и других новаций. Отображением такого положения можно считать попытки терминологически выйти за рамки концепции археологической культуры путем объединения групп культур в рамках культурно-исторических общностей (областей), металлургических провинций, блоков и горизонтов культур.

[Епимахов, 2010. С. 17–18. Аргумент синхронизации использован и другими авторами (см.: Гринин, 2011. С. 86)]

Мы далеки от мысли, что глобализация – универсальная объяснительная модель, однако ряд фактов позволяет предполагать продуктивность ее применения. Вне такого признания трудно, если вообще возможно, объяснить упомянутую скорость распространения культурных стереотипов, направление миграций, возникновение и поддержание огромных по масштабам общностей. В целом ряде случаев, несмотря на наличие общих черт, трудно предполагать этническое родство социумов.

[Для некоторых общностей бронзового века уже высказано предположение об идеологической основе единства. Это касается, прежде всего, ямной и срубной общностей, характеризующихся огромным территориальным размахом и унификацией обрядовой практики (см.: Иванова, 2001; Горбунов, 2006 и др.)]

Возвращаясь к вопросу о различиях в темпе сложения составляющих процесса глобализации, полагаем, что экономические связи охватывали не весь спектр хозяйственной деятельности. Для эпохи бронзы производство металла, тесно связанное с идеологической сферой и престижным потреблением, несомненно, входило в число наиболее ранних компонентов наряду с некоторыми «экзотическими» продуктами. Трудно предполагать наличие и полноценных политических институтов для рассматриваемой территории, даже если исходить из неиерархического пути политогенеза. Скорее можно усматривать за имеющимися археологическими материалами сеть горизонтальных связей,

[Зайков, Юминов, Ткачев 2012]

поддерживаемых не столько экономическими стимулами, сколько культурными и идеологическими. В свою очередь, эта сеть была опосредованно связана с цивилизационными центрами. Прямых свидетельств такой связи немного, хотя они стабильно привлекают к себе внимание исследователей – колесничный комплекс, некоторые категории оружия и украшений, параллели в обрядовой практике и др. В этой связи рассмотрение описываемой ситуации как системы «центр (ядро) – периферия» представляет определенные трудности. К тому же приходится иметь в виду лакуны в наших представлениях о социумах, обусловленных принципиальной неполнотой археологических источников.

[см.: Гринин, 2009]

Таким образом, прямое приложение выработанных для зоны первичных цивилизаций критериев и моделей кажется не слишком продуктивным. Для Северной Евразии маловероятен обмен «массовыми товарами» (хотя перемещение ресурсов, особенно медьсодержащих руд, явно имело место. Роль именно военной элиты в формировании культурных стереотипов и поддержании дальних связей (в том числе и за счет престижного обмена) неоднократно отмечалась разными исследователями. По этой причине именно она стала центральным звеном (табл. 2) в возникновении локальных мир-систем, масштабы и динамику функционирования которых нам еще предстоит уяснить.

В целом, для данных обществ характерными чертами является синкретизм структур, отсутствие выраженной дифференциации и идеологическая окрашенность всех сторон жизнедеятельности, включая обмен технологической информацией и «престижными товарами». Полномасштабному включению Урала в мир-систему предшествовал длительный период его поэтапного приобщения к исторически первой Афроевразийской мир-системе, начало которому положено на старте эпохи палеометалла. Этот процесс не был линейным и однонаправленным, поскольку кардинально неоднократно менялись не только интенсивность, но направления внешних связей. ■

Таблица 2. Зонирование мир-системы для безгосударственных обществ

1.5. Метод

Применительно к древним сообществам степных животноводов Евразии имеются некоторые особенности: в отличие от классической схемы обменов и миграций, когда оседлый, ориентированный на земледелие социум выстраивает географически фиксированную карту своих коммуникаций с другими сообществами, – подвижные, ориентированные на животноводство социумы формируют «мобильную» карту таких внешних, постоянно изменяющихся коммуникаций, зафиксировать которую оказывается значительно сложнее как в силу специфики их хозяйства и образа жизни, так и в силу отсутствия достаточного количества источников, документирующих этот процесс.

В дописьменный период степная АК, применительно к мобильным животноводам, является понятием достаточно условным, атрибутом профессионального словаря археологов и отражает своеобразие массовых артефактов материальной культуры: керамики и ее орнаментации, предметов ремесла, вооружения, охоты, погребального обряда, характерных для определенной территории (экологической ниши).

Иными словами, любая АК, выделенная в степных регионах, в силу своих естественных ограничений и малочисленности других видов источников информации, фиксирует только незначительную часть артефактов и данных, сохранившихся до наших дней в древних могилах и очень редких поселениях. Общий объем получаемой информации о реальной жизни древних социумов ограничен.

Как только мы выходим на новый этап в процессе познания – пытаемся выйти на уровень реконструкции исторических процессов по археологическим материалам или в данном случае – реконструкции древнейших каналов коммуникации, приступаем к решению вопросов древнейших миграций, процессов этно- и культурогенеза, мы неизбежно сталкиваемся с этими естественными ограничениями понятия «степная археологическая культура». Многие стереотипы и исторические конструкции, основанные на этом понимании, часто вступают в противоречие с данными смежных наук. Иногда они не согласуются с данными древних письменных источников. Яркий пример – многолетняя (более двух сотен лет!) дискуссия о локализации индоевропейских прародин на карте Евразии.

При реконструкции путей древнейших коммуникаций «инокультурная» вещь, найденная в археологическом комплексе, не может быть достаточно надежным индикатором этнокультурных контактов и их направленности, а тем более – миграции, поскольку остаются неясными условия ее появления: либо она появилась в результате торговых обменов, либо – брачно-семейных отношений, либо – военной экспансии, либо – грабежа чужих могил и т. д.

Традиционные, иррациональные особенности степных АК наиболее близки этнической идентичности древних степных социумов. В узком смысле – это артефакты, определенно связанные со сложившимися в социуме традициями и культовой деятельностью, в широком – особенности погребального обряда, изобразительная традиция, мифотворчество, некоторые инновации, изобретения, технологические навыки (литье бронзовых предметов в формах, изготовление деталей повозок, умение приручить быка, верблюда, лошадь и т. д.). В той или иной мере эти виды деятельности связаны с ритуалами, отражающими какие-то определенные мифологические (шире – культурные, идеологические) представления. Указанные особенности, как правило, рассматриваются исследователями автохтонно, локально и применительно к отдельно взятым АК.

Представляется, что факт внешней коммуникации и возможная миграция ИЕ социумов имеет место, когда существует объект, стимулирующий такую миграцию, а именно: поиск новых пастбищ для скота или, например, присадок для производства металлических орудий или гончарной посуды, а также других предметов повседневного спроса. Специфика ИЕ миграций состоит в естественном освоении обширных новых территорий континента прежде всего как пастбищ для домашних животных, воспроизводство поголовья которых, в свою очередь, есть залог развития и процветания этих социумов. Такая естественная и гармоничная модель территориального расселения ИЕ социумов, чаще совсем и не похожая на миграцию, а, скорее, подобная классическому кочевью, наиболее полно соответствует накопленным сегодня археологическим данным. Нет оснований рассматривать этот процесс как военную и агрессивную экспансию и захват чужих территорий со всеми ужасами насильственной ассимиляции и геноцида.

Природно-географический фактор является определяющим в процессе самой миграции в лесостепи, степи, полупустыне – основных ландшафтах континента, где проходили маршруты ИЕ кочевий. Наличие воды и достаточного количества кормов для домашних животных определяют «механизм» освоения новых целинных степных пространств – по берегам, вдоль бассейнов многочисленных протекающих на этих территориях речек.

Очевидно, что такая миграция ИЕ кланов стала возможна в тех случаях, когда в повседневной практике активно используются специально изобретенные технические средства:

– повозки и прежде всего крытые четырёхколёсные фургоны – мобильные жилища на колесах, позволившие осуществить такое передвижение и являющиеся сами по себе технологической инновацией в сочетании с соответствующим комплексом вещей и явными достижениями в процессе доместикации упряжных или верховых животных;

– комплекс инновационного оружия и соответствующих навыков его использования, превосходящий по своей эффективности существующие ранее системы.

Такая миграция есть следствие определенной тенденции исторического развития, в которой присутствует комплекс внутренних и внешних причин, ее обусловивших:

- стремительный рост численности населения – демографический взрыв;
- увеличение поголовья скота как следствие благоприятных природных условий;

На уровне полевой фиксации в археологических комплексах и АК свидетельства миграций представлены:

- «инокультурными» вещами с их максимальным визуальным, типологическим и технологическим сходством между собой;
- ландшафтным, топографическим и структурным сходством базовых элементов удаленных территориально археологических объектов и комплексов;
- «транскультурными» инновациями - явными и похожими фрагментами традиций и/или ритуалов, зафиксированных в особенностях погребального обряда и других видимых свидетельствах культовой активности социума;
- в антропологическом сходстве населения.

На уровне исторических и этнокультурных реконструкций также должен быть определен «message» коммуникации: выявлены конкретные особенности погребального обряда и структурные элементы – образы-знаки этой коммуникации, существенные элементы мифологических представлений, а также их сочетания.

Перечисленные признаки миграции достаточно легко формализуются и

[ср.: Клейн, 2000а; 2012а; 2013]

могут быть представлены в количественных значениях при комплексном анализе степных АК, оценке их степени готовности к такого вида коммуникациям.

Представляется вполне нормальным на современном этапе исследований, что любая вновь сгенерированная концепция древней миграции, основанная даже на самом детальном анализе и сходстве археологических материалов, всегда будет предметом острых дискуссий и основанием для происхождения новых и новых вариантов реконструкции исторических процессов и новых вариантов возможных исторических реальностей. В этих условиях целесообразно использование терминов «коммуникации», «каналы коммуникации», которые более нейтрально характеризуют взаимосвязи различных социумов и описывают совокупность как внешних, так и внутренних их взаимовлияний и связей, включая в себя и собственно миграции, импульсы возможных культурных (этнических) взаимодействий и другие виды самоидентификации социума.

По мере накопления наших знаний многие из указанных выше признаков миграций и возможных коммуникаций неизбежно будут конкретизированы и найдут обоснованное выражение в будущих реконструкциях древнейших периодов истории. Более того, никогда нет гарантии, что социум, совершив единожды длительную миграцию в одном направлении, не мигрировал через какой-то период времени в обратном, – совершая цикл миграции на свою исходную прародину. ■

Распространение колёсного транспорта: модель «кочевой» прародины

Глава 2

2.1. Древнейшие регионы распространения колеса

В литературе о колесных повозках имеются два объяснения их происхождения: от саней происходит четырехколесная повозка, а от волокуши – двухколесная. Стремление к облегчению процесса перемещения грузов – побуждающая причина эволюции. Подкладывание под платформу с грузом круглых бревен – первый шаг к колесной повозке. Следующий этап – фиксация этих двух бревен под платформой. Такое развитие представляется более естественным, чем желание подкладывать бревна под нижние концы волокуши. Двухколесная повозка развивалась как облегченный вариант тяжелой двухосной телеги.

[Littauer, Crouwel, 1979. P. 8-12; подробнее – Новоженов, 2012. С. 123-185]

Самые древние свидетельства применения катков в сочетании с санями присутствуют на пиктограммах из Урука (рис. 18). В первой половине II тыс. до н. э. в Закавказье появляются А-образные повозки, которые могут быть соотнесены с волокушей. Новая находка А - образной двуколки (рис. 19) в 32-м погребении Большого Ипатовского кургана катакомбной культуры, датированной серединой III тыс. до н. э., позволяет значительно удревнить время появления этого типа повозок в Предкавказье.

[[Piggott, 1968a. P. 289; Littauer, 1977. P. 260]

[Большой Ипатовский курган..., 2007]

Если прогресс в развитии конструкции тяжелых четырехколесных экипажей-телег (рис. 20) свёлся в основном к изобретению крытого мобильного жилища-фургона с передней поворотной осью и использованию более легких типов колеса, то одноосные повозки-двуколки развиваются в легкие, маневренные экипажи – колесницы, представительские повозки с оглоблями, представляющие собой совокупность самых передовых технологических достижений того времени, или в грузопассажирские повозки вроде арбы.

Зафиксированы свидетельства сцепки друг за другом двухколёсных повозок, чаще всего – А-образного типа, представляющей в таком варианте четырёхколёсную телегу с поворотной передней осью (рис. 21), что значительно

[Новоженов, 1994; 2012. С. 220-300; Jacobson-Tepfer, 2012. P. 1-28]

облегчало маневрирование такой повозки на пересечённой местности и расширяло сферу их практического применения. Повозки этого типа зафиксированы в Скандинавии, в Средиземноморье, в Казахстане, Южной Сибири, в Монголии.

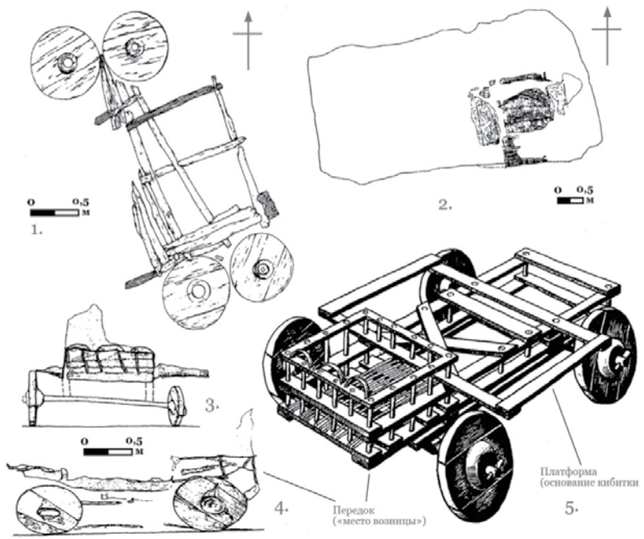


Рис. 20. Реконструкция новотиторовской повозки, выполненная по находкам из могил 150 и 160 кургана 1 могильника Останий [Гей, 1991. Рис. 3, 6; Гей, 2000. С. 185. Рис. 55].
1 – могильник Лебеди I 2/116, нижний горизонт расчистки повозки; 2 – Малаи I 9/25, верхний горизонт расчистки повозки; 3 – Останий 1/150, вид с севера или спереди на повозку 1; 4 – то же, вид с востока; 5 – реконструкция повозки (без циновки-настила и кибитки)

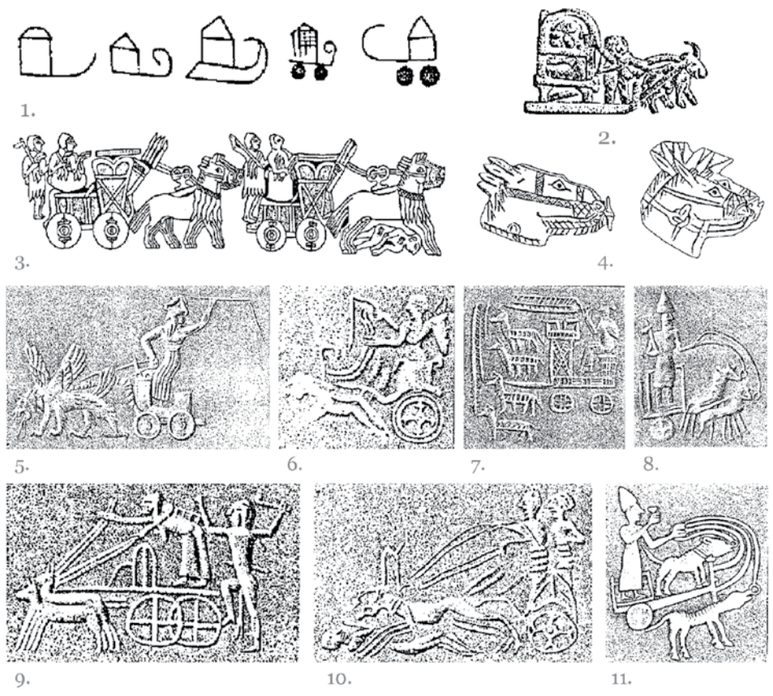


Рис. 18. Ближний Восток [Littauer, Crouwel, 1979. P. 8-21].
1 – Урук IVa, пиктограммы на глиняных табличках; 2 – каменная плитка, Лондон, Британский музей, N 128858; 3 – деталь «Штандарта из Ура», Лондон, Британский музей, N 121201; 4 – Мари, деталь панно, Париж, Лувр; 5 – деталь цилиндрической печати, Нью-Йорк, Музей Метрополитен, коллекция Моргана N 230; 6 – деталь цилиндрической печати, Оксфорд, Музей Ашмолиан N1920.25; 7 – деталь отпечатка цилиндрической печати, Париж, Лувр, коллекция Клера, N 284; 8 – деталь отпечатка цилиндрической печати, Нью-Йорк, Музей Метрополитен, N66.245.17в; 9 – деталь цилиндрической печати, Париж, Национальная библиотека, N 480; 10 – деталь цилиндрической печати, Йель, Вавилонская коллекция Невила, N 343; 11 – Карум II, Культепе, деталь отпечатка цилиндрической печати

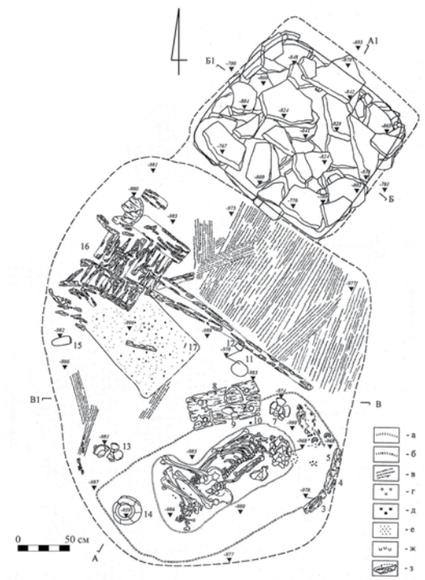
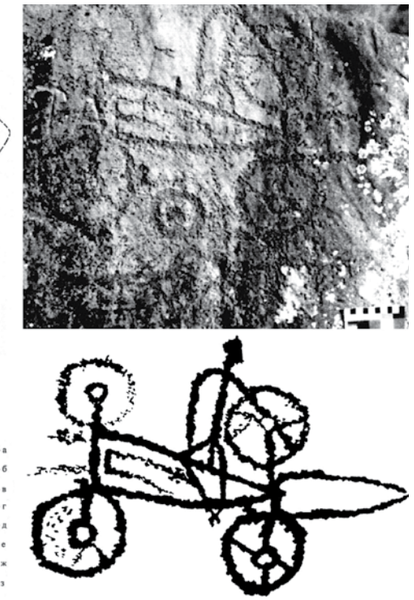


Рис. 19. Предкавказье. Большой Ипатовский курган. Погребение 32. План погребения. Двуколка А-образной формы. Середина III тыс. до н.э. [Большой Ипатовский..., 2007]



Южная Сибирь. Могильник Есино 5. Изображение сочленённой телеги. Фото и прорисовка [Савинов, 2002а. С. 27-30. Рис. 2]

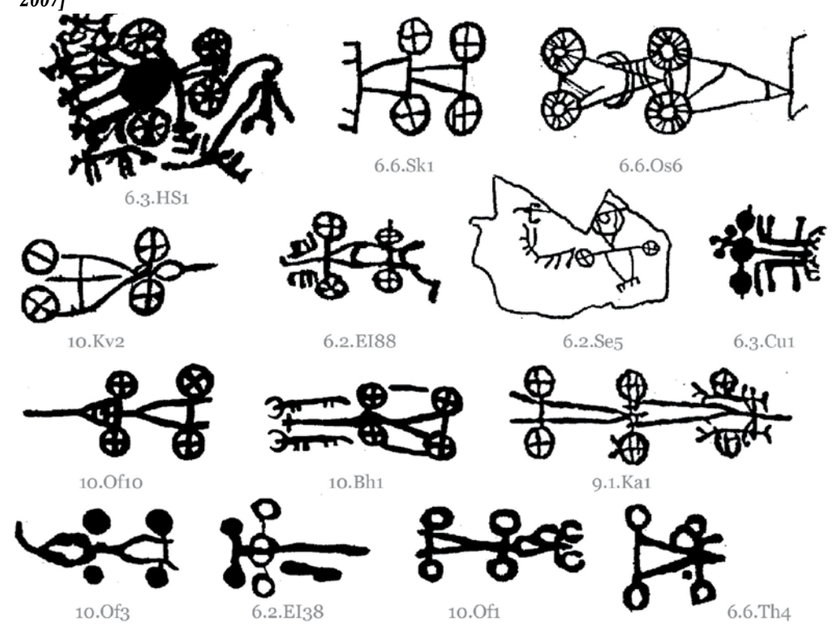


Рис. 21. Сочлененные телеги Евразии [Новоженов, 2012]

Совершенствуется система управления разными видами упряжных животных: волов, верблюдов, лошадей; появляются новые типы псалиев и удил , специально приспособленных для управления парой лошадей, – принципиально новые системы упряжи; разрабатываются новые технологии для изготовления прочных и надежных деталей повозок.

Конструкция повозок напрямую зависела от вида использованных в ней упряжных животных. Все самые передовые достижения в области изготовления и применения колёсного транспорта сконцентрировались в изобретении на рубеже III-II тыс. до н. э. пароконных колесниц, свидетельства применения которых обнаружены в различных регионах Евразийского континента (рис. 22; 23).

2.1.1. Шумер: повозки обнаружены в Кише, могильник «Y», могилы 237, 357, 529, и в Уре, в царском некрополе, могилах 580, 789, 800. Исследователи этих комплексов отмечали высокий уровень мастерства изготовителей повозок. Ре-

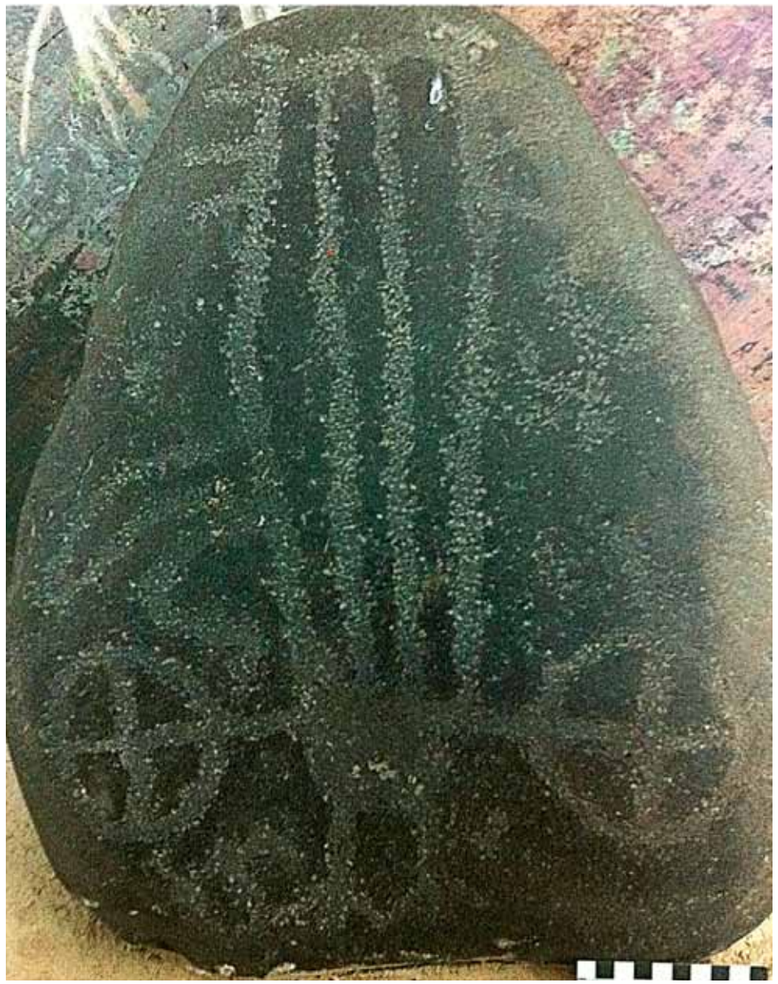
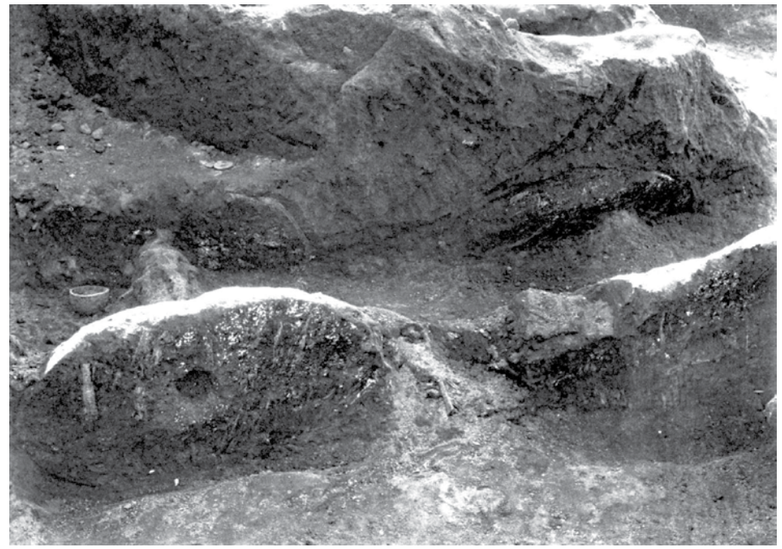


Рис. 22. Южный Казахстан. Хребет Каратау. Валун с изображением выбитой мелкоточечной техникой пароконной колесницы. Музей археологии РГП «Ғылым Ордасы» в г. Алматы

конструкция одной повозки с изогнутыми прутьями над платформой и высоким передком позволяет предположить установку в могиле фургона, запряжённого парой быков. *[Woolley, 1934; Кожин, 1982. С. 48-52]*

2.1.2. Элам: могилы с повозками N 280, 322 в могильнике Донжон в Сузах содержали совместно с остатками повозок фрагменты керамики с изображением крытой телеги. Датировка большей части эламских могил с повозками определена в пределах Раннединастического периода (РД) IIIа, что соответствует по «средней» хронологии 2723-2600 гг. до н.э., по «короткой» – 2500-2400 гг. до н.э. Могилы в Кише, так же, как модели фургонов и двуколок из Тель Хуэйры и Алакахуюка в Анатолии датируются РД II периодом, что еще больше удревняет возраст выделенных типов повозок. Тема изучения многочисленных глиняных моделей региона представляется очень перспективной и требует отдельного исследования. Уже выделены девять основных типов таких повозок, как двух- *[Littauer, Crouwel, 1979. P. 16]*



Ур. Остатки четырехколесной телеги в раскопе [Wooley, 1934. Pl. 33]

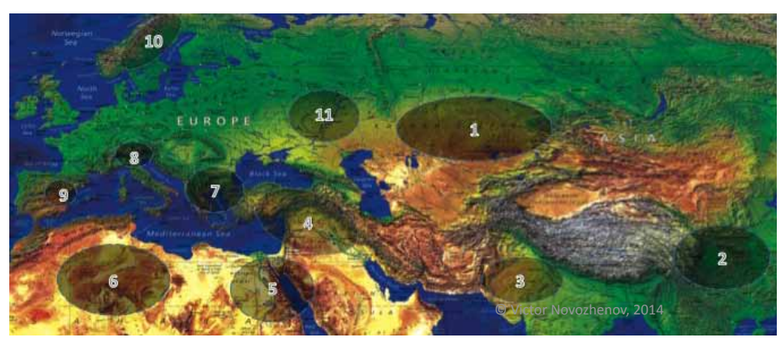
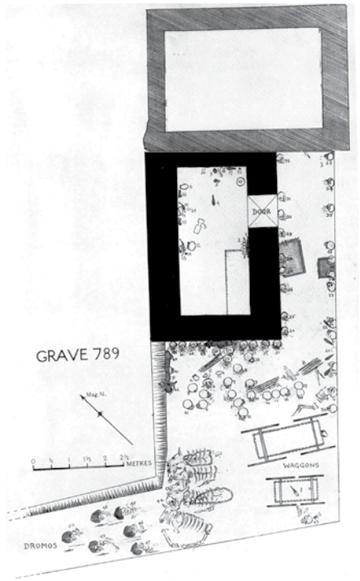
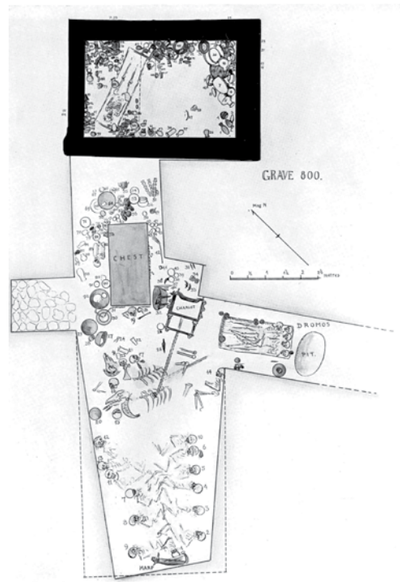


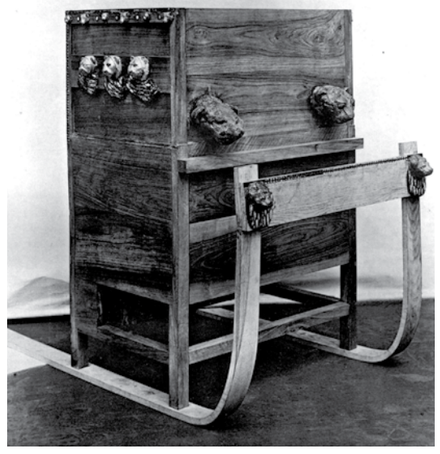
Рис. 23. Древнейшие колесничные комплексы Старого Света. Азиатский колесничный комплекс во II - I тыс. до н. э. и распространение колесничных инноваций на территории Азии.
1 - урало-казахстанский; 2 – древнекитайский; 3 – древнеиндийский; 4 – хетто-митанийский (ассиро-вавилонский); 5 – древнеегипетский; 6 – древнесахарский; 7 – древнегреческий; 8 - древнеримский; 9 – древнеиспанский; 10 – скандинавский; 11 – волго-донский



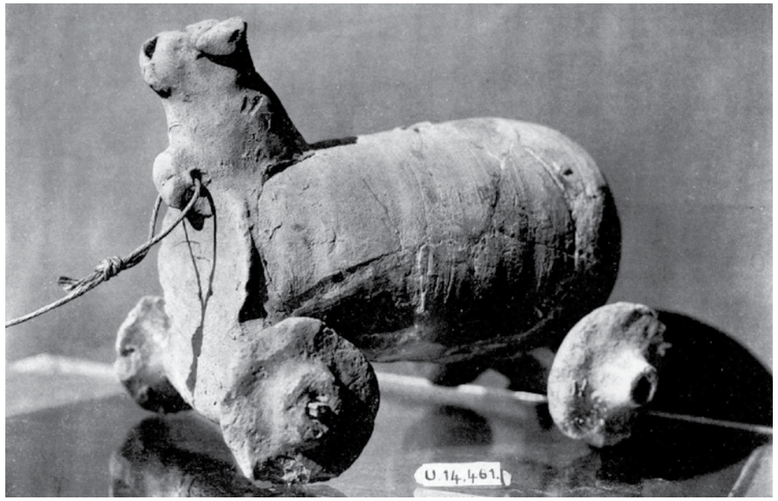


Слева: Ур. План могилы 789 [Wooley, 1934. Pl. 29].
Справа: Ур. План могилы 800 - царицы Шуб-ад [Wooley, 1934. Pl. 36]

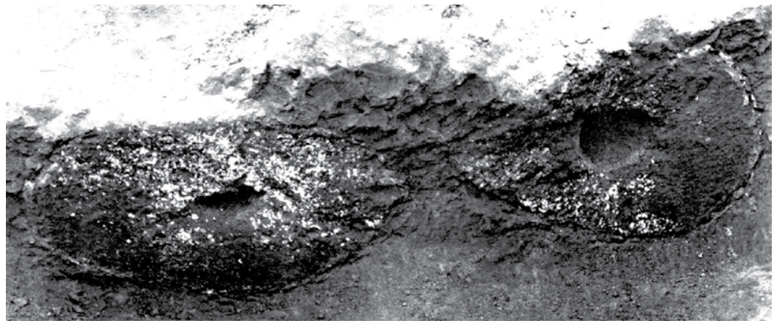
Слева: Ур. Распределитель вожжей от повозки на полозьях из могилы царицы Шуб-ад [Wooley, 1934. Pl. 166].
Справа: Ур. Известковая плита-рельеф с изображением двухколесной запряженной повозки [Wooley, 1934. Pl. 181]



Слева: Рельеф из Хафаджа (Khafaje) из коллекции Института Востока в Университете Чикаго [Wooley, 1934. Pl. 181].
Справа: Ур. Реконструкция короба на полозьях из погребения царицы Шуб-ад [Wooley, 1934. Pl. 122]



Ур. Глиняная зооморфная ваза на колесах [Wooley, 1934. Pl. 188]



Ур. Остатки четырехколесной телеги в раскопе [Wooley, 1934. Pl. 33]

Ур. Отпечаток колеса четырехколесной телеги и бронзовые сосуды в раскопе [Wooley, 1934. Pl. 62]

Рис. 24. Распространение типов повозок по континенту [подробнее см.: Новоженов, 2012]
1 – Акджилга; 2 – Текке-Таш; 3 – Охна; 4 – Каракиясай; 5 – Тхор; 6 – Чиббарнала; 7 – Дхарампури; 8 – Чатур Бху Нэш; 9 – Эдда Калькаве; 10 – Жалтырак-Таш; 11 – Терс; 12-18 – Койбагар I, II, III; Арпаузен I, II, IV, V, VI, VIII; Кошкар-Ата I, II; Габаена; Кокбулак; Ксан; Ранг-Озен; 19 – Саймалы-Таш; 20 – Тамгалы; 21 – Чумыш; 22 – Жамбыл; 23 – Кестелетау; 24 – Байконур III; 25 – Саяк; 26 – Ешкиольмес; 27 – Акбаур; 28 – Курчум; 29 – Мойнак; 30 – Тюлькуне; 31 – Саур Тарбагатай; 32-35 – Калбак Таш; Жалгыз Тепе; Елангаш; Адырхан; 36 – Яманы Ус; 37 – Цаган Гол; 38 – Бичигтынаам; 39 – Ховд-Сомон; 40 – Бэгэр-Сомон; 41 – Чучуут; 42 – Дарвин-Сомон; 43 – Манлай-Сомон; 44 – Хавцгайт; 45 – Урад (Ланшань); 46 – Янгсу (Кангуан); 47 – Сыын-Чурек; 48 – Мугур Саргол-Чинге; 49 – «Дорога Чингисхана»; 50 – Орта-Саргол; 51 – Усть-Туба; 52 – Шаман Камень (Оглахты); 53 – Суханиха II; 54 – гора Тунчух; 55 – Ошкольская писаница; 56 – гора Седловина; 57 – гора Шишка; 58 – гора Полосатая; 59 – гора Сулеек; 60 – Чана-Шулуун; 61 – Табангутское Обо; 62 – Каменная Могила; 63 – Таш-Аир; 64 – Губустан; 65 – Гемигая; 66 – Сюник; 67 – Кавала; 68 – Микены; 69 – Камоника; 70 – Тассили; 71 – Фрэннарп; 72 – Боттна; 73 – Свеннеби; 74 – Квилле; 75 – Остфольд; 76 – Бохуслэн; 77 – Симрис; 78 – Остерготланд; 79 – Знаменка; 80 – Усть-Бюрь; 81 – Черновая 8; 82 – Венгрия; 83 – Причерноморье; 84 – Сармишсай; 85 – Инамгаон; 86 – Кивик; 87 – Китайский Алтай

© Victor Novozhenov, 2014

[Bollweg, 1996. S.10-13; Wrede, 2003]

колёсных, так и четырехколёсных, включая фургоны, начиная от убейдского и до старовавилонского периода во всём ближневосточном регионе, в том числе и в Анатолии, и предложена их классификация.

Остатки шумерских и эламских повозок, в сочетании с синхронными изобразительными материалами, позволили выделить их древнейшие виды, которые применялись здесь в первой четверти III тыс. до н. э. Отметим генетическую связь изображений на глиняных табличках из Урука IVa: крытой волокуши – подвижного дома на катках – и фургонов, представленных в этих погребениях. Последние целесообразно рассматривать как крытый вариант «боевой» телеги, нашедший свое продолжение в значительной по количеству серии игрушек-моделей из глины.

2.1.3. Иран, Южная Туркмения: на Среднем Востоке более ранние образцы моделей с двухсторонними втулками, датируемые началом IV тыс. до н. э., происходят из раннеземледельческого поселения Сиалк в Иране. Известны модели колес из Шах-тепе, Намазга III и модель повозки с протомой упряжного животного – верблюда (Анау III), а также отпечатки цилиндрических печатей. Памятники датируются РД I периодом.

[Кузьмина, 1980. С. 11-35]
[Сафронов, 1989. С. 164]

В слоях конца IV – начала III тыс. до н. э. поселения Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана встречаются глиняные (с деревянными осями) и терракотовые модели одноосных двухколесных повозок с центральным дышлом, запряженные парой быков, но уже во второй половине III тыс. до н. э. появляются модели четырехколесных телег с высокими бортами и двумя оглоблями, изредка – в верблюжьей упряжке. Способ передачи тяги с помощью оглобель здесь появляется очень рано.

[Кирчо, 2009. С. 25-33]

2.1.4. Гонур-тепе. Усилиями международной Маргианской экспедиции под руководством В. И. Сарианиди получена новая уникальная информация по древнейшему колесному транспорту Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). В. И. Сарианиди объясняет возникновение этой цивилизации миграцией из Шумера или Северной Месопотамии (возможно – Анатолии) части населения, осевшего затем на берегах Мургаба и активно взаимодействовавшего с Хараппой - Мелуххой. А-П. Франкфор связывает материалы БМАК с известной по клинописным письменным источникам страной Марахши. Египетский исследователь Абу А.-Х. Бакри, вслед за Л. Б. Кирчо, обращает внимание на развитую систему коммуникаций БМАК, в основе которых – налаженные дальние поставки лазурита и других товаров в разные регионы Ближнего Востока. Автор приводит ряд аналогий гонурским материалам и некоторым традициям, зафиксированным в результате раскопок в северо-восточной части Египта, на поселении Телль Эль-Даб'а – древнем городе Аварис на востоке дельты Нила - столице гиксосов-чужеземцев, правивших в XVIII-XVII вв. до н. э. (или в 1638–1580 гг. до н. э. – по другим данным).

[Сарианиди, 2008; 2010]
[Франкфор, 2006. С. 193-194]

[Абу Бакри, 2012. С. 267-278]

[Абу Бакри, 2012. С. 270]

Для материалов Гонур-тепе имеется серия из 59 радиуглеродных калиброванных дат, определяющих время существования маргианской столицы в пределах 2500-1500 гг. до н. э. Наиболее интенсивно памятник использовали на рубеже 2000 г. до н. э., к 1500 г. до н. э. жизнь на нём прекратилась.

[Зайцева, Дубова и др., 2008. С. 166-179]

Антропологические материалы Гонур-тепе характеризуются полиморфизмом, ярко выражен переднеазиатский антропологический компонент – безусловно, связанный с той его частью, где в IV тыс. до н. э. жили шумеры. Их облик хорошо известен по антропоморфной пластике. Присутствует определенное сходство с веддоидными черепами из долины р. Сват и Мохенджо-Даро (см.: раздел 1. 2.). Не было отмечено присутствия антропологических типов,

сходных с палеоевропейским населением евразийских степей. В то же время засвидетельствовано присутствие антропологического компонента, сходного со средиземноморским, среди срубных (и даже более ранних) групп Поволжья, Южного Приуралья и носителей алакульской культуры, что может свидетельствовать скорее о движении с юга в более северные районы, чем из степей — в южном направлении. Это сходство, вероятно, указывает на участие одинаковых антропологических пластов в сложении как южнотуркменских, так и степных племен.

[Дубова, 2006. С. 169-173]

Из приведенных описаний авторов раскопок говорить достоверно о конструкции кузовов найденных телег (рис. 25, 26, 27) возможно только по фрагментарно сохранившимся остаткам дерева в погребениях 3200 и 3900, причем в первом случае повозку закатывали во «двор» гробницы, а во втором случае – сбрасывали на дно с высоты более 2-х метров.

[Дубова, 2004; Сарианиди, Дубова, 2008; 2010]

Предположение о том, что ее конструкция при падении могла разрушиться, маловероятно, поскольку в процессе своей эксплуатации она должна была выдерживать гораздо большие нагрузки. Допускаем поломку оси и отрыв колеса при падении, но не разрушение кузова. Это обстоятельство представляется важным, поскольку при расчистке и первой и второй телег зафиксированы существенные различия высоты фиксации верхних краев предполагаемых «сидений» в районе одной из осей.

Так, у повозки из гробницы 3200 «сиденье» возвышается на 60 см, а у другой повозки (из могилы 3900) – на полметра. Не слишком ли высокое и неудобное сиденье для повозки, общая длина кузова которой едва превышает один метр, а ширина платформы (расстояние между колесами) – чуть больше 80 см (расстояние между осями в первом случае 1,1 м, во втором – 1,15 м)? Высота подобных сидений на новотиторовских телегах, например, не превышает 30 см, при значительно больших габаритах самой телеги (рис. 20).

Вполне возможно, что рассматриваемые кузова гонурских телег снабжены высоким постаментом, возвышающимся над передней осью и защищающим экипаж. Это распространённый в этот период на древнем Ближнем Востоке тип «боевых телег», запечатленных, например, на известном мозаичном панно

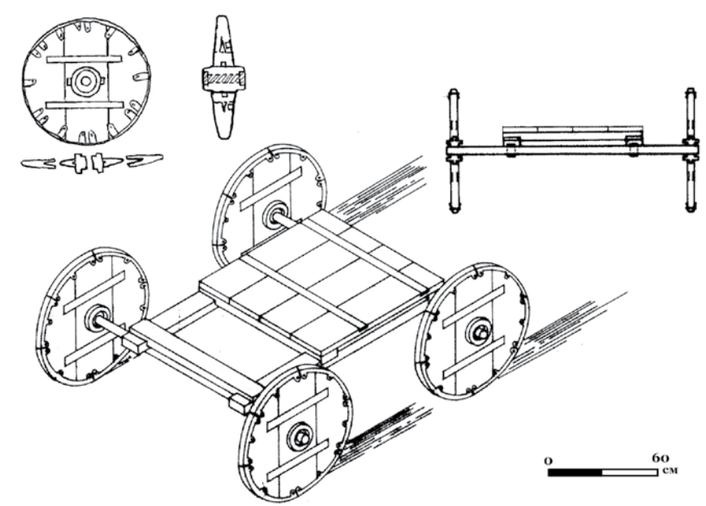


Рис. 25. Маргиана. Гонур тепе. Реконструкция колеса и повозки из погр. 3200. [Сарианиди, Дубова, 2010. С. 144-171]

[Littauer, Crouwel, 1979]

«Штандарт из Ура». Впрочем, четырехколесные боевые телеги с высоким передком, равно как и повозки с сиденьем, использовались в течение всего III тыс. до н. э. и в Шумере, и в Эламе. С практической точки зрения, универсальное использование высокого передка-сиденья вполне допустимо в случае боевой угрозы как защитного устройства, а при транспортировке – как сиденья. Телеги с высоким передком и низкими бортами известны и в Анатолии (Алакахуюк). Судя по габаритам раскопанных в Гонуре телег, они разрабатывались как «боевые телеги» для экипажа из одного-двух человек, стоящих и сидящих на платформе, аналогично изображению на бактрийском сосуде (рис. 28).

Различные эквиды – ослы и полуослы – широко применялись в синхронных ближневосточных запряжках. Материалы Гонур-тепе позволяют предполагать

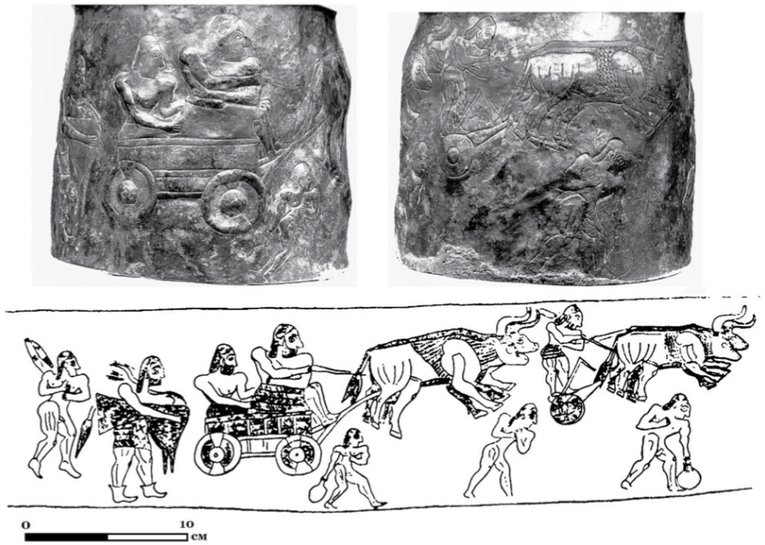


Рис. 28. Серебряный сосуд из Бактрии. Лувр. АО 28518. Высота – 13, 2 см, диаметр – 14, 3 см. [Foto Musee du Louvre]

Рис. 26. Два звена от бронзовой «шины» повозки из погр. 3200. Фото. [Дубова, 2004]

возможность запряжки пары ослов (погребение 3900), но их совместного тяглового усилия вряд ли было достаточно для эффективной эксплуатации такой тяжелой телеги. Лошади также должны быть исключены из списка упряжных животных, поскольку в остеологических материалах памятника найдено только восемь особей лошадей при более трёх тысячах раскопанных здесь погребений – и это при том, что поголовье лошадей в степных памятниках (Ботай) насчитывает сотни, если не тысячи голов.

Наиболее приемлемыми кандидатами на роль гонурских упряжных животных являются быки (волы) и верблюды. При этом костей быков не обнаружено в погребениях с повозками, но они достаточно широко представлены в остеологических материалах, происходящих из гонурских жертвенных печей, и, напротив, целые скелеты двугорбых верблюдов-бактрианов найдены в захоронениях с повозками.

[Сатаев, 2008. С. 144-145; 138-160]

Так, в погребении 3200 найдены скелеты жеребенка, верблюда, собаки и баранов; в погребении 3225 – двух верблюдов (старого и молодого, у старого между горбами зафиксированы остатки «сиденья») и рога степной антилопы - джейрана; в погребении 3900 – скелеты двух ослов, двух верблюдов и восьми собак. Таким образом, верблюд или пара верблюдов – наиболее вероятные упряжные животные гонурских телег.

Допустимо использование одного упряжного животного – сильного и выносливого верблюда – и применение инновационной комбинации коротких оглобель и кожаных ремней. Известная глиняная модель телеги со скульптурным навершием (протомой) одного верблюда из Анау-тепе косвенно это подтверждает. Возможно, зафиксированные в могиле 3225 остатки «седла» между горбами взрослого верблюда есть остатки приспособления наподобие ярм-рогаток у лошадей, к которому крепились ремнями эти «оглобли».

Северные изобразительные памятники (петроглифы), происходящие из степных и полупустынных районов Казахстана и Узбекистана: Байконур (рис. 29, 31), Каратау (Сауыскандык), Тамгалы, Кулжабасы (рис. 32), Сармышсай, Букантау – свидетельствуют о развитом культе верблюда в этих районах (наряду с культом лошади и быка), демонстрируют разные способы запряжки в телеги как пары, так и одного верблюда, а также пары быков (Кулжабасы). А. Е. Рогожинский выделяет ряд сюжетов, запечатленных на скалах южных казахстанс-

[Рогожинский, 2011. С. 87-99]

Рис. 27. Колесо №1 повозки из погр. 3900 в процессе расчистки (вид с востока). Фото. [Сарианиди, Дубова, 2010. С. 144-171]

ких петроглифических памятников, сходных с материалами гонурских погребений, и приводит множество таких соответствий.

Выделим основные структурные элементы и особенности гонурского погребального обряда с повозками:

[Новоженов, 2012. С. 98-123; 286-308]

•этот погребальный обряд совпадает по самым основным позициям с выделенным в петроглифах «изобразительным рядом» (совместные захоронения собак, рогов джейрана);

•имеет структурные аналогии в синхронных погребениях с повозками из северных степных регионов (ранний этап новотиторовской культуры);

•совершенно определенно выделяются две разные погребальные традиции: установка целой телеги в могилу (3200, 3900) и размещение ее в разобранном виде – «имитация» погребения повозки (3225);

•явная элитарность этих погребений;

•выкладка стенок могилы сырцовыми кирпичами, устройство различных глиняных площадок и поминальных костров;

•человеческие жертвоприношения;

•погребения сопровождаются культовыми бронзовыми жертвенными сосудами – устойчивая традиция их изготовления;

•развитый культ собаки;

•зарождающийся культ лошади;

•культ рыбы (найдены удивительные расписанные красной краской фигурки рыб);

•наличие «атрибутов власти» – сломанных каменных посохов, каменных дисков, скипетров (булав-дубинок), «гарпунов» (рис. 30);

•наличие специальных сигнальных труб (для обучения лошадей?) и для коммуникации;

•поразительное сходство сопроводительного инвентаря, позднее определенного как колесничный комплекс вооружения, а именно: многочисленных кремневых и костяных наконечников стрел; Г-образных бронзовых предметов – «гарпунов»-стрекал (возможно, такие предметы стали прообразом крюков-багров из таких разновременных памятников, как могильник Ащису, как багор из погребения 32 в Большом Ипатовском кургане и как изображения на чемурчекских антропоморфных стелах – см. подробнее в главе 3); костяных удлиненных пластинок с отверстиями по краям от защитного панциря (Каменный Амбар 5 и более ранняя по времени - Ростовка) – в гонурских материалах, отнесённых к более раннему периоду, эти пластины сделаны из слоновой кости

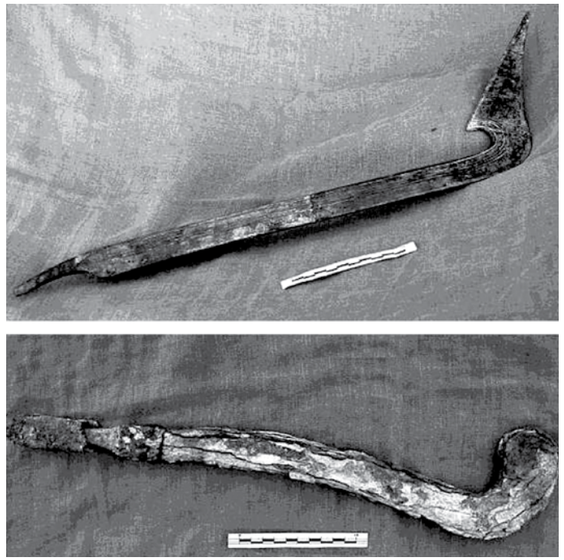


Рис. 30. Маргиана. Гонур-тепе. «Гарпуны». Погребение 3130. [Дубова, 2004. С. 260]

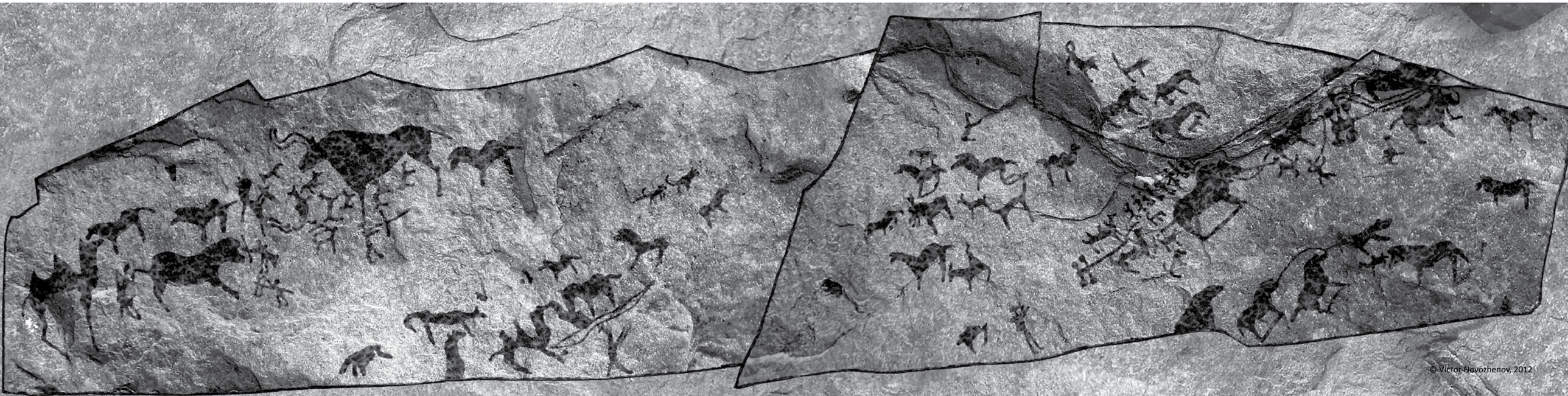


Рис. 29. Казахский мелкосопочник. Байконур III, плита 2. Авторская визуальная реконструкция первоначального вида

и богато орнаментированы.

Все элементы перечисленного выше набора находят позднее свое развитие и поразительные аналогии в степных раннеандроновских колесничных погребениях урало-казахстанских степей. Более подробно идею значительного влияния БМАК на развитие и происхождение степных колесниц, как следствие развитых коммуникаций между этими регионами, доказывает в своём недавнем исследовании немецкий учёный М. Тейфер.

[Teufer, 2012. S. 270-312]

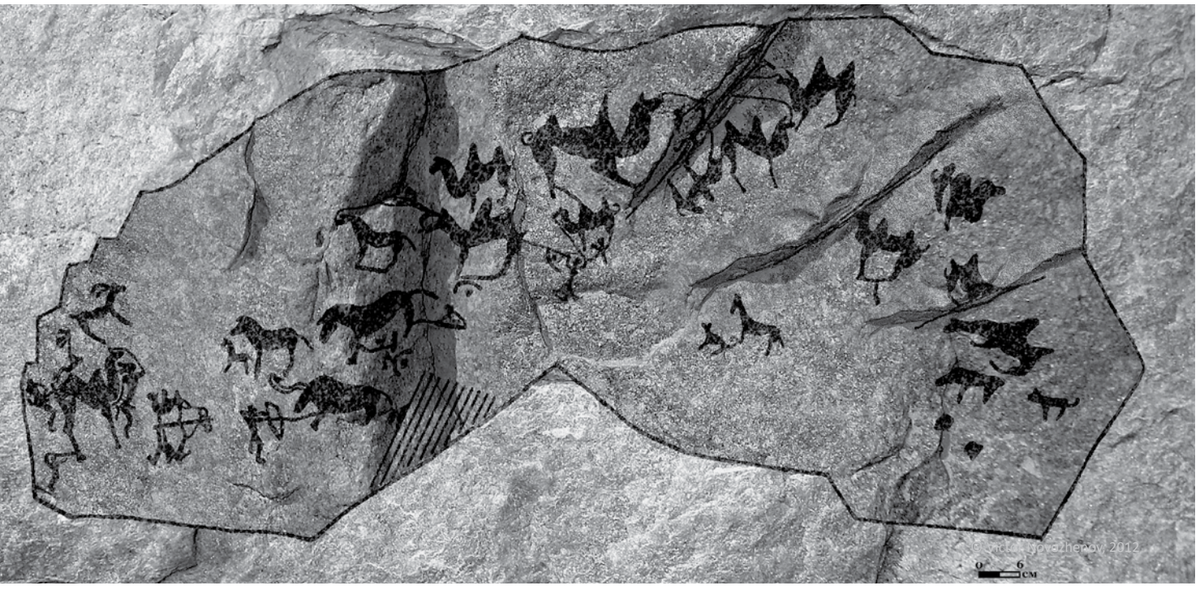
Выявленный факт сходства может свидетельствовать о мощном южном инновационном импульсе в рамках туранского коммуникативного канала, который формировался в самые последние века III тыс. до н. э. и оказал существенное влияние на культурогенез андроновской КИО, обусловив ее отличие от синхронных степных культур.

2.1.5. Хараппская цивилизация (ок. 2300-1750 гг. до н.э.): обнаружены главным образом двухколесные модели повозок со своеобразной, овальной «в профиле» платформой кузова и сохранившимися прутьями, образующими основу перекрытия этих повозок. Колесные повозки хараппской цивилизации имеют достаточно своеобразную конструкцию, отличающуюся от синхронных ближневосточных повозок. Какой-либо эволюции транспортных средств в Хараппе не наблюдается. Более того, не зафиксировано явного влияния гонурской транспортной традиции – четырёхколёсные повозки не были заимствованы несмотря на наличие развитых культурных контактов. Не найдены здесь погребения с остатками реальных повозок в могилах.

[Шер, 1980. С. 215]

Новации в конструкциях свелись к раннему изобретению оглобельного способа упряжки (в Туране), что привело к замене двух тягловых животных на одно и замене тяжелых дисковых колес – на более легкие, со спицами. В Туране стали очень рано запрягать вместо быков – верблюдов, а в Хараппе, как позднее и в Китае, развивались повозки практически одной конструкции: на двух боль-

Рис. 31. Казахский мелкосопочник. Байконур III, плита 17. Авторская визуальная реконструкция первоначального вида



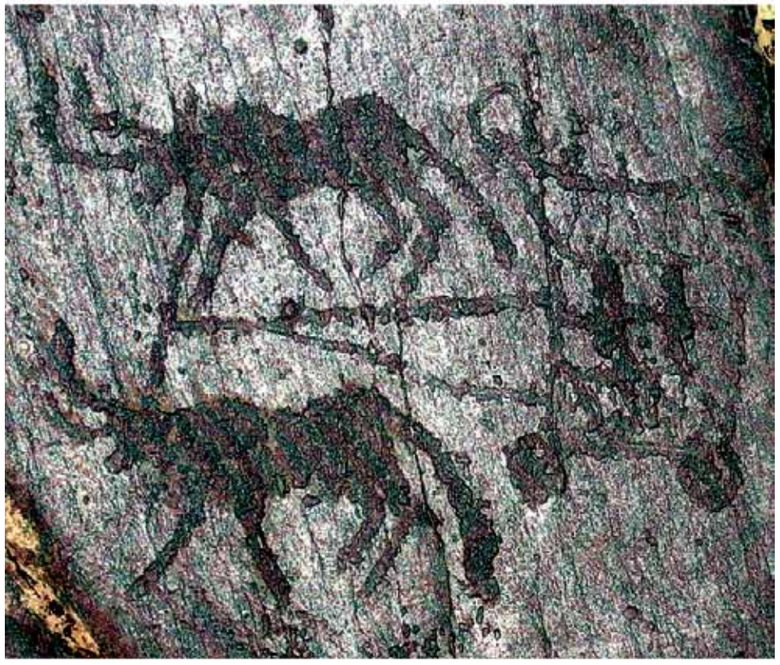


Рис. 32. Южный Казахстан. Кулжабасы. Фото плоскости 362 и повозки. [по Сала, Деом, 2005. С. 91. Рис. 7.7]

ших колесах со спицами – арба – универсального грузо-пассажирского назначения, запряжённые парой быков, которые сохранились вплоть до этнографической современности в своей первоначальной форме.

Таким образом, во всём «южном поясе» древнейших земледельческих цивилизаций на Евразийском континенте, от Шумера до Хараппы, в начале III тыс. до н. э. четырехколесные экипажи представлены типом боевых телег с высоким передком, поручнями и низкими боковыми стенками, с узким кузовом, достаточным для возничего и пассажира. В Месопотамии в могилах зафиксированы остатки фургонов, а в южных и восточных памятниках региона они практически неизвестны.

В это время в данном регионе впервые появляются двуколки двух типов: «сидячие повозки» с массивным дышлом, на котором сидел возничий, и повозки с открытой площадкой, представляющие собой двухколесную версию боевой телеги. Особенность этих экипажей – специальное сиденье для возничих. Все типы повозок имели составные трехчастные дисковые колеса, которые вращались на неподвижных осях. Дышло – изогнутое или прямое. Впервые в качестве упряжных животных используются эквиды – азиатские «полуослы» (Equus hemionus) и ослы (Equus asinus), очень редко – лошади (Equus cabalus). Упряжка, как правило, состояла из четырёх животных: двух тягловых и двух пристяжных. Боевые двухосные повозки применялись как передвижные платформы, с которых метали дротики и копья под прикрытием высокого передка. Эти повозки могли разворачиваться только по большой дуге (20-40 м), пока их передние оси не стали подвижными в горизонтальной плоскости. Использование двуколок в военном деле не зафиксировано. Они могли применяться как транспорт для связи и охоты.

[Littauer, Crouwel, 1979]

2.1.6. Кавказ и степная зона. Население горных, предгорных и степных районов этого обширного региона осваивало Причерноморье, Прикаспий, Приазовье и находилось в постоянном контакте с земледельческими цивилизациями Месопотамии и Передней Азии, что подтверждается анализом традиционных культовых вещей в известных здесь АК. Предполагается и непосредственная миграция из Передней Азии и северных районов Месопотамии отдельных групп населения, что зафиксировано по археологическим данным древностями майкопской и, возможно, куро-аракской культур.

[Джапаридзе, 1981. С. 31-34]

[Сафронов, 1989. С. 155-179]

[Хачатрян, 1975]

Модели повозок в куро-аракской культуре обнаружены в северо-восточной Армении, на поселении Арич, и датированы второй половиной III тыс. до н. э. Чернолощенная керамика этой культуры с красной внутренней поверхностью и каннелюрами аналогична найденной в Сирии и в Палестине (Хирбет-Керак и др.). Захоронения совершались как в ямах, так и каменных ящиках, в скорченном положении на боку. К финальной фазе этой культуры относятся и могилы с повозками в курганах Бедени. Найдены остатки телеги в кургане 10. Сохранилась декорированная деревянная деталь кузова с резным геометрическим орнаментом. Эта находка позволяет определить повозку как фургон, аналогичный найденным в более позднее время в Триалетских курганах и очень похожий на найденный в Кише. Беденские могилы с повозками датированы второй пол. III тыс. до н. э.

[Гобеджишвили, 1980]

[Кожин, 1982. С. 53]

В могильнике Триалети первоначально обнаружены остатки четырехколесных повозок – в курганах XXIX, XVIII, XLVI. Затем работы на памятнике были продолжены, и в кургане 5 найдена еще одна повозка.

[Куфтин, 1941]

[Джапаридзе, 1969; Piggott, 1983. P. 68]

Повозки из Лчашенских курганов описывались неоднократно.

[Мнацаканян, 1957. С. 146-153; 1961. С. 139-152; Румянцев, 1961. С. 236-242; Есаян, 1966; Кожин, 1982; Piggott, 1983; Hancar, 1955. S. 173; Burney, Lang, 1971. P. 104-107]

Таким образом, в конце III – первой половине II тыс. до н. э. в этом регионе активно развиваются несколько типов колесных повозок (рис. 33-36):

•четырехколесные массивные крытые телеги-фургоны, запряженые парой быков. Усовершенствуется конструкции ярма треугольной, А-образной, формы и способы его крепления к животным. Передние стенки фургонов украшены резными орнаментом и в одном случае – фигурой оленя. Найдены в коллективных (до 30 человек) погребениях;

•двуколки А-образной формы (в т. ч. модель такой двуколки);

•колесница, найденная в более позднем кургане 11, датированном второй пол. II тыс. до н. э.

Рис. 33. Кавказ. Могильник Бедени. Остатки телеги. Национальный музей Грузии (Тбилиси)

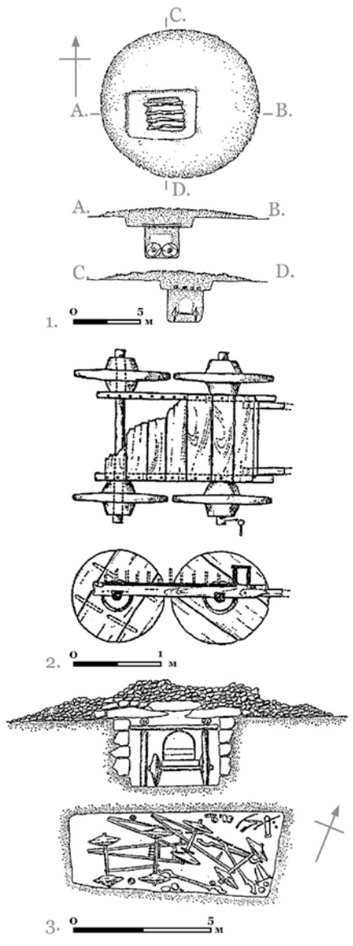


Рис. 34. Кавказ. Могилы с повозками. 1 – могильник Триалети (Грузия), курган 5, план и разрезы; 2 – повозка из кургана 5, могильника Триалети; 3 – могильник Лчашен (Армения), курган 2, план и разрезы могильной ямы с повозками. [по Piggott, 1983. Fig. 28;31-32]

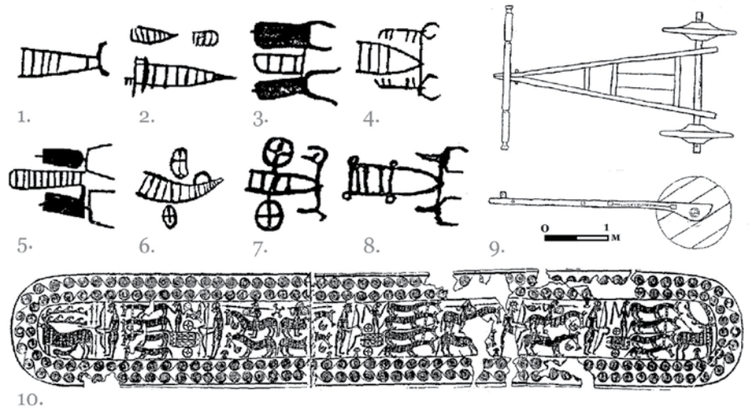


Рис. 35. Кавказ. Повозки.
1, 4, 7, 8 – петроглифы Сюника, Армения;
2, 6 – волокуши, Пенальсордо, Испания;
3, 5 – Фонтанальба, Испания;
9 – А-образная двуколка из могильника Лчашен, кургана 2, Армения;
10 – пояс из Асткхи-блур, Армения (VIII-IX вв. до н. э.) [по Piggott, 1983. Fig. 37]

[Сафронов, 1989. С.175-176. Рис. 49:4,6]

[Андреева, 1977; 1979]
[Сафронов, 1989. С. 176]

[Гей, 1991. С. 60-61, 68-69; 2000; Кожин, 1982. С. 64-74; Trifonov, 2004; Моргунова, Турецкий, 2003]

[Избицер, 1993]
[Гей, 2000. С. 176]

Остатки фургона открыты в предгорьях Кавказского хребта, в могильнике Павлоград, курган 4, могила 18. Судя по опубликованному плану, останки погребенного находились внутри повозки. Керамический комплекс из 10 сосудов и сама могила отнесены к древностям майкопской культуры, которые датируются концом IV – началом III тыс. до н. э. или XXIV-XXIII вв. до н. э.

Повозки из степных регионов представлены в памятниках катакомбной и более ранних культур, генетически связанных с древнеямной. База повозок, раскопанных в степных памятниках, уже насчитывает от 248 до 257 случаев находок самих повозок и их деталей, что является солидной основой для их реконструкции и изучения (рис. 37 - 40).

Повозки второй половины III тыс. до н. э. представлены находками в западноманычских катакомбных погребениях Нижнего Подонья. В таких захо-

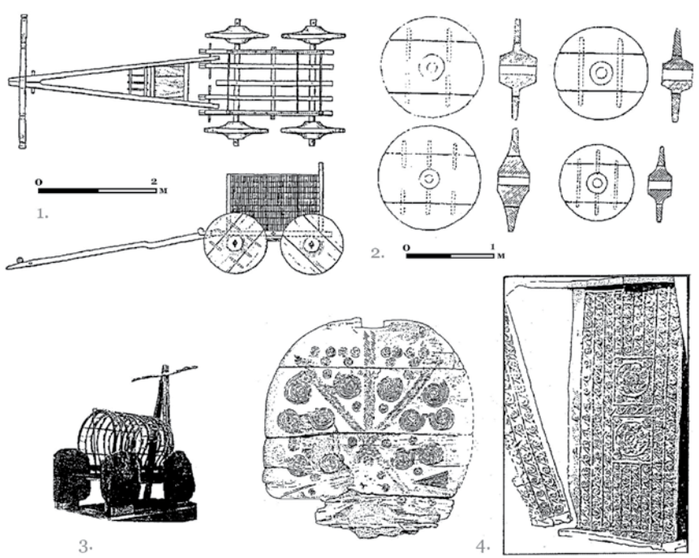


Рис. 36. Армения. Могильник Лчашен

1 – повозка из кургана 11;
2 – трёхчастные колёса из могильников Лчашен и Триалети;
3 – фургон из кургана 2;
4 – орнаментированные детали фургонов из кургана 9 [по Piggott, 1983. Fig. 33-34; 36; 38]

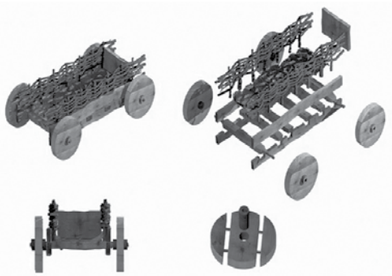
ронениях наиболее часто встречаются остатки ходовой части — платформы и колеса. Размеры платформы, состоящей из двух продольных брусьев, поперечных перекладин и/или крестовин жесткости, составляют 70/115 × 140/180 см. Большинство колес имеет трехчастную конструкцию со штифтовым внутренним соединением и вырезанной в центральном сегменте одно- или двусторонне выступающей ступицей. Их средний диаметр — от 56 до 72 см, диаметр ступицы – 16–20 см, диаметр осевого отверстия 7–12 см, толщина обода — 6–8,5 см.

[Шишлина, Ковалёв, Ибрагимова, 2013. С. 119-126]

В погребениях синхронной восточноманычской катакомбной культуры насчитывается около сорока находок повозок и их частей. Их конструкция почти не отличается от западноманычских, различия касаются лишь некоторых параметров. Например, размеры платформ кузовов значительно больше: 200/250 × 120/150 см, диаметр колес варьируется от 50 до 85 см. Показательной во всей этой серии представляется опубликованная реконструкция повозки из погребения 15 кургана 4 могильника Улан IV в Ростовской области. Из конструктивных элементов лучше всего сохранилась ходовая часть — четырехугольная рама платформы. Она состояла из двух пар параллельных продольных несущих дрог — лонжеронов — длиной 165 см; в каждой паре один лонжерон располагался над другим. В нижних лонжеронах имелось по шесть полусферических отверстий, в которые были вставлены поперечные перекладины длиной 70 см, образующие внутреннее пространство платформы. Благодаря тому что нижние лонжероны перекрывались верхними, концы поперечных перекладин были зажаты в пазах между лонжеронами и могли обматываться веревкой или кожаными ремнями для прочности. Для оформления боковых бортов кузова использовалась конструкция из переплетенных деревянных прутиков и толстой циновки. Результаты фитолитного анализа показывают, что циновка могла быть сделана из растительных и шерстяных нитей.

Колеса повозки утолщались к центру, имели трехчастную конструкцию со штифтовым внутренним соединением сегментов и утолщающимся к центру колесным диском диаметром 48 см. Цилиндрическая ступица с круглым сечением была вставной и заматывалась гибкими стеблями степных злаков – это явное техническое изобретение позволяло быстро ремонтировать и заменять самую изнашиваемую деталь колеса в процессе его эксплуатации. Детали рамы кузова сделаны из ясеня, поперечные перекладины — из вяза и клена, колеса — из дуба, а ступицы — из клена.

[Шишлина, Ковалёв, Ибрагимова, 2013. С. 119-120]



Реконструкция повозки и ее деталей. Могильник Улан IV, курган 3, погребение 15 [Шишлина, Ковалёв, Ибрагимова, 2013. С. 120-121]

В кузове этой крытой повозки, как полагают авторы раскопок, сохранилась подстилка, возможно шкура животного или изделие из шерсти (войлочный или плетеный ковер), на которой лежали бронзовое стрекало, лопатка овцы и раковина перловицы; само погребение совершено в катакомбе, в камере которой захоронен мужчина старше 50 лет. Погребальные дары, кроме перечисленных выше, включали глиняный реповидный сосуд и бронзовый нож. По данным радиоуглеродного анализа фрагмента повозки: она изготовлена в XXIII в. до н. э.

Масс-спектрометрические данные, полученные по коллагену костей, позволяют воссоздать историю жизни мужчины из этого погребения и свидетельствуют, что как минимум последние 10 лет жизни в системе его питания преобладали морепродукты. В приморских районах, скорее всего в Приазовье и Причерноморье, мужчина мог жить постоянно либо проводить там долгое время, достаточное для того, чтобы изотопный сигнал его костей отличался от сигнала степных жителей. В двух курганах могильника Улан IV были похоронены девять представителей западноманычской катакомбной культуры — мужчины, женщины и дети, включая новорожденных. Вероятно, курганы 3 и 4 использовались одной родственной группой как семейный некрополь. Все ее

[Шишлина, Ковалёв, Ибрагимова, 2013. С. 124]

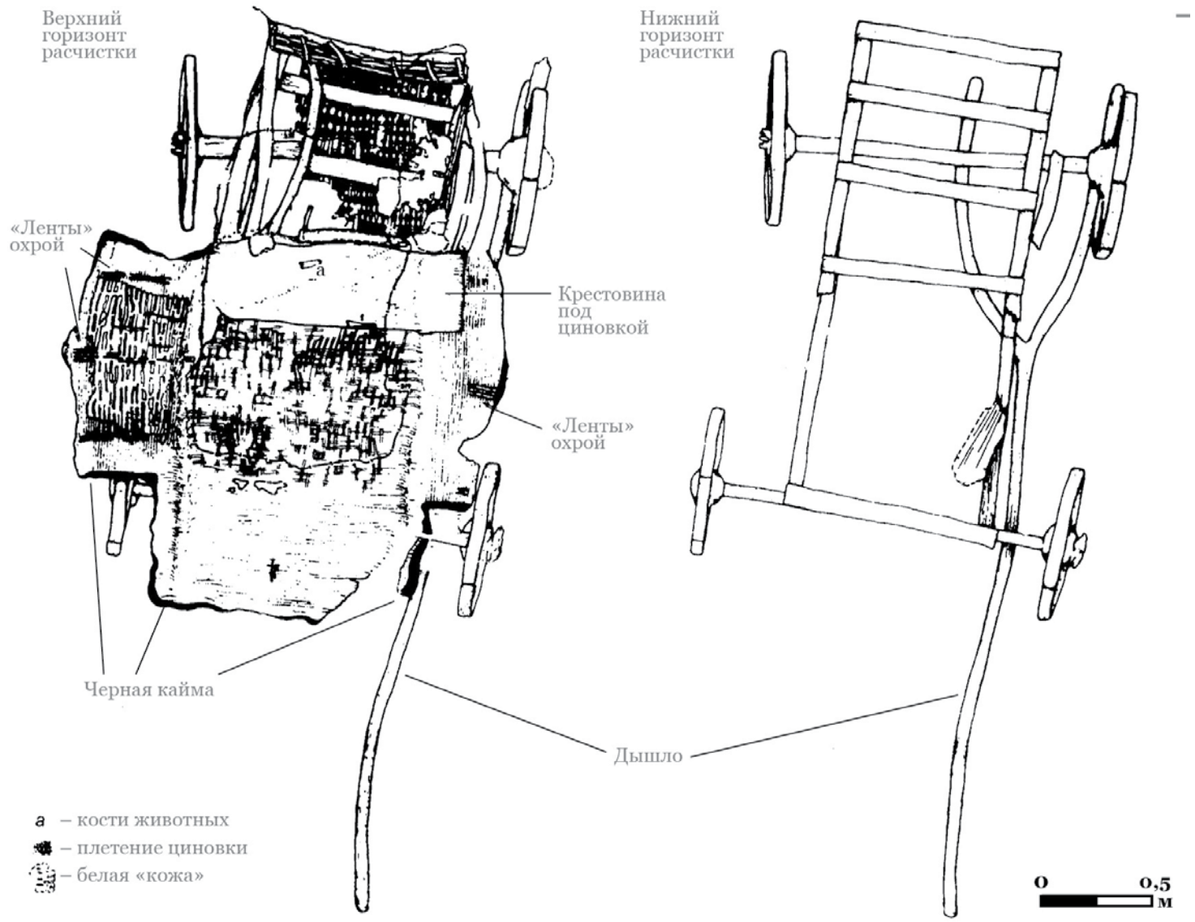


Рис. 37. Конструкция новотиторовской повозки. Верхний и нижний горизонты. Могильник Останий, курган 1, погр. 150 [Гей, 2000. С. 179. Рис. 53]

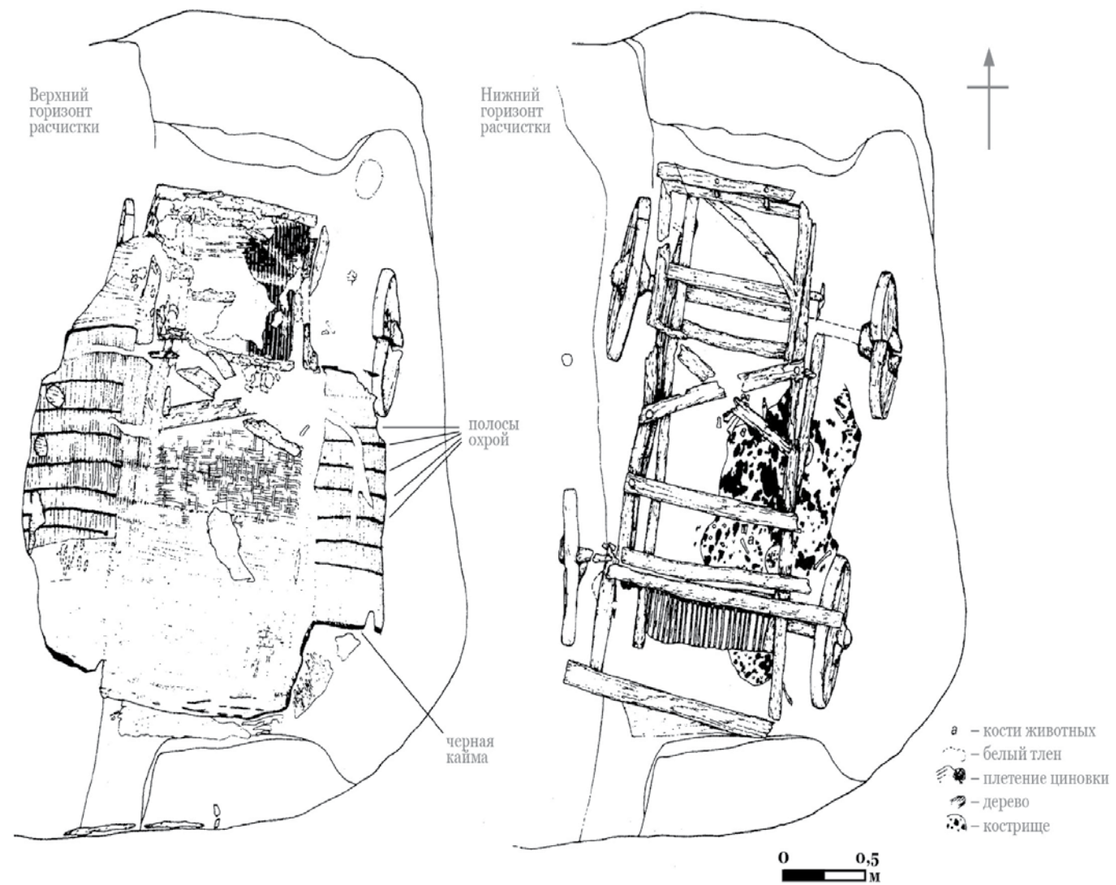


Рис. 38. Конструкция новотиторовской повозки. Верхний и нижний горизонты. Могильник Останий, курган 1, погр. 160 [Гей, 2000. С. 183. Рис. 54]

члены кочевали по степи, что подтверждается масс-спектрометрическими данными. Исключение составляют лишь двое мужчин, в системе питания которых преобладали морепродукты: в погребение одного положили повозку, в другое — жемчуг.

Практически всегда в катакомбных захоронениях юга России и Украины повозки разобраны, колеса сняты с осей, положены плашмя. Как правило, разобранные повозки или их детали находились на дне входных камер, реже — непосредственно в погребальных камерах катакомб. Выйдя из употребления в реальном мире, повозка обретала новую «жизнь» в погребальном ритуале.

[Шишлина, Ковалёв, Ибрагимова, 2013. С. 125-126]

На рубеже III и II тыс. до н. э. дериваты новотиторовской культуры появляются в более восточных степных регионах – архаринский горизонт (мог. Три брата, Архара) в памятниках Калмыкии. Отмечаются взаимосвязи новотиторовской и беденской культур в Грузии. «Ядро» этих сходных групп – новотиторовская культура – датируется XXVII-XXII вв. до н. э., что подкреплено радиоуглеродными датами.

[Шилов, 1982]

Наиболее восточная находка колеса в синхронных памятниках обнаружена в Приуралье, в могильнике Герасимовка I, кургане 7, могиле 1. Колесо диаметром 50 см вырезано из цельного куска дерева. Оно находилось рядом с погребенным. В памятнике сочетаются разнокультурные материалы, датировка его не вполне ясна. Недавняя находка в синхронном могильнике Вупу (Синьцзян) трехчастного дискового колеса на перекрытии могилы позволяет поставить вопрос о ещё более восточном распространении ареала таких памятников.

[Федорова-Давыдова, 1971; Мерперт, 1974. С. 94; см.:Моргунова, Турецкий, 2003]

[Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008; Новоженов, 2012; 2013]

В степных погребениях выделяются два типа повозок – это двуколки с центральным дышлом и двухколёсные повозки А-образного типа (Сторожевая могила, Большой Ипатовский курган, погр. 32, Тягунова могила, Первоконстантиновка 1/8) и четырехколесные повозки: крытые фургоны (Павлоград 4/18), а также «платформенные» телеги, на которых, как полагают исследователи этих памятников, устанавливались кибитки. Анализ всей серии четырёхколёсных повозок показывает их значительное конструктивное сходство, и прежде всего, тяжелых жилых повозок-фургонов, а все имеющиеся различия сводятся к вариациям форм дышла, ярма и диаметров колес.

[Гей, 1991. С. 64]

А. Н. Гей относит зарождение новотиторовского обряда захоронений с повозками к нижнемихайловской-новосвободненской традиции, нашедшей свое продолжение в позднемайкопской культуре (новосвободненский этап), в степных районах повсеместно стратиграфически предшествующей ямным и новотиторовским памятникам с датировкой концом IV – первой четвертью III тыс. до н. э., и синхронизирует этот период с находкой «сырцовой гробницы» 6/16 из Новоалександровского 1 могильника в Украине – одной из самых ранних на европейской части континента находкой остатков колесного транспортного средства.

[Избицер, 1993. С. 20-21; Гей, 2000. С.187]

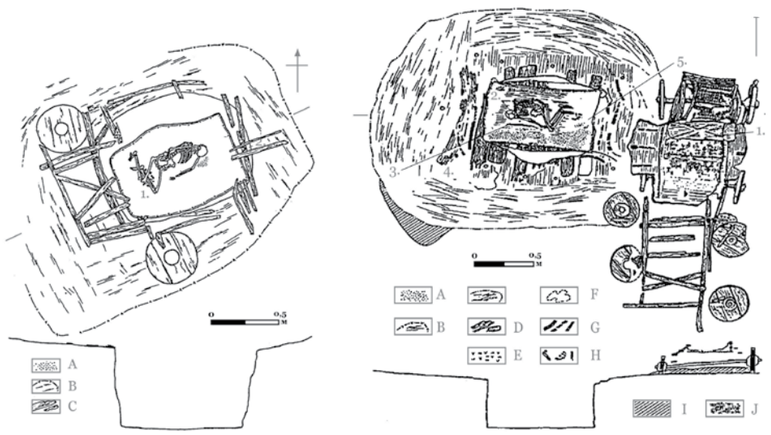


Рис. 39. Степная зона. Захоронение первого этапа новотиторовской культуры (могильник Лебеди I, курган 2, могила 119). 1 – просверленные астрагалы овцы; 2 – рисунок красной краской; A – подсыпка красной краской; B –черный камышовый тлен; C – истлевшее дерево [по Гей, 1991. Рис. 2]

Рис. 40. Степная зона. I: Захоронение второго этапа новотиторовской культуры (могильник Останий, курган 1, могила 150). 1 – ребра крупного животного; 2 – серебряные височные кольца; 3 – позвоночник рыбы; 4 – скопление рыбьей чешуи; 5 – костяные трубочки, разрисованные красной краской; A – подсыпка красной краской; B – черный камышовый тлен от подстилки; C – серо-белый камышовый тлен; D – истлевшее дерево; E – кострище; F – белый тлен; G – полосы красной краски на циновке; H – черная краска на циновке и колесах; I – выкиды из могилы; J – плетение циновки [Гей, 1991. Рис. 3, 6]

При этом отмечаются устойчивые признаки генетического родства и преемственности всей свиты этих степных АК и подчеркивается принадлежность таких могильников «конкретным родовым и семейным группам, сохранившим как отдельные яркие культурные признаки, отличавшие их от соседних групп, так и устную традицию, передававшую из поколения в поколение правила использования отдельных курганов и целых могильников». Это обстоятельство, как справедливо считает автор, «особо важно для определения культурной преемственности…..семейных и родовых групп, перешедших из одной культуры в другую или прошедших сквозь несколько культур, традиционно определявшихся как принципиально разнородные».

[Ковалева, 1991]

[Гей, 2000. С.191]

[Гей, 2000. С.192]

2.1.7. Восточная и Центральная Европа. Со времен Г. Чайлда в Европе появились новые данные по ранней истории колесного транспорта (рис. 41, 42).

К их числу относится контурное изображение телеги с дышлом в плановой проекции, которое является частью орнаментального декора на глиняном сосуде ручной лепки из Броносицы. Это двухслойное поселение расположено в 45 км к северо-востоку от Кракова, в южной Польше. Горшок обнаружен в слое поселения III-й фазы, датированном по радиоуглеродным датам в пределах 2750-2550 гг. до н. э. и отнесенном к культуре воронковидных кубков (TRB) .

[Piggott, 1983. P. 41. Fig. 10-11; Kruk, Milisauskas 1977;1981; Bakker, 1976; ср. Сафронов, 1989. С. 178]

Другая находка происходит из поселения Радошина болеразской группы в Словакии. Это глиняный предмет прямоугольной формы, с орнаментированными в виде наколов краями и с протомами быков (?) на передней стенке, которая, в свою очередь, заканчивается дугообразным навершием. Колес или узлов их крепления не зафиксировано.

[Nemejcova-Pavukova, 1973. P. 300. Fig. 3]

В позднебаденских (пецельских) могилах обнаружены своеобразные керамические сосуды - модели телег с высокими, в виде корытца, бортами, декорированными геометрическим орнаментом (Будекалаш, могила 117, севернее Будапешта, и Сегетсентмартон, в 32 км севернее Будапешта). Поразительно сходный тип такой телеги с высокими и заостренными бортами обнаружен в

[Banner, 1956. Pl. 120; Bona, 1960. P. 83-111; Калиц, 1976. С. 106-117; Сафронов, 1989. С. 168-169]

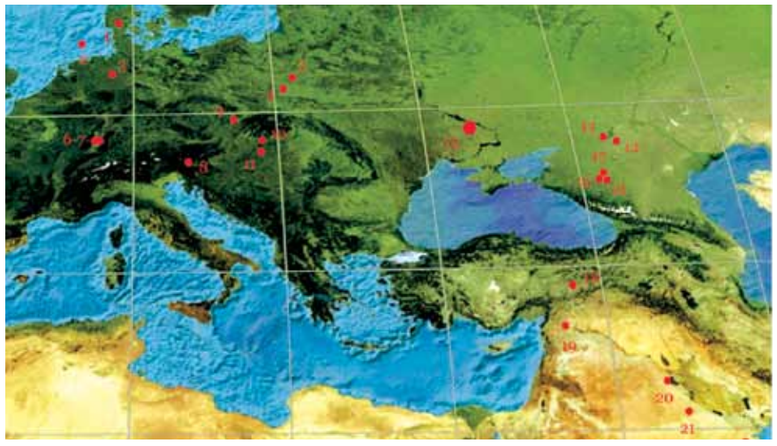
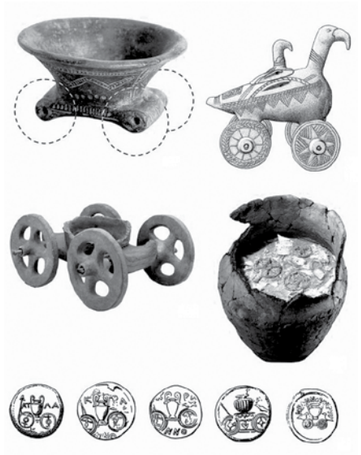


Рис. 41. Распространение древнейших памятников в конце IV - III тыс. до н. э. [по Burmeister, 2004. S. 17. Abb. 3].
1 – Flintbek; 2 – Moorweg XV; 3 – Lohne-Zuschen; 4 – Bronocice; 5 – Ostrowiec; 6 – Zurich – Seerosenstrabe; 7 – Zurich – Akad; 8 – Stare gmajne; 9 – Radoshina; 10 – Budekalash; 11 – Szigetszent – marton; 12 – Tripol'e-Kukuteni; 13 – Koldyri; 14 – Konstantinovskoe; 15 – Cicho; 16 – Psekujchabl'; 17 – Starokorsunskaja; 18 – Arslan-tepe; 19 – Gebel Aruda; 20 – Tel' al Uqer; 21 – Uruk IV; 22 – Harappa (не показана на карте)



1–3 – Керамические повозки-сосуды из могильников в Нижняя Мышля, Словения; Дергишове, Бранденбург и Эсте, Северная Италия;
4 – урна с пеплом и фрагментами колеса из Давердена, Нижняя Саксония;
5 – изображение повозки-котла на монетах из Краннона, Фессалия
(1 – по: Furmánek, 1999; 2 – МПДИ, Берлин, фото К. Гёкена; 3 – по: Woytowisch, 1978; 4 – по: Precht, 2004; 5 – по: Pare, 1989. Составление Д. Грайнерт) [по Европа без границ...., 2013. С. 275]

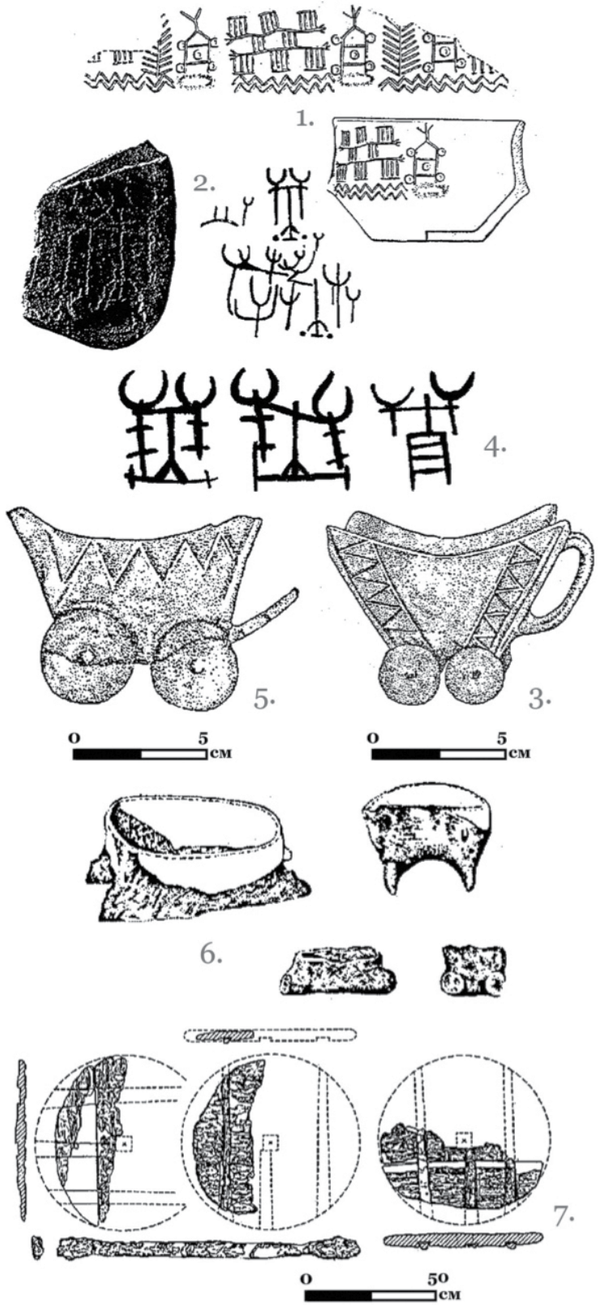


Рис. 42. Восточная и Центральная Европа [по Piggott, 1983. Fig. 6; 13; 19; Кызласов, 1986. Рис. 113].
1 – сосуд с изображением повозки, поселение Броносицы, Польша;
2 – изображения повозок на плите могилы, Лонэ, Германия;
3 – сосуд-модель из Сегетсентмартона;
4 – петроглифы, Каменная Могила;
5 – сосуд-модель из Будекалаша;
6 – глиняные модели салазок, культура Триполье-Кукутени;
7 – трехчастные дисковые колеса, Цюрих, Швейцария

тысячах километров восточнее – на стеле у ст. Усть-Бюрь в Хакасии. Датировка сосудов-моделей определяется в пределах 2500 – 2200 гг. до н. э.

[Piggott, 1983. P. 45]

В 1884 г. в местечке Лонэ (Цюшен) в Германии раскопан каменный ящик, на одной из плит которого выбиты трудноразличимые изображения двух- или четырехколесных повозок на небольших колесах, запряженные парой быков, выполненные в плановой проекции. Фигуры сильно повреждены сколами плиты. Сходные изображения повозок обнаружены в Гегамских горах (Сюник, Ухтасар в Армении) и в петроглифах Каменной Могилы близ Мелитополя. Датировка находки в Лонэ затруднена ввиду некачественных первых публикаций материалов. Некоторые сосуды из этой могилы могут быть отнесены к культуре воронковидных кубков – 2600 - 2200 гг. до н. э.

[Piggott, 1983. P. 43-44]

Реальные свидетельства применения древними европейцами повозок открыты в торфяниках и других местах Голландии, Дании, Швейцарии и Северной Италии. Это одночастные (Де Ессе, Голландия) или трехчастные с осью (Цюрих, Швейцария) дисковые колеса, не связанные с погребениями, а изолированные находки на обочинах или вблизи древних дорог. Все радиоуглеродные датировки этих колес располагаются в пределах второй половины III тыс. до н. э. (2340 - 2010 гг. до н.э.).

[van der Waals, 1964. P. 51-75; Piggott, 1983. P. 49-51]

Только изображения на плите каменного ящика в Лонэ могут рассматриваться как единственный серьезный аргумент в пользу концепции европейского происхождения колеса. Здесь изображения повозок являются составным элементом погребального обряда и, возможно, свидетельствуют о причастности погребённого к колесным повозкам. Если это так, то следует объяснить поразительное сходство этих изображений с аналогичными на Кавказе и в степном Приазовье. Скорее, это свидетельствует о развитом канале коммуникации в это время между степными социумами и племенами первобытной Европы, а возможно, объясняется и прямыми миграциями степного населения на обширные и плодородные европейские равнины.

Решающее значение в проблеме прародины колеса имеет сопоставление находок из регионов, где обнаружены остатки реальных повозок в могилах, которые, как правило, сочетаются с другими видами источников – изображениями повозок и их моделями. К числу таких регионов отнесены Шумер и Элам, Закавказье и степная зона Предкавказья, примыкающие друг к другу географически. Представляется, что древности майкопской культуры позволяют связать находки колесного транспорта в этих районах между собой, поскольку у большинства исследователей не вызывает сомнения формирование майкопской культуры под непосредственным влиянием ближневосточных импульсов.

[Мунчаев, 1975. С. 375; Трифонов, 1987. С. 20; Николаева, Сафронов, 1982; Сафронов,1989]

Отмечается сходство майкопской керамики с посудой Северной Месопотамии, Тепе Гавра, Тель Хуэйры. Художественный стиль майкопских кубков сходен с традициями зооморфного натурализма древнего Шумера, а золотые граненые бусы (Чегем, курган 5, могила 3) находят прямые аналогии в могилах царского некрополя в Уре и отсутствуют в более поздних шумерских памятниках времен Саргона Аккадского. Предполагается и непосредственная миграция носителей майкопской культуры с территории древнего Ближнего Востока.

[Андреева, 1977, 1979]

[Кореневский, 1981; 2011]

Выразительные артефакты майкопской культуры и наличие всех необходимых факторов позволяют говорить о непосредственной миграции из Северной Месопотамии и, возможно, Анатолии, через Кавказский хребет в степные районы Предкавказья отдельных групп населения (майкопская миграция). Либо в обход гор – по западному побережью Каспия – северный путь. Другой канал коммуникации - южный, развивался между Месопотамией и Хараппой, при несомненной посреднической функции БМАК (рис. 42).

[Gimbutas, 1970. P. 155-197; 1978. P. 277-338; Сафронов, 1989; Кореневский, 2011]

ARCTIC OCEAN
Barents Sea
Kara Sea
Laptev Sea
TAYMYR PENINSULA
YAMAL PENINSULA
KOLA PENINSULA
White Sea
Gulf of Bothnia
Gulf of Finland
Baltic Sea
EUROPE
EASTERN EUROPEAN PLAIN
VYCHEGDA LOWLAND
URAL MOUNTAINS
WESTERN SIBERIAN LOWLAND
CENTRAL SIBERIAN PLATEAU
SIBERIA
KAZAKH STEPPE
KAZAKH UPLAND
Aral Sea
Lake Balkhash
TURAN LOWLAND
QIZILQUM DESERT
Black Sea
Caspian Sea
CASPIAN DEPRESSION
Azov Upland
Sea of Azov
CRIMEA
Mediterranean Sea
Ionian Sea
Tyrrhenian Sea
Adriatic Sea
Sea of Crete
Gulf of Sirte
Libyan Plateau
Sarir Kalanshiyu at Ramli al Kabir (Sea of Sand)
Qattara Depression
LIBYAN DESERT
Jabal al Akhdar
Hamada de Tinrherz
Jabal as Sawda'
Idhan Murzuq
Jabal al Abyad Plateau
Bodélé Depression
Ennedi
Tibesti Mts
AHAGGAR MTS
Tassili ouan-Ahaggar
HARA
AHEL
AFRICA
Nile Delta
Cairo
Red Sea
NUBIAN DESERT
Port Sudan
Khartoum
Lake Nasser
ARABIAN PENINSULA
RUB' AL KHALI (Empty Quarter)
Persian Gulf
Gulf of Oman
Gulf of Aden
Gulf of Aqaba
Gulf of Kuwait
Wahiba Sands
Hadhramaut
ETHIOPIAN HIGHLANDS
SOMALI PENINSULA
Arabian Sea
ARABIAN BASIN
Laccadive Sea
Bay of Bengal
Andaman Sea
Gulf of Thailand
INDIA
DECCAN PLATEAU
THAR DESERT
Indus
Ganges
GANGES PLAIN
Vindhya Range
Satpura Range
Narmada
Gulf of Kutch
Gulf of Cambay
Gulf of Mannar
Palk Strait
SRI LANKA
Bangalore
Hyderabad
Ahmadabad
Kolkata
Dhaka
Chota Nagpur Plateau
INDOCHINA PENINSULA
Gulf of Martaban
TARIM BASIN
TAKLIMAKAN DESERT
TIAN SHAN MTS
KUNLUN MOUNTAINS
PLATEAU OF TIBET
HIMALAYAS
Karakoram
Indus
Lahore
PUNJAB
Kabul
Kandahar
Herat
Kabul
Kashgar
Urumqi
Almaty
Bishkek
Tashkent
Samarkand
Bukhara
Astana
Omsk
Novosibirsk
Barnaul
Chelyabinsk
Yekaterinburg
Kazan
Volgograd
Rostov
Moscow
St. Petersburg
Helsinki
Oslo
Stockholm
Copenhagen
Berlin
Warsaw
Kiev
Minsk
Riga
Vilnius
Bucharest
Budapest
Belgrade
Sofia
Athens
Rome
Milan
Paris
Brussels
Frankfurt
Munich
Vienna
Prague
Krakow
Lviv
Odessa
Sevastopol
Simferopol
Volgograd
Tashkent
Bishkek
Almaty
Ulan Bator
Beijing
Harbin
Shenyang
Pyongyang
Seoul
Tokyo
Osaka
Kyoto
Hiroshima
Fukuoka
Sapporo
Vladivostok
Khabarovsk
Yakutsk
Irkutsk
Novosibirsk
Omsk
Tyumen
Yekaterinburg
Perm
Kazan
Nizhny Novgorod
Moscow
St. Petersburg
Murmansk
Arkhangelsk
Vorkuta
Norilsk
Yakutsk
Magadan
Petropavlovsk-Kamchatsky
Anchorage
Fairbanks
Nome
Reykjavik
Longyearbyen
Tromsø
Kirkenes
Rovaniemi
Oulu
Helsinki
Tallinn
Riga
Vilnius
Minsk
Kiev
Lviv
Odessa
Sevastopol
Simferopol
Volgograd
Rostov
Astana
Omsk
Novosibirsk
Barnaul
Chelyabinsk
Yekaterinburg

2.1.8. Памятники азиатской части Евразии. В последние годы накоплены новые данные, позволяющие конкретизировать процесс продвижения племен животноводов в азиатскую часть Евразии, определить его динамику и механизм формирования контактных зон в предгорных и лесостепных районах – так называемый «северный путь». Традиционно рассматриваются две возможности такого продвижения: в виде «скачка» (импульса) или непрерывной миграции.

[Новоженов, 2012 б;в;г;е; 2013]

[Грязнов, 1956; Марков, 1973. С.109]

Археологические памятники в урало-казахстанских степях фиксируют факт такого продвижения и последующего образования контактной зоны в Южной Сибири, на Алтае и в Монголии. Происхождение афанасьевской культуры непосредственно связывалось с переселением части ямных племен в Сибирь и на Алтай.

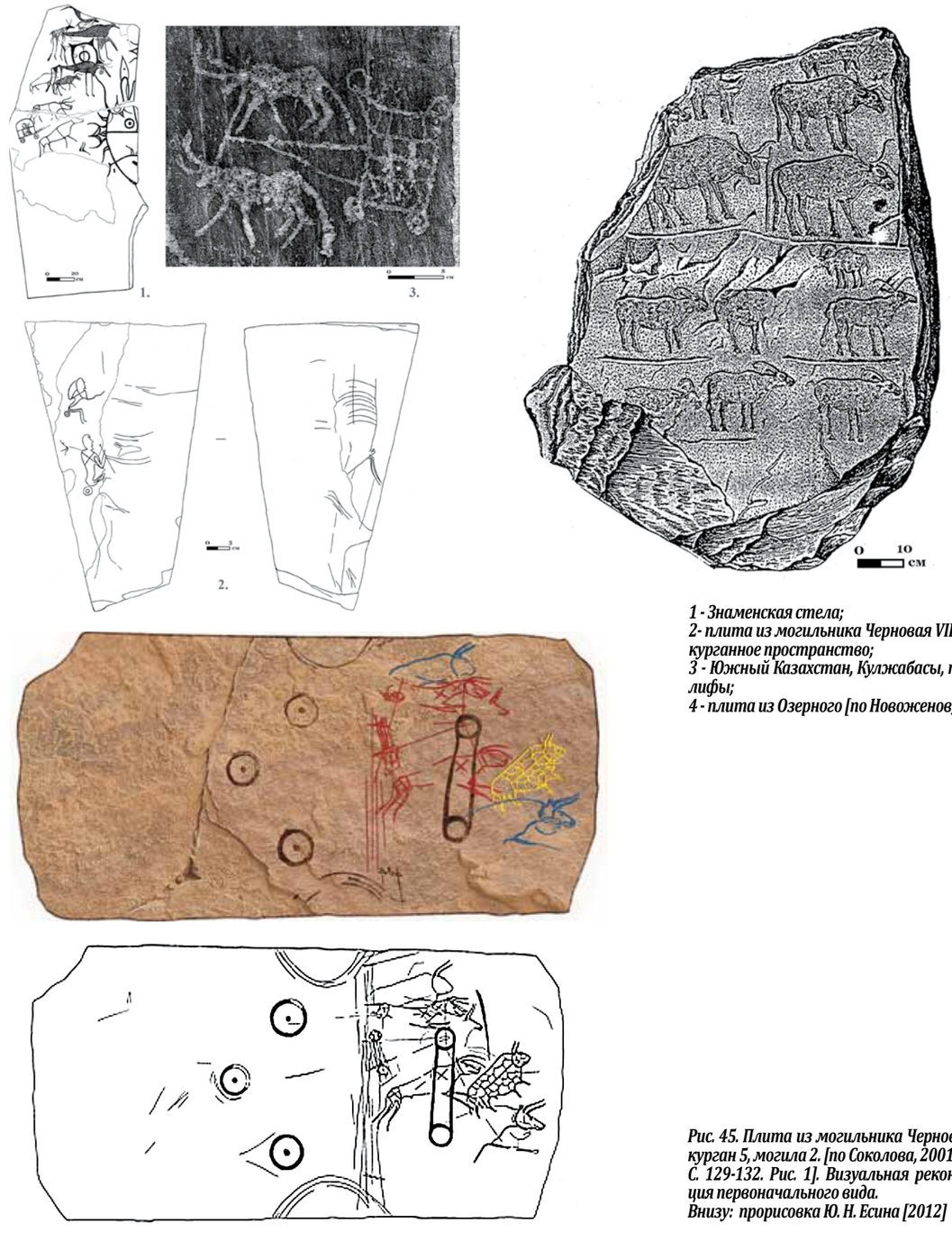
[Киселев, 1949; Алексеев, 1961. С. 380-384; Вадецкая, 1986. С. 22; Семенов, 1987. С.18; Шер, 1980; Новоженов, 2012б;в;г;е; 2013]

Здесь в изобразительных памятниках, на мегалитических стелах, зафиксированы: крытый фургон, запряженный парой быков с возничим (Знаменская стела, рис. 44), А-образные двуколки, распряженные и запряженные быками (Аскизская стела, плита из мог. Черновая VIII, рис. 45, 46), и уже упоминавшееся изображение распряженной телеги с высокими бортами на стеле из Усть Бюрь (рис. 47) в Хакасии. Традиционно эти памятники датируются окуневским временем, однако есть основания предполагать их более раннюю – афанасьевскую датировку и соотносить с выделенным Саянским блоком раннебронзовых культур второй половины III тыс. до н. э.

[Есин, 2012]

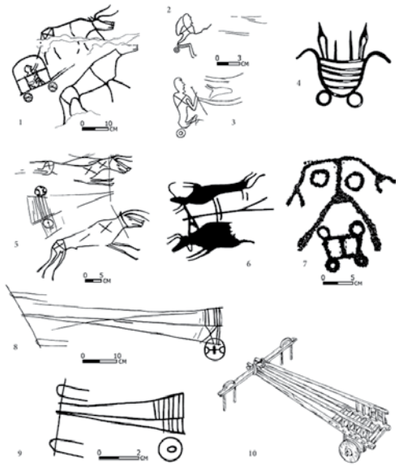
[Шер, 1980; Новоженов, 1994; 2012; Есин, 2012; Соколова, 2012]

Рис. 44. Минусинская котловина. Стела из деревни Знаменка. Прорисовка Е. А. Миклашевич



1 - Знаменская стела;
2- плита из могильника Черновая VIII, межкурганное пространство;
3 - Южный Казахстан, Кулжабасы, петроглифы;
4 - плита из Озерного [по Новоженов, 2012]

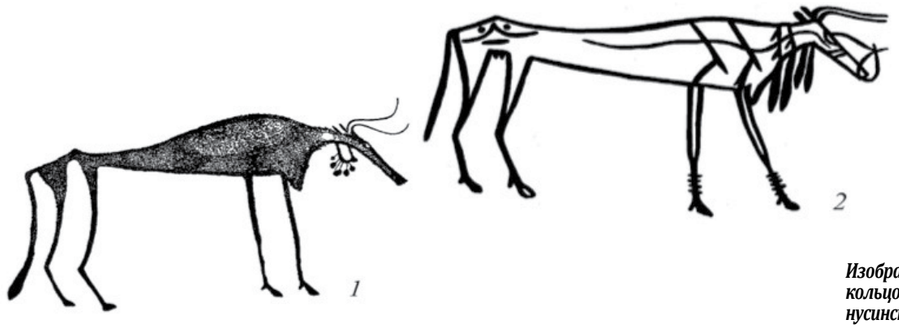
Рис. 45. Плита из могильника Черновая VIII, курган 5, могила 2. [по Соколова, 2001. С. 129-132. Рис. 1]. Визуальная реконструкция первоначального вида.
Внизу: прорисовка Ю. Н. Есина [2012]



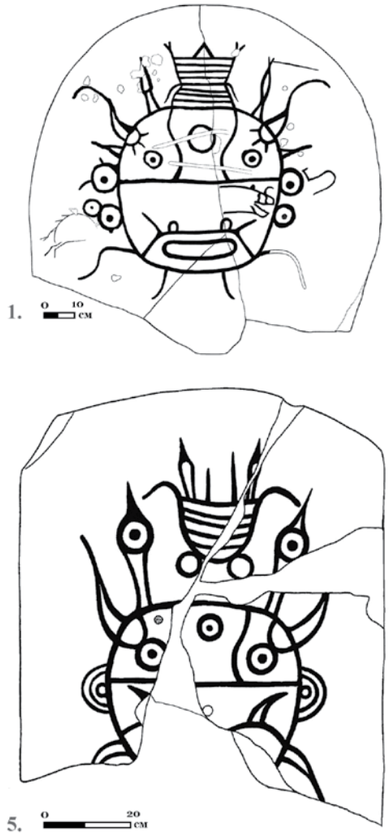
Древнейшие упряжки Минусинской котловины [по Есин, 2012, с. 19-20, рис. 6-9].

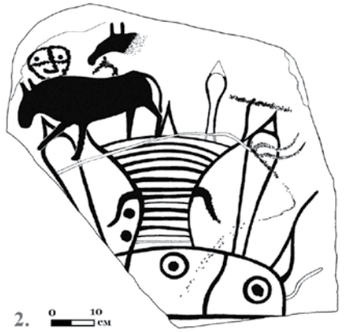
1 – Знаменская стела;
2, 3, 5 – Черновая VIII;
4 – УстьБюрь;
6 – Красный Камень;
7 – Тепсей (Усть Туба 2);
8 – Аскизская плита;
9 –Разлив X;
10 – реконструкция А-образной двуколки

Рис. 46. Аскизская плита. Прорисовка и фото [по Есин, 2012. С. 18. Рис.5]



Изображения упряжных быков с носовым кольцом и с «ошейниками-хомутами». Минусинская котловина [по Есин, 2012]





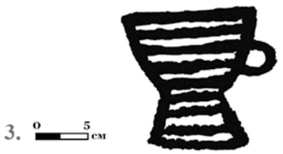


Рис. 47. Изображения повозки и сосудов – курильниц на стелах из Минусинской котловины [по Есин, 2012; Кызласов, 1986. Рис. 113].

1 – Ширинский район, Хакасия;
2 – Итколь 2;
3 – Кызлас;
4 - Уйбат 5;
5 – стела из Усть -Бюрь

На скалах Центральной Азии в настоящее время известно более полутысячи наскальных изображений различных типов повозок более поздних исторических периодов, подавляющее большинство которых составляют изображения колесниц (рис. 48-59).

[Новоженов, 2012. С. 305-308]

Обоснование генетического родства носителей ямной и афанасьевской культурных традиций нашло яркое подтверждение в антропологических материалах. Давно установлено их значительное сходство. При этом антропологи отмечают формирование центральноазиатского очага брахикефализации в Минусинской котловине, на Алтае и в Туве, а также значительное сходство афанасьевских и окуневских черепов. Брахикранные черепа известны у населения Нижнего Поволжья и в культуре Триполье-Кукутени.

[Дебец, 1948; Алексеев, 1961. А. Г. Козинцев на основании значительной серии материалов показал распространение европеоидов на восток Евразии, см.: Козинцев, 2008; 2009]

[Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 228, ср.: Шевченко, 1984. С. 119]

Окуневские черепа имеют ближайшие аналогии в антропологических материалах из могильников эпохи бронзы юго-западного Таджикистана (Ранний Тулхар). Эти черепа относятся как к широколицему протоевропеоидному типу населения степной полосы Евразии, так и к южному протосредиземноморскому расовому типу, при этом отмечается необычайно большая высота лица. Этот признак находит точные аналогии в материалах из могил в Сиалке (Иран), в Самтаврском могильнике (Грузия) и в могильнике Гинчи (Дагестан).

[Мандельштам, 1968. С. 182, см. определения Т. П. Кияткиной – С. 168-182]

Антропологические материалы из погребений поселения коневодов - Ботай в Северном Казахстане, датированных «доямным» временем, отнесены к протоевропейскому типу, характерному для населения восточных областей распространения европеоидной расы, и близки антропологическому типу афанасьевского населения Алтае-Саянского нагорья. Эти материалы позволяют говорить о наличии южных контактов ботайского населения с районами распространения земледельческих культур Туркмении, северо-восточного Ирана, Средиземноморья, где зафиксированы формы с экваториальными расовыми особенностями. ■

[Рыкушина, Зайберт, 1984. С. 121-136; см.: про «средиземноморский» тип подробнее - Козинцев, 2008; 2009]

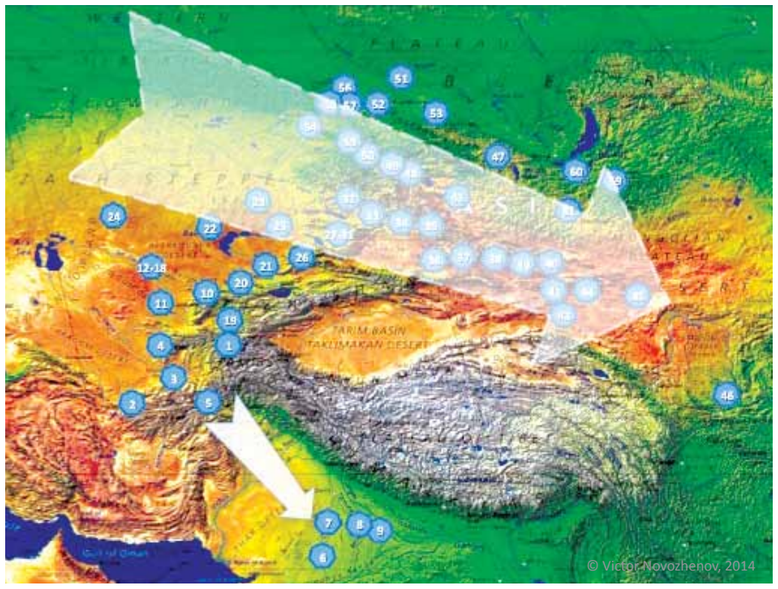


Рис. 48. Карта распространения колесничных петроглифов в Центральной Азии.
1 – Акджилга; 2 – Текке-Таш; 3 – Охна; 4 – Каракиясай; 5 – Тхор; 6 – Чиббарнала; 7 – Дхарампури; 8 – Чатур Бху Нэш; 9 – Эда Калькаве; 10 – Жалтырык-Таш; 11 – Терс; 12 – 18 – Койбагар, Арпаузен, Кошкар Ата, Габаевка, Кокбулак, Ран-Озен, Ксан; 19 – Саймалы-Таш; 20 – Тамгалы; 21 – Чумыш; 22 – Жамбыл; 23 – Кестелетас; 24 – Байконур 3; 25 – Саяк; 26 - Ешкиольмес; 27 – Акбаур; 28 – Курчум; 29 – Мойнак; 30 – Тулькуне; 31 – Саур Тарбагатай; 32-35 – Калбак-Таш, Жалгыз-Тепе, Елангаш, Адырхан; 36 – Яманы-Ус; 37 – Цаган Гол; 38 – Бичигтыаам; 39 – Хобд Сомон; 40 – Бэгэр Сомон; 41 – Чулуут; 42 – Дарви Сомон; 43 – Манлай Сомон; 44 – Хавцгайт; 45 – Урад (Ланшань); 46 – Янгсу (Кангуан); 47 – Сыын Чурек; 48 – Мугур Саргол-Чинге; 49 – «Дорога Чингисхана»; 50 – Ортаа Саргол; 51 – Усть Туба; 52 – «Шаман камень» (Оглахты); 53 – Суханиха; 54 – гора Тунчух; 55 – Ошкольская писаница; 56 – гора Седловина; 57 – гора Шишка; 58 – гора Полосатая

Рис. 49. Тарбагатай. Грот Акбаур. Роспись [по Samashev, 1992. P. 92, fig. 6]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж). Рис.5]

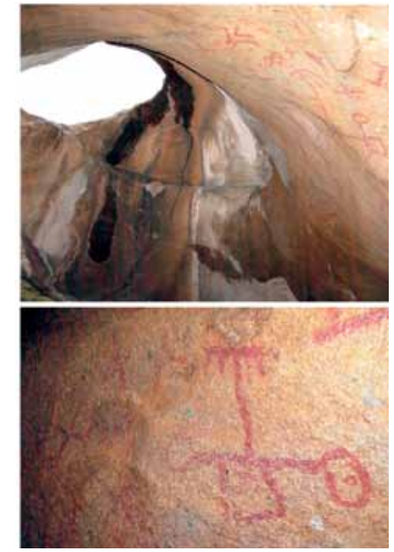


Рис. 50. Восточный Казахстан. Грот Акбаур. Фото. Вид внутри грота и двуколка [по Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011. С. 71, 115]

Рис. 51. Западный Казахстан. Горы Мугоджары. Кайракты, юг. Изображение повозки и фаллосов (?). Фото любезно предоставлено В. В. Ткачёвым

Рис. 52. Южный Казахстан. Хребет Каратау. Арпаузен. Фото и прорисовка [по Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011. С. 420]

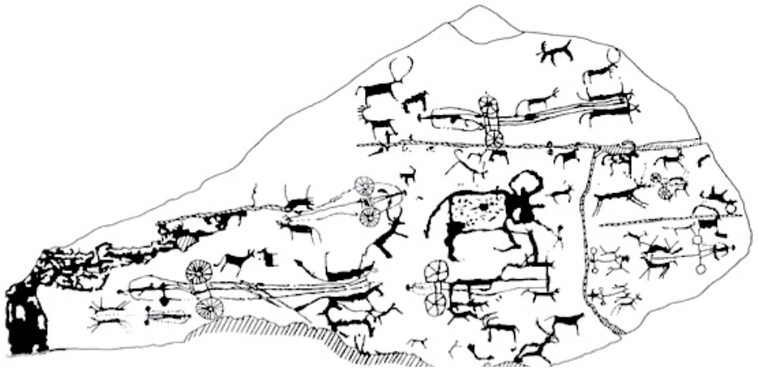


Рис. 53. Монголия. Изображения повозок. Цагаан Гол, участок SK [по Jacobson, 2012. P.1-28, Fig.17]

Горный Алтай. Калбак Таш 1. Плоскость с колесницей. Фото и прорисовка любезно предоставлены Е. А. Миклашевич

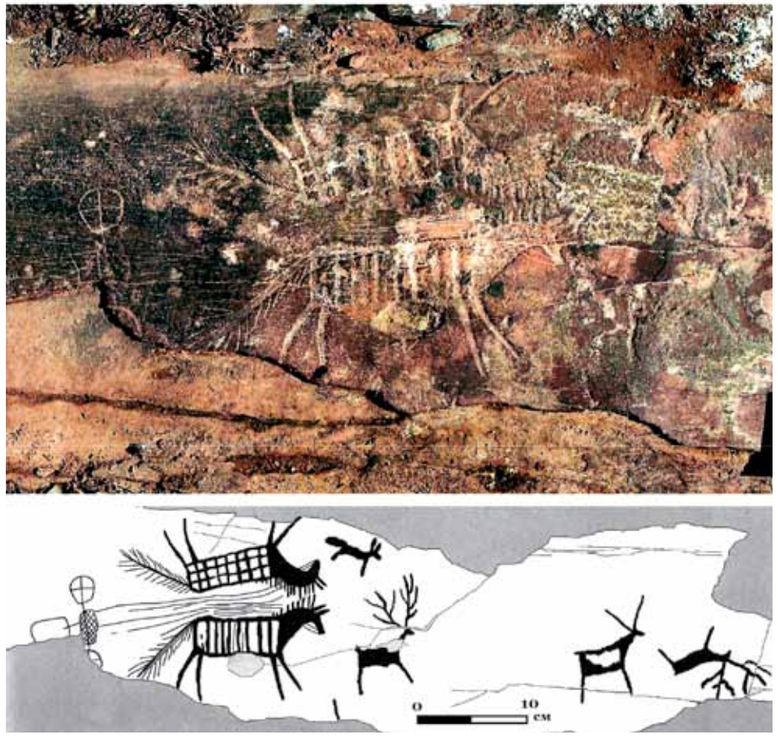


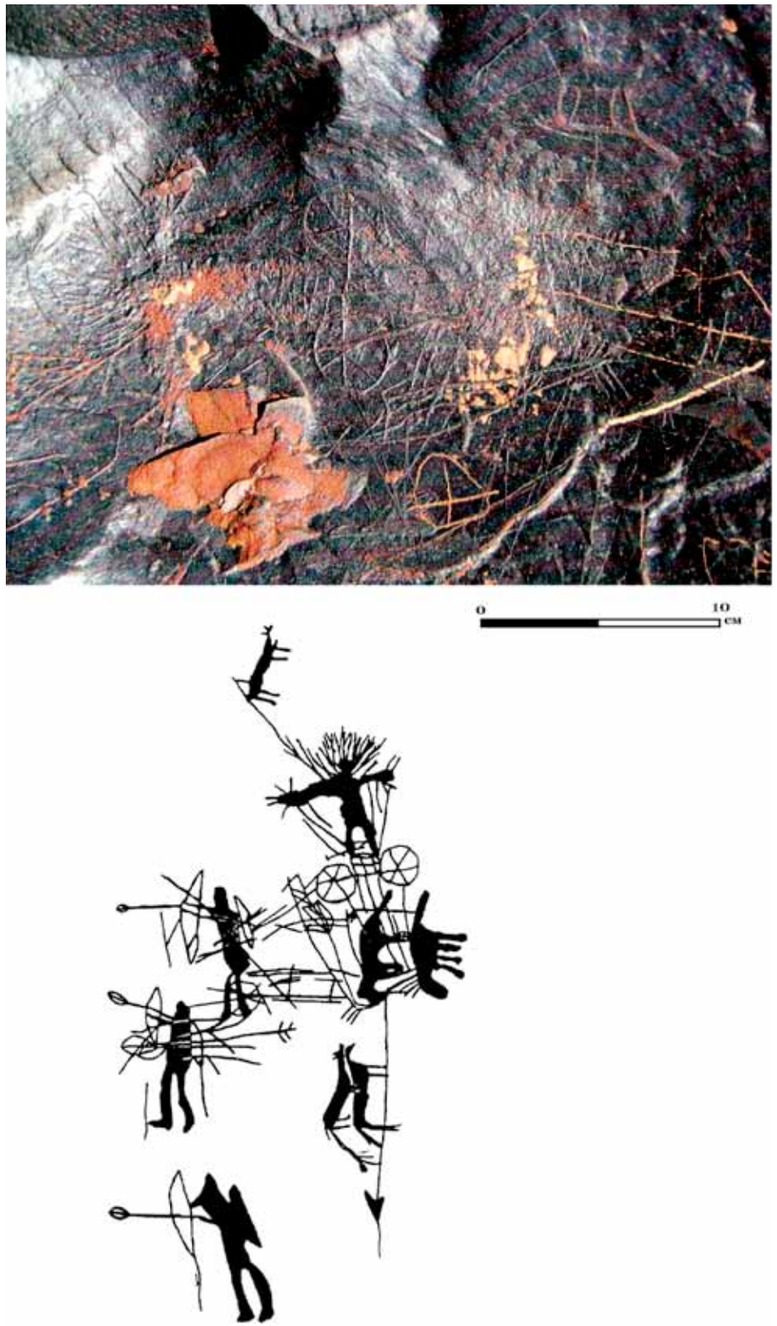
Рис. 54. Восточный Казахстан. Мойнак. Плоскость 33. Фото (фрагмент) и прорисовка плоскости [по Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011. С. 134]

Рис. 55. Южный Казахстан. Хребет Каратау. Арпаузен. Фото любезно предоставлено А. Е. Рогожинским

Рис. 57. Южный Казахстан. Ешкиольмес. Фото любезно предоставлено А. Е. Рогожинским

Рис. 56. Восточный Казахстан. Мойнак. Плоскость 37. Фото и прорисовки. Фрагмент – колесница с вертикально стоящим копьем [по Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011. С. 138-139]

Рис. 58. Южный Казахстан. Хребет Каратау. Арпаузен. Фото и прорисовка [по Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011. С. 421]



Южный Казахстан. Ешкиольмес. Петроглифы. Фото и прорисовки [по Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011. С. 138-139]

Южный Казахстан. Ешкиольмес. Петроглифы. Фото и прорисовки [по Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011. С. 138-139]

Рис. 59. Казахский мелкосопочник. Шу-Илейские горы. Анкгельды. Квадрига. Фото любезно предоставлено А. Е. Рогожинским

2.2. Путь на восток

Трансконтинентальный транспортный коридор в северной части Евразии сформировался в широтном направлении (северный путь), по всему поясу лесостепей и степей. Кочевавшие в фургонах-жилищах вслед за своими многочисленными стадами, в поисках новых пастбищ, некоторые производственные группы животноводов постепенно продвигались на восток и достигли Минусинской котловины, которая естественным образом ограничивает евразийские степи на востоке.

Эти первые переселенцы, привезли с собой многие необычные навыки: украшение охрой стен своего жилища-фургона (и стенок своих могил – моделей мобильных домов – каменных ящиков и погребальных ям, что нашло отражение в их собственной своеобразной изобразительной традиции), свои производственные навыки и свои собственные коммуникативные системы. Оказавшись в комфортной и достаточно обширной экологической нише, каковой является Минусинская котловина, они активно стали вступать в различного типа отношения с редким аборигенным населением, воспринимая их традиции и некоторые обычаи через своих местных жен (рис. 43). Дальнейшее продвижение этих групп было возможно только в южном направлении, вектор этого движения направлен на юго-востоке – на степные пространства Монголии и Синцзяна, через горные долины Алтая, через «Джунгарские ворота», а также на юге – на плодородные долины Средней Азии, через бескрайние казахские степи.

[Черных, 2009]

В III тыс. до н. э. в Евразии произошло глобальное изменение климата – он стал более континентальным и сухим, что явилось главной предпосылкой к развитию мобильного уклада хозяйства. Аридизация климата неизбежно вела к развитию в степном поясе Евразии номадизма – специфической культуры животноводов. В культурно-историческом понимании это – обширное сообщество пастухов, занятых воспроизводством домашних животных, обслуживанием этого процесса и объединённых сходной системой мифологических представлений.

[Долуханов, 1984. С. 31; Lozek, 1971]

Широкое распространение памятников сходного типа по всему степному поясу Евразии может быть объяснено ранним возникновением номадизма, как основного культурно-хозяйственного типа (КХТ), уже в начале III тыс. до н. э.

[Мерперт, 1968. С. 41-43, Шилов, 1975. С. 5-15]

А. Тойнби относил начало кочевничества к концу IV – началу III тыс. до н. э. Трудно согласиться с представлением, что переход к кочевому скотоводству совершился лишь на рубеже II-I тыс. до н. э., в этот период кочевое животноводство, очевидно, заняло определяющее место в жизни степных обществ и приобрело, как отметил Н. Э. Масанов, универсальный характер:

[Toyenby, 1934. P. 404]

[Хазанов, 1973. С. 5 – 10; Грязнов, 1955; 1956; 1957; Марков, 1976. С. 109]]

[Масанов, 1984; 1987. С. 29-39; 1989. С. 55-81]

•*традиционность*, которая обусловлена, с одной стороны, природно-экологическими факторами, а с другой – естественными биологическими потребностями стада. Сложившись однажды, этот тип хозяйства сохранялся практически без изменений в течение следующих тысячелетий;

•*дисперсность*, постоянная подвижность населения, происходящая от потребности искать новые и новые пастбища для скота;

• *цикличность передвижения*, которая определяется привязкой к конкретной экологической нише – источникам воды и восстанавливающимся через определенный промежуток времени пастбищам: так, например, казахи в этнографическое время совершали тысячекилометровые циклы кочевок;

•*незначительная плотность населения*, которая диктуется численностью поголовья стада, требующего значительной площади пастбищ – с одной стороны – и ограниченного числа людей, способных прокормиться от этого стада – с другой.

•*универсальность*, которая происходит от конкретных условий определенной экологической ниши и проявляется в сочетании различных форм животноводства: оседлого, полукочевого, яйлажного – и вспомогательных производств: кузнечных, плотницких, гончарных, ткацких и других – вплоть до занятий земледелием.

Единственный возможный способ расселения животноводов в степи – в небольших производственных коллективах-кланах, разделенных между собой значительными пространствами пастбищ. Демографический рост численности этих коллективов приводил к выделению производственных групп родственников – молодых генераций, вынужденных искать новые пастбища для своего скота, поскольку конкретное количество домашних животных требовало определенного их физиологическим потребностями количества биомассы. Так, для нормального воспроизводства одной особи лошади в течение одного года требовалось не менее 20 га пастбищ, для одной особи овцы – 12-24 гектара.

[Федорович, 1956; Масанов, 2000. С. 116-130; 2011]

Освоение более аридных, степных пастбищ было возможно как по долинам рек, так и путем увеличения в стаде поголовья овец, лошадей и верблюдов, что и фиксируется по остеологическим материалам в более южных районах Казахстана. Эти выводы означают, что возможная миграция степных социумов на первоначальном этапе носила добровольный и вполне мирный характер, напоминавший больше освоение целинных земель, а не процесс колонизации «чужих» территорий, со всеми ужасами ассимиляции и насильственным покорением аборигенного населения. Показательными в этом смысле представляются укрепленные поселения Аркаим и Синташта, покинутые населением одномоментно, без видимых следов каких-либо батальных событий, так же, как покинута Хатусса (Богазкей) – столица Хеттского царства или Гонур-тепе в Маргиане.

[Нурумов, Макарова, 1988]

Скорее, этот процесс продвижения приводил к резкому увеличению количества смешанных браков – Великой метисации и достаточно быстрой по историческим меркам смене антропологического типа. Он связан с распространением некоторых инноваций и хозяйственных навыков, что фиксируется разнообразием типов и декоров керамики и что, возможно, приводило к изменению языка общения, сохраняя при этом и консервируя наиболее архаичные и устойчивые черты собственной идентификации.

В своей работе Дж. Робб на основе компьютерного моделирования процесса распространения языков ИЕ семьи на территории Евразии доказал, что «микроизменения» в социальной сфере очень напоминают «вид социального броуновского движения». Оказалось, что небольшие по численности условные языковые группы либо перемещались на карте Евразии на значительные расстояния, либо развивались изолированно. При этом ареал «мобильных» групп более стабилен и непрерывно расширяется за счет «колонизации» чужих территорий. Изолированные группы оказались более уязвимыми и склонными к вымиранию.

[Robb, 1991. P. 287-291]

Длительное пребывание отдельных производственных коллективов в изоляции влекло за собой неизбежную опасность вырождения этих групп и их физическую деградацию. Поэтому принципиальное значение имели брачно-семейные отношения с другими, значительно удаленными группами скотоводов и другими, в том числе и земледельческими социумами, которые и предопределили характер каналов коммуникации, формировавшихся здесь в III тыс. до н. э. носителями многочисленных АК степной Евразии между собой, а также определили своеобразие и направленность этих каналов на существующие в это время оседлые цивилизации, обладавшие многими недоступными в степи ценностями. ■

2.3. Протоиндоевропейские инновации

Животноводство, как основной вид занятий подавляющего большинства социумов «постнеолитической» Центральной и Восточной Европы, Анатолии и Северной Месопотамии, стал главной хозяйственной инновацией после «неолитической революции». Этот тип хозяйства во всех равнинных и степных регионах Евразии, где имелись богатые травой пастбища, в сравнении с земледелием, давал гарантированный и значительный прибавочный продукт и обеспечивал предполагаемым «протоиндоевропейцам» устойчивое и прогрессивное развитие.

Процессы культурогенеза, происходившие в эпоху бронзы в Восточной Европе, обстоятельно анализируются в ряде работ В. С. Бочкарёва. В качестве определяющих факторов, обусловивших культурогенез степных социумов, автор определяет инновации в следующих сферах хозяйственной деятельности: в развитии животноводства и его различных форм, напрямую зависящих от природно-климатических условий обитания; в металлообработке и формировании металлургических центров, в которых генерировались инновации в бронзолитейном производстве и, соответственно, возможности производить инновационные виды оружия; а также в изменениях на социальном уровне.

[Бочкарев, 1986; 2010; 2012. С. 13-24]

[Бочкарев, 2012. С. 13-24]

2.3.1. Животноводство. Археоботанические исследования, проведённые в последнее время, свидетельствуют «о крайне слабом развитии земледелия в эпоху бронзы на всём пространстве степи и лесостепи от Зауралья до Поднепровья» и, напротив, «имеется множество материалов, которые говорят о широчайшем распространении скотоводства», что позволяет утверждать, что «восточноевропейская археология бронзового века, по преимуществу, является археологией скотоводческих культур». Как полагает автор, уже «существовало несколько типов скотоводства (придомное, стойловое, отгонное, кочевое и т.д.)», и далее он поддерживает сложившуюся у этнографов концепцию культурно–хозяйственных типов (КХТ), применительно к степным АК, в её адаптированном виде. Именно мобильный характер хозяйства определял подвижность и многочисленные переселения носителей АК, что приводило к их «смешению и размыванию отчётливых границ между ними. В результате возникала культурная непрерывность, которую Е. Н. Черных назвал «степным синдромом». Археологически это выражается в том, что иногда соседние культуры столь слабо различаются друг от друга в типологическом отношении, что остаётся неясным, где кончается одна из них и начинается другая. Особенно трудно различимыми бывают АК, входящие в одну общность, такую, например, как ямная».

[Бочкарев, 2012. С. 14-15]

[Бочкарев, 2012. С. 16]

2.3.2. Металлургия. Металлопроизводство животноводов Восточной Европы в некоторые периоды эпохи бронзы оказывалось одним из самых передовых во всей Северной Евразии. Уже в IV тыс. до н. э. сначала на Кавказе, а затем и в степях распространились мышьяковые и сурьмяные бронзы, технология литья по восковой модели, разнообразный ассортимент изделий (проушные топоры, тесла, долота, ножи, украшения и пр.). Безусловно, лидирующая роль тогда принадлежала кавказскому центру.

[Бочкарев, 2012. С. 17]

Последующее развитие степной металлургической традиции связано с формированием волго-уральского очага культурогенеза. В недрах этого очага возникла новая модель металлопроизводства, которая постепенно распространилась от Южного Урала и Среднего Поволжья до Поднепровья и Прикубанья. Вместе с ней появился ряд важных технологических новаций. Среди них следует назвать использование оловянных бронз (вместо мышьяковых и сурьмяных), каменных литейных форм (вместо глиняных), а также освоение литья изделий со слепой втулкой.

Как следствие - значительное развитие получила также система вооружения. Она имела ряд своеобразных черт и значительно отличалась от аналогичных систем земледельческих АК Европы бронзового века, в которых решительно преобладало оружие ближнего боя, предназначенное для пешего воина. Совсем иная система вооружения сложилась на юге Восточной Европы и в казахстанских степях. Главную роль в ней играли не меченосцы и копейщики, а лучники и лошади. Лучники действовали в составе мобильных соединений, которые могли вести дистанционный бой в скоростном режиме. Основными их тактическими приемами были внезапное нападение и столь же быстрый откат назад в случае неудачи. В окончательном виде эта система оформилась в начале железного века.

[Бочкарев, 2012. С. 17-18]

2.3.3. Социальные изменения. В социальном плане, В. С. Бочкарёв отмечает высокий уровень развития степных социумов эпохи бронзы и так их характеризует: «Они представляли собой сложные социальные организмы, хорошо структурированные как по вертикали, так и по горизонтали. Судя по целому ряду данных, их население было дифференцировано в половозрастном, социальном и профессиональном отношениях. В этих обществах выделилась родоплеменная знать, которая, как правило, была сильно милитаризирована. В то время сложилась некая система территориального управления. Продолжался процесс ремесленной специализации, который начался еще в предыдущую эпоху. Наиболее интенсивно он протекал в металлопроизводстве и в оружейном деле (погребения кузнецов-литейщиков, «стрелочников»). Эти общества име-

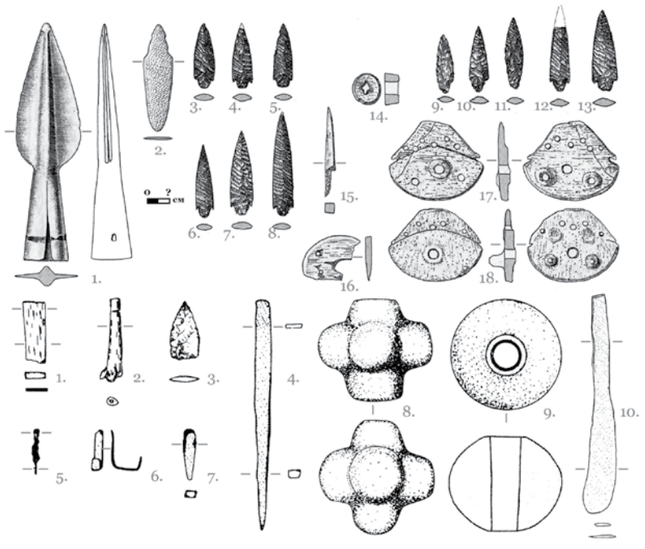


Рис. 60. Урало-казахстанский колесничный комплекс. Инвентарь:

1-18 – Синташта, могила 30 (верхняя часть рисунка): 1-2-бронза; 3-13-камень; 14-18-рог.

1-10 – Каменный Амбар 5, курган 2, могила 8 (нижняя часть рисунка):
1-2 – кость; 3, 8-9-камень; 10 – бронза [по Epimachov, Korjakova, 2004. S. 226, 229. Abb. 5, 8]

ли хорошо налаженные связи с соседними и отдаленными территориями. Необходимость импорта и экспорта металла объединяла их в большие ассоциации. Несмотря на все эти достижения, ни одна из них так и не вышла за рамки первобытности. На протяжении всей эпохи бронзы большинство из них оставались племенными (сегментированными) обществами. Только колесничие культуры (синташтинская, потаповская, петровская и покровская) продвинулись несколько дальше. У них, по мнению ряда исследователей, возникли комплексные общества (вождества)».

[Бочкарев, 2012. С. 19]

2.3.4. Колёсный транспорт и прагматическая идея использования колеса и мобильного жилища есть практическая необходимость развития таких подвижных животноводческих социумов. Другая, не менее важная, «протоиндоевропейская» инновация. Мобильный характер животноводства и потребность изготовления транспортных средств неизбежно требовали развития навыков в производстве самых современных бронзовых орудий, которые не только обеспечивали сам производственный процесс, но гарантировали и оборону (или нападение) в случае необходимости, и само появление таких инноваций. Известное в индоевропейской мифологии представление о«чудесном» происхождении оружия – явный отголосок устойчивого понимания особой значимости металла, оружия и традиции его изготовления в реальной жизни этих социумов (рис. 60, 61).

ИЕ инновацию производства колёсной повозки нагляднее всего видно по распространению и эволюции мобильного жилища – запряженного волами крытого фургона, остатки которых найдены в разных регионах; свидетельства их использования запечатлены на скалах или стелах, о чем уже шла речь выше. Далее остановимся на связанных с такими упряжками других загадочных археологических находках неизвестного назначения, которые также могут рассматриваться как ИЕ инновации.

Среди разнообразия типов орудий труда, обнаруженных археологами в степных памятниках эпохи бронзы, выделяются бронзовые крюки с втульчатой насадкой для крепления на деревянную рукоять, очень похожие на багры современных пожарных. География этих находок впечатляет: они найдены в Предкавказье, в южно-русских, урало-казахстанских степях и на юге Казахстана (устное сообщение профессора А. Н. Подушкина). Часто они зафиксированы в явном транспортном или «колёсном» контексте, совместно с остатками повозок-двуколок, колесниц или других атрибутов колёсного транспорта, вместе с носовыми кольцами для управления быками, что предполагает поиск функционального назначения этих предметов именно в этом направлении.

Важным средством дистанционного управления упряжными животными стали специальные предметы, орудия труда возничего – кнут и стрекало. Стрекала Г-образной формы изображены на серебряном сосуде из Бактрии, на многочисленных цилиндрических печатях из Анатолии и Сирии, «гарпуны» сходного типа известны в материалах Гонур-тепе в Маргиане, а в Восточном Туркестане изображены в руках у некоторых чемурчекских антропоморфных изваяний вместе с луками.

Более поздние колесничные комплексы урало-казахстанских степей демонстрируют великолепные образцы стрекал и таких втульчатых бронзовых крюков. Раскопано, детально изучено и датировано уже более полусотни андроновских памятников с остатками реальных колесниц, оружия колесничих и их снаряжения, в том числе стрекал и крюков-багров.

Многие типы вооружения из андроновских колесничных могил изображены в многофигурных композициях на скалах (см. подробнее в след. главе). Возможно, в руках некоторых колесничих изображены такие багры, часто принимаемые нами за жезлы, клевцы или чеканы.

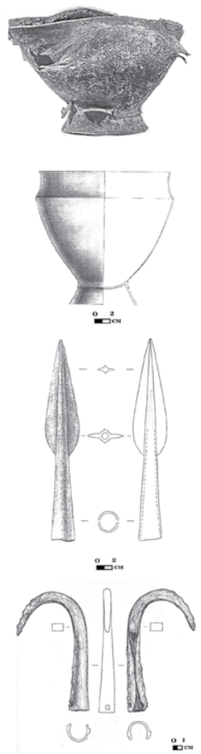


Рис. 62. Центральный Казахстан. Могильник Ащису. Инвентарь: 1-2 – бронзовый сосуд; 3 – копье; 4 – крюк-багор [по Кукушкин, 2011. С. 110-116]

[Ковалёв, 2012а. С. 14-15, 36, 72, 108, 116-117; см.: рис. 10; 15-17]

[Чечушков, 2013. С. 14-19; Кукушкин, 2011]

Прототип крюка-багра (рис. 62) из раннеандроновского мог. Ащису найден в катакомбном погребении 32 Большого Ипатовского кургана вместе с А-образной двуколкой и датирован радиоуглеродными методами серединой III тыс. до н. э. Конструкция найденной здесь двуколки с поразительной точностью запечатлена на Аскизской стеле и на каменной плите могилы из Черновой VIII в Хакасии. Наиболее ранние (начало - середина III тыс. до н. э.) бронзовые «крюки», «вилки» или «трезубцы» на длинных деревянных ручках серийно представлены в материалах майкопско-новосвободненской общности (МНО) в Предкавказье и южно-русских степях. Втульчатые вилки украшены паркетным орнаментом, поперечными или продольными валиками, головками баранов (рис. 63, 64). Это обстоятельство указывает не только на важное практическое значение этих предметов, но и на культовое и мифологическое их предназначение.

[Кукушкин, 2011; 2011а]

[Большой Ипатовский курган..., 2007]

[Кореневский, 2011. С. 85-86. Рис. 81-82]

В Древнем Вавилоне трёхзубый жезл служил символом богини войны Иннаны-Иштар-Анахит. Трезубец, как известно, важный атрибут греческого бога Посейдона, генеалогия которого восходит к ещё более древнему божеству – повелителю коней – Гиппиосу. Примечательно, что два экземпляра втульчатых

[McMahon, et al., 2001. P. 212. Fig.9]

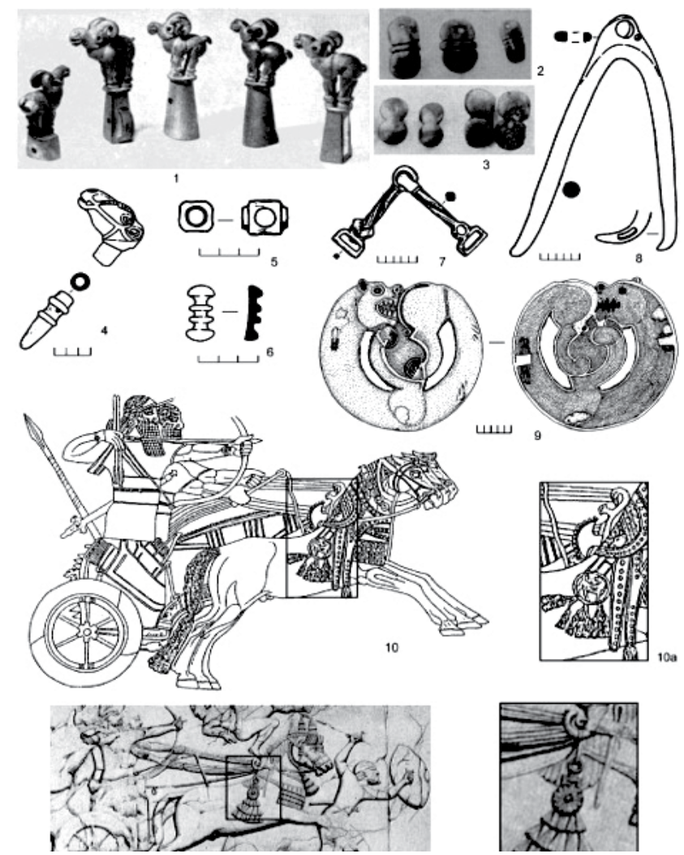


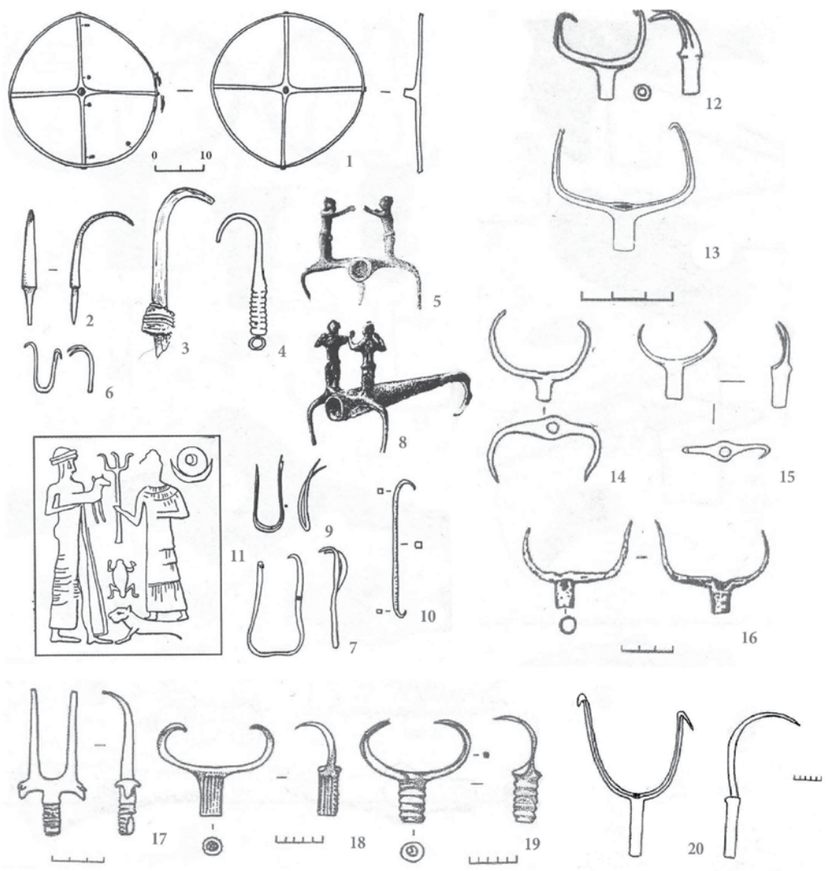
Рис. 61. Предметы колесничной упряжки [по Смирнов, 2012. С. 428. Рис.1]

1–9 – маркеры присутствия колесничной упряжки в кургане Аржан 1 (1–3 – камера 26; 4–6, 9 – камера 2; 7–8 – камера 1):

1 – навершия (украшения ярма?);
2 – бабочковидные бляшки;
3 – восьмерковидные бляшки;
4 – навершие и наконечник плети;
5 – распределители ремней нагрудника;
6 – желобчатая (трехжелобчатая) застежка;
7 – удила с двукольчатыми окончаниями;
8 – ярмо-рогатка;
9 – бляха-подвеска в виде свернувшегося хищника.

(1, 5, 7, 9 – бронза; 2–4, 8 – рог/кость; 6 – камень; 10–11 – материалы к реконструкции назначения бляхи-подвески – фрагменты декора каменных рельефов с изображением боевых колесниц и деталей убранства упряжных коней:

10 и 10А – дворец Ашшурнасирпала II, Нимруд;
11 и 11А – дворец Саргона II, Дур-Шаррукин



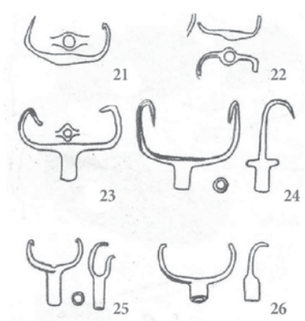


Рис. 63. Майкопско-Новосвободненская общность. «Вилки», крюки и «трезубцы» [по Кореневский, 2011. С. 288-290. Рис. 81-82].
1, 2, 8 – Клады, курган 31, погребение 5; 3 – Новосвободная, курган 2; 4 – ст. Тимошевская; 5 – Новосвободная, курган 1; 6 – Чегем II, курган 21, погребение 4; 7 – г. Дербент, Дагестанские огни; 9 – Андрюковская, курган 4; 10 – Клады, курган 4, погребение 7; 11 – оттиск цилиндрической печати, древневавилонский период, Чагар Базар; 12- Псебайская к.п.; 13 – Иноземцево (1976 г); 14 – Чегем II, курган 21, погребение 5; 15, 16 – Новосвободная, курган 1, погребение 1; 17 – Махошевская; 18, 20, 22 – Кубань; 19 – Бамут, курган 6, погребение 9; 21 – Клады, курган 11 Н, погребение 36; 23 – Погуляево, курган 1, погребение 3; 24 – Клады, курган 28, погребение1; 25, 26 – Клады, курган 31, погребение 5

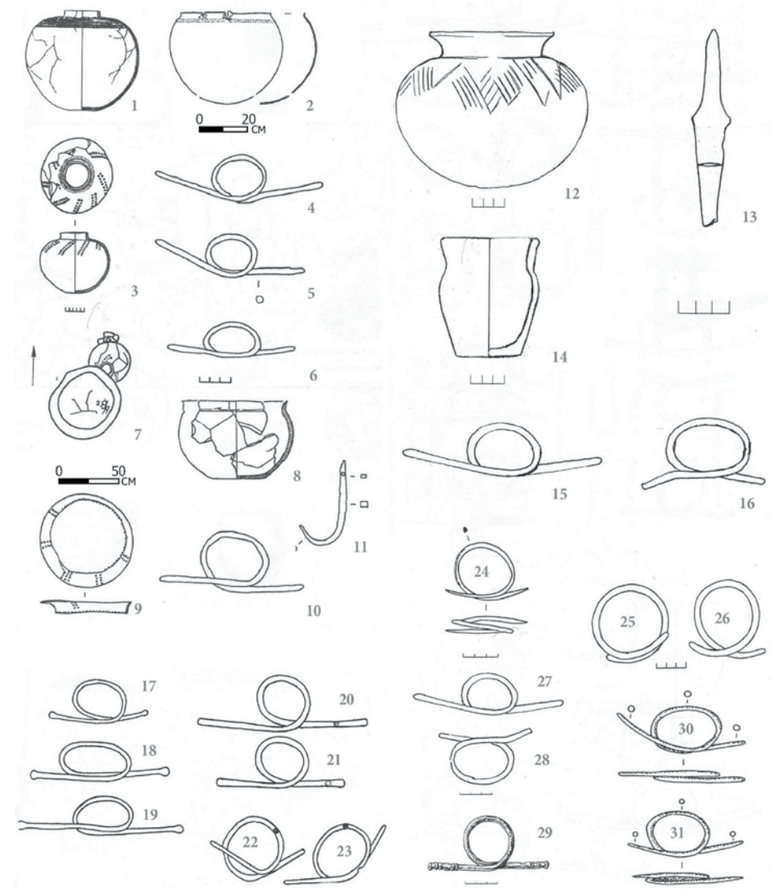


Рис. 64. Майкопско-Новосвободненская общность. Носовые кольца для управления быками [по Кореневский, 2011. С. 291-293. Рис. 83-85].

1-10 – могильник Клады, жертвенник кургана 11G;
11 – могильник Клады, курган 11G, погребение 26;
11-15 – комплекс из кургана 3, погребение 4 у с. Венцы;
16 – Чегем II, курган 27, погребение 1; 17,18 – Бамут, курган 15;
19, 20 – Кубина; 21 – Чишхо, разрушенное погребение;
22, 23 – Ульский аул;
24, 25 – Аладжа Хуюк, гробница К;
26 ,27 – с. Венцы, курган 3, погребение 4;
28, 29 – Клады, курган 4, погребение 1;
30 – Майкоп, разрушенный курган

[Langdon, 1989. P. 185-201]

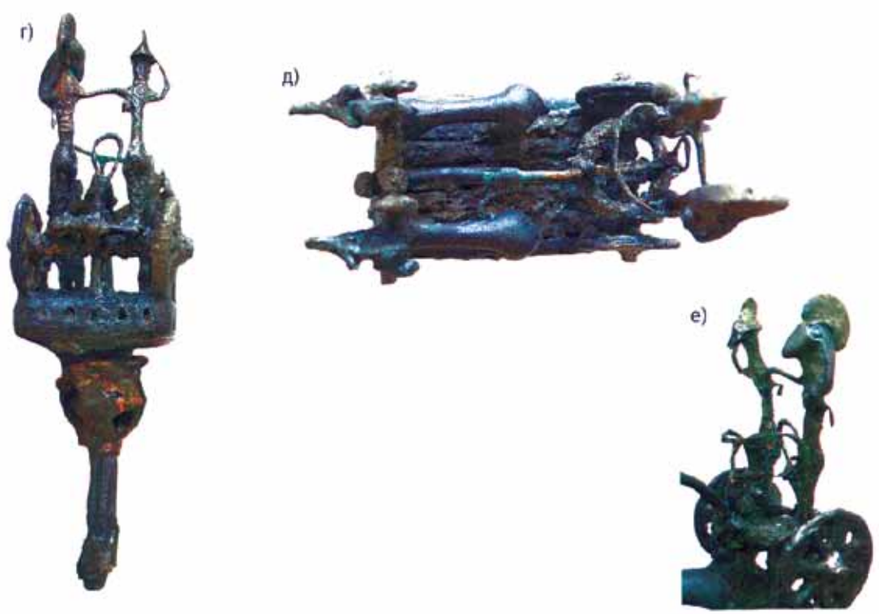
крюков-трезубцев из Новосвободной, курган 1 и из кургана 31, погребения 5, в могильнике Клады имеют парные антропоморфные фигурки возничих (?), стоящих друг напротив друга с вытянутыми руками. Такой сюжет известен в казахстанских петроглифах эпохи бронзы (мог. Тамгалы, найден на внутренней стенке андроновской могилы; в петроглифах Ешкиольмес и др., см.: в гл. 3) и хорошо иллюстрируется преданиями о культе «носатых» братьев - близнецов Ашвинов.

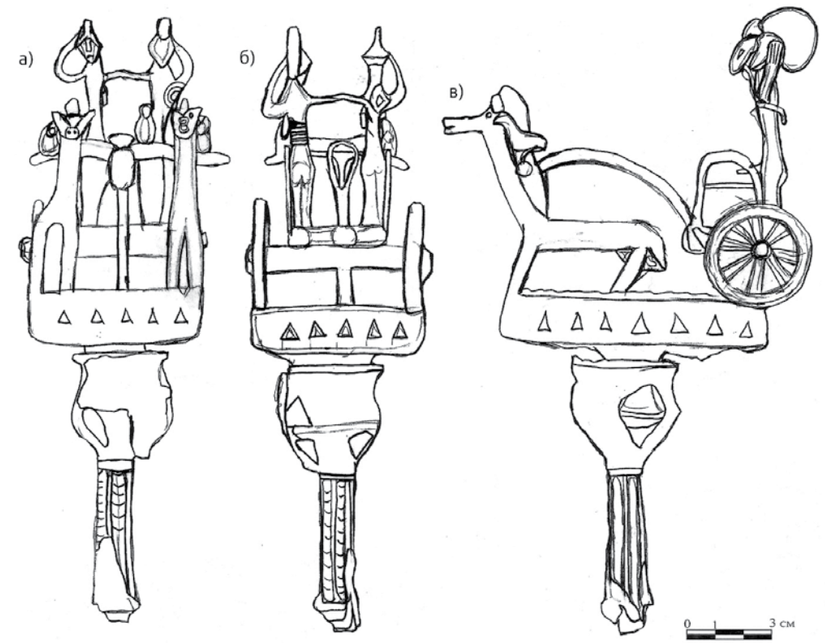
[Рогожинский, 1999]

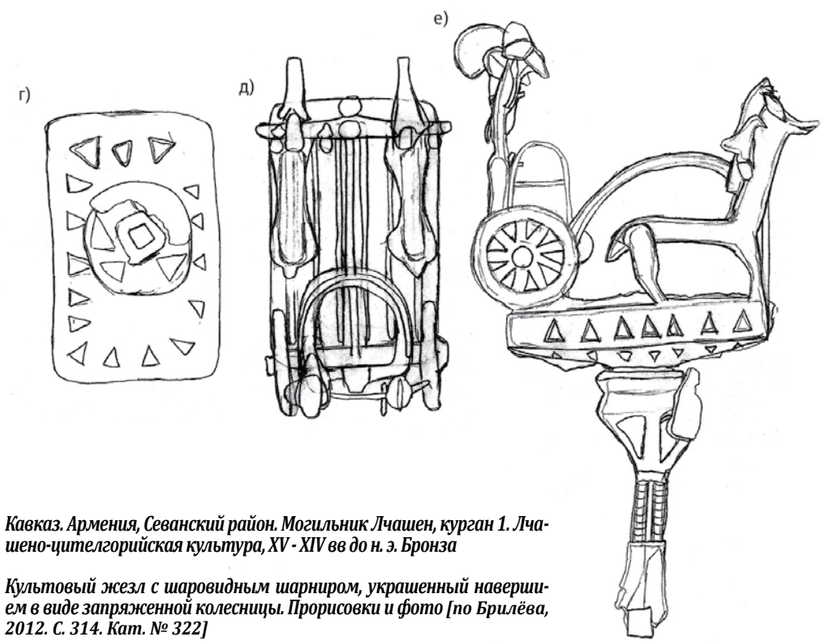
В более позднее время на Кавказе появляется другой тип предметов – бронзовые навершия в виде скульптурки колесницы и двух возничих, на подвижном шаровидном шарнире. Они найдены в мог. Лчашен, курганы 1, 9, 10, в мог. Лори-Берд, погр. 7 на территории Армении, датированных концом XV-XIV вв. до н. э., а в более позднем (нач. I тыс. до н. э.) грузинском комплексе святилища на г. Гохеби обнаружена бронзовая модель колесницы без возничих. Наличие на лчашенских навершиях специальных платформ с выемками (у трёх из четырёх предметов, притом у последнего она, скорее всего, отломана) позволяет предполагать их крепление к ярму повозки (в месте крепления к нему дышла), путём привя-

[Parpola, 2005. P. 15-17]

[Брилёва, 2012. С. 314-316, 320. Кат. № 322-325, 335; Пицхелаури, 2010. С. 120. Табл. X]

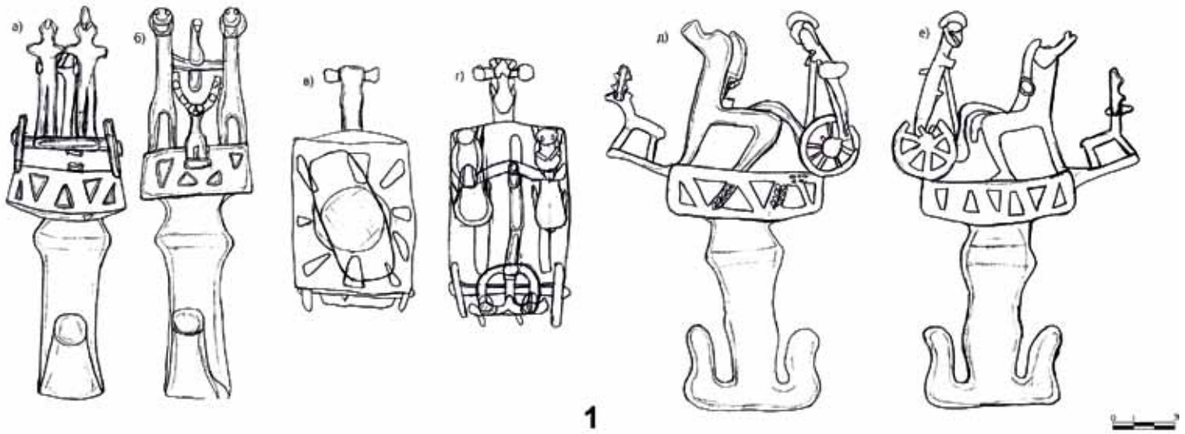




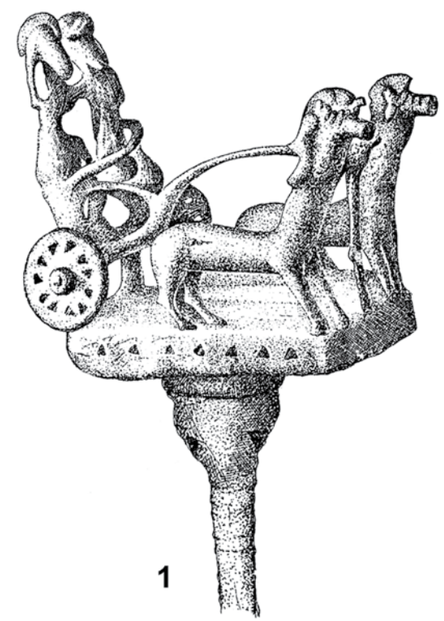


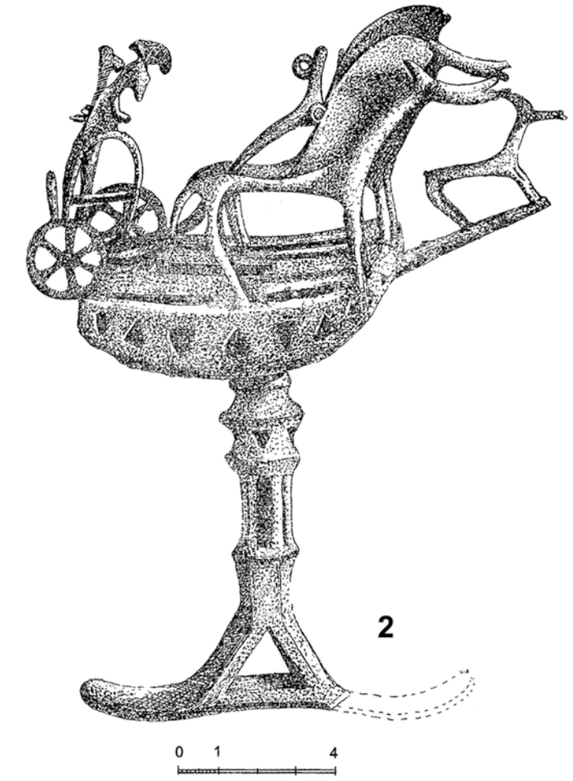
Кавказ. Армения, Севанский район. Могильник Лчашен, курган 1. Лчашено-цителгорийская культура, XV - XIV вв до н. э. Бронза

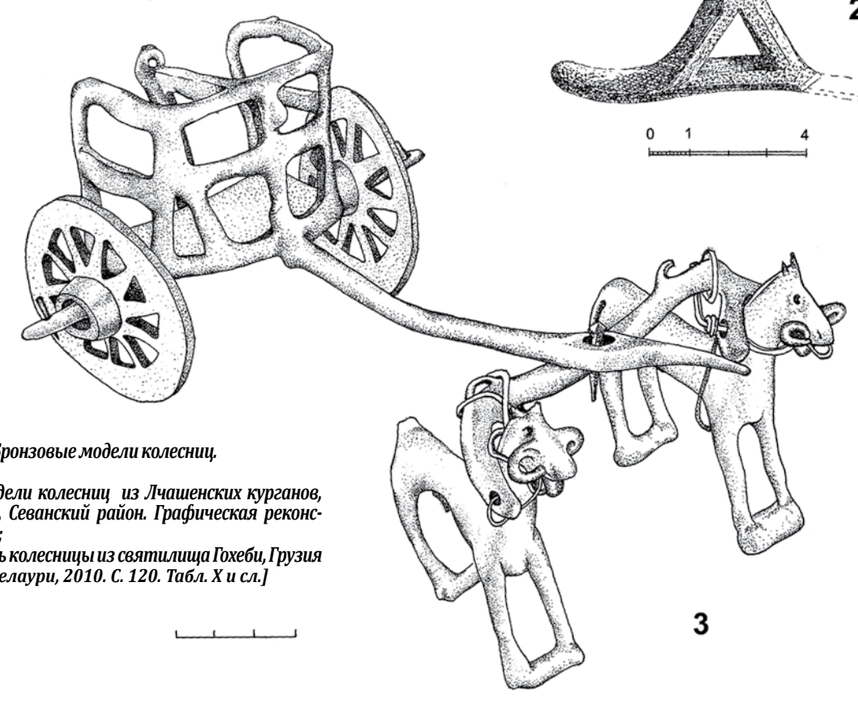
Культовый жезл с шаровидным шарниром, украшенный навершием в виде запряженной колесницы. Прорисовки и фото [по Брилёва, 2012. С. 314. Кат. № 322]



Кавказ. Армения, Севанский район. Могильник Лчашен, курган 9. Лчашено-цителгорийская культура, XV - XIV вв до н. э. Бронза. 1, 2 - Культовый жезл с шаровидным шарниром, украшенный навершием в виде запряженной колесницы. Прорисовки и фото [по Брилёва, 2012. С. 315. Кат. № 323]







Кавказ. Бронзовые модели колесниц.

1, 2 - Модели колесниц из Лчашенских курганов, Армения, Севанский район. Графическая реконструкция;
3 - Модель колесницы из святилища Гохеби, Грузия [по Пицхелаури, 2010. С. 120. Табл. X и сл.]

зывания его плоскими сыромятными ремнями вдоль ярма. Антропо- и зооморфные навершия с такой специальной платформой также известны в это время на Кавказе. Такие навершия (рис. 61) известны в азиатском колесничном комплексе в качестве украшений ярма: у саков (кург. Аржан 1, мог. Тасмола 5), у древних китайцев во времена династии Шан и Западная Чжоу. Однако важно то, что на кавказских колесницах двое возничих управляют этими повозками, а известные здесь многочисленные антропоморфные бронзовые скульптурки изображены в канонической позе - с поднятыми вверх, согнутыми в локтях руками и обязательно – с отогнутыми в разные стороны (растопыренными) пальцами. Именно в такой позе: обращённые лицами друг к другу, с поднятыми вверх и согнутыми в локтях руками – изображены парные фигурки людей на майкопско-новосвободненских крюках и вилках.

[Брилёва, 2012. С. 317]

[Смирнов, 2012]

[Брилёва, 2012. С. 378-395]

Кроме явной культовой функции, утилитарное предназначение этих вилок, крюков-багров остается неясным. Высказывалось предположение об их использовании для вынимания мяса из котлов, однако, учитывая их явную полифункциональность, разницу форм и явный транспортный и культовый контекст, логично предполагать их использование применительно к древнейшим бычьим запряжкам как орудие труда возничего. Практическое применение таких предметов на длинной деревянной ручке с движущейся двухколёсной повозки возможно при разрушении вражеских построений неприятеля, принудительном захвате противника на поле боя или, что более актуально для животновода, – дистанционном извлечении из стада молодых, только что родившихся особей.

[Куфтин, 1941; 1949]

В то же время, функциональное предназначение таких предметов может быть связано с дистанционным управлением бычьей повозкой посредством чувствительного болевого удара по голове или телу упряжного вола во время движения и особенно – поворотов повозки, дополняя воздействие верёвки управления на носовое кольцо. Подобное болевое воздействие в целях контроля за тягловыми животными хорошо известно в более поздних упряжных системах – трензельных оголовьях колесничных лошадей, включающих псалии с шипами, и в таких специальных изобретениях, как собственно стрекало, ногайка, стремена и шпоры, функциональное действие которых также основано на болевом шоке. Вероятно, что с подобным болевым воздействием может быть связан и другой тип оружия из снаряжения колесничего – копья «с крючком» (возможным рудиментом крюка-багра; рис. 15-17) и с изогнутым лезвием елунинско-сейминско-турбинского типа, а также – копья с изогнутым лезвием типа «гэ» и «цзи», хорошо представленные в древнекитайских колесничных комплексах вплоть до времен династии Цинь, а техника их применения в бою подробно описана в древнекитайских хрониках.

[Грушин, 2012; Ковалёв, 2002]

[Новоженов, 2012]

В трактовке образа возничего исследователи отмечают его полиморфизм, двойственность и связь с ритуальным сосудом – переносным алтарем, а также со стрекалом или крюком, иногда – с луком (на чемурчекских изваяниях). Подробнее к этому вопросу мы вернёмся в следующей главе.

[Есин, 2012; Новоженов, 2013]

2.3.5. Колесница. Очевидной ИЕ инновацией стало изобретение пароконной колесницы, в которой воплотилась совокупность самых передовых достижений того времени.

Основой представленной здесь реконструкции андроновской колесницы, предпринятой автором совместно с К. Алтынбековым в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым», стали материалы из раскопанных в урало-казахстанских степях колесничных комплексов, содержащих отдельные элементы колесничного снаряжения, конского оголовья, фрагменты колёс и кузова, отнесенных археологами к ранним периодам существования андроновской

[см.: Алтынбеков, 2013]

культурно-исторической общности – петровской, синташтинской и алакульским археологическим культурам.

[Чечушков, 2013; Новоженов, 2012]

Поскольку колесницы сохранились в степных могилах фрагментарно, то наибольший интерес представляет их реконструкция. Первые реконструкции по материалам могильников Синташта и Кривое Озеро подверглись справедливой критике на основании одного параметра – длины ступицы, которая в реконструкциях оказалась слишком маленькой, чтобы рассматривать эти двуколки как настоящие боевые и маневренные колесницы, не вполне пригодные, по мнению авторов, к использованию в окружающем степном ландшафте.

[Генинг и др., 1992. С. 218-219; Anthony, Vinogradov, 1995]

[Littauer, Crouwel, 1996. P. 934, 939; Frachetti, 2008]

Реконструкция раннеандроновской колесницы предпринята на основании общей компьютерной модели, разработанной по результатам анализа материальных остатков повозок (рис. 65). Основные параметры конструкции колесниц определялись по размерам погребальных ям, канавок для колес и остаткам деревянных деталей в них, а также зафиксированным в одном случае (могильник Сатан, Центральный Казахстан, раскопки В. В. Евдокимова) остаткам конструкции кузова, на основании математического анализа всей серии погребений и компьютерного моделирования, свидетельствующего о некой общей «модели» или стандартизации технических параметров этих повозок.

[Чечушков, 2013; Чечушков, Епимахов, 2010]

[Епимахов, Чечушков, 2006. С. 168-182; 2008]

В качестве источников для предпринятой нами реконструкции широко применялись данные письменных и изобразительных памятников – многочисленные колесничные петроглифы Центральной Азии и китайские находки реальных колесниц (рис. 66, 67) в могилах периодов Шан и Западной Чжоу.

[Новоженов, 2012]

Настоящая реконструкция (рис. 68) предпринята с учетом предыдущего опыта, накопленного другими авторами.

[Чередниченко, Пустовалов, 1991; Генинг и др., 1992; Nowgorodowa (Gorelik), 1981] и с учетом критики этих реконструкций [Избицер, 2010; Littauer, Crouwell, 1996]

Технология изготовления, материалы и инструменты: основная техника исполнения – традиционная в степи методика работы с деревом – изгиб пряемых жердей под нагревом (увлажнение горячей водой и нагрев) с последующей фиксацией необходимых изгибов до момента полного высыхания дерева и усиление основных узлов конструкции посредством сыромятных ремней или арканов. Именно так изготавливались скругленные детали повозки из пятого Пазырыкского кургана, таким способом традиционно производились в степи шанырак и уки – основной элемент в конструкции казахской юрты.

По археологическим данным, древнейшие повозки в степях Евразии изготавливались из различных твердых пород деревьев – вяза, дуба, ивы, березы.

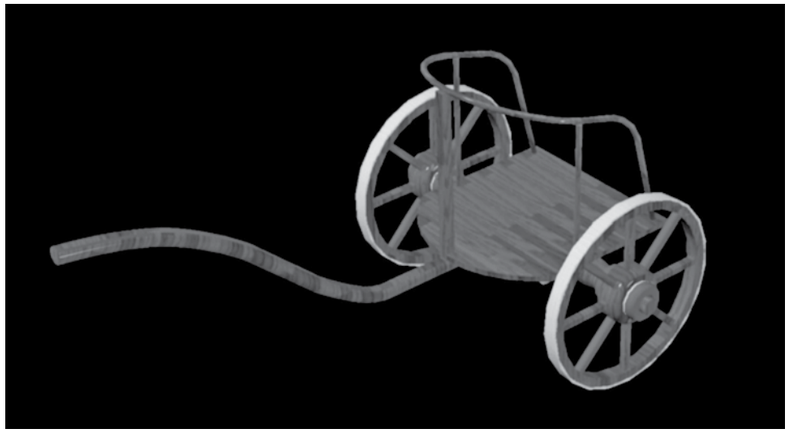


Рис. 65. Моделирование и компьютерная реконструкция степной колесницы, выполненные И. В. Чечушковым [2011]

[Гук, Николаев, 2012]]

Для данной реконструкции выбраны преимущественно жерди ивы; природные свойства которой: прямая структура волокон, гибкость, достаточная упругость и твердость – оптимально решают конструктивные задачи реконструируемой повозки. Ива повсеместно произрастает во всех археологических ландшафтах памятников эпохи бронзы региона, в долинах небольших степных речек. Природные особенности, а именно произрастание прямыми, ровными, без сучков, ветками делает иву наиболее оптимальным сырьём для производства деревянных гнутых деталей данной конструкции. Для изготовления оси, чек и ступиц колеса используются твердые породы деревьев – цельные стволы березы, дуба, вяза.

Другой вид материалов – сыромятная кожа КРС. Ремни из кожи, вероятно, – были главным фиксирующим элементом всей конструкции. С их помощью детали конструкции соединялись между собой и таким образом фиксировались, полоски из кожи использовали для плетения пола площадки (кузова) колесницы для большей амортизации. Аналогичную функцию выполнял плетённый из ивовых прутьев верхний помост пазырыкской телеги из 5 кургана.

[Новоженов, 1989; 2012]

Расчистка колеса колесницы в могильнике Сатан документирует наличие внешней кожаной (красно-коричневого цвета) шины на ободе колеса, зафиксированной на нем при помощи мелких костяных гвоздиков с внутренней стороны обода. Вместе с тем, в результате практической эксплуатации повозки с такими кожаными шинами, в условиях повышенной влажности и при намокании, сыромятная кожа естественным способом растягивается, теряет первоначальную форму и функциональность. Единственный способ «победить» данную проблему – очень высокая степень и качество выделки самой кожи и использование защитных растительных смазок типа животного жира или дегтя. Такие смазки, в сочетании с кожаными шайбами-сальниками, применялись и для лучшего скольжения вращающихся частей колесницы.

Для склеивания деревянных деталей применяется природная смола (смола сосны). Фиксация и крепление узлов конструкции осуществляется сыромятными ремнями, предварительно увлажненными, способом «крест – накрест», с последующей их просушкой.

Древний плотницкий инструмент также обнаружен в колесничных комплексах урало-казахстанских степей и состоит из бронзовых и каменных инструментов: стамески, тесла, топора, чекана, ножа, скребков и других орудий. Наличие специализированных бронзовых инструментов, таких как стамеска, тесло, свидетельствует о высоком уровне развития деревообработки и возможности изготовления с их помощью всех описанных деталей конструкции.

[Епимахов, 2005]

Основные технические параметры – габариты колесницы: общая длина – 275 см; ширина колесной базы – 120 см; диаметр колес – 95 см. Конструкция состоит из:

- двух одинаковых колес с восемью спицами и ступицей, общим диаметром 95 см;
- оси, общей длиной 155 см;
- центрального дышла, длиной 235 см;
- кузова – рамы D – образной формы, размером 95 х 70 см (или прямоугольной формы такого же размера);
- ярма, длиной 120-130 см;
- и ярм-рогаток (опционально).

Конструкция колеса: состоит из обода с пазами для восьми спиц, диаметром 95 см, и ступицы. Обод изготовлен из прямых ивовых жердей (двух сегментов, аналогично пазырыкским), диаметром 4-5 см, общей длиной более двух

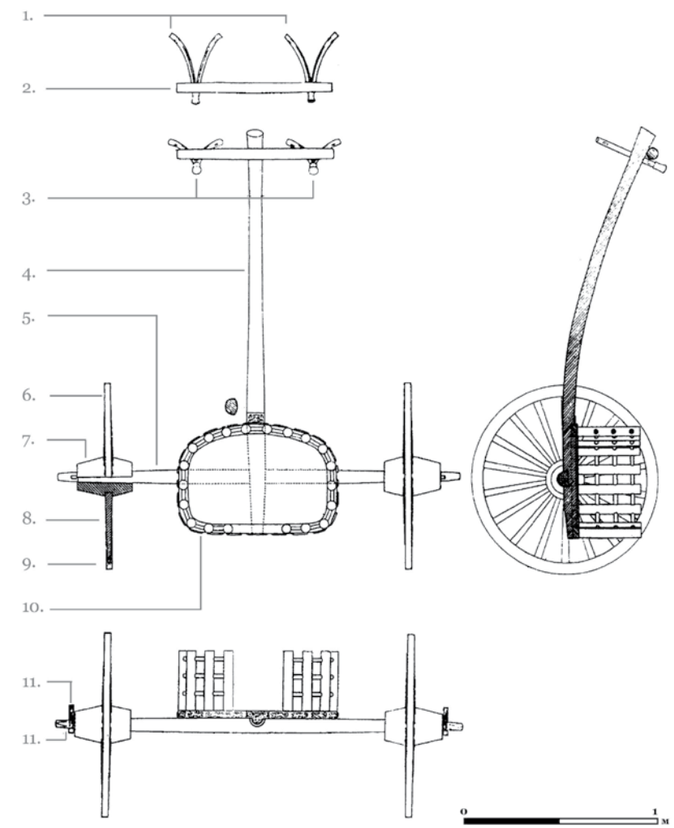


Рис. 66. Могильник Сяотун М 40. Реконструкция повозки (поздняя Шан).

1 – ярмо-рогатка;
2 – ярмо-перекладина;
3 – навершия на ярма-рогатки;
4 – дышло;
5 – ось;
6 – колесо;
7 – ступица колеса;
8 – спица;
9 – обод колеса;
10 – площадка для колесничего (кузов);
11 – чека для фиксации колеса на оси;
12 – наконечник на ось [по Wagner, 2004. Abb. 3]

метров, концы которых заточены под углом (для наложения друг на друга при изгибе) и которые имеют восемь круглых пазов, расположенных на равном расстоянии друг от друга, глубиной до 2 см, куда вставляются спицы-жерди, диаметром до 2 см. Другие концы спиц вставляются в 8 пазов, сделанных в центральной ступице по внешней стороне, с посадочным гнездом 2 см глубиной.

Ступица. Цельнодеревянная, цилиндрическая, круглая, ступица имеет диаметр 25 см, центральное сквозное отверстие для оси, диаметром 5 см, ширина ее составляет 35 см. Изготовлена из цельного ствола березы. Фиксация колеса на оси осуществлялась за счет вставленного в специальное отверстие стержнячеки, на расстоянии 5 см от концов оси. Заметим, что расчистка монолитного блока с остатками колеса и ступицы от колесницы из могильника Сатан в камеральных условиях свидетельствует о массивной и длинной ступице – не менее 30 см, тлен от которой находился с двух сторон от обода.

Колесо собирается в единый узел путем изгиба обода со спицами вокруг ступицы под нагревом и фиксируется по внешнему диаметру цельноскроенным ободом из хорошо выделанной, толстой сыромятной кожи, шириной 10 см.

© Victor Novozhenov & Krym Altynbekov, 2014

Рис. 68. Реконструкция андроновской колесницы, выполненая К. Алтынбековым и В. Новоженовым в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым»

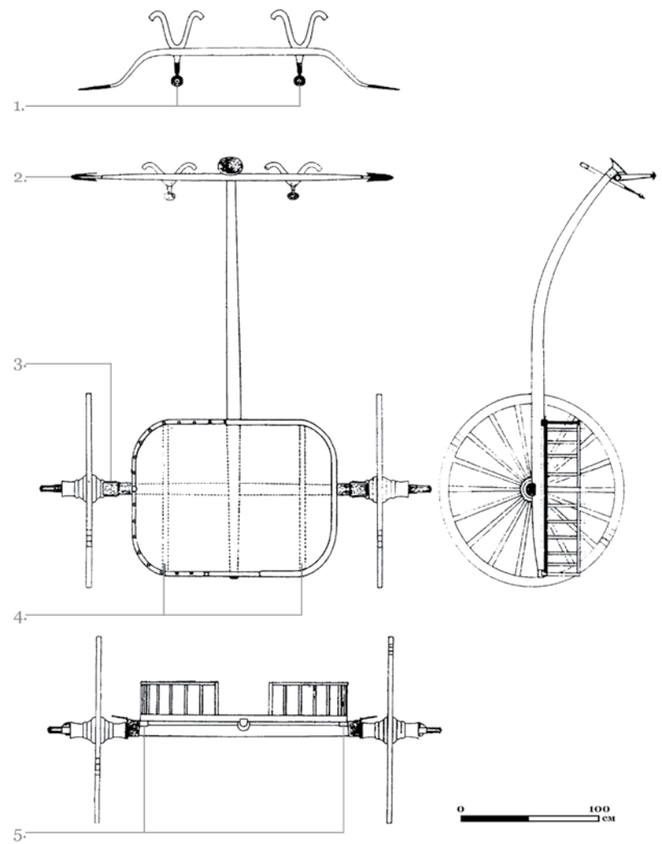


Рис. 67. Могильник Синкун, погребение 1. Реконструкция повозки (Западная Чжоу, примерно 1050 - 771 до н. э.)

1 – навершия на ярма-рогатки (колокольчики);
2 – навершия на концы ярма-перекладины;
3 – усилители для оси;
4 – балки (подбалки) для укрепления площадки для возничего;
5 – опорные балки на оси для укрепления площадки колесничего
[по Wagner, 2004. Abb. 4]

Первоначально кожа шины колеса увлажнена для большего удобства натяжения на обод. Естественное усыхание кожи производит эффект стягивания всего колеса и фиксации всей конструкции при помощи смолы.

По внутренней стороне обода, в пространствах между спиц, свободные края кожи (во влажном состоянии) прибиваются коническими костяными гвоздиками, длиной до 1 см. После окончательной сборки кожаная шина колеса покрывается водоотталкивающим составом. Допустим монтаж шины на обод колеса при помощи смолы, путем смазывания поверхности обода смолой для лучшей фиксации шины при усыхании всей конструкции и для усиления водоотталкивающих свойств.

Ось: изготавливается из цельного и ровного березового бревна, диаметром до 9 см и общей длиной – 165 см. Каждый край бревна срезается на 35 см от края, до диаметра 5 (4,9) см, с оставлением прямоугольного уступа по внутренним краям для фиксации на оси внутреннего края колеса. В центральной части оси делается посадочный паз для дышла, диаметром 7 см и глубиной до 4 см. На обоих внешних концах оси, в 5 см от краев, имеется сквозное отверстие

(диаметром 1 см) для чеки – конического в разрезе деревянного (береза) стержня, который фиксирует внешний край колеса на оси. Размер этого конического стержня - в длину 10 см, диаметр от 0,8 до 1,5 см.

Для более гладкого и плавного скольжения колес на этой конструкции с внешней и внутренней сторон колеса вырезаются 4 кожаные шайбы-сальника, внешним диаметром 7-10 см, внутренним – 5 см, которые одеваются на ось по обеим краям колеса и смазываются жировой смазкой, так же, как и концы оси, на которых вращаются колеса.

Дышло: изготовлено из цельной жерди (ива, береза), диаметром 7 см и длиной 235 - 240 см. Один конец вставляется в посадочный паз на оси и приклеивается смолой, фиксируется плотно на оси сыромятным ремнем «крест-накрест», ко второму – прикрепляется ярмо. Имеет двойной изгиб. Первый изгиб соответствует точке крепления внешнего переднего края платформы колесницы к дышлу и составляет не более 30 градусов (приблизительно). Второй изгиб плавно уходит к концу дышла и ярму, образуя слегка изогнутую дугу. Угол наклона дышла образуется так, чтобы высота края дышла, прикрепляемого посредством ярма к шеям упряжных лошадей, составляла 130-135 см от уровня земли (по остеологическим материалам, высота лошадей в холке, найденных в таких погребениях, составляет ок. 133 см), при том, чтобы платформа колесницы, стоящей на колесах, находилась строго горизонтально по отношению к поверхности (или 85-90 см от поверхности земли, со снятыми с оси колесами). Параметры дышла и способ запряжки восстановлены на основании анализа физических параметров погребенных лошадей, а также формата лошади и предположения, что основным рабочим аллюром колесничных лошадей является галоп. Минимальная длина дышла при этих параметрах составляет не менее 180 см. Очевидно, что на конце дышла закреплено ярмо, имеющее прямую форму. Тяговое усилие передавалось посредством широкого нагрудного ремня, прикрепленного непосредственно к ярму и зафиксированного на лошади при помощи, возможно, ярм-рогаток, аналогичных аржанским и пазырыкским.

Кузов-платформа: имеет D-образную (или прямоугольную) в плане форму рамы, шириной 90-95 см и длиной до 70 см по линии дышла, и изготавливается из двух ивовых жердей диаметром 5-6 см. Одна изготовлена в виде изогнутой дуги, другая – в виде прямого стержня длиной 80-85 см. Обе детали соединяются в одну путем связки концов сыромятными ремнями в одной плоскости «в лапу» – выборки симметричных пазов и связывания этих узлов сыромятными ремнями «крест-накрест». Платформа аналогичным способом крепится (при помощи небольших углублений под жерди площадки на дышле и оси и связывания ремнями «крест-накрест») в трех точках – к жерди дышла спереди и в двух местах – к оси повозки сзади. Задний край площадки может выступать за ось до 20 см. Площадь платформы, образованная рамой, покрывается плетением из сыромятных полосок кожи, закрепленным к жердям рамы костяными гвоздиками. Возможно изготовление поверхности площадки из плетенных ивовых прутьев, толщиной в 0,5 -1 см.

Ярмо: представляет собой прямую жердь, диаметром 5-7 см и длиной 120-130 см, перпендикулярно привязанную к верхнему концу дышла сыромятными ремнями «крест-накрест» и установленную в специальный паз на конце дышла. Может быть укомплектовано двумя ярмами – рогатками для фиксации ярма сверху шеи упряжной лошади. Изготавливается из двойной ветки ивы, имеющей форму перевернутой латинской буквы «Y». Прикрепляется к ярму разветвлением вниз при помощи пазов и сыромятных ремней, завязанных «крест-накрест».

Оголовье упряжных лошадей и управление колесницей. Оголовье колесничных лошадей уже реконструировано на основании анализа многочисленной серии псалиев из синхронных могил и успешно испытано в многочисленных полевых экспериментах в современных условиях на реальных лошадях. Эти эксперименты убедительно доказали функциональность и работоспособность такой сбруи и подтвердили правильность этой реконструкции.

[Епимахов, Чечушков, 2010]

Управление парой колесничных лошадей требовало специальных дополнительных приспособлений, в сравнении с обычной верховой лошадью. Кроме того, лошадь была еще недостаточно доместицирована, приручена не в полной мере, что также требовало более жесткой системы контроля. Поэтому применялись системы трензельного типа с болезненными для лошади шипованными костяными (роговыми) псалиями, в сочетании с органическими удилами, и бронзовые стрекала с костяными ручками.

Основу упряжи составлял оголовный ремень в сочетании с носовым, собственно удила с псалиями, зафиксированными на щеках лошади, к концам которых привязывались поводья.

Маневрирование осуществлялось путем натяжения вожжей с нужной стороны и давления шипов псалия на чувствительные области головы лошади. Одновременное натяжение вожжей приводило к остановке колесницы, а ускорения повозки можно было добиться при помощи уколов стрекалом в круп лошади.

Первоначально колесницы разрабатывались как индивидуальное, персональное транспортное средство и управлялось одним возничим, поэтому он был вынужден одновременно управлять повозкой и пользоваться своим комплектом вооружения. В этом случае поводья завязывались вокруг пояса, одна из ног фиксировалась в специальной петле на полу платформы, а повозка управлялась поворотами туловища возничего. В такой позиции можно было на ходу применить копье, стрелять из лука, пользоваться оружием близкого боя – дубинкой или кинжалом.

Позже колесницы увеличились в своих размерах, появился специальный поручень, а размер кузова повозки позволял перевозить и двух, и трех человек, включая возничего. Тогда такое совмещение функций уже стало неактуальным, поскольку каждый из членов экипажа концентрировался на своих задачах: кто-то управлял повозкой, кто-то стрелял на ходу из лука, кто-то прикрывал весь экипаж щитом .

С середины II тыс. до н. э. наибольшее распространение получил экипаж, состоящий из двух человек – возничего и колесничего-воина. Хеттские колесницы и – позднее – ассирийские, очень крупные в размерах повозки, имели экипаж, состоящий из трех человек, обеспечивающих управление колесницей (возничий), нападение (воин-колесничий) и оборону экипажа (щитоносец).

Возничий: одежда и его комплекс вооружения. Облик возничего реконструируется на основании изобразительных и письменных источников, предметов мелкой пластики (см. подробнее в главе 3), определенно связанных с возничими более раннего периода и основан на имеющихся реконструкциях андроновской одежды.

[см.: статью Э. Р. Усмановой о реконструкции андроновской одежды в этой книге]

К особенностям изображения возничего следует отнести большие глаза и намеренно показанный большой нос, круглую шапочку, из-под которой на плечи и спину спускаются длинные волосы – традиционно изображенные на камнерезных памятниках ямно-афанасьевского времени.

Часто возничие показаны с крестами на туловище – двумя пересекающимися на груди и спине ремнями на манер портупеи. Очевидно, что колесничий

имел пояс, к которому крепились необходимые ему предметы: стрекало, булава, нож-кинжал, топор, лук со стрелами (за спиной) и даже копьё, вставленное за спиной в перекрестье ремней.

Археологические данные свидетельствуют о наличии защитного панциря на груди и спине колесничего, состоящего из прямоугольных костяных пластин, размером 30-40 х 5 см, расположенных вертикально и закрепленных на одежде при помощи специальных небольших отверстий на краях (материалы могильника Каменный Амбар-5, раскопки А. В. Епимахова). Этот панцирь предохранял от летящих стрел и даже ударов копьем или дубинкой. Ремни портупеи и пояс располагались, вероятно, поверх этого защитного костяного панциря.

Позднее функцию защитного панциря стал выполнять небольшой прямоугольный щит, сплетенный из прутьев и покрытый толстой бычьей кожей, известный по изображениям в петроглифах. Аналогичные лакированные (монолитные, а не плетёные) щиты, выполненные из дерева, обнаружены в китайских могилах с колесницами эпохи Шан, а изготовленные из прутьев - в казахстанских памятниках более позднего периода.

Наши работы по реконструкции колесницы эпохи бронзы ещё далеки до своего логического завершения. Сейчас изготовлена подвижная масштабная модель. На очереди изготовление колесницы в натуральную величину и испытание её конструкции в реальной степной местности.

[Алтынбеков, 2014]

2.3.6. Мегалитическая (в представлении С. А. Григорьева – анатолийская мегалитическая традиция с менгирами) *и изобразительная традиции* имели ключевое значение прежде всего в системе внутренних коммуникаций этих производственных коллективов ИЕ и стали определяющими в их самоидентификации. Это наиболее изменчивая и сложная инновация, и, вероятно, первоначальное формирование её имело несколько исходных вариантов и оформилось в устойчивую традицию (или в несколько художественных традиций) несколько позже - см. подробнее в след. главе. ■

2.4. «Мобильная», «кочевая» или «кочующая» прародина?

Воспетый в более поздних письменных ИИ источниках «арийский простор» - бескрайние и богатые пастбища и многочисленные предания о неоднократной смене прародин - яркое свидетельство того, что степные ландшафты и в широком смысле – степные просторы континента и есть эта самая «прародина», локализация которой менялась по мере автономного и самодостаточного развития мобильных производственных коллективов протоиндоевропейцев и их потомков.

Только совокупность всех перечисленных выше инноваций в одно время и в одном месте может указать центр их происхождения. Очевидно, что это регион исключительно со степным ландшафтом и/или контактная зона взаимодействия с ранними земледельческими имперскими цивилизациями Старого Света, в которых могли генерироваться как минимум металлургическая и колёсная инновации. На карте Евразии конца IV тыс. до н. э. есть только одно такое место – степные просторы Северной Месопотамии и Анатолии (так называемые «ассирийские степи»), в которых концентрировалось «избыточное» население из городов-государств Междуречья. Возможно, на этих территориях и формировались перечисленные выше «протоиндоевропейские» инновации.

[Adams, 1981]

Однако такая локализация прародины вызывает возражения и у некоторых

[Гамкрелидзе, Иванов, 1984]

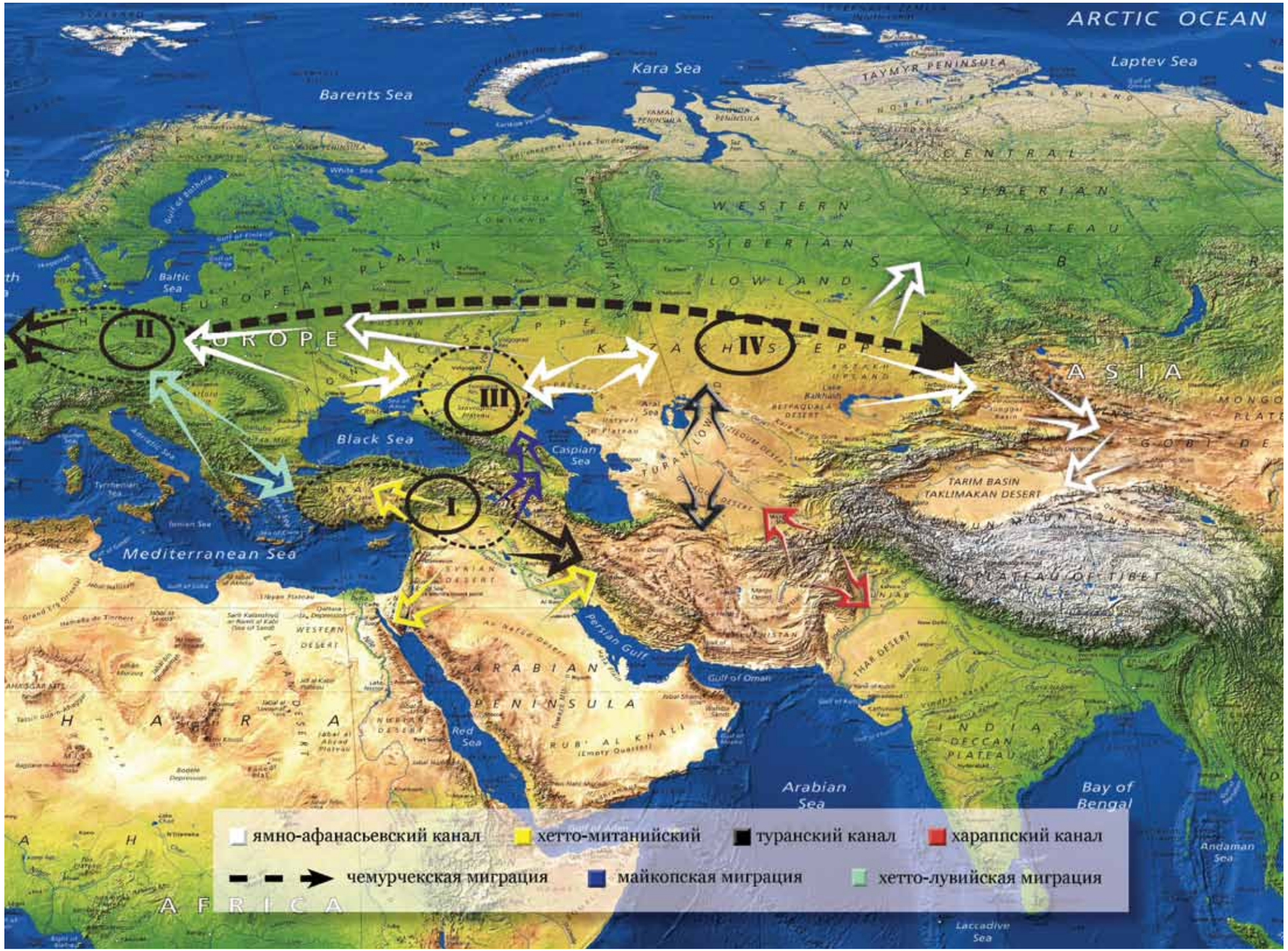


Рис. 69. Предполагаемая локализация индоевропейских прародин в III-II тыс. до н. э.

I – Анатолия и Северная Месопотамия;
II – Центральная Европа;
III – Предкавказье;
IV – поздняя «индоарийская» урало-казахстанская прародина

археологов, и у части лингвистов. Избежать эти противоречия, на наш взгляд, помогает схема-модель «кочевой или кочующей прародины», разработанная на основе анализа особенностей скотоводческого уклада хозяйства и закономерностей его развития как КХТ.

Суть её состоит в полицентричности локализации «прародин», возможности «быстрых» миграций «протоиндоевропейских» животноводов на значительные расстояния в поисках новых пастбищ и неизбежном их возвращении на исходную территорию, или, проще говоря, в естественном освоении удобных и богатых травой пастбищ в комфортных экологических ландшафтах (рис. 69). Эта модель согласуется со «стохастической» компьютерной схемой распространения индоевропейских языков, предложенной Дж. Роббом, в той части, которая доказывает выживание только тех групп носителей языка, которые начинают осознавать необходимость гегемонии и активно взаимодействуют с инокультурными социумами, с той разницей, что сам процесс продвижения совсем не напоминал «вид броуновского (беспорядочного) движения», а был вполне осознанным поиском новых пастбищ для своего скота, но вместе с тем – достаточно непредсказуемым из-за естественных природных факторов. Эта модель соотносится также с процессом формирования известных крупных металлургических центров в Евразии в этот период – на Кавказе и в Предкавказье, Анатолии, позже – на Урале, а затем – в Урало-Казахстанских степях и на Алтае.

Для понимания механизма работы этой предлагаемой модели важно ещё и то, что отделившиеся в поисках новых пастбищ от своих родичей некоторые молодые генерации, формирующие свои собственные производственные коллективы животноводов, осваивали новые территории и контактные ниши, в то время, когда их родители и часть потомков оставались на исходных территориях и формировали там свою собственную линию культурного развития. Чаще всего эти отделившиеся молодые генерации со своей собственной линией развития, если не попадали под действие таких случайных факторов, как эпидемии, стихийные бедствия, батальные и иные события, приводившие к их вымиранию, возвращались на исходные территории своих предков, несомненно обогащённые новыми техническими и производственными инновациями и знаниями, в археологическом понимании – носителями совершенно другой АК. Это явление Е. Н. Черных определяет как степной синдром, или «феномен кочевых культур», отмечают другие исследователи степных памятников. Цикличность действия этой модели определяется самой природой КХТ животноводов.

[Черных, 2009]

[Гей, 2000]]

Как эта модель соотносится с самыми ранними и возможными ИЕ миграциями в конце IV – начале III тыс. до н. э.? Одна из первых таких миграций может связываться с майкопской культурой и формированием новой прародины в степных районах Предкавказья и сложившейся здесь майкопско-новосвободненской общностью – МНО, в материалах которой присутствует весь комплекс обозначенных выше инноваций, ставших самостоятельной основой дальнейшего развития местных производственных коллективов животноводов в этой степной экологической нише. Более того, все эти привнесённые инновации здесь активно развивались и совершенствовались, что давало импульс для освоения новых степных пространств – пастбищ в восточном и западном направлениях.

[Кореневский, 2011]

Хетто-лувийская миграция, в понимании Л. С. Клейна, вполне могла иметь место в это время и хорошо подтверждается приведёнными археологическими материалами. Неясными остаются средства этой миграции, поскольку доказательств изобретения колеса и ранних этапов развития колёсного транспорта в первобытной Европе пока нет, хотя имеются очень ранние свидетельства знакомства с четырёхколёсными повозками в культуре воронковидных кубков (TRB) и баденских (печельских) памятниках. Но в данном случае мало было только знать о таких колёсных инновациях, важно было уметь их изготовить и использовать в повседневной жизни. Именно таких свидетельств пока ещё нет, или они нам не известны.

Однако допустим, что носители баденской (печельской) культуры и воронковидных кубков самостоятельно изобрели колёсные повозки и мы о них пока ещё ничего не знаем, или даже если они пешком пришли в Анатолию, – в любом случае, время такой миграции может определяться и началом III тыс. до н. э., по находкам в культурном слое Трои I, и так, как это представлял Н. Калиц, т. е. позднее, чем считает Л. С. Клейн. Через балканский канал коммуникации рассматриваемые культурные инновации попали в Центральную Европу. Иными словами, хетто-лувийская миграция могла происходить как с юга на север, так и в обратном направлении.

[Калиц, 1963]

На текущий момент мы предполагаем, что основным регионом, в котором происходило формирование «протоиндоевропейских» инноваций была всё же Анатолия, но не исключаем автохтонное развитие этих инноваций и на территории Центральной Европы носителями баденской культуры и TRB. В любом случае, независимо от того, как будет решён вопрос с приоритетным изобретением колёсного транспорта в Центральной Европе или в Подунавье, здесь формировался крупный очаг передовых инноваций, тесно связанный с Анатолией и Северной Месопотамией.

Важно, что в конце IV и начале III тыс. до н. э., на карте Евразии в результате различных перемещений групп «протоиндоевропейцев» появились три ИЕ «прародины» - контактные зоны, в которых проходило автохтонное и дальнейшее развитие индоевропейских производственных групп скотоводов и их инноваций – в Анатолии и Северной Месопотамии, в Центральной Европе и в степных районах Предкавказья. Все три очага связаны между собой циклическими миграциями производственных коллективов, их сформировавших, и различными каналами коммуникации как внутри этих социумов, так и между собой.

По археологическим данным, эти взаимосвязи достаточно хорошо фиксируются западным блоком древнеямной КИО, анатолийскими и месопотамскими импульсами МНО и майкопской культурой, сходством керамических и вещевых комплексов ранних слоёв Трои и указанных выше европейских культур раннебронзового века. По лингвистическим данным, эта система соотносится с ситуацией, определяемой как позднеиндоевропейское языковое единство.

[Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 895-959]

Отдельные положения «динамической» концепции В. А. Сафронова о локализации поздних прародин в Восточной Европе и на Балканах могут учитываться в той части, которая посвящена анализу взаимосвязей древнеямных и кубано-днепровских (новотиторовских) групп населения с местными европейскими племенами. При этом нельзя согласиться с семитской атрибуцией майкопской культуры, ее явно «омоложенной» датировкой и концепцией происхождения колесного транспорта на территории Европы (см. выше). Индоарийская атрибуция кубано-днепровской (новотиторовской) культуры недостаточно пока аргументирована; вместе с тем совсем не исключено проникновение индоарийских и тохарских групп на восток в этот период.

[Сафронов, 1989]

Таким образом, в начале III тыс. до н. э. в равнинных и степных регионах Евразии, богатых травами, возникло уникальное социальное образование периода «поздней первобытности» или даже, возможно, «степного вождизма», когда военно-бюрократическому пониманию государства и территории в земледельческих, оседлых имперских цивилизациях противопоставлялось представление животноводов о бескрайнем степном просторе, мобильности и свободе. (Кстати, такое понимание очень характерно для ранних кочевнических государственных структур и нашло значительно позднее прямое отражение в форми-

ровании их первых государств и Тюркских каганатов, например.)

В целом, выводы, к которым пришёл В. С. Бочкарёв, а также ряд других исследователей на основании глубокого анализа особенностей многочисленных АК западного ареала, как представляется, подтверждают наше представление о «мобильных ИЕ прародинах», как центрах культурогенеза в эпоху ранней бронзы для многих степных социумов Северной Евразии, в которых происходило формирование инноваций и которые во многом определяли характер культурного развития – культурогенез АК этого периода, а возможно, и их этническую историю. ■

[Черных, 2009; Kosintsev, 2006 и др.]

2.5. Формирование коммуникаций в прародинах

Дальнейшее развитие этих трёх прародин характеризуется как автохтонным развитием ИЕ социумов на этих территориях, так и дальнейшими миграциями молодых генераций, главным образом в восточном и частично - западном направлениях, сообразно движению солнца на небе. В этот период – вероятно, в первой половине и середине III тыс. до н. э. – формируются два трансконтинентальных канала коммуникации: северный и южный (рис. 43; 69).

2.5.1. Европейская прародина. Развитие европейской «прародины» выразилось в освоении равнинных пространств Европы на западе и дало великолепную линию развития в виде ярких и самобытных европейских археологических культур бронзового века, локализующихся в удобных и плодородных местных экологических нишах, где они стали самодостаточными за счёт освоения земледелия и не склонными к значительным перемещениям. Относительно мягкий и влажный климат Европы весьма способствовал этому процессу.

Продвижение на восток проходило в других экологических ландшафтах – менее богатых травами регионах, более аридных и резко-континентальных, что требовало территориального освоения значительно больших пространств, новых обширных территорий и выразилось в миграции носителей «северной» мегалитической традиции (хенджи) на Урал (в понимании С. А. Григорьева) и носителей яркой чемурчекской культуры далеко в Восточный Туркестан. Заимствование последними навыков изготовления колёсных повозок-фургонов (в гипотетическом плане) могло произойти посредством племён западного блока древнеямной КИО, а сама миграция – происходить в первой половине и не позднее середины III тыс. до н. э.– волнами, напоминая следы от брошенного в воду камня.

2.5.2. Степная прародина. Развитие степной «прародины» выразилось по археологическим данным в формировании древнеямной КИО с ее многочисленными вариантами и производными от неё археологическими культурами, носители которых продвигались волнами как на запад – традиционно к европейской «прародине», так и на восток – к новым пастбищам, вплоть до Восточного Туркестана. Вероятно, северные переселенцы продвигались во второй половине III тыс. и на юг, через казахские степи (мог. Карагаш, мог. Григорьевка 2), и в долину Зеравшана, о чём свидетельствует заманбабинская группа памятников. Таким образом, сформировался туранский канал, соединивший вместе южную и северную ветви ИЕ коммуникаций.

[Кузьмина, 1958]

Этническая атрибуция древнеямной КИО в своей основе определяется как индоиранская (ИИ), что опирается на представления об ираноязычности создателей срубных и андроновских памятников, а также скифов и саков. Вместе с тем, мы представляем древнеямную КИО как сообщество автономных и самодостаточных производственных ИЕ коллективов, расселявшихся в контактных зонах «чересполосно» с местным населением и генерирующих регулярно собственные линии развития, которые в условиях значительной удалённости от исходной территории миграции, в силу специфики и традиционности КХТ животноводов, сумели надолго сохранить свои языки (диалекты), собственную идентичность, а в конечном итоге полностью оторваться от своей исторической родины. Поэтому могли передвигаться на восток носители разных диалектов и ИЕ кланов. Единственный способ их физического выживания в степи – активное смешение с аборигенным населением и формирование новых линий развития. Это означает возможность параллельной миграции в одном направлении не одной, а нескольких генетически родственных производственных групп – носителей разных диалектов и даже ветвей ИЕ «протоязыка»: тохарской, индоарийской, индоиранской, кафирской, дардской. Скорее всего, разделение на эти ветви и происходило в результате различных маршрутов во время продвижения этих групп на восток.

[Членова, 1980. С. 66-67; 1984. С. 259-268; 1985. С. 119; 1990. С. 150-165; Кузьмина, 1988. С. 333-381; Грантовский, 1960. С. 351-357; 1970. С. 359-360; 1977; Абаев, 1972. С. 26-37; Барроу, 1976. С. 123; Толстов, 1962. С. 59; Бернштам, 1957. С. 18-19; Черников, 1960. С. 112; Мерперт, 1974. С. 14; Литвинский, 1981. С. 160-162; Сальников, 1967. С. 347; Мандельштам, 1968; Генинг, 1977; Погребова, 1977. С. 133-140; 2011; Березанская, 1982. С. 206-209; Раевский, 1977].

Такие производственные коллективы могли двигаться на ранних этапах этих миграций вполне самостоятельно и долго, никак не пересекаясь и не контактируя с другими родственными группами. Могли «законсервировать» и сохранить надолго свои диалекты и традиции, как, впрочем, и производственные навыки и собственные инновации, а главное – собственную этническую идентичность.

2.5.3. Прародина в Анатолии и Северной Месопотамии. Развитие анатолийско-месопотамской прародины происходило в рамках южного канала коммуникации и имело ряд особенностей, связанных со взаимодействием мобильных производственных коллективов с оседлыми цивилизациями, что обусловило изначально «конфронтационный» характер таких взаимодействий и значительно большую «скорость» всех культурно-исторических процессов. Собственно на территории Анатолии развивалось Хеттское и другие союзные царства, регулярно воюющие с египетскими фараонами. Проникновение в западном направлении, возможно, вплоть до саванных просторов Северной Африки, выразилось в возникновении в Египте династии гиксосов. На востоке - в общем контексте культурных взаимодействий всех синхронных цивилизаций Ближнего Востока – появляются своеобразные памятники БМАК и государства Марахши, Мелухха и другие, известные в письменной традиции.

[Абу Бакри, 2012]

[Франкфор, 2006]

В конце III - начале II тыс. до н. э., возможно, случилась синташтинская миграция из Анатолии в урало-казахстанские степи (в понимании С. А. Григорьева), которая проходила через степную прародину по давно налаженным каналам коммуникации между прародинами, либо через территорию БМАК и туранский канал коммуникации (рис. 70). По причине уже значительной заселённости степной прародины и возможного в связи с этим обстоятельством недостатка корма для скота, второй маршрут представляется более предпочтительным, поскольку на Кавказе и в Предкавказье успешно развивалась собственная очень яркая и развитая металлургическая традиция степной прародины, уже сакрализованная и обожествлённая и не способная воспринять новые и как бы «чужие» инновации. Пастбища уже были заняты.

Поскольку носители этой миграции обладали рядом новых строительных, металлургических и, возможно, колесничных инноваций , они обусловили своеобразие культурогенеза местных АК, развивавшихся до этого на основе изобретений, привнесённых в этот регион первой волной животноводов-переселенцев. Не исключено проникновение в этот период в северные степи и непосредственных носителей БМАК (если судить по антропологическим материалам). ■

Рис. 70. Карта каналов коммуникации во II тыс. до н. э.: эпоха колесниц

2.6. Урало-казахстанская поздняя прародина

Именно в урало-казахстанских степях соединились «южная» и «северная» ветви ИЕ коммуникаций, что, возможно, привело к формированию на рубеже III и II тыс. до н. э. на этой территории новой, поздней степной прародины (рис. 71), в которой произошло соединение потомков северной и южной ветвей мигрантов «первой волны», имевших, очевидно, общую прародину на Севере Месопотамии и Анатолии, в Центральной Европе и Предкавказье в самом начале III тыс. до н. э., которые, несомненно, уже изменились и в культурном, и языковом плане с тех пор, впитав в себя многие традиции и обычаи аборигенных социумов через своих местных жен.

Сформировалась новая поздняя прародина, в которой происходило развитие самых передовых для того времени инноваций, а именно:

- успехи в доместикации и разведении лошадей;
- прогресс в разработке систем конского оголовья;
- развитие технологии втульчатого литья бронзового вооружения с оловяными присадками, включая возможности мобильной плавки металла без стационарных печей;

[Русанов, 2011. С. 314-320]

- передовые навыки изготовления колесниц и колесничного вооружения: в Урало-Казахстанских степях на рубеже III и II тыс. до н. э. появляются колесницы, которые стали мощным «коммуникатором», обеспечившим раннеандроновским кланам их значительную территориальную экспансию (рис. 48; 70).

Проблема культурогенеза и этнической атрибуции многочисленных археологических культур III - II тыс. до н. э., выявленных на территории степной Евразии и собственно Центральной Азии, является одной из ключевых. Вместе с тем, представляется, что формирование некоторых синхронных «азиатских» степных АК происходило не только на основе «волго-уральского» металлургического центра, который определял процессы культурогенеза на западе, но и на основе вновь складывавшегося в этот период, а возможно – и раньше, «Урало-Казахстанского» металлургического центра, ориентированного исключительно на инновационную технологию бронзового втульчатого литья в формах и с большим содержанием олова, а также - на месторождения олова на Алтае и в казахстанских степях, а возможно и южнее. В диалектике взаимодействий старого - умирающего и нового – зарождающегося металлургического центра и происходит культурогенез новых АК в азиатской степи.

Такая локализация этого металлургического очага оправдана географическим распространением археологических памятников степного и всего азиатского колесничного комплекса (рис. 48), в материалах которого зафиксированы яркие образцы развития этой металлургической традиции. Именно на этих территориях формировался комплекс инноваций в животноводстве (приручение лошади), металлургии (сейминско-турбинская металлургическая традиция, изготовление бронзовых сосудов), развивались колесничие традиции. Очевидно, что на этих территориях произошло формирование ряда колесничих социумов, достигших в своём развитии стадии вождизма, и развивались коммуникативные каналы – изобразительная и орнаментальная традиция.

В качестве «хронологического репера» для андроновской КИО и синхронных степных культур здесь используется серия калиброванных радиоуглеродных датировок (рис. 72), опубликованных в ряде работ А.В. Епимаховым, И.В. Чечушковым и в соавторстве с другими исследователями.

[Епимахов, Чечушков, 2004. С.39-45; 2005; 2006. С. 168-182; 2008. С. 205-211; 2010. С. 182-229]

2.6.1. «Андроновский социум». В постъямный период одной из наиболее крупных группировок или культурно-исторических общностей (КИО)

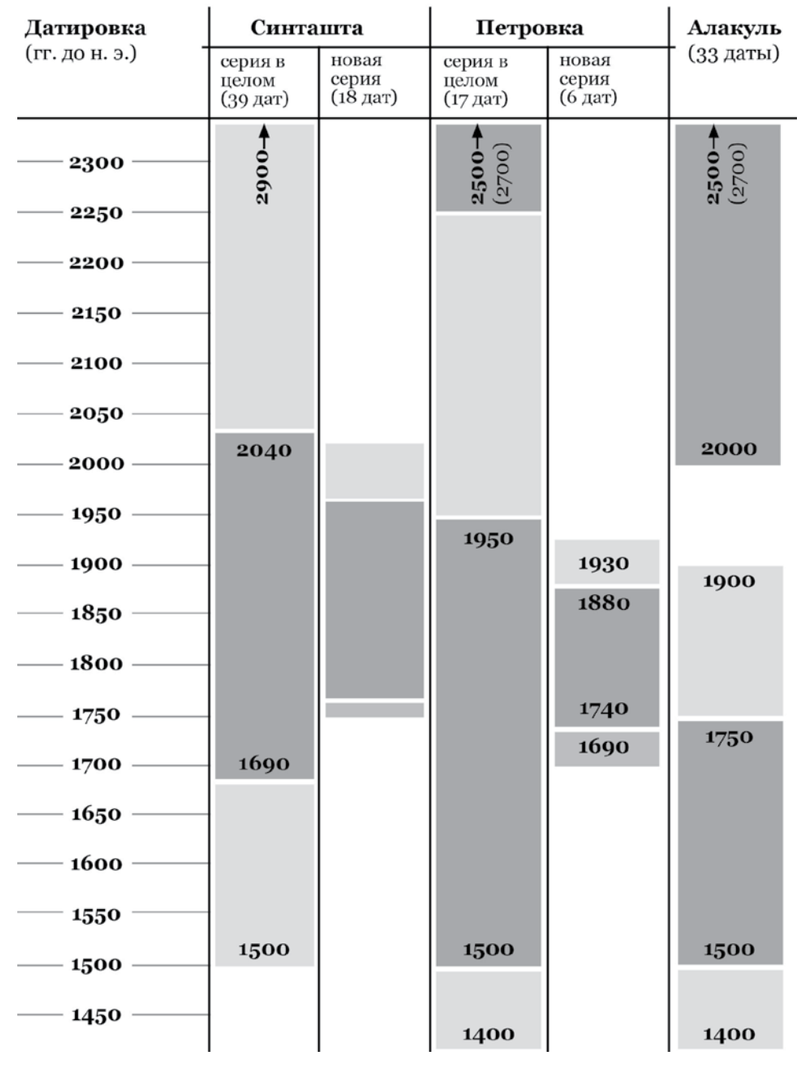


Рис. 72. Хронологический «репер». Радиокарбонная хронология Урало-Казахстанского колесничного комплекса. Темным цветом выделены значения калибровки с вероятностью 95,4%, светлым – 68,2% [по Чечушков, Епимахов, 2010. Рис. 7. С. 212]

в Центральной Азии стала андроновская. Согласно современным воззрениям, эта общность состоит из блока археологических культур – синташтинско-петровской, алакульской, федоровской и других, что может свидетельствовать о фратриальности андроновского социума. Ядро этой общности, очевидно, формировалось в Урало-Казахстанских степях, на степных и предгорных территориях современного Казахстана, при непосредственном влиянии как западных, так и южных импульсов. Среди археологов не прекращается дискуссия о происхождении этих древностей. Культуры раннего этапа – периода формирования социума: синташтинская, петровская и ранние этапы алакульской и фёдоровской культур – определены здесь как «раннеандроновские». Полагаем, что термин «андроновская культурно-историческая общность» – 1610-1410 (1740-1400) гг. до н. э. – может применяться только к смешанным памятникам алакульско-федоровского типа (или/и алакульского, или/и фёдоровского типов), географически расположенным в степных районах Казахстана (ядро) и других районах Центральной Азии (периферия) и соответствующим развитому периоду истории этого социума.

2.6.2. «Карасукский социум». Под этим термином понимается вся свита АК карасукоидного облика: еловско-ирменская, бегазы-дандыбаевская и другие, а также собственно карасукская культура – 1440-1130 (1450-1050) гг. до н. э. Это другая, не менее развитая племенная группировка в Центральной Азии и примыкающих к ней регионах. Основные памятники локализуются, главным образом, в Южной Сибири, Монголии и Северном Китае (Ордосе), где широко представлены херексуры и оленные камни. В последние годы надмогильные сооружения с радиально-лучевыми структурами обнаружены в составе карасукских древностей, известны они и среди бегазы-дандыбаевских.

[Епимахов, 2008. С. 93-95]

В карасукских памятниках обнаружены могильные плиты с изображениями колесниц, детали колесничной упряжи (модели ярма) и комплекс вооружения колесничего и снаряжения колесниц, производство которых основано на технологии оловянистого втульчатого литья, что ярко проявилась в некоторых погребениях с «имитацией» колесниц кургана Аржан I. Изобразительная колесничная традиция карасукцев, запечатлённая в петроглифах, отличается расположением упряжных животных в позиции «одно над другим», устойчивым сочетанием с мотивом «мирового древа жизни» и уже отмечавшимися ранее стилистическими особенностями. Карасукцы активно развивали в Центральной Азии мегалитическую традицию установки антропоморфных каменных изваяний (оленных камней) и почитания воинов-первопредков-колесничих.

[Ковалёва, 2011]

[Савинов, 2002; Смирнов, 2012]

[Новоженов, 2012. С. 305-308]

Карасукские памятники синхронизируются с китайской эпохой Шан, радиокарбонные датировки которой несколько разнятся с традиционной хронологией Китая. Согласно С14, это период 1700-1050 гг. до н. э. или 1600–1046 гг. до н. э. по результатам сопоставления дендрохронологической и радиокарбонной шкал. Вероятно, с накоплением серий произойдет некоторое сужение интервала и две системы окажутся согласованы лучше. ■

[Епимахов, 2008. С. 92-96]

2.7. Сейминско-турбинский феномен и тохарская миграция

Полагаем, вслед за Н. Л. Членовой и Л. С. Васильевым, что карасукская и иньская культуры «генетически восходят к какой-то третьей, еще недостаточно известной бронзовой культуре». Наверняка такой культурной основой могут стать древности «сейминско-турбинского транскультурного феномена». Памятники этого типа, при том, что их насчитывается едва ли не более трёх десятков, распространены на территории протяжённостью ок. трёх тыс. км – от Молдавии (Бородинский клад) до Южной Сибири (Ростовка).

[Васильев, 1961. С. 55]

Хотя некоторые авторы осторожно высказываются по вопросу генетического родства сейминце-турбинцев с носителями карасукской культуры, многие сходятся во мнении о значительном сходстве карасукских и сейминско-турбинских кинжалов и, главное, технологии их литья и привязки к месторождениям олова в районах Верхнего Иртыша и Горного Алтая.

[Черных, Кузьминых, 1989. С. 256-259; Кузьминых, 2011]

Абсолютные даты сейминско-турбинских древностей традиционно определяются второй четвертью II тыс. до н. э. по балкано-микенской линии «привязок», основанной на сходстве с материалами из шахтных гробниц в Микенах – костяных щитковых псалиев с шипами, а также по серебряному наконечнику копья, который происходит из уральских центров металлообработки и найден в Бородинском кладе (Молдова).

Для сейминско-турбинского транскультурного феномена теперь имеется одна калиброванная дата по западносибирскому могильнику Сатыга (2125–1955 (2140–1940) гг. до н. э.) и три – по средневожскому Усть-Ветлужскому могильнику 1910–1620 (2020–1600) гг. до н. э..

[Епимахов, Чечушков, 2010. С. 182-229]

З. Самашев синхронизирует эти калиброванные даты с учетом новой микенской датировки, коррелированной по дендрохронологической шкале в пределах XVIII - XVII вв. до н. э. и ориентируется на новые даты для культуры Эрлитоу в Китае – XVII - XVI вв. до н. э., и для Зардчахалифа в Таджикистане – XXI - XVII вв. до н. э.

[Самашев, 2010.]

[Бобомуллоев, 1993. С. 56-63; Кузнецов, 2002. С. 81-82]

С другой стороны, лингвистами зафиксировано существование нескольких языков в ИИ языковой ветви: кафирского, который отмечен у горцев Гиндукуша, индоарийского и древнеиранского – языков Ригведы и Авесты. Примечательно, что язык Авесты не имеет неиндоиранского субстрата. Это означает, что Авесту могли создать только носители указанных выше родственных языков.

[Jettmar, 1975]

Тохары – один из древнейших ИЕ этносов, который известен, главным образом, из письменной традиции. Суть обозначенной здесь проблемы состоит в идентификации археологическими методами и источниками этого социума в «дописьменный» период истории и локализация его на географической карте сообразно другим, известным на этот период данным – лингвистики, антропологии, палеогенетики и др., что само по себе представляется весьма проблематичной задачей.

[Дьяконов, 1989. С. 21]

Как уже отмечалось выше, согласно трудам лингвистов, тохарская языковая ветвь оторвалась одной из первых от единого праиндоевропейского

корня и носители её, сохранив свою идентичность и язык, оказались на просторах Северной или Центральной Азии, где и произошло заимствование некоторых специфических тохарских терминов в древнекитайский язык.

Л. С. Клейн так характеризует эту проблему: «Открытые в Синьцзяне в бассейне р. Тарим индоевропейские языки VI – VIII вв. н. э. западного облика (без сатемизации или оторвавшиеся до сатемизации) требуется вывести из весьма раннего состояния индоевропейского корня. Предлагавшиеся версии (афанасьевская культура, фатьяновская через карасукскую, сейминско-турбинская) обладают одним общим свойством: они избирают в качестве исходной культуру промежуточной территории и уже достаточно развитую. Нет их прямых представителей ни в Синьцзяне, ни в Западной Европе».

[Клейн, 2012. С. 29]

Согласно выводам лингвиста А. Лубоцкого, из тохарского в китайский язык заимствованы термины и понятия, связанные со строительством и колесницами, среди которых есть такой: «колесница, запряжённая четвёркой лошадей». Это значит, что гипотетические тохары должны хорошо, на уровне устойчивой традиции, владеть как минимум развитыми строительными и колесничными навыками: должны уметь строить колёсные повозки; знать технологию изготовления колеса со спицами, ободом, шиной и ступицами; превосходно владеть навыками дрессировки и управления лошадьми и не просто уметь запрягать их в колесницу, а ещё приспособить конструкцию повозки, систему управления упряжкой и оголовьем лошадей к синхронной работе не просто в паре, а в четвёрке лошадей - квадриге. Произойти заимствование этого термина и, судя по всему, не только его, а навыков и технологии управления квадригой, могло на территории Восточного Туркестана во второй четверти - середине II тыс. до н. э. Иными словами, кто первым изобрёл эту инновацию – квадригу, тот и тохар. Но это гипотетически.

[Lubotsky, 1998]

Квадриги не известны в степных, раннеандроновских погребениях с колесницами, но есть данные о жертвенных погребениях сразу нескольких коней – двух, трёх и более. Китайские чемакыны свидетельствуют о самых ранних – парных упряжках и появлении квадриги исключительно в поздних шан - иньских памятниках. В петроглифах Центральной Азии нам известны пока три таких изображения: «чу-илийская» и две «гобийские» квадриги. Все они по иконографии окружающих их животных могут быть отнесены к карасукскому времени, колесницы из Гоби, может быть, даже раньше. Триги, или «тройки», из Восточного Казахстана (Мойнак, Покровка) имеют очень ранний облик и связываются нами с выделенной «индоарийской» (или тохарской-карасукской) традицией.

[Новоженов, 2012. С. 305-308]

Концепция чемурчекской тохарской миграции, предложенная А. А. Ковалёвым и поддержанная Л. С. Клейном, имеет много археологических и лингвистических аргументов в свою поддержку и объясняет механизм знакомства древних китайцев, по крайней мере, с пароконной колесницей-бигой (не квадригой) через алтайскую линию развития чемурчекской культуры - с одиновско-елунинскими древностями, которые, очевидно, привели к формированию памятников «сейминско-турбинского феномена» в Обь-Иртышском междуречье и на Алтае. Таким образом, заимствование колесничных терминов в древнекитайский могло произойти через сейминце-турбинцев. Такой «механизм» хорошо подтверждается археологическими материалами (заимствование наконечников копий, например). Но требуются серьёзные обоснования для выделения собственно сейминско-турбинской АК как таковой и самое главное – нужно доказать, что носители сейминско-турбинской металлургической традиции реально могли использовать не просто пароконную колес-

ницу, а именно квадригу. Таких данных пока нет.

О разнородном этнокультурном составе сейминско-турбинских производственных групп косвенно свидетельствует «пестрый» антропологический тип ее носителей и трудности с определением собственно сейминско-турбинской керамики как таковой. Тут мы имеем дело с уникальным для советской археологии случаем, когда выделены мощные бронзолитейная и изобразительная традиция, а вот АК «под них» до сих пор не нашлось. Вероятно, поэтому Г. Парцингер назвал сейминско-турбинский транскультурный феномен искусственным образованием.

[Дремов, 1984. С. 14-21]

[Черных, Кузьминых, 1989. С. 228-230, 240]

[Парцингер, 2000. С. 68]

Вместе с тем, роль сейминско-турбинских производственных коллективов и их ярких представителей – кузнецов-литейщиков, носителей самобытной и инновационной металлургической традиции, в процессах культурогенеза всех обозначенных выше социумов была, несомненно, очень высока. Собственно, формирующийся урало-казахстанский (алтайский) металлургический центр инноваций (поздняя прародина), в нашем понимании, опирался именно на эту традицию и именно её развивал. Мы представляем эту их роль в качестве медиаторов – посредников между всеми крупными социумами, хотя и не исключаем на ранних этапах таких «посреднических» операций конфликты и столкновения, именно так, как их представляет В. С. Бочкарёв: «В конце III тыс. до н. э. на Урале и в Среднем Поволжье (казахстанских степях – В. Н.) появились отряды воинов, пришедшие из Сибири. Они были вооружены первоклассным новым оружием (кельтами, тяжелыми копьями, клевцами и т. д.), сделанным по последнему слову тогдашней техники. По тем временам это была грозная сила. Сейминско-турбинская агрессия вызвала дестабилизацию местной культурной среды и привела к цепной реакции изменений. Возникновение упомянутых выше колесничих культур было ответом местного населения на сейминско-турбинскую угрозу».

[Бочкарёв, 2010. С. 57–58]

Если предполагаемые потомки чемурчекских «тохаров» были такими продвинутыми и воинственными, почему они не использовали колесницы? Ответ только один: ни они, ни их предки – носители чемурчекской культуры не обладали навыками производства боевого колёсного транспорта - колесниц, но знали, возможно, фургоны, запряжённые быками. В таком случае какие термины могли заимствовать у них древние китайцы? Или мы ещё не раскопали такие факты?

Галичский «клад». Идол (ГИМ). Медь [по Европа без границ...., 2013. С. 269]

С другой стороны, мы представляем сам «механизм» возможной тохарской миграции как продвижение из прародины или прародин автономных, самодостаточных, имеющих собственную идентификацию, производственных групп в рамках естественного расширения на восток древнеямной КИО. Представляется, что при таком способе расселения некоторые производственные коллективы могли оторваться от «ядра» своей культуры очень рано и независимо и параллельно, несколькими подобными группами, на известных им фургонах-жилищах, автономно достигнуть территорий Минусинской котловины и Восточного Туркестана. При этом все элементы собственной идентичности, включая язык, они могли сохранить на очень долгий срок. Трудно предполагать во время этого продвижения, довольно длительного, существенное влияние или заимствования и контакты с носителями других родственных языков и диалектов. Напротив, в «родительских» производственных группах язык, традиции, обычаи оберегались, консервировались – сохранялись надолго в вербальной форме, как реакция на продвижение в незнакомой и «чужой» среде. И примеров таких много: сказитель Гомер с его выученной на память «Илиадой», казахские сказители-акыны, кочевые вербальные ро-

Галичский «клад». Идол (ГЭ). Медь [по Европа без границ...., 2013. С. 269]

Галичский «клад». Общий вид и маскоид [по Европа без границ...., 2013. С. 265, 270]

дословные – «шежире» и многочисленные легенды, героические эпосы и сказки номадов, передающиеся из поколения в поколение, из уст в уста. Одним из таких коллективов вполне могли быть носители чемурчекской культуры, которые, видимо, прошли от своей французской прародины шесть с половиной тысяч км пешком или доехали на фургонах.

Косвенным подтверждением вышесказанного может служить существование на археологической карте Центральной Азии памятников, оставленных предполагаемыми ИЕ «переселенцами»: культуры Лоб Нор в Таримской впадине; тысячу км севернее – чемурчекской культуры; восточнее – на Алтае – каракольской культуры и севернее - Саянского блока родственных культур в Минусинской котловине.

Таким образом, на основании имеющихся в нашем распоряжении данных по древнейшему колёсному транспорту Евразии, в рамках предложенной выше концепции «кочевой ИЕ прародины», мы предполагаем продвижение возможных «тохарских» групп на восток, так же как и одновременно – других этнических групп ИЕ корня, в составе племён-кланов - носителей традиций древнеямной КИО и её вариантов. Такое продвижение представляется как результат естественного для животноводов процесса освоения новых целинных пространств, в условиях консервации и сохранения собственной идентичности, в составе автономного и самодостаточного производственного коллектива животноводов.

Отпрыски этих первых «переселенцев» дали новые, свои линии развития на севере Центральной Азии. В районе Обь-Иртышского междуречья одна такая линия развития проявилась в материалах памятников елунинского и сейминско-турбинского круга. Носители этой линии и яркой металлургической традиции позднее были инкорпорированы в составы складывающихся здесь новых социумов - андроновского и позднее - карасукского. Через контакты в составе одной из этих двух групп с населением Центральной равнины Китая могло произойти заимствование упомянутых выше тохарских колесничных терминов. Представляется вполне возможным сохранение «сейминцами-тохарами» собственной идентичности в силу их специализации на металлургии и сакрального характера кузнечного ремесла, очень продолжительное время в составе крупных, но родственных объединений.

Потомки «переселенцев» других производственных коллективов, в иных экологических нишах, аналогично производили «на свет» свои собственные линии развития, сохраняя свою возможную «индоиранскую» или «индоарийскую» идентичность. В результате этих процессов в урало-казахстанских степях формируется новый очаг культурогенеза, ядром которого стали колесничные культуры и в котором развивались инновации в животноводстве, металлургии, колесничном деле и коммуникациях, как внутренних, так и внешних.

Если в основе волго-донского колесничного комплекса лежал абашевский субстрат и некоторые элементы местных культур посткатакомбного времени, то Урало-Казахстанский колесничный комплекс развивался на местной постъямной основе, под воздействием двух мощных импульсов: анатолийского с юга (через БМАК) и сейминско-турбинского (возможных потомков переселившихся сюда ранее тохаров) - из северных районов лесостепной полосы. Постепенно вектор развития этих двух колесничных комплексов стал смещаться на запад – у волго-донского и на восток – к Алтаю, а у Урало-Казахстанского – на юг, что было определено потребностями поиска новых пастбищ и уже жизненно необходимых в этот период месторождений олова.

Эта территория, расположенная на просторах Сарыарки, Тарбагатая, Обь-Иртышского междуречья и в равнинных районах Южного Урала, и стала поздней ИЕ прародиной, в которой происходило формирование ИИ, ИА и, возможно, тохарской идентичностей и протоэтносов. Существенное значение в осознании собственной идентичности имела Великая метисация ИЕ, которая происходила по женской линии, через местных жён, в результате освоения новых территорий.

Вместе с тем, по мере расширения ареала новых пастбищ и естественной откочевки от родителей молодых семейных пар, эти кланы неизбежно встречали сопротивление со стороны аборигенного населения, и ранее всего они столкнулись с лесостепным населением сейминско-турбинского круга. Некоторые исследователи, как мы уже отмечали, определяют характер этих первых контактов как далеко не мирный, конфликт двух коммуникативных систем: колесницы и втульчатого оружия пассионарной фазы коммуникации; но очень скоро эти отношения приобретают синтетический характер, что проявилось, очевидно, в обоюдных заимствованиях передовых технологических навыков. Во всяком случае, колесницы, оружие сейминско-турбинского типа и технология втульчатого оловянистого литья активно внедряются в раннеандроновскую среду, а позднее – и в карасукскую, и стремительно распространяются во всех контактных зонах, где степные кланы взаимодействовали с древними оседлыми цивилизациями. Формируются туранский, китайский, балканский, древнеиранский каналы коммуникации. ■

[Бочкарев, 1986; 2010; Гончарова, Бехтер, 1999. С. 121-125]

[см. подробнее: Новоженов, 2012а. С. 114-145; 2012е. С. 44-67; 2013. С. 100-117].

А. В. Епимахов
2.8. Динамика коммуникаций бронзового века Урала

2.8.1. Коммуникации бронзового века Урала. Роль коммуникационных систем в становлении и развитии человечества трудно переоценить, даже если отринуть крайности диффузионистского подхода. Исходным пунктом дальнейших заключений является признание высокой мобильности человека и социума на протяжении большей части его истории, что нашло афористическое воплощение в формулировке Homomobilis.

[Головнёв, 2009]

Автор этих строк уверен, что одним из важнейших рубежей в развитии сферы коммуникаций стала эпоха раннего металла, точнее бронзовый век. Хотя период не является универсальным периодом в истории человечества (он целиком связан с Евразийско-Североафриканской ойкуменой), эта эпоха во многих отношениях является ключевой в становлении современного мира. Освоение металла было длительным и сложным процессом, однако свести характеристику эпохи к единственной технологической новации явно невозможно, да и хронологические расхождения существенны.

[Черных, 2009]

Если первые следы знакомства с металлургией меди, видимо, относятся к VIII тыс. до н. э., то наступление бронзового века датировано лишь концом IV тыс. до н. э. Этот огромный временной интервал понадобился для выхода новой технологии из ближневосточной колыбели на евразийско-североафриканские пространства. Этот процесс явно был сложным, и его реконструкция является самостоятельной задачей. И все же эти оговорки никак не снижают в наших глазах громадность произошедших перемен в истории человечества и, главное, их судьбоносный характер.

[Amzalang, 2009]

Для начала обратимся к самому очевидному – к технологическим новациям. На первое место поставим металл, давший название периоду. Хотя надо подчеркнуть, что само по себе начало производства меди не изменило при-

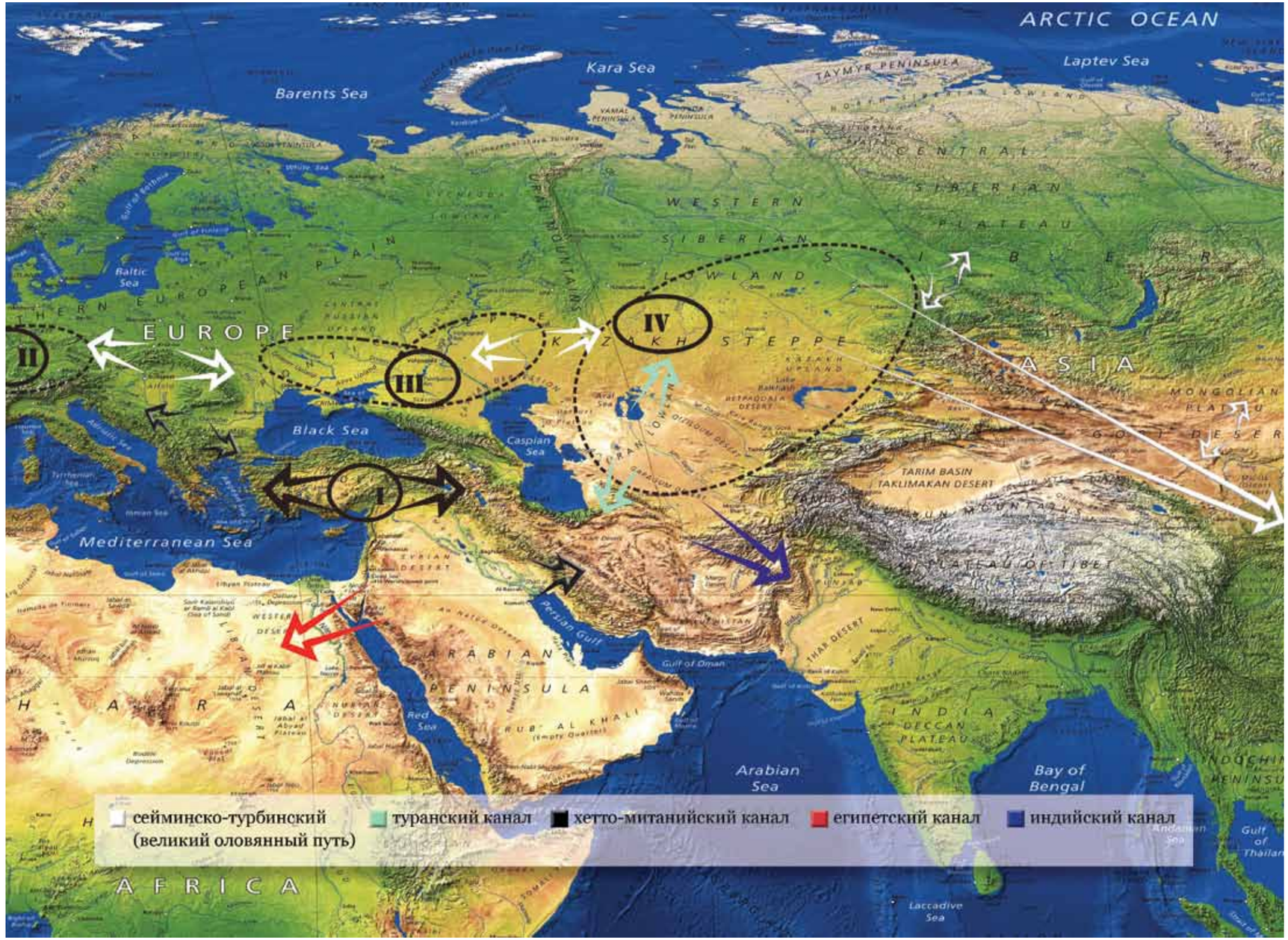


Рис. 71. Предполагаемая локализация поздней прародины индоевропейцев на рубеже III-II тыс. до н. э.

нципиальным образом систему жизнеобеспечения. Во всяком случае, это верно для периода первичного освоения металлургии. Ранние изделия в основном относятся к категории украшений, оружия, реже к бытовой сфере, т. е. они не были непосредственно включены в систему производства продуктов питания. В этом смысле прямой потребности в таком открытии не было. Более того, медь, а позднее и ее сплавы, так и не вытеснили другие материалы – камень, кость, рог и пр. И все же трудно представить, какой путь должна была пройти человеческая мысль, узревшая возможность превращения зеленых камней медной руды в солнечный блеск металла. Подчеркну, что речь идет не об изменении свойств уже известного материала, как было, например, с обжигом глины. Перед нами первый пример получения принципиально нового материала, практически все свойства которого радикально отличаются от исходного. Этот опыт открыл дорогу к широчайшему преобразованию природы, точнее, к созданию новой природы. Сегодняшний день со всей очевидностью демонстрирует, насколько перспективным был этот шаг.

Столь же решительно человечество раздвинуло горизонты и в части средств коммуникации. Речь, конечно, не об изобретении Интернета и мобильной связи, но … Путешествия по воде и пешком были, конечно, и ранее, однако только в эпоху бронзы обширные участки суши перестали быть terra incognita. Произошло это благодаря открытию колеса и широкому использованию тягловых животных. Особенно динамично освоение новых пространств началось с приручением столь быстроногого животного, как лошадь. Облегченная повозка, снабженная колесами со спицами, очень быстро стала в глазах современников признаком особого статуса, вошла в мифологию большинства народов, относящихся к индоевропейской языковой семье, и не только к ней. Нетрудно отыскать эпитеты, связанные с колесницей в древних текстах II – I тыс. до н. э.

Так произнес он - и впряг в колесницу коней медноногих,
Бурнолетающих, гривы волнующих в круг золотые;
Золотом сам он оделся; в руку художеством дивный
Бич захватил золотой и на блещущей стал колеснице.
Гомер. VIII. 41–44.

или

Цинские ныне под Сяо в дозоре полки,
Грозные кони в броне, колесницы тяжки,
Подняты кверху двух копий двойные крюки;
Воины бродят по берегу Желтой реки.
«Ши-цзин» I, VII, 5

Бородинский клад. Общий вид (внизу) и детали (вверху) [по Европа без границ…, 2013. С. 157-158]

Что стало стимулом «открытия мира»? Вопрос имеет несколько ответов, каждый из которых содержит рациональное зерно. Во-первых, Евразийские пространства отнюдь не в равной степени обеспечены сырьем для металлургии – медными, оловянными и иными рудами. В результате возникают зоны производящие и потребляющие, связанные между собой маршрутами в сотни и тысячи километров.

Во-вторых, в результате перехода к животноводству в степной Евразии сложилась зона мобильного населения, т. е. среды, способной к усвоению и быстрой трансляции новаций. И, в-третьих, процесс формирования сложных

обществ коснулся не только зоны первичных цивилизаций, но большей части континента. Распространение престижных атрибутов и символики власти (так или иначе связанных с военной сферой) также немало способствовало установлению и поддержанию связей. Можно лишь догадываться о формах и интенсивности этих связей, тем более что археологические источники довольно скупо, точнее опосредованно, отражают данную часть жизни общества в виде неожиданного сходства совершенно отдаленных находок.

Вполне очевидно, что масштаб и формы взаимодействия решительно менялись во времени и зависели от суммы большого множества факторов, даже первичная группировка которых представляет заметные трудности. Территориально-хронологические рамки данной работы сужают спектр возможных решений, но их круг все-таки достаточно широк. К тому же требуется оценка познавательных возможностей имеющихся источников, очень неравноценных для каждого из периодов. Лучшие современные образцы такого рода исследований опираются не только на археологические данные, но и на большой спектр естественно-научных методов, позволяющих с высокой степенью точности установить происхождение тех или иных материалов, месторождения индивидов и другие детали. Увы, этот вариант изучения пока малодоступен в силу финансовых и иных ограничений. В этой связи основное внимание уделено традиционным археологическим процедурам, рассматривающим «транскультурные» вещи и явления.

[Scheeresetal, 2009. P. 3914-3625; Shishlina, 2009. P. 53-60]

[Епимахов и др. 2013. С. 24-28]

[Кузьмина, 2010; Новоженов, 2012]

Такой вариант исследования ориентирован на максимальный масштаб контактов, хотя этим дело не ограничивается. Очевидно, что индивид и социум включены в сеть разного рода связей, которые чаще всего с трудом улавливаются археологическими методами. В самом общем приближении они могут быть разделены на локальные, региональные и надрегиональные (глобальные). Первые для бронзового века с большой долей вероятности увязываются с повседневным хозяйственным животноводческим циклом, семейно-брачной сферой и пр. Что касается регионального уровня, то он может быть обусловлен неравномерностью распределения ресурсов в рамках рассматриваемой территории и другими причинами, в том числе этногенетического и идеологического плана. К сожалению, локальные и внутрирегиональные контакты археологически трудноуловимы. Имеются лишь немногие примеры взаимодействия разнокультурного (в рамках археологических дефиниций) населения и прочие свидетельства, которые мы рассмотрим подробнее далее, однако сам факт коммуникаций такого рода вряд ли может быть оспорен.

Прежде чем перейти к обзору систем коммуникаций в исторической динамике, надо пояснить, что изложение построено по хронологическому принципу. Основания периодизации предложены в ряде предшествующих работ. По итогам синтеза всех видов хронологической информации бронзовый век Южного Урала разделен на следующие периоды: ранняя бронза; абашевско-синташтинский; срубно-алакульский; финальная бронза и переходный к раннему железному веку. В целом эта шкала согласована с восточноевропейской и западносибирской системами периодизациями. Выделение этапов произведено на основании степных и лесостепных материалов, поскольку именно они позволяют наметить контуры деления, к тому же эта часть территории демонстрирует большую динамику.

[Koryakova, Epimakhov, 2007; Epimakhov, 2009; Епимахов, 2010]

Ранний период ассоциируется с населением ямной общности, представленной в основном курганными могильниками и горными выработками Каргалинского месторождения. Южноуральские материалы ныне обнаружены по обе стороны уральского хребта: в западной части они выявлены в степной

[Богданов, 2004; Моргунова, 2006. С. 67-71; Черных, 2007]

зоне, в восточной части ареала они тяготеют к границе лесостепи.

Оценка локальной системы коммуникаций может быть проведена только в самом общем плане. Система хозяйствования базировалась на комплексном животноводстве, приуроченном, судя по косвенным данным, к речным долинам. Отсутствие поселений и следы знакомства с колесным транспортом наталкивают на заключение о высокой мобильности населения. Внутрирегиональные связи очевидным образом поддерживались и за счет эксплуатации Каргалинского рудного поля и последующего производства меди, чему есть ряд прямых и косвенных доказательств. Самыми яркими из них являются ранние датировки карьера и погребение «литейщика» в могильнике Першин. Реконструкция путей передвижения людей и продуктов их деятельности в данном случае носит умозрительный характер, но, с учетом высокой освоенности именно речных долин крупных рек (Урал, Илек и др.), вполне обоснованным кажется предположение, что именно вдоль этих водных артерий располагались маршруты. Во всяком случае, в зауральской части ямные материалы тяготеют к предгорьям и кромке лесостепной зоны, что указывает на слабое использование открытых пространств степи.

[Турецкий, 2004. С. 31-37]

Высокая концентрация изделий из металла связана в основном с зоной Волго-Уралья, однако территориальные параметры ямной общности заметно превосходят эти границы. Погребения характерного облика исследованы по всей южной части Восточной Европы, а крайней на данный момент точкой на востоке является Центральный Казахстан (курган Карагаш). Последнее утверждение не учитывает предполагаемой многими родственности ямных и афанасьевских древностей (Алтай и Южная Сибирь). Суждение о родстве базируется на близости хронологической позиции, сходстве культурных черт и физического облика носителей традиции.

[Черных, Нидр., 2000. С. 63-84; Черных, 2007]

В качестве объяснения столь грандиозного территориального размаха обычно называется миграция носителей индоевропейских языков, которые характеризуются европеоидными антропологическими чертами. Представляется, что этот вариант интерпретации не дает исчерпывающих ответов, а демонстрирует лишь один из механизмов расширения ареала. Длительное поддержание близости культурных черт непросто объяснить исключительно традиционностью мышления. Скорее всего, имели место контакты, сформировавшие территориальную непрерывность, воплощенную в археологических памятниках, при которой наибольшее сходство демонстрируют ближайшие соседи.

[Новоженов, 2012. С. 157]

Памятники раннего бронзового века рассматриваются специалистами в области древней металлургии в рамках еще более масштабной системы – Циркумпонтийской металлургической провинции. Эта система объединяла две принципиально разные территории – блок ранних земледельцев и блок скотоводческих культур степи и лесостепи Восточной Европы. Сходство в этих пределах касается технологии металлопроизводства и номенклатуры металлических изделий. Такого рода феномены присущи исключительно бронзовому веку и могли функционировать только в условиях поддержания стабильных связей (прямых или опосредованных). Наряду с ямно-афанасьевским каналом коммуникации (по терминологии В. А. Новоженова), предполагается и наличие южного направления – в Среднюю Азию, которое пока документировано менее надежно. В этой связи следует упомянуть мнение М. Фрачетти, настаивающего на двух параллельных путях распространения традиций производящего хозяйства в этой части Евразии: северном и южном.

[Черных, 2009]

[Новоженов, 2012. С. 326]

[Кузьмина, 2010. С. 113]

[Frachetti, 2012. P. 2-21]

Ситуация к северу от степной и лесостепной зон не отличается простотой

[Черных и др., 2011]

и ясностью, однако наличие крупных по площади и длительных во времени культурных феноменов диагностируется и здесь. Механизм поддержания такого единства вряд ли сводится к обмену продукцией металлопроизводства.

Следующий абашевско-синташтинский период – одна из наиболее ярких страниц в истории бронзового века Урала, в том числе и благодаря очевидным очень отдаленным аналогиям в архитектуре, погребальной обрядности и материальной культуре. Уже в начале II тыс. до н. э. Южный Урал становится зоной оседлости, в результате в распоряжении археологов наряду с некрополями оказались и поселения, в том числе сложные фортифицированные центры. Впрочем, традиция сооружения укрепленных поселений (с довольно высокой по тем временам концентрацией жителей), видимо, не оправдала себя в аридной зоне и довольно быстро сошла на «нет», оставив после себя блестящие и очень сложные археологические объекты. Наиболее известным из них, в силу разнообразных (не только научных) причин, является Аркаим, но кроме него обнаружено более двух десятков поселений и синхронных им курганных некрополей. Этот период в истории Южного Урала можно определить как время «бури и натиска», а последующий – как время стабильности.

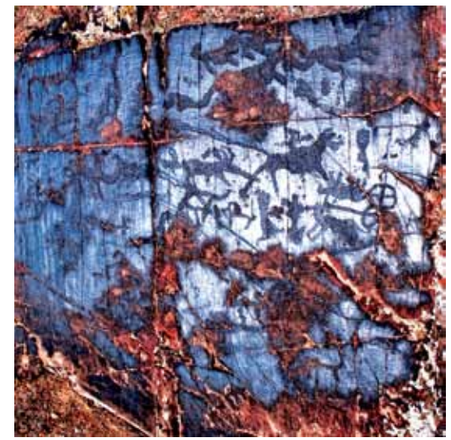
[Епимахов, 2010а. С. 31-37]

Парадокс состоит в том, что наиболее яркие, с точки зрения археологии, эпохи могли для современников вовсе не быть «золотым веком». Слова поэта: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» звучат маняще. Но среди тех, кому пришлось провести часть жизни в эпоху перемен, не очень много довольных этим обстоятельством. Самые впечатляющие археологические комплексы либо результат трагедий, как было с Помпеями, укрытыми вулканическим пеплом, либо итог напряжения сил всего общества, часто обращенных в совершенно иррациональную сферу (пирамиды Древнего Египта и др.). Конечно, Урал такими памятниками не располагает, но есть ведь сложные системы фортификации без следов военных действий, обильные жертвоприношения животных и дорогостоящий инвентарь, сопровождавшие похоронные ритуалы. Такие действия, овеществленные в археологических объектах, иррациональны с нашей точки зрения (но не с точки зрения носителей традиционного мышления), но материальные и трудовые ресурсы изымались из жизни социума на практике, каковы бы ни были мотивы этих действий.

В этом смысле в рамках местного бронзового века резко выделяется начало II тыс. до н. э., когда возводились мощные системы укреплений и совершались сложные и дорогостоящие погребальные церемонии, в ходе которых умерщвлялись домашние животные и в качестве погребального сопровождения использовались колесницы, оружие, производственный инвентарь и пр. За сложными обрядами большинство ученых усматривает взлет социальной сложности. Однако за этим пиком следует неожиданное продолжение: следы социальной иерархии сильно сглаживаются, а ей на смену приходит нарастающая специализация небольших коллективов и групп. В обрядовой сфере, впрочем, производственная атрибутика de facto отсутствует, зато наглядно представлены семейно-брачные и возрастные структуры.

Вернемся к взлету военного дела на рубеже II – I тыс. до н. э. Если взглянуть на него с позиций экономической целесообразности, то эта сфера кажется целиком или почти целиком внеэкономической. Коллектив затрачивает весьма немалую долю труда и ресурсов на производство продукции, которая практически не задействована в системе жизнеобеспечения. С другой стороны, «гонка вооружений» бронзового века стимулировала резкий взлет технологий в сфере производства и металла, и средств транспорта. Так внеэкономические стимулы, в конечном итоге, привели к вполне экономическим

Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Маймак. Габаевка. Карасай. Антропоморфные образы. Фото и прорисовки. Андроновская изобразительная традиция [по Байпаков, Марьяшев, 2013. С. 46, 47-48, 52, 64, 76]



последствиям. Для уральского бронзового века такими технологиями стали освоение тонкостенного литья, легкие и быстрые колесницы, использование лошади в качестве верхового животного и т. д.

Какова же роль коммуникаций разного уровня в этих процессах? Локальные коммуникации запечатлены в животноводческом цикле синташтинского населения благодаря исследованиям палеозоологов. Согласно их заключениям, при анализе остеологических коллекций поселений реконструируется порядок забоя скота, который носит ярко выраженный сезонный характер: большинство животных были употреблены в пищу в зимний период, отсюда следует, что основная часть населения в теплое время года находилась за пределами стационарного места обитания. Это заключение дублируется малочисленными находками узнаваемой керамики далеко за пределами укрепленных поселений, являющихся основным типом селитебных объектов синташтинского периода.

[Бачура, 2013. С. 272-276]

[Куприянова и др., 2013. С. 82-102]

Региональная система, скорее всего, обусловлена не системой жизнеобеспечения (отгонным животноводством), а необходимостью получения сырья для производства меди и бронзы. Геологические работы позволяют утверждать, что для этого приходилось совершать «экспедиции», т.к. следы горных выработок очень редко расположены в непосредственной близости от поселений. Судя по составу находок, связанных с металлопроизводством, значительная часть операций была вынесена за пределы зоны проживания.

[Зайков и др., 2013. С. 174-195]

Еще одним стимулом поддержания связей могли служить благородные металлы (золото и серебро), хорошо представленные в погребальном костюме. Хотя изучение этого материала только начато, первые результаты позволяют предполагать, что происхождение сырья связано с местными рассыпными месторождениями. Несмотря на их сравнительно широкое распространение, добыча могла вестись далеко не везде. Серебро (особенно самородное) – более редкий металл, чем золото, поэтому зон вероятной добычи еще меньше. Между тем абашевский гарнитур украшений почти целиком ориентирован именно на этот материал. Примером может служить уникальный Верхне-Кизильский клад, включавший, наряду с массивными бронзовыми предметами, гривны, плакированные серебром.

[Благородные металлы, 2012. С. 16-18; Епимахов и др., 2013. С. 24-28]

[Епимахов, 2003. С. 96-102]

Глобальный уровень связей документирован, прежде всего, распространением колесничного комплекса. Не располагаю возможностью привести развернутую аргументацию по данному вопросу, отсылаю к обзорным работам последних лет. Для целей настоящей работы важно подчеркнуть, что спор о происхождении (Передняя Азия или степная Евразия) не завершен по причине невозможности установить хронологический приоритет. Одной из наиболее вероятных причин такого положения является высокая скорость распространения важной технологической новации. Естественно, что это предполагает стабильную систему коммуникаций.

[Новоженов, 2012; Чечушков, 2013]

Частным, но очень показательным примером могут служить находки на территории Волго-Уралья в памятниках разных археологических культур (включая синташтинскую и абашевскую) начала II тыс. до н. э. трех каменных артефактов с шестью выступами. Они были интерпретированы в качестве наверший булав. Неожиданно выяснилось, что серия в несколько сотен находок так называемых «резных шаров», частью совершенно идентичных волго-уральским, хорошо известна в Шотландии! Трудно представить конвергентное (т. е. совершенно независимое) изобретение этой формы в столь отдаленных местах. Однако столь же непросто представить способы обмена информацией. В качестве косвенного аргумента плотности информационных

[Епимахов, 2012. С. 18-19]

[Marshall, 1976/1977. P. 40-72; MacGregor, 1999. P. 258-271]

потоков можно упомянуть также возникновение огромных культурных общностей и относительную легкость миграций.

Число примеров можно увеличить сравнительно легко, гораздо важнее, что прослеживаются очень разные направления коммуникаций. Восточноевропейское иллюстрируется не только колесничным комплексом, но и гарнитуром украшений; восточное – оловянными лигатурами; южное – экзотическими для Урала материалами (например, лазурит) и, возможно, красителями растительного происхождения. В некоторых случаях можно уловить и следы обратного «влияния». Так, в коллекции раскопок Ливенцовской крепости (на территории г. Ростова-на-Дону) со следами военных действий выделяется большая серия каменных черешковых наконечников, типологически идентичных синташтинским.

[Куштан, 2012. С. 246-252]

[Новоженов, 2012. С. 322-323]

[Братченко, 2012. С. 66-74]

К этому же периоду относится возникновение одного из самых известных и масштабных феноменов бронзового века – сейминско-турбинского. Крайние находки бронзового литья, являющегося наиболее узнаваемой категорией находок, выявлены в северном Китае на востоке и Фенноскандии – на западе. Основным типом памятников являются некрополи с многочисленными следами металлообрабатывающей специализации индивидов (в основном литейными формами) и оружия (копья, кельты и пр.). Наряду с этим имеется значительное число случайных находок. Если первая категория памятников сравнительно немногочисленна, то фонд случайных находок продолжает пополняться стабильно. В оценке этих древностей, мало соответствующих привычным характеристикам археологической культуры, важен ряд моментов. Во-первых, опорные памятники тяготеют к кромке лесной зоны, хотя часть расположена и севернее. Во-вторых, масштабы некрополей, скорее всего, свидетельствуют о длительной истории их формирования. В-третьих, культурно диагностируемая керамика существенно различается на разных могильниках, обычно соответствуя местным культурным традициям: в Прииртышье – кротовским, на Конде – полымьятским и варапульским, в Прикамье – абашевским. Наконец, состав бронз иллюстрирует картину постепенного убывания количества алтайского олова с востока на запад. С моей точки зрения ,эта сумма фактов говорит не только о миграционном сценарии формирования феномена, но о его длительном функционировании, т. е. о существовании «трансъевразийского» пути еще до появления столь знаменитого «шелкового» тезки. Более того, именно начиная с рубежа III – II тыс. до н. э. появляются и иные стабильные маршруты: «нефритовые», «лазуритовые» и пр. Особенность сейминско-турбинского варианта состоит в огромной протяженности и отдаленности от зон земледельческих культур, профессионального ремесла и государственности. Эти черты демонстрируют принципиальную возможность существования протяженных транспортных систем в лесной зоне уже в эпоху бронзы.

[Черных, Кузьминых, 1989]

[Черных, Кузьминых, 1989; Сатыга, 2011]

[Кокшаров, 2013. С. 133-149]

Вопрос об уральской части маршрута «оловянного» пути не проработан в силу недостатка фактов. Правда, вариантов преодоления Уральских гор не так уж много. На возможность северного («печорского») варианта указывает расположение Канинской пещеры и упомянутый западносибирский могильник Сатыга, впрочем, довольно далеко отстоящий от горной системы. Средний Урал – наиболее удобный и востребованный в дальнейшем путь – оказался почти не обеспечен археологической информацией. Отнесение к кругу сейминско-турбинских комплекса Шайтанское озеро (под Нижним Тагилом) не вполне точно, поскольку этот памятник, с моей точки зрения, демонстрирует, скорее, продолжение сейминско-турбинской традиции. Ясно, что степ-

Иран. Тегеран. Национальный музей, Металлические и каменные навершия булав. Фото В. А. Новоженова

Иран. Город Хамадан. (Экбатаны). Археологический музей. Металлические навершия булав и жезлов в экспозиции музея. Фото В. А. Новоженова

Южный Казахстан. Кулжабасы. Андроновская изобразительная традиция. Антропоморфные образы, быки, лошадь, горные бараны [по Байпаков, Марьяшев, 2004. Фото 10, 19, 22, 54, 77]

Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Арпаузен. Противостояние верблюдов (вверху) и людей (внизу). Андроновская изобразительная традиция [по Кадырбаев, Марьяшев, 2007. С. 166, 175]

ная зона не могла служить транспортной артерией, т. к. синташтинские древности имеют минимальное число следов знакомства с сейминско-турбинскими традициями. Могут быть упомянуты только находки панцирных пластин в могильнике Каменный Амбар-5, аналогии которым есть в погребениях могильника Ростовка и характерный наконечник копья из кургана Халвай. Таким образом, остается предположить, что функционировали два северных направления, и уточнение этого заключения – лишь вопрос накопления фактов.

[Епимахов, 2005. С. 90–17; Логвин, Шевнина, 2011. С. 291-292]

История перечисленных выше культурных феноменов так или иначе связана с формированием (на рубеже III – II тыс. до н. э.) и длительным существованием Евразийской (западно-азиатской) металлургической провинции, ставшей одной из составляющих ядра евразийских высокотехнологичных металлоносных культур. Смена блоков археологических культур на протяжении II тыс. до н. э. (в том числе и на Урале) не влекла за собой резкой смены технологических и морфологических стереотипов в сфере металлопроизводства. Тем не менее, значимость центров добычи руды и очагов металлургии менялась существенно, следовательно, должны были изменяться и пути движения людей, вещей и идей.

[Черных, 2012. С. 125]

Срубно-алакульский период демонстрирует решительное изменение внешнего облика, номенклатуры и количества памятников. Основная часть поселений и могильников относится именно к этому времени (XVIII – XV вв. до н. э.). Этот список может быть пополнен небольшим числом кладов и культовыми объектами (менгирами и аллеями менгиров). Несмотря на столь впечатляющие различия с предшествующим периодом, основа жизнедеятельности серьезных трансформаций не претерпела, а значит, локальный уровень коммуникаций сохранился. Относительно небольшие коллективы, проживавшие в открытых поселениях, видимо, довольно часто меняли место обитания вследствие деградации пастбищ. Именно этим обусловлено большое число селитебных памятников.

[Епимахов, 2009. С. 92-104]

[Гиренко, 2004]

Кроме хозяйственной деятельности стимулом к установлению внешних контактов должны быть и брачные связи. При небольшом количестве жителей поиски брачного партнера неизбежно обращались вовне с вероятным формированием экзогамных традиций. Это вовсе не означает, что данная традиция не существовала ранее, но для срубно-алакульского времени видоизменяются и основы социальной структуры. Если в предшествующий период есть элементы социальной иерархии, то теперь на первый план выходят не вертикальные, а горизонтальные социальные связи и гетерархия.

[Epimakhov, 2009. P. 74-90]

Первое воплощено в огромном числе синкретических комплексов, сочетающих черты разных археологических культур. Подчеркну, что это касается не только памятников повседневности, но и ритуальных объектов. В качестве таковых могут быть упомянуты алакульские и федоровские древности, демонстрирующие наряду с «чистыми» комплексами (практически исключительно погребальными) большой спектр синкретических вариантов. Сходным образом обстоит дело и со срубно-алакульскими памятниками Южного Урала. Для первой пары постепенно накапливаются свидетельства контактов и совместного проживания, однако для выводов понадобилось создание дробной хронологии, детальный планиграфический и технологический анализы и другие процедуры. Разнородность этих культурных групп удостоверена для территории Казахстана методами физической антропологии, выявившими две линии: синташтинско-петровско-саргаринскую и федоровскую.

[Кузьмина, 1994]

[Памятники Лисаковской округи, 2013. С. 196-207]

[Солодовников и др., 2013. С. 113-131]

Что касается гетерархии, то этот тип социальных отношений подразумевает доминирование тех или иных социальных групп в различных сферах. В нашем примере наиболее яркими проявлениями являются специализированные производственные поселения, приуроченные к месторождениям медных руд. Однако, их система коммуникаций должна характеризоваться, скорее всего, как региональная или даже надрегиональная. На это же указывает и протяженность миграций, наиболее обсуждаемой

[Черных, 2007; Ткачев, 2012. С. 24-30]

[Потемкина, 2001. С. 62-72]

из которых является южная. В результате в Средней Азии обнаруживаются предельно узнаваемые алакульские и федоровские комплексы. Судя по немногочисленным данным, это направление коммуникации возникло еще в предшествующий период. Другим направлением продвижения было северное, где по итогам возникает ряд синкретических андроноидных культурных типов.

[Кузьмина, 2010]

Таким образом, масштаб коммуникаций, достигнув предельного уровня в предшествующий период, несколько сократился на следующем этапе, хотя плотность связей (судя по высокой степени сходства культурных стереотипов) вряд ли уменьшилась. Произошло также изменение характера коммуникации за счет изменения стимулов ее поддержания. Элитная составляющая этого процесса практически никак не проявлена в срубно-алакульский период, хотя изделия из драгоценных металлов продолжают встречаться.

Завершающие эпоху бронзы века разделены на два подпериода, в разной степени снабженных археологической информацией. Особенно проблемной выглядит степная зона, где постепенно вымываются традиции оседлости. В результате в распоряжении авторов оказываются лишь немногочисленные погребения и случайные находки. Заключения, сделанные на столь зыбком основании, доступны для критики, однако этот период «темных веков» предшествует эпохе ранних кочевников, принципиально новой странице в истории Северной Евразии.

Финальная бронза также является времени существования крупных культурных общностей и функционирования Евразийской металлургической провинции. При этом трудно выделить самостоятельные черты системы коммуникаций этого периода. Постепенное нарастание мобильности животноводства должно было усилить и локальные связи, обусловленные экономическими и матримониальными стимулами. Центры металлопроизводства зафиксированы для Центрального Казахстана и Поволжья, Урал же на фоне предшествующего и последующего этапов развития металлургии меди выглядит парадоксально бедно. Наряду со степным пространством зоной контактов были и более северные территории. Отдельные категории находок позволяют проследить цепочки аналогий вплоть до Южной Сибири (карасукская культура) и Северного Китая. Однако оценить характер этих связей затруднительно, поскольку они не дублируются иными категориями вещей.

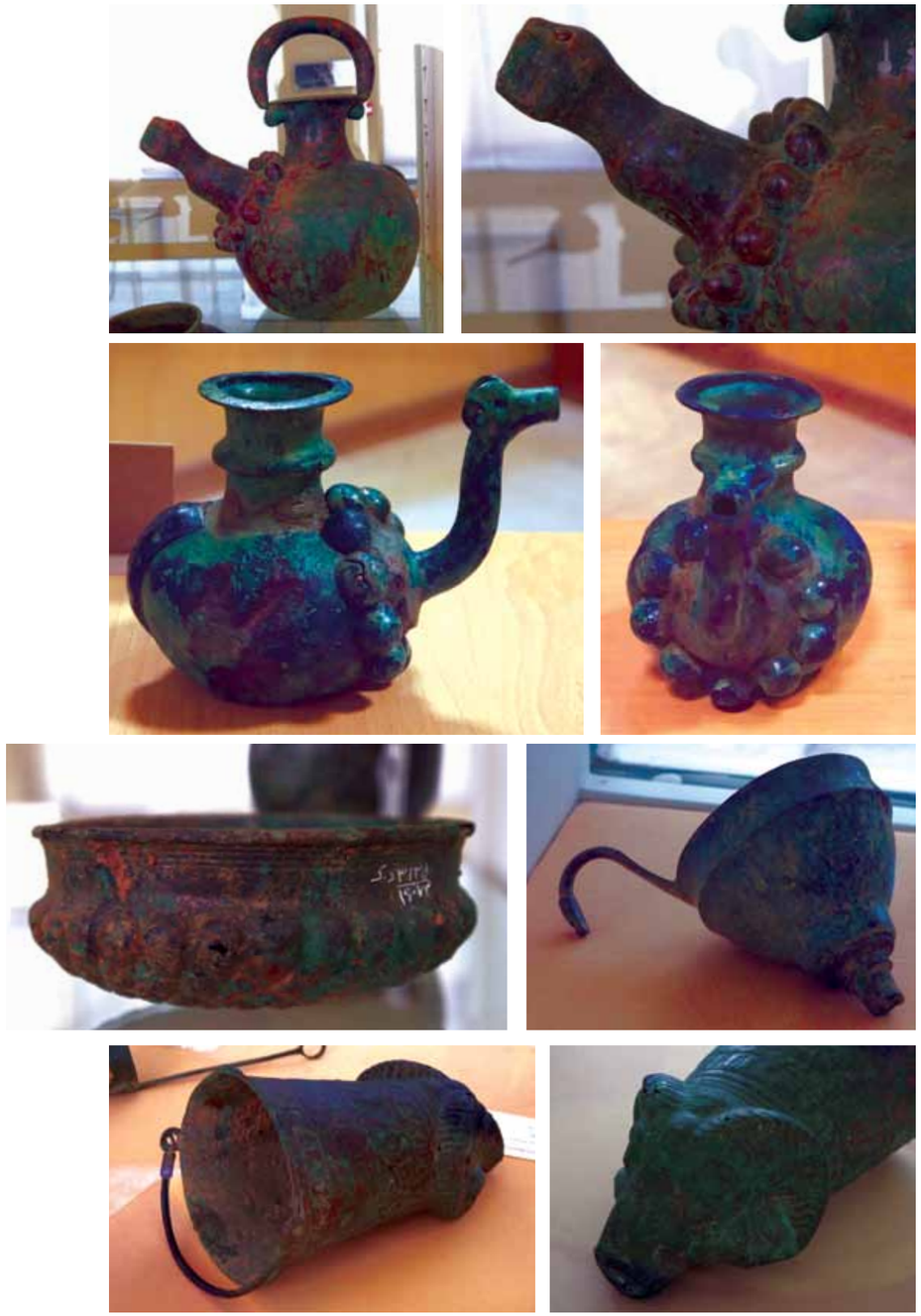
[Епимахов, 2010б; Епимахов, Таиров, 2013]

[Епимахов, Епимахова, 2005. С. 75-83]

Таким образом, сумма фактов однозначно указывает на существование разноуровневой системы коммуникаций на протяжении всего бронзового века. Более того, намечается динамика этих систем и вариации масштаба. Максимальный уровень, определяемый в рамках этой работы как глобальный, с моей точки зрения, должен учитываться при рассмотрении крупномасштабных событий и процессов бронзового века Евразии (начиная минимум с рубежа IV – III тыс. до н. э.), т. к. невозможно ограничиться более привычными объяснительными моделями, поэтому и предложено использовать концепцию мировой системы, адаптировав ее к реалиям Северной Евразии (см. раздел А. В. Епимахова выше).

В целом бронзовый век один из наиболее ярких, безо всяких оговорок переломных периодов в истории Урала, Северной Евразии и человечества. Это время характеризуется системой взаимосвязанных инноваций – технологических, экономических, социальных и идеологических. Минеральные богатства Урала сделали регион одним из основных центров добычи руды и выплавки меди, включив его в широчайшую сеть культурных связей и миграций общеевразийского масштаба от Китая до Балкан и Фенноскандии. Необходимым условием возникновения и поддержания таких коммуникаций стало развитие сухопутных средств транспорта. По сути, на протяжении бронзового века поэтапно формируется Мир-Система, обретшая ныне планетарный масштаб. В рассматриваемое время складывается только ядро этой глобальной евразийско-африканской системы. Сегодня она базируется на экономике, но для эпохи бронзы это верно лишь отчасти и касается только ядра. ■

Иран. Город Хамадан. (Экбатаны). Археологический музей. Металлические сосуды в экспозиции музея. Фото В. А. Новоженова



Иран. Тегеран. Национальный музей. Металлические сосуды в экспозиции. Фото В. А. Новоженова

2.8.2. Хронология. Пространство и время не только являются основными понятиями философии, но пронизывают все уровни археологического исследования, позволяя структурировать получаемую в ходе работы информацию. Археология Северной Евразии, несмотря на существенные перемены, в ней происходящие, и все более тесную интеграцию в международное сотрудничество, по-прежнему в значительной степени ориентирована на ликвидацию «белых пятен». В этой связи круг проблем интерпретации полученных в ходе раскопок материалов часто ограничен их группировкой и уточнением культурно-хронологической атрибуции. Для этой территории огромное большинство публикаций тематически сосредоточено именно на этом. Надо ли говорить, что спектр возможных суждений значительно шире, а количество уже сформулированных направлений насчитывает многие десятки. Это состояние во многом объективно: существуют большие пространства и временные лакуны, вовсе не обеспеченные фактами; продолжается процесс выделения археологических культур и уточнение их соотношения между собой. В свете заявленного трудно переоценить значение хронологических построений, которым посвящена эта работа.

[Gamble, 2004. P. 154]

[Renfrew, Bahn, 2005]

На протяжении огромного временного промежутка история значительной части Северной Евразии обеспечена лишь информацией археологических памятников. Включение в общий евразийский мир происходило постепенно на протяжении многих тысячелетий. Естественно, что самые ранние достоверные письменные свидетельства могут быть датированы лишь серединой I тыс. до н. э. Однако даже имеющиеся нарративные источники не играют решающей роли в вопросах, рассматриваемых на этих страницах, вплоть до позднего средневековья. Причина – существенная удаленность от мест создания документов и, как следствие, малая достоверность сведений и их крайняя лапидарность, позволяющая выдвигать разные варианты прочтения. Естественно, все перечисленное не может иметь даже косвенного отношения к каменному веку, поскольку самые ранние литературные памятники относятся к III тыс. до н. э. Таким образом, историко-филологические методы мало полезны для Уральского региона.

[Мартынов, Шер, 1989. С. 167]

Археология располагает ограниченным набором средств для решения хронологических проблем, не все из которых по разными причинам приложимы к рассматриваемой территории. В этой связи мы сосредоточимся лишь на двух главных аспектах. Первый – абсолютная хронология, основанная на сериях радиокарбонных дат, вторая - создание региональной периодизации и ее согласование с другими системами. Данные относительной хронологии использованы в зависимости от обеспеченности фактами, наличия разработанных типологических схем и пр.

Разделение хронологии и периодизации в археологии Урала, как нам кажется, до сей поры производится не вполне четко[1]. Кроме того, достаточно редко предпринимались попытки провести их размежевание и привести аргументы в пользу значимости конкретных заключений о рубеже этапов и пр. Эта особенность довольно давно констатирована в отношении советской археологии, которая стремилась как можно быстрее уйти от относительной хронологии к абсолютной.

[1] Это замечание может быть обращено и к другим территориям. Например, А. А. Тишкин (2007), оперируя большими сериями радиокарбонных и других дат, ориентируется, в первую очередь, на схемы периодизации.

[Генинг, Левченко, 1992. С. 47–49; Клейн, 1993, С. 59–60]

Во избежание разночтений определим нашу позицию: хронология – это распределение объектов в астрономическом времени, достигаемое методами относительного и абсолютного датирования, т. е. фактически речь идет о разделении явлений по единственному основанию. В оптимальном варианте периодизация (предполагающая учет многих факторов) должна опираться на систему хронологии и синтез разных типов информации. Конечно, значимость хронологии этим не ограничивается, поскольку изучение большинства исторических процессов и структур неизбежно требует установления синхронии и диахронии явлений.

[Вишняцкий, Колпаков, 1991. С. 6]

Без создания единой, согласованной системы хронологии невозможно обсуждать содержательные вопросы генезиса, характера и результатов конкретных исторических процессов. В археологических публикациях вопросам культурно-хронологической атрибуции традиционно отводится много места, более того, интерпретация полученных материалов часто этими вопросами и ограничивается. Урал в этом смысле не является исключением из общего правила. Говорить о создании общепризнанной системы пока не приходится. Не менее сложна проблема согласования региональных систем Урала, Поволжья, Казахстана и Западной Сибири.

Прежде всего, следует отметить, что для Урала трудно, если вообще возможно, раздельно сформулировать системы абсолютной и относительной хронологии, во всяком случае, такая задача прямо обычно не формулируется. Использование разными авторами цифр (тысячелетие, век или их части) при определении хронологической позиции конкретной культуры или явления не должно вводить в заблуждение. Вплоть до последнего времени эти датировки были лишь иллюстрацией к авторским заключениям о генезисе и соотношении культурных типов. Нельзя сказать, что ситуация радикально изменилась с внедрением в практику радиокарбонных методов, однако это серьезный шаг в сторону создания абсолютной шкалы и проверки умозаключений по отдельным звеньям относительной хронологии.

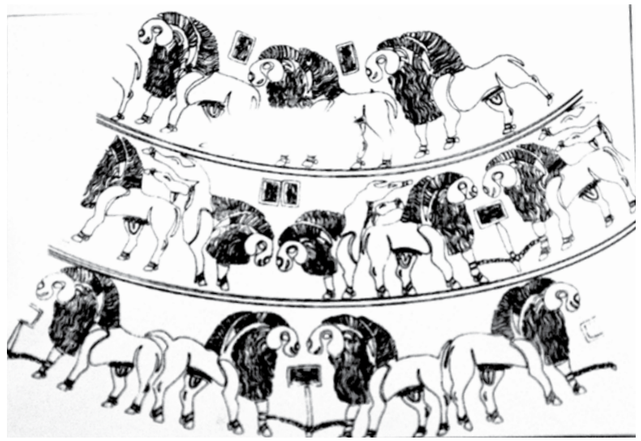
Отличия последней от периодизации осознавались постепенно, тем более что периодизация нередко использовалась и используется в качестве относительной хронологии.

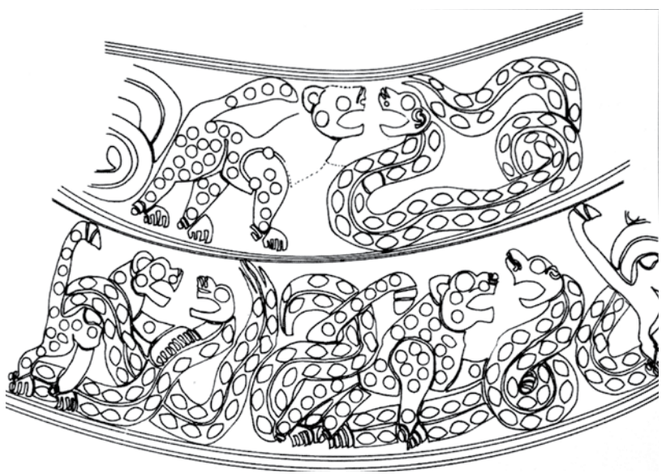
По самой ее сути, начальные шаги ее классификации однородны и универсальны — в грубом охвате материалы осваивались так везде и в этой именно последовательности. Но разработка вторичных признаков, необходимых для дальнейших шагов классификации, уводит всё дальше от этого единообразия. В каждой местности и в каждой категории материала они свои. Поэтому чем разработаннее периодизация, чем мельче единицы членения, тем меньше возможности соблюсти единство критерия и тем меньше вообще всякого единства, цельности, связности.

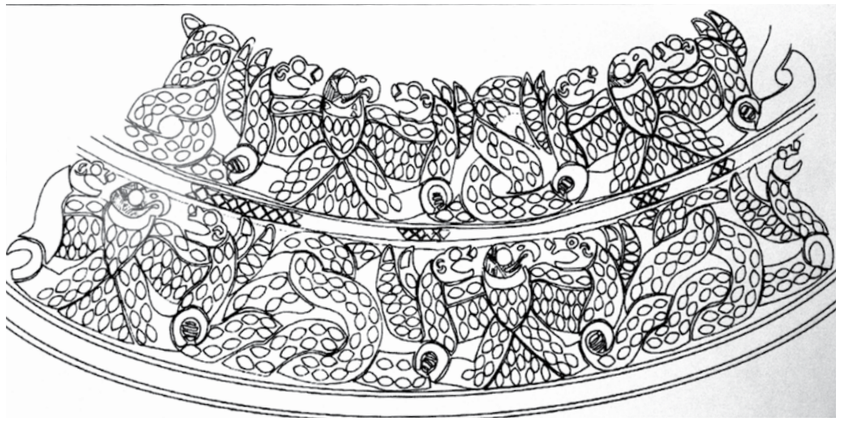
[Клейн, 2000. С. 493]

Деление на периоды является одним из непременных условий исторического анализа, однако отбор конкретных оснований для такого разграничения имеет множество вариантов, которые могут быть сгруппированы в два блока: деление по событиям и деление по структурам. Не отрицая связи между событиями и структурами, подчеркнем, что археология доклассовых и в значительной степени раннеклассовых обществ более ориентирована на второе, чем на первое. В конечном итоге, эта направленность задана спецификой получаемых фактов, а также характером исторического процесса, когда поведенческие стереотипы большинства членов социума обращены к

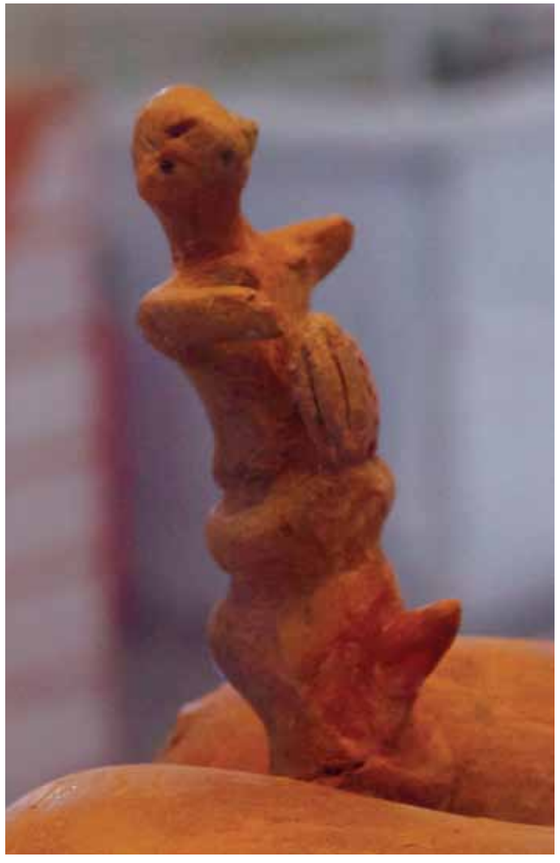
[Савельева, Полетаев, 2003. С. 535 etc.]



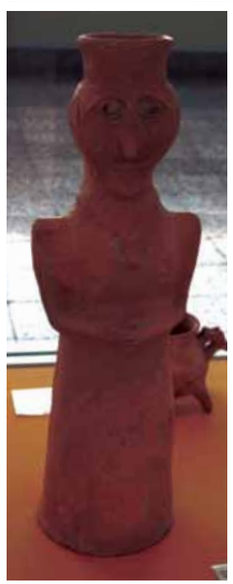




Иран. Тегеран. Национальный музей. Каменные сосуды с резьбой в экспозиции. Фото В. А. Новоженова



Иран. Тегеран. Национальный музей. Керамические сосуды и поделки на колесах. Фото В. А. Новоженова



Иран. Тегеран. Национальный музей. Керамические сосуды и поделки. Фото В. А. Новоженова

поддержанию стабильности, а не к поиску максимально полного использования ресурсов и пр.

[Саллинз, 2000]

Под периодизацией мы будем понимать выделение значимых этапов, существенно различающихся историческим содержанием, т. е. обладающих внутренним единством и отличающихся от других. «Периодизация — это, прежде всего, разновидность классификации..., хотя классифицируются объекты на основе их хронологической позиции. Хронология здесь выступает как лишь как самый общий, первичный критерий классификации» .

[Вишняцкий, Колпаков, 1991]

По сути, основной задачей является выделение хронологических отрезков, в рамках которых система культурных стереотипов остается относительно неизменной, и связанная с ней задача выявления периодов трансформаций. Попытки создания универсальной периодизации истории человечества можно считать утопическими, но ответ на вопрос о возможности ее формирования для крупных регионов не кажется безнадежным. Это позволяет искать возможности согласования ритма исторических процессов региона и «евразийского ядра».

[Черных, 2005. С. 12–13]

В отличие от хронологии, периодизации могут быть разными в зависимости от избранных принципов членения, т.е. от набора признаков или их устойчивых сочетаний. Расхождения периодизационных систем имеют основание различия в исследовательских интересах, базовых теориях и масштабах. Имеет значение территориальная и временная принадлежность изучаемой исследователем группы. Исходя из основополагающих принципов, различают технологические и геолого-палеонтологические археологические периодизации.

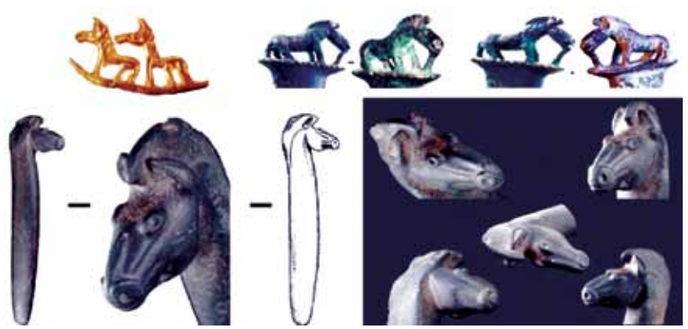
[Генинг, Левченко, 1992. С. 47]

[Щапова, 2005. С. 86]

[Холюшкин, 2010. С.490]

В силу разных причин, в том числе и пограничного положения региона, Уралу на этих границах уделено особое место. Кроме того, в последние годы здесь шел стабильный процесс не только накопления информации, но и ее обобщения. В результате имеется возможность обобщить данные и выйти на новый уровень анализа. Не в последнюю очередь интерес к местному бронзовому веку обусловлен и вовлечением региона в масштабные исторические процессы.

Хотя накопление фактов и анализов продолжается, достигнутый уровень позволяет сформировать хронологическую систему. В свою очередь, она может быть соотнесена с другими региональными системами, а также вписана в периодизации бронзового века Северной Евразии. Значение разных типов темпоральной информации для каждого из уровней построений различно. Так, для локальных колонок чрезвычайно важны стратиграфические наблюдения и сериация, для сопредельных территорий– свидетельства



Восточный и Южный Казахстан. Скульптурки лошадей. Каменный жезл (случайная находка из Семея), навершие кинжала (Шемонаиха) и височное кольцо (Мыншункыр)[по Самашев, 2013, С. 32-36]

культурных заимствований; для глобальных систем – естественнонаучные методы. Речь не идет о жестком ранжировании методов, а о приоритетах при построениях разного масштаба.

Относительная хронология. Основными «традиционными» (т. е. собственно археологическими) методами хронологических построений являются стратиграфический и типологический. Рассмотрим имеющиеся материалы по данной теме. Относительная хронология складывается из синтеза двух взаимосвязанных блоков – установление диахронии и синхронности конкретных культур и типов. В первом случае приоритет отдается стратиграфии, во втором – анализу так называемых «закрытых» комплексов и взаимовстречаемости типов. Для бронзового века Урала к их числу могут быть отнесены погребения (за вычетом склепов) и клады (если речь не идет о кладах длительного накопления). В некоторых случаях авторы обсуждают возможности синхронизации материалов, залегающих в одном культурном слое. Следует сразу отметить, что для памятников с нечеткой стратиграфией (а таковых на Урале абсолютное большинство) такое допущение кажется не вполне оправданным, поскольку причины совместного залегания находок могут быть никак не связаны с их хронологическим единством. Несколько реже в качестве «условно закрытых» комплексов рассматриваются колодцы, нередкие на поселениях эпохи бронзы. В такой ситуации случайности также не исключены, хотя срок функционирования конкретных колодцев вряд ли был очень большим.

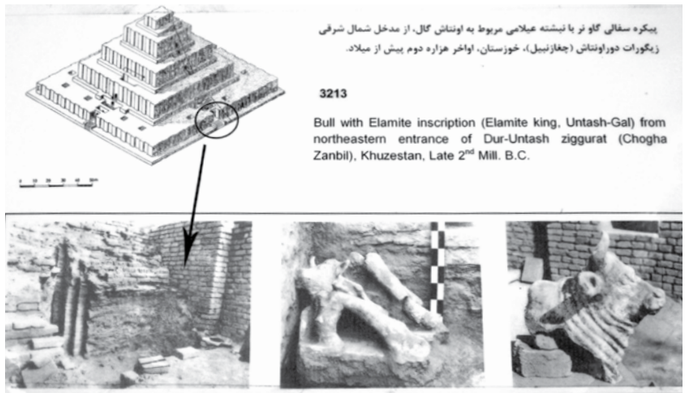
[Зах, 1995]

Диахронный анализ. Особенностью большинства уральских памятников бронзового века является отсутствие четкой стратиграфии. Данное обстоятельство обусловлено разными факторами для каждой из ландшафтных зон, однако есть и универсальные причины. Во-первых, замедленный процесс почвообразования (что особенно наглядно в степной и лесной зоне) имеет результатом то, что поселенческие памятники зачастую характеризуются незначительной мощностью культурного слоя (обычно – до 0,5–0,7 м) и отсутствием стерильных прослоек. Исключений из этого правила крайне мало. Второе обстоятельство обусловлено относительной маловодностью рек (особенно в Зауралье). В результате в нашем распоряжении практически нет достоверных объектов, погибших по причине природных катаклизмов. Во-вторых, открытый характер ландшафта (особенно в степи, меньше – в лесостепи) часто не создает значительных ограничений при выборе площадок для размещения поселений и некрополей. В результате новые, относительно поздние памятники формируются на незастроенных предшественниками участках. В-третьих, за редким исключением, население Урала использовало для строительства плохо сохраняющиеся материалы – дерево и грунт. Примеры каменной архитектуры (в первую очередь – погребальной) имеют место, но оказываются мало полезны в силу действия остальных факторов. И наконец, в некоторых случаях можно говорить и о культурной традиции, ограничивающей возможности полевых методов исследования, особенно на территории Зауралья. Например, носители федоровских традиций практически не использовали существующие насыпи для совершения подхоронений. Приходится использовать методы анализа так называемой горизонтальной стратиграфии, что отнюдь не всегда дает однозначные результаты. Достаточно упомянуть пример селища Кипель или могильника Раскатиха.

[Сальников, 1957; Стоколос, 1970; Григорьев, 2000. С. 347–349; 2002, С. 48]

Нередко авторы вынуждены для построения периодизационных схем ориентироваться на косвенные данные, например, на ареальный метод,

[Потемкина, 1985. С. 189; Григорьев, 2000. С. 288]



Иран. Тегеран. Национальный музей. Элам. Зикурат Дур-Унташ. 2 тыс. до н. э. Надпись и скульптура быка у входа в зикурат. Фото В. А. Новоженова

Иран. Город Хамадан. (Экбатаны). Археологический музей. Керамические сосуды и погребение с черепахой. Фото В. А. Новоженова

когда за исходную точку рассуждений принимается тезис, что синхронные разнокультурные памятники, расположенные поблизости друг от друга, должны содержать примесь инокультурного материала. Соответственно, отсутствие таких следов воспринимается как отображение разновременности[2].

[Матвеева и др., 2005. С. 124]

Даже в случаях, когда стратиграфия хорошо документирована, невозможно установить длительность хронологического разрыва между событиями (особенно для погребальных памятников), равно и длительность функционирования объектов (в основном при оценке материалов поселений). И наконец, методика раскопок в ряде случаев не позволяет установить характер распределения находок в культурном слое поселений при отсутствии стерильных прослоек. В ряде случаев стратиграфия все-таки зафиксирована. Мы осознаем, что опора на единичные, даже вполне надежные стратиграфические наблюдения чревата их абсолютизацией и может не отображать общей ситуации. В этой связи следовало бы оперировать сериями, однако это, увы, остается в сфере желаемого. В дальнейшем мы будем придерживаться принципов хронологии и ландшафтного зонирования, хотя строгое следование им оказалось затруднительно, поскольку в целом ряде случаев речь идет об одних и тех же культурах и памятниках. Сумма стратиграфических наблюдений более обширна для степной зоны.

[Григорьев, 1990]

В степном Приуралье наиболее ранними памятниками, относящимися к бронзовому веку, являются ямные[3]. В стратифицированных курганах погребения этой КИО стабильно занимают раннюю позицию, поскольку распространение курганного обряда связано именно с ямным населением. К сожалению, ямные памятники представлены почти исключительно одномогильными комплексами, так что судить об их внутренней хронологии на основании раскопочных материалов невозможно. Авторы вынуждены апеллировать к типологическим рядам и аналогиям с Поволжьем, к радиокарбонным датам, ориентироваться на особенности обрядовой практики.

[Моргунова, Кравцов, 1994. С. 64]
[Кузнецов, 1996; Моргунова и др., 2003 и др.]
[Моргунова, Кравцов, 1994; Богданов, 1999; 2004]

В Зауралье древности этого периода представлены малым числом фактов[4] в неясной стратиграфической позиции. Слабая насыщенность инвентарем большинства ямных погребений задачи также не облегчает. Так, для II Мало-Кизильского могильника (где большинство курганов содержали две могилы) в одном случае установлена разновременность совершения захоронений. В более раннем индивидуальном погребении (с ножом и шилом) покойный располагался скорченно на спине, а во второй безынвентарной могиле (взрослый с двумя разновозрастными детьми) умершему была придана поза скорченно на правом боку. Аналогичная ситуация зафиксирована в кургане 1 Петровского могильника.

[Сальников, 1962. С. 51–54]

[Богданов, 2004. С. 196]

Приращение материалов ямного облика в Зауралье пока не пополнило список хорошо стратифицированных объектов. Таковыми могли быть курганы могильника Александровский IV, где имеются также синташтинские погребения. Однако методика раскопок с помощью техники и малый объем

[Малютина и др., 2009; 2010]

[Малютина и др., 2010]

[2]*Понятно, что эта процедура небезупречна, поскольку невозможно ввести критерий «близости расположения», да и исключать полностью контакты только на основании отсутствия свидетельств в облике керамики (а другие категории для такого анализа вряд ли пригодны) невозможно. Не случайно авторы этой работы не стали опираться только на ареальный метод, широко оперируя радиокарбонными датировками.*
[3]*В лесостепной зоне ямно-полтавкинские погребения представлены единично (I Ново-Мурапталовский, к. 1, п. 1), в нестратифицированных комплексах (Горбунов, Морозов, 1985. С. 98).*
[4]*Речь идет о нескольких погребениях (Мало-Кизильский II и Александровский IV могильники и пр.).*

надмогильных сооружений оставили мало шансов на строгие заключения.

Одним из объяснений разнородности ямных памятников ряд авторов считает хронологические различия. Основанием разделения служат усложненная форма могильной ямы («заплечики»), поза погребенного (скорченно на спине или на правом боку) либо инвентарь. Отмечено, что наиболее насыщенные инвентарем могилы относятся ко второй фазе раннего бронзового века.

[Богданов, 1999; 2004; Кузнецов, 2000; Моргунова, Кравцов, 1994 и др.]

Следующий стратиграфический горизонт представлен скромным числом фактов, происходящих из Приуралья. В последние годы постепенно обретает зримые очертания группа погребений, явно не укладывающаяся в каноны ямной культуры ни в раннем, ни в позднем ее вариантах. Прежде всего, речь идет о сооружении катакомб и других чертах обрядности, облике керамики и т. п. Эта группа занимает постъямную стратиграфическую позицию, что установлено на ряде примеров.

[Моргунова, Кравцов, 1994. С. 76–77]

[Ткачев, 2000б. С. 43–45; 2007. С. 205–257]

Еще одна культурная группа, оставившая единичные свидетельства своей стратиграфической позиции, должна быть упомянута в связи с Приуральскими древностями – вольско-лбищенская. Представленная крайне скудным числом находок, эта группа тем не менее имеет одно стратиграфическое наблюдение (Большой Дедуровский Мар), иллюстрирующее ее постъямный характер. Соотношение описанной выше «катакомбной» и вольско-лбищенской групп стратиграфически не установлено, территориально они пока тоже не разграничиваются.

[Бытковский, Ткачев, 1996. С. 69–70; Моргунова и др., 2003. С. 64–65, 76, 80, 87–88; Ткачев, 2000б. С. 45; Богданов. 2006. С. 212–217 и др.]

[Богданов, 1998. С. 21; Ткачев, 2006. С. 6–12]

Последующие периоды бронзового века представлены в степной и лесостепной зонах гораздо полнее, поскольку в распоряжении исследователей имеются не только погребальные, но и поселенческие памятники. Соответственно, более массово установлены и факты последовательности формирования конкретных комплексов. В первую очередь, это касается синташтинских древностей, активно анализируемых в последние годы. Вновь основная часть свидетельств происходит с территории степного Приуралья. Целый ряд курганов предшествующего времени был использован носителями синташтинских традиций для совершения впускных захоронений. Во всех случаях синташтинские погребения находятся в более поздней позиции в отношении захоронений ямного, позднеямного, «полтавкинского», «катакомбного» облика[5].

[Ткачев В.В., 1996а; 1998. С. 42–43; 2000б. С. 46–47; 2005. С. 184; Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 27–31; Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 11; Отрощенко, 2000. С. 67]

Есть также пример совершения впускного захоронения абашевского (?) облика в позднеямный курган у с. Першин. Это один из немногих случаев, когда полевые наблюдения подверглись проверке с помощью радиокарбонного датирования. Петровские погребения оказались впускными по отношению к погребениям СБВ в могильнике Имангазы-Карасу. Серия на-

[Черных и др., 2000а. С. 65]

[5]*Несмотря на разноголосицу определений, авторы часто имеют в виду одни и те же памятники.*

Северный и Центральный Казахстан. «Утюжки». Поселение Талдысай (слева) [Ержанова и др., 2011] и случайная находка из Тургая (справа) [Логвин, Ченченкова и др., 2006]

Иран. Тегеран. Национальный музей. Луристанские бронзы. Антропоморфная пластика. Фото В. А. Новоженова

Иран. Тегеран. Национальный музей. Луристанские бронзы. Зооморфная пластика. Фото В. А. Новоженова ■ - экспонат из Археологического музея в Экбатанах

Иран. Тегеран. Национальный музей. Луристанские бронзы. Украшения. Фото В. А. Новоженова

Иран. Тегеран. Национальный музей. Луристанские бронзы. Украшения. Фото В. А. Новоженова

Иран. Тегеран. Национальный музей. Луристанские бронзы. Конское и колесничное снаряжение. Фото В. А. Новоженова

Иран. Тегеран. Национальный музей. Луристанские бронзы. Конское и колесничное снаряжение. Фото В. А. Новоженова

Иран. Город Хамадан (Экбатаны). Археологический музей. Конское снаряжение (псалии, удила, колокольчики из бронзы). Фото В. А. Новоженова.

Иран. Город Хамадан (Экбатаны). Археологический музей. Луристанские бронзы. Оружие. Топоры, наконечники стрел и кинжалы. Фото В. А. Новоженова

Иран. Тегеран. Национальный музей. Луристанские бронзы. Оружие. Ножи, кинжалы, наконечники и бронзовый колчан. Фото В. А. Новоженова

Иран. Тегеран. Национальный музей. Луристанские бронзы. Оружие (топоры) Фото В. А. Новоженова

[Ткачев, 2003, С. 114]

блюдений может быть приведена по соотношению ямных и срубных памятников, однако в этом, видимо, нет особой нужды, поскольку для них никем не предполагается возможность обратной стратиграфии.

[Моргунова, 1996, С. 19; Богданов, 1998. С. 20–21]

Поселения, лучше изученные в Зауралье, также снабдили исследователей рядом фактов. В стратиграфически наиболее раннем керамическом комплексе зауральского укрепленного поселения Куйсак авторы раскопок выделяют «сосуды с позднеямными и абашевскими признаками»[6]. Кроме того, в выше лежащих слоях разделяются группы синташтинской и раннесрубной керамики. Последняя относится к наиболее позднему периоду существования поселения. Это заключение может быть продублировано результатами раскопок поселения Каменный Амбар.

[Малютина, Зданович, 1995. С. 104–105; Малютина, Усачук, 2004]

[Корякова и др., 2011; Koryakova et al, 2013]

В пограничной зоне степи и лесостепи Приуралья есть данные о соотношении абашевских древностей с синташтинскими и сейминско-турбинскими (могильник у горы Березовой). Данный памятник в этом отношении можно назвать уникальным, поскольку сооружение, содержавшее абашевский и «посткатакомбный» инвентарь, оказалось частично разрушено погребениями с сейминско-турбинским и «позднесинташтинским» инвентарем. Видимо, к моменту совершения захоронений грунтового могильника мощная каменная ограда на дневной поверхности была практически невидима[7]. В целом, можно говорить о постепенном расширении источниковой базы по абашевской культуре в степной зоне, позволяющей предполагать проникновение этого населения в чуждую экологическую нишу.

[Халяпин, 2001; 2005; Моргунова, Халяпин, 2003]

[Ткачев, 2007; Халяпин, 2005]

[Епимахов, 2001]

Относительная хронология культур степной зоны в послесинташтинское время документирована достаточно надежно разными типами памятников. Обычно материалы синташтинско-петровского облика демонстрируют большую древность в сравнении с алакульско-федоровскими; петровские захоронения относятся к послесинташтинскому времени; срубные древности залегают выше абашевских[8].

[Моргунова и др., 2001. С. 107–108]

[Ткачев, 2003. С. 114]

[Моргунова, Халяпин, 2003]

Гораздо в большем изобилии представлена информация по зауральским памятникам. В южной части последовательность синташтинских и петровских объектов можно констатировать благодаря раскопкам поселений и могильников. «Поздние» материалы в стратиграфической колонке исследованных раскопками укрепленных поселений (Куйсак, Берсуат, Каменный Амбар) иногда атрибутируются авторами раскопок не как петровские, а как раннесрубные. Вероятно, за этим обстоятельством надо усматривать особенности развития культуры, а не хронологии.

[Древнее Устье, 2013; Зданович, Малютина, 2004; Зданович, Батанина, 2007]

Говоря об укрепленных поселениях, следует отметить, что в большинстве случаев они четко демонстрируют наличие нескольких строительных горизонтов, даже в тех случаях, когда дистанционные методы этот факт не устанавливают (Аландское, Берсуат, Куйсак, Каменный Амбар, Синташта). Общее направление эволюции керамического комплекса достаточно прозрачно, однако культурная атрибуция конкретных строительных горизонтов не всегда ясна.

[Зданович, Малютина, 2001; 2004]

[6]Личное знакомство с керамической коллекцией не убедило автора этих строк в наличии позднеямных черт, абашевские же материалы в некоторых случаях просто неотличимы от собственно синташтинских.

[7]Впрочем, культурная атрибуция автора раскопок не была принята безоговорочно многими из специалистов после ознакомления с материалами во время круглого стола «Происхождение и хронология синташтинской культуры» в 2005 г. (Челябинск).

[8]Это соотношение дублирует ситуацию, неоднократно, хотя и менее отчетливо, зафиксированную в лесостепном Приуралье [Горбунов, 1992. С. 110–118].

Курганная стратиграфия Зауралья менее насыщена – здесь к числу бесспорных можно отнести только результаты раскопок кургана 10 могильника Кривое Озеро, где петровские погребения стратиграфически позднее синташтинских. Возможно, к числу стратифицированных относился также могильник у с. Степное, где петровская керамика обнаружена в насыпи, а синташтинская (по оценке автора раскопок – «абашевская») – в могильной яме[9].

[Виноградов, 2003. С. 113]

[Стоколос, 1962]

Наложение позднебронзовых (срубно-алакульских, алакульских и финально-бронзовых) жилищ на системы синташтинских и петровских укреплений встречаются достаточно часто и являются скорее правилом, чем исключением (Каменный Амбар (Ольгино), Кизильское, Устье[10] и др.). К сожалению, кроме поселений Синташта и Каменный Амбар, это обстоятельство не подтверждено материалами раскопок. На первом из них исследовано строение, датируемое финалом бронзового века, которое уничтожило часть синташтинского культурного слоя. В то же время для Зауралья нам не известны достоверные примеры курганной стратиграфии, иллюстрирующие соотношение синташтинских и позднебронзовых погребений.

Для пары «петровка» – «алакуль» мы можем привести только пример горизонтальной стратиграфии могильника Троицк-7. Устойчиво прослеживается еще одна закономерность: периферийные детские захоронения сопровождались посудой, имеющей большее количество алакульских черт, в сравнении с центральными могилами, где отчетливо просматриваются петровские характеристики. Поселение Кулевчи III иллюстрирует взаимоотношение петровских и алакульских древностей на другом типе памятников. Здесь алакульское жилище прорезает петровские конструкции. Менее четкая ситуация выявлена на поселении Камышное II, где ров (видимо, относящийся к петровской культуре) перекрыт жилищами с алакульской и федоровской керамикой. В несколько иных терминах на примере Чистолебяжского могильника А. В. Матвеев также делает заключение об относительно поздней позиции алакульской керамики в сравнении с петровской. Не стало исключением и поселение Мочище I, где алакульские и федоровские материалы стратиграфически позднее «постсинташтинских, петровских и раннеалакульских».

[Костюков, Епимахов, 1999]

[Виноградов, 1982]

[Потемкина, 1985. С. 80–83; Григорьев, 2000. С. 288–289]

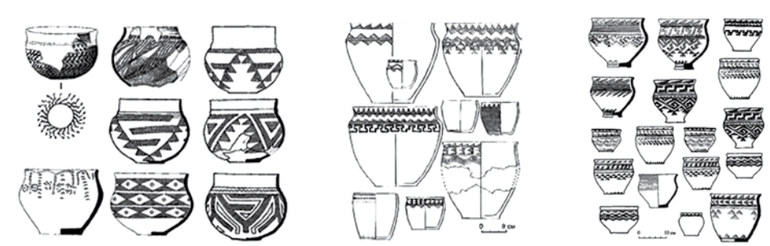
[Матвеев, 1998. С. 286]

[Григорьев и др., 2007. С. 89]

[Потемкина, 1985. С. 268]

[9]Снятие насыпей выполнялось бульдозером, что неизбежно сказалось на качестве стратиграфических наблюдений. Вполне вероятно, что керамика, обнаруженная «в насыпи», происходила из жертвенных комплексов и/ или детских погребений.

[10]В случае с этим поселением надо уточнить, что срубно-алакульский период функционирования площадки представлен лишь периферийными объектами (выгребными ямами, детскими погребениями), а не собственно жилищами.



Северный и Центральный Казахстан. Керамические сосуды развитой (справа и в центре) финальной (слева) бронзы [по Маргулан, 1979; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Varfolomeev, Evdokimov, 2013; Самашев, 2013. С. 62]

Иран. Окраина города Язд. Дахмэ. Зороастрийское святилище. Фото В. А. Новоженова

Обратная стратиграфия отстаивается Т. М. Потемкиной с привлечением материалов могильника Верхняя Алабуга[11] (по планиграфическим наблюдениям) и поселения Камышное I (где поселенческий алакульский слой прорезан погребением с остроребернымсосудом). Подробный комментарий С. А. Григорьева по данному вопросу делает излишним дополнительное обсуждение, и тезис о хронологическом приоритете «петровки» кажется наиболее состоятельным[12].

[Григорьев, 2000. С. 288–289]

В целом наименее обеспеченный археологическими источниками период финальной бронзы степной зоны мало информативен и в плане стратиграфии. К причинам, перечисленным выше, добавляется еще одна. Крайне немногочисленные курганы в степной зоне локализуются в совершенно непривычной для бронзового века топографической позиции – на большом удалении от водных источников, на высоких гипсометрических отметках. Поселения, занимающие более привычные участки, снабжены некоторыми, увы, не столь многочисленными наблюдениями. Хотя в это время население активно использовало для строительства жилища раннего времени, более того, видимо, пребывало в границах поселений сезонно, можно суммарно констатировать, что материалы финальной бронзы по данным стратиграфии позднее срубно-алакульских и федоровско-черкаскульских[13]. Для Алексеевского комплекса этот факт установлен путем анализа горизонтальной стратиграфии. Вновь следует подчеркнуть, что, наряду со «смешанными» комплексами, есть примеры и чистых, относимых к финалу бронзового века.

[Днепров и др., 1979; Малютина и др., 2006; Зданович, 1988. С. 165; Потемкина, 1985. С. 259–274; Зданович и др., 2003; Алаева, 2007; Петрова, 2007; Стоколос., 1972. С. 28–32 и др.].

[Кривцова-Гракова, 1948; Потемкина, 1975; Евдокимов, 1975]

Сложнее дело обстоит с лесостепными и лесными культурами, которые часто сопровождаются определением «энеолитические» («квазиэнеолитические»), хотя хронологически явно относятся бронзовому веку. Для них de facto отсутствуют данные о внутрирегиональной стратиграфии, равно и прямые возможности уяснения их соотношения со степными древностями. Сегодня подвергается ревизии и хронология так называемых «раннебронзовых» культур лесостепного и лесного Зауралья и Западной Сибири (ташковская, аятская, одиновская, логиновская), как минимум часть которых вполне аргументированно синхронизируется с синташтинскими, петровскими (и даже алакульскими) древностями. Впрочем, поселение Ук III дало хороший образец стратиграфии, когда ранние ташковские жилища оказались перекрыты алакульскими, а те, в свою очередь, подстилали пахомовский слой. Андроноидные пахомовские древности рассматриваются в рамках межовско-ирменского культурно-хронологического пласта[14], который мы ассоциируем с периодом финальной бронзы.

[Кузьминых, 1993; Черных и др., 2002. С. 17]

[Матвеев, 1998. С. 109–113; Стефанов, Корочкова, 2000. С. 81–87]

[Корякова и др., 1991]

Для лесо-лесостепной зоны Зауралья это не единственный факт, однако стратиграфические наблюдения не отвечают на целый ряд принципиальных вопросов. Так, для поселения Нижняя Макуша выяснено, что слой с коптяковской керамикой является более поздним относительно энеоли-

[Хлобыстин, 1976. С. 57]

---

[11]На этом же комплексе установлено также предшествование энеолитических материалов алакульским (Потемкина, 1985. С. 259).
[12]Этот же порядок установлен на основе стратиграфических наблюдений при раскопках северо-казахстанских памятников (Зданович, 1988).
[13]Эта группа иногда рассматривается как относительно самостоятельный стратиграфический горизонт между срубно-алакульским и финальнобронзовым (Петрова, 2007. С. 81).
[14]Несколько иная точка зрения сформулирована А. В. Матвеевым (2007), который считает необходимым выделить предирменский (ордынский) горизонт памятников, синхронный пахомовским и черкаскульским древностям.

Северный и Центральный Казахстан. Керамические сосуды энеолита и ранней бронзы. Ботай, Карагаш. Раскопки В. Ф. Зайберта, В. В. Евдокимова, В. Н. Логвина, С. С. Калиевой, В. К. Мерца [по Самашев, 2013. С. 48-51]

Северный и Центральный Казахстан. Керамические сосуды развитой бронзы. Раскопки А. В. Логвина, И. В. Шевниной и др. [по Самашев, 2013. С. 59-60]

тического и более ранним относительно гамаюнского. Основная же проблема состоит в соотношении этой культуры с черкаскульской (керамика нередко залегает совместно) или алакульской (занимающей в целом несколько иную территорию). Впрочем, проблемы коптяковской культуры закономерно вытекают из крайне небольшого числа полноценно изученных памятников, редкости находок металлического инвентаря, имеющих надежный культурный контекст. Для черкаскульских древностей постэнеолитический возраст документирован раскопками на поселении Кокшарово I.

[Викторова, 1999; 2001; Зах. Иванов, 2006; Сериков и др., 2009; 2010; Корочкова, Стефанов, 2010]
[Старков, 1970; Обыденнов, Шорин, 2005. С. 10]

Лесостепное Приуралье хуже обеспечено стратиграфической информацией. Причины этого явления обозначены выше, следует добавить, что могильники этой зоны также мало полезны, поскольку срубное население не использовало абашевские курганы, а межовское – срубные, даже в тех случаях, когда захоронения были совершены на одних и тех же площадках. Для самого крупного Старо-Ябалаклинского некрополя сочетание абашевских и срубных погребений зафиксировано в одном кургане (№27) без прямого наложения. Правда, при совершении срубных захоронений частично использованы камни абашевской ограды.

[Горбунов, Морозов, 1991. С. 22–23, 132]

Несмотря на эти обстоятельства по результатам раскопок поселений установлены следующие факты. На поселении Береговское I, по мнению В.В.Отрощенко, абашевская керамика залегала глубже синташтинской. В целом, абашевская керамика, как правило, залегает глубже срубной. Наиболее показателен в этом отношении раскоп III поселения Тюбяк, где не только документирован этот порядок, но разделена по фазам сама срубная культура[15]. Направление эволюции абашевской материальной культуры данными раскопок, по сути, не верифицировано.

[Отрощенко, 2000. С. 68]
[Обыденнов и др., 2001. С. 67–69, 128]
[Сальников, 1967. С. 109; Горбунов, 1986. С. 64–65]

Справедливости ради стоит отметить, что столь прозрачная, как на Тюбяке, ситуация – большая редкость, хотя аналогичные наблюдения за распределением керамики сделаны, например, на поселениях Береговское I, Чишминское и некоторых других. Гораздо чаще коллекции поселенческой керамики разделяются только типологически. В данном случае как раз значительная мощность гумусного слоя, в котором плохо читаются котлованы жилищ (не достигающие материка), сыграла отрицательную роль. Говоря о внутренней периодизации срубных памятников, мы вновь вынуждены указать на сложности ее прямого подтверждения результатами раскопок. Некрополи, несмотря на свою чрезвычайную массовость, характеризуются очень высокой степенью унификации в сочетании с минимализмом архитектурных деталей и инвентаря. В результате многомогильные курганы оказываются практически лишены интересующей нас информации. Разделяя по этапам срубные памятники Приуралья, специалисты обращаются к особенностям погребальной обрядности и керамического комплекса, поскольку остальные категории инвентаря представлены малыми сериями. В качестве эталона часто используется шкала относительной хронологии соседних территорий, прежде всего, Зауралья (петровские и алакульские материалы).

[Сальников, 1967. С. 104–106]
[Морозов, Рутто, 1989. С. 83]
[Горбунов, 1993. С. 5]
[Морозов, 2003]

[Горбунов, Морозов, 1985; Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 134–141]

Наиболее сложно использовать в интересующем нас аспекте материалы черкаскульской и коптяковской культур горно-лесной и лесостепной зон.

[15] *Впрочем, стратиграфическая ситуация не выглядит абсолютно достоверной, поскольку участок локализован на склоне и явно имел место снос культурного слоя, не говоря уже о том, что при строительстве более поздних котлованов часть грунта должна была выбрасываться именно в эту сторону.*

Если для первой некоторые наблюдения все же имеются, то вторая либо опознается в составе разнокультурных коллекций, либо формирует самостоятельные комплексы вне связи с другими культурами эпохи бронзы. Собственно черкаскульские («чистые») поселения вычленяются довольно редко, еще реже выявляются самостоятельные слои в составе разнокультурных памятников. Надежная стратиграфия связана с уникальным поселением Коркино I (лесостепное Зауралье), где алакульский слой имеет многочисленные свидетельства военной катастрофы (пожар, скелеты со следами насильственной смерти), а черкаскульское население не только освоило ту же площадку, но даже вторично использовало существующие котлованы. Скорее всего, два эпизода должны быть разделены заметным промежутком времени. Черкаскульские слои на ряде поселений Притоболья перекрывают алакульские. Следует упомянуть еще один факт, связанный с раскопками поселения Юкалекулево в северо-восточной Башкирии, где черкаскульский строительный горизонт предшествовал межовскому.

[Косарев, 1984. С. 77–84; Хлобыстин, 1976; Зах. Иванов, 2006]
[Викторова, 1999; 2001]
[Обыденнов, Шорин, 1995. С. 7; 2005]
[Чемякин, 2000]
[Потемкина, 1985. С. 259 etc.]
[Обыденнов, 1991. С. 79]

При исследовании поселения Щетково-2 выявлено нарушение черкаскульского сооружения 5 пахомовским сооружением 3, которое перекрывало также федоровскую канаву. Само сооружение 3 оказалось прорезано несколькими ямами с бархатовской керамикой. Расположение в «пограничной» пахомовско-черкаскульской зоне не позволяет рассматривать этот единичный факт в качестве абсолютного доказательства соотношения данных культур, но определяет их место относительно бархатовских и, возможно, федоровских древностей. Это наблюдение дублирует информацию, полученную при раскопках поселения Ново-Бурино, где «федоровско-черкаскульский» слой прорезан «замараевским».

[Матвеев, 2007. С. 41]
[Сальников, 1959]

На примере нескольких поселений установлено, что срубные древности раньше межовских (Казангулово, Балтачевское, Чишминское, Жедемекское и др.). Вновь это аргументируется преобладанием срубной керамики в нижних штыках, а межовской – в верхних. Однако, наряду со смешанными коллекциями, выделены и «чистые» межовские комплексы, что, вместе с прочими аргументами, подтверждает самостоятельный характер конкретных культур бронзового века. Зауральское Миасское селище демонстрирует сходную, хотя и менее четкую ситуацию, позволившую автору раскопок констатировать хронологический приоритет федоровских материалов над межовскими.

[Морозов, 1989; Морозов, Рутто, 1989; Обыденнов, 1998. С. 42; Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 150 и др.]
[Григорьев, 2000. С. 378]

В последние годы получена серия стратиграфических наблюдений при раскопках поселения Мочище I (лесостепное Зауралье), где выявлены весьма разнородные материалы бронзового века. Хотя опубликованы только предварительные результаты, не подкрепленные визуальным рядом, автор исследования утверждает, что имеются данные о хронологическом приоритете раннеалакульских (в том числе «постсинташтинских» и петровских) материалов относительно федоровских; алакульских и федоровских в сравнении с федоровско-черкаскульскими. Вместе с тем, С. А. Григорьев считает возможным частичное сосуществование алакульских и саргаринских керамических традиций, что интерпретируется им как свидетельство культурной преемственности. Есть также пример поселения Малая Березовая 4, где алакульское жилище было переиспользовано населением с саргаринско-межовскими (по терминологии автора раскопок) традициями.

[Григорьев, 2006; Григорьев и др. 2007]
[Григорьев, 2006; Григорьев и др. 2007]
[Алаева, 2007]

Подводя итог обзора, можно сказать, что накопленная сумма наблюдений позволяет относительно подробно установить последовательность основных культур от начала бронзового века до его окончания для каждой

из ландшафтных зон. Менее определенно соотношение при сопоставлении культур разных зон, удаленных друг от друга: хронологическая позиция «энеолитических» и «раннебронзовых» культур лесной и лесостепной зоны относительно степных культур; соотношение коптяковской, черкаскульской и федоровской культур; этапов срубной и алакульской культур и т. д.

Анализ синхронии. Одним из возможных путей преодоления проблемной ситуации мог бы стать анализ синхронии. Наиболее часто исследователи обсуждают взаимовстречаемость либо синкретизм абашевских и синташтинских; алакульских и срубных; алакульских и федоровских; федоровских и черкаскульских; межовских, саргаринских и бархатовских, а также бархатовских и гамаюнских черт. Беда только в том, что суждения обычно имеют оценочный характер и одни и те же комплексы (в основном речь об облике керамики, реже – об особенностях погребальной ритуалистики) могут рассматриваться по-разному. Классический пример – алакульские и федоровские древности. Сочетание черт культурных традиций в керамическом комплексе одними оценивается как результат сосуществования, другими как результат генетической связи и эволюционного развития. И то и другое с логической точки зрения непротиворечиво, а вот стратиграфических фактов в распоряжении авторов минимум. В этой связи часть специалистов склоняется к датированию федоровских памятников Урала более поздним временем относительно алакульских с оговоркой о наличии периода сосуществования, другие убеждены в их параллельном развитии.

[Виноградов и др., 1996]

[Матвеев, 2000. С. 32; Стефанов, Корочкова, 2004]

[Кузьмина, 1994; Усманова, 2005 и др.]

Не менее проблематичными оказались попытки синхронизации по материалам раскопок поселений. Несмотря на огромное число совместных находок абашевской и срубной керамики, тезис об их хотя бы частичной синхронизации почти не обсуждается.

[см. Горбунов, 1992]

Признается наличие большой срубно-алакульской контактной зоны по обе стороны Уральского хребта, но критерии выделения синкретических памятников размыты либо формулируются на материалах отдельных зон. В этих обстоятельствах, принимая эпохальную синхронность культур, сложно конкретизировать хронологию и динамику их взаимодействия.

[Рутто, 1982; 2003; Григорьев, 2000. С. 292–299; Рафикова, 2001; Костюков, Алаева, 2004; Петрова, 2004; Стоколос, Стоколос, 2004 и др.]

Клады обнаружены на территории Урала и ассоциируются с абашевской и срубной культурами. Срубные клады, в подавляющем большинстве представленные серпами, видимо, являются комплексами быстрого накопления и не содержат очевидных инокультурных заимствований, следовательно, не могут быть использованы как инструмент синхронизации. Для абашевских ситуация менее однозначная. Наиболее интересен в этом аспекте Верхне-Кизильский клад, происходящий с территории Мало-Кизильского селища, которое пало жертвой военной катастрофы. Во-первых, одним из вероятных противников могли выступать носители синташтинских традиций. Во-вторых, в составе клада имеется серп, параметры которого близки стереотипам поздней бронзы, и, наконец, керамический комплекс поселения имеет ряд технологических черт, сближающих с синташтинским. Следует признать, что все приведенные соображения могут быть оценены только как косвенные аргументы частичной синхронизации двух культур.

[Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 140; Петрова, 2004]

[Bortvin, 1928; Епимахов, 2003]

[Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 41]

[Епимахов, 2002]

В последнее время, в результате целенаправленных поисков Ю. Б. Серикова, открыты клады бронзовых изделий (или ритуальные комплексы) в Среднем Зауралье. Особую значимость этому открытию придает факт совместного залегании коптяковской керамики (с алакульскими чертами) и большого комплекса металлических изделий сейминско-турбинского и самусько-кижировского (?) облика. Последние, в соответствии с убедительно

[Сериков и др., 2008; 2009; Корочкова, Стефанов, 2010]

[Черных, Кузьминых, 1989]

обоснованным мнением Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, в целом относятся к более позднему времени относительно сейминско-турбинского феномена. Это дает некоторые основания для размещения коптяковских древностей в системе относительной хронологии региона и адресует к более основательной оценке места данной культуры в истории лесостепного Зауралья.

Абсолютная хронология. Радиокарбонное датирование. Длительная история применения метода пока не привела к его всеобщему признанию среди российских специалистов. Объективные причины связаны, прежде всего, с внутренними проблемами этого типа датирования. С другой стороны, отечественные ученые со скепсисом приняли датировки, дающие значительный разброс значений даже для заведомо одновременных комплексов. «Вина» за неадекватность результатов, видимо, должна возлагаться на несовершенство аппаратуры и качество предоставляемых археологами образцов. Действительно, совсем непросто соблюсти условия «чистоты» и аутентичности образца, если речь идет о значительном объеме органических материалов. AMS метод снял этот вопрос с повестки дня, резко расширив круг датируемых объектов. Однако российские специалисты оказались вынуждены выбирать между своими финансовыми возможностями и точностью результатов. Стоит заметить также, что практика получения единичных дат с разных памятников также сформировала устойчивый негативный стереотип. Между тем, такая работа если не бессмысленна вовсе, то мало содержательна – она должна вестись серийно, по возможности с перекрестной проверкой в разных лабораториях и разными методами, в частности, стратиграфии.

[Орлова, 1995]

[Черных, Черных, 2005]

Обращаясь к уральскому бронзовому веку, приходится констатировать ущербность имеющейся базы данных радиокарбонного датирования. Наиболее серьезными ее недостатками являются следующие. Мизерное число дат для столь обширного региона. Крайне неравномерное распределение датировок по периодам и территориям. Редкость серийного датирования одного памятника. Получение значительной части материалов в период становления методики и на несовершенной аппаратуре. Низкий уровень публикации даже имеющихся значений (отсутствие индексов лабораторий и указания на конкретные комплексы, игнорирование калибровки[16], суммарное представление серий и пр.). В распоряжении специалистов сегодня нет единого каталога, фактически отсутствует единый стандарт публикации. В последнее десятилетие, впрочем, наметился определенный прогресс в данной области, связанный с усовершенствованием методик датирования и привлечением зарубежных специалистов.

[Аванесова, 1991. С. 94]

[Телегин и др., 1981; Потемкина, 1985; Аванесова, 1991; Кузьмина Е., 1994; Обыденнов, Шорин, 1995; Матвеев и др., 1991; 2005; Матвеев, 1998; Матвеева и др., 2003; 2006; Моргунова и др., 2003; Моргунова и др., 2005; Моргунова, 2006; Черных Е.Н. и др., 2000; Черных, Исто, 2002; Черных, Орловская, 2004а; 2004б; Antony, Vinogradov, 1995; Епимахов и др., 2005; Епимахов, 2010а; 2010б; Юнгер, Карпелан, 2005; Каргалы, 2002; Каргалы, 2004; Черных, Мартинес-Наваррете, 2005; Богданов, 2006. С. 222; Орлова, 1995; Исмагил и др., 2009; Зимина и др., 2009; Anthony, 2007; Panushkina et all, 2008; Моргунова и др., 2009; 2010]

Далее представлены только даты, калиброванные автором с использованием программы OxCal 3.10. Исключения из данного правила оговариваются в каждом случае. В качестве источников использованы даты, опубликованные в следующих изданиях, а также некоторые неопубликованные ранее. В целом можно говорить о создании опорных точек в системе хронологии бронзового века для крупного региона, расположенного на формальном рубеже Европы и Азии, в тому же сочетающего принципиально разные типы ландшафтов и, как следствие, культур, и систем адаптации. Сопоставимыми материалами к настоящему времени располагают лишь несколько территорий Северной части Евразии: Восточная Европа, Западная Сибирь и

[16] В этом, впрочем, археологи солидарны со специалистами по палеоклиматологии (Таиров, 2003; Косинцев и др., 2004 и др.).

Минусинская котловина.

[Кузнецов, 2000; Черных и др., 2002; Моргунова и др., 2003; 2005; Богданов, 2006; Моргунова, 2006; Моргунова и др., 2009а; 2009б]

Наиболее ранние даты собственно эпохи бронзы Урала относятся к ямной общности степного Приуралья. Мы оставляем без подробного обсуждения серию дат, полученных при изучении древнего карьера на территории Каргалинского месторождения, хотя она в целом соответствует времени существования ямных памятников. Причина отказа – отсутствие культурно диагностируемых материалов.

[Черных, Исто, 2002; Черных, Мартинес-Наваррете, 2005]

Сводка включает 83 образца из 27 памятников, полученных в разных лабораториях и по разным технологиям. Серия соответствует порогу достоверности, но есть проблема существенной разницы в значениях анализов, выполненных по различным материалам. Серьезно удревнены датировки почвы и керамики. Пониженные значения последних могут объясняться использованием древними гончарами ископаемых моллюсков или илов. Независимо от причин данного эффекта, включение этих результатов в выборки при суммировании заметно искажает общий итог. В этой связи отказ от совокупного рассмотрения всех значений кажется более правильным. Хронологические рамки ямных древностей без учета «керамических» дат – 3350 – 2490 гг. до н.э. Поскольку в данном случае результат опирается на 60 анализов, его корректировка маловероятна. В составе серии примерно 1/5 анализов, выполненных по ускорительной технологии, их значения практически совпадают со всей совокупностью.

[Черных, Орловская, 2011. С. 67]

[Кузнецов, 2013. С. 20]

[Черных, Орловская, 2011. С. 66]

К сожалению, выводы базируются исключительно на волго-уральских памятниках, имеющиеся в Зауралье примеры ямных древностей пока не обеспечены соответствующей информацией, а экстраполяция данных может искажать реальную ситуацию этапов территориального расширения ареала культуры. Другая актуальная задача – выделение этапов развития культуры не только типологически, но и в интервалах.

[Дегтярева, 2010; Малютина, Зданович, 2013 и др.]

[Богданов, 2004]

В последнее время предпринята попытка выделить с помощью радиоуглеродных анализов группу ранних (репинских) погребений. Оказались широко задействованы даты по керамике, которые, по нашему мнению, не слишком надежная база для тонких хронологических градаций в пределах ямной общности. К сожалению, эта группа, в отличие от тамар-уткульской в Приуралье, фактические не обеспечена анализами костного материала (Першин и Шумаево I), посему их хронологическое разграничение представляет некоторую трудность. Привлечение же поволжских дат дает основания для предположения о том, что рубеж РБВ I и РБВ II приходится на XXX - XXIX вв. до н. э.

[Моргунова, 2009]

[Богданов, 2004; 2006]

Отдельного упоминания требует серия памятников с репинской керамикой, с которыми часто связывается генезис ямных традиций. Раздельное рассмотрение групп дат по разным материалам четко иллюстрирует заключение, что почти все ранние результаты связаны с датированием керамики. В этой связи интервал 3090 – 2630 гг. до н. э., полученный в ходе суммирования 6 дат по кости, кажется более достоверным, чем сумма всех анализов 3700–2600 гг. до н. э. Еще одна группа поволжских материалов важна при рассмотрении судьбы носителей ямных традиций – полтавкинская. Ее интервал (2950 – 2350 (3100 – 1900) гг. до н. э.)[17] оказался очень близок к собственно ямному и отчасти катакомбному.

[Кузнецов, 2013]

[Черных, Орловская, 2004б. С. 18]

[17]По аналогии с катакомбными памятниками, нельзя исключать удревняющее действие резервуарного эффекта.

Не менее интересно сопоставить хронологию приуральской части ямной общности с катакомбными датами. Несмотря на неоднократно фиксируемое по всей совокупности восточно-европейских дат значительное наложение рамок ямной и катакомбной общности, можно отметить, что даты последней (2600 – 1950 (2900 – 1500) гг. до н. э.) несколько моложе приуральских ямных. К тому же наиболее поздние серии происходят из периферийной зоны катакомбной общности[18]. Вполне вероятно, что отмеченная особенность – результат отсутствия датировок по позднекатакомбной группе Приуралья, которая (как показано выше) стратиграфически и обрядово выделяется достаточно отчетливо.

[Черных и др., 2000; 2002. С. 5; Черных, Орловская, 2004б]

[Черных, Орловская, 2004а. С. 25]

[Трифонов, 2001. С. 75; Черных, Орловская, 2004б. Рис. 6]

Следующая группа датировок представлена большим количеством. Речь, прежде всего, идет о синташтинских памятниках Зауралья. Именно они являются ключевым звеном хронологической схемы Урала (а фактически – более широкой территории), т. к. сочетают в металлокомплексе и

[18]Последние работы специалистов по радиокарбонному датированию существенно корректируют интервал с учетом резервуарного эффекта, ограничивая в частности рамки манычской культуры 2500 – 2000 гг. до н. э. (Van der Plicht et al, 2006. P. 123; Шишлина и др., 2006; Плихт и др., 2007).

Находки из комплексов бронзового века Центрального, Северного и Восточного Казахстана.
Резная кость (Кент, раскопки В. В. Евдокимова, В. В. Варфоломеева, В. Г. Ломана). Круглые бронзовые бляшки (Джангельды 5, раскопки В. Н. Логвина, С. С. Калиевой) и ажурная подвеска (Бестамак, раскопки А. В. Логвина, И. В. Шевниной). Очковидная бронзовая подвеска, каменная форма для литья, декор топоров (раскопки С. С. Черникова) [по Самашев, 2013. С. 63-65]

чертах погребальной обрядности признаки начала позднего бронзового века[19] и предшествующего периода. Пристальное внимание обусловлено и микенскими аналогиями конской упряжи (псалии), которые традиционно привлекались для определения абсолютных дат.

[Смирнов, Кузьмина, 1977 и др.]

Начало новому периоду в датировании этих памятников было положено уже в середине 1990-х работой Д. Энтони и Н. Б. Виноградова, посвященной хронологии колесниц. Параллельно осуществлялось датирование материалов поселения Аркаим, результаты которого были представлены лишь суммарно, что сделало невозможным их полноценное использование. Поскольку определение возраста только синташтинских памятников не решало проблемы построения системы хронологии региона, была реализована программа серийного датирования основных культур местного бронзового века. Из 40 анализов, связанных с девятью группами, 14 были синташтинскими. На этом этапе удалось решить задачу первоначального накопления данных для синташтинских памятников. AMS даты были приняты за эталонные, остальные подвергнуты критическому пересмотру. Отказ от наиболее «одиозных» позволил сформировать статистически достаточную выборку для суммирования вероятностей и установить интервал существования культуры. Дальнейшее приращение шло благодаря длительным исследованиям комплексов памятников в микрорайонах Каменный Амбар и Степное. В результате выяснилось, что умножение серии (74 образца (более половины AMS)) в рамках процедуры суммирования вероятностей принципиального влияния на конечный итог почти не оказывает, и требуются альтернативные варианты анализа. Иными словами, созданы предпосылки для перехода от моделей генерализованных культурных изменений к детальной реконструкции процессов. Такого рода исследования способны дать непривычные результаты, иллюстрирующие длительное сосуществование культурных стереотипов, которые обычно воспринимаются исследователями как последовательные или разновременные. Дополнительные возможности открывает датирование стратифицированных объектов. Так, благодаря установленной последовательности этапов застройки для поселения Каменный Амбар удалось существенно сузить хронологические интервалы каждого из этапов. Суммарный интервал синташтинских датировок, полученных к настоящему моменту – 2010–1770 (2200–1650)[20] гг. до н.э., видимо, уже не претерпит существенных коррективов в ходе наращивания серии.

[Anthony, Vinogradov, 1995]

[Зданович, 1997]

[Епимахов и др., 2005; Hanks et al, 2007]

[Епимахов, 2007]

[Корякова и др. 2011; Krause, Fornasier, 2012 и др.]

[Johnson, Hanks, 2012; Doonan et al, 2013]

[Выборнов и др., 2014; Raczy, Siklosi, 2013]

[Epimakhov, Krause, 2013]

Нетрудно заметить частичное наложение графиков катакомбного и синташтинского интервалов, но пики графиков все-таки различаются довольно четко. В поиске синхронных комплексов мы должны обратиться к синташтинским памятникам Приуралья и потаповскому культурному типу Поволжья. К сожалению, Приуралье представлено незначительным количеством продатированных материалов (3), происходящих из могильника у горы Березовой. Ряд особенностей погребальной обрядности, и особенно сопровождающего инвентаря, позволяет усматривать сейминско-турбинские параллели, в то время как керамический комплекс очень близок синташтинскому. Полученный интервал (2350–1950 гг. до н. э.) явно слишком широк для единокультурной группы погребений (отчасти за счет большой

[Моргунова, Халяпин, 2003; Моргунова и др., 2003. С. 272; Халяпин, 2005]
[Васильев и др., 1994 и др.]

[19]В рамках восточноевропейской периодизации бронзового века.
[20]Использована программа OxCal 3.10. Цифры за скобками отражают калибровку в одну сигму (68,2%), в скобках – в две (95,4%).

величины стандартного отклонения) – зона наложения ограничена концом III – началом II тыс. до н. э. Эта датировка кажется маловероятной не только вследствие расхождения с массовыми зауральскими синташтинскими материалами, но также из-за диссонанса с потаповскими датами.

Традиционно сложным является вопрос о датировке абашевских и сейминско-турбинских памятников. De facto мы имеем дело с единичными анализами по обеим группам. Для сейминско-турбинского транскультурного феномена в нашем распоряжении единственная дата по западносибирскому могильнику Сатыга (2125 – 1955 гг. до н. э.) и три – по средневолжскому Усть-Ветлужскому могильнику. Можно отметить только, что дата Сатыги несколько древнее синташтинских датировок в Зауралье и хорошо укладывается в серию дат ряда памятников Западной Сибири, прежде всего, Алтая[21]. Многие авторы связывают формирование сейминско-турбинского феномена именно с этим регионом. Впрочем, те же авторы предлагают синхронизировать этот круг памятников с синташтинским и абашевским (реже в этот перечень попадают петровские древности). Для трех дат Усть-Ветлужского могильника в Поволжье суммированный интервал – 1910–1620 гг. до н. э. существенно моложе приведенных выше значений и синташтинской серии в целом. Совмещение обозначенных групп расширяет интервал до 2040 – 1620 (2150 – 1600) гг. до н. э.

[Кирюшин и др., 2003. С. 106; 2004]

[Черных, Кузьминых, 1989. С. 261]

[Соловьев, 2005]

Некоторые факты указывают на возможность синхронизации (частичной ?) сейминско-турбинских древностей с абашевско-синташтинским кругом, что в целом подтверждается имеющимися ^{14}C анализами. Так, для абашевской культуры выделен интервал 2200 – 1650 (2500 – 1100) гг. до н. э. К сожалению, это сделано на основании 12 дат, не демонстрирующих высокой степени согласованности и по большей части не связанных с Уралом. В более поздней работе упоминаются 22 даты, но приводится конкретный интервал только с калибровкой в одну сигму – 2140 – 1740 гг. до н. э.[22]. Следует признать, что абашевские, синташтинские и сейминско-турбинские древности имеют сходную хронологию и следы взаимных контактов. Однако выделенные интервалы слишком широки для обсуждения вариантов их соотношения.

[Черных, 2007. С. 72]

[Черных, Орловская, 2009. Табл. 8]

Для лесной территории Зауралья имеется небольшая (5 образцов), но компактная серия дат по деревянным изделиям из торфяниковых памятников «ранней бронзы», объединяемых в рамках карасьеозерского типа. Суммарный интервал (2470 – 2200 (2600 – 2000) гг. до н. э.) хорошо укладывается в хронологически последовательную систему между энеолитом и памятниками поздней бронзы, однако сохраняется разрыв как с первым, так и со вторым. Впрочем, уровень обследования этой зоны сохраняет возможность открытия новых культурных типов.

[Chairkina et al, 2013]

В лесной и лесостепной зонах бассейна Тобола исследованы памятники ташковской культуры бронзового века, для которой даже относительная хронология остается во многом дискуссионной. Единичные стратиграфические наблюдения указывают на досрубно-алакульский период, хотя некоторые авторы придерживаются мнения о возможной синхронизации. Радиоуглеродная аргументация в этом споре пока мало полезна. Из девяти дат две относятся к IV тыс. до н. э. и использованы быть не могут. Осталь-

[Стефанов, Корочкова, 2000. С. 81–87]

[Ковалева, 2005. С. 106]

[21]2140–1940 (2200 – 1820) гг. до н. э.
[22]В обоих случаях речь идет о культуре в целом (включая Среднюю Волгу), а не только об уральских (баланбашских) древностях.

ные также не демонстрируют однородности и при суммировании вероятностей дают широкий интервал – 2290 – 1880 (2900 – 1600) гг. до н. э. В таком виде он позволяет констатировать общую синхронность с сейминско-турбинским феноменом и синташтинско-абашевским периодом.

Наконец, перечень культур этой части региона должен быть пополнен коптяковскими материалами Зауралья. Типологические параллели с сейминско-турбинским металлом, единичные примеры сочетания с петровскими древностями и некоторые черты сходства с алакульским керамическим комплексом пока не имеют надежной основы в виде радиоуглеродных дат (10 дат, включая одну сильно удревненную). Их разнородность может быть связана с проблемами установления археологического контекста. В выделенном интервале (2150 – 2000, 1900 – 1750, 1650 – 1300 (2200 – 1250) гг. до н. э.) два из трех пиков соответствуют сейминско-турбинскому периоду, однако протяженность такова, что вряд ли пока удастся содержательно интерпретировать это наложение.

[Викторова, 2001; Зах и др., 2005; Зах, Иванов, 2007]

Послесинташтинское время представлено в южной части Урала петровскими и раннесрубными памятниками. Последние опознаются главным образом по некоторым особенностям обрядовой практики и наличию характерной керамики с острореберным профилем, которая ассоциируется с петровской (в других терминах – раннеалакульской). В данном случае мы не намерены погружаться в тонкости культурной интерпретации, для нас важнее хронологическая позиция. 31 образец, включая 9 AMS дат, оказались ограниченно пригодны для анализа. Сумма вероятностей оставшихся 24 дат[23] – 1940 –1610 (2150 –1300) гг. до н. э. Подсчет дат, полученных в рамках ускорительной технологии, предсказуемо сузил интервал до 1900–1740 (2020 –1680) гг. до н. э. Полученные интервалы в целом близки поволжским хронологическим построениям.

[Кузнецов, 1996, С. 56; Кузнецов, Мочалов, 1999. С. 72; Малов, 2001; Anthony, 2007]

Срубные древности, представленные близкой к порогу достоверности серией анализов, имеют все-таки существенный изъян, поскольку в подавляющем большинстве результаты происходят с одного памятника – поселения Горный I. Кроме них имеются единичные даты для Мурадымовского поселения, поселения Устье и могильников Лабазовский и Скворцовский. В этой связи встает закономерный вопрос о том, отражает ли выделяемый интервал датировки культуры в целом или только иллюстрирует один из эпизодов ее функционирования на Урале. В конкретном выражении интер-

[Каргалы, 2004]
[Обыденнова и др., 2008. С. 436]
[Епимахов и др., 2005]
[Моргунова и др., 2009; 2010]

[23]*Были отброшены также даты, калиброванный возраст которых приходится на первую половину III тыс. до н. э.*

Фигурные навершия жезлов (булав) и резные диски из комплексов Центрального, Западного и Северного Казахстана. Раскопки В. Н. Логвина, В. Ф. Зайберта, С. С. Калиевой, А. В. Логвина, И. В. Шевниной, А. А. Бисембаева, А. В. Епимахова [по Самашев, 2013. С. 39]

вал 1730 – 1410 (1900 – 1300) гг. до н. э. хорошо вписывается в рамки общей хронологии срубной общности, базирующейся на гораздо более обширном фонде. Полученный результат подтвердил правильность выделения раннесрубных материалов в самостоятельную группу. Очевидно, что этот интервал в целом несколько моложе алакульского и алакульско-федоровского. Свидетельствует ли это о разнице в протекании процессов культурогенеза, пока сказать трудно в свете проблем, связанных с выборками датировок.

[Черных, 2007. С. 85]

Петровская культура, выделенная благодаря раскопкам в Северном Казахстане, ныне хорошо представлена на Урале и лучше обеспечена 14С датами (18 дат включая 5 AMS). Четкое разграничение петровских и раннеалакульских древностей вряд ли возможно, поскольку для данного периода речь, видимо, идет о плавной эволюции. Это обстоятельство привело к отказу от оценки петровских древностей в качестве самостоятельной культуры и рассмотрению их как типа памятников.

Приходится признать неоднозначность полученных результатов. Если последние даты Оксфордской лаборатории оказались чрезвычайно близки ((1880 – 1750) 1940 – 1690 гг. до н. э.), то по поводу остальных этого сказать никак невозможно. С особенной наглядностью это демонстрируют четыре резко различных значения для одного (!) погребения 1 к. 10 Чистолебяжского могильника: 2880 – 2200 и 1940 – 1510 гг. до н. э. Автором раскопок отдано предпочтение первому интервалу; мы придерживаемся противоположного мнения. Столь же заметна разноголосица в отношении Царева кургана на Тоболе, могильников Раскатиха,[24] Верхняя Алабуга и Кривое Озеро. Таким образом, не менее 8 дат из 18 резко отличаются от основной серии, в основном в сторону существенного удревнения вплоть до середины третьего тыс. до н. э. (2500 – 1500 (2700 – 1100) гг. до н. э.). Это заключение кажется невероятным в свете установленных рубежей синташтинских памятников, хронологический приоритет которых относительно петровских имеет стратиграфическую аргументацию. Наиболее приемлемым промежутком представляется XIX - XVIII вв. до н. э. Косвенным аргументом «за» может выступать и единичная дата центрально-казахстанского могильника Сатан I – 1880 – 1490 (2150 – 1300) гг. до н. э. Этой дате, впрочем, противоречат результаты датирования могильника Ащису, расположенного в этом же регионе. Дополнительные основания для предпочтения «поздней» версии в датировании петровских материалов дает сходство хронологических рубежей раннесрубных памятников (см. выше).

[Виноградов, 2007]

[Матвеев, 1998. С. 363]

[Новоженов, 1989. С. 115]

[Кукушкин, 2011. С. 103]

Не менее, если не более, противоречива картина датирования алакульских памятников. Внешне солидная по количеству анализов серия (57 образцов) характеризуется теми же проблемами, что и петровская. К сожалению, в нашем распоряжении нет достаточного количества дат, полученных современными методами (4[25]), что резко лимитирует возможности критической оценки результатов. Впрочем, для Лисаковских могильников была применена более сложная процедура, сочетающая дендрохронологию и ^{14}C (датирование отдельных колец с последующей калибровкой). В результате для двух алакульских курганов определен средний возраст, калибровка которого указывает на период 1860 – 1680 гг. до н. э. Остальные AMS даты по

[Епимахов и др., 2005; Panushkina et al, 2008]

[Panushkina et al, 2008. P. 462]

[24]*Автор раскопок видел причину большой разницы в плохой сохранности дерева (Потемкина, 1985. С. 284).*
[25]*В действительности, учтены только 2 даты внешних колец из 6 имеющихся по Лисаковским могильникам. Остальные укладываются в общую логику исследования.*

другим памятникам близки этим рамкам или чуть моложе (сумма – 1870 – 1620 (1880 – 1530) гг. до н. э.). Очевидно, что эти цифры, за вычетом поздней части, чрезвычайно близки петровским и раннесрубным.

В связи с этим, кроме собственно алакульских памятников, привлечены также алакульско-федоровские, которые анализировались отдельно. Впрочем, для поселений ситуация сочетания этих групп керамики скорее правило, чем исключение. Федоровская посуда, за редким исключением, составляет явное меньшинство, создавая разноголосицу культурных атрибуций.

Суммирование вероятностей 52 значений (без дат I тыс. до н. э.) дало интервал с двумя пиками: 2300 – 1950 и 1900 – 1450 (2600 – 1400) гг. до н. э. При выборе в пользу одного из них основания для предпочтений дают петровские (и отчасти раннесрубные) памятники, для которых есть факты относительной хронологии и сопоставимый с более западными материалами хронологический интервал (XIX – XVII вв. до н. э.). Дополнительным аргументом может служить хронология алакульских памятников Северного Казахстана, синкретических (алакульско-федоровских) и срубных древностей. Калиброванные значения трех дат алакульских погребений могильника Байкара четко укладываются в 1740 – 1520 (1780 – 1490) гг. до н. э.[26]. Если соотношение алакульской и федоровской культур было и остается предметом дискуссий, то синхронизация со срубными материалами как будто никем не оспаривается. Видимо, основной зоной согласования следует считать период XVIII - XVI вв. до н. э.

[Gorsdorf, 2003]

[Cernykh, 2011. Fig. 20]

Этим же временем датированы синкретические алакульско-федоровские образцы (10) – 1780 – 1530 (1900 – 1250) гг. до н. э. Они датировались не так активно, как алакульские, но имеют некоторые важные преимущества. Из десяти дат, включенных в расчеты, семь получены с использованием ускорительных технологий. При этом фактическое число, за счет Лисаковских могильников, составляет 25 анализов (нами задействованы только датировки внешних колец дерева). Важна высокая степень согласования дат этих могильников, в том числе и в рамках процедуры, сочетающей дендрохронологические и радиоуглеродные данные.

Усредненные интервалы функционирования курганов могильника приходятся на 1780 – 1680 гг. до н. э. Сходство с поздней частью алакульского интервала совершенно очевидно, хотя алакульско-федоровский интервал в рамках Лисаковских могильников несколько моложе собственно алакульского. Это оценивается авторами как признак более позднего появления федоровских традиций на этом участке Притоболья.

[Панюшкина, 2013]

Едва ли не самой проблематичной для изучения является хронология федоровской культуры. В данном случае мы используем термин в узком понимании для обозначения этнографически своеобразной культуры Зауралья. Большинство дат, фигурирующих в публикациях, относятся в восточному флангу андроновской КИО, а не к рассматриваемой в рамках данной работы территории. Это особенно прискорбно на фоне продолжающейся дискуссии о соотношении культур в ее пределах. По сути, можно упомянуть только серию из четырех образцов поселения Черемуховый Куст, характеризующуюся большим разнообразием. Достоверность выделенного интервала (1980 – 1510 (2150 – 1450) гг. до н. э.) сомнительна и требует проверки материалами смежных культур. Принятие его влечет за собой признание

[Стефанов, Корочкова, 2004]

[Матвеев и др., 1991; Зах, 1995]

[26] *В тексте они определены как андроновско-федоровские [Parzinger et al, 2003. S. 109-117], чему, на наш взгляд, противоречит облик керамики [Там же. Tafel 26: 2, 4, 5; 26: 2-4; 30].*

параллельного и очень длительного существования носителей алакульских и федровских традиций. При этом следы их контактов (в виде синкретических памятников) возникают с очень большим опозданием.

С другой стороны, полезно обратиться к черкаскульским памятникам, а также к тем, что сочетают федоровские и черкаскульские черты. Правда, и здесь дефицит датировок ощущается очень остро, методы радиокарбонного датирования применялись нечасто. Серия оказалась неоднородной, а в результате калибровки – ограниченно информативной. Суммарное значение – 1610 – 1260 (1900 – 1100) гг. до н. э. Следует оговориться и о том, что, по мнению А. Ф. Шорина, радиокарбонные анализы охватывают только позднечеркаскульские памятники, в связи с этим он предполагает возможность удревнения ранних комплексов. Полученный интервал мало напоминает и коптяковский, и федоровский. В этой связи вывод А. В. Матвеева о позднеандроновской атрибуции черкаскульских памятников и возможной синхронизации с пахомовскими кажется наиболее обоснованным. Это утверждение в целом не противоречит и хронологии федоровских и алакульских памятников.

[Обыденнов, Шорин, 1995. С. 39, 119]

[Матвеев, 2007. С. 36–37]

Финальный период бронзового века – наименее изученная часть эпохи. Она обеспечена двумя сериями датировок: для степной и лесостепной зон. Степные памятники Южного Зауралья предложено разделить на две фазы. Первая имеет небольшую, но вполне гомогенную серию из девяти дат, суммарный интервал которых 1380 – 1130 (1400 – 1050) гг. до н. э. Вторая представлена исключительно погребальными комплексами и опирается на единичные датировки[27]. В самом предварительном плане можно определить хронологию этих памятников в рамках X – IX вв. до н.э. Именно они, с нашей точки зрения, должны рассматриваться как переходные к раннему железному веку. К сожалению, в нашем распоряжении нет адекватного сравнительного материала для сопредельных территорий. Вряд ли можно обсуждать две даты поселения Саргары Северного Казахстана, радикально различающиеся между собой (1000 – 780 и 1530 – 1380 гг. до н. э.).

[Епимахов, 2010б]

[Епимахов, Таиров, 2013]

Для лесостепной зоны могут быть использованы бархатовские даты Притоболья. Эта культура обрела хронологические рамки и даже разделена на периоды (щетковский и красногорский). Последнее пока не имеет стратиграфической аргументации, но отчасти подтверждено радиокарбонными датами.

[Матвеев и др., 1991; Матвеев, 1991; Матвеев, Аношко, 2009; Матвеева и др., 2006]
[Матвеев, Аношко, 2009]

В анализе задействованы данные 27 образцов. В результате для культуры в целом получен следующий интервал 1260 – 800 (1450 – 750) гг. до н. э., который в целом моложе серии по степному Зауралью. Причиной расхождения может быть разница в используемых для датирования органических материалах – это уголь и кости. С другой стороны, один из белоключевских комплексов, расположенный в бассейне р. Уй (современная граница степи и лесостепи), содержал керамику, близкую бархатовской. Это обстоятельство предполагает возможность синхронизации (как минимум частичной) названных культурных явлений. Выделение этапов оказалось менее продуктивной процедурой, хотя и подтвердило некоторый приоритет типологически ранних (щетковских) материалов (1310 – 1010 (1550 – 900) гг. до н. э) над поздними (красногорскими) (1220 – 780 (1400 – 750) гг. до н. э.). Не менее принципиальным является факт находки алексеевско-саргаринской

[Матвеев и др., 1991; Матвеева и др., 2006; Зимина и др., 2009; Матвеев, Аношко, 2009; Епимахов, 2010а]

[Костюков и др., 1996. Рис. 5, 2]

[27] *Использованы две даты, полученные для очень сходных памятников Урала и Северного Казахстана [Епимахов, Таиров, 2013. Рис. 4; Ломан, Кукушкин, 2009].*

[Матвеев, Аношко, 2009. С. 301]

посуды на поселениях Щетково 2 и Ново-Шадрино 2. Оба памятника соотносятся с ранним этапом бархатовской культуры, при этом абсолютная хронология алексеевско-саргаринского периода в Зауралье имеет сравнительно надежные радиокарбонные основания, близка обозначенным границам (см. выше).

К сожалению, нет возможности сопоставить бархатовские и межовские материалы в интересующем нас аспекте. Детализации тезиса о принципиальной синхронности существования этих традиций препятствует полное отсутствие межовских датировок. Сходным образом обстоит дело и с пахомовскими материалами, которые признаются одним из основных источников бархатовских традиций. Немногим лучше ситуация и с черкаскульскими памятниками (см. выше), также генетически связанными с бархатовскими.

[Матвеев, Аношко, 2009. С. 308 и далее]

Таким образом, несмотря на заметные проблемы, радиокарбонные датировки позволяют выстроить региональную временную шкалу для южноуральского бронзового века. Попытка суммирования ^{14}C дат продемонстрировала слабости и пробелы базы данных. Отдельные культуры и периоды обеспечены единичными анализами или не имеют их вовсе. За редким исключением, культуры не располагают минимально необходимым числом датировок – 20 – 25 дат. Тем не менее совокупность имеющихся материалов позволяет привести следующие значения:

[Черных, Черных, 2005]

<u>Ямная</u>[28], степное Приуралье – 3350 – 2490 гг. до н. э.
Карасье Озеро, лесное Зауралье – 2470 – 2200 гг. до н. э.
Ташково, лесостепное Притоболье – 2290 – 1880 гг. до н. э.
Сейма-Турбино – 2040 – 1620 гг. до н. э.
Коптяковская, лесостепное и лесное Зауралье – 2150 – 1300 гг. до н. э.
Абашево, Восточная Европа – 2140 – 1740 гг. до н. э.

<u>Синташта</u>, Зауралье – 2010 – 1770 гг. до н. э.
Петровка, степное и лесостепное Зауралье – 1880 – 1750 гг. до н. э.
Алакуль, степное и лесостепное Зауралье – 1900 – 1450 гг. до н. э.
Алакуль-Федоровка, степное и лесостепное Зауралье 1780 – 1530 гг. до н. э.
Федоровка, лесостепное Зауралье – 1980 – 1510 гг. до н. э.
Черкаскуль, лесостепное Зауралье – 1610 – 1260 гг. до н. э.

<u>Раннесрубная</u>, степное и лесостепное Предуралье и Зауралье – 1940 – 1610 гг. до н. э.

<u>Срубная</u>, степное Предуралье и Зауралье – 1730 – 1410 гг. до н. э.
Белоключевка, финальная бронза, степное и лесостепное Зауралье – 1380 – 1130 гг. до н. э.
Переход к РЖВ, степное Зауралье и Северный Казахстан – 980 – 840 (910 – 800) гг. до н. э.

<u>Бархатово</u>, ранний этап, лесостепное Притоболье – 1310 – 1010 гг. до н. э.

<u>Бархатово</u>, поздний этап, лесостепное Притоболье – 1220 – 780 гг. до н. э.

---

[28] *Подчеркиванием выделены культуры и типы, для которых интервалы установлены с высокой степенью достоверности.*

Восточный Казахстан. Оленные камни у с. Жартас (средний и нижний ряды). Оленный камень у с. Ойшилик (вверху) [по Самашев, 2013. С. 44-46]

Сопоставление хронологических систем сопредельных территорий. По сути, достоверные серии позволяют задать опорные точки хронологической системы. Приведенные цифры не дают абсолютно убедительной целостной картины, но они все же не входят в явное противоречие со стратиграфическими данными. Исключения в случае с петровскими и алакульскими памятниками требуют обсуждения, но в качестве дополнительной аргументации мы обратимся к вопросу о соотношении выделенных интервалов с территориально близкими материалами. Круг таких сопоставлений, увы, не слишком обширен. По сути, в распоряжении имеются только три территориально близких шкалы: восточноевропейская (в данном случае речь в основном о Поволжье и Волго-Уралье), западносибирская (Барабинская низменность, Алтай) и минусинская. Несмотря на значительные расстояния, разделяющие регионы, обнаруживается структурное сходство. На первый план выходит задача согласования культурных секвенций, организованных по единому принципу радиокарбонной шкалы. В ряде случаев синхронизация этапов имеет дополнительную аргументацию в виде сходства материальной культуры.

Предшествующие бронзовому веку энеолитические памятники существенно различаются по хронологии. Наиболее ранние из них связаны с съезжинскими и хвалынскими традициями Поволжья. Датировки восточного фланга (Зауралье, Северный Казахстан) приходятся на последние века V – IV тыс. до н. э. Это позволяет говорить о частичной их синхронизации с ямными древностями начала бронзового века в последние века IV тыс. до н. э. В целом волго-уральские ямные памятники остаются одними из наиболее
[Черных, Орловская, 2011, табл. 4] древних среди других территориальных групп этой общности, их интервал сопоставим только с доно-донецким регионом. Сходство с полтавкинскими датировками отмечено выше. Не выходят за рамки ямного интервала и репинские материалы, с которыми ранее связывался генезис ямных традиций. В данном случае нами не приняты во внимание даты, полученные при датировании керамики ввиду их системного удревнения в сравнении с остальными.

[Кузнецов, 2013]

На восточном фланге общую синхронность ямным древностям демонстрируют афанасьевские памятники Минусинской котловины – 2920 – 2460
[Кирюшин и др., 2009] (4000 – 2300) гг. до н. э.[29] и, отчасти, Алтая. Основной зоной согласования оказалась первая половина III тыс. до н. э., что очень близко большинству территориальных групп ямной КИО.

Как уже отмечено, катакомбные, вольско-лбищенские и другие памятники Приуралья не снабжены ^{14}C датами, поэтому материалы для сопоставления отсутствуют. Для смежных территорий к западу от Урала есть почва для суждений о культурах посткатакомбного круга. Так, вольско-лбищен-
[Васильев, Кузнецов, 2000] ские древности синхронизируются с криволукскими. В калиброванных зна-
[Мимоход, 2009] чениях П. Ф. Кузнецов определяет рамки существования типа 25 – 20 вв. до н. э. (2007)[30], с учетом поправки Р. А. Мимохода этот интервал может быть

[29] *Этот вариант суммы вероятностей опирается на серию анализов [Gorsdorf et al, 2004 и Svyatko et al, 2009; Поляков, Святко, 2009], использование же всей совокупности [Chernykh, Kuz'minykh, Orlovskaya, 2003. P. 19–20] разбивает интервал на две части: 3700–3350 и 3100–2650 гг. до н. э. [там же. Fig. 1.5]. Наши расчеты, объединяющие 16 «старых» и новых датировок, также не согласованы (хотя и не столь значительно) при калибровке по двум сигмам: 4000–3200 и 3100–2300 гг. до н. э.*

[30] *Нижняя граница укладывается в интервал полтавкинских и катакомбных древностей, верхняя частично совпадает с абашевским интервалом (Черных, 2007 и др.).*

близок 2300 – 1700 гг. до н. э. (Кривая Лука) или 2130 – 1690 гг. до н. э. (Лола, II этап)[31]. На мой взгляд, наиболее реалистичным выглядит период *[Мимоход, 2011, Рис. 4 и 9]* последней трети III тыс. до н. э.

Среди западносибирских культур III тыс. до н. э. следует назвать одиновскую и кротовскую, которые, согласно последним результатам, разделяются на ранние и поздние этапы. Условной границей между ними является *[Молодин и др., 2014]* средина третьего тысячелетия. Такой подход снимает противоречия синхронизации части памятников с сейминско-турбинскими и андроновскими древностями, которые никак не могут быть датированы первой половиной III тыс. до н. э. Следует назвать и елунинскую культуру Алтая, обладающую чертами сходства и различия с кротовской. Серия дат, не лишенная противоречий, позволяет датировать ее последними веками III – первыми веками II тыс. до н. э.

Следующий период, в рамках которого можно объединить абашевские, синташтинские, сейминско-турбинские древности, имеет материал для сравнения не только в Барабинских памятниках. К этому блоку с некоторыми оговорками могут быть присоединены петровские и раннесрубные древности, тяготеющие, впрочем, к XIX - XVIII вв. до н. э. В пределах конца III – первой четверти II тыс. до н. э. очень сходные интервалы демонстрируют потаповские и покровские памятники Восточной Европы (1950 – 1660 (2030 – 1400) гг. до н. э.), в меньшей степени – елунинские Алтая (2500 – 1600 (2600 – 1300) гг. до н. э.) и окуневские Минусинской котловины – 2210 – 1930 (2600 – 1750) гг. до н. э.[32]. Опубликованные потаповские материалы позволяют констатировать их почти полную синхронность синташтин- *[Кузнецов, 1996; Трифонов, 1996б; Anthony, 2007. P. 376–377]* ским. Выявить хронологический приоритет Зауралья или Поволжья методами радиокарбонного датирования, видимо, невозможно, поскольку это находится за пределами разрешающей способности метода, правда, верхняя граница моложе синташтинской.

Отдельного обсуждения заслуживает бабинская культура (культура многоваликовой керамики) Восточной Европы, имеющая черты сходства с синташтинскими древностями, с одной стороны, и с центрально-европейскими – с другой. Эти памятники [которые признаются генетически связанными с катакомбными] на протяжении ряда лет синхронизировались с синташтинскими, однако это заключение опиралось на типологические па- *[Отрощенко, 1994; Виноградов, 2004. С. 278 и др.]* раллели. В последние годы наметилась тенденция к удревнению этой куль- *[Литвиненко, 2003; 2006]* туры и признанию только частичной близости датировок. К сожалению, ра- *[Черных, Орловская, 2004б. С. 16, 19–20; Мимоход, 2011. С. 32 и далее]* диокарбонная аргументация на этом вопросе явно недостаточна. Дело не только в относительно небольшом числе анализов, но и в крайней неоднородности серии: из 23 дат 7 относятся к XVII - XV вв. до н. э., практически совпадая с периодом существования срубных и более поздних древностей на территории Восточной Европы. Можно, конечно, предполагать длительное существование феномена, но, скорее, ошибочной является поздняя часть серии. На это указывает и значительный разрыв интервала при калибровке по одной сигме (2300 – 1950 и 1650 – 1400 гг. до н. э.). Исключение упомянутых датировок не делает интервал совершенно однородным, но заметно сужает его: 2300 – 1900 и 1800 – 1650 гг. до н. э. Приходится ограни-

[31] *Расширение верхней границы связано с особенностями использованных при суммировании калиброванных дат с большим квадратическим отклонением.*

[32] *Публикация Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых и Л. Б. Орловской (2003. Fig.1.5) содержит несколько иные, хотя и в целом близкие значения – 2150 – 1790 гг. до н. э.*

читься заключением о том, что полученный интервал 2300 – 1650 (2450 – 1500) гг. до н. э. накладывается на позднюю часть катакомбных датировок и очень близок интервалам других посткатакомбных групп.

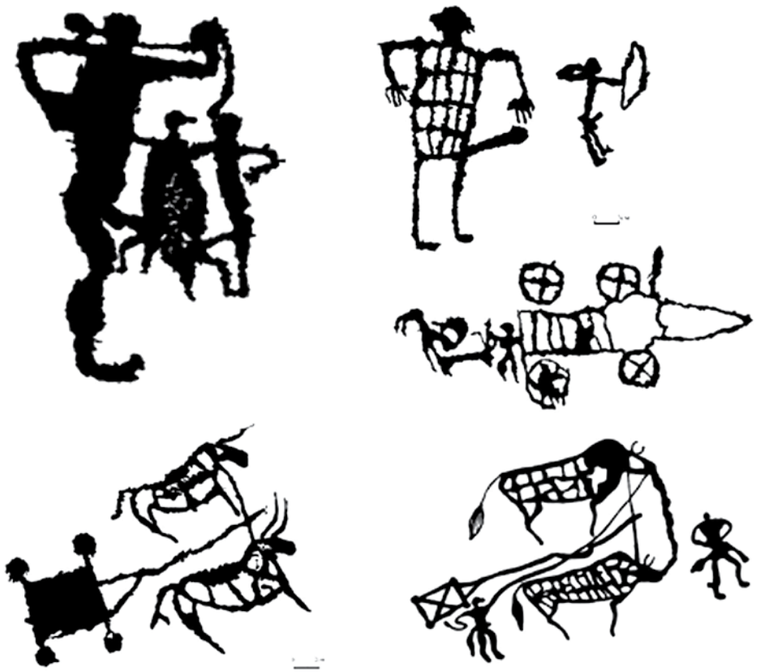
[Мимоход, 2011. Рис. 9]

Для катакомбных памятников А. В. Трифонов приводит значения, отличающиеся от суммарных данных Е. Н. Черных и Л. Б. Орловской. Насколько можно судить по приведенной схеме, автор на большей части распространения культуры датировал ее в рамках 2300 – 2050 гг. до н. э., предполагая возможность доживания до традиций до 1800 гг. до н. э. только в Прото-Днепровском регионе. В целом катакомбные культуры Восточной Европы датируются в рамках 2900 – 1900 гг. до н. э. Формирование столь широкого интервала, видимо, связано с действием природных факторов, например, резервуарного эффекта. Если частичную синхронизацию ямных и катакомбных древностей можно принять за свидетельство эволюционного развития, то объединение катакомбных, синташтинских и сейминско-турбинских материалов не кажется реалистичным. Тем более что в последние годы Р. А. Мимоходом выделена серия посткатакомбных культурных групп, одна из которых – лолинская – определена автором в ранге археологической культуры степного Предкавказья.

[Черных, Орловская, 2004б]
[Трифонов, 2001. С. 75]
[Черных, Орловская, 2009. Табл. 7]
[Шишлина и др., 2006; Кайзер, 2011]

Именно она располагает серией из 17 анализов, сделанных по разным материалам и технологиям. Отбросив два поздних результата и датировку со стандартным отклонением 180 лет, получаем интервал 2340 – 1880 (2500 – 1650) гг. до н. э., несколько отличный от авторского. Такая хронологическая позиция лолинских памятников, с одной стороны, демонстрирует их посткатакомбный характер, а с другой – предсинташтинский (потапов-

[Мимоход, 2004; 2007. С. 152]



Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Сауыскандык. Петроглифы, изображающие людей и четырехколесные повозки: распряженную на колесах со спицами и запряженные парами быков на сплошных (дисковых) колесах [по Самашев, 2013. С. 80]

ский и покровский). Для волго-уральских степей тот же автор обозначил существование группы, в целом синхронной лолинским, криволукским (Нижнее Поволжье)[33], бабинским и другим посткатакомбным древностям, правда, пока немногочисленной и не имеющей радиокарбонных анализов, зато обладающей стратиграфическими наблюдениями. Наиболее известное из них – ситуация в Новокумакском могильнике, где центральное погребение (волго-уральское, по Р. А. Мимоходу) явно предшествовало периферийным синташтинским.

[Мимоход, 2009–2010]

Весьма отдаленная, но иногда фигурирующая в дискуссиях о происхождении и ранней истории индоиранцев группа памятников расположена на юге Средней Азии. Древности Гонура располагают серией из 13 анализов, образующих, протяженный интервал 2500 – 1800 (2600 – 1500) гг. до н.э. На этот промежуток накладываются минимум два выделенных для Южного Урала периода – ямный и абашевско-синташтинский.

[Junger, 2007]

Третий период составляют алакульские, федоровские и срубные древности Урала, которым на восточном фланге соответствуют андроновские Минусинской котловины (1690 – 1510 гг. до н. э.). Хорошо согласуется с этим интервалом и серия датировок могильника Тартас-1, где «ранняя» часть дат представлена плохо согласуемыми парами значений из одних и тех же комплексов, а основная практически не отличается от очерченных границ - 1760 – 1450 гг. до н. э.[34]. Поволжские интервалы срубной культуры несколько шире. Диссонанс создают срубные даты Калмыкии, часть которых совпадает с катакомбным интервалом. Вряд ли за этим стоит усматривать особый исторический путь данной территории, видимо, причину следует искать в аномалиях выборки. Возможно, к этому же блоку примыкают суканско-лебяжинские памятники, сумма четырех дат для которых дала интервал 1690 – 1460 (1800 – 1100) гг. до н. э. Эта группа имеет черты сходства и со срубными, и с черкаскульскими древностями.

[Молодин и др.. 2008 и др.]
[Кузнецов, 1996. С. 59–60; Трифонов, 2001; Малов, 2001. С. 201]
[Колев, 2000. С. 250]

Финал бронзового века оказался весьма протяженным и, видимо, неоднородным. Если культуры «валикового» периода имеют единичные даты, то собственно переходные к РЖВ памятники практически не располагают даже этим. Да и в датировании ранних кочевников безусловный приоритет отдан использованию аналогий, в первую очередь античных. В результате сравнительный материал оказывается ущербным – в нашем распоряжении только ирменские и карасукские данные.

Карасукские даты, выполненные в последние годы, очерчивают для «классического» периода рамки 1440 – 1120 (1450 – 1000) гг. до н. э., хотя основная часть значений приходится на XIV – XII вв. до н. э. Сходные цифры (особенно при калибровке по двум сигмам) демонстрирует и каменноложский этап – 1220 – 800 (1400 – 800) гг. до н. э., хотя здесь пик датировок смещен на XII - X вв. до н. э. Особая значимость датировок восточного фланга состоит также в том, что увязывает радиокарбонную хронологию с традиционной китайской, опирающейся на письменные источники. Собственно карасукские ассоциируются с эпохой Инь, а каменноложские – с Западным Чжоу.

Ирменские древности сегодня принято разделять на две хронологические группы: классические ирменские и позднеирменские. В ходе исследования городища Чича-1 это размежевание получило типологическое и ра-

[Поляков, Святко, 2009. С. 33]

[33] *Четыре даты этой группы не демонстрируют согласованности и образуют интервал 2300 – 1750 (2500 – 1750) гг. до н. э., что в целом близко лолинским результатам.*
[34] *С учетом ранних дат интервал расширяется до 1870 – 1440 (2300 – 900) гг. до н. э.*

диокарбонное подтверждения. Первая, древняя стадия функционирования городища и некрополя отнесена авторами раскопок к XIV - XIII - XI вв. до н. э.

[Молодин и др., 2007. С. 68]

Смена стереотипов приходится на X в. до н. э. и большая серия дат позволяет ограничить рамки существования позднеирменских традиций X - IX - VIII вв. до н. э. Как видно, эти цифры прекрасно согласуются с данными по Зауралью. Это подтверждает возможность активных культурных контактов.

[Молодин и др., 2009. С. 72]

[см. например, Костюков, Епимахов, 2003; 2005]

Для Поволжья нам известны только две даты безынвентарных погребений, сумма которых 1130 – 910 (1260 – 830) гг. до н. э. ближе переходному времени, а не «валиковому». Для Северного Казахстана, как уже упомянуто, две саргаринские даты различаются столь радикально, что приходится уклониться от их использования. Единичные даты, видимо, вообще не должны использоваться в качестве аргументов в хронологических построениях, поскольку выбор среди альтернативных вариантов лишен внятных оснований.

[Кузнецов, 1996]

[Аванесова, 1991]

Таким образом, можно констатировать, что основные хронологические рамки периодов бронзового века Урала вполне соответствуют общеевразийским. Как и в случае с работами Е. Н. Черных с коллегами, фиксируются значительные периоды наложения временных интервалов ряда культур. Мы присоединяемся к мнению том, что отсутствие значимых хронологических лакун демонстрирует преемственность культурного развития в рассматриваемый период. Исключение для южной части Урала составляет период последних веков III тыс. до н. э. в степной зоне, для которого одними предполагается отсутствие памятников в связи с катастрофическим изменением климата, другими – наличие катакомбного пласта, который для Урала плохо обеспечен материалами раскопок и вовсе не обеспечен датировками.

[Черных и др., 2002. С. 21; 2008]

Датирование по аналогиям. Использование хорошо датированных аналогий имеет весьма длительную историографическую традицию, однако для уральского бронзового века возможности метода довольно жестко лимитированы. Находясь вдали от цивилизационных центров, данный регион имел, конечно, связи с ними, однако оценить характер контактов, а следовательно, возможности синхронизации – задача не из простых. Понятно, что чем длиннее цепочка аналогий, тем ниже достоверность синхронизации. Наиболее часто в связи с определением абсолютных дат привлекаются следы знакомства с колесничным комплексом синташтинского и петровского (реже – алакульского и срубного) населения. Кроме того, в число возможных аналогий включаются некоторые металлические изделия сейминско-турбинского облика, а также циркульные орнаменты, часто называемые «микенскими». Все три линии аналогий имеют точки пересечения: «микенские» орнаменты и сейминско-турбинские древности сочетаются в Бородинском кладе, колесничная атрибутика обнаружена в Микенах, часть донно-волжских псалиев имеют циркульные орнаменты. К этому списку можно добавить постоянно пополняющийся круг свидетельств частичной синхронизации сейминско-турбинских материалов с синташтинскими и петровскими, из которых и происходит максимальное число «колесничных» находок.

[Мюллер-Карпе, 1987]

Список возможных аналогий может быть расширен за счет предметов вооружения, в том числе и символического, например, наверший булав, серийно представленных в синташтинских комплексах, в меньшей степени – в петровских, срубных и алакульских. Однако период их бытования и на Урале и за его пределами достаточно широк, даже если речь идет о редких

формах с выступами. Датировка же в рамках III – II тыс. до н. э. мало добавляет в содержательность заключений.

[Zimmerman, 2006]

Поскольку Урал занимает в Северной Евразии центральную географическую позицию, то, кроме «западных» аналогий, есть попытки использовать датирующие возможности китайского бронзового века. Последние, впрочем, пока делают первые робкие шаги. В первую очередь потому, что Северный Китай находится в процессе первичного накопления (хотя и весьма интенсивного) и группировки материалов. Если хронология второй половины II тыс. до н. э. (особенно начиная с последней четверти) для этой территории имеет внеархеологическую аргументацию, то более ранние периоды и связанные с ними свидетельства контактов с северо-евразийскими традициями в основном датированы радиокарбонным методом. Пока речь идет о формировании локальных периодизаций и хронологий с постепенным процессом их согласования[35].

[Guo Zhiyu et al., 2000. P. 731; Kuz'mina, 2003. P. 39–40]

[Mei, 2003a; 2003b; Линдафф, 2005 и др.]

Несмотря на эти «проблемы роста», некоторые возможности синхронизации есть, тем более, что китайские коллеги очень широко используют радиоуглеродное датирование. Древностей «степного облика» даже в пределах Синьцзян-Уйгурского автономного округа (географически соседствующего с Сибирью) не так уж много, заметная часть из них обнаружена случайно либо в не вполне ясном контексте. Основные перспективы связаны с северо-западной периферией иньской ойкумены, где в пределах одних комплексов могли сочетаться степные и собственно китайские бронзы. Единичные находки имеют аналогии с сейминско-турбинским комплексом, более массово представлены бронзовые изделия и, что даже более интересно, керамика финальной части бронзового века. С культурой Сыба (периоды Ся и частично Шан) связываются некоторые сейминско-турбинские аналогии, однако ее датировки пока слишком широки - 1900 – 1400 гг. до н. э., чтобы способствовать детализации сибирской хронологии бронзового века. Однако даже имеющиеся на сегодня данные позволяют констатировать, что идея радикального омоложения всей системы бронзового века все более утрачивает основания.

[Молодин, Комиссаров, 2001. С. 280 и др.]

[Бехтер, Хаврин, 2002. С. 73]

[Молодин, Комиссаров, 2001. С. 281]

[Молодин и др., 2005. С. 396]

[Членова, 1976; 1981; 1994 и др.]

В последние годы еще одно направление поиска – переднеазиатское – активно развивает С. А. Григорьев, который исходит из собственной концепции культурогенеза бронзового века Урала. Наличие схождений между этими территориями по ряду категорий находок и черт материальной культуры признается с оговорками и другими авторами. Оговорки в основном связаны с опосредованным характером заимствований (через Кавказ, катакомбный мир и пр.). Однако большинством эти аналогии для датирования не привлекаются, отчасти потому, что имеются собственные проблемы хронологии Передней Азии, в которых трудно отдать предпочтение какому-то мнению. Не в меньшей степени это обусловлено языковым барьером. Часть приводимых С. А. Григорьевым аналогий использовалась и ранее, например, псалии и колесницы, другие практически не были востребованы – бронзовые наконечники стрел и копий, керамические сосуды, каменные топоры и т. д. Далеко не все эти категории имеют узкую датировку. В результате для синташтинских древностей автором избирается довольно широкий интервал – XIX - XVII вв. до н. э. в традиционной системе хронологии.

[Григорьев, 1999. С. 136–137; 2002]

[Ткачев, 2000а и др.]

Несмотря на безбрежную отечественную и зарубежную историогра-

[35] *Опыт археологии бронзового века степной и лесостепной Евразии показывает, что процесс создания единой системы может растянуться на многие десятилетия.*

фию колесничного комплекса, согласованного мнения о его генезисе пока не выработано. Если большинство западноевропейских и часть российских ученых локализуют истоки традиции в зоне древнейших цивилизаций, то отечественные в качестве центра формирования комплекса во всей его полноте называют евразийские степи. Аргументы и контраргументы приводились неоднократно, поэтому ограничимся тезисным вариантом изложения. Доказательная база «переднеазиатской» версии сводится к нескольким тезисам:

[Piggott, 1983; Littauer, Crouwell, 1996; Кожин, 1985; Горелик, 1985; Нефедкин, 2001 и др.]

[Зданович, 1988; Новоженов, 1994[36], Кузьмина, 1994 и др.]

1. Длительная история колесного транспорта, демонстрирующая все звенья эволюции от простейших средств передвижения до наиболее совершенных.
2. Массовость свидетельств применения колесниц в разных типах исторических источников.
3. Широкомасштабное военное и церемониальное использование колесниц в благоприятных природных условиях.
4. Ранние даты изображений колес со спицами и пр.

«Евразийская» версия:

1. Евразийские степи – место обитания диких предков лошади, доместикация которой произошла еще до изобретения колесницы.
2. Облегченная повозка, специальные средства управления (оголовье с псалиями) могут быть эффективно использованы только в лошадиной упряжке.
3. Последняя серия радиокарбонных анализов синташтинских памятников.

Конечно, ни один из приведенных аргументов не имеет окончательной силы, особенно в свете признания заведомой неполноты отображения спектра жизненных реалий в археологическом источнике. В «невыгодном» свете предстает именно степная археология: хотя уже накоплены значительные материалы по колесному транспорту, можно считать доказанной высокую семантическую значимость колесниц для этой зоны, что наиболее ярко отобразилось в наскальных рисунках и погребальной обрядности. Например, нет сомнений в знакомстве срубного населения с колесницами, но прямых свидетельств (т. е. находок повозок соответствующей конструкции) нет, поскольку не было традиции их размещения в погребениях.

[Черных, 2009. С. 143–145]

Исходной позицией рассуждений является малая вероятность самостоятельной выработки всего технологического комплекса, связанного с производством и функционированием колесниц. Однако нам представляется, что резкое противопоставление позиций мешает пониманию общей ситуации. Мир культур бронзового века не был замкнут на «самое себя», динамика и формы взаимодействий неизбежно должны были иметь специфику (региональную, культурную и пр.). Вопрос состоит в возможности установления скорости распространения инноваций (в частности, технических) и формах передачи информации. По первой части вопроса можно лишь констатировать, что при существующем несовершенстве хронологических систем (и технологий датирования) уловить этот процесс вряд ли реально. На сегодня, пожалуй, можно констатировать только, что колесничный комплекс – это длительно функционирующий феномен, который не должен выступать как средство «узкой» синхронизации. К этому можно добавить также, что

[36]Этот автор предпочитает обсуждать возможность параллельного возникновения колесничного комплекса на разных территориях.

восточный фланг распространения колесничных традиций (карасукские древности, Северо-Восточный Китай), видимо, датируется более поздним временем, в сравнении с Восточной Европой, Уралом и Казахстаном.

Микенская линия (как минимум начиная со статьи А. М. Лескова) оставалась «гвоздем», на котором висела «хронологическая картина» европейского (включая его восточную часть) бронзового века. Эта традиция имеет последователей и сейчас, хотя сами микенские древности утеряли полную определенность в свете создания радиокарбонной хронологии Европы. Широкое географическое распространение (степная и лесостепная зоны от Северного Казахстана до Балкан, Анатолия[37], Сирия) и относительной узкий период бытования этого явления, его «узнаваемость» неизбежно привлекли внимание исследователей.

[Лесков, 1964]

[см. библиографию Кузьмина, 2001]

Подробному разбору аргументации и хронологического содержания этого круга аналогий посвящен целый ряд работ, в том числе и относительно недавних. Основные противоречия в использовании этих аналогий связаны с разновременностью восточноевропейских комплексов с циркульными и подобными им орнаментами (от доно-волжской абашевской культуры до срубной общности), а также с существенными их отличиями в сравнении с собственно микенскими, что породило определение «карпато-дунайский» стиль. Увязка этого способа оформления костяных и металлических изделий именно с колесничным комплексом ныне кажется натяжкой как минимум по двум причинам. Во-первых, большинство «колесничных» синташтинских и петровских памятников расположено в урало-казахстанском регионе[38] и не имеет никаких следов знакомства с «циркульной» орнаментацией. Связь псалиев и соответствующих орнаментов хорошо прослеживается в Поволжье и бассейне среднего Дона, однако сама датировка доно-волжских абашевских и потаповских памятников опирается на тот же круг аналогий с Микенами и Сейма-Турбино. Во-вторых, имеются многочисленные образцы таких орнаментов (Алакуль, Новоникольское, Шибаево, Ново-Ябалаклы, Петряевский и др.), заведомо относящиеся к следующему (послесинташтинскому, послепетровскому) хронологическому периоду – срубно-алакульскому.

[Бочкарев, 1968; Трифонов, 1996а; 1996б; Беседин, 1999; Кузьмина, 2001 и др.]

[Трифонов, 1996а]

[Сальников, 1967; Горбунов, 1977; Зданович, 1985; Нелин, 2004; Морозов, Нигматуллин, 1998. Рис. 31–36 и др.]

Таким образом, криволинейные орнаменты соответствующего облика не могут быть использованы в качестве основания для узкой датировки, особенно в свете неопределенности вопроса об их происхождении, когда каждая из территорий определяет данный орнаментальный стиль как не имеющий местных корней и привнесенный извне. Противоречие (точнее, противоположность) между подходами к датированию доно-волжских псалиев и орнаментов на них точно подмечено В. И. Бесединым и С. А. Григорьевым. Если рассматривать циркульные орнаменты в центрально-европейской системе периодизации (период А2), то его рамки сегодня удостоверены согласованными данными дендрохронологии и ^{14}C, они определяются 2000 – 1800 гг. до н. э.

[Кузьмина, 1980. С. 17–18; Березанская и др., 1986, С. 40–42; Anthony, Vinogradov, 1995; Трифонов, 1996а]
[Беседин, 1999. С. 54; Григорьев, 1999]

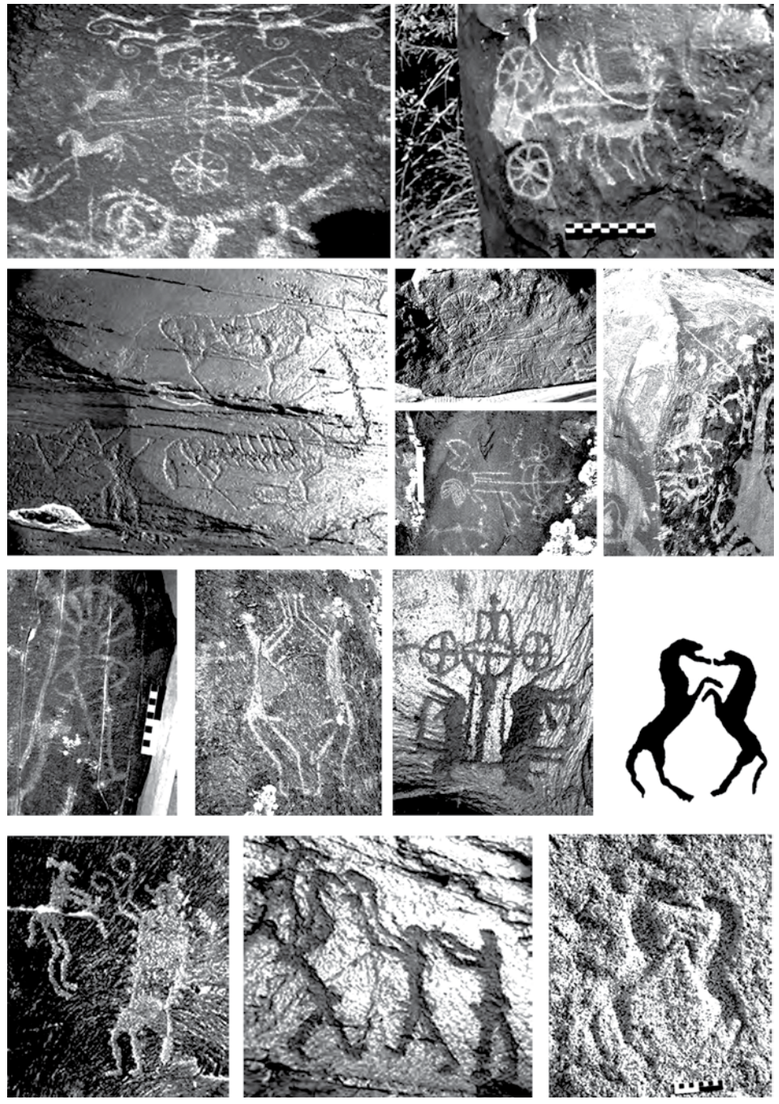
Проблема датирования циркульных орнаментов тесно связана с абсолютной хронологией сейминско-турбинского транскультурного феномена, памятники и отдельные находки которого охватили огромную часть Север-

[37]Е. Е. Кузьмина [2001. С. 70] считает несопоставимыми микенские и анатолийские циркульные орнаменты, на чем настаивает В. А. Трифонов [1996а], равно и микенские и абашевские орнаментальные традиции, вопреки мнению В. И. Беседина [1996].
[38]Не менее 2/3 псалиев и все находки следов колесниц.

[Черных, Кузьминых, 1989]
[Mei, 2003a]

ной Евразии, связав единичные северокитайские находки с центральноевропейскими. Одним из ключевых комплексов в этой протяженной цепочке является Бородинский клад, сочетающий традиции сейминско-турбинской металлообработки с циркульными орнаментами. Обзор даже самых основных работ способен составить монографию, поэтому ограничимся несколькими замечаниями. Анализ материалов привел В. С. Бочкарева к выводу о том, что Бородинский клад является памятником длительного накопления. Естественно, принятие этой версии снимает вопрос об «узкой» дате комп-

[Бочкарев, 1968]



Восточный, Центральный и Южный Казахстан. Петроглифы. Люди, колесницы, лошади, телега. Шымайлы, Самбай, Баянжурек, Сауыскандык, Кулжабасы, Тамгалы, Аулие-Теректы [по Самашев, 2013. С. 82-101]

лекса. Впрочем, если частичная синхронизация сейминско-турбинских памятников с абашевскими, синташтинскими, петровскими и покровскими верна (а «за» свидетельствует ряд совместных находок), то нет никакого противоречия в синхронизации циркульного орнамента и наконечника копья из Бородинского клада, что, увы, никак нас не приближает к его узкой дате. Остается все тот же вопрос о соотношении микенских орнаментов с карпато-дунайскими, анатолийскими и восточноевропейскими.

Таким образом, возможности датирования памятников уральского бронзового века по аналогиям ограничены довольно жесткими рамками. Если верхняя граница кажется достаточно определенной (в определении хронологии ранних кочевников приоритет по-прежнему отдается античным аналогиям), то предшествующий период такой определенности никак не демонстрирует.

Система периодизации. Наиболее известными и широко используемыми на сегодня являются периодизации В. А. Городцова, К. В. Сальникова, Е.Н.Черных. Последовательный разбор оснований каждой из них не входит в наши задачи, тем более, что это делалось неоднократно в последние годы. Важнее рассмотреть противоречия между системами и уяснить возможность консенсуса.

[Кузьмина, 1994; Зданович, Зданович, 1995; Матвеев, 1998; Григорьев, 1999; 2000; Евдокимов, 2000; Бронзовый век..., 2001; Кияшко, 2002; 2004 и др.]

Вопрос о соотношении локальных периодизаций с глобальной решается по-разному. Значительная часть археологов высказывается скептически не столько по поводу возможности согласования локальных шкал, сколько по поводу возможности выработки единой терминологии. Примеров противоречий для уральского бронзового века предостаточно. Часть из них является проекцией внеуральских проблем – примером может служить дискуссия об эпохальной принадлежности раннеямных памятников, когда одними они относятся к энеолиту, другими – к ранней бронзе. Как было продемонстрировано выше, для Урала такое положение отражает реальное положение дел.

Однако в большинстве случаев корни разногласий лежат в иной плоскости. Чаще всего попытки сопоставления, не говоря уж об изложении аргументов в пользу предпочтений в группировке культур, не предпринимаются. Едва ли не для каждого региона выделяются собственные памятники ранней, средней и поздней бронзы, при этом одни и те же культуры с легкостью «перемещаются» из одного этапа в другой. Предполагается, что любое явление в своем развитии проходит три этапа: зарождения, стабильного существования и угасания. Естественно, эта идеальная конструкция имеет мало общего с реальным историческим процессом, где нередки разрывы традиции, миграции и пр. В результате в случае отсутствия материалов раннего этапа его часто достраивают «логически».

[Кузнецов, 2004]

Для полноты картины следует добавить, что даже деление на три обозначенных этапа не универсально, т. к. западносибирскими археологами широко используется определение «развитая» бронза. Например, В. В. Евдокимов под этим определением понимает средний этап бронзового века, куда наряду с андроновскими древностями (с чем солидарны большинство сибирских специалистов и абсолютно не согласны их восточноевропейские коллеги), включены полтавкинские и петровские, объединяемые гипотетическим родством.

[Молодин, 1985; Потемкина, 1985; Косарев, 1981 и др.]

[Евдокимов, 2000. С. 31–37]

Камнем преткновения стали и синташтинские памятники, которые часть специалистов относит к средней бронзе. Фактические аргументы приведены только С. А. Григорьевым: мышьяковистые лигатуры, отсутс-

[Григорьев, 1999. С. 134]

[Черных, 1978]

твие тонкостенного литья, значительное сходство со стереотипами Циркумпонтийской металлургической провинции. Автор опирался на схему Е.Н. Черных[39], который увязывал основные этапы бронзового века не столько с конкретными археологическими культурами, сколько с развитием технологии металлопроизводства. Наиболее слабым звеном в этой системе, конечно, является невозможность учесть скорость распространения новаций, наличие технологически «застойных» регионов и пр. Кроме того, высказано суждение об «особой, наклонной» шкале периодизации азиатской части Евразии, что также заставляет отнести синташтинские памятники к средней бронзе.

[Зданович, Зданович, 1995 и др.]

В свою очередь, позднебронзовыми в Восточной Европе, начиная с трудов В. А. Городцова, считаются срубные памятники, а сибирские и казахстанские специалисты за этим определением видят памятники «валикового» периода и переходные к РЖВ. Примеры можно умножать и далее, хотя в этом, кажется, нет необходимости. Ясно лишь, что выработка единой согласованной позиции маловероятна по многим причинам. Во-первых, имеется реальная разница в характере и скорости протекания культурных и социальных процессов для огромного региона Северной Евразии. Во-вторых, пока авторские системы не опираются на формальные основания, число их будет приближаться к количеству специалистов. Так, попытка если не согласовать, то хотя бы сопоставить и выразить в цифрах периодизации десяти наиболее авторитетных специалистов, была предпринята О. Н. Корочковой и В. И. Стефановым при подготовке книги «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири». Несмотря на разноголосицу мнений (и последующую корректировку ряда авторских позиций), некоторые рубежи могут быть намечены.

[Стефанов, Корочкова, 1994. Табл. 2]

В действительности корни противоречий часто связаны с различием в понимании процессов культурогенеза. Яркий пример такого рода – абашевская культура. С одной стороны, большинством признается наличие катакомбных черт (варианты объяснения – контакты или генетическая связь), с другой стороны, четко фиксируются абашевско-синташтинские схождения с аналогичными вариантами интерпретации. Кроме того, есть и факты, синхронизирующие абашевские и сейминско-турбинские материалы (последние всеми признаются позднебронзовыми). В результате в зависимости от авторских предпочтений и принимается решение об эпохальной принадлежности абашевской культуры. Поскольку, как явствует из приведенного выше обзора, стратиграфических и других фактов крайне мало, дискуссия имеет мало шансов на внятный итог.

Единственно возможным шагом к решению кажется выделение «рубежей», разделяющих крупные блоки культур, т. е. хронологических горизонтов. Предложений по данному поводу тоже достаточно (новокумакский, сейминский, колесничный и пр.), однако доказать краткость существования каждого из них крайне сложно. Инструментом согласования может отчасти служить ^{14}C хронология. В данном случае речь идет не о признании метода «единственно верным», а о возможностях установления относительной хронологии не только на внутрирегиональном уровне (что часто может сделать стратиграфический и отчасти типологический анализ), но и на межрегиональном. К сожалению, анализ баз данных заставляет, как и

[39] В более поздних публикациях произведена корректировка дат и детализация, но принцип оставлен без изменения [Черных и др., 2002].

прежде, ссылаться на недостаточность серий, и все же, когда в нашем распоряжении статистически достоверные и технологически надежные данные, картина выглядит не безнадежной. Дальнейшая корректировка цифр (если таковая понадобится) уже не приведет к крушению всей системы.

Вряд ли удастся избрать для Урала дефиниции, удовлетворяющие всех, поскольку историографическая инерция весьма ощутима. Все же нам представляется, что для рассматриваемой территории можно говорить о нескольких периодах. Наиболее ранний – ямный – разделяется на два подпериода, хотя стратиграфически это подтверждено лишь дважды. Однако выразить эту разницу в цифрах для Южного Урала пока невозможно. Эта группа демонстрирует общую синхронность с памятниками афанасьевской культуроы и близость с полтавкинскими. Имеется также зона наложения с энеолитическим интервалом. Тем не менее, как минимум в рамках конца VI тыс. до н. э. сосуществование ямного и энеолитического населения на сопредельных территориях кажется вполне правдоподобным.

[Богданов, 2004. С. 196–198; 2006]

Культурный облик последней четверти III тыс. до н. э. для Южного Урала пока не вполне ясен. Что синхронно катакомбным культурам Восточной Европы и ранним окуневским памятникам Минусинской котловины? В степном Приуралье этот отрезок частично заполнен древностями посткатакомбного мира, а также вольско-лбищенскими. Для лесостепной зоны и Зауралья в целом ситуация более туманная. В качестве предшествующих могут быть упомянуты так называемые «раннебронзовые» культуры – карасьеозерский тип, одиновская и пр. Однако их собственная абсолютная хронология на интересующей нас территории находится в стадии накопления серий.

Следующий период – абашевско-синташтинский (XXI - XVIII вв. до н. э.). Вероятно, этим же временем датируются сейминско-турбинские памятники, хотя они существовали и позднее. Очень близки хронологически поздняя фаза окуневской культуры на востоке и потаповский тип памятников на западе, в чуть меньшей степени – петровская и раннесрубная (включая покровскую) культуры. Последние, несмотря на наложение с синташтинским интервалом, все же более поздние и имеют более отчетливые схождения с сейминско-турбинскими бронзами. Единственная лесо-лесостепная культура, располагающая аргументами для частичной синхронизации с синташтинской – ташковская. Отметим также, что имеющиеся в Северном Китае прямые, правда, единичные аналогии сейминско-турбинскими бронзам (например, культуры Siba и Qijia) датируются в рамках 2000 – 1700 гг. до н. э.[40]. Близкие хронологические рубежи приводятся и для ключевого памятника региона – Gumugou (2030 – 1815 гг. до н. э.).

[Mei., 2003a. P. 4; 2003b. P. 11]

[Kuz'mina, 2003. P. 45]

Алакульские – «развитые», срубные – «классические», федоровские и синкретические памятники существовали относительно одновременно в XVIII - XV вв. до н. э. В целом этим же временем датируется андроновская культура Западной Сибири и Среднего Енисея. Достаточно близкие границы установлены для среднеазиатских памятников андроновского круга – 1680 – 1500 гг. до н. э.[41]

[Cattani, 2004. P. 312]

[40] Для последующих периодов также легко обнаружить схождения материальной культуры и хронологии, которые часто рассматриваются в качестве аргументов в вопросе о приоритетах Китая либо Северной Евразии в развитии технологии и пр.

[41] На основании единичных дат памятники финала бронзового века этой территории по нашим вычислениям датируются 1500 – 1250 гг. до н. э., что в целом близко уральским границам данного периода.

Гораздо менее определенна ситуация с коптяковской и черкаскульской культурами, которые, судя по совместному залеганию находок на ряде памятников, должны быть близки хронологически. Если для коптяковской культуры имеются «ранние» даты, как минимум сближающие ее с петровско-раннесрубным (а возможно, и абашевско-синташтинским) блоком, то для черкаскульской они отсутствуют. Кроме того, для обеих культур имеется «шлейф» поздних (вплоть до XIII в. до н. э.) значений. Следует ли за этим видеть длительную (беспрецедентную для II тыс. до н. э.) историю существования? Однозначного ответа на этот вопрос нет, хотя корректировка интервала (видимо, в сторону некоторого омоложения) кажется неизбежной.

[Матвеев, 2007]

В определении границ и состава культур следующего блока есть некоторое сомнение. Опорными следует признать бархатовскую и белоключевскую серии, формирующие интервалы в рамках XIV – XI вв. до н. э., которые, с одной стороны, достоверно отличаются от срубно-андроновского и от памятников переходного времени, а с другой – хорошо согласуются с результатами датирования ирменских и карасукских (классических) памятников. В целом этот вывод соответствует восточноевропейской системе и не противоречит материалам Средней Азии, где «появление саргаринско-алексеевского населения» относится по результатам радиокарбонного датирования к XIV – XIII вв. до н. э.

[Щетенко, 2000. С. 263]

Значения интервала существования памятников, переходных к РЖВ, для Урала и Северного Казахстана (XI – IX вв. до н. э.), не являются надежными, хотя и не противоречат общей схеме. Именно с этим отрезком связана большая часть дат бархатовских городищ (красногорского этапа), позднеирменские и каменноложские серии. Возможно, эти памятники синхронны донгальскому типу Центрального Казахстана и нуринскому Поволжья. Тезис о наличии двух фаз «горизонта КВК» был высказан довольно давно. Выделению самостоятельного ПБВ IV посвящены обобщающие и региональные работы. Следует подчеркнуть, что для лесостепной зоны такое членение часто воспринимается как этапы развития единой культурной традиции, приведшей к формированию ряда общностей, тогда как для степной ситуация более контрастная.

[Черных, 1983. С. 95]
[Кузьминых, Дегтярева, 2006. С. 251–256 и др.]
[Потемкина, 1985. С. 266; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 59; Колев, 2000; Чижевский, 2007 и др.]
[Кузьминых, Дегтярева, 2006. С. 254]

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют достаточно уверенно разделить южноуральский бронзовый век минимум на четыре хронологических периода. При этом можно говорить о синхронизации крупных блоков культур бронзового века для территории от Восточной Европы до Минусинской котловины. ■

Западный Казахстан. Плато Устюрт. Сарматская антропоморфная скульптура [по Самашев, 2013. С. 173-177]

Глава 3

Изобразительные коммуникации

[Рогожинский, 2002. С. 12-20; 2009]

В последние годы только на территории северной части Центральной Азии, включающей современный Казахстан и Южную Сибирь, открыто более сотни новых памятников наскального искусства, в которых определенно выделен пласт петроглифов эпохи бронзы. При этом сложилась совершенно нездоровая ситуация, когда этот многотысячный корпус изобразительных источников изучается отдельно от раскопанных западнее - в степных районах Евразии, синхронных археологических памятников и культур (рис. 73; 74).

[Пяткин, Миклашевич, 1990. С. 146-153]]
[Самашев, 2010; 2012а]

В своё время предпринимались попытки выделить «сейминско-турбинскую изобразительную традицию», «тамгалинско-саймалы-ташскую», однако они оказались не только не связанными с какой-либо АК или КИО, но и не определены этнически, а значит «живут» какой-то своей непонятной и оторванной от создавших их людей жизнью. С методологической точки зрения, зачастую происходит подмена понятий: за изобразительную традицию принимается выделенный исследователями локальный изобразительный стиль – манера изображения отдельных персонажей на основе их иконографических особенностей, или вводятся новые искусственные понятия типа «культурно-исторических ландшафтов», которые в действительности опять же выражают только иконографические особенности локального стиля (плана выражения по Я. А. Шеру), но никак не отражают и не описывают изобразительную традицию[1]. Ещё большую путаницу вносят попытки сопоставить выделенные таким образом изобразительные стили с локальными АК или их этапами, материальные свидетельства которых – могильники или поселения – отсутствуют в других районах Центральной Азии.

[Ковтун, 2001]

[Шер, 2004. С. 9-13]

Изобразительную, фигуративную (статуарную) и мегалитическую традиции раннебронзовых, а также более поздних социумов азиатской части степной Евразии и развитие этих и других традиций в пространстве и во времени мы относим к изобразительным коммуникациям. Эти традиции стали важным средством внутренней и внешней активности местных социумов, которые зафиксированы здесь археологическими методами в виде выделенных АК и КИО. Они стали надёжным индикатором самоидентификации этих обществ, а их изучение и анализ позволяют прояснить многие спорные вопросы этнокультурной истории. ■

1 Новая книга [Ковтун, 2013] свидетельствует об эволюции взглядов её автора по данной проблеме. Однако, насколько рассмотренные им изобразительные памятники Южной Сибири связаны с «предысторией индоарийской мифологии», всё ещё остаётся весьма дискуссионным вопросом.

Рис. 73. Карта изобразительных памятников Казахстана [по Рогожинский, 2002]

1 – Байконур; 2 - Зынгертау; 3 – Тасуткель; 4 – Теректы (Аулие); 5 – грот Тесиктас; 6 – Кестелетас; 7 – Семизбугы; 8 – Шаматай, Килыбай, Байжан; 9 – Итмурунды; 10 – Саяк; 11 – Бадран; 12 – Кокпекты, Ортынтау; 13 – Никитинка; 14 – Акбаур; 15 – Сагыр; 16 – Меновное; 17 – Канай, Сентас, Тамураши; 18 – Зевакино; 19 – Калбак Таш; 20 – Джурамал; 21 – Берел; 22 – Мойнак; 23 – Курчум; 24 – Тулькуне; 25 – Доланалы, Нарбота; 26 – Болгар-Табаты; 27 – Окей; 28 – Кипели; 29 – Джансугуров; 30 – Баян-Журек, Капал; 31 – Ешкиольмес; 32 - Теректы; 33 – Усек; 34 – Тайгак; 35 – Караеспе; 36 – Карашокы; 37 – Тамгалытас; 38 – Узун-Булак; 39 – Аксай; 40 – Саты; 41 – Ассы; 42 – Турген; 43 – Узун-Каргалы; 44 – Майбулак; 45 - Чолпон-Ата; 46 – Актерек; 47 – Сергеевка; 48 – Асык; 49 – Серектас; 50 – Тамгалы; 51 – Каракыр; 52 – Кулжабасы; 53 – Чокпар; 54 – Ой-Джайляу; 55 – Унгурли; 56 – Хантау; 57 – Жамбыл; 58 – Мерке; 59 – Курган-Таш; 60 – Ур-Марал (Жалтырак-Таш); 61 – Аксу Джабаглы; 62 – Карасай; 63 – Маймак (Терс); 64 – Габаевка; 65 – Еликсай; 66 – Боролдай, Борисай; 67 – Баялдер; 68 – Арпаузен; 69 – Койбагар; 70 – Ран, Ксан, Суюндуксай; 71 – Кара-Соир; 72 – Бала Саускандык; 73 – у оз. Тамгалы; 74 – Коксай; 75 – Каракиясай, Ходжикент; 76 – Варзик; 77 – Саймалы-Таш; 78 – Уч-Терек; 79 – Унек (Кочкор); 80 – Ак-Шыйрак.
Обозначения: белые точки – свыше 1000 изображений на памятнике; синие точки – менее 1000 изображений на памятнике

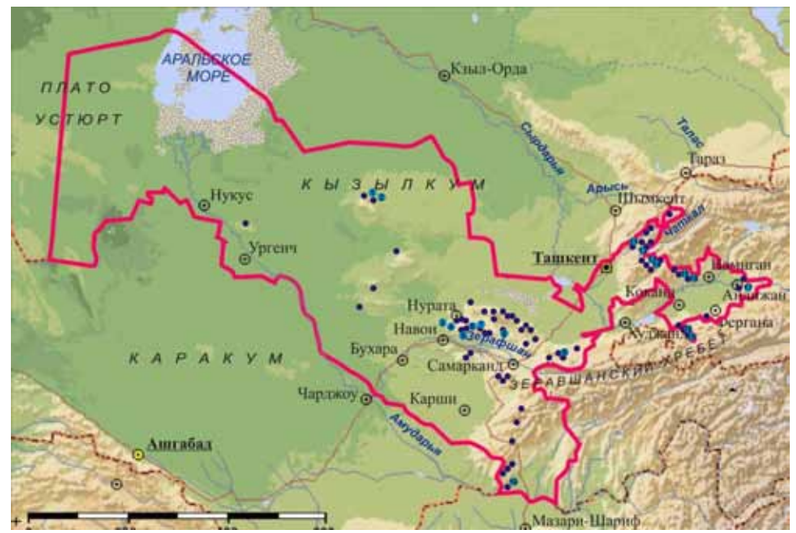


Рис. 74. Карта изобразительных памятников в южных районах Центральной Азии [Хужаназаров, 2002]

3.1. Ямно-афанасьевская изобразительная традиция

В последние годы на территориях Южного Урала и Западного Казахстана (Южный Урал, Мугоджары, Прикаспий), в Сарыарке, на Алтае, в Восточном Туркестане, Монголии и в Южной Сибири открыта серия изобразительных памятников и фигуративных артефактов раннего периода. К их числу относятся местонахождения петроглифов, вырезанные и выбитые на скалах, в урочище Акбидаик, близ Екибастуза, Олентинские писаницы в долине одноименной реки, связанные с раскопанными здесь древнеямными памятниками, а также петроглифы Мугоджар, обнаруженные В. В. Ткачёвым в северо-западной части Казахстана, и расположенные в Прикаспии памятники Коскудук и грот Толеубулак. Рисованные петроглифы найдены также в живописном гроте Драверта и скальных нишах на озере Жасыбай, в гроте Тесиктас (Сарыарка) и в примыкающих географически на востоке предгорьях Алтая – в гроте Акбаур (рис. 75 – 81).

[Мерц, 2002; 2005; 2007; 2010]

[Самашев, 2006. С. 17-21]

[Новоженов, 2002]
[Самашев, 1992]

На своде грота Тесиктас красной краской нарисованы различные геометрические знаки и две массивные фигуры быков. Стиль их изображения полностью совпадает с трактовкой аналогичных фигур на плитах могильника Черновая VIII и в синхронных петроглифах долины р. Чулуут (Монголия). Эти сюжеты с массивными быками практически всегда сочетаются с антропоморфными существами, пальцы которых намеренно расставлены в стороны, и с женщинами-прародительницами в «интересных» позах и сценах. Среди рисунков на озере Жасыбай выделяется центральный антропоморфный персонаж с отходящими от головы лучами – вероятный прообраз знаменитого «солнцеголового» божества, позднее повсеместно распространенного в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии. Этот персонаж в своей канонизированной форме представлен на стенках каменных ящиков мог. Каракол на Алтае в виде удивительных полихромных росписей и гравировок. Ближайшие аналогии этому образу находим в росписях на каменных ящиках могильника Тас-Хааза, в петроглифах Чулуута и на стенках гробниц кургана 28 у ст. Новосвободная и в петроглифах Восточного Туркестана.

[Новгородова, 1989. С. 89; Новоженов, 1987. С. 68-78; 66]

[Кубарев, 1988]

[Резепкин, 1987. С. 26-32]
[Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008]

Все больше данных появляется по обоснованию афанасьевского пласта в древнем искусстве Южной Сибири, Алтая и Монголии. Новые материалы из Минусинской котловины, Тувы и Хакасии дают дополнительные аргументы в пользу выделения раннего пласта в окуневском искусстве (петроглифы и стелы) и позволяют связывать его возникновение с миграцией западных племён животноводов.

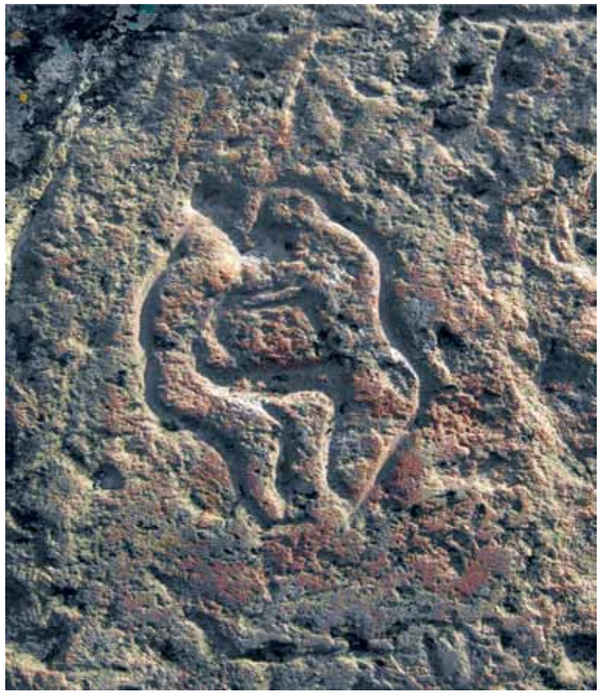
[Есин, 2008. С. 81-98; 2010. С. 53-73; Лазаретов, 1997; Мерц, 2007; 2010. С. 49-58; Мерц, Мерц, 2010. С. 134-144; Подольский, 1999; 2007. С. 113-127; Соколова, 2012. С. 229-235]

3.1.1. Ямно-афанасьевская мегалитическая традиция. Под этой традицией мы здесь понимаем прежде всего установку крупных антропоморфных стел, часто с нанесёнными на их грани изображениями (рис. 82-83), или просто сооружение оград, менгиров – стел без изображений и использование погребальных каменных ящиков. В широком смысле – изготовление монументальных погребальных сооружений из крупных камней и плит, установку каменных стел-менгиров (геоглифы на Южном Урале и на севере Казахстана), а также предметы мелкой пластики – миниатюрные антропоморфные скульптурки, представляющие собой, по нашему мнению, «портативный» вариант монументальных антропоморфных изваяний, их своеобразные «модели».

Рис. 75. Северная Сарыарка. Акбидаик. Петроглифы [по Мерц, 2002]

Рис. 76. Северная Сарыарка. Оленты. Петроглифы [по Мерц, 2002]

Рис. 77. Северная Сарыарка. Оленты. Петроглифы [по Мерц, 2002]



Северная Сарыарка. Оленты. Петроглифы [по Мерц, 2002]

Рис. 78. Предгорья Тарбагатая. Восточная оконечность Сарыарки. Грот Акбаур. Росписи охрой [по Самашев, 1992]

Рис. 79. Северная Сарыарка. Баянаул. Окрестности оз. Жасыбай. Росписи в скальных нишах [по Мерц, 2002]

Рис. 80. Северная Сарыарка. Баянаул. Окрестности оз. Жасыбай. Росписи в скальных нишах [по Мерц, 2002]

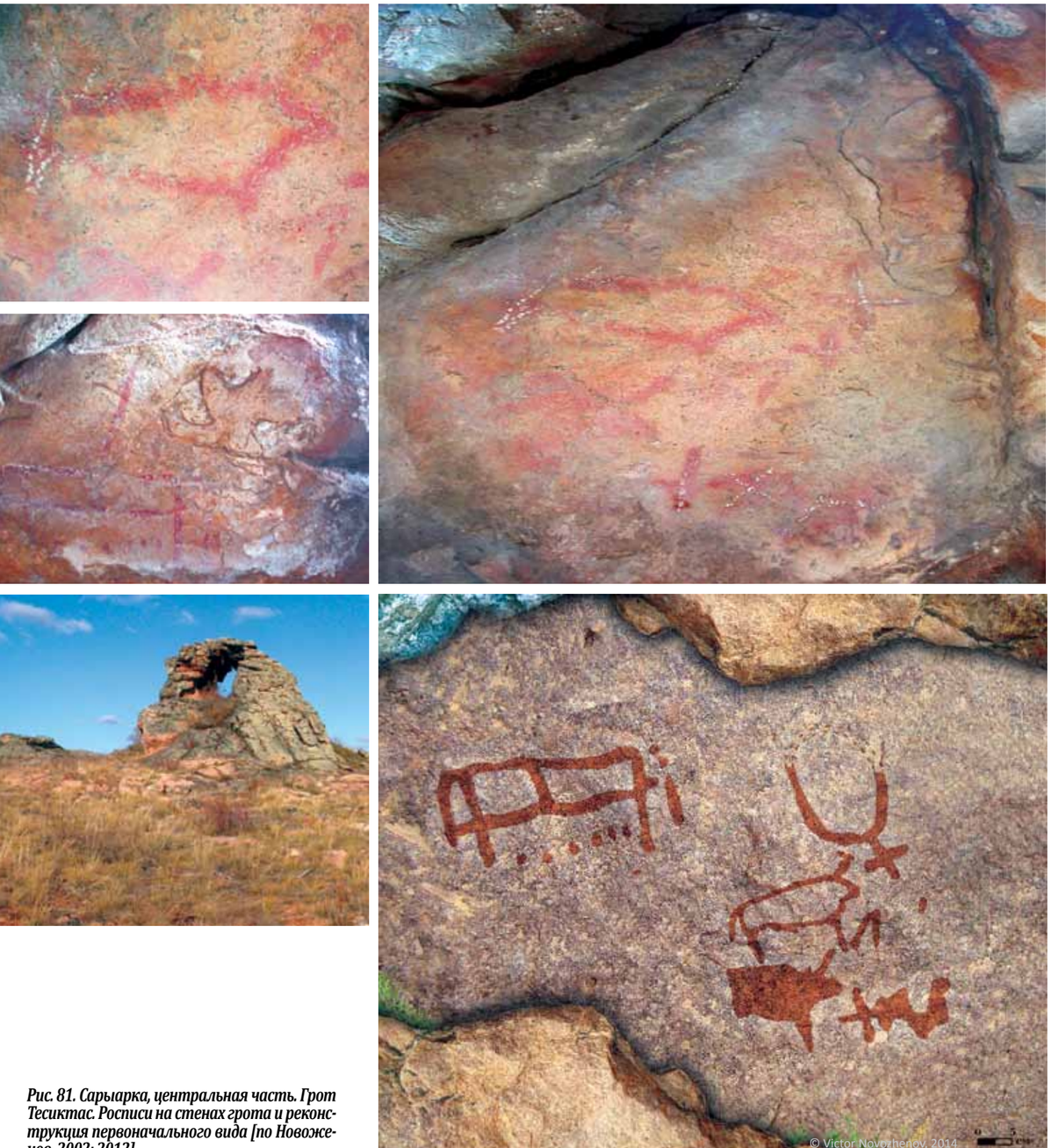


Рис. 81. Сарыарка, центральная часть. Грот Тесиктас. Росписи на стенах грота и реконструкция первоначального вида [по Новоженов, 2002; 2012]

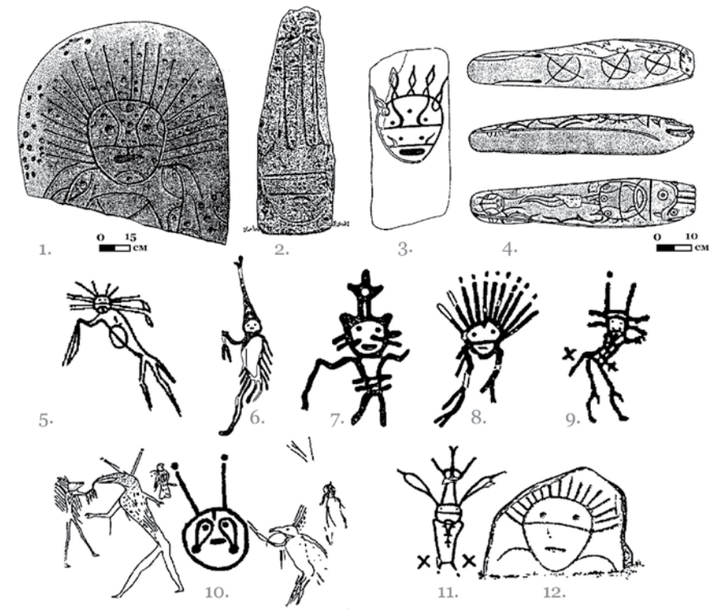


Рис. 82. Ямно-афанасьевская изобразительная традиция. «Солнцеголовые» и «птицеголовые» на стелах и в петроглифах Южной Сибири [по Новоженов, 2012а; Кызласов, 1986]

1 – стела, вторично использованная в качестве северного углового камня тагарской ограды в могильнике на Черном озере;
2 – изваяние на перевале из долины р. Теи в долину р. Таштыпа;
3 – деревня Фарпус, использовано вторично в тагарском кургане;
4 – переносное изваяние из песчаника, найденное в Ширинском районе Хакасии (хранится в СО АН СССР, Институт истории);
5 – могильник Тас Хаза, гравировка на плите могилы 5;
6-8 – рисунки охрой на скалах Кантегир I и II;
9, 11 – наскальные изображения, нанесенные охрой у деревни Быстрой на правом берегу Енисея;
10 – могильник Тас-Хаза, могила 1;
12 – стела близ улуса Верхний Долгий Маяк на реке Ербе

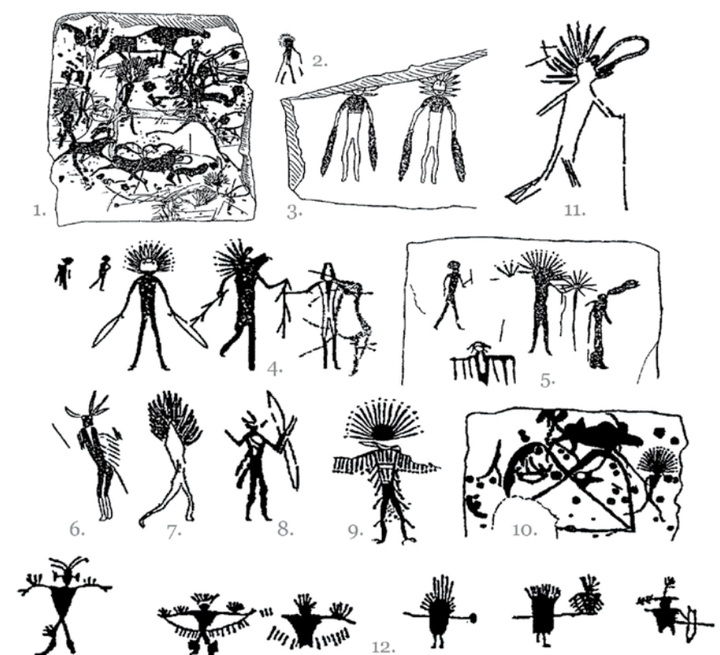


Рис. 83. Изображения «солнцеголовых» существ на плитах могильника Каракол в Горном Алтае и в Китае

1 – курган 2, могила 2, плита 3;
2 – курган 2, могила 2, плита 4;
3 – курган 2, могила 2, плита 1;
4 – могила 5, плита 1;
5 – могила 5, плита 6;
6 – курган 2, могила 2, плита 2;
7, 11 – курган 2, могила 2, плита 2 (гравировка);
8 – могила 5, плита 4;
9 – курган 2, могила 2, плита 5;
10 – могила 5, плита 3
[по Кубарев, 1988];
12 – Кангуан, провинция Юнань
[по Chen Zhao-fu, 1988]

К числу наиболее ярких памятников региона относятся многочисленные антропоморфные стелы, на которых, как правило, сочетаются скульптурные изображения лица человека на торцевой части и различные петроглифы на боковых сторонах. Сходные антропоморфные стелы и свидетельства собственно традиции изготовления каменных погребальных ящиков обнаружены за тысячи километров, на западе, в синхронных кеми-обинских и усатовских памятниках (рис. 84).

[Ковалёв, 2012а; Леонтьев и др., 2006]

[Новоженов, 2012]

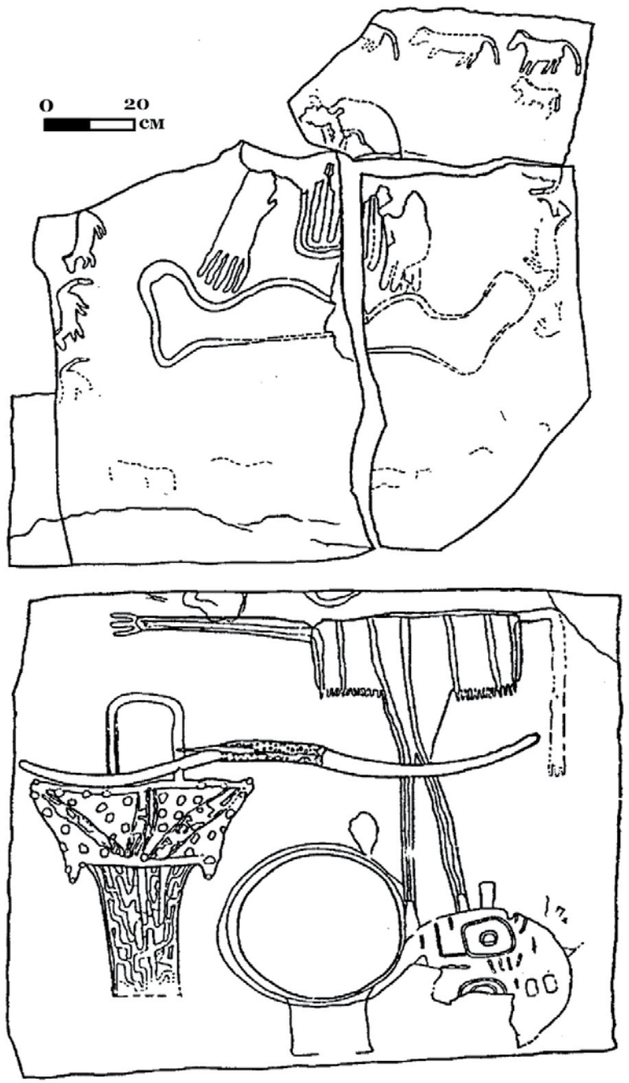


Рис. 84. Могильник у станицы Новосвободная. Роспись на стенах каменного ящика в кургане 28 [по Резепкин, 1981. Рис. 1]

Коллекция небольших каменных антропоморфных скульптурок (рис. 85) состоит из случайных находок, происходящих из северных и северо-восточных регионов Казахстана, а также – из раскопанных памятников Минусинской котловины, и имеет широкие аналогии в петроглифах Центральной Азии. Основу образа составляют огромные глаза, выполненные с большим реализмом и изяществом. Показаны ступни ног, фаллос, кулаки, в одном случае – пальцы рук, и всегда намеренно большой, треугольный нос, гордо «задранный» вверх. Наблюдается поразительное сходство иконографии этих скульптурок и сюжетов с повозками в петроглифах, что дает основание их интерпретировать как фигурки возничих. В. Г. Шкода выявил существенную связь «казахских» скульптурок с южным памятником - поселением Саразм, в долине р. Зеравшан в Таджикистане. При распашке верхнего слоя памятника здесь найден вырезанный из порфирита сосуд с человеческой личиной (рис. 86).

[Новоженов, 2012; 2012б; 2012в; 2012г; Ченченкова, 2004]

[Шкода, 1992. С. 57-59; 1997. С. 48-51]

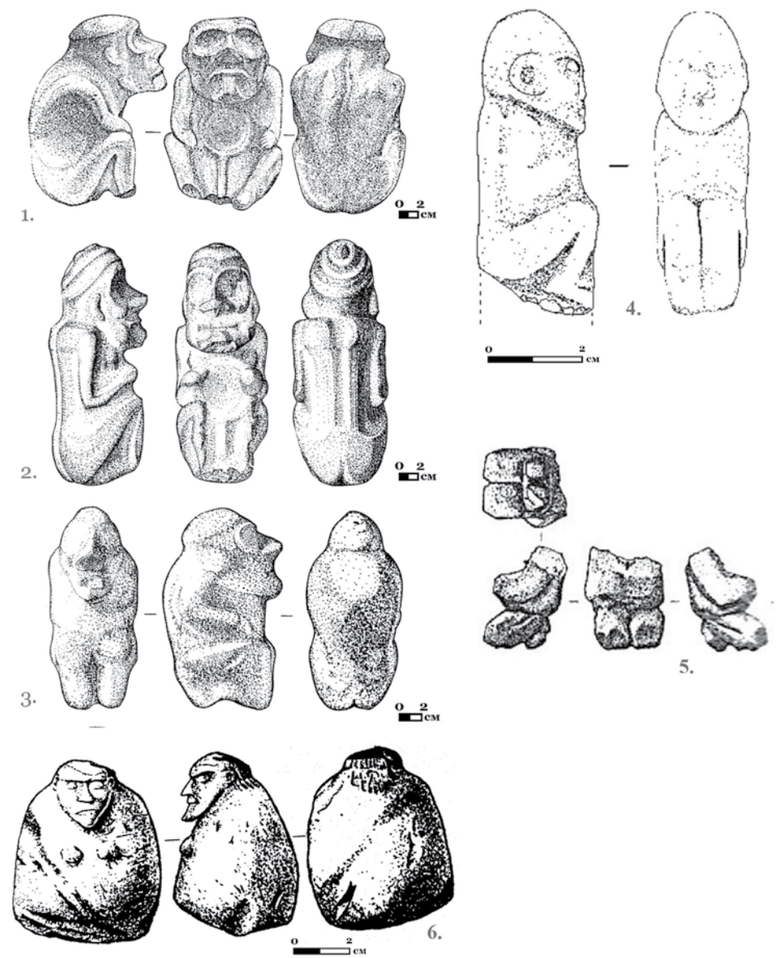


Рис. 86. Долина Зеравшана. Поселение Саразм. Антропозооморфная ритуальная чаша из порфирита. Эрмитаж. Фото любезно предоставлено О. П. Ченченковой

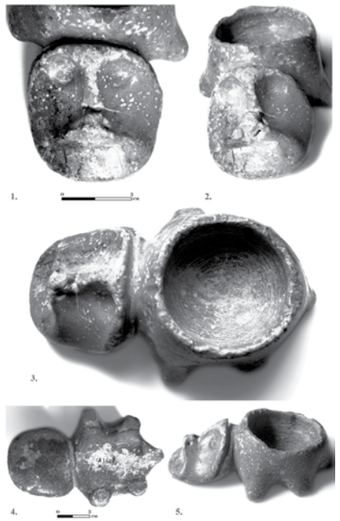


Рис. 85. Ямно-афанасьевская статуарная традиция. Коллекция каменной антропоморфной мелкой пластики в стандартной позе возничего [по Ченченкова, 2004. С. 112-122; Самашев, 2012а]

1 – фигура сидящего человека из Костанайской обл. Костанайский музей (№ 48);
2 – фигура сидящего антропоморфа из Акмолинской обл., Эрмитаж (№ 49);
3 – фигура сидящего человека из Костанайской обл. (№ 50), Костанайский музей;
4 – фигура из Минусинской котловины, дер. Калы, Хакасия, Минусинский музей (№ 51);
5 – поселение Ботай, раскоп 21;
6 – из кургана Черновая 11, могила 5, Хакасия, Минусинский музей (№ 52)

Понятно, что ритуальная чаша есть главный атрибут жрецов (Геродот). Для синхронных памятников семантическая связь *«повозка - возничий – ритуальный сосуд»* документируется достаточно надёжно. Так, глиняные модели повозок-сосудов из Венгрии находят поразительные соответствия на минусинской стеле из села Усть-Бюрь и с афанасьевскими сосудами-алтарями, изображенными на некоторых «окуневских» стелах и обнаруженными в могилах афанасьевского типа в Южной Сибири, в Монголии и Синьцзяне. Эту семантическую связь подтверждает происходящий из Бактрии серебряный кубок, а также находки особых ритуальных сосудов в могилах с повозками в «царском» некрополе Гонур-тепе, а в более позднее время – в раннеандроновском мог. Ащису в Сарыарке.

[Есин, 2010;2012. С. 14-47]

[Сарианиди, Дубова, 2010. С. 210-256]
[Кукушкин, 2011. С. 110-116; 2011а. С. 97-113]

Значительное сходство рассматриваемая коллекция демонстрирует с бронзовыми антропоморфными, «солнцеголовыми» скульптурками из Галичского клада, прежде всего в манере изображения лица, вытянутых вперёд рук и «лучей» отходящих от головы и от спины фигурок.

[Студзицкая, Кузьминых, 2013. С. 264-272]

Традиционно в историографии этот образ расшифровывается на основании данных древнейших индоарийской (Ригведа) и индоиранской (Авеста) письменных традиций и ассоциируется с одним из божеств Солнечной династии, которое перемещается на повозке между различными мифологическими мирами и организует всю систему Мироздания. Связь возничего с солярным культом и солнечной символикой не вызывает сомнения на афанасьевских (окуневских) изваяниях он непременно изображен в сочетании с «солнцеголовым» ликом и афанасьевскими ритуальными сосудами – «курильницами», а в более позднее время – эпоху колесниц (II тыс. до н. э.) – уже сам возничий колесницы становится «солнцеголовым» (Ешкиольмес, Саймалы Таш). «Солнцеголовый» герой – ключевой персонаж андроновской изобразительной традиции. Солярное божество, представляющее богов Солнечной династии, в андроновских петроглифах соответствует основным функциям мифологической космогонии индоевропейцев, это божество управляет колесницами, как правило, присутствует на алтарных, ключевых композициях изобразительных памятников (рис. 87 - 91).

Рис. 87. Каменный распределитель ремней оголовья (псалий?) из Костаная (2) и его аналогия (1) из Китая [по Ченченкова, 2004. С. 266 – 267; Shaanxi Ancient Civilization. P. 33]

[Рогожинский, 2009]

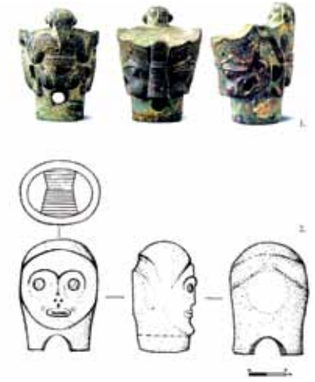


Рис. 88. «Солнцеголовые» возничие повозок, индийские и китайские параллели: 1 – Саймалы-Таш; 2 – Ешкиольмес; 3 – Моди; 4, 5 – Бхимбетка; 6 – Хараппа; 7 – Навадатоди; 8 – Калибанган. 3 - 5 – росписи краской в гротах, 6 - 8 – изображения на керамике; 9 - 12, 14 – изображения человека на пластинах «моделей ярма» иньского и чжоуского (14) времени; 13, 15 – чжоуская и иньская нефритовые фигурки; 16 – нефритовая скульптура лошади, аналогичная графическим знакам с иньских бронзовых сосудов [по Шер, 1980; Марьяшев, Рогожинский, 1991; Brooks, Wakankar, 1986; Кожин, 1988]

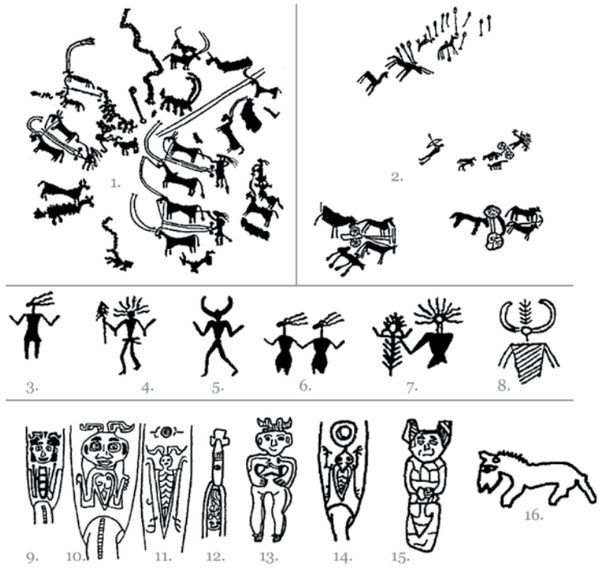


Рис. 89. Китай. Антропоморфная мелкая пластика и маски. Эпоха Шан-инь [по Китай: история и цивилизация, 2007. С. 6, 11, 22-23, 30]

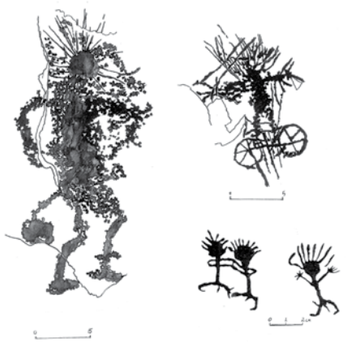


Рис. 91. Южный Казахстан. Ешкиольмес. «Солнцеголовые». Прорисовки любезно предоставлены А. Е. Рогожинским

Рис. 90. Изображения «солнцеголовых» существ в петроглифах Средней и Центральной Азии.

1-4, 9-11 – личины эпохи бронзы Мугур-Саргола;
5, 6 – Тепсей;
7, 8, 12 – Шалаболино;
13 – Карбан; 14 – Сосновка Джойская;
15 – Средняя Лена; 16 – Мугур-Саргол;
17 – Ангара; 18 – Самусь IV (керамика);
19 – Тас-Хазаа; 20, 21 – Камышта;
22 – Оглахты; 23 – Синьцзян;
24-28 – Байконур;
29-32 – Тамгалы;
33-34 – Саймалы-Таш [по Новоженов, 2002, С. 33]

В гимнах Ригведы «чудесной» повозкой, связывающей мифологические миры между собой, управляют Ашвины – двое братьев-близнецов, «сыновей неба», именно у них члены социума просят самые разные блага: скот, богатство, свет, потомство, исцеление, защиту от врагов, жизненную силу.... В описаниях Ашвинов часто используется термин *«насатья»*, что в переводе означает «носатые». Выявленная связь образа возничего с ритуальным сосудом, вероятно, отражает представление о том, что алтарь, подобно повозке, обеспечивает быструю и надежную доставку жертвы богам. Представления о том, что жертвоприношение и молитва «отправляются путем колесницы», зафиксированы в Ригведе, а сам огонь, в котором сжигались приношения, постоянно именуется возничим.

[РВ I, 116-120]

[Parpola, 2005]

[РВ, I, 44:2; I, 72:7; I, 74:6–7; I, 77:3; см.: Есин, 2012. С. 34]

Таким образом, в трактовке образа возничего отмечается его полиморфизм, двойственность и связь с ритуальным сосудом – переносным алтарем.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, важным средством дистанционного управления упряжными животными стали специальные предметы, орудия труда возничего – кнут и стрекало, находки и изображения которых распространились достаточно широко по всему континенту.

Серия антропоморфных, сходных со скульптурками возничих, «портативных» изваяний-жезлов (рис. 92), несомненно являющихся статусными предметами, также достаточно хорошо описана. Возможно, некоторые из них «доживают» и до андроновского и карасукского времени. Применительно к рассматриваемой серии предметов мелкой пластики, нельзя не упомянуть и об удивительных находках из Таримской впадины. Природные условия пустыни помогли законсервировать и сохранить здесь как знаменитые мумии, так и многие культовые предметы, недоступные в археологии степной Евразии. К их числу относятся антропоморфные деревянные скульптурки, миниатюрные «куклы»-идолы, одетые в роскошные одежды (рис. 93), и небольшая деревянная маска из могильника Сяохэ, размером ок. 8 см, основу иконографии которой также составляет гипертрофированный треугольный нос и большие глаза.

[Ченченкова, 2004; Самашев, 2012. С. 23-26; Мерц, 2012. С. 130-135]

[Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008. P. 22-27, 92]

Представляется, что ритуальная целесообразность и семантическое значение рассматриваемых миниатюрных скульптурок-моделей и монументальных антропоморфных стел погребальных памятников совпадают, как совпадает и их коммуникативная функция, а причина их использования определялась скорее условиями обитания каждого конкретного клана – социума: мобильный образ жизни диктовал использование в ритуальной практике «портативных» идолов или жезлов, стационарное размещение социума в комфортной экологической нише приводило к установке монументальных, многотонных каменных изваяний – стел.

3.1.2. Изобразительные ряды и фрагменты кода. Репертуар образов в ямно-афанасьевской изобразительной традиции достаточно узнаваемый и устойчивый. Центральное место занимает своеобразный солярный антропоморфный образ мужчины или женщины. Как правило, они изображены с отходящими от головы «лучами», «перьями», с птичьей головой (Тас Хааза), часто показан гипертрофированный нос, руки и пальцы разведены в стороны, различимы элементы одежды со свисающими вниз «кистями». Женщина представлена в образе «матери-прародительницы» в соответствующих позах и в одеждах «подтреугольной» формы (Алтай, Монголия; рис. 94;95;96). Особое место занимает образ возничего-первопредка, изображенного как на скалах, в петроглифах, так и в мелкой пластике в канонизированной позе, руки вытянуты вперёд, показан «орлиный» нос, небольшая круглая шапочка, детали экипировки. Семантически близки этому образу изображения повозок, которые представлены двумя типами – четырёхколёсными телегами и фургоном (Знаменка, Кулжабасы) и двуколками (Минусинская котловина, Акбаур). Все известные в этой изобразительной традиции повозки изображены только на сплошных дисковых колёсах и их вариантах, без спиц. Примечательно, что телеги запряжены парой поджарых быков и показаны с сидящим (Знаменка) или стоящим одним (Байконур) или двумя сидящими (Кулжабасы) возничими. Двуколки, напротив, изображены чаще распряжёнными, без упряжных быков и без возничих, типологически представлены двумя конструкциями – с центральным дышлом (Акбаур) и с А - образной формой дышла (Аскиз).

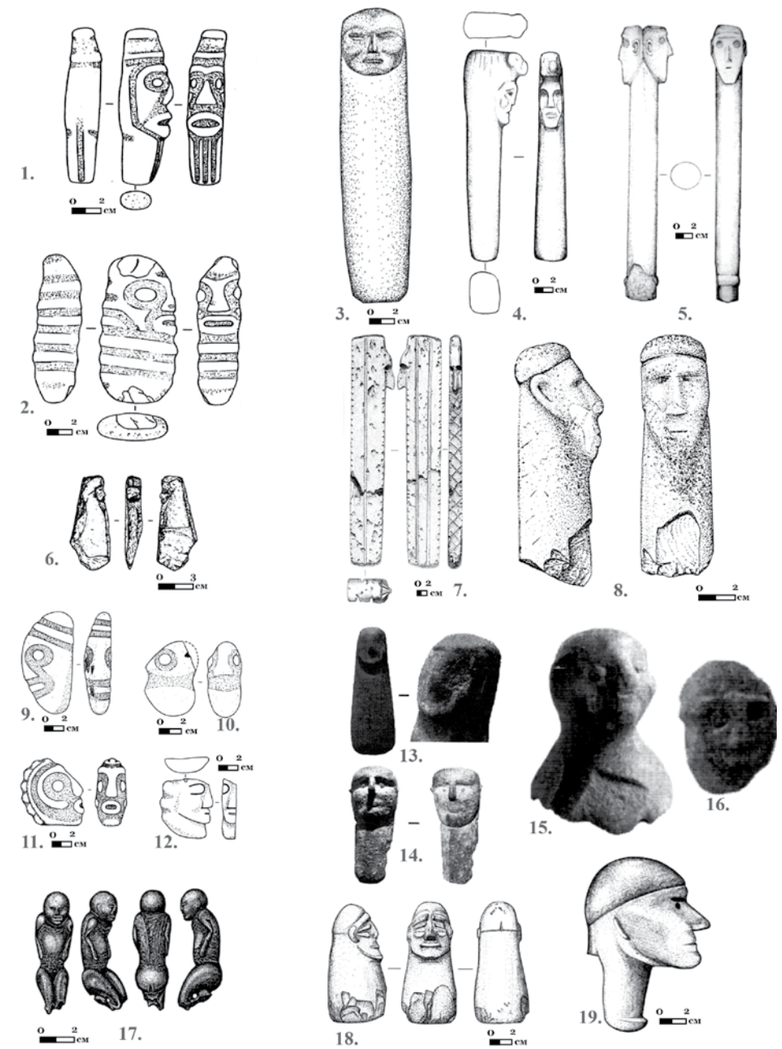
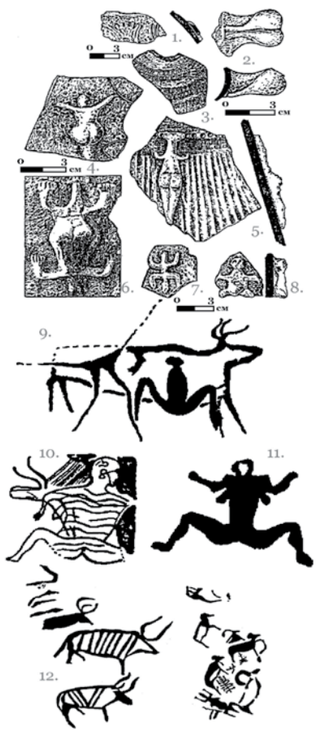


Рис. 92. Серия антропоморфных портативных «жезлов-изваяний» [по Есин, 2009. С. 452-453, 455. Табл. 3; Ченченкова, 2004. С. 203-215; Самашев, 2012]
1, 2, 6, 9-12, 17 – поселение Самусь 4, каменные скульптурки;
3 – каменный жезл из Семипалатинской области (№ 93);
4 – каменный антропозооморфный жезл из Восточного Казахстана, хранится в Эрмитаже (№ 92);
5 – Ирский янусовидный каменный жезл из Омской области, (хранится в Омском музее (№ 96));
7 – антропоморфный каменный жезл из поселения Палатки 2 на Среднем Урале, (хранится в музее г. Екатеринбурга (№ 98));
8 – фрагмент каменного жезла из с. Савушки на Алтае, (хранится в музее Алтайского университета);
13 – каменный пест, случайная находка;
14 – бронзовый стержень с головой человека, случайная находка из Восточного Казахстана, (хранится в краеведческом музее г. Зайсан);
15 – терракотовая скульптурная голова человека, случайная находка, Восточный Казахстан (хранится в областном музее);
16 – голова человека из не обожженной глины, случайная находка в долине р. Ишим, Северный Казахстан (хранится в музее г. Петропавловска);
18 – нуринский каменный пест из Северного Казахстана, (хранится в музее г. Петропавловска (№ 95));
19 – Случайная находка на р. Туй (приток Иртыша), камень. Восточный Казахстан (№ 97)



Слева: Рис. 95. Изображения Матери-прародительницы [по Энеолит СССР. Табл. LXXIV; Шер, 1980. Рис. 125; Новгородова, 1984].
1, 2 – Извоаре I;
3 – Флорешты II;
4 – Траян-Дялул Фынтынилор II;
5, 8 – Бырлэлешти;
6-7 – Трушешти I;
9 – Усть-Туба III;
10 – Черновая VIII;
11 – Сыда;
12 – петроглифы долины р. Чулуут

Справа: Рис. 93. Находки в бассейне реки Тарим, в Синьцзяне [по Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008. P. 27, 92. Fig. 7, 3, 9]

1, 6, 9 - могильник Сяохэ, голова быка, разукрашенная черными и красными полосками; деревянная «кукла», обнаружены в одном из саркофагов; маска «Насатья», культура Лоп Нор III, дерево, минеральные краски, высота – 8,7 см;
2, 3, 8 - могильник Цимурциг, в 12 км к юго-западу от города Алтай, сосуды в форме оливы из могилы 16, высота 17 (22) см, диаметр 9 (17,3) см и чаша на поддоне из могилы 24, высотой 8,3 см, диаметром 14,3 см;
4, 5 - сосуды из уезда Бурчин, рядом с г. Алтай;
7 - могильник Вупу, западный пригород города Хами, деревянное колесо, диаметром 79 см, толщиной 14,5 см, обнаружено на перекрытии могилы

Рис. 94. Монголия. 1-7 – изображения людей и животных в петроглифах долины р. Чулуут. [по Новгородова, 1984]

Рис. 96. Изображения людей и животных в искусстве степных и трипольско-кукутенских обществ [по Шарафутдинова, 1983; Энеолит СССР. Табл. LXI]

1, 2, 6-8 – Костешты IV;
3-5, 9 – Брынзены III;
10-13 – роспись краской на остатках циновки, обнаруженной на заплечиках могилы 11, кургана 3, могильника Батуринский II;
14-15 – Ржищев;
17 – Кошиловцы-Обоз;
18 – Бэлтени;
19 – Бильче Золотое-Вертеба;
16, 21, 22 – Траян-Дялул Фынтынилор III;
20 – Гелэешти;
23 – Усатово, курганный могильник I;
24, 26, 27 – Тырпешти III;
25 – Лука-Врублевецкая;
28 – Жуковцы;
29-30 – Веремье; 31 – Гребени

Несомненным элементом рассматриваемого изобразительного кода следует признать многочисленные фигуры быков, представленные в двух вариантах: тучные-массивные и поджарые-тощие. Таким образом, реконструируются следующие фрагменты ямно-афанасьевского изобразительного кода (ряда):

…=> «солярный» или «птицеголовый» персонаж (первопредок – мужчина, или возничий, или женщина) = > повозка на дисковых колёсах (фургон, или телега, или двуколка) => бык (массивный или поджарый, на юге - верблюд) => птица (журавль) => крестообразные или фаллические знаки =>…

В заключение этого раздела особо отметим, что упоминавшиеся выше изобразительные памятники Сарыарки и предгорий Алтая, вероятнее всего, связаны с открытыми здесь в последнее время могильниками древнеямного типа Карагаш, Григорьевка 1 и ряда других (рис. 97; 98). Территориальное расположение этих памятников свидетельствует о «чересполосном» их существовании с другими синхронными, именно так, как это отмечают исследователи западного блока древнеямной культуры в европейской части континента. Сходство материалов из этих памятников с синхронными афанасьевскими из Горного Алтая, Минусинской котловины, Восточного Туркестана, на территории Монголии, а также с заманбабинской группой в долине Зеравшана позволяют очертить восточную и южную границу распространения древнеямной культурно-исторической общности (области). ■

[Сафронов, 1989; Евдокимов, Ломан, 1989; Мерц, 2010; Новоженов, 2012д. С. 68 – 83; Кукушкин, 2014. С. 401-414]

Рис. 98. Сарыарка. Могильник Карагаш, курган 2, погребение 2. Перекрытие могилы, план, разрез и находки: бронзовый нож; часть деревянного сосуда с бронзовой пластиной; пест; бронзовое шило; керамический сосуд; каменный пест из СЗ полы кургана [по Евдокимов, Ломан, 1989]

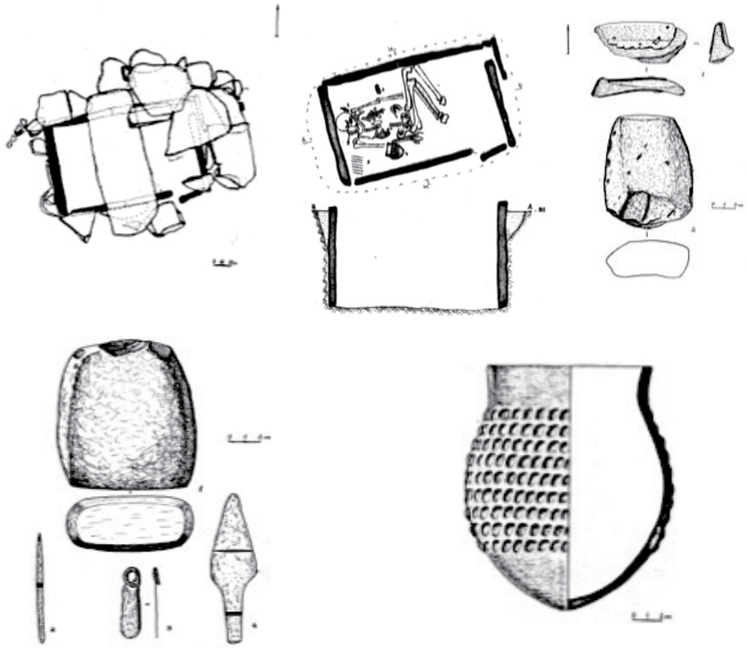


Рис. 97. Северная Сарыарка. Могильник Григорьевка 2. Погребение 1. Фото В. К. Мерца [2007]

3.2. Андроновская изобразительная традиция

Представляется, что эта традиция, как и другие рассматриваемые здесь изобразительные традиции племён развитой и поздней бронзы ЦА, развивалась на основе яркой и самобытной ямно-афанасьевской, носители которой во второй пол. III тыс. до н. э. расселились по всему Великому поясу степей Евразии (так называемая «северная волна»). «Южная ветвь» - южный импульс распространения этой, сохранившей значительную шумерскую составляющую, изобразительной традиции «пришёл» на север Центральной Азии через племена БМАК, в результате взаимодействия между собой древнейших цивилизаций Старого Света: Шумер - Аккад - Элам - Бактрия - Хараппа.

[Новоженов, 2012]

[Сарианиди, 2010]

Влияние и поразительное сходство сюжетов из раскопок Гонура и петроглифов Центральной Азии уже отмечалось исследователями и нашло яркое выражение в древнейших петроглифах Саймалы-Таша в виде самобытного «битреугольного стиля» изображения животных, и прежде всего – быков. Соединение этих двух импульсов в Туране, в урало-казахстанских степях, на рубеже III и II тыс. до н. э., видимо, и привело к возникновению андроновской изобразительной традиции, нашедшей свое яркое воплощение на скалах Центральной Азии (рис. 99; 100).

[Рогожинский, 2011. С. 87-99; Марьяшев, 2011. С. 36-40; Shvets, 2012]

В последние годы раскопана значительная серия андроновских могильни-

Рис. 99. Казахский мелкосопочник. Бетпакдала. Петроглифы долины р. Байконур. Группа 1. Эротическая сцена. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж)

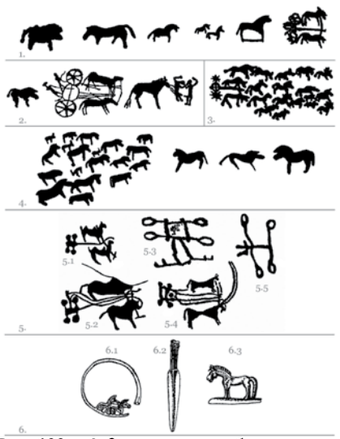


Рис. 100. Андроновская изобразительная традиция (ранний этап). Петроглифы и мелкая пластика [по Самашев, 1992; Шер, 1980; Пяткин, Миклашевич, 1990; Акишев, Акишев, 1983; Винник, Кузьмина, 1981]

1 – Восточная часть Казахстана – Саур-Тарбагатай, Мойнак, Окей, Курчум;
2 – Притяньшанье и Киргизия – Ешкиольмес, Саймалы-Таш;
3 – Горный Алтай – Жалгыс-Тепе;
4 – Степная зона Казахстана – Теректы, Зынгертау;
5, 6 – изображения повозок: 5.1-2 – Байконур III, плоскость 2, 5.3 – Курчум, Восточный Казахстан; 5.4 – Саймалы-Таш, Киргизия; 5.5 – Елангаш, Горный Алтай;
6.1 – золотое височное кольцо из могильника Мыншункур, Семиречье; 6.2 – бронзовый кинжал из Второго Каракольского клада, Киргизия; 6.3 – бронзовая скульптура из Минусинской котловины

[Марьяшев, Рогожинский, 1991; Курманкулов, Ермолаева, 2011. С. 80; Марьяшев, Горячев, 2011. С. 313-337; Shvets, 2012]

[Рогожинский, 2011а]
[Самашев и др, 2013. С. 71-88]

[Максимова, 1958. С. 108-110; Рогожинский, 1999. С.7-43; 2011а; Ткачёв, 2002]

ков и поселений в южных регионах Казахстана, в непосредственной близости от храмов – святилищ. Это крупные, насчитывающие многие тысячи изображений скопления петроглифов Каратау (Сауыскандык, Баганалы), Ешкиольмес, Баянжурек, Ойжайляу; особенно - Тамгалы и Баганалы, где совершенно очевидно, что петроглифы эпохи развитой бронзы и расположенные рядом андроновские могильники и поселения составляют единый культурно-исторический комплекс (рис. 101 - 106). Отметим также случаи находок изображений на плитах оград и даже на стенках каменных ящиков в андроновских памятниках – в могильниках Тамгалы (рис. 107), Самара в Сарыарке. Таким образом, открыт новый пласт источников, малоизвестный ареал андроновских памятников, которые географически связывают эти ранее разрозненные районы между собой в единое ядро андроновской КИО, а также объединяют их территориально с соответствующими изобразительными памятниками как степей, так и предгорий.

Рис. 101. Южный Казахстан. Семиречье. Могильник Мыншункур. Золотое височное кольцо [по Акишев, Акишев, 1983]

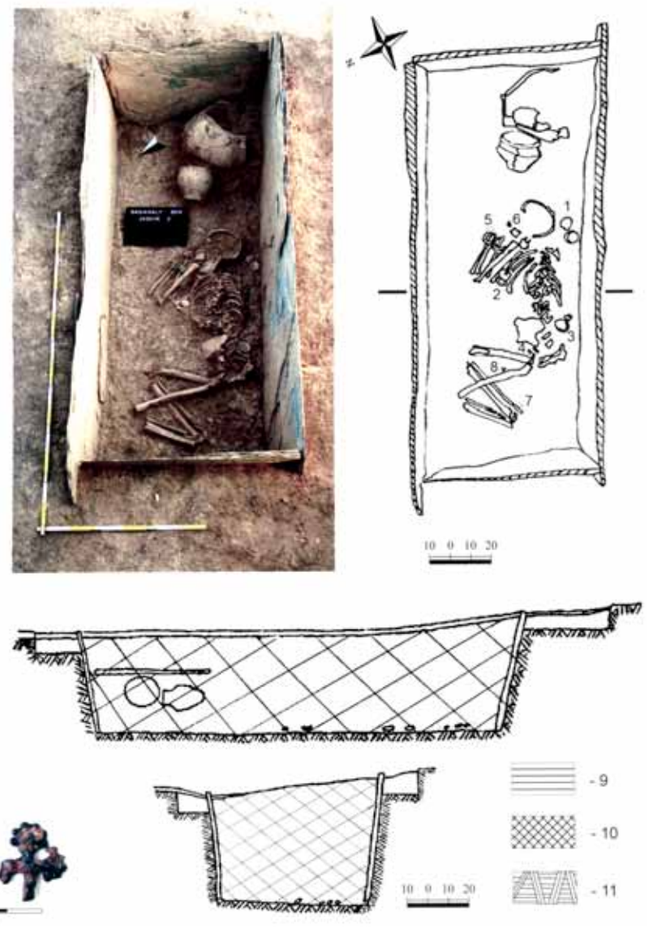


Рис. 102. Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Могильник Баганалы. Погребение и находки [по Самашев и др., 2013]

Рис. 103. Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Урочище Баганалы. Лошади [по Самашев, 2012; 2013]

Рис. 104. Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Урочище Баганалы. Секира [по Самашев и др., 2013]

Рис. 107. Южная Сарыарка. Горы Анрахай. Могильник Тамгалы на входе в ущелье-святилище с петроглифами [по Байпаков и др., 2006]. Погребение – циста с изображениями на стенке двух противостоящих людей с поднятыми вверх руками (Ашвинов?). Сюжет совпадает со скульптурными изображениями пары людей на вилках и баграх из Предкавказья (см.: в главе 2)

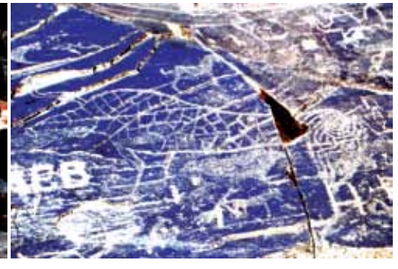


Рис. 105. Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Урочище Баганалы. Телега [по Самашев и др., 2013]

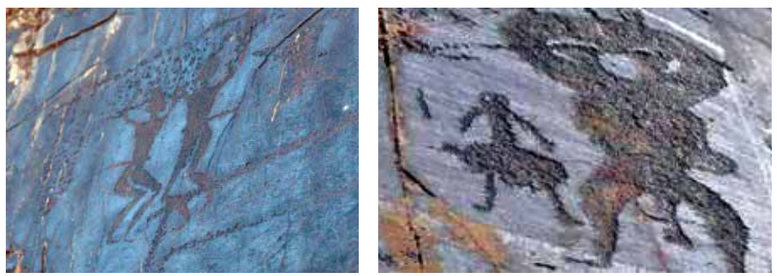
Рис. 106. Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Урочище Баганалы. Бык [по Самашев и др., 2013]

[Епимахов, 2005; Епимахов и др., 2005; Епимахов, Чечушков, 2008; 2010. С. 182-229; Чечушков, 2013]

Накоплена уже значительная серия радиоуглеродных калиброванных датировок для этих памятников, главным образом из северных регионов, которые существенно «увеличивают» возраст всего блока составляющих андроновскую КИО археологических культур до рубежа III и II тыс. до н.э.

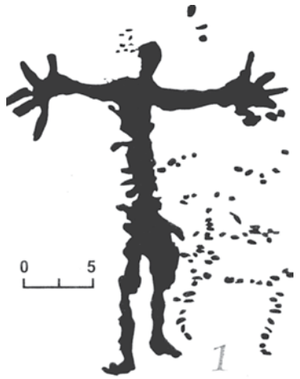
Определенно выделяются памятники в степном и горно-степном ландшафте, наиболее близкие географически основному ареалу распространения андроновских могильников и поселений в Сарыарке, и петроглифы-святилища, расположенные на периферии – в предгорных и горных ландшафтах на юге, востоке Казахстана, в Прикаспии, на Алтае, в Южной Сибири, в Синьцзяне, свидетельствующие о территориальной экспансии и фиксирующие пути внешних коммуникаций андроновской КИО.

3.2.1. Изобразительные ряды и фрагменты кода. Как уже отмечалось ранее, «солнцеголовый» герой – ключевой персонаж этой изобразительной традиции. Солярное божество в андроновских петроглифах соответствует основным функциям мифологической космогонии индоевропейцев, это божество управляет колесницами, как правило, присутствует на алтарных, ключевых композициях изобразительных памятников (рис. 108).

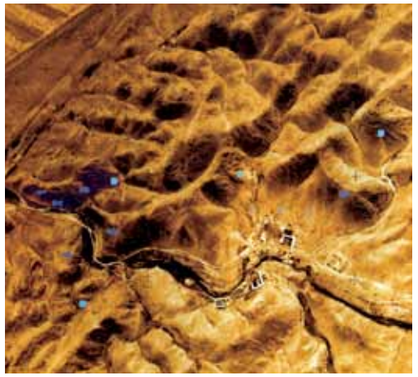


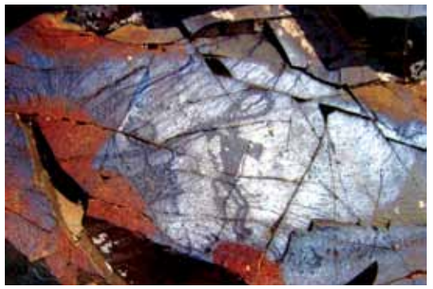
Узбекистан. Сармыш. Андроновская изобразительная традиция. Антропоморфные образы [по Хужаназаров, 2004]

Рис. 108. Южный Казахстан. Ак-Кайнар. Андроновская изобразительная традиция. Антропоморфный образ и бык [по Байпаков, Марьяшев, 2009. С. 66-67, 77]

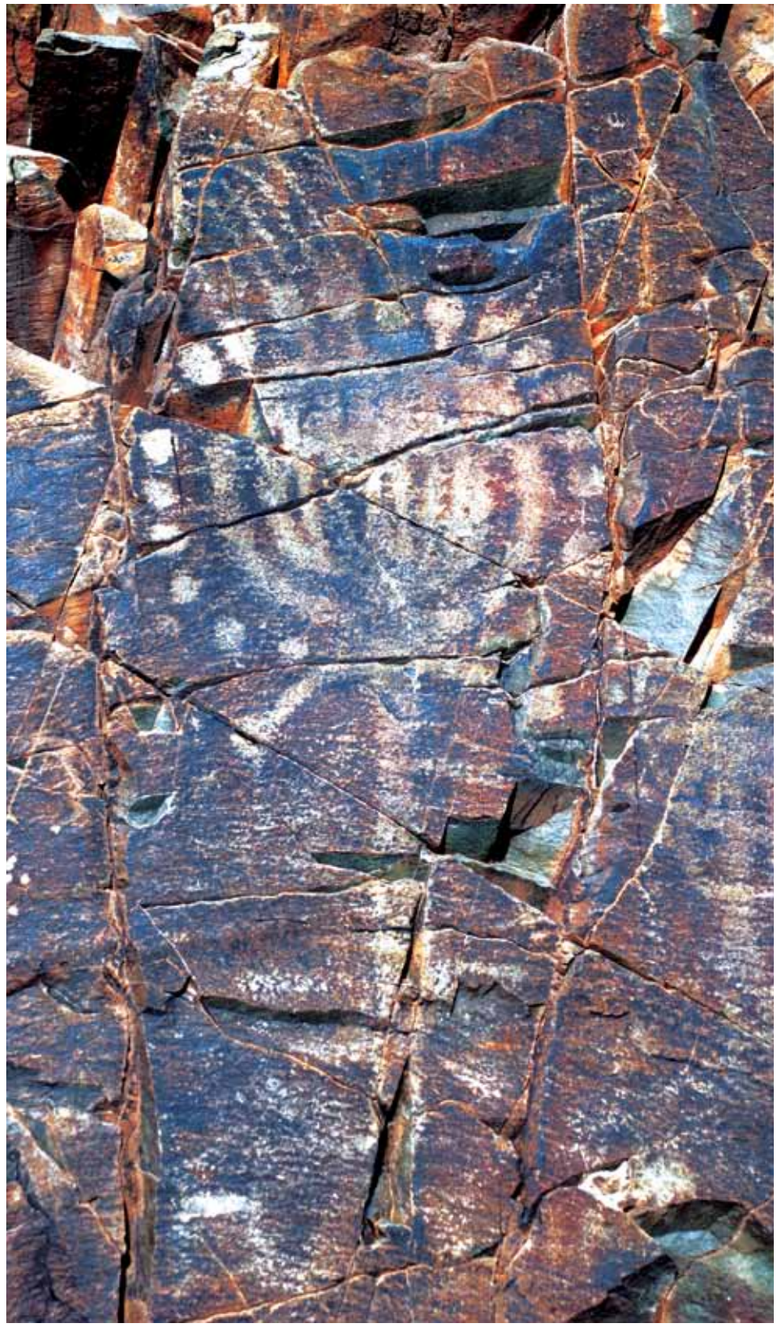


Южный Казахстан. Баянжурек. Андроновская изобразительная традиция. Антропоморфный образ [по Байпаков, Марьяшев, 2008. С. 135, 162, 175, 184-185]





Южный Казахстан. Горы Анрахай. Тамгалы. Андроновская изобразительная традиция. [по Байпаков, Марьяшев, Потапов, 2006. Фото 2, 13-15, 18, 30-32, 40-43 56, 87-88]



В настоящее время известно более четырех сотен колесничных петроглифов – наскальных изображений повозок (рис. 109) и колесниц (рис. 110), среди которых явно выделяются индивидуальные (одноместные) повозки архаической конструкции, запряженные парой (тройкой) лошадей, и двухместные экипажи, более развитых конструкций с поручнями. В урало-казахстанских степях раскопано, детально изучено и датировано самыми современными методами уже более полусотни андроновских памятников с остатками реальных колесниц, оружия колесничих и их снаряжения.

[Новоженов, 2012. С. 305-308]

[Чечушков, 2013. С. 14-19]

Очевидно, что артефакты, обнаруженные в андроновских могилах и запечатленные на скалах, есть наиболее яркий диагностирующий признак наличия изобразительной традиции в социуме. Действительно, многие типы вооружения (рис. 111; 112) из андроновских могил изображены в многофигурных композициях на скалах: колесницы, копья, палицы-дубины, топоры-чеканы, ножи-кинжалы, щиты и различные по размерам и формам луки.

[Самашев, 1992. С. 29. Рис. 105; 2010; Мургабаев и др., 2006. С. 69, 105,178; Рогожинский, 2001. С. 29; Новоженов, 2002; 2012; Shvets, 2012]

Таким образом, фрагменты андроновского изобразительного ряда (кода) реконструируются следующим образом:

…. => «солнцеголовый» персонаж в канонизированных позах (или мужчина с подчеркнутым признаком пола и «хвостом, иногда с «шаром» на конце» => колесница (на колесах со спицами, запряжённая конями в стандартной позиции спинами друг к другу, а сама повозка исключительно в позиции «вид сверху») => разные типы вооружения => лошадь с «челкой»(рис. 113), детализированной гривой (хвостом) => тучные быки (рис. 114) с выгнутыми вперёд большими рогами => верблюды => солярная символика (крестообразные знаки) =>…

3.2.2. Стратиграфия. В результате стратиграфических наблюдений выделены два пласта петроглифов, которые взаимосвязаны между собой и представляют, очевидно, последовательное развитие манеры изображения одних и тех же персонажей (изобразительных рядов) во времени.

[Новоженов, 2002]

Для более древнего пласта характерны фигуры антропоморфных «солнцеголовых» существ, животных со «связанными» ногами, мужчин с «хвостами», подчеркнутым признаком пола. Для этой группы свойственна «натуралистичная» манера изображения, преобладают статичные позы. Это многочисленные сцены охоты с показанными типами вооружения, повозками и колесницами, эротические сцены, композиции, иллюстрирующие некоторые ритуалы (ашвамедха, раджасуя) и мифы, описанные в Ригведе и Авесте.

Особенностью многих фигур лошадей является подчеркнутая грива, в некоторых случаях – нависающая над головой животных в виде «челки». Этот элемент характерен и для изображений верблюдов. Именно так показаны лошади, запечатленные в бронзе на скульптурных навершиях металлических предметов, главным образом - кинжалов, из памятников елунинско-сейминско-турбинского круга, выделенных в единый тип наиболее ярких образцов такого оружия.

[Черных, Кузьминых, 1989. С. 122; Кузьминых, 2011]

География находок в сейминско-турбинском стиле поражает своими масштабами – от Минусинской котловины и Алтая до южного берега оз. Иссык-Куль и до Жетысу (Семиречья), охватывая урало-казахстанские степи и территорию Сарыарки. Найдены эти находки и в петровско-синташтинских, и в Покровских курганах; на поселении металлургов Акмая в Сарыарке, и в других алакульских памятниках (копье в сочетании с уникальным бронзовым сосудом в могильнике Ащису). Наконечники копий «с крюч-

[Винник, Кузьмина, 1981. С. 48-53; Акишев, Акишев, 1983; Черников, 1960. С. 85-86, 88; Пяткин, Миклашевич, 1990. С. 147. Рис. 1-8]

[Зданович, 1988. С. 138; Генинг и др, 1992]

[Бочкарёв, 1986. С. 107-109]

[Кадырбаев, Курманкулов, 1992. С. 66. Рис. 34-1]

[Кукушкин, 2011; 2011а]

ком» елунинско-сейминско-турбинского типа обнаружены также в памятниках Центральной равнины Китая. И это притом, что в перечисленных районах собственно елунинские или сейминско-турбинские памятники не известны, но хорошо представлены андроновские.

[Новоженов, 2012; Грушин, 2012; Ковалёв, 2002; 2012]

Очевидно, что немногочисленные сейминско-турбинские памятники в лесостепи оставлены группами кузнецов-литейщиков, объединенных по родственному и производственному принципу, с особым кастовым социальным статусом, и инкорпорированных в мощные, прежде всего, постабашевские, елунинские, раннеандроновские (позднее – карасукские) образования, а не наоборот, как полагают Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых. Сакральный и кастовый характер профессии кузнеца известен по этнографическим данным почти у всех народов мира.

[Черных, Кузьминых, 1989]

Приведенная география находок елунинско-сейминско-турбинских изделий в несколько раз территориально превышает собственно ареал предполагаемой локализации и концентрации указанного типа памятников в предгорьях Алтая и может быть связана с территориальным распространением андроновской изобразительной традиции и её носителей на раннем этапе. Канонизация и классическое оформление андроновской изобразительной традиции происходит во второй половине II тыс. до н. э. (в XIII - XI вв до н. э .), о чем свидетельствуют синхронные петроглифы Тамгалы, Баганалы и датировка раскопанных там поселений и могильников.

[Рогожинский, 2011а; Самашев и др., 2013. С. 71-88]

Яркая андроновская орнаментальная традиция развивается параллельно с изобразительной по своим собственным коммуникативным правилам. Здесь также выделяется ранний этап, связанный с декорами из раннеандроновских памятников синташтинско-петровского типа – например, могильник Бестамак.

[Логвин, Шевнина, 2011. С. 349-359. Рис. 4-5]

Классические андроновские орнаменты: заштрихованные треугольники, меандры, бегущая волна, свастика на дне – характерны для середины и третьей четверти II тыс. до н. э. Выделение этнических орнаментальных кодов – устойчивых сочетаний элементов орнамента и их семантическая интерпретация – задача будущих исследований.

[Рудковский, 2013]

Из многочисленных элементов андроновского орнамента (кода) определённо выделяются заштрихованные равнобедренные треугольники в сочетании с солярными знаками – крестом и свастикой. При этом фестоны из таких заштрихованных треугольников встречаются в декоре посуды и вещей в более ранних АК повсеместно в степной Евразии: на чемурчекских антропоморфных изваяниях и стенках могил, на каменных сосудах, на новотиторовской посуде и на многочисленных «булавках», в декоре рукоятей кинжалов сейминско-турбинского типа. Возможно, заштрихованный треугольник есть своеобразный коммуникативный маркёр – знак, фиксирующий этническую идентификацию клана, естественно, в сочетании с другими, пока ещё не дешифрованными знаками.

Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау. Арпаузен. Человек с крюком-багром и копьем в руках. Андроновская изобразительная традиция. [по Кадырбаев, Марьяшев, 2007. С. 170]

Андроновская мегалитическая традиция развивается в погребальных конструкциях могильников, проявляется в изготовлении тщательно обработанных плит каменных ящиков и цист, в постройке оградок могильников из крупных, обработанных каменных плит и в производстве портативных зооморфных (в виде конской головы) и антропоморфных каменных жезлов (пестов). Практически не известна традиция установки менгиров или антропоморфных стел в казахской степи, а в Зауралье описаны находки менгиров и «аллей» из них, соотнесённых со срубно-андроновским временем. ■

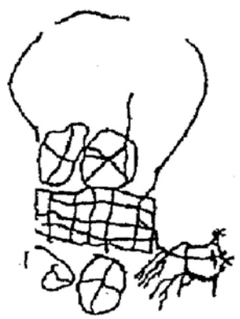
[Ченченкова, 2004]

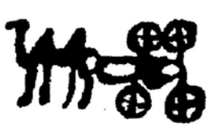
6.3.Nd 1

2.2.Ko26

4.1.Tg2

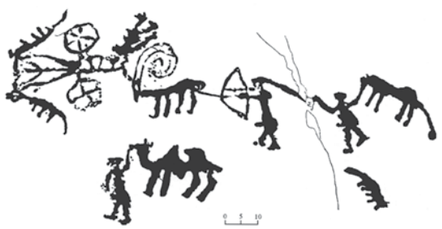
2.2.Ar 5


5.1.EO 3

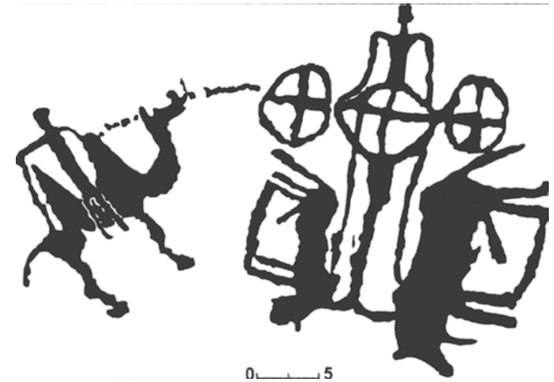

2.2.Ar 3

2.2.Ko 16

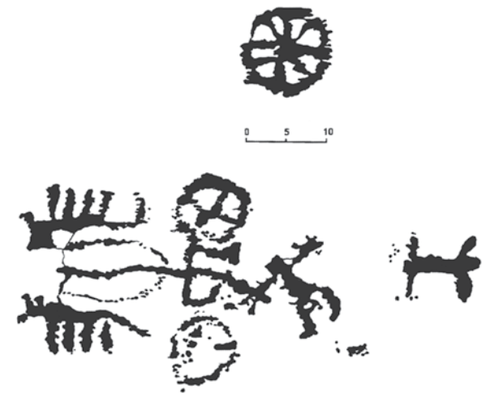
Южный Казахстан. Андроновская изобразительная традиция: колесницы. Слева: Тамгалы, колесница и стопа человека. Прорисовка любезно предоставлена А. Е. Рогожинским.
Внизу: Кулжабасы. Колесницы, верблюд с человеком и сцена охоты лучника [по Байпаков, Марьяшев, 2004. Рис. 3; 22]



Южный Казахстан. Андроновская изобразительная традиция: слева - четырехколесные повозки (Каратау, Ешкиольмес); внизу - ножи в натуральную величину (Маймак) [по Кадырбаев, Марьяшев, 2007. С. 170; Байпаков, Марьяшев, 2013. С. 48, 74; Новоженов, 2012]

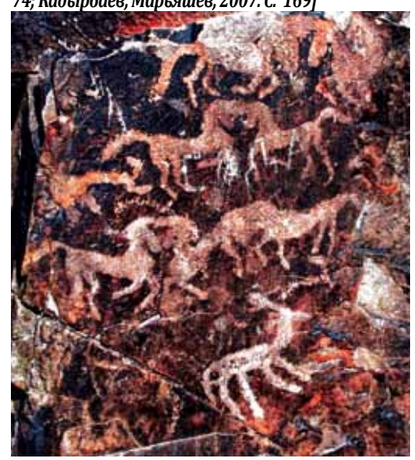


Южный Казахстан. Баянжурек. Колесница и всадник на верблюде (подновлен). Фото и прорисовка [по Байпаков, Марьяшев, 2008. С. 183]



Южный Казахстан. Кулжабасы. Колесница и человек. Фото и прорисовка [по Байпаков, Марьяшев, 2004. Фото 76].

Южный Казахстан. Парные лошади с «челкой» (Карасай. Малый Каратау); люди с оружием (Арпаузен, Каратау) [по Байпаков, Марьяшев, 2013. С. 74; Кадырбаев, Марьяшев, 2007. С. 169]



3.3. Карасукская изобразительная традиция

Представляется, что раннеандроновские кланы елунинско-сейминско-турбинского и петровско-синташтинского круга активно продвигались в первой четв. II тыс. до н. э. на восток, вплоть до Ордоса и Центральной равнины Китая. Активное их взаимодействие с местным монголоидным населением, их метисация стали одной из возможных основ формирующейся во второй пол. II тыс. до н. э. карасукской культуры (общности), носители которой внесли значительный вклад в этногенез многих народов Центральной Азии и обладали своей собственной изобразительной традицией, ставшей в последующем одним из «краеугольных камней» художественного «фундамента» знаменитого скифо-сибирского звериного стиля.

Как уже отмечалось выше, под карасукской общностью (социумом) здесь понимается вся свита археологических культур карасукоидного облика: еловско-ирменская, бегазы-дандыбаевская и другие, а также собственно карасукская культура – 1440-1130 (1450-1050) гг. до н. э., основные памятники которой локализуются, главным образом, в Южной Сибири, Монголии и Северном Китае (Ордосе), где широко представлены херексуры и оленные камни.

Анализ стиля изображений эпохи бронзы различных животных, и прежде всего оленей, в петроглифах Центральной Азии и сопоставление их с материалами кургана Аржан I в Туве позволили Я. А. Шеру выделить особый стилистический элемент – треугольный выступ на холке животных. Он является определяющим для изображений позднекарасукского времени и соотносится с ранним этапом формирования скифо-сибирского звериного стиля. Предшествующая ему «скелетная» и схематично-упрощённая манера изображения фигур животных, зафиксированная на стенках карасукских могил Минусинской котловины и широко представленная в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии, связывается нами с передвижениями карасукоидных племен и определяется как карасукская изобразительная традиция (рис. 115 - 117).

[Шер, 1980а. С. 344-346]

[Ковалёва, 2011. С. 32-42; Филиппова, 1997. С. 62-69]

Наблюдается отход от статичности изображений в сторону определенной схематизации и придания динамизма фигурам. Это проявляется в изменении поз животных, в появлении новых деталей: выступов на холке, скошенных вперед или подогнутых к корпусу ног, стилизованных рогов и округлых контуров фигур. Появляются изображения коней с «рогами» – в масках, подобных найденным в Пазырыкских и Берельских курганах. Показаны изображения оленей в позах как бы «стоящих на кончиках копыт». Фигуры животных этого пласта, часто перекрывающие более ранние изображения, имеют характерные иконографические особенности, а именно: выбиты в «скелетном стиле» (иногда его называют – «рентген-стиль»), ноги скошены вперед, отмечается небольшой треугольный выступ на загривке. Часто наблюдается «схематизация» фигур, упрощение стиля вообще и полное отсутствие детализации изображений. Видовой состав животных составляют лошади, показанные без гривы и нависающей надо лбом «челки», горные козлы, коровы, степные антилопы и олени. К этой группе примыкают изображения коней, переделанные в быков, и фигуры животных, узнаваемые по манере изображения, близкой скифо-сакскому звериному стилю (рис. 118 – 123).

3.3.1. Изобразительный код карасукской традиции очень похож на андроновский, однако имеет ряд принципиальных отличий. Прежде всего это касается трактовки образа человека: нет канонизированных изображений «солнцеголовых» персонажей, которые заменяются условным изображением человека без половых признаков и, вероятно, трансформируются в вид антропоморфных мегалитических сооружений – оленных камней, символизирующих колесничих – первопредков (рис. 124 – 127). Показанные на антропоморфных оленных камнях предметы колесничного вооружения и упряжи на поясах этих воинов не оставляют в этом никакого сомнения.

[Волков, 2002; Ковалёв, 2001. С. 160-166]

О значительной роли колесничих в карасукском обществе наглядно свидетельствуют теперь уже многочисленные находки собственно изображений колесниц на внутренних стенках каменных ящиков – карасукских могил, определенно датированных по найденным материалам. Вслед за К. А. и А. К. Акишевыми, Д. Г. Савиновым, мы полностью разделяем высказанную ими «колесничную гипотезу», трактующую некоторые конские погребения кургана Аржан I как «имитацию» погребений с колесницами, включая запряжку четвёркой лошадей – квадригу. Детальный анализ погребального инвентаря этих могил однозначно свидетельствует о его принадлежности к развитым типам снаряжения именно колесничных лошадей. Изображение колесницы в очень своеобразной манере «спиралевидного» отображения колёс, известное в петроглифах на «Шаман-камне» (рис. 122), обнаружено и на одной из плит кургана Аржан II, и на оленном камне из Дарви-сомон в Монголии. Многочисленные изображения карасукского оружия и деталей колесничного снаряжения на оленных камнях позволяют связывать эти мегалитические сооружения с карасукской общностью и развитием во времени ямно-афанасьевской, а затем и окуневской антропоморфной мегалитической традиции. Кроме установки оленных камней, карасукская мегалитическая традиция проявилась в строительстве монументальных погребальных сооружений – мавзолеев, радиальных херексуров, высоких оград, а в мелкой пластике – в статуэтках из Байкалова II и Торгажака.

[Ковалёва, 2011. С. 49-53; Филиппова, 1997]
[Акишев, Акишев, 1978; Савинов, 2002]

[Смирнов, 2012. С. 424-431; Алтынбеков, 2014]

[Чугунов, 2007; 2008. С. 53-68; Волков, 2002]

[Епимахов, 2008]
[Ковалёва, 2011. Рис. 7А]

Особенность карасукских колесничных петроглифов состоит в изображении упряжных лошадей в профильной проекции (в позиции «одно над другим»), причем собственно колесница может быть показана не только в традиционном ракурсе – «вид сверху». Карасукские колесницы часто показаны распряженными; очень часто сочетаются с изображениями оленей (Монголия, Минусинская котловина) и сюжетом «кони у мирового дерева». Появляются триги и квадриги. Кони также показаны условно, без дополнительной детализации особенностей экстерьера. Встречаются изображения тучных быков и очень редко – верблюдов (рис. 128 – 132).

Фрагменты карасукского изобразительного кода реконструируются следующим образом:

…. = > условное изображение человека, часто без половых различий и детализации => предметы вооружения (на оленных камнях) => колесница с особой манерой изображения упряжных коней (или распряжённая) => условное изображение лошади => олень с ветвистыми рогами => массивный бык => разнообразные знаки =>…..

Таким образом, в изобразительных памятниках энеолита и ранней бронзы ЦА выделяется ямно-афанасьевская изобразительная традиция; в петроглифах эпохи развитой и поздней бронзы определены два хронологических пласта, соотнесенных с первой пол. – третьей четв. II тыс. до н. э. и второй пол. II – первой пол. I тыс. до н. э., которые могут быть связаны с андронов-

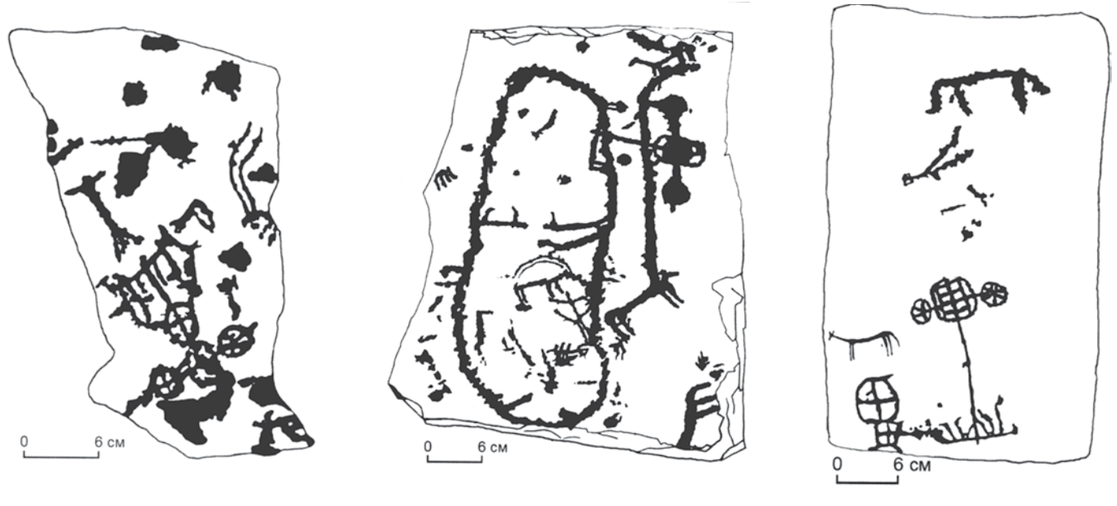
скими и карасукскими (карасукоидными) племенами и изобразительными традициями соответственно.

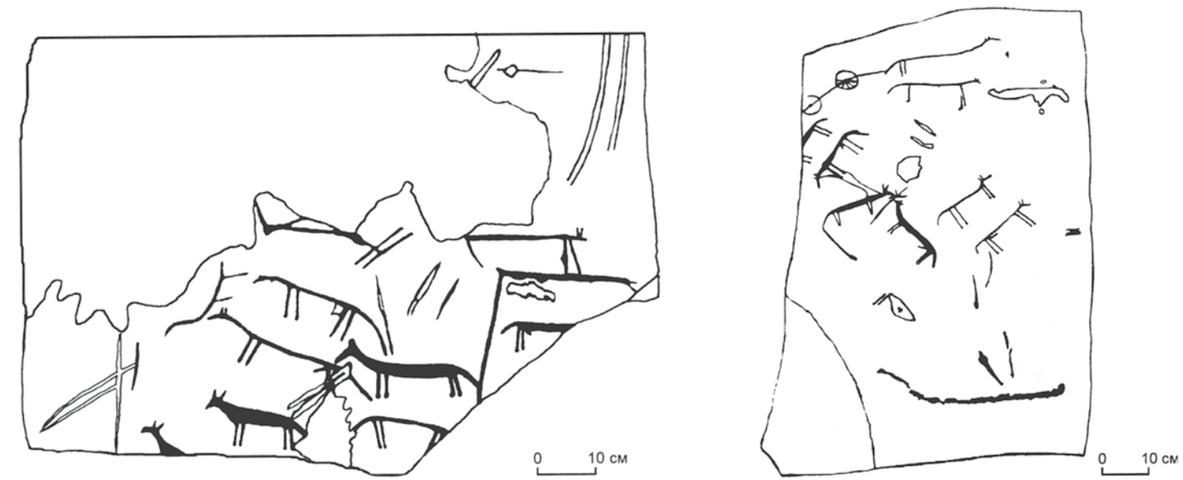
За хронологические рамки этой книги выходят более поздние центрально-азиатские изобразительные традиции: скифо-сакская, хорошо определяемая по художественному оформлению предметов и изобразительных памятников, выполненных в знаменитом зверином стиле, и древнетюркская изобразительная традиция, в которой уже появляются конкретные этнические маркёры – тамги, эпиграфические свидетельства – тюркские руны и, конечно же, всадник верхом на лошади, с луком или копьём. Эти новые традиции отражают уже совсем иные исторические реалии, связанные с новыми изобретениями и иными историческими условиями. ■

[Новоженов, 2012к; ЗТКА. С. 132-142]

Рис. 115. Тыва и Монголия [по Чугунов, 2011. С. 53-65; Волков, 2002].
1- Курган Аржан 2. Плита с изображением колесницы. Фото и прорисовка;
2 – Дарви-сомон. Оленный камень с изображением колесницы

Рис. 116. Южная Сибирь. Могильник Хара Хая (внизу). Изображения колесниц на каменных стенках карасукских могил [по Ковалёва, 2011. С. 150]





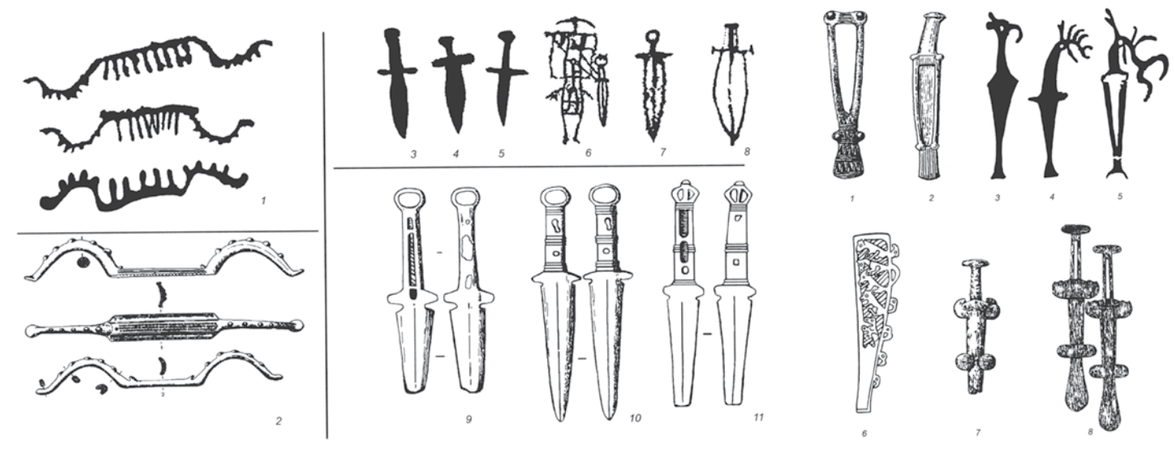
Южная Сибирь. Могильник Северный берег Варчи 1. Плита 1 и 2. Изображения колесниц на каменных стенках карасукских могил [по Ковалёва, 2011. С. 147]

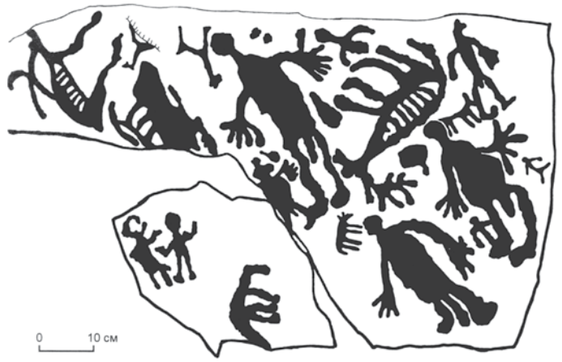
Рис. 117. Южная Сибирь. Карасукские кинжалы. Изображения на скалах и оленных камнях и их аналоги [по Ковалёва, 2011. С. 61, 63]

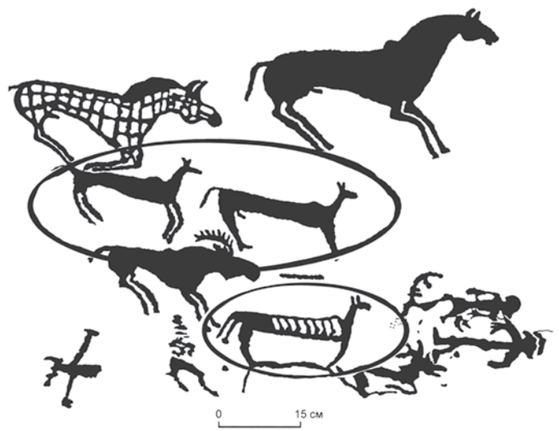
1 - выбитые на скалах поясные «пряжки колесничего» с горы Лисичья; 2 - поясные «пряжки колесничего»; 3-5 - изображения кинжалов на Шаман-камне; 6-8 - изображения кинжалов на скалах Алтая; 9-11 - кинжалы из карасукских памятников Минусинской котловины

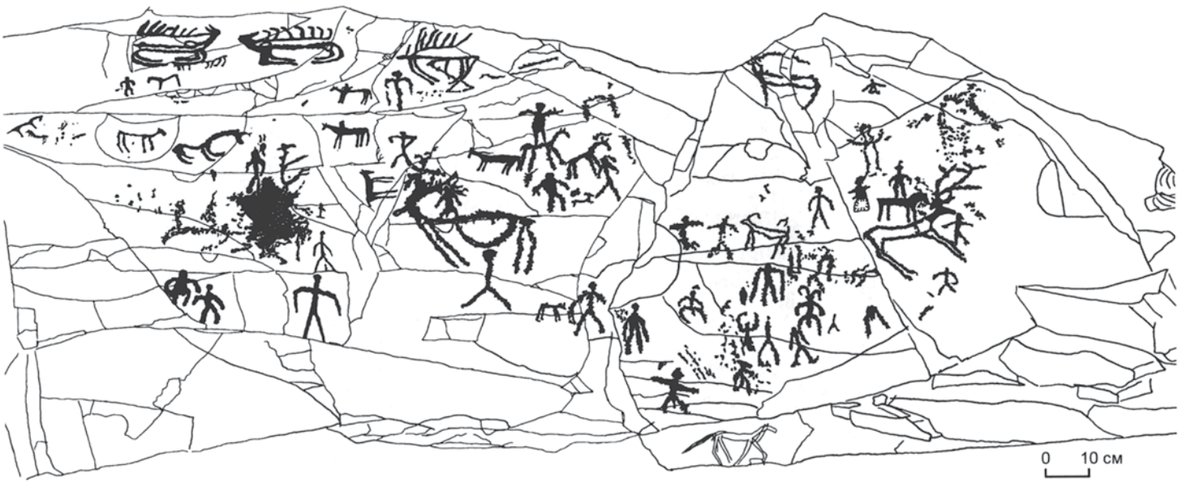
Южная Сибирь. Ножны и кинжалы на скалах и в могилах [по Ковалёва, 2011. С. 63]

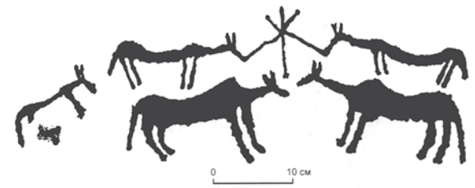
1 - Лебяжье; 2 - Кюргинер; 3-5 - изображения на оленных камнях; 6 - случайная находка; 7 - Ак Алаха 1; 8 - Верх-Кальджин 2

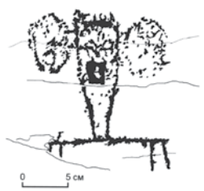












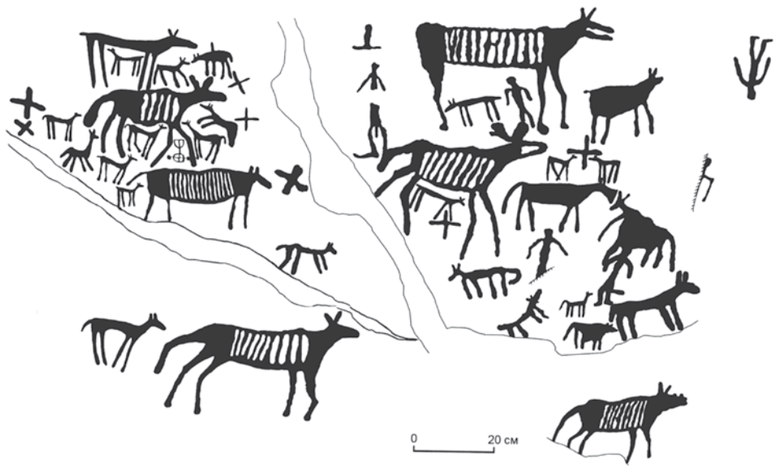


Рис. 118. Южная Сибирь. Барсучий Лог. Плита 13 южной стенки ограды кургана. (на с. 236, вверху-справа). Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 139]

Рис. 119. Южная Сибирь. Бычиха, плоскость 4 (на с. 236, вверху-слева). Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 94]

Рис. 120. Южная Сибирь. Оглахты III, плоскость 5 (на с. 236, центр). Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 103]

Рис. 121. Южная Сибирь. Сулек IV. (на с. 236 внизу). Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 115]

Рис. 122. Южная Сибирь. Шаман-камень. Колесницы и кинжалы (на с. 237 вверху). Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 125]

Рис. 123. Южная Сибирь. Тепсей 1, плоскость 16. Кони у «мирового древа» (на с. 237, центр). Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 118]

Южная Сибирь. Гора Седловина 1, плоскость 2, фрагмент. Колесница-двуколка. (на с. 237, центр). Карасукская изобразительная традиция [по Ковалева, 2011. С. 108]

Южная Сибирь. Бычиха, основное панно. Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 92]

Южная Сибирь. Гора Седловина 1, верхняя и нижняя части основного панно. Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 106-107]

Южная Сибирь. Нижняя База. Карасукская изобразительная традиция [по Ковалёва, 2011. С. 146].

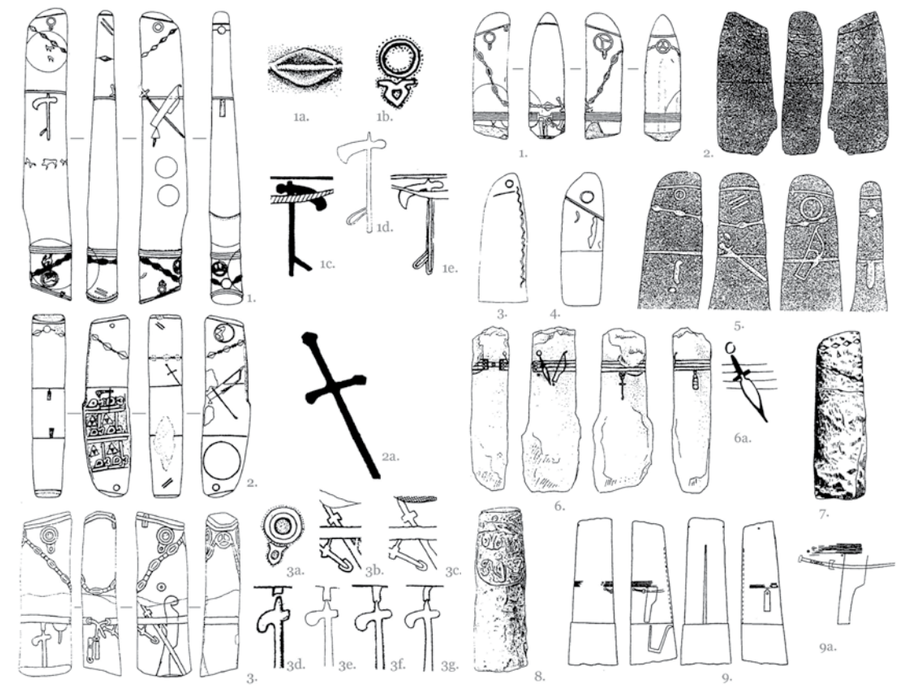


Рис. 124. Оленные камни западной части Евразии [по Ковалев, 2000. С. 139. Рис.1]

1 – зубовская стела: 1а – бусина, 1в – височное кольцо, 1с – топор, 1d, е – топор;
2 – усть-лабинская стела: 2а – изображение кинжала;
3 – кызбурунская стела: 3а – височное кольцо, 3в, с – меч, 3d, е, f, g – топор

Рис. 125. Оленные камни западной части Евразии [по Ковалев, 2000. С. 140. Рис. 2]

1 – армавирская стела (оз. Марьинское);
2 – Диногетия – Гарвэн (Румыния);
3 – Саномер (Грузия);
4 – Зеехаузен (Германия);
5 – Гумарово (Оренбургская обл.);
6, 6а – Целинное (Крым);
7 – Кичкасская переправа, курган 25, погребение 6 (Запорожье, Украина);
8 – Константиновка (Николаевская обл., Украина);
9, 9а – Ольвия

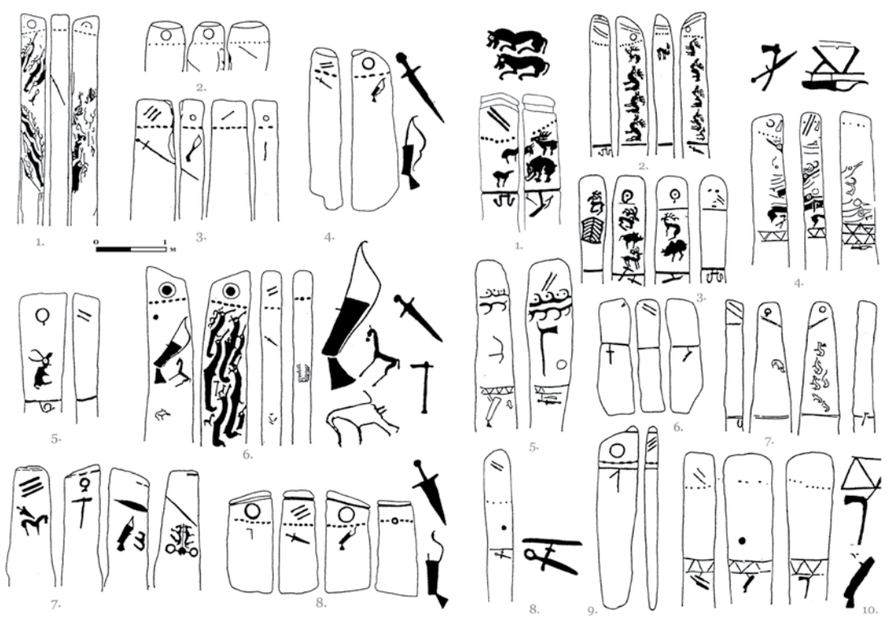


Рис. 126. Монголия. Оленные камни из бассейна рр. Булан гол и Цингильхэ

1 – Кэнмонакэ: 1;
2 – Туэрхун: 1; Цюэрбали: 2;
4 – Хар гов: 1;
5 – Теленгетын ам;
6 – Хар гов: 2;
7, 8 – Чулуутын огтох: 1, 2 [Ковалев, 2000. С. 164. Рис. 12]

Рис. 127. Оленные камни Монголии и Тувы

1 – Урад Хураин ам;
2 – Дурульжин ам: 2;
3 – Дурульжин ам: 1;
4 – Аргын бригада: 4;
5 – Аргын бригада: 2;
6 – Аргын бригада: 7;
7 – Хушотын ам;
8 – Аргын бригада: 8;
9 – Боош Таг;
10 – поселок Агар: 1, Цагаан уул сумын [по Ковалев, 2000. С. 166. Рис.1по 3; Волков, 2002. С. 202. Табл. 87]

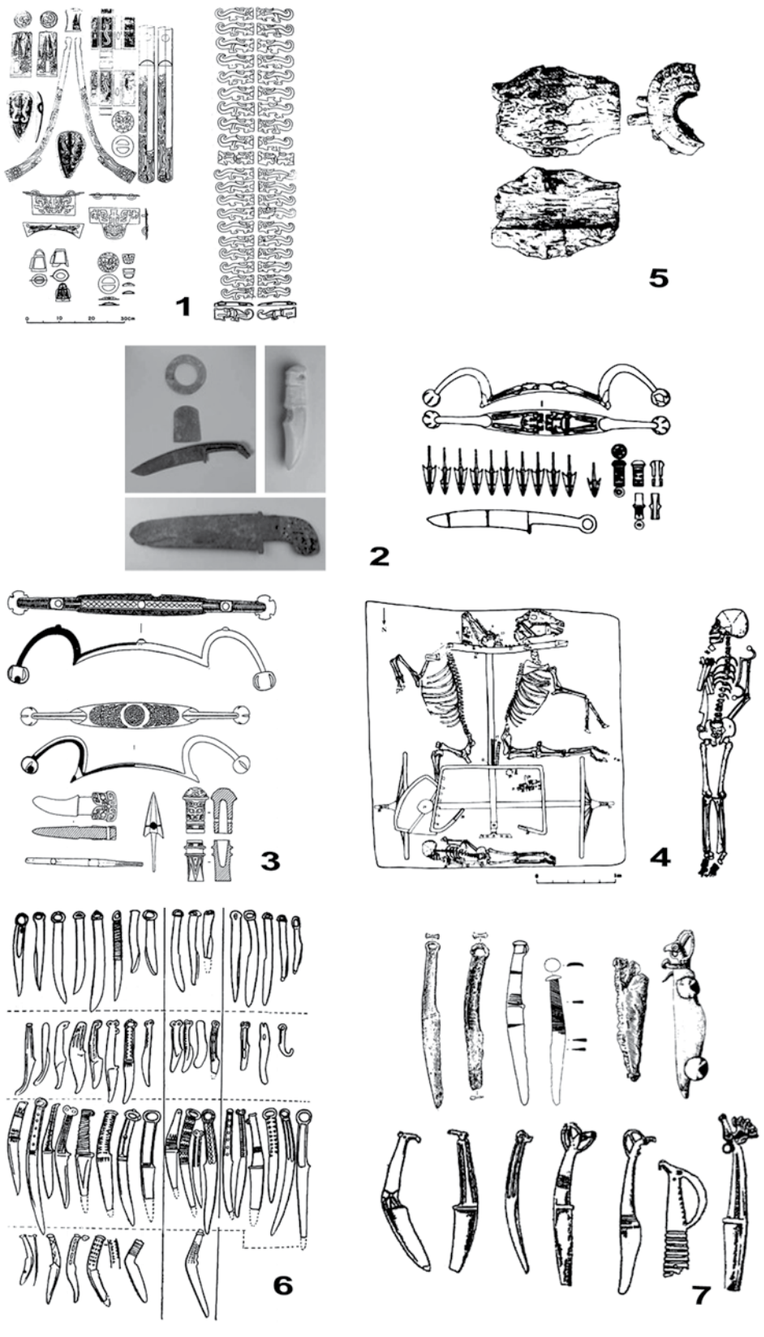


Рис. 128. Кинжалы, снаряжение и поясные пряжки для дистанционного управления колесницей [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 1-4; 11; 13-22; Legrand, 2004. Рис. 5, 4; 2006. С. 854. Рис 12; 2008. С. 169. Рис. 8.7.11; Новгородова, 1970. Рис. 17; 40; 1989. С. 188; Lin, 1986. С. 244. Рис. 49-17. С. 252. Рис. 51-7; Волков, 2002. Рис. 77а]

1. Китай, провинция Хэнань. Аньян. Некрополь Сяотун. Могила с колесницей М40. Детали колесничного снаряжения [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 1].

2. Китай, провинция Хэнань. Аньян. Некрополь Сяотун. Могилы с колесницами М20 и М40. Оружие, пряжка для управления колесницей (крепится на поясе колесничего) и втулки (1-3 – из М20; 4 - из М40)[по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 2].

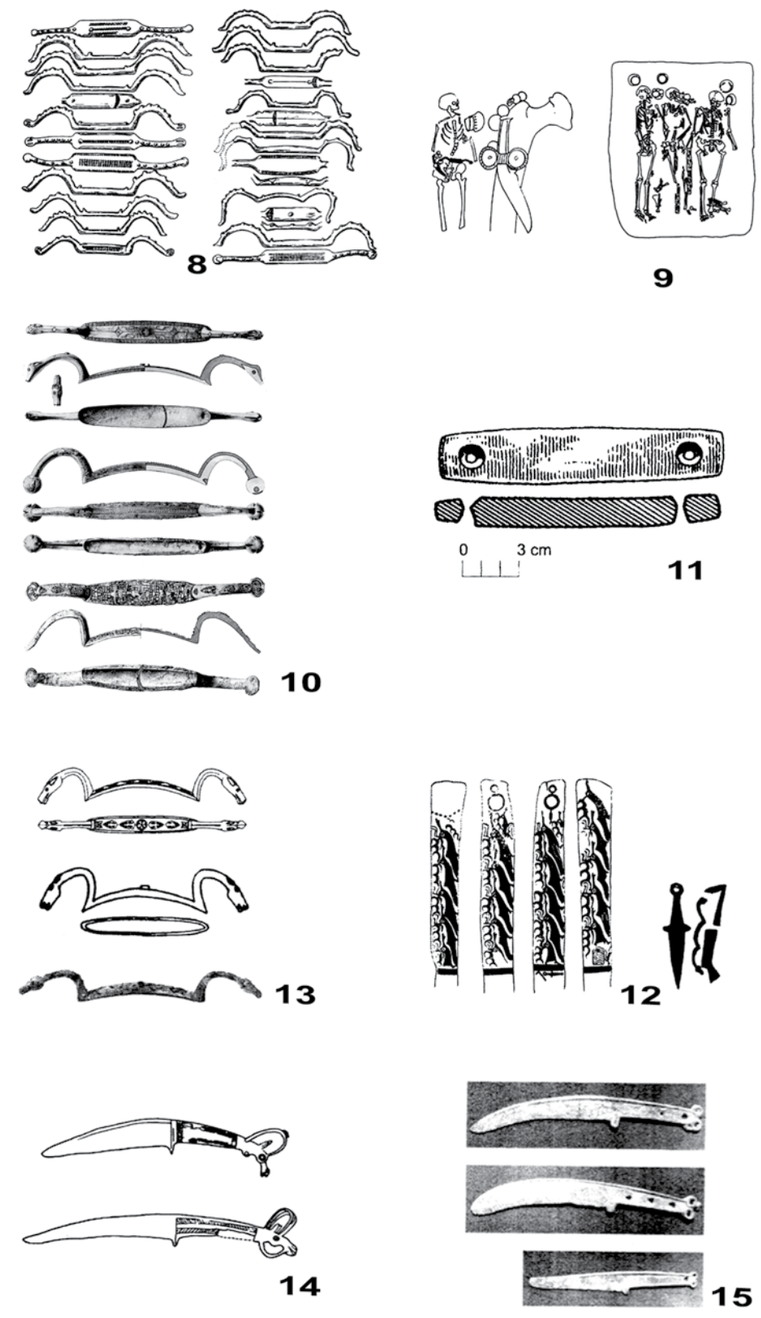
3. Китай, провинция Шаньси. Поясные пряжки для управления колесницей и детали колесничного снаряжения: 1 – могила М 1; 2 – могила М 18 [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 3].

4. Китай, провинция Шаньдун. Некрополь Тэнчжоу. Могила с колесницей М 45. План погребения и находки [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 4].

5. Китай, провинция Цинхай. Руины Хейно. Остатки деревянной ступицы колесницы с остатками спиц, обнаруженные в 1963 году после наводнения [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 11].

6. Типология карасукских кинжалов по Э. А. Новгородовой [1970. Рис. 17].

7. Минусинская котловина. Могильник Карашукер. Карасукские кинжалы [по Legrand, 2004. Рис. 5, 4; 2006. С. 854. Рис. 12].



Кинжалы, снаряжение и поясные пряжки для дистанционного управления колесницей [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 1-4; 11; 13-22; Legrand, 2004. Рис. 5, 4; 2006. С. 854. Рис 12; 2008. С. 169. Рис. 8.7.11; Новгородова, 1970. Рис. 17; 40; 1989. С. 188; Lin, 1986. С. 244. Рис. 49-17. С. 252. Рис. 51-7; Волков, 2002. Рис. 77а]

8. Минусинская котловина. Могильник Карашукер. Колесничные поясные пряжки для дистанционного управления колесницей [по Новгородова, 1970. Рис. 40].

9. Поясные пряжки для управления колесницей in situ в могилах. Слева – Минусинская котловина. Могильник Карашукер [по Новгородова, 1970. С. 160]; Справа – Китай. Ву Юэ Ситу [Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 17].

10. Китай, провинция Хэнань. Аньян. Поясные пряжки для управления колесницей [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 18].

11. Минусинская котловина. Могильник Карашукер. Точильный камень для заточки ножей и кинжалов [по Legrand, 2008. С. 169. Рис. 8.7.11].

12. Монголия. Оленный камень из Уушкийнувэра и изображение оружия, подвешенного на поясе [по Волков, 2002. Рис. 77-1, (№ 10, см.: рис. 78 и след.); Новгородова, 1989. С. 188].

13. Поясные пряжки для управления колесницей. 1 – Аньян. Могильник Гоцзячжуан. Могила М26:14; 2 – Шэнси. Могильник Чуньхуа; 3 – некрополь Фу Хао. Могила М 5:6. [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 20].

14. Китай. Кинжалы карасукского облика из северных провинций. 1 – Хэбэй. Могильник Эрдаогоу [по Lin, 1986. P. 244. Рис. 49-17]; 2 – Южная Шанси [по Lin, 1986. P. 252. Рис. 51-7].

15. Ножи из Люлина [по Hsiao-yun Wu, 2011. Fig. 22]

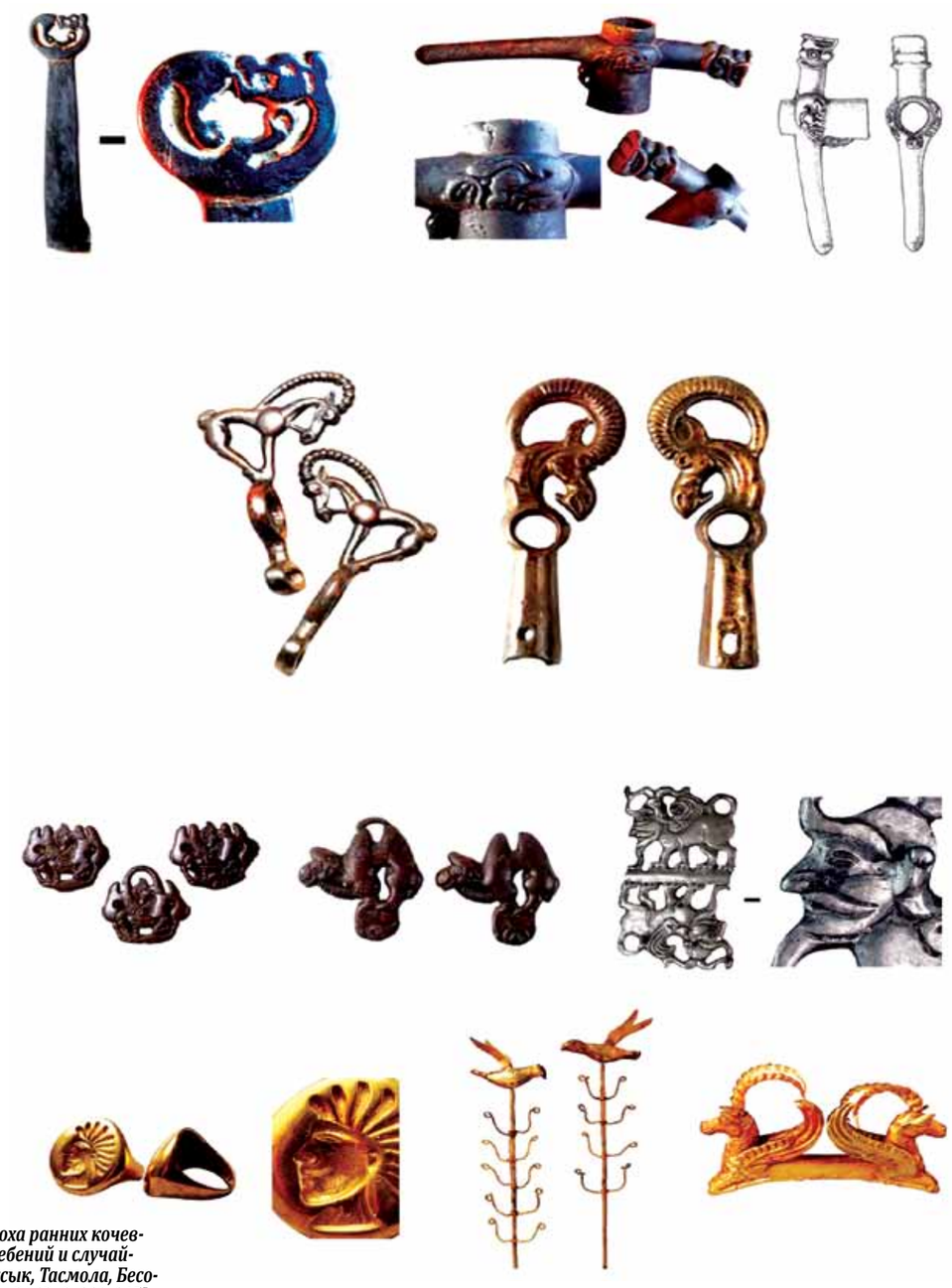


Рис. 129. Казахстан. Эпоха ранних кочевников. Находки из погребений и случайные находки. Курган Иссык, Тасмола, Бесоба, Таргын [по Самашев, 2013. С. 119-145]

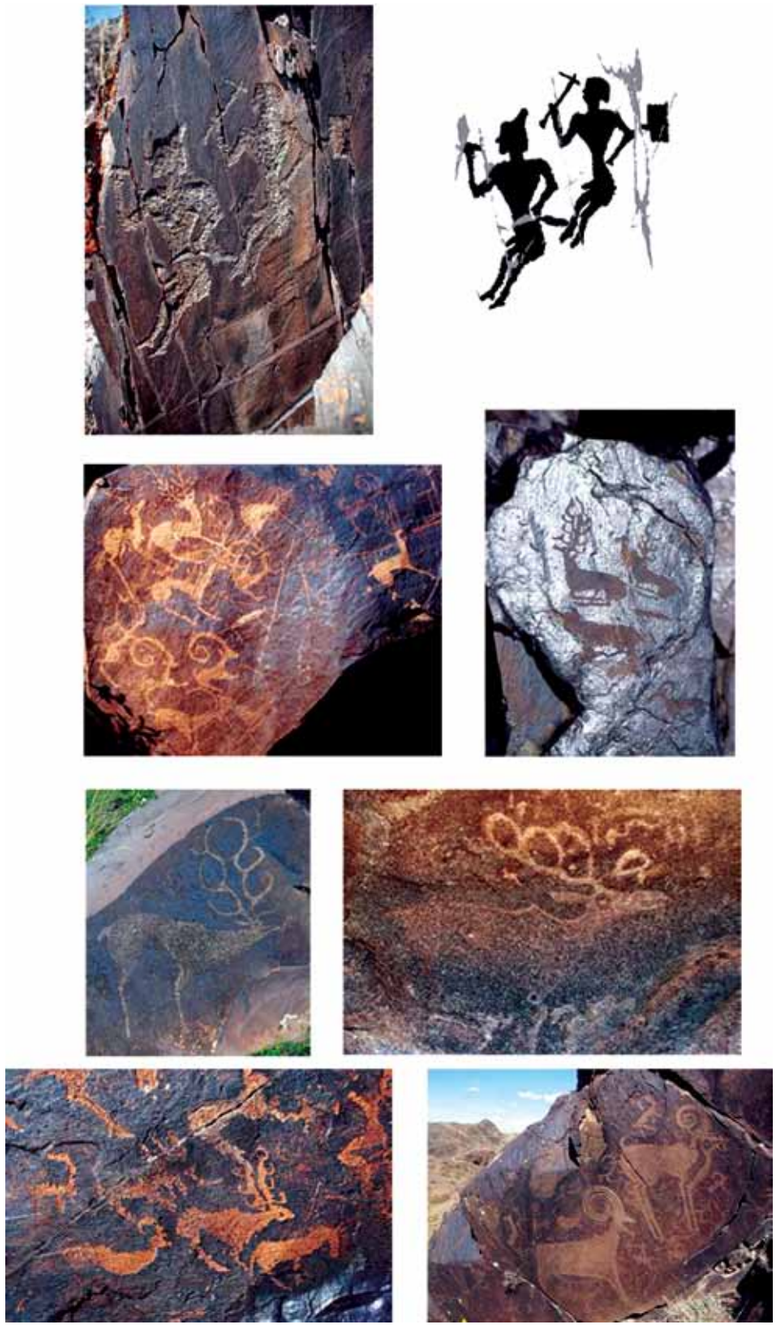


Рис. 130. Казахстан. Петроглифы ранних кочевников. Скифо-сакский звериный стиль. Шымайлы, Кулажорга, Ешкиольмес, Кулжабасы [по Самашев, 2013. С. 179-185]

Иран. Окрестности города Керманшах. Бестун (Бесетун). «Бехистунская» надпись Дария. Фото автора

Иран. Тегеран. Национальный музей. Статуя Дария с надписью, перечисляющей все народы в составе империи Ахеменидов . Фото автора.

Иран. Персеполь. Развалины Тахары. Фото автора.

Пазлы этнической истории

В северных регионах Центральной Азии на рубеже III и II тыс. до н. э. возникает, а в первой пол. и в середине II тыс. до н. э. - активно распространяется в восточном (северо-восточном) и южном (юго-западном) направлениях, по степным и предгорным просторам, мощная и мобильная протоцивилизация животноводов. Носители ее (рис. 131-133) владели рядом прогрессивных для того времени навыков и инноваций, обеспечивавших им явное конкурентное преимущество. Сложился комплексный тип хозяйства, ориентированный на разные виды промыслов, сообразный природно-географическим нишам и ориентированный на животноводство, и в том числе - коневодство (до 70% поголовья в стадах на Алтае). Количество населения в таких экологических нишах было немногочисленным и ограниченным. Естественным образом в недрах этих генетически родственных, но уже различных по языкам (диалектам) и этническому самосознанию социумов развивалась коммуникативная потребность передачи знаний, обучения, самоидентификации и мифотворчества.

[Епимахов, 2005]

[Грушин, 2011. С. 411-413]

[Евдокимов, 2001; Евдокимов, Варфоломеев, 2002]

Применительно к земледельческим цивилизациям письменность является непременным таким классификатором. Кочевые же народы традиционно развивали вербальную и изобразительную традиции, основанные на «образном» восприятии окружающего мира. Очевидно, что рассмотренные выше изобразительные коммуникации есть своеобразная «протописьменность» этой мобильной протоцивилизации, достигшей в своём социальном развитии стадии вождества.

[Бочкарёв, 2012. С.19]

Многочисленные местонахождения петроглифов, обнаруженные на этой обширной территории и датированные эпохой бронзы, представляются центрами коммуникации ямно-афанасьевских, окуневских, андроновских, карасукских кланов между собой и богами, храмами под открытым небом, где совершались соответствующие ритуалы, коллективные мистерии, праздники, поиск жен. Последняя функция была особенно актуальной в условиях разрозненного и удаленного друг от друга способа обитания этих кланов в степи и постоянно стимулировала коммуникативные потребности социума в целях сохранения собственной идентичности и развития своих изобразительных традиций. ■

Рис. 131. Облик женщины андроновского времени, мог. Алексеевский, погр. 21. Реконструкция М. М. Герасимова. Раскопки О. А. Кривцовой - Граковой [по Усманова, 2010. С. 36]

Рис. 132. Облик мужчины андроновского времени, мог. Лисаковский 1, группа «Г», огр. 2, погр. 1. Реконструкция Г. В. Лебединской [по Усманова, 2005. С. 134]

Рис. 133. Камбоджа. Ангкор Ват. Фрагмент 70-метрового барельефа в западном крыле дворца (третья галерея, южная сторона), иллюстрирующего сюжеты Махабхараты и Рамаяны - борьбы дэвов и асуров. Фото автора

4.1. Индоиранские письменные источники

Выявленные изобразительные коммуникации соответствуют предположениям о нескольких волнах переселений племён ИЕ корня на просторах Евразии и находят отражение в авестийских легендах об общем первопредке индоиранцев Яме (Йиме), который трижды расширял свою землю на юг, «когда она переполнялась скотом, людьми, собаками, птицами и красными огнями пылающими». В древнейших авестийских текстах описывается центральный каршвар Хванирата (возможно – Гумирайя. – В. Н.) – страна «добрых колесниц», ограниченная двумя могучими реками – Раха и Вахви-Датья, берущими свои истоки в мировой горе Хара и текущими в срединное море – Вару-карта. По всей территории этой страны протекает ещё 18 речек. В другом описании прародины изложено представление о стране Арьяна-Вайджа (Арийский простор), где только река Вахви-Датья является центром всего арийского мироустройства. Некоторые исследователи отождествляют реки Раха – с Волгой, а Вахви-Датья – с Амударьей.

[Пьянков, 1995. С. 25]

[Пьянков, 1995. С. 25-27]

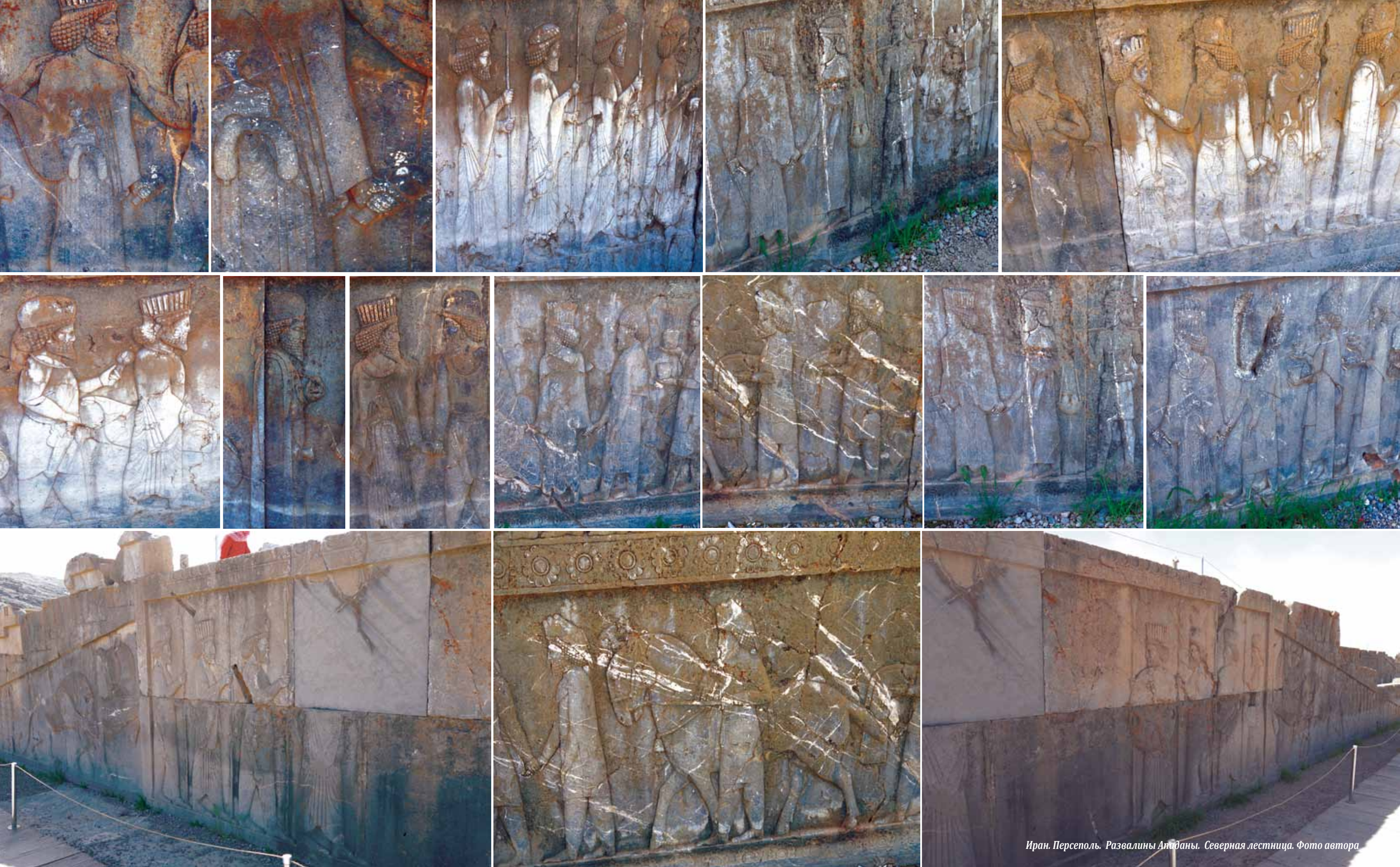
Письменные источники, в основном ведические, свидетельствуют о неоднородности арийского этноса: широко распространены сказания о борьбе дэвов (протоиндусов) со своими старшими братьями – асурами (протоиранцами), при этом последние сами разделены на дайтьев и данавов – потомков речных богинь Дити и Дану. В Ригведе асуры упоминаются как вполне реальные и конкретные недруги. «У каждого древнего иранского народа существовала своя этногенетическая легенда, в которой он был представлен потомком героя-прародителя и духа (всегда являвшегося в женском облике) главной реки в стране обитания данного народа».

[Пьянков, 1995. С. 21]

В целом развитие древнеарийского этноса (рис. 133) в пространстве и во времени привело к выделению отдельных ветвей и разделению, в конечном итоге, иранского (авестийских ариев) и индийского (ведийских ариев) корней, что фиксируется находками – язовской АК и АК серой расписной керамики (XI - VI вв. до н. э.), а также Гандхарских могильников второй половины II тыс. до н. э. в долине Инда (авестийские арии), новыми находками в Гомуле и Свате. Кроме того, в индоиранских письменных источниках воспеты и часто упоминаются постоянные и могущественные враги авестийских ариев – загадочные туры. Имена их предводителей совсем не похожи на иранские или индийские, и, судя по всему, эти племена представляют совсем иную этническую группу. ■

Западный Казахстан. Могильник Таксай 1. Элементы гребня. Композиция с колесницей. Скульптурные изображения персонажей [по Алтынбеков, 2014]

Западный Казахстан. Могильник Таксай 1. Гребень. Раскопки Я. А. Лукпановой [по Алтынбеков, 2014]



Иран. Персеполь. Развалины Атаданы. Северная лестница. Фото автора

Иран. Персеполь. Развалины Ападаны. Северная лестница. Фото автора

Иран. Персеполь. Развалины Тахары. Фото автора

4.2. Древнекитайские источники

Надписи на гадальных костях, которых уже обнаружено свыше нескольких тысяч, недвусмысленно свидетельствуют об активных контактах со степным населением, приходившим с севера и с запада. Этими степными кланами могли быть известные по надписям на гадальных костях и бронзовых сосудах, по древнекитайским хроникам, племена, обитавшие на территориях *гуй-фан, ту-фан, гун-фан*, в государстве Янь, с которыми шан-иньские и раннечжоуские правители неоднократно вели войны. В трактовке, приведенной А. Ходжаевым, это топонимы или страны-владения *(fang)*, расположенные на севере и западе от Центральной равнины Китая – *tu-fang, kiwei-fang, giwon-fang и ngo-fang,* причем наиболее ранние источники называют всех соседей – *riwem* (*rong,* они же в русской транскрипции – *жун,* в дословном переводе: воин, боевая колесница, большой военный поход).

При этом автор отмечает, что указанный термин не является этнонимом, а является общим названием для всех соседей. В шан-инских надписях на гадальных костях и на бронзовых сосудах в то же время упоминаются другие этнонимы: *восточные йек (йей), северные ти-(тиеки), западные ривемы.*

[Ходжаев, 2010. С. 33, 38-46]

Недостаточно аргументированным представляется мнение автора о том, что *ривем (rong, жун)* и *тиек (ти-ди)* – разные названия одного народа, со ссылками на военный поход Чен-вана, захватившего в плен предводителей племени *тиаук (тиек)*, поизошедший значительно позднее первых упоминаний о ривемах, как впрочем и приведенные автором сведения из более поздних источников.

Логичнее предположить существование уже на раннем этапе двух различных этнонимов: ривем – более раннего и тиаук (ти-ди-тиек) – более позднего – описывающих родственные, но этнически уже разные народы. Более того, автор сам приводит мнение Ван Говея об упоминании этнонима тиек (ди) на металлических сосудах эпохи Западной Чжоу и частом его упоминании в более поздних письменных источниках VI в. до н. э., с последующей его трансформацией в *ху (гуз)* и *сюнну (хун)* – этнонимы, обозначавшие древних предков тюркоязычных народов.

[Ходжаев, 2010. С. 33]

Л. С. Клейн справедливо полагает, что древние китайцы знали на север от себя три европеоидных народа: *усуни (асии), юэджи (яду)* и *ди (льок)*; при этом он допускает на основании заимствованных в китайский язык терминов, что кто-то из них может оказаться тохарами. Данные лингвистов подтверждают присутствие в Центральной Азии нескольких древнейших языков ИЕ корня: дардского, кафирского, тохарского, а также индоиранских языков Ригведы и Авесты. Вполне вероятно, что предками усуней и юэджей могут оказаться андроновцы, а ди (тиеков) - карасукцы.

[Клейн, 2000. С. 180; 2012. С. 30]

Р. Х. Сулейманов отмечает, что название страны *«Ту» или «Ту-фан»* передано в древнекитайских летописях иероглифом, который отсутствует в китайских словарях и очень напомиает по своей графике известные окуневские личины, повсеместно распространенные в изобразительных памятниках Южной Сибири. Этот иероглиф очень близок по своей иконографии «солнцеголовому» антропоморфному персонажу наскальных изображений Центральной Азии, так же как и другой древнекитайский иероглиф, обозначающий колесницу именно в той манере, как она изображена на скалах в северных регионах континента. Лингвисты транскрибируют и читают этот древний «солнцеголовый» иероглиф как *ku, chang, kuai-kwei-(tu).*

[Сулейманов, 2011. С. 405-406]

Автор, поддерживает мнение о тюркоязычности *ти-(ди) – (динлинов)* – прямых наследников традиций карасукской культуры и, следуя китайским источникам, определяет этнонимы - ти-(ди)-динлины и более поздние – *теле* – как разные формы этнонимов древнейших тюркоязычных племен (представителей прототюркского этноса в нашем понимании – В. Н.). Эта идея сейчас разрабатывается многими тюркологами.

[Сулейманов, 2011. С. 406]

[Tashagil, 2003; 2004; ЗТКА, 2013]

Таким образом, древнекитайские письменные источники позволяют уточнить этнокультурную ситуацию в Центральной Азии финала эпохи бронзы и дают основание предполагать наличие нескольких крупных этнических группировок ривемов (возможных усуней и юэджей) и ти-(ди)-тиеков-(теле)-динлинов (возможных карасукцев) на северных и западных границах Центральной равнины Китая (подробнее см. далее в статье К. М. Линдафф). ■

4.3. Ассирийские и вавилонские тексты

Любопытную ситуацию зафиксировали древнейшие клинописные документы Ассирии и Нововавилонского царства VII - VI вв. до н. э. В вавилонской письменной традиции этноним «киммерийцы» описывает, как правило, все известные вавилонянам кочевые народы и страны: скифов, саков и, очевидно, собственно киммерийцев и их страну – Gumiraia. В Ассирии VII века до н. э. термин «киммерийцы», напротив, использовался как название самостоятельного народа, наряду со среднеазиатскими саками хаумаварга, тиграхауда и парадрайя. При этом ассирийцы непосредственно контактировали со степными народами и лучше вавилонян знали своих степных соседей. По этой причине мы считаем довольно распространённое в научной литературе мнение о племенах саков (скифов) как основных и чуть ли не единственных насельниках в Центральной Азии, активно взаимодействующих с Ассирией и Персией, довольно странным. В более поздних документах ахеменидского времени упоминаются и другие выходцы из Центральной Азии – арейи, каспии, хорезмийцы, гандхарцы, которые получали от администрации земельные наделы, называемые «землёй лука» («или колесницы/или лошади») и несли воинскую повинность, исправно оплачивая государственные подати.

[Дандамаев, 2009. С. 319-327; 2010. С. 178-182]
[Иванчик, 2001. С. 16-20; Дандамаев, 2009. С. 321-322].

[Дандамаев, 2009. С. 314 – 318; 2010. С.182-188]

Однако раньше всех в Переднюю Азию пришли киммерийцы, которые неоднократно предпринимали успешные военные набеги на древнейшие государства Переднего Востока, и их окончательное «изгнание из Азии» приписывается лидийскому царю Алиатту в VIII веке до н. э. (714 г. до н. э.). Киммерийцы, в отличие от саков, никогда не были союзниками или вассалами ассирийских или персидских царей и значительное время являлись грозным военным объединением. Возможно, для защиты от такой мощной военной силы начал строительство Великой Китайской стены император Ичжен.

[Дандамаев, 2009. С. 321-324]

Вероятно, что начало формирования киммерийского (карасукского?) этноса произошло под влиянием западного древнеямного и катакомбного импульса второй половины III тыс. до н. э., в период единства и последующего распада ИЕ общности и с началом процесса Великой метисации на северных территориях Центральной Азии. Этническая самоидентификация этого социума опиралась на передовые навыки металлообработки и коневодства, использование колесниц и фургонов, мегалитический обряд погребальных сооружений (оленные камни), почитание воинов-первопредков (аруахов) и яркую изобразительную традицию. Возникновение мегалитической тради-

Иран. Персеполь. Развалины Ападаны. Восточная лестница. Саки дары приносящие. Фото автора

ции бегазы-дандыбаевской культуры Казахстана [Маргулан, 1979], а также традиции возведения оленных камней в конце II и начале I тыс. до н. э. непосредственно связывается с миграциями населения карасукоидного типа, владевшего самыми передовыми для своего времени навыками. Это были потомки тех первых «колонистов», добравшихся в III тыс. до н. э. до Минусинской котловины, «осевшие» там и в предгорьях Алтая на несколько поколений. Возможно, именно эти племена позднее стали известны в древнеиранских источниках как туры, в древнекитайских – как тиеки-ту (ди)-квеи или в ассирийских как киммерийцы.

[Иванчик, 2001]

Попытки найти остатки материальной культуры туров-ти-киммерийцев-карасукцев на территориях древних цивилизаций Переднего Востока представляются заранее обреченными на провал, поскольку это были мобильные рейды, исключительно походы за добычей, «молниеносные» по историческим масштабам; погибшие воины, согласно традиции, сжигались, а в память об их героических подвигах на родине, в Гумирайе, возводились своеобразные кенотафы – многочисленные поминальные комплексы с оленными камнями.

[Дандамаев, 2009. С. 321-327; 2010. С. 179 - 182; Пиотровский, 1959. С. 238; Дьяконов, 1956. С. 252-254, 290]

Невозможно игнорировать зафиксированные местной письменной традицией факты заимствования ассирийцами и вавилонянами уже в VII в. до н. э. луков и стрел «киммерийского типа», конского и воинского снаряжения, а так же позднее (начиная с новоассирийского и нововавилонского времени) – специальных сакских островерхих головных уборов всадников. Показательными в этом смысле нам кажутся некоторые хозяйственные документы времён Навуходоносора II и Набонида. Один из них, составленный в 564 г. до н. э., гласит: «...киммерийские кожаные ремни [даны] в распоряжение надсмотрщика над лошадьми Римута»; в одном частном письме содержится просьба прислать «киммерийские ремни»; в другом документе – перечень обмундирования, переданного на вооружение 8 лучников, несущих караульную службу; здесь же в том числе упоминаются 116 «киммерийских тростниковых стрел» (из которых 46 – с железными наконечниками, а остальные – с бронзовыми), 56 «аккадских» стрел, один «киммерийский» лук (наряду с «аккадскими» луками), а также копья, кинжалы и щиты.

[Дандамаев, 2009. С. 322-323]

Представляется, что неоднократное упоминание в этих документах «киммерийских ремней» свидетельствует об их явной эксклюзивности в то время, а также и о хорошей осведомлённости их изготовителей о навыках ухода за лошадьми и управлении животными верхом или в колёсной упряжке. Возможно, эти ремни связаны не только с конской сбруей, но и с поясами воинов-всадников и колесничих – сакральный и практический смысл этих поясов достаточно хорошо описан в специальной литературе: они традиционно используются кочевниками для удобного ношения разных видов оружия и сопутствующих предметов, а так же в коммуникативных целях – для демонстрации собственного статуса. Для колесничих такой пояс совершенно необходим ещё и как жёсткая фиксация поясницы, грудной клетки и внутренних органов в условиях существенной тряски и отсутствия амортизации в колесницах.

[Добжанский, 1990]

[Новоженов, 2012]

Если это так, то становится понятным намеренное изображение на оленных камнях карасукского оружия разных видов и форм, явно подвешенное к поясам изображенных на них героев.

[Этот факт подтверждается находками в могиле Тутанхамона: вместе с разобранными колесницами, специальной колесничной одеждой фараона и принадлежностями были найдены длинные полосы ткани, которые очень плотно обматывались во время поездок вокруг тела фараона в районе пояса и грудной клетки, а также были найдены особые рукавицы для удержания вожжей в руках]

Таким образом, изложенное в этом разделе понимание исторического значения сейминско-турбинских, андроновских и карасукских древностей, как в динамике своего развития, так и в системе взаимосвязей их носителей с другими общностями, имеет ИЕ общий корень, общую основу, сформировавшуюся в поздней прародине ИИ, на просторах урало-алтайско-казахстанских степей. Индоарийская или тохарская этническая самоидентификация стала впоследствии возможной базой формирующегося позднее пратюркского этноса, где-то на степных просторах Минусинской котловины, Монголии, Ордоса (Гумирайи), а население срубной и андроновской общностей, а также, возможно, тазабагъябской культуры составило индоиранскую (праиранскую) этническую основу скифо-сакского сообщества племен. ■

Заключение

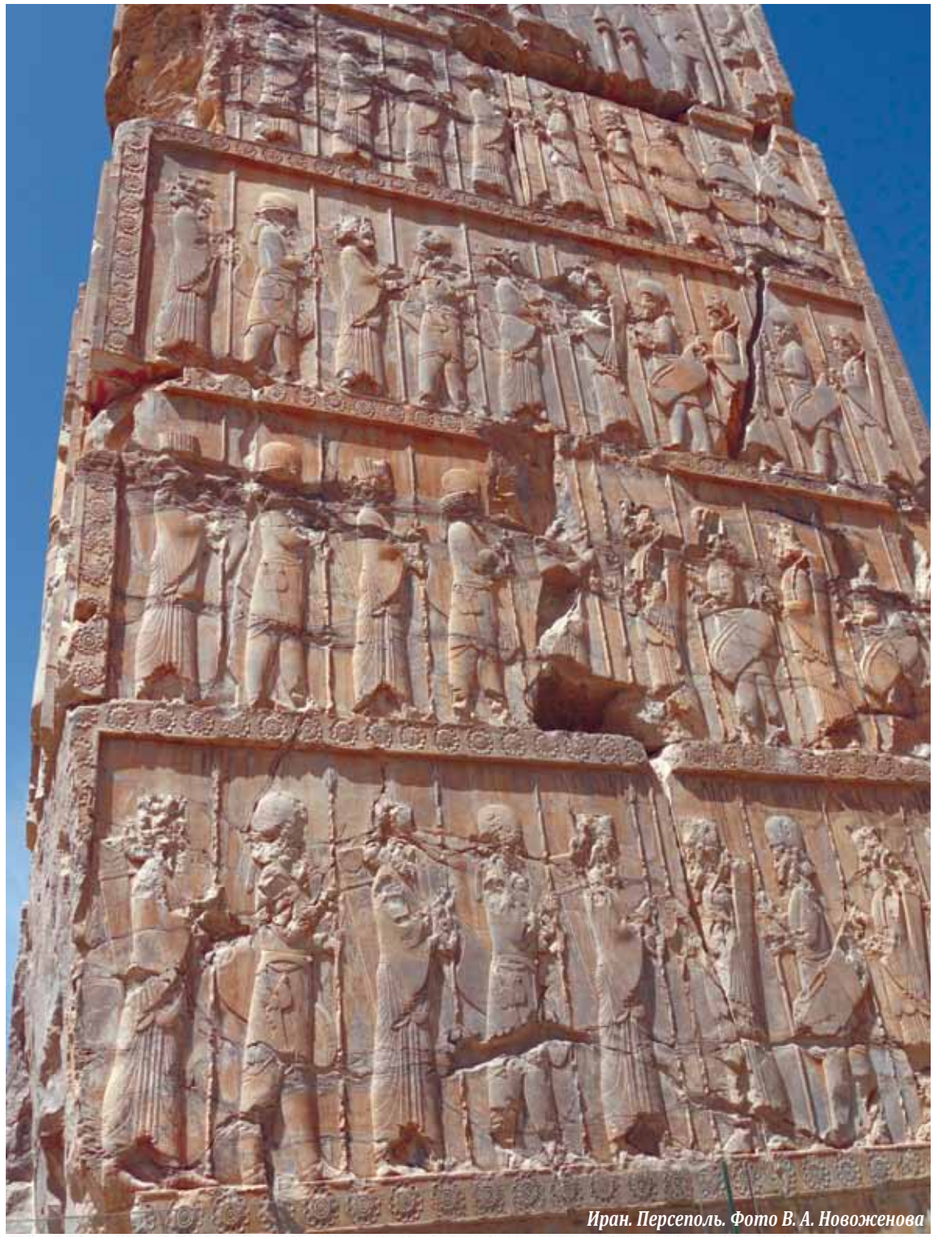
Совершенно очевидно, что многие изобретения кардинальным образом могли менять повседневную жизнь древних сообществ, а порой и определяли историческое содержание целых эпох, становились основой каналов коммуникации этих социумов и помогали, облаченные в «чудесные» одежды, создавать древнейшие шедевры мировой архитектуры и искусства, формировать этническую идентификацию социума, регулировать социальные и морально-нравственные установки древних сообществ.

Особенно важна была такая коммуникация в мобильных, подвижных социумах, где образ жизни не позволял вести многовековые записи, хроники или летописи, где господствующим каналом передачи информации был вербальный, либо знаково-образный, а может быть, и музыкальный. Там, где не было государственных или иных социальных институтов бюрократического воздействия на социум.

Очень часто эта особенность ошибочно приравнивается к дикости или варварству, в противовес главному признаку цивилизации земледельцев – письменности. В действительности же, это всего лишь разные формы одного канала коммуникации, в котором главное место занимает не кодировка и форма процесса, а сам «message» – послание, информация, которую хотели передать древние. То, что мы не всегда можем найти правильную расшифровку этого послания, совсем не означает примитивный характер этого послания или его фантастическую суть. Наоборот: как правило, это есть высшая форма абстракции, образного мышления и художественного обобщения, происходящая от совершенно иного способа мобильной, кочевой жизни и соответствующего иного восприятия окружающей действительности. Сообразно нашим представлениям, мы пытаемся «расшифровать» послание, но при этом применяем совершенно «чужой», принципиально неприемлемый код дешифровки, порождённый комфортными условиями современной городской цивилизации.

Разница в ментальности и восприятии животновода и земледельца, древнего человека и современного ученого порой создает такие невероятные шумы и помехи, которые не только не позволяют реконструировать предполагаемую ответную реакцию этого сообщения, но и даже делают невозможным расшифровку самого «послания».

Последующие периоды в истории коммуникаций степного населения Евразии демонстрируют поразительное повторение сходных циклов и формирование стандартных каналов коммуникации животноводов на базе новых «чудесных» изобретений: это успехи в джигитовке и доместикации лошадей, совершенствование систем узды и конского снаряжения, изобретение разборной юрты, стремян и новых видов сёдел, жесткой конструкции с высокой лукой, вывели на авансцену мировой истории всадника-копьеносца верхом на лошади (катафрактов) или на верблюде, вооруженных новыми типами луков, мечей, сабель и которые стали символом эпохи ранних кочевников и раннего средневековья. И вновь мы видим повторение маршрутов и направлений каналов коммуникаций, приводившее к падению Западной Римской империи и Великому переселению народов – обратной миграции с востока – на запад – на прародины своих далёких, уже почти мифических и забытых первопредков. ■



Иран. Персеполь. Фото В. А. Новоженова

Муза археологии: посвящение Е. Е. Кузьминой

Часть II: статьи

Иран. Персеполь. Фото В. А.Новоженова

E. E. Kuzmina †

New Data on the Development of the Indo-Iranians in the Bronze Age

[Текст этой статьи, как уже упоминалось ранее, изначально написан на английском языке и готовился для публикации и доклада на научной конференции в Кракове (см. Библиографию Е. Е. Кузьминой, № 354). Публикуется в редакции С. В. Кулланды]

The Iranian languages belong to the Indo-Iranian (IIr) group of the Indo-European (IE) unity. The Old Iranian language was discovered by the French scholar Anquetil-Duperron: in 1771 he published a translation of the religious book of the Parsees: the Avesta. In 1786 the English linguist William Jones proved the genetic ties between Sanscrit, Latin, Greek and Germanic languages. That was the beginning of the Indo-European linguistic studies. But for 250 years the location of IE homeland remains an unsolved problem.

The German scholar August Schleicher (1821-1868) reconstructed the IE protolanguage. His compatriot Otto Schrader (1901) localized the IE homeland in Europe between the Rhein, the Danube and the Dnieper on the base of the words connected with the data on the ecological environment, including names of wild animals, birds, trees, climate and the toponymics in this area. The Indo-Iranians were placed by him in the Eurasian Steppes, because of absence in the IIr of words for spruce, pine tree, marsh and so on.

Many reconstructions of the IE language tree and the split of PIE were proposed. The works of J. P. Mallory are now very popular.

[Mallory, 1989; 2002]

The Danish linguist H. Pedersen (1910) began the new direction in the linguistics when he introduced Nostratic studies revived in the 1960s by the Russian scholar V. M. Illich-Svitych. He held that the Nostratic macrofamily had split into IE, Afro-Asiatic, Kartvelian, Dravidian, Uralic and Altaic. This new theory was supported by the works of I. M. Diakonoff and Moscow group of S. A. Starostin, the latter hold, however, that Afro-Asiatic, though related to Nostratic, formed a separate macrofamily of equal time-depth.

[Illich-Svitych 1971-1984]

[Starostin, Dybo, Mudrak 20033; Vasiliev, Militarev 2008]

American linguist M. Swadesh suggested the concept of glottochronology, or lexical statistics, according to which the falling out of the words from the basic vocabulary is constant and 14 % of words fall out of the 100-wordlist in 1000 years. But S. A. Starostin proved that it is incorrect and proposed a new formula for calculating the time of divergence of languages taking into account both the acceleration of loss caused by 'ageing' of words and its deceleration when less stable words disappear from the list and the more stable items are retained.

[Svadesh, 1960]

[Starostin, 1989; 2000]

[Starostin, Dybo, Mudrak, 2003; Vasiliev, Militarev, 2008]

But the differences of opinions are very huge. For example, P. Gray and K. Atkinson placed the split of the IE unity to the 7th millennium BC, but the others suppose that it took place only in the 3rd millennium BC.

[Gray and K. Atkinson, 2003]

[Dyen, Kruskal, Black, 1992]

Russian linguists hold that IE protolanguage splitted in the mid-5th millennium BC, but they do not specify where: in Anatolia or in the European steppes.

In the 1980 year two famous Soviet linguists T. V. Gamkrelidze and V. V. Ivanov put forward the new hypotheses about the homeland of the IEans. They located it in the Caucasus and later in the Near East and in Anatolia where the Hittites stayed from the 3rd millennium BC, IIrs moved to Mittanni and later, through Iran and Central Asian deserts, to the steppes, and then the other groups of IEans came in the 1st millennium BC to Europe by the same way, including Iranian Saka or Scythians.

[Gamkrelidze, Ivanov, 1980; 1984]

Their hypothesis was opposed by I. M. Diakonoff, who localized the IE homeland in the Balkan-Danube area. Now the idea of V. V. Ivanov and T. V. Gamkrelidze is rejected by the majority of Anatolian scholars.

[Dyakonov, 1982]

[different argumentations see: Alexandrov, 2009]

[Vinogradov, 1981]

1. The migration of IIr peoples through the Soviet Central Asia was impossible, because the Kyzyl-Kum desert in the 3rd millennium BC was a big swamp and in the 2nd millennium the Tazabagyab culture (which is the mixture of Andronovo and Srubna cultures) flourished there and migrations from the North of the steppes of Srubna and Andronovo groups to Turkmenistan and Indian Subcontinent regularly took place.

[Itina, 1961; 1977]

[Mandelshtam 1966; 1968; 1977; Kuzmina 1963; 1971; 2008]

2. The distribution of the Hittites through the Eastern bank of the Black Sea through the Caucasus, proposed by A.-L. Kammenhuber was impossible also from archaeological and ecological points of view. The Colchidian lowland was a big swamp because of transgression of the sea. There were small villages surrounded by dykes and only cows and pigs were bred.

[Dzhibladze, 2007]

3. There is no trace of the Hittite migration to Anatolia through the Derbent pass of the Caucasus, the idea proposed by H. Otten.

The Western European way of migration of the Hittites is implied by: 1. their language affiliation to the centum group binding them with Germanic and Italian; 2. Many borrowings from aboriginal Hattic language and mythology in their culture.

[Renfrew, 1987]

Independently Lord Colin Renfrew located the homeland of the IE in Anatolia, whence they migrated through the Balkans to Europe in the 7th millennium B.C., spreading the knowledge of agriculture and stockbreeding, the seeds and domesticated cattle, sheep and goats and teams of two bulls in harness for dragging a wagon. The idea of borrowing of concepts of cattle breeding, agriculture and wagons from the Near East is correct. But these skills could be borrowed without migration. That is why many scholars opposed the idea of C. Renfrew.

[Sherratts A. and S., 1988]

So, there is no common opinion neither about time nor about homeland of the IE and IIr peoples.

The only way of resolving this problem is the comparison between linguistic and archaeological material.

Recently archaeology transgressed from the humanitarian into a natural science discipline because of using many different applied sciences. That gives the possibility to fix the date of culture, to reconstruct the ecological conditions and their changes, the economy and so on.

[Molodin, 2010]

The common proto-IE word for metal: cuprum, old Indo-Aryan ajra,-"non-cultivated field, pasture" and proto-IE agros "pasture", the names for cattle, sheep, goat and pig (the last fell out in the Indo-Aryan, where it means "wild boar") enable one to reconstruct Indo-European economy predating the split of the proto-language. In ancient times the horse was used by IE peoples as a food and it played an important role in the economy as well as the mythology of the IEs.

Oar, wheel, two-wheeled cart and four-wheeled wagon drawn by two bulls were very important means of transport for IEs. That is reflected in astronomical terms, where the Milky Way is expressed as "Coachman". All these terms are indicative of the location of Indo-European homeland on banks of big rivers and determine the role of wheeled transport in quick migrations of the Indo-Europeans.

[Nikonov, 1980]

[Novozhenov, 2012]

The invention of metal and agriculture in the Near East dates back to the 9th – 8th mil. BC. But the spread of the copper metallurgy north of the Caucasus in the Eurasian steppes dates to the late 4th – the first half of the 3rd mil. BC, when the copper weaponry appeared and the process of militarization of society began.

[Avilova 2011; Pogrebova, 2011]

The wheeled transport is known in the Near East from the late 4th mil. BC and during the 3rd mil. BC it is widely spread in the Southern Central Asia, Harappan India, Europe, the Caucasus and Eurasian steppes.

[Childe 1951; Piggot 1969; 1983; 1992; Littauer, Crouwel 1979; Kuzmina 1974; Horses, Chariots..., 2010]

There were three centers of distribution of early means of transport in the vicinity of the steppes in the 3rd mil. BC:

I. the Danubian wagons had wide sides. They are distinct from the type of vehicles used in the steppes.

The second center of the wagons was in present-day Turkmenistan: the Anau and Gonur cultures. The type of vehicles with straight sides, driven by two bulls, but more often by two Bactrian camels. This type of transport spread in the Eastern part of the steppes only in the 2nd half of the 2nd mil. BC.

[Kuzmina, 1983]

The third center was in the North Caucasus. Two types of wagons were used there: the one with four solid wheels driven by two bulls and the carts with two wheels, sometimes with soft removable roofing. Especially numerous vehicles were discovered in the kurgans of Novotitorovskaia culture. All these types are well known in the steppes in the kurgans of Yamna, Catacomb and Srubna cultures. This confirms the ancient idea about the borrowing of the transport to the steppes from the Caucasus.

[Gey, 2000]

[Piggott, 1969; Kuzmina, 1971; Littauer, 1992; Pogrebova, 2011]

It was from the Caucasus that the steppe population received metal implements and ornaments in the 3rd - early 2nd mil. BC, which is implied by the technology and spectral analysis.

[Chernykh, 1992; Rydnina, Degtyareva, 2002]

What are the conditions for the resolving the problem of IE and especially the IIr homeland today?

Four hypotheses were put forward.

1.The Eurasian steppes, proposed by O. Shrader and supported by M. M. Diakonoff, who supposed that the homeland of the IIr peoples (and maybe the part of the IE also) was in the steppes. In 1977 an international conference was organized and Soviet, Indian and Iranian scholars, as well as the best part of their European colleagues localized the IIr homeland in the Eurasian steppes. N. Ja. Merpert proved that in the 3rd mil. BC in the steppes from the Dnieper to the Volga the Yamna stockbreeding culture developed.

[Dyakonov, 1967]

[Asimov, 1981]

[Merpert, 1968]

The population knew herds of cattle, sheep, goats, horses (only for food) and used big wagons and covered carts, harnessed of two bulls or oxen. There is the evidence of agriculture, but very limited.

[Zalkin, 1970; 1972]

In the 2nd mil. BC the Yamna culture was replaced by the Srubna culture which was related to it. At the same time in the Andronovo Culture of cattle breeders developed in the steppes from the Urals to the west Siberia, including all Kazakhstan.

[Krivzova-Grakova, 1955; Merpert, 1985]

[Gryaznov, 1927; Salnikov, 1967; Margulan et al..1966; Maksimenkov, 1978; Molodin, 1985; Kuzmina, 1994; 2008b]

In the part of Central Asia the stockbreeding cultures connected with Andronovo and Srubna developed also.

There the agriculture based on the irrigation was known, as well as stockbreeding.

[Mandelshtam,1968; Itina, 1977; Litvinsky, 1981]

2.Anatolia - see above.

[Gamkrelidze, Ivanov, 1984]

3. Bactria-Margiana Archaeological Complex – V. I. Sarianidi, the discoverer of the new oriental civilization of Gonur assumed that its creators in the 3rd – first half of the 2nd mil. BC were the Indo-Aryans or Iranians.

[Sarianidi, 1990; 2001; 2010]

In the discussion between Sarianidi and E. Kuzmina R. Frye, D. Anthony and A.Parpola supported my viewpoint.

[Francfort, 1989; Lamberg-Karlovsky, 2002]

In 2010 A.Lubotsky on the base of analysis of substrate loan-words in the oldest Indian and Iranian drew serious arguments in favour of relation of Gonur people to its southern neighbors in Indus valley and proto-Dravidian idiome. S. Kullanda, however, pointed out that some of these substrate words seem likely to be North Caucasian borrowings.

[Kullanda, 2012]

The anthropologist N. Dubova showed that some Gonurs skulls are close to Harappan ones. So, the hypothesis of V. Sarianidi is disproved now. But he is absolutely correct when he speaks about the strong influence of Gonur religion on the

[Dubova, 2010]

steppe population, when they later came to present-day Turkmenistan.

4.In 2010 L. Klein repeated his idea of Aryan origin of the population of the Catacomb culture, which was spread in the steppes from the North Pontic to the North Caspian area in the late 3rd – early 2nd mil. BC.

[Klein, 2010]

This hypothesis cannot be accepted for the following reasons:

1. The genesis of Catacomb culture is unknown, because it demonstrates different influences of European Corded Ware culture and Caucasian elements;

2. There are no genetic ties with Yamna culture neither in the burial rites, nor in the pottery production;

3. The copper implements and ornaments are usually borrowed from the Caucasus, but there are no traces of the Seima-Turbino bronze metallurgy;

[Mochalov, 2008]

4. In the stock-breeding economy the wagons and carts with 2 bulls were spread, but there are no chariots with two horses;

5. The impossibility of contacts with Finno-Ugrians, whose ancestral home was located in the North of the Urals (see below);

6. There is no trace of the Catacomb culture either in India or in Iran.

Now, the most important role in the solution of the IIr problem is played by analysis of following archaeological cultures. Sintashta type monuments of the late 3rd – early 2nd mil. B.C. in the Urals and Kazakhstan, which is genetically connected with Andronovo, the Potapovka type cemeteries, the direct predecessors of the Srubna culture located in the Volga - the Don steppes, which are contemporary to them. They can be seen as the transmitters of IIr languages. (After the Arkaim conference C. Renfrew and V. Ivanov changed their positions).

[Gening, 1979; Smirnov, Kuzmina, 1977, Kuzmina, 1994, 2007, 2008; Gening et. al.,1992; Zdanovich, 1995; Anthony, Vinogradov, 1995; Koryakova, Epimahov, 2004] [Vasiliev, 1995; Vasiliev et al., 1994; Vasiliev et al., 1976] [Renfrew, 2012]

The discovery of graves with chariots drawn by the pairs of horses in the Sintashta and Potapovka-type cemeteries, is very important because all the IA and IIr gods used chariots.

The IIr protolanguage is the most ancient IE one, which preserved the mythological texts saved by the generations of priests – rshis, who orally passed to the new generations the sacred texts which were later codified: Rigveda and Atharvaveda of Indo-Aryans and Avesta of Iranians. The texts enabled the German sanskritologist W. Rau, Elizarenkova and V. Toporov to reconstruct the economy of the IA on their homeland.

[Rau, 1983] [Elizarencova, 1972; 1999] [Toporov, 1995]

It allowed to compare the linguistic data with the archaeological materials: settlements and houses, pottery production; metallurgy, costume and what is more important, transport and economy. The methodology and conclusions of my book were supported by I.M. Diakonoff.

[Kuzmina, 1994] [Dyakonov, 1995]

The horses were spread in the Eurasian steppes from the 5th – 3rd mil. BC and the cult of this animal proved their representations in art and in graves of horses in the cemeteries in the Volga-Ural area. These are the most ancient facts of the cult of horse in the Ancient world.

[Kuzmina, 2000]

The Sintashta-Petrovka horse-drawn chariots and formation of their role in the burial rite are the most ancient in the World as well; though the military wagons were known in the Near East, they were drawn by mules (hybrids of a donkey and a female onager, ANŠE.KUNGA in Sumerian, ANŠE.parû in Akkadian, not horses.

[Oates, 2003]

These chariots and bronze weapons were delivered to Mittanny kingdom by the Indo-Aryans in the 17th century B.C. Indo-Aryan horse-training terms are used by Kikkuli in the 14th cent. BC.

The distribution of bronze, produced in the Urals and the Altai, where the Seim-Turbino center were located, played the decisive role in the prosperity of Sintashta and Potapovka population For protecting metal, horses and cows, the base of the

economy, the Sintashta settlements were surrounded by walls and moats. Later, the settlements were not fortified and the number of weapon reduced. That proves the change of the situation in the steppes. The Andronovo population occupied all Kazakhstan and the SW part of Siberia. The Srubna culture spread to the Dnieper.

[Otroshehenko, 2001]

Overpopulation of the steppes and ecological changes caused in the 15th – 14th century BC migrations of a part of Andronovo population, which consisted of tribes speaking Aryan dialects. They moved first to the NW part of the Indian Subcontinent. The traces of their migrations are the newly discovered cultures in Gomal and Swat; maybe the Dards and Kafirs, the images of horses and chariots, unknown in Harappan culture, but similar to those on the Andronovo pottery and petroglyphs on the mountain cliffs, (especially interesting is the figure of god Mitra with rays around the head).

The discovery of the bones and figurines of horses, Bactrian camel and late Andronovo pottery in Pirak, in Afghanistan (Shortugai) and Baluchistan.

[Jarrige, Santony, 1979] [Francfort, 1989] [Kuzmina, 2007, fig. 91-94; 200-105]

Important argument for Indo-Aryan attribution of Andronovo are the connections of the Andronovans with Finno-Ugrians, living on both sides of the Urals. They borrowed the IIr terms for domestic animals, social relations, names of gods: Indra, Mitra, horse cult, etc. There are also the IIr terms in the Paleosyberian languages.

[Helimsky, 1996; 1998; Napol'skih, 1997; ECUIE, 2001]

The Iranian migration to Iran is connected with Srubna culture which spread from the Volga to the Ukraine. The Iranian attribution of the culture is based on the imposition of the map of culture on the map of rivers with Iranian names. The ecological crisis in 1200 BC caused the mass migration to Iran. One way was through the Caucasus, to the NW Iran. The traces of migration are the cult burials of the horses. The date of events is 12th – 9th century BC, the culture of migrants changed during their long way. The other way of migration, to the Eastern Iran, is implied by appearance of two-humped camels, alfalfa, and bridle cheek-pieces.

[Vasiliev et al., 1985] [Beresanskaya,1982; Otrozhchenko,1986] [Toporov, Trubachev, 1962]

The tribes remained in the steppes were Iranians: Saka-Scythians. Homer, Assyrian and Iranian kings wrote about them.

[Grantovsky, 1970; 1998] [Pogrebova, 1977] [Kuzmina, 1983; 2008] [Iliad, XIII, 4-8]

Anthropological and paleogenetic analysis confirms the existence of Andronovo genes in Kazakhstan and among the members of the highest castes in India. ■

[Arutunov, 2003; Majundar, 2001; Passarino and al., 1996; Barnabas et al., 1996; Bamshad, 2001]

И.В. Чечушков
Распространение колесного транспорта в свете данных радиоуглеродной хронологии

Введение. Появление колесного транспорта, безусловно, явилось эпохальным событием в развитии коммуникации в Старом Свете, что было неоднократно отмечено Е. Е. Кузьминой, В. А. Новоженовым и многими другими исследователями. Открытия советских и российских археологов позволяют по-новому взглянуть на события глубокой древности, однако в силу господства в историографии принципа Ex Oriente Lux, в целом привнесенного В. Г. Чайлдом, внимание историков вплоть до настоящего времени сохраняется на Ближнем Востоке, другими словами, ученые предпочитают уделять внимание зоне становления государства как формы социальной организации и его бюрократическим механизмам коммуникации. Однако для евразийской степи колесный транспорт является важнейшим свидетельством развития коммуникации в достаточно ранее время, что делает актуальной задачу сопоставления регионов Старого Света и поиск, но ее решение вряд ли возможно без понимания хронологии.

[Кузьмина, 1994, 2007]
[Новоженов, 2012]
[Childe, 1954]
[Littauer, Crouwel, 2002; Snell, 2005b; Izbitser, 2013]

Несмотря на наличие монументальных трудов, подобное сопоставление представляется настоящей головоломкой. Эпистемологически проблема заключается в том, что хронология бронзового века урало-казахстанских степей в настоящее время имеет твердую опору в виде значительной серии тщательно проанализированных и калиброванных радиоуглеродных дат (см. раздел А. В. Епимахова в настоящем издании и другие публикации). Однако при датировке колесного транспорта Месопотамии и Египта по-прежнему принято опираться на относительную хронологию, даже если она выражена в абсолютных датах. Другими словами, становится актуальным вопрос о соотносимости двух хронологических систем: сравнивая апельсины с яблоками, вряд ли можно найти согласие в вопросе о свежести осетрины[1].

[Ehrich, 1992; Snell, ed., 2005a]
[Hanksetal, 2007; Епимахов, 2007]

Хорошо известно, что хронология Месопотамии I тыс. до н. э. полностью построена на ассирийских династических списках, согласованных с астрономическими событиями: если совместно с правлением того или иного царя в письменном источнике было зафиксировано астрономическое событие, даты правления принимаются за абсолютные. Так, на десятый год правления царя Ассирии Ашшурдана III приходится солнечное затмение, которое датируется 14-15 июня 763 г. до н. э. В результате наличие списка ассирийских царей позволяет датировать годы их правления вплоть до 910 г. до н. э.

Однако для III-II тыс. до н. э., на которые приходятся интересующие нас события изобретения и распространения колесного транспорта, столь точная датировка представляется уже затруднительной. Дело в том, что абсолютная датировка событий конца III – начала II тыс. до н. э. построена на трех различных категориях источников: данных о длине месяца, происходящих из хозяйственных записей III династии Ура, данных о лунных затмениях и, наконец, «табличках Венеры», созданных в правление Вавилонского царя Амми-цадука, четвертого после Хаммурапи, и зафиксировавших наблюдения за перемещениями планеты по земному небосводу.

[Huber, 1987; Reade, 2001; Hasel, 2004]

[1] *Для Европы подобная работа была проделана Дж. А. Бэккером с соавторами, однако внимание исследователей было сосредоточено на находках, относимых к IV тыс. до н. э. [Bakkeretal, 2006].*

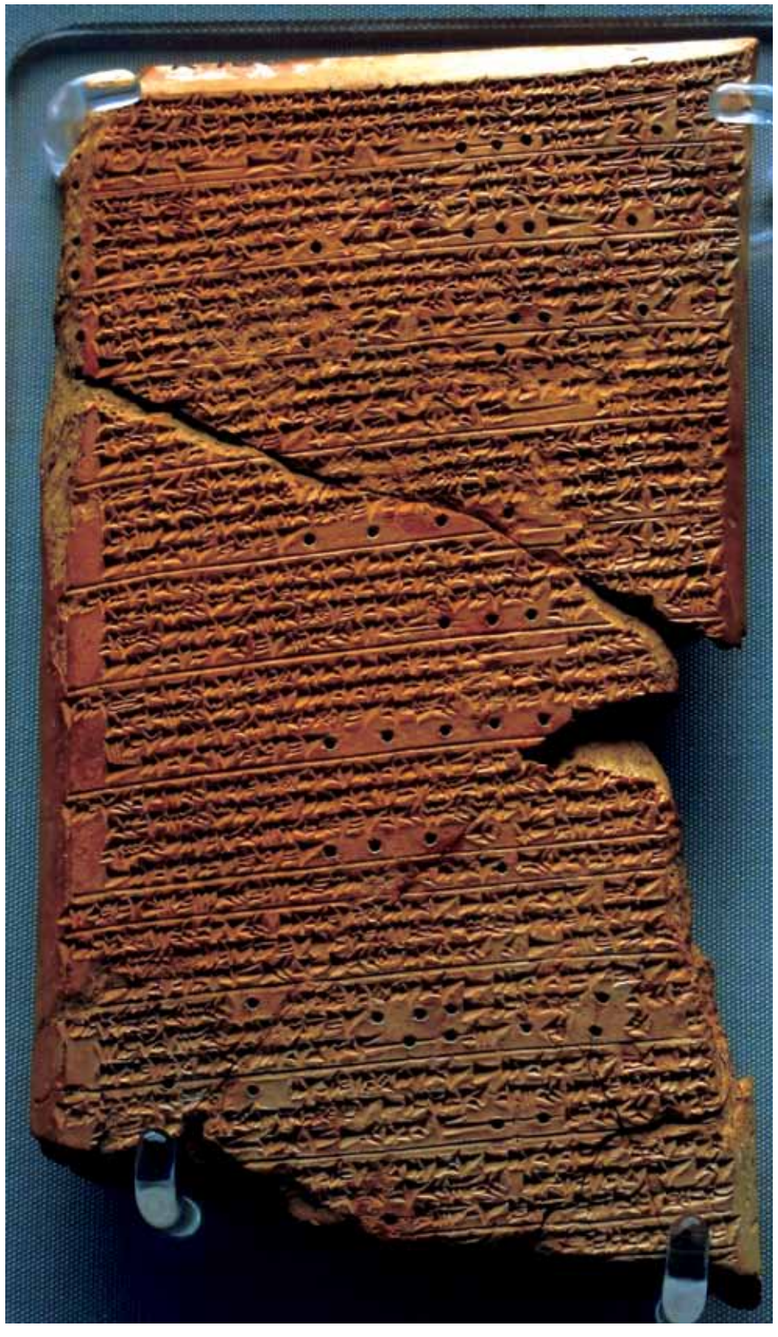


Рис. 1. «Таблички Венеры»

«Таблички Венеры» (рис 1.) дают возможность датировать события вплоть до 1450 г. до н. э., однако, в силу неравномерности движения планеты, наблюдения возможны только один раз в 56- или 64-летний цикл, что оставляет открытым вопрос когда же конкретно они были сделаны. Соответственно, «таблички Венеры» предполагают несколько возможных вариантов хронологии. В результате, историки так и не пришли к согласию о том, какой год считать первым в правлении Амми-цадука. Кроме того, относительная хронология достаточно хорошо известна для XXIV - XVI вв. до н. э. (правление Саргона и Аккадской династии), однако существуют две исторических лакуны, известные как «Темные века». Ранняя из них относится к 2200 г. до н. э., последняя приходится на период около 1600 г. до н. э. Хотя клинописные документы отражают последовательности царей и даты их правления, конкретные событий и даже целые эпохи остаются не датированными.

[Knapp, 1992. P. 716]

В результате, существует пять возможных систем хронологии событий II тыс. до н. э.: «ультрадлинная», «длинная», «средняя», «короткая» или «ультракороткая». «Ультрадлинная» и «ультракороткая» хронологии имеют временной разрыв в начальных и конечных датах в 226 лет. Так, правление Хаммурапи, в соответствии с «ультрадлинной» системой относится к 1930-1888 гг. до н. э., а в соответствии с «ультракороткой» – к 1704-1662 гг. до н. э. В целом большинство историков и археологов сегодня придерживается «средней» системы хронологии, которая относит время правления Хаммурапи к 1792-1750 гг. до н. э.

[Hasel, 2004. P. 8; Reade, 2001. P. 9]

[Knapp, 1992. P. 717; Chavalas, 2005. P. 46]

Таким образом, налицо существенное затруднение в сопоставлении археологических материалов Ближнего Востока с находками из Евразийской степи, и, в зависимости от того, какой вариант хронологии выбирает исследователь, могут быть сделаны достаточно разные выводы. Одну из первых попыток согласовать традиционные системы хронологии Месопотамии с получившим популярность в европейской и американской археологии методом датирования C^{14} была предпринята Дж. Меллартом. Однако в ответ исследователь получил вал критики, поскольку выделенные им интервалы плохо согласовались с историческим нарративом, существенно удревняя многие периоды. По мнению М. Хаселя, без внимания были оставлены факты стратиграфии, согласованные с письменными источниками, а сама попытка датирования была обусловлена полученными датами без оглядки на другие разработанные системы хронологии. В последующие годы предпринято еще несколько попыток найти ответ на вопрос, какая же из систем хронологии наиболее близка к истинной, однако согласие так и не было найдено. С нашей точки зрения, критика не учитывает статистической сущности метода: получаемые даты показывают вероятные временные промежутки, в которые могла произойти биологическая смерть конкретного образца. Как отмечают Ф. Хассан и С. Робинсон, радиоуглеродные даты являются не календарными датами, а предположениями вероятности. Тенденция воспринимать радиоуглеродную хронологию как истину в последней инстанции, особенно если они подтверждают субъективное мнение исследователя о возрасте, также непродуктивно, как и полное неприятие радиоуглеродного датирования и его возможностей, что обнаруживается у Дж. Рид и М. Хаселя.

[Mellart, 1979]

[Hasel, 2004. P. 11]

[Reade, 2001. P. 14]

[Hassan, Robinson, 1987. P. 130]

Кроме того, с нашей точки зрения, доступные радиоуглеродные даты представляют собой единственную логически допустимую возможность в сопоставлении хронологии регионов, даже несмотря на многочисленные дебаты вокруг их применимости. Иначе мы можем просто выбрать наиболее подходящий для принятой нами концепции вариант хронологии и остановиться

на нем, отбросив все, что не вписывается в приятное для нас видение мира. Сложившаяся в конце XX – начале XXI вв. непростая военно-политическая ситуация в регионе, к сожалению, привела к тому, что ситуации с датированием и его согласование с историческим нарративом и астрономическими реконструкциями остается на уровне конца 80-х годов прошлого века. Достаточно отметить, что уже прошло 10 лет с публикации М. Хаселя, однако новых обобщающих статей по хронологии Месопотамии так и не появилось, а Д. Снель в коллективной обобщающей монографии 2005 г. ссылается на обобщающую публикацию Л. Оппенхейма 1977 г. (!).

[cp. Reade, 2001]

[Snell, 2005b]

Египетская хронология, по мнению М. Хаселя, также представляет собой проблему, однако документированный колесный транспорт появляется там не ранее гиксокского завоевания (Второй переходный период) и надежно документирован лишь в эпоху Нового царства, начиная с XVIII династии, другими словами – в первой половине II тыс. до н. э. Это делает аргументы автора в пользу нерелевантности абсолютной хронологии Древнего Царства, построенной при помощи радиоуглеродного метода, несущественными для целей данной работы. Кроме того, после публикации М. Хаселя в Оксфорде, под руководством К. Бронк, реализован проект построения таковой, который, к радости апологетов древних текстов, не решил всех проблем.

[Spalinger, 2005. P. 232-234]

[Bronk, Ramsey et al, 2010]

[Bruins, 2010; Deeetal, 2012]

Методика. В самом общем виде методика нашего исследования заключается в калибровке и анализе опубликованных радиоуглеродных дат по кривой IntCal13 при помощи программного средства OxCal, производящего расчет диапазона вероятности возраста того или иного образца. В качестве источников дат выступают номера журнала «Radiocarbon», а также немногочисленные аналитические публикации. Критерием отбора дат для калибровки служило наличие свидетельств существования колесного транспорта в тот или иной хронологический период.

[Bronk, Ramsey, 2013]

[Hassan, Robinson, 1987; Bakkeretal, 2006]

Прежде чем перейти к обсуждению результатов, следует, однако, сделать несколько важных замечаний методологического характера[2]. Так, OxCal предлагает несколько алгоритмов для кобминирования вероятностей и построения суммированных интервалов. До недавнего времени большой популярностью пользовался метод суммирования вероятностей (команда «Sum» в OxCal). Данный алгоритм позволяет суммировать калиброванные радиоуглеродные даты с целью получения наиболее существенных интервалов распределения событий. Эффект суммирования усредняет распределения, но при этом не снижает уровень погрешности. На выходе алгоритм «Sum» производит интервал распределения, среднеквадратическое отклонение (сигма) которого показывает, что определенный процент событий мог произойти в этот период, но не уровень статистической значимости событий. Например, 95%-ный интервал показывает, что 95% событий приходятся на определенный период, но не означает, что мы можем быть уверены на 95%, что все эти события свершились. В справочном аппарате к OxCal 4.2 сказано, что подобная методика не может быть использована для надлежащего байесовского анализа, в результате в этой версии программы с графика суммированных вероятностей были убраны вероятностные интервалы, т.к. они приводили к неверной интерпретации анализа. Кроме того, недавний анализ показал, что минимальный размер выборки для суммирования должен составлять 500 образцов. В данной

[Williams, 2012]

[2] *Приведенные описания и характеристики программных команд взяты из руководства пользователя OxCal версий 3.10 и 4.2, а некоторые важные замечания по их работе могут быть найдены в группе программы на портале Google Groups – https://groups.google.com/forum/#!forum/oxcal*

работе для получения суммированных интервалов, в которые укладывались события, использована версия программы OxCal 3.10 с калибровочной кривой IntCal13.

Другой доступный алгоритм суммирования в OxCal представлен командой «Combine», которую рекомендуется использовать при работе с датами с известной разницей в возрасте. Преимуществом этого метода является возможность статистической проверки: после калибровки и комбинирования дат проводится хи-квадрат тест. Данная методика позволяет проверить, насколько надежны полученные выводы в зависимости от размера выборки, и сказать, насколько вероятно, что выборка случайна, а полученный результат – не более чем следствие этой случайности. Параллельно проводится вычисление коэффициентов согласия модели, который считается приемлемым, если превышает 60%. Экспериментирование с этим методом привело к тому, что из выборки были выброшены многие даты, не проходящие хи-квадрат тест или имеющие коэффициент согласия с моделью менее 60%.

Еще одним способом вычисления интервалов является использование команды «Boundary». Метод используется для определения, какие события в модели взяты из достоверно определенных периодов, и оценки границ этих периодов, используя модель нормального распределения. В наших моделях была использована команда «Sigma_Boundary», т. к. получаемые с ее помощью границы периодов наименее подвержены порядку следования дат в программном коде (т. к. их стратиграфический порядок нам не известен). Данный алгоритм на выходе производит интервалы вероятностей, в которых лежат границы периодов. Поскольку такая форма является недостаточно удобочитаемой и неудобна для сопоставления, после получения интервалов произведены вычисления их средних арифметических, которые и были помещены на графики. Отметим, что средние арифметические интервалов не равны средним арифметическим графиков распределений значений.

В целом авторы программного обеспечения отмечают, что алгоритм «Sum» имеет тенденцию к произведению широких интервалов, в то время как метод «Combine» – узких. В последней версии OxCal команда «Sum» используется для суммирования результатов моделирования, скорее для получения хронологических интервалов, основанных на радиоуглеродных датах. Произведенный в рамках данного исследования расчет средних значений интервалов, полученных методом «Sigma_Boundary», не является стандартной процедурой для OxCal, однако этот метод производит усредненные интервалы, которые наиболее близки к нормальным распределениям и согласуются с традиционной системой хронологии. При подведении итогов предпочтение отдано периодам, полученным методом «Combine» и вычислениям средних показателей для результирующих периодов, полученных алгоритмом «Sigma_Boundary».

[Littauer, Crouwel, 1979]
[Izbitser, 2013]

Краткий обзор источников. Наиболее подробное и полное описание древнейших источников сделано М. А. Литтауэр и Дж. Крауэлом, однако некоторые подробности могут быть найдены в статье Е. В. Избицер. Так, автором статьи проведен типологический анализ древнейших колес и их изображений, который привел ее к заключению, что колесо изобретено в Месопотамии не позже периода Джемдет-Наср, т. е. в конце IV тыс. до н. э. Отметим, что древнейшие периоды располагают лишь единичными пиктограммами, в то время как более массовые находки – печати, изображения повозок, сами транспортные средства – фактически известны лишь начиная с ранних династических периодов. Характерно, что расхождения в датировках этих периодов у разных

[Izbitser, 2013, P. 13]

авторов достигают 100-200 и более лет.

На страницах этой книги читатель может найти более подробное описание источников (см. главу 1), однако в целях их соотношения с дробной периодизацией ранней истории Месопотамии приведем краткий список находок повторно. Итак, к источникам изучения ранней истории колесного транспорта Месопотамии относятся:

1. Период позднего Урука (Урук IVa): *[Izbitser, 2013]*
- пиктограммы, изображающие волокуши и четырехколесные повозки; *[Bakkeretal, 2006]*
2. Джемдет-Наср: *[Bakkeretal, 2006]*
- глиняная модель колеса из Арслан-тепе;
- глиняная модель колеса из Джебел Аруда; *[Izbitser, 2013]*
- оттиски печатей.
3. Раннединастический период, без уточнения этапа:
- модель двухколесной повозки из Тель-Аграб и металическая модель двухколесной повозки из Элама, без отнесения к тому или иному периоду; *[Littauer, Crouwel, 2002]* *[Wooley, 1934]* *[Littauer, Crouwel, 2002]*
- «ваза» на колесах из раскопок царского могильника в Уре; *[Izbitser, 2013]*
- изображения двухколесных повозок из Тутуба и Киша. *[Izbitser, 2013]*
4. Раннединастический период I:
- колесо из Мари;
- печати. *[Izbitser, 2013]*
5. Раннединастический период II: *[Moorey, 1966. P. 41; Gibson, 1972. P. 83-86]*
- два фрагмента каменных пластинок с изображением двуколок и печати; *[Wooley, 1934]*
- повозки из могильника Y Киша. *[Wooley, 1934]*
6. Раннединастический период III:
- «Штандарт войны и мира» из Ура; *[Littauer, Crouwel, 2002]*
- повозки из царского могильника Ура;
- колеса из Суз. *[Izbitser, 2013]*
7. Ур III и Исин-Ларса:
- глиняные модели колес, периода Ур III и Исин-Ларса.

Обсуждение результатов. Проведенная калибровка радиоуглеродных дат, приведенных в приложении 1 к данной публикации, с их последующим комбинированием различными методами позволила получить вероятност-

Вычисление средних периодов, полученных методом «Sum» (OxCal 3.10, IntCal13)

	68,2%	95,4%
Урук IVa (4 даты)	3520-3370 гг. до н.э.	3640-3360 гг. до н.э.
Джемдет-Наср (14 дат)	3370-2880 гг. до н.э.	3750-2750 гг. до н.э.
Раннединастический период I (4 даты)	2930-2690 гг. до н.э.	3030-2620 гг. до н.э.
Раннединастический период II (4 даты)	2860-2490 гг. до н.э.	3100-2450 гг. до н.э.
Раннединастический период IIIab (6 дат)	2620-2200 гг. до н.э.	2900-1400 гг. до н.э.
Ур III (5 дат)	2440-2030 гг. до н.э.	2650-1950 гг. до н.э.
Раннеассирийский период (6 дат)	2010-1740 гг. до н.э.	2150-1600 гг. до н.э.

Вычисление средних периодов, полученных методом «Sigma_Boundary» (OxCal 4.2.3, IntCal13)

	68,2%	95,4%	Индекс согласия модели ($A_{overall}$)
Урук IVa (4 даты)	3485-3408 гг. до н.э.	3563-3349 гг. до н.э.	103.7
Джемдет-Наср (14 дат)	3340-2949 гг. до н.э.	3362-2916 гг. до н.э.	92,3
Раннединастический период I (4 даты)	2877-2801 гг. до н.э.	2944-2688 гг. до н.э.	146,9
Раннединастический период II (4 даты)	2741-2600 гг. до н.э.	2873-2519 гг. до н.э.	117
Раннединастический период IIIab (6 дат)	2530-2187 гг. до н.э.	2720-1987 гг. до н.э.	80,8
Ур III (5 дат)	2306-2141 гг. до н.э.	2420-2066 гг. до н.э.	104,5
Раннеассирийский период (6 дат)	1940-1821 гг. до н.э.	1954-1768 гг. до н.э.	112,1

Вычисление средних периодов, полученных методом «Combine» (OxCal4.2.3, IntCal13)

	68,2%	95,4%	Индекс согласия (A_{comb})
Урук IVa (4 даты)	3513-3376 гг. до н.э.	3520-3372 гг. до н.э.	104
Джемдет-Наср (8 дат)	3091-3026 гг. до н.э.	3262-3016 гг. до н.э.	115,7
Раннединастический период I (4 даты)	2904-2874 гг. до н.э.	2911-2712 гг. до н.э.	218,8
Раннединастический период II (4 даты)	2837-2575 гг. до н.э.	2861-2496 гг. до н.э.	135,7
Раннединастический период IIIab (5 дат)	2476-2348 гг. до н.э.	2559-2301 гг. до н.э.	123,4
Ур III (5 дат)	2281-2146 гг. до н.э.	2332-2064 гг. до н.э.	87,9
Раннеассирийский период (6 дат)	1921-1782 гг. до н.э.	1942-1773 гг. до н.э.	85,3

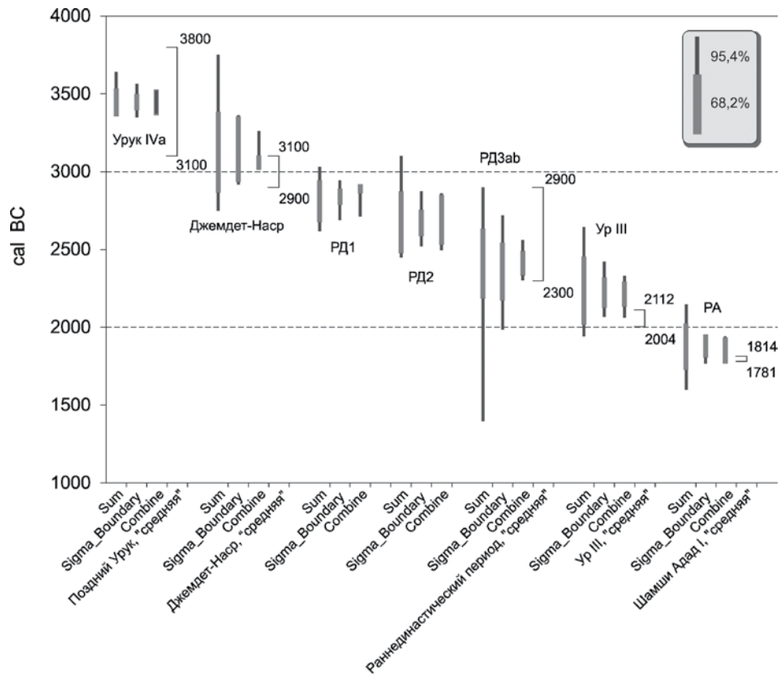


Рис. 2. Шкала радиоуглеродной и традиционной хронологии

ные интервалы. Их сопоставление друг с другом, а также со «средней» системой хронологии Месопотамии приведено на рис. 2.

Полученная в результате калибровки и анализа серии радиоуглеродных дат система хронологии в целом совпадает с «длинной» хронологией Месопотамии и не входит в существенное противоречие со «средней», хотя удревнение налицо. Само по себе это обстоятельство снимает острый конфликт между астрономической и изотопной хронологиями. Так, если правление Хаммурапи относится к 1848 - 1806 гг. до н. э., то оно синхронизируется с радиоуглеродными датировками раннеассирийского периода, что также находит свое подтверждение в историческом нарративе, ведь контакты между Шамши-Ададом I и Хаммурапи хорошо известны по письменным источникам. Кроме того, наши выводы в целом совпадают с данными Е. Н. Черных, который датирует памятники северной периферии Урука второй половиной IV тыс. до н. э. Как нам кажется, сделанные выводы должны способствовать продолжению работ по анализу радиоуглеродных дат Месопотамии. Лишь целенаправленное накопление серии дат, полученных из образцов с хорошо изученным контекстом, позволит сделать существенный прорыв в решении данного вопроса.

[Chernykh, 2008; Черных, Орловская, 2013]

Важно также отметить, что «длинная» хронология статистически является наиболее достоверной: анализ всех доступных категорий источников позволил П. Хуберу утверждать, что она верна с вероятностью в 99%, при этом анализ дает 99,99% вероятности, что «средняя» и «короткая» системы хронологии ошибочны. Необходимо также повторить, что радиоуглеродные периоды не могут и не должны соотноситься с датами правления древних царей напрямую, поскольку, во-первых, они имеют статистическую природу, во-вторых, тесно связаны с индивидуальной историей конкретных образцов, наконец, в-третьих, способы их вычисления окончательно не отработаны и в настоящий момент существуют определенные методологические трудности. При этом количество дат в серии не является окончательным решением проблем в случае необходимости их комбинирования или суммирования.

[Huber, 1987. P. 16]

Подводя промежуточные итоги, необходимо сказать, что древнейшие свидетельства существования колесного транспорта в Месопотамии относятся ко второй половине IV тыс. до н. э. (XXXVI - XXXI вв. до н. э. в системе радиоуглеродной хронологии, далее – cal.), однако свидетельства эти единичны. Хронология ранних династических периодов Месопотамии укладывается в III тыс. до н. э., что в целом делает широкое распространение колесного транспорта на Ближнем Востоке синхронным с его появлением в Европе и в Северной Евразии. Согласно заключению Е. Н. Черных, степные памятники майкопской культуры широко датируются между 4050 - 3050 гг. до н. э., а формирование общин ямной культуры относится, вероятно, к концу IV тыс. до н.э. (3300 – 3000 гг. до н. э.)[3]. Конечно, столь широкая датировка не позволяет делать уверенные выводы о синхронизации, и полезнее было бы проводить сравнение конкретных находок. Однако, как уже писал на страницах этой книги В. А. Новоженов, контекст, в котором встречается колесный транспорт на Кавказе, позволяет говорить о наличии налаженных каналов коммуникации или даже прямых миграций из Месопотамии на север. Соответственно, майкопские транспортные средства могут быть синхронизированы с поздними периодами Урука и отнесены ко второй половине IV тыс. до н. э. Распространение колесного транспорта в среде носителей ямной культуры синхронизируется с Раннединастическими периодами, но, по-видимому, происходит уже

[Bakkeretal, 2006]

[Chernykh, 2008]

[3]*Подробнее – в разделе А. В. Епимахова в данной книге.*

совершенно независимо. Все это позволяет говорить, что распространение технологии за пределами зоны первичных цивилизаций произошло довольно быстро, в течение нескольких столетий. При этом происходило не только усвоение, но и дальнейшее развитие технических методов и приемов, что наиболее ярко проявилось в изобретении колеса со спицами и в переходе к использованию тягловой силы лошади. Таким образом, здесь мы подходим к главной интриге нашего повествования, а именно к вопросу о том, где и когда была изобретена конная колесница.

[Большой Ипатовский курган, 2007. С. 111]

Источники, свидетельствующие о существовании запряженных эквидами двухколесных повозок в Месопотамии, могут быть датированы cal. XXIX - XXVI вв. до н. э. Это существенно древнее дат Большого Ипатовского кургана, где обнаружена древнейшая из известных в Евразийской степи и продатированная двухколесная повозка (cal. 2292 - 2202 гг. до н. э. – 68,2%). Однако эти катакомбные древности могут быть хронологически соотнесены с третьей династией Ура (cal. XXV - XX вв. до н. э. или 2159-2051 гг. до н. э. по «длинной» хронологии). Анализ дерева показал, что повозка из Большого Ипатовского кургана произведена из кавказских пород дерева, т. е. в целом технология была «местной» и независимой от Месопотамии. Однако вряд ли возможно однозначно ответить на вопрос, был ли тип двухколесных повозок развит в степи самостоятельно или же мастера следовали за технологиями Ближнего Востока.

[Епимахов, Чечушков, 2006; Чечушков, 2011]

Памятники синташтинско-петровского типа содержат убедительную серию свидетельств знакомства населения с колесным транспортом, точнее, с конной колесницей. К источникам относится коллекция роговых и костяных псалиев (более 50 экз.), отпечатки колес со спицами, кости домашней лошади в контексте упряжки. Безусловно, источники носят опосредованный характер, но нам уже приходилось приводить развернутую аргументацию в пользу их релевантности. Несмотря на то, что данные свидетельства иллюстрируют значимость колесницы, мы убеждены в наличии других видов колесного транспорта, ритуальная значимость которого отошла на второй план на фоне изобретения колесницы. Как уже упоминалось, А. В. Епимаховым были опубликованы работы, посвященные проблеме датировки синташтинских и петровских памятников Урала, что избавляет нас от дополнительного анализа. Напомним, что суммарный интервал синташтинских датировок (метод «Sum»), полученных к настоящему моменту – 2010 – 1770 (68,2%) или 2200 – 1650 (95,4%) гг. до н. э. Таким образом, можно заключить, что синташтинский период в истории Южного Урала в целом может быть синхронизирован с Древневавилонским царством не позднее правления Хаммурапи (1848 - 1806 гг. до н. э. по «длинной» хронологии).

[Littauer, Crouwel, 1996]

[Oppenheim, Reiner, 1977. P. 409]

Единичные свидетельства знакомства населения Месопотамии с лошадью относятся к началу II тыс. до н. э., однако надежно появление конной колесницы соотносится лишь с формированием государства Митанни, чьи правители, как известно, носили индоевропейские имена и клялись индоевропейскими богами. Традиционная система хронологии относит период его существования к XVI - XIV вв. до н. э. К сожалению, поскольку до сих пор неизвестно даже местонахождение столицы этого государства, то и опубликованных радиоуглеродных дат обнаружить нам также не удалось. Однако для установления радиоуглеродных периодов, соответствующих Митанни, могут быть привлечены древнеегипетские источники. Так, известно, что фараон Тутмос I в своих завоевательных походах достиг границ Митанни и одержал победу в скоротечной войне. В радиоуглеродной системе хронологии период его правления

[Bronk, Ramsey 2010, Supporting Online Materials. P. 26]

с 68% вероятностью лежит между 1520 и 1507 гг. до н. э., т. е. относится к концу XVI в. до н. э. Таким образом, вероятно, появление колесничного комплекса Митанни может быть датировано XVII в. до н. э. и связано с завоеваниями индоевропейских племен, мигрировавших в Месопотамию с севера.

[Spalinger 2005. P. 233]

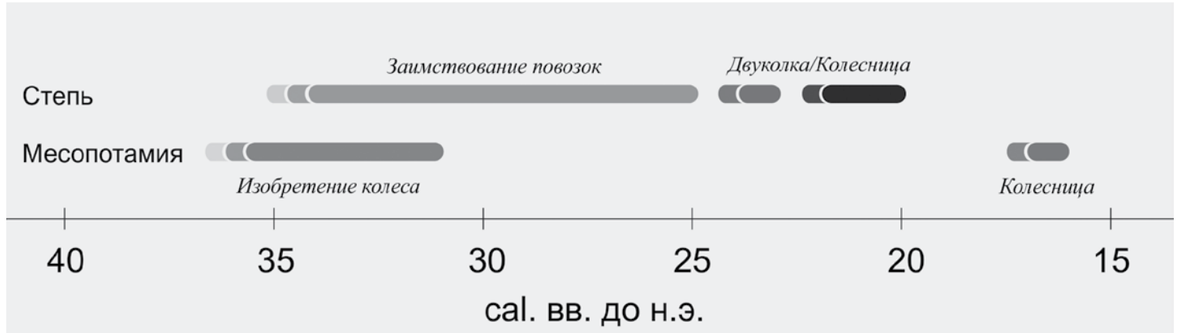
Появление колесниц и лошадей в Египте ассоциируется с семитами-гиксосами, которые положили конец существованию Среднего Царства. Начало Второго переходного периода в системе радиоуглеродной хронологии датируется 1746 - 1645 (68,2%) или 1871 - 1616 (95,4%) гг. до н. э. Окончание может быть датировано между 1596 - 1582 (68%) гг. до н. э. или 1601 - 1573 гг. до н.э. Другими словами, появление гиксосов и их колесниц в Египте может быть отнесено к XVII - XVI вв. до н. э. Видимо, колесницы и навыки разведения лошадей распространились на Ближнем Востоке чрезвычайно быстро, в течение XVII столетия до н. э. и уже в XVI в. до н. э. были освоены египтянами.

[Hassanand, Robinson, 1987]

[Bronk, Ramsey 2010, Supporting Online Materials. P. 26]

Заключение. Несмотря на существование описанных выше методологических трудностей, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что колесо и колесный транспорт, изобретенный первоначально в Месопотамии, достаточно быстро распространился в Северной Евразии. Примечателен и тот факт, что в количественном отношении степные находки значительно превосходят месопотамские, что связано с более ранним формированием традиции помещения повозок в могилы. Кроме того, в деспотических государствах Месопотамии загробные транспортные средства полагались лишь царям, в то время как на просторах Евразии население располагало большей свободой, их сообщества были менее централизованы и различные категории общинников могли быть захоронены с транспортными средствами. Конная колесница была изобретена в конце III тыс. до н. э., по всей видимости, в евразийской степи. Во всяком случае, ближневосточные свидетельства очевидно позднее синташтинско-петровских древностей. Разумеется, не все наши выводы являются однозначными, однако здесь мы скорее стремились показать, что подобная работа востребована и требует продолжения. ■

Рис. 3. Шкала хронологии истории колесного транспорта



Код	Дата	Ошиб-ка	Калиброванный возраст, гг. до н. э. (68,2/95,4%)	Источник
Урук IVa				
Hd-13042-12731	4690	35	3519-3376/3629-3369	Bakkeretal, 2006
Hd-13043-12732	4670	35	3516-3372/3622-3366	Bakkeretal, 2006
Hd-13041-12713	4660	35	3510-3370/3697-3367	Bakker et al, 2006
Hd-?	4765	85	3641-3381/3697-3367	Bakker et al, 2006
Джемдет-Наср				
TUNC-61	4480	100	3346-3028/3496-2905	Hassan, Robinson, 1987
Gak-1072	4474	103	3344-3026/3497-2901	Hassan, Robinson, 1987
R-1019	4570	60	3493-3112/3516-3091	Hassan, Robinson, 1987
R-1014	4570	50	3492-3119/3501-3097	Hassan, Robinson, 1987
R-1051	4310	50	3011-2887/3091-2872	Hassan, Robinson, 1987
R-1013	4360	50	3023-2910/3307-2887	Hassan, Robinson, 1987
R-1017a	4360	50	3023-2910/3307-2887	Hassan, Robinson, 1987
R-1010	4420	50	3265-2925/3332-2915	Hassan, Robinson, 1987
R-1018a	4410	50	3261-2925/3331-2909	Hassan, Robinson, 1987
R-1009	4360	50	3023-2910/3307-2887	Hassan, Robinson, 1987
P-1434	4285	62	3014-2780/3090-2677	Hassan, Robinson, 1987
C-183	4515	250	3618-2907/3798-2501	Hassan, Robinson, 1987
TUNC-31	4815	91	3618-2907/3798-2501	Hassan, Robinson, 1987
TUNC-37	4817	120	3346-3028/3496-2905	Hassan, Robinson, 1987
Раннединастический период I				
P-803	4221	53	2904-2699/2918-2631	Hassan, Robinson, 1987
P-819	4272	65	3011-2709/3089-2636	Hassan, Robinson, 1987
P-1463	4267	55	3002-2709/3024-2676	Hassan, Robinson, 1987
P-1462	4212	74	2902-2678/3009-2575	Hassan, Robinson, 1987

И. В. Чечушков
Радиоуглеродные даты

Код	Дата	Ошиб-ка	Калиброванный возраст, гг. до н. э. (68,2/95,4%)	Источник
Раннединастический период II				
P-807	4090	64	2858-2501/2872-2489	Hassan, Robinson, 1987
P-804	4095	52	2856-2574/2872-2493	Hassan, Robinson, 1987
Gif-?	4200	150	3008-2500/3335-2351	Hassan, Robinson, 1987
P-810	4074	64	2851-2494/2871-2473	Radiocarbon, 1965, Vol. 7
Раннединастический период III				
BM-64	3920	150	2620-2147/2872-2032	Hassan, Robinson, 1987
BM-70	4030	150	2866-2350/2923-2136	Hassan, Robinson, 1987
P-724	3959	50	2569-2350/2580-2295	Hassan, Robinson, 1987
BM-76	3390	150	1882-1521/2134-1318	Hassan, Robinson, 1987
BM-1366	3869	60	2461-2287/2486-2145	Hassan, Robinson, 1987
BM-1365	3938	60	2562-2342/2580-2210	Hassan, Robinson, 1987
Ур III				
H 141-120/166 Warka	3820	85	2454-2143/2546-2026	Hassan, Robinson, 1987
C-752 Nippur IV	3943	109	2580-2213/2864-2137	Hassan, Robinson, 1987
P-1464 Gedikli, Amuq J	3767	57	2286-2061/2397-2029	Hassan, Robinson, 1987
P-1798 Selenkahiye IV	3730	57	2203-2036/2296-1956	Hassan, Robinson, 1987
GaK. 1971 Godin III	3860	120	2477-2141/2833-1960	Hassan, Robinson, 1987
Раннеасирийский период				
P-1452	3522	63	1926-1758/2023-1691	Hassan, Robinson, 1987
P-1117	3480	60	1885-1700/1947-1644	Hassan, Robinson, 1987
P-2041	3500	49	1886-1756/1946-1692	Hassan, Robinson, 1987
P-1555	3611	49	2031-1904/2136-1784	Hassan, Robinson, 1987
P-1654	3587	82	2116-1778/2196-1697	Hassan, Robinson, 1987
BM-?	3450	150	1955-1548/2196-1429	Hassan, Robinson, 1987

Э. Р. Усманова
Слово о Елене Ефимовне Кузьминой

Впервые с Е. Е. Кузьминой я познакомилась на конференции в Томске в самом начале 80-х годов. Для меня это была первая конференция после окончания университета, можно сказать, «взрослая» конференция, с хорошим представительством известных ученых. И я рискнула сделать доклад по символике андроновского погребального обряда: красивые пассажи из Ригведы, легкий «флер» интерпретации. Ох и досталось мне на обсуждении от Е. Е. Кузьминой, что называется «разделала под орех». Слезы капали у меня из глаз после заседания. Теперь это смешно. Тогда – просто жизненная катастрофа. Е. Е. Кузьмина подошла и сказала: «Все открытия впереди. Берите бумагу и пишите список литературы, что нужно читать. Верю в Вас».

Так я вошла в мир андроновской символики и реконструкций. Потом еще было много встреч. Например, у нее дома, где я с удовольствием пила чай из изящной чашки старинного фарфора. Помню, как-то опрометчиво ложкой «зачерпнула» варенье из вареньицы. И поняла, что нарушила застольный этикет, не обратив внимания на поставленную рядом розетку. Елена Ефимовна разрядила обстановку, сказав: «Какая милая непосредственность!» У нее был дар: красиво обозначить любую ситуацию и объяснить тайный смысл любых вещей в археологии, в обыденном и сакральном окружении. За всем этим стояло знание, которое можно обозначить как огромное знание о культуре человека во все времена и эпохи.

Она никогда не падала духом и всегда находила в себе силы идти, искать, найти и не сдаваться.

Аркаим, 1999 год. Международная конференция. Большое собрание отечественных и зарубежных археологов. Знаковый банкет-совещание для избранных. Она оказалась в стороне. В опале. Знаки мелочного невнимания сделали ей больно. И тогда мы с Надеждой Ивановой организовали в выделенном нам для проживания домике маленькое «party» специально для нее. Позже к нам присоединилась Ольга Корочкова, сбежавшая с того пресловутого банкета. И был маленький праздник. Елена Ефимовна много рассказывала. Запомнилась ее история о путешествии в Афганистан и что она почувствовала при виде грандиозных скальных статуй Будды, которые позже были взорваны талибами: «На рассвете лучи солнца трепетно коснулись губ, и каменный Будда на секунду улыбнулся. И до сих пор эта улыбка перед моими глазами». Это был наш банкет «равных среди равных». Позже вышла ее книга на английском языке о миграциях индоиранцев, которая была тогда задумана ею на Аркаиме.

Об этой женщине, об ее научной неутомимости можно писать много. Читать ее статьи, книги всегда интересно. Она смогла ввести «андроновцев» в контекст мировой культуры. Благодаря ее научному обоснованию, они стали свидетелями и участниками глобальных миграционных процессов, креативно создав свой предметный и духовный мир. Она как никто понимала значение андроновского пласта в этом индоевропейском «многослойном пироге». Мастер изящных историко-культурных реконструкций и ярких интерпретаций. Поистине, одна из последних великих археологов XX века, и навсегда – «Андроновская». ■

Э. Р. Усманова
Общие принципы реконструкции «андроновского» костюма

Фрагменты текстиля и ювелирные гарнитуры, обнаруженные в женских погребениях культур андроновской общности евразийской степи, представляют основные виды текстиля и способ одеваться (особенности одежды) в эпоху бронзы. «Андроновскому» костюму не повезло, как, например, костюму из «замерзших» погребений алтайских курганов Пазырыка и Укока. Он не сохранился в той красоте, в том стиле, в тех деталях, которые определяли его вид и тканевую основу в реальном режиме времени их существования. И все-таки исключительные находки текстиля, обнаруженные в андроновских погребениях урало-казахстанских степей, позволяют на основании сравнительно небольшого информационного ряда артефактов восстановить принципы дизайна и облика костюма II тыс. до н. э.

[Сосновский, 1984]

«Андроновский» плетеный текстиль в изделиях. Сохранность деталей одежды из текстиля в погребениях андроновской общности (под ней понимается совокупность родственных культур, складывающихся в период стабильного развития азиатской зоны Евразийской металлургической провинции во II тыс. до н. э.) – достаточно редкое явление. Как правило, текстиль находится в виде отдельных фрагментов, которые зачастую трудно идентифицировать с каким-либо конкретным изделием.

Впервые полные сведения о шерстяных тканях и изделиях из них, найденных в андроновских погребениях Сибири, были представлены Г. П. Сосновским. Характер текстиля в изделиях был разным: от полосок плетеной или связанной крючком тесьмы и затем сшитых в единое полотно до фрагментов ткани, сотканной методом бессонного плетения при помощи челноков. Большинство описанных фрагментов относилось к головному убору, на основании чего восстанавливался фасон головного убора. Он изготовлен следующим образом: сплетенная или связанная тесьма укладывалась спиралью в конус шапочки, к которой подвязывались наушники. Кроме того, и некоторые детали платья (обшлаг рукава) также обрабатывались тесьмой – фрагменты плетеного текстиля находились в районе запястья рук. До сих пор эта работа остается самой значимой по информации об «андроновских» тканях, фрагментов которых, кстати, не так уж много найдено со времен первых – в начале XX века – раскопок андроновских погребений.

[Усманова, 2010. С. 30]

[Усманова, 2010. С. 125–131, см.: заключение О. П. Ченченковой]

Мне, как исследователю, сказочно повезло (если возможно такое не очень научное сравнение) найти археологизированный текстиль в алакульских погребениях могильников Лисаковской округи (Республика Казахстан, Костанайская обл., г. Лисаковск). В погребении кургана 1 могильника Лисаковский I благодаря насыщенному металлическому декору хорошо сохранилась текстильная основа женского головного убора, а именно накосного украшения.

[Усманова, 2010. С. 153]

Реставрация позволила в деталях восстановить вид текстильного полотна, состоящего из тесемочных полосок, сплетенных вручную и сшитых вместе, и сам образ головного убора. Выделено несколько видов по ширине и по количеству шерстяных нитей тесьмы. Два основных вида отмечены в качестве текстильной основы головного убора: тесьма диагонально-полотняного переплетения, шириной до 20 мм и количеством нитей 20; тесьма диагонально-саржевого переплетения, шириной до 10 мм и количеством нитей 6.

В погребении кургана 1 могильника Лисаковский II обнаружен фрагмент

[Усманова, 2010. С. 114-117]

плетеного текстиля, который относился к верхней одежде. Возможно, что это был подол короткого кафтана или куртки (жилета), т. к. фрагмент, состоявший из трех слоев, обнаружен в женском захоронении в районе бедер. Основное полотно изделия, как с лицевой, так и с изнаночной стороны сшивалось вертикальными полосами из шерстяной тесьмы шириной 25 мм, количество нитей 26. Для утепления куртка простегивалась полосами рыхлой серой ткани, изготовленной скорее всего на дощечках (табличках). Стежку делали нитью, из которой ткали серую ткань. С внутренней стороны серую ткань перекрывали широкой тесьмой, точно такой же, как и с лицевой стороны. Нижний край (подол) закрыт и укреплен тесьмой с внешней и внутренней стороны изделия. С внешней стороны использовалась тесьма с диагонально-саржевым переплетением. Такая тесьма плотнее и декоративнее, чем тесьма из того же количества нитей, но диагонально-полотняного переплетения, которая использовалась с внутренней стороны подола. С лицевой стороны кафтан декорирован вышивкой, возможно, «елочным» или ромбическим узором. В острых углах вышивки имеются следы от нашивных бляшек.

[Усманова, 2010. С. 114–117 – см.: Приложение 1]

Тесьма плелась из шерстяных нитей. Установлено, что кафтан сшит из тесемок, для плетения которых применяли нить из смешанных волокон (пух + ость и мертвый волос), но ости и мертвого волоса добавлено мало. При этом для узких тесемок использовали шерсть с тонким пухом, а для широкой тесьмы и нитей вышивки – с более толстым пухом. Можно предположить, что применение именно этих типов шерстяных волокон связано с тем, что у «лисаковских андроновцев» было хорошо развито чесание шерсти. Возможно, для плетения деталей одного костюма использовали нити из шерсти разных стрижек (весенней и осенней). В этом случае мастера могли заготавливать шерсть, прясть нити и плести тесьму разных видов в качестве заготовок, которые хранились какое-то время. По мере необходимости разные плетенки использовали при шитье полотна изделия.

Плетеный текстиль. Плетение – один из древнейших производственных процессов, позволявший с его помощью получать готовые изделия не только хозяйственного, бытового назначения (корзины, различного вида емкости, плетеная мебель), но и утилитарного, предназначенного для искусственного покрытия тела – аксессуары и детали костюма. Стоит вспомнить миф о победе Афины, как представительницы передовых технологий, – станкового ткачества – над Арахной, которая, как известно, плела полотно, а не ткала. Плетение и ткачество по своим технологическим приемам тесно связаны между собой. По сути своей ткачество – это процесс переплетения нитей на любом устройстве: на раме, на палочках, на дощечках, на ткацком станке. А плетение – это, прежде всего, ручной перебор нити. Например, плетение на дощечках по способу создания полотна можно рассматривать как предтечу тканья на ткацком станке.

[Усманова, 2010. С. 114–117 – см.: Приложение 1]

По своим характеристикам плетеная тесьма отличается от трикотажного полотна, связанного спицами или крючком. Плетеная тесьма не распускается так легко, как вязаная, и ее длина изначально должна быть выверена по длине используемой нити. То есть длина тесьмы регламентирована длиной нитей, из которых она плелась. Полоса тесьмы легко может разделяться по ширине, за счет деления нитей поровну. Если есть необходимость, то цельное полотно получается путем сшивания тесемочных полос, поэтому использование термина «плетеный текстиль» отражает сущность самого процесса изготовления. Текстиль, сшитый из плетеной тесьмы, являлся одним из видов полотен для шитья деталей «андроновского» костюма.

Цвет «андроновского» костюма. Это все оттенки красного цвета. Во фрагментах «лисаковского» плетеного текстиля обнаружены три основных красителя

марены Rubia tinctorum или другой разновидности марены, из рода Rubia, или подмаренников из рода Galium: псевдопурпурин, пурпурин, ализарин.

[Полосьмак, Кундо, 2005. С. 590]
[Флора Казахстана, 1965]

Марена красильная (Rubia tinctorum L.) – многолетнее растение семейства мареновых произрастает в Европе, Средней Азии, Средиземноморье, Иране, Индо-Гималайском регионе, Китае. Из корней марены (Rubia tinctorum L.) добывается крапп – одна из древнейших растительных красок, красящими веществами являются ализарин и пурпурин. Род Марена Rubia в Казахстане представлен восемью видами. Род подмаренник Galium насчитывает в Казахстане 25 видов. Очевидно, что «андроновцы» знали свойство растений семейства мареновых окрашивать волокна в красный цвет, который играл большую роль в формировании цветовой палитры костюма. Примечательно, что мареной окрашивалось сырье/пряжа на достаточно большой территории распространения культур андроновской общности: от Южного Приуралья до Минусинской котловины. Так, например, в «лисаковском» текстиле окрашивалось шерстяное сырье до прядения из него нитей, что указывает на местный характер происхождения красильного сырья и самого плетеного текстиля.

[Усманова, 2010. С. 103]

Шерстяные изделия из погребений могильников Лисаковской округи – головной убор и куртка (кафтан) – имели красный цвет. Плетеное полотно куртки по цвету было полихромным, но выполненным в красноватом колорите. Светло-розовое полотно, сшитое из плетеных тесемок, было украшено с лицевой стороны красновато-коричневой вышивкой и тесьмой того же цвета по подолу, а с изнаночной стороны – красной тесьмой.

Головной убор. Главным элементом «андроновского» женского костюма является головной убор, который в костюме отличался богатым убранством из металлических деталей, бусин, подвесок природных форм. Платье не отличалось богатым декором и было гораздо скромнее по оформлению, чем головной убор, который изготовлялся из кожи или плетеного полотна и, скорее всего, представлял собой шапочку или налобную повязку.

По имеющимся археологическим данным, различаются два вида головных уборов: 1-ый вид – с комплектом подвесных украшений; 2-ой вид – без них. Именно подвесные украшения – накосник и челюстно-лицевая подвеска из бляшек – определяют главную стилевую направленность «андроновского» костюма. В головном уборе они встречаются по отдельности, но известны редкие случаи, когда они объединены в ювелирном убранстве.

Находки плетеной тесьмы позволяют экспериментально смоделировать «андроновский» головной убор, так как сравнительно легко, обладая определенным навыком, сплести тесьму. Изготовление головного убора составляет несколько пошаговых конструктивных позиций. В базовую основу каркаса шапочки бралась тесьма диагонально-полотняного переплетения, сплетенная из 20 нитей, которая, начиная с основания, и далее вверх, укладывалась в спираль и сшивалась в конический головной убор, высотой до 25 см. Конец тесьмы оставался свободным и протягивался с макушки изделия вниз, к накосному украшению. Для укладки тесьмы использовалась болванка (в нашем случае – сосуд, и «андроновцы», по всей видимости, употребляли такой вид болванки). Причем плетение только одной главной несущей полосы тесьмы, длиной до 6 м, и дополнительных тесемок (общая длина полос – около 10 м) заняло около 80 рабочих часов. Но, по всей видимости, «андроновские» мастерицы плели быстрее, поскольку плетение, скорее всего, было для них каждодневным занятием.

Следующий шаг в создании облика головного убора – это закрепление накосного украшения. С этой целью к головному убору в области затылка при помощи двух обойм дополнительно крепились две ленты тесьмы (шириной около

[Усманова, 2010. С. 114-117]

Реконструкция «андроновского» головного убора. По материалам могильника Лисаковский I, курган 1. Авторы реконструкции: Э. Р. Усманова, О. Н. Евстигнеева

20 мм) с низками бусин. Третья – центральная тесьма, спущенная с макушки, была основной лентой, из которой была сшита шапочка. Весь металлический декор накосника скреплялся и держался при помощи трех лент тесьмы.

Таким образом, полосы тесьмы «монтировали» в единое целое – головной убор и накосник. Одна полоса тесьмы при сшивании практически становилась полотном для шапочки, другие две полосы предназначались для сборки металлических деталей в одно компактное ювелирное изделие – накосное украшение длиной 35–40 см и 70–80 см. По способу оформления деталей выделяются два типа накосных украшений:

– простой – две/несколько низок бусин или полосы обойм, которые заканчиваются листовидными/ромбовидными подвесками;

– сложносоставной – две/несколько низок бусин держат ювелирный комплект из подвесок, трубчатых пронизей, обойм, который заканчивается листовидными/ромбовидными подвесками.

Челюстно-лицевая подвеска состоит из цепи, собранной из круглых бронзовых орнаментированных бляшек, закрепленных на шерстяной тесьме/кожаном ремешке. Количество бляшек в подвеске колеблется от пяти до одиннадцати. Тесьма или ремешок пропускались через обоймы/рифленые пронизи, закрепленные в один-два ряда между бляшками, которые археологически фиксировались в районе черепа и висков. Цепь из бляшек прикреплялась к шапочке или налобной повязке в районе висков, обрамляя лицо ее носительницы. Подвесной гарнитур к головному убору – это отличительная черта «андроновского» костюма, которая и является главной чертой его стиля. По всей видимости, появление именно этой детали костюма – головного убора (шапочки или налобной повязки) с подвесным гарнитуром – связано с демонстрацией собственных стандартов в культуре, когда костюм является знаком и территории, и этноса, и статуса того, кто его носит.

[Усманова, 2010. С. 110]

«Андроновская» одежда. Вполне возможно, что «плетеные» детали костюма ввиду трудоемкости своего изготовления могли использоваться только в ритуальных целях, например при погребении в них обряжали умершего человека. Головной убор мог существовать в единичном экземпляре и быть только ритуальным. Насколько часто надевала его в повседневной жизни «андроновская» женщина – сказать трудно: поскольку основные наши знания об этом костюме базируются на свидетельствах из погребений, относящихся по своему предметному содержанию к миру обряда. Кстати, в плетении «лисаковской» тесьмы обнаружено много ошибок: пропуски, сбивка на переплетение, обрыв нити. Возможно, они связаны с плетением тесьмы в несветлое время суток, при искусственном освещении, а также в холодное время года, когда коченели пальцы рук. Очевидно, что плетение было нелегким ремеслом. И «плетеная» одежда вполне могла быть раритетной.

[Сухарева, 1979. С.79]

Отпечатки текстиля найдены на поверхности керамических сосудов, относящихся к «андроновской» общности. В большинстве своем они принадлежат ткани, изготовленной на ткацком станке. Платье шилось из станковой ткани, фрагменты которой значительно хуже сохранялись, чем плетеный текстиль. На наличие женского платья в андроновских погребениях указывает декор в виде нашитых бусин или мелких бляшек по вырезу горловины, подолу платья и обшлагам рукава. Наверное, можно говорить лишь о модели-реконструкции «андроновского» платья, так как археологически оно практически не фиксируется.

[Куприянова, 2006. Рис. 8]

За идею покроя «андроновского» платья можно принять архаичный покрой среднеазиатской нераспашной одежды туникообразного покроя. Делается она из прямого куска ткани, перегнутого вдвое на плечах, так что из одного куска образуется основная часть одежды – ее стан. Прямые невырезные рукава

пришиваются к стану по прямой нитке; с боков, по рукавам, захватывая их, помещаются боковины. Судя по остаткам ткани под браслетами, можно считать: длина рукава доходила до запястья. И в таком случае браслеты могли играть роль зажимов для рукавов.

[Полосьмак, 2001. С. 117-119]

Длина платья доходила до колен или чуть ниже, до середины голени – именно в этих местах находились бусины или нашивные бляшки. Вырез платья, по всей видимости, был горизонтальным и широким (в виде лодочки), позволявшим голове легко проходить через него. Пастовые бусины, фиксируемые в районе шеи, чаще всего располагались полукругом или зигзагом.

[Усманова, 2010. С. 154]

Достоверно можно говорить лишь о такой детали костюма, как куртка или кафтан (жилет), сшитый из плетеного полотна (могильник Лисаковский II, курган 1, погребение 1). Под вопросом остается ношение штанов «андроновскими» женщинами. Скорее нет, чем да. Прямых археологических свидетельств на предмет ношения этой детали костюма – не имеется. К примеру, в костюме «укокской» принцессы, который, как известно хорошо сохранился, штанов не было. Штаны были принадлежностью мужского костюма.

Фрагменты других изделий (кроме головного убора и обуви, из аксессуаров – сумочка), входившие в гардероб «андроновской» женщины, в погребениях пока не найдены.

Если головной убор маркирует верх, то обувь маркирует низ. Это своего рода «небо и земля» одежды. Видимо, и символика головного убора и обуви исходит из «небесного и земного» их назначения. В «андроновском» костюме только головной убор и обувь обильно украшались всевозможными декоративными элементами.

[Усманова, 2010. С. 159]

По археологическим данным, из андроновских погребений определяются следующие виды материалов, из которых была изготовлена обувь: кожа, войлок, вязаный трикотаж, мех. Точный фасон и крой обуви неизвестен. В районе голеностопа зафиксированы бусины, бронзовые подвески, нашивные бронзовые бляшки, которые явно входили в декор обуви. По всей видимости, обувь могла иметь вид мокасин или сапожка, скроенного из цельного куска кожи и сложенного по центральному шву, верх которого фиксировался завязками в районе щиколоток.

[Усманова, 2013. С. 97]

Аксессуары. К элементам костюма относятся и аксессуары. У «андроновских» дам были сумочки, которые, возможно, имели ритуальное назначение. Они находились в погребениях в виде кожаных или шерстяных фрагментов в районе пояса. Они не были пустыми: в них лежали украшения (браслеты, подвески, клыки животных). Находки их весьма редки, что предполагает их особое статусное значение в костюме. Возможно, это было своеобразное посмертное приданое, с украшениями, по каким-то причинам не надетыми на погребенную женщину.

Войлок в «андроновском» костюме. В нескольких алакульских погребениях могильников Лисаковской округи найдены фрагменты покрывала и балдахины из войлока. Этот факт свидетельствует о наличии войлоковаляния в андроновской среде. А также дает возможность предположить наличие одежды из войлока в «андроновском» гардеробе – верхней одежды, головных уборов, обуви, которые могли изготовляться из войлока и не сохраниться в погребении. Не исключено, что по ритуальным соображениям одежда из войлока относилась к обыденной, зимней одежде и по этой причине была лишена сакральной статусности в погребальном обряде.

[Гаген-Торн, 1960. С. 139, 143]

Дизайн головного убора и его символика. И конечно, говоря об «андроновском» костюме, необходимо остановиться на символике его главного элемента – головного убора. Его дизайн был определен символическим значением в костюмном ансамбле. Он венчает верх, обеспечивая связь человека с небом. Тем более что в обрядовом костюме (по всей видимости, именно таковым является костюм женщины в

андроновском погребальном обряде) головной убор, отодвигая практическую функцию на второй план, отдавал предпочтение религиозно-магической. И, конечно же, в женском костюме магическая функция головного убора в большой степени соотносится с охранной магией матери и ребенка, женской фертильности. Отсюда и следует ведущее значение головного убора в костюмном ансамбле, символика которого основана на культе плодородия.

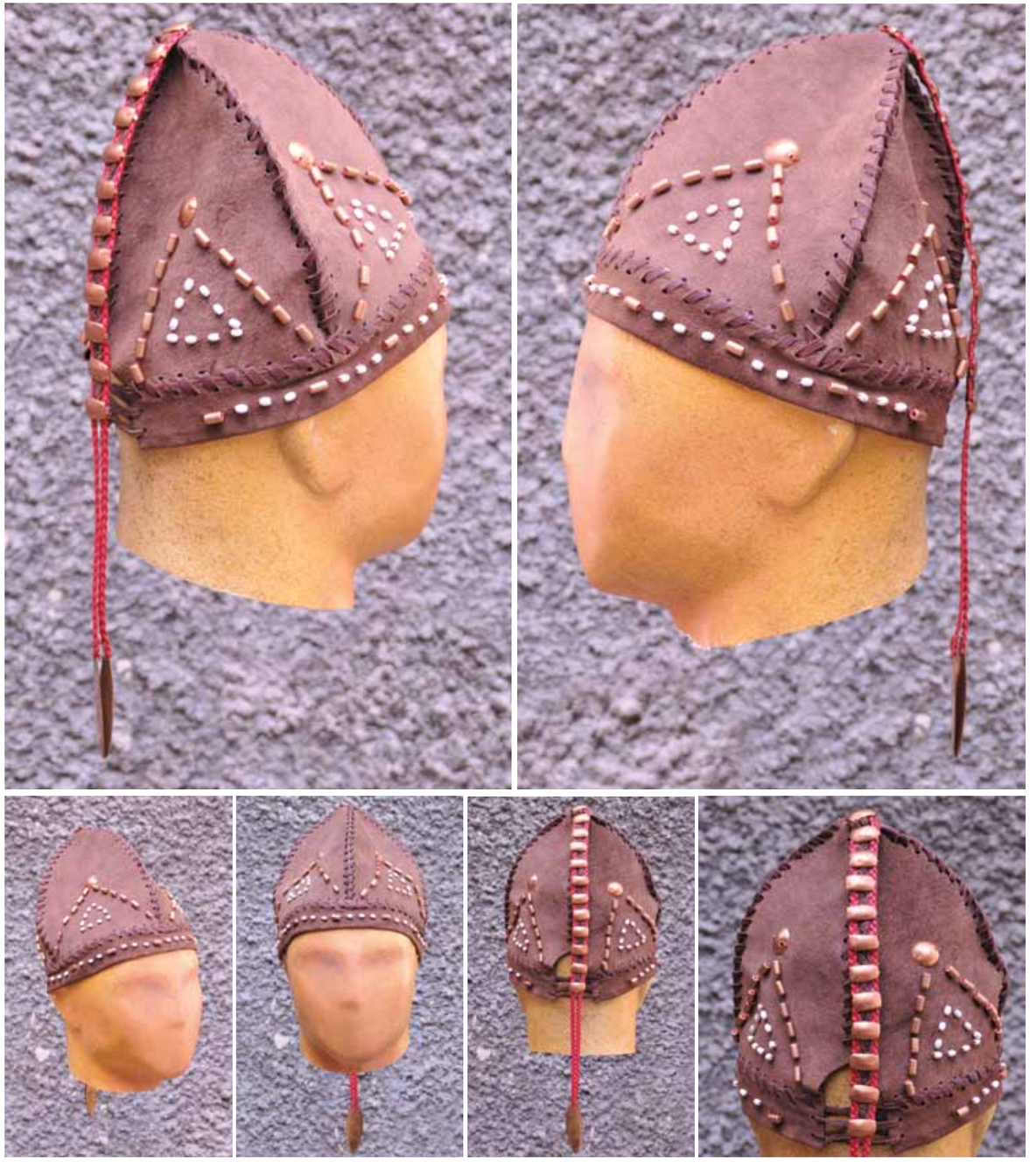
В какой ситуации особо трепетно относится девушка к убору, надеваемому только раз в жизни на голову и потом бережно хранимому для дочерей и внучек? Даже в современном мире, подверженном идеям глобализма, эта традиция продолжает жить. Подобное отношение к свадебному головному убору складывалось тысячелетиями. Его отличительная черта – закрытые волосы. Почему? По представлениям сакрального толка, девушка, переходя в чужую для себя семью, по сути, лишалась защиты своего рода. Магическая суть головного убора сводилась к культу плодородия. Это означало предохранить невесту – будущую мать – от действия всякого рода недоброжелательной энергетики. От сглаза – так звучит это в традиционной культуре. Как правило, после рождения первого ребенка головной убор с накосником снимался и заменялся на более простой.

[Усманова, 2010. С. 83-93]

Рождение детей – основа жизненного существования. Защитить себя и будущее семя собственной семьи. Волосы ассоциируются с растительностью. Женщина подобна земле, дающей жизнь растениям. Волосы – сила. Волосы – власть. Потому и плетутся сотни метров тесьмы, штампуются бляшки с орнаментом, окрашивается шерсть в красный цвет и творится девичья краса по-андроновски, необходимая для продолжения рода.

Весь дизайн головного убора подчиняется идеям необходимости охраны, усиления плодородия. Идеи эти проявляются и в форме подвесок (растение – лист, ромб – женское начало), и в красном цвете жизни, и в орнаменте бляшек-оберегов (круг, спираль, крест – распространенные знаки Земли, Вселенной). В цветовой символике головного убора есть все главные цвета мироздания. Красный цвет тесьмы – цвет плодородия. Желтый цвет бронзовых бляшек и золотых височных колец – цвет солнечной, жизненной энергии. Белый и голубой цвет пастовых бусин – цвет небесной стихии. Накосник, на концах которого висят шумящие подвески в виде листа, по своей конфигурации напоминает очертания дерева. Вот оно, воплощение идеи о живом, растущем, плодоносящем «древе жизни». Шум, звон, издаваемый при ходьбе висящими подвесками, был призван отпугивать злые силы.

Головной убор с накосником пережил не одну сотню лет и сохранился в женском костюме по причине своего великого магического значения. Еще совсем недавно звенели весело накосники, отпугивая зло и привлекая добро, на косах казахских, татарских, узбекских, кыргызских, башкирских, мордовских, марийских девушек и женщин, символизируя будущий или настоящий брачный статус. Сегодня традиционный головной убор с накосником, надеваемый на свадьбу, лишь дань традиции. Сегодня он, поражающий своим сложным декором, обилием и весом металлических деталей, – принадлежность музейных витрин и эстетического образа костюма народного фольклорного ансамбля. Впрочем, в далеких селеньях, деревнях и аулах можно еще встретить бабушек, у которых на косах висят монетки, красивые перламутровые пуговицы и всякого рода подвески. Ну и пусть, что волосы в косе поредели и детей, внуков полным-полно. Накосники носятся в память о далекой молодости, когда юной невестой входила в дом мужа. Так живет вечно пришедшая из глубины веков эпохи бронзы, магическая необходимость украшать женские волосы. ■



Справа: Реконструкция «андроновского» головного убора. Автор Э. Р. Усманова

И. Н. Швец
Об антропоморфных изображениях в казахстанских петроглифах эпохи бронзы

Изучение наскального искусства является довольно молодым направлением в казахстанской археологии. Его интенсивное изучение началось в 60-х годах двадцатого столетия и получило в последние годы новые импульсы. Это связано с тем, что археологические исследования последнего десятилетия ввели в научный оборот ряд новых уникальных изобразительных памятников. Такие местонахождения как Баянжурек, Кулжабасы, Сауыскандык и др. расширили географию наскального искусства Казахстана и пополнили его репертуар. Новейшие технические возможности позволяют сегодня проводить более полноценное и безопасное документирование данного типа памятников первобытного искусства.

Местонахождение Тамгалы, расположенное в одноименном ущелье, в горах Анрахай, в 190 км северо-западнее Алматы, является одним из наиболее изученных памятников наскального искусства Казахстана. Его яркие сюжеты обеспечили ему внимание исследователей и мировую известность. В 2004 году археологический комплекс Тамгалы включен в Список Всемирного Наследия ЮНЕСКО, а в 2003 году на его территории создан Государственный историко-культурный и природный заповедник «Тамгалы».

Выявление «алтарного комплекса» на этом памятнике, синхронизация некоторых сюжетов на скалах урочища Тамгалы и плитах погребений, анализ и картографирование археологических объектов всего тамгалинского ущелья, позволили не только увереннее датировать основной комплекс изображений, но попытаться представить и аргументировать функциональное предназначение всего комплекса.

Синхронизация местонохождений петроглифов и окружающих их погребений и поселений – еще не гарантирует достоверности в решении вопросов датировки наскального искусства, но может стать одной из таких возможностей, активно используемых в исследованиях последних лет. Так, А. Е. Рогожинский при изучении археологического ландшафта комплекса петроглифов Тамгалы, приходит к выводу, что активное заселение данной территории произошло, вероятнее всего, в эпоху бронзы и первоначально связано с продвижением в западные районы Семиречья центрально-казахстанских групп населения. Весь археологический комплекс урочища Тамгалы включает в себя около 100 разновременных памятников – поселений, могильников, древних каменоломен, датируемых с середины 14 -13 вв. до н. э. – рубежом 19-20 вв. н. э.

[Рогожинский, 2001. С. 8; 2011]

Мнение А. Е. Рогожинского о том, что петроглифы местонахождений Байконур, Арпаузен, Койбагар, Саймалы-Таш являются только лишь реминисценцией стиля и иконографии тамгалинских рисунков, противоречит более ранней датировке, предлагаемой другими исследователями для ряда так называемых, «тамгалинских сюжетов» названных выше памятников. В пользу более раннего обитания в урочище Тамгалы древних племен свидетельствуют и некоторые калиброванные даты могильника Тамгалы IV, которые приводит сам А. Е. Рогожинский, но при этом игнорирует их, как несогласующиеся с его схемой периодизации.

[там же. С. 17]

По нашему мнению, древнейший пласт петроглифов Тамгалы, к которому принадлежат рисунки «солнцеголовых», «ряженых», «адорантов», «палиценосцев» и ряд зооморфных сюжетов, синхронен окуневской, каракольской и самусьской культурам и должен датироваться концом III – началом II тыс. до н. э. Сегодня трудно однозначно указать центр зарождения данного стиля и иконографии, о чем наглядно свидетельствуют изложенные на страницах этой книги изобразительные материалы. По мере открытия, изучения новых памятников и появления надежно датированных параллелей из поселений и могильников, данная проблема, возможно, найдет свое решение.

Представление о местонахождении Тамгалы, как святилище с особым статусом или как о древнейшем монастыре, где были заложены основы так называемого «тамгалинского» стиля, вызывает ряд вопросов. Большая часть антропоморфных персонажей данного комплекса петроглифов встречается и на других изобразительных памятниках. Так, «солнцеголовые» и «ряженые» Баянжурека, Байконура, Арпаузена, Терса, Кулжабасы и Сауыскандыка I-IV так же отличаются высочайшей техникой исполнения и интересной композиционной подачей. Вопрос «географии влияния» Тамгалы на формирование определенного стиля в наскальном искусстве Казахстана, а также поиск определенного исходного пункта того или иного сюжета далек от своего решения. В случае с Тамгалы внимания заслуживает техника исполнения ряда антропоморфных и зооморфных образов на этом памятнике, о чем, к сожалению, мало пишется.

[Сараев 2007. С. 9]

Иконографическая близость и технологическое сходство в исполнении ряда сюжетов Сауыскандык I-IV с петроглифами урочища Тамгалы, Баянжурек, Ешкиольмес, Арпаузен и Терс, доказывают, что, так называемый, «тамгалинский тип» изображений не ограничен лишь ареалом юго-запада Семиречья и представлен также и на других изобразительных памятниках Южного и Центрального Казахстана.

Интересными являются попытки выявления визуальных и акустических эффектов, подразумевающих реконструкцию первоначальной «архитектурной» планировки тех или иных местонахождений петроглифов; их изначальную микро-топографию, реконструкцию проводившихся там ритуальных действий-церемоний. Подобные эксперименты проведены на местонахождении Тамгалы и свидетельствуют, по мнению авторов, о наличии культовой и периферийной зоны на этом памятнике, своеобразной «кафедры», а также «маршрута ведущего». Полученные результаты плохо согласуются с фактом разновременного нанесения петроглифов комплекса Тамгалы и явной дезинтеграцией ряда скальных монолитов, образующих когда-то основную часть этого изобразительного памятника.

[Рогожинский, 2001. С. 21, 41; Сараев, 2007. С.13]

Ранее уже предпринимались попытки выявить взаимосвязь между наиболее «значимыми сюжетами» и структурными особенностями некоторых пещер с первобытной живописью во Франко-Кантабрийском регионе. В результате установлено, что отсутствует какая-либо взаимосвязь между наиболее «значимыми полотнами» и частями пещеры, обладающими особыми свойствами акустического тона. Необходимо при этом признать, что сама по себе первобытная живопись предлагает для данного эксперимента более благоприятную исследовательскую базу – наличие замкнутого пространства, галерей, первозданность архитектуры ансамбля, большая вариативность «игры» со звуковым тоном.

[Lorblanchet, 1997. P. 213]

При всей важности изучения археологического ландшафта как одного из общепризнанных датирующих факторов наскальных изображений, полная публикация хорошо документированных, выбитых и рисованных на скалах образов и сцен изобразительных памятников, их взаимного расположения была

и остается актуальнейшей задачей.

Сауыскандык. Горный массив Каратау на юге Казахстана является одной из богатейших провинций наскальных изображений Центральной Азии. В 2003-2004 гг. в результате археологической разведки в горах Бала-Сауыскандык, расположенных в северо-западной части хребта Каратау на территории Шиелийского района Кызылординской области, С. Мургабаевым зафиксировано большое скопление петроглифов по обоим берегам реки Сауыскандык.

В 2006 г. опубликовано краткое сообщение об этом открытии, в котором авторы говорили о наличии в этой местности 5 больших групп наскальных изображений. В 2007-2009 гг. сотрудниками отдела по изучению памятников раннего железного века и древнего искусства Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК проведена экспедиция по изучению и документации петроглифов данной местности. Финансовую поддержку оказал германский фонд Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, Deutschland).

[Мургабаев, Елеуов, Самашев, 2006. С. 68-73; Самашев, 2006. С. 7]

Некоторые образы из репертуара петроглифов местонахождения Сауыскандык являются каноническими для наскального творчества Казахстана. К ним принадлежат изображения палиценосцев, адорантов, «ряженых» и «солнцеголовых».

«Маркерным» персонажем местонахождения Сауыскандык можно назвать изображения палиценосцев (рис. 1 – 4), которые здесь показаны с массивным корпусом (иногда изображены в паре), держат на плече палицу (жезл?). Выделена круглая голова, мощный торс, широкие плечи и подчеркнуто узкая талия, ноги чуть согнуты в коленях. Особо выделены бедра человека. Для этих фигур характерно сочетание изображения торса, показанного в фас, и ног, изображенных в профиль. Большинство фигур имеют на поясе предмет, напоминающий подвешенный хвост (рис. 3, 4).

Подобным же образом «палиценосцы» изображены в петроглифах Тамгалы и на других местонахождениях хребта Каратау. Повсюду их отличает довольно реалистичная подача мужской фигуры в «единообразной фронтально-профильной проекции: корпус с узкой талией развернут к зрителю, ноги и голова даны в профиль; часто выделена мускулатура ног, ягодицы».

[Рогожинский, 2011. С. 89. Рис. 2-16, 17, 20, 21]

Данные характеристики, как полагает А. Е. Рогожинский, соответствуют облику героя в наскальном искусстве Казахстана. В. В. Сараев видит в той же фигуре изображение пешего путника с посохом, «к одному концу которого привязан узелок с нехитрым скарбом на плече». Посох, как и палица, выполненная из деревянного ствола с корневищем, довольно универсальный атрибут для кочевых обществ, сохранивший свое значение вплоть до современности. При помощи подобных палиц пастухи отбивались от нападения волков. Посох часто изображен в петроглифах, как длинная палка с загнутой закругленной верхней частью, и использовался при выпасе скота для поимки животного, при преодолении пешеходных маршрутов и т. д. На страницах этой книги, во 2-й главе, В. А. Новоженовым предложена интерпретация функционального предназначения таких предметов, которые он называет «крюками-баграми» – орудиями труда возничих повозок – и приводит многочисленные аналогии им из синхронных археологических памятников Евразии. Короткий вариант данного предмета в одной или двух руках у некоторых антропоморфных персонажей мог бы интерпретироваться как ветви деревьев или другие ритуальные атрибуты, использующиеся в церемониях или являющиеся символами власти.

[Рогожинский, 2001. С. 28]

[Сараев, 2007. С. 17]

С. Мургабаев справедливо видит сходство стилей между палиценосцами, изображенными на скалах Южного Казахстана, и фигурами на керамических изделиях Алтын-депе (III тыс. до н. э.) и выделяет еще ряд дополнительных характеристик палиценосцев в наскальном искусстве: поза на полусогнутых ногах, изогнутые в локтях и поднятые до плеч руки.

[Ремпель, 1987. С. 8. Рис. В]

[Мургабаев, 2013. С. 55]

А. Е. Рогожинский среди петроглифов Каратау идентифицирует как минимум три разновременные группы изображений, относящихся к эпохе бронзы: «двух ранних, ассоциирующихся с иконографией и стилистикой Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) (первая) и с сейминско-турбинской традицией (вторая), а также поздней, имеющей свои художественные отличия и повсеместно документируемой палимпсестами».

[Рогожинский, 2011. С. 89]

В манере изображения антропоморфных скульптурок из Гонур-тепе (Туркмения) – женских или мужских, по мнению Н. А. Дубовой, значительное внимание уделено моделированию бёдер, которые показаны подчёркнуто доминирующими, принимающими округлые или трапециевидные формы. Выделяя основные структурные элементы и особенности гонурского погребального обряда с повозками, В. А. Новоженов отмечает среди них наличие «атрибутов власти» – сломанных каменных посохов, каменных дисков, скипетров (булав-дубинок), «гарпунов».

[Дубова, 2008. С. 97]

[Новоженов, 2012. С. 98-123; 286-308]]

Форма посоха антропоморфных персонажей из Сауыскандыка напоминает изображение посохообразного предмета на статуях Чемурчека. Еще одна особенность объединяет изображения на Сауыскандыке и ряд деталей на статуях Чемурчека, которые А. А. Ковалев датирует второй половиной III – началом II тыс. до н. э. – изображение быков, которые показаны со своеобразными, изогнутыми в виде буквы «S» рогами и с расширяющимся к низу хвостом; часто изображены с кисточкой на хвосте. Стилизация тела животных на чемурчекских статуях также выявляет множество сходных решений. Автор отрицает наличие каких-либо стилистических сходств между изображениями Чемурчека и одновременными памятниками Сибири и Казахстана. Однако наше исследование предлагает ряд деталей, объединяющих изобразительные памятники Чемурчека и Южного Казахстана. Мы уже отмечали стилистическое сходство между быками Сауыскандыка и быками на стелах окуневской культуры. Таким образом, Чемурчекский культурный феномен, охватывающий Восточный Туркестан, Западную Монголию и Восточный Казахстан, «обрастает» рядом сходств, которые связывают его более тесно с кругом синхронных археологических культур, географически близких ему.

[Ковалёв, 2012. С. 38, 88]

[Ковалёв, 2012. С. 14, 38, 42]

[Швец, 2011. С. 134-138]

В Сауыскандыке кроме посоха в руках антропоморфов зафиксирована также секира (рис.2). Изображения секиры обнаружены в горах Каратау как в руках человека (Сауыскандык, Шалабай, Караунгир, Арпаузен), так и отдельно (Багана-лы/Донгелексаз).

В петроглифах Сауыскандыка антропоморфные фигуры с палицами и «хвостами» изображены в одной из сцен охоты на быка (рис. 3). Бык показан поверженным – лежащим на земле. Предполагается, что здесь изображены мифические герои.

[Рогожинский, 2011. С. 92. Рис. 2-6; Мургабаев, 2013. С. 57. Рис. 19, 20]

Необходимо отметить, что палиценосцы Сауыскандыка менее всего ассоциируются с миролюбивым пешим путником с «котомкой» на плече. Древний мастер пытался подчеркнуть прежде всего силу во всем облике этого персонажа. Об их «необычности» говорит гипертрофированность фигур по отношению к другим фигурам, изображенным на плоскости. Намеренное подчеркивание атлетизма в теле – массивный плечевой пояс, крепкие, мускулистые ноги – также свидетельствуют в пользу «героизации» этих фигур. Помимо указанных деталей, рассматриваемые образы отличает тщательность и натурализм исполнения, стремление показать фигуры в действии или движении. Изображение палицы как постоянного атрибута этих персонажей подчеркивает ее мифоритуальное

или культовое значение.

Вызывает интерес и явный дуализм таких антропоморфных фигур, зафиксированный в двух композициях. В одной сцене подобные фигуры со схожей атрибутикой изображены уже не рядом друг с другом, а сражающимися между собой. Данная парность фигур, возможно, отражает один из сюжетов мифа о соперниках братьях-близнецах, характерный для многих древних культур мира. Набор двоичных символов характеризует повсеместно существующий дуализм. Именно такие сюжеты в первобытном искусстве подразумевают композиционную неделимость, целостность, где идеологическому и тематическому уровню подчинено все остальное – атрибутика, позы, пропорции, акценты.

[Швец, 1999. С. 14]

Дуализм восприятия помогал не только классифицировать представления о мире, но и вносить в него элементы порядка, организации, гармонии. Мотив борьбы являлся, скорее всего, одним из архетипов в древнем сознании и обусловлен не только элементарным сосуществованием с представителями других племен, но и дуалистическим представлением об окружающем мире. Немецкая исследовательница И. Мальштедт, изучающая древнейшие индоевропейские мифы, отмечает, что большинство древнейших богов имело при себе подобное палице или топору оружие для разрушения окаменевшего безжизненного пространства и освобождения из него «жизни».

[Mahlstedt, 2004. S. 66-67]

Большинство изображений быков в петроглифах гор Бала-Сауыскандык датируется, вероятнее всего, эпохой энеолита-ранней бронзы. Именно с этим периодом связаны наиболее тщательно исполненные изображения данных животных. Все они имеют массивный корпус и мощные – серповидные или же выполненные в виде кольца, направленные вперед, а также волнообразные рога. Хвосты животных имеют форму шара, листа на конце или изображены одной полосой. Корпус быка чаще показан сплошной выбивкой, встречается также скелетная (ажурная) техника и элементы барельефа.

Изображения быков, датируемые эпохой энеолита-ранней бронзы и характерные для синхронных культур соседних регионов, связаны, скорее всего, с его экономической и ритуальной ролью. Для более поздних периодов истории региона это животное теряет свое былое значение. Это связано и со сменой хозяйственной деятельности, и с исчезновением дикого быка в степях Евразии – в прошлом одной из крупнейших охотничьих добыч, и соответственное его смещение в культах и верованиях населения.

[Гайдученко, 2014. С. 208-212]

По мнению М. К. Кадырбаева и А. Н. Марьяшева, исчезновение дикого быка началось на большей части Евразии в эпоху бронзы. Кости одомашненного быка фиксируются в небольшом количестве почти на всех поселениях эпохи ранней и развитой бронзы Казахстана. Подобная ситуация характерна также для неолита и эпохи бронзы Средней Азии, Кавказа и Украины. В 1 тыс. до н. э. в остеологическом материале Узбекистана они полностью исчезают.

[Кадырбаев, Марьяшев, 1977. С. 172; 2007]

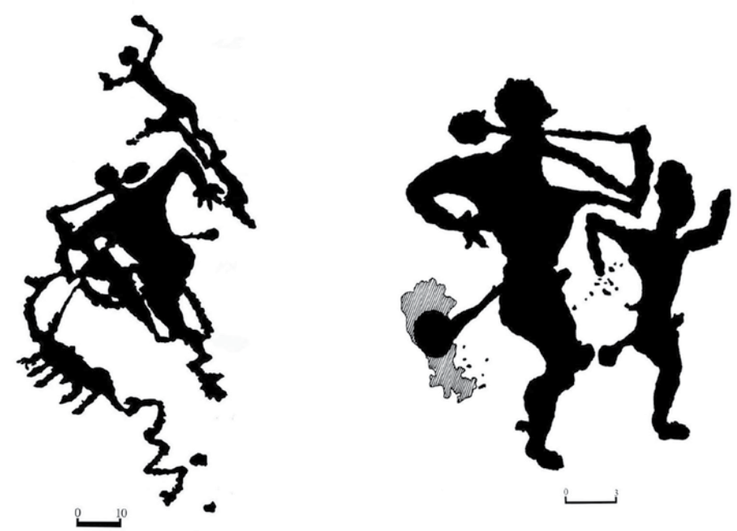
По мнению Ю. А. Мотова, мир зооморфных образов искусства ранних кочевников прошел тщательный отбор, эволюционизировал и представляет собой культуру, в которой акцентировано ее номадическое происхождение. В качестве «ключевого» момента автора отмечает явное олицетворение образа быка у пазырыкцев уже в качестве «чужого» в стаде ранних номадов. Отмечаются следы применения быков в качестве тягловой силы и сырьевой базы для изготовления повседневных предметов, но он полностью отсутствует в репертуаре зооморфных образов пазырыкского искусства.

[Мотов, 2007. С. 62]

Мифопоэтическое творчество отразилось на скальных «полотнах» Сауыскандыка в визуальных образах. В данном случае обращение к мифологическим универсалиям могло бы стать одним из возможных способов

интерпретации и реконструкции семантики этих изображений. Участие рассмотренных фигур в сценах с быками, их иконография, интенсивность патины изображений, а также наличие исторических и стилистических параллелей в хорошо датируемых памятниках БМАК предполагает их датировку эпохой энеолита-ранней бронзы. ■

1. 2.



3. 4.

Южный Казахстан. Отроги хребта Каратау, Сауыскандык. Палиценосцы

К. Линдафф
Почему сибирские артефакты были найдены в пределах границ китайского государства?[1]

От автора. Обсуждаемые в данной статье вопросы относятся к масштабным процессам, начавшимся в Евразии в конце IV тыс. до н. э. и проявившимся в виде торговли и обмена. Как указывают авторы этой книги, такое взаимодействие началось в бронзовом веке и продолжается поныне. Мой интерес к данной проблематике появился благодаря изучению памятников древнего Китая. Однако многие проблемы археологии Поднебесной не могут быть решены изучением сугубо китайских материалов, но требуют, по меньшей мере, знания процессов, происходивших в древности на востоке Евразии.

В поисках ответа на вопрос, почему и как евразийские материалы появились в раннединастическом Китае во II тыс. до н. э., я начала поездки в Россию, Казахстан и Монголию, собирая кусочки этой гигантской головоломки. Именно с этими путешествиями связано мое знакомство с Еленой Кузьминой. В июне 1995 года я делала доклад «Бронзовые зеркала, ножи и другие артефакты северного происхождения в «китайских» гробницах» на конференции «Ранние коневоды степей Евразии» в Петропавловске. Именно на этой конференции состоялось мое знакомство с Еленой Кузьминой, которая, схожим со мной образом, не могла объяснить китайские материалы в евразийском контексте. Так началась наша взаимообогащающая дружба: я приезжала в Москву, проводя время в длительных дискуссиях с ней и занимаясь изучением материалов, Елена же останавливалась в моем доме в Питтсбурге, преследуя те же цели. Безусловно, мы обе получали многое от наших длительных и полезных бесед, и я нашла в ней невероятно образованного собеседника, великодушного, сердечного и заботливого человека. Несмотря на то, что мы не всегда были согласны друг с другом, она всегда терпеливо и милосердно относилась к пробелам в моих знаниях. Мне будет чрезвычайно не хватать общества и дружеской помощи Елены Кузьминой, и участие в книге, посвященной её памяти и её фундаментальному вкладу в археологию Евразии, является для меня большой честью. ■

[1]Эта статья впервые опубликована на английском языке в следующем издании: Adam Smith, David Peterson, and L.M. Popova, Beyond the Steppe and The Sown: Integrating Local and Global Visions, in Gocha Tsetskhladze, Colloquia Pontica, Leiden, Boston, Köln: Brill, 2006, pp. 358-370. Статья была дополнена и публикуется с разрешения издателя. Ответственность за возможные неточности в тексте с автором разделяет и переводчик – И. В. Чечушков. В переводе неоценимую помощь оказали М. В. Подшивалова, С. А. Агапов, Энжи Чхуен Ян.

Введение. С самого начала моего изучения истории китайского искусства и археологии я была поражена тем фактом, что в Китае археологические материалы конца II–I тыс. до н. э. содержат артефакты явно не китайского происхождения. Тогда эти материалы определялись как «сибирские» в самом широком смысле. Находки в китайском раннединастическом контексте стимулировали их активное обсуждение еще в конце 1940-х годов. В качестве примера можно привести дискуссию между шведским филологом Бернхардом Карлгреном и немецким историком искусства Максом Лоэром, которые пытались выяснить, где было раньше налажено производство бронзы: в Сибири или в Китае. Такого рода размышления о взаимоотношениях между древним населением Китая и Сибири привели к появлению модели системы жизнеобеспечения регионов, выраженной в виде бинарной оппозиции: в Китае проживало исключительно оседлое и политически централизованное население, занимавшееся сельским хозяйством; население же юга Сибири описывалось как степные кочевники, занятые животноводством. Эта модель, обычно называемая «степь и пахота», также утверждает, что системы жизнеобеспечения были самовоспроизводящимися, эксклюзивными и несовместимыми. Во второй половине XX века эта двоичная модель горячо отстаивалась в историографии, а также поддерживалась этнической напряженностью вдоль советско-китайской границы и политикой холодной войны.

[Karlgren, 1946]
[Loehr, 1949]
[Lattimore, 1940; Whittaker, 1994]

Аналогично, типологии обнаруженных артефактов строились как вытекающие из двух противоположных традиций. Например, считалось, что на китайской ритуальной бронзе представлены исключительно образы фантастических животных. Напротив, на предметах, происходящих из степи, изображения отдельных животных или зверей в противоборстве гораздо более натуралистичны. В качестве примеров последних обычно приводятся легко переносимые бронзовые изделия, такие как бляшки поясов, украшения, ножи и кинжалы.

Я не отрицаю, что в системах жизнеобеспечения и типах артефактов двух регионов существуют значимые различия, однако подчеркну, что в XX веке археологи были в основном нацелены на поиск и выявление этих различий. Безусловно, при таком подходе ограничены возможности в понимании и объяснении смешанных адаптивных стратегий и переходных стилей и типов вещей. Однако уже древнекитайские письменные источники сообщают, что население Китая имело активные контакты с населением степи. Непосредственные археологические свидетельства этих контактов обнаружены в ходе исследований последних десятилетий и представлены бронзовыми предметами из памятников как на северных границах Китая, так и в бассейне Желтой реки[2]. При этом систематическое археологическое изучение экономической и социальной жизни этих регионов началось совсем недавно. Предварительные отчеты по результатам этих исследований показывают, например, что в древности в упомянутых регионах существовала значительная вариативность систем жизнеобеспечения – от полностью оседлой земледельческой экономики и полукочевых смешанных земледельческо-животноводческих хозяйств до достаточно редких кочевых систем экономики. Также существует региональная вариативность материальной культуры. Мой главный тезис заключается в том, что указанная вариативность способна рассказать нам о модели «степь и пахота» и о взаимоотношениях между населением южной Сибири и севера Восточной Азии.

[Lindduff, et al. n. d.; Liu Li 1996; Underhill, et al. 1998; Frachetti, 2004, 2008; Shelach, 2009; Houle, 2010; CICARP, 2011]
[Bunker, et al., 1997]

Как древние, так и современные авторы находили приемлемые способы описания взаимоотношений между населением китайского приграничья и ди-

[2]Включая современные провинции северного и западного Китая: Ляонин и Гирин на северо-востоке, Внутреннюю Монголию и Ганьсу на севере, Синьцзян на западе.

настических центров. Наиболее расхожее объяснение нахождения значительного числа предметов «сибирского» облика в китайском контексте гласит, что они собраны в качестве военных трофеев, как например те, что найдены в царском могильнике в Аньяне. Эти находки объяснены как свидетельства военной мощи и власти Шанских правителей над «внешним» врагом. Хотя системы жизнеобеспечения и материальная культура долгое время представлялись несовместимыми, недавние археологические работы на севере Китая продемонстрировали, что предполагаемые культурные и экологические границы в действительности были гораздо менее жесткими и противопоставленными и гораздо более изменчивыми, чем их описывали древние авторы и предполагали современные исследователи. Я полагаю, что контакты между народами на границах Китая и даже в династических центрах были не только часты, но и гибки и разнообразны по целям. В течение второго и в начале первого тысячелетий до н. э. эти взаимоотношения во многом зависели от местной экономики, политических и, возможно, персональных факторов.

[Li, 1980; Chang, 1986]

В данной статье я сосредоточусь на анализе внутренней структуры и динамики четырех памятников, три из которых расположены в пределах приграничного ареала и датированы ранним династическим периодом китайской истории (1900 – 400 гг. до н. э.), а четвертый – это собственно столица династии Шан (1250 - 1052 гг. до н. э.). Главный вопрос заключается в следующем: почему «сибирские» артефакты обнаружены в пределах территории раннединастического Китая (рис. 1)? Каждый из четырех памятников отражает особый тип взаимоотношений, и никто не предполагает, что все обнаруженные предметы были непременно военными трофеями. Более того, я полагаю, что отбор особых типов предметов и иконографии позволял их владельцам достичь определенных политических или социальных преимуществ. Присутствие «сибирских» типов предметов в этих памятниках бронзового века свидетельствует о существовании по крайней мере четырех следующих типов взаимодействий:

- передачу идей, в данном случае – металлургических технологий (Хуошаогу, провинция Ганьсу, 1900 - 1600 гг. до н. э.);
- присвоение прибавочного продукта и торговля, в данном случае – сырьем (Джукаигоу, в провинции Внутренняя Монголия, 1500 г. до н. э.);
- оформление династических браков (Аньян, провинция Хэнань, 1250 - 1050 гг. до н. э.);
- наём в шанские армии кочевников для установления военного контроля над враждебным населением в пределах шанских политических образований и, возможно, начало этногенеза (Юхуаньмяо, VIII - V вв. до н. э.).

«Сибирские» находки в китайском контексте

Передача идей и технологий. Свидетельства обмена идеями и технологиями получены в результате недавних раскопок памятников на территории Хуошаогу, в современной провинции Ганьсу на западе Китая. Данный памятник датируется 1900 - 1600 гг. до н. э. и находится далеко к западу за пределами зоны распространения памятников династии Ся. В результате исследований установлены факты знакомства населения с металлургией и коневодством задолго до того, как аналогичные технологии появились на Центральной равнине Китая (рис. 2). В поселенческих и погребальных материалах Хуошаогу сосуществуют местные керамические традиции с металлическими артефактами, находящими аналогии в андроновских (федоровских) и сейма-турбинских древностях, либо же в культурах Восточного Казахстана или Южной Сибири, датированных нача-

[Fitzgerald-Huber, 1995; Linduff, 2000; 2002]

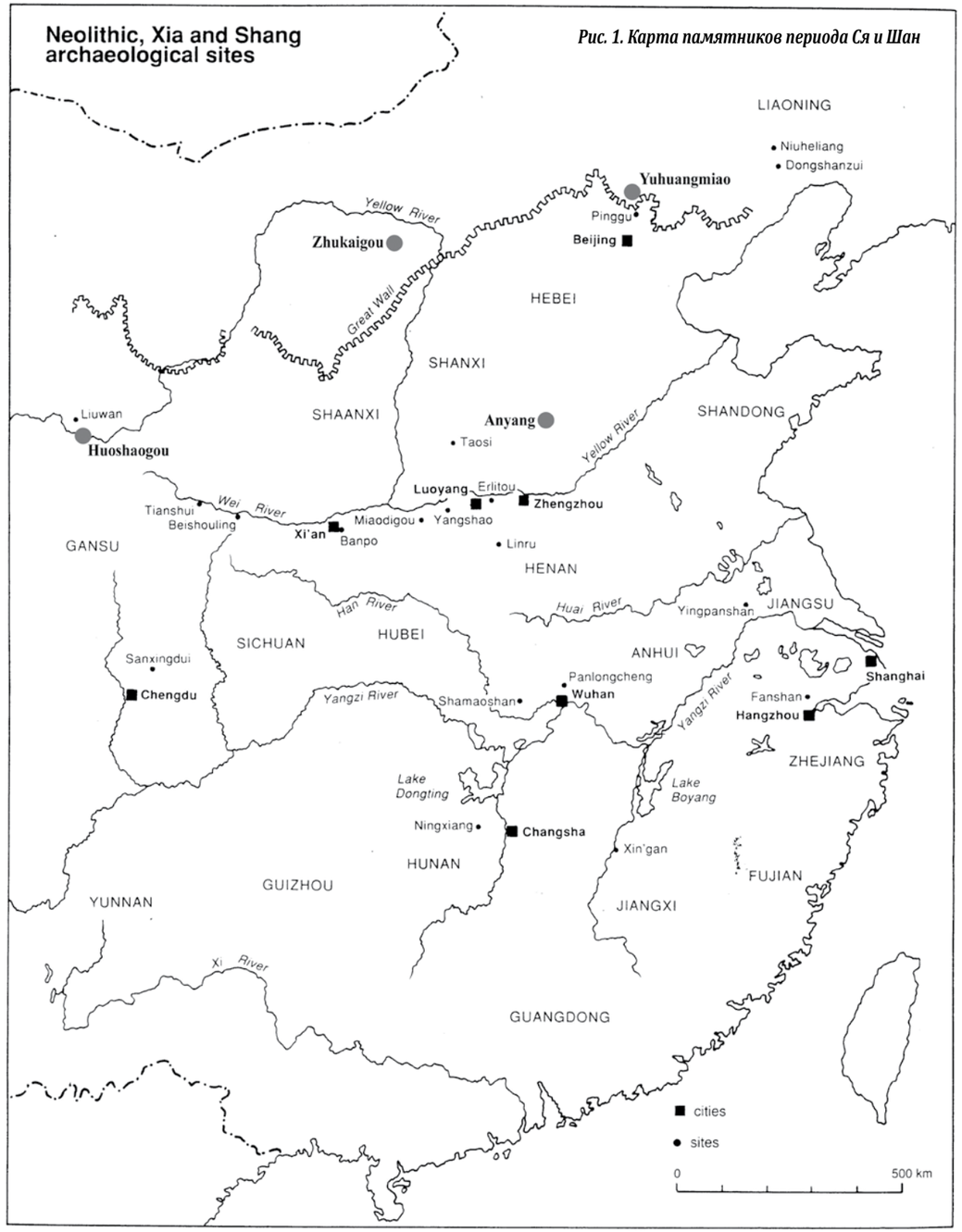


Рис. 1. Карта памятников периода Ся и Шан

лом второго тысячелетия до н. э.

Наиболее значимым свидетельством является использование таких методов металлообработки, как холодная и горячая ковка, а также технологии литья в двустворчатую форму и легирование металлов. Последнее включает использование медно-мышьяковых и медно-оловянно-свинцовых сплавов, что документирует начало их применения в Восточной Азии около 1900 г. до н. э. Хотя металл и не являлся основой системы обмена данного региона, при условии наличия ресурсов металлургические технологии могли быть привнесены в новый регион, но только на уровне, соответствовавшем местному социальному контексту. Стабильность новых стратегий жизнеобеспечения не могла быть очевидной для людей, по этой причине критически важные технологии (металлургия и животноводство) прежде всего привносились в регионы, богатые рудными ресурсами и пастбищами. Поэтому можно говорить, что развитие технологий в Северной Азии на ранних этапах происходило относительно самостоятельно и независимо от других регионов. Свидетельства переноса металлургических навыков из Южной Сибири в Западный Китай недавно документированы находками схожих типов предметов к западу от Хуошаогу, в провинции Синьцзян. Затем, около 1600 г. до н. э., эти технологии привнесены в династический центр (вероятно, Эрлитоу), где технология литья была приведена в соответствие с местными практиками.

[Barnard, 1987; Barnard, 1993; Bunker, 1997; Linduff, 1997; Linduff , 2000; Li, 2000.Fig. 1; Linduff , Mei, 2013]

[Linduff, 1995. P. 142]

[Mei, 2001]

Присвоение прибавочного продукта и торговля. Поселение Джукаигоу, расположенное в Автономном регионе Внутренняя Монголия, изучено раскопками в 1972-1973 гг., результаты которых не так давно полностью опубликованы. По всей видимости, Джукаигоу являлся важным центром, где культуры степи встречались с земледельческой цивилизацией Китая. Поселение Джукаигоу было населено оседлыми земледельцами и располагалось далеко к северо-западу от ближайшего синхронного династического центра средней Шан. Несмотря на то что памятник расположен за пределами сферы влияния династического центра, бронзовая посуда среднешанского стиля и специфические клевцы «гэ» обнаружены в датированных 1500-1250 гг. до н. э. слоях 4 и 5, совместно с керамикой и металлическими предметами местных типов. Кроме того, в элитных погребениях Джукаигоу найдены бронзовые ножи карасукского типа (рис. 3).

[Xu, 1989; Anon, 1990; Linduff, 1995; NZWKYOB, 2000]

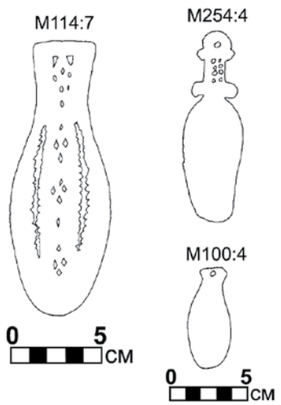


Рис. 2. Хуошаогу. Бронзовые ножи. (Huoshaogou bronze spatulas bishou huoshaogou gansu)

[Wallerstein, 1976; Cooter, 1977; McGuire, Paynter, 1991]

Поселение Джукаигоу стратегически расположено на северной периферии медных залежей, в то время как столица средней Шан – на их южной границе. Добыча руды, вероятно, обеспечивала местной элите Джукаигоу возможность контролировать ресурс, который являлся центральным в поддержании власти династии Шан. По заказу политической элиты Шан изготовлены тысячи ритуальных объектов, среди которых бронзовые сосуды и оружие. Эти предметы символизировали политическую и социальную власть, а также использовались в ритуалах, посвященных памяти предков и утверждавших социальное неравенство. Местное население Джукаигоу было обязано направлять излишки металлической руды в бедные ею центры металлургического производства в династическом ядре, и через поддержание таких связей население Джукаигоу получало экономическую независимость, а его социальный статус повышался.

[Linduff, 1995]

В погребальных комплексах Джукаигоу принадлежность к тем или иным слоям населения маркировалась как количеством, так и разнообразием типов сопроводительного инвентаря. Совместное нахождение предметов среднешанского и карасукского типов в элитных погребениях наводит на мысль, что экономика носила престижный характер, при котором владение редкими предметами означало особый статус человека. Джукаигоу являлось центром торговли, куда свозились особые вещи или новые типы оружия, хотя с уверенностью утверждать, были ли они произведены в Шан или в степи, нельзя. Социальная стабильность в таких местах, как Джукаигоу, вероятно, была достаточно шаткой, поскольку такой статус был основан на владении редкими предметами и зависел от успешности отношений как с династическим центром Шан, так и со степными торговцами. Джукаигоу заброшен около 1250 г. до н. э., возможно, по причине необходимости поиска новых источников руд, расположенных ближе к новой столице Шан, в Аньяне. Другой причиной мог быть захват территории между Шан и Джукаигоу враждебным населением, что сделало невозможной переправку руды.

[Schortman, Urban 1987; Kristiansen, 1991; Helms, 1992; Shelach, 2009]

Династические браки. Археологический комплекс Аньян, расположенный в провинции Хэнань на Центральной равнине Китая, являлся столицей периода поздней Шан (1250-1050 гг. до н. э.). Здесь обнаружено множество предметов, имеющих аналоги в сибирских материалах, включая так называемые «модели ярма» («объекты в форме лука»), характерные изогнутые ножи с навершиями в виде животных, различные виды конской упряжи, а также колесницы. Из надписей на предметах, обнаруженных в Аньяне, известно, что в течение этого периода династия Шан часто вступала в противоборство с враждебными, не местными группами и часто оно было успешным в военном смысле. Колесницы, пленники и различные предметы поступали в шанские центры в качестве трофеев. По этой причине происхождение большинства предметов сибирских типов, обнаруженных в Аньяне, до сих пор объяснялось как результат получения контрибуции от поверженных врагов.

[Anyang, 1976; 1977; 1986; 1987]

[Anon, 1994. Рис. 1]

[Keightley, 1978]

Однако раскопки в 1984 г. непотревоженного погребения царицы Фу Хао наводят меня на размышления, что также существовали и другие формы взаимоотношений между царями Шан и их соседями. Фу Хао являлась супругой третьего царя Аньяна, и ее гробница, датированная ок. 1200 г. до н. э., содержала все символы шанской элиты. Могила царицы полна бронзовыми ритуальными сосудами, оружием, резными предметами из нефрита, кости и слоновьего бивня. Однако в непосредственной близости от погребенной найдены предметы, изготовленные в «приграничном» стиле, имеющие аналогии в южно-сибирской археологии (особенно в карасукской культуре): изогнутые ножи, зеркала, детали конской сбруи (рис. 5). Этот факт позволяет идентифицировать ее как иноплеменницу, происходящую из описанных на гадательных костях северных соседей. Ее брак с царем Шан должен был гарантировать политическую стабильность в приграничье.

[Anyang Work Team, 1987; Chou, 1970; Chang, 1980; Chang, 1986; Chang, 1986]

Принадлежность госпожи Хао к царской семье бесспорна, поскольку она погребена со всеми полагающимися почестями. Тем не менее, проживая вплоть до самой смерти в шанском окружении, она сохранила свою идентичность с одной из инородных групп, описанных в древних китайских текстах. Археологические материалы из Шицзя (поздненеолитическая культура Янгшао) свидетельствуют, что тела женщин, вышедших при жизни замуж за иноплеменников, после

[Linduff, 1996; Keightley, 1999]

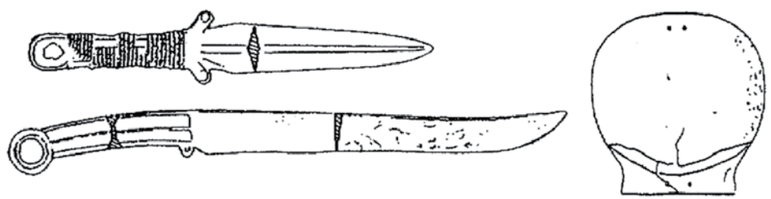


Рис. 3. Джукаигоу. Нож и кинжал

смерти возвращались родственникам и обычно хоронились вместе с братьями. Однако во времена госпожи Хао, в эпоху Шан, возросшая социальная и ритуальная роль мужчин привела к запрету на возвращение тел умерших женщин их родственникам, но возникли формы идентификации происхождения умершей женщины в погребальном обряде. Именно эта связь документирована в погребении госпожи Хао, где такие маркеры принадлежности к приграничным культурам, как зеркала, ножи и бронзовые «бубенцы», уложены в непосредственной близости от тела умершей. Мне уже приходилось высказывать идею, что Фу Хао могла быть связана с группами коневодов, чье военное присутствие гарантировало власть династии Шан. Другие погребения в Аньяне, содержащие конскую упряжь и колесницы, также подтверждают эту мысль. Несмотря на то что люди, погребенные в больших гробницах Аньяна, всегда воспринимались как шанская элита, погребение Фу Хао заставляет думать, что культурная гомогенность, приписываемая древними историками ядру Шан, должна быть переосмыслена. Для лучшего понимания этих процессов необходимо, например, проведение металлографического анализа предметов из погребения госпожи Хао.

[Gao, et al., 1993; Keightley, 2001]

[Linduff, 2002]

Региональные военные союзы и процессы этногенеза. Могильник Юхуаньмяо расположен в Уезде Яньчинь Пекинского района КНР. В древности эта территория принадлежала царству Янь, относящемуся к периоду Восточное Чжоу, и памятник может быть датирован VIII - V вв. до н. э. В древнекитайских исторических источниках эта территория описывалась как место расселения кочевого народа Шанжон, чуждого Чжоу этнически. В результате раскопок могильника в уезде Яньчинь обнаружены 280 погребений в нишах, сопровождаемых жертвами коз, овец, собак, значительным количеством поясных пряжек, бронзовых кинжалов, коротких мечей тагарского типа, декорированных в зверином стиле. Как конструкция, так и инвентарь этих погребений необычны для политических центров Чжоу Центральной равнины. Кинжалы и поясные пряжки характерны для степных всадников, но не для чжоуских воинов (рис. 4). Описываемый могильник находился в политических и культурных пределах победоносного Чжоу, по какой же причине погребенные в нем люди так последовательно сопровождались регалиями приграничных врагов Чжоу?

[Anon, 1990; Anon, 1989. Map 1]

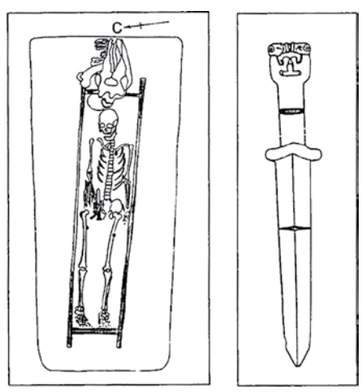


Рис. 4. Могильник Юхуаньмяо. Могила 86. Остатки деревянного гроба, жертвоприношение животного и кинжал [по Beifang kaogu sishinian, 1990. P. 81. Fig. 35]

[Sun, 2001]

Согласно сообщениям древних историков, в этой приграничной зоне местное население нанималось чжоусцами для подчинения враждебных групп, а также в целях защиты центра и стабилизации самой конфедерации. Хотя враждебное население не всегда было могущественно и угрожало Чжоу, контроль над ним был особенно важен, поскольку вел к централизации военной силы и власти. В большинстве памятников региона, как, например, в элитных погребениях столицы царства Янь, доминировали предметы в чжоуском стиле, что демонстрировало верноподданность местных элит центральному правительству. Однако отсутствие чжоуских типов предметов в могилах Юхуаньмяо свидетельствует, что эти люди воспринимали себя как общность чужаков с выраженной или даже искусственно созданной идентичностью. Эта идентичность была направлена на подчеркивание их чуждости Чжоу и помогла им утвердить особое место в новой династической организации. Их расселение и погребения в пределах территории конфедерации Чжоу указывают на то, что эти мужчины не занимались кочевым скотоводством, а были наемниками, составляющими кавалерийские части чжоуского войска. Возможно, они были наняты и использованы против враждебного не чжоуского населения пограничных территорий царства Янь. Вероятно, столь ярко выраженная погребальная обрядность могильника Юхуаньмяо может свидетельствовать о начавшемся процессе этногенеза, который обусловлен современными ему политическими процессами.

Заключение. Приведенные примеры миграции людей и технологий в начале II тыс. до н. э., представленные материалами Хуошаогу; основание таких стратегически важных приграничных городов, как Джукаигоу; практика династических браков, документированных в Аньяне; наём иностранцев для защиты Китая в чжоускою армию – всё это убедительно свидетельствует, что иноземцы, проживавшие как на приграничных территориях, так и в династических центрах, сохраняли свою культурную и этническую идентичность. Их присутствие играло определяющую роль в экономике, социальной и политической жизни династических систем, в связи с чем может быть выделен целый набор механизмов их участия.

Через владение и пользование «чуждыми» вещами их владельцы, вероятно, подчеркивали свою принадлежность к элите общества либо свой сознательный выбор – принадлежать к чуждой китайцам культуре. Такое отчуждение давало стратегические, политические, экономические или личные преимущества, различавшиеся в контексте каждого определенного общества. Наиболее ярко это проявилось в период Чжоу, когда элита стремилась создать и наглядно продемонстрировать свою политическую и культурную идентичность.

Из древних и современных текстов известно, что границы китайской культуры и населения принято определять исходя из представлений об образе жизни, который в археологии трактуется через доминирование в материальной культуре тех или иных типов предметов. Однако во всех приведенных выше примерах, за исключением представленного в Юхуаньмяо, общества были чисто земледельческими или смешанно земледельческо-скотоводческими. В случае Юхуаньмяо аналогичный хозяйственно-культурный тип можно только предполагать, исходя из факта проживания этой группы в пределах китайского царства Янь. Однако на протяжении почти 300 лет эти люди хоронили своих умерших по собственным обрядам, поддерживая некитайскую культурную идентичность.

Итак, благодаря раскопкам в Китае, производившимся на протяжении последних нескольких лет, известно, что население Южной Сибири, изучавшееся русскими археологами С. А. Теплоуховым, М. П. Грязновым, С. И.Руденко и С. В. Киселевым, не ограничивалось проживанием на указанной территории, но проникало даже в центральный Китай. Взаимоотношения носителей сибирских традиций с населением китайских царств зависели от конкретных исторических и местных условий. В некоторых случаях, как в Хуошаогу, местное население заимствовало технологии и, вероятно, стало невольным транслятором очень специфических металлургических навыков, что, в конечном итоге, изменило жизнь в бассейне реки Хуанхэ. В других случаях, как в Джукаигоу, местная элита использовала «сибирские» типы предметов для получения и поддержания собственного высокого социального статуса. Также многие мигранты, как Фу Хао или воины Юхуаньмяо, не забывали о своем происхождении или о появившейся под давлением групповой идентичности и хранили родовые предметы вплоть до своей смерти даже на «чужой» земле. Таким образом, присутствие артефактов «сибирского» облика на территориях древнекитайских царств может быть объяснено обменом технологиями, производством и изъятием прибавочного продукта, династическими браками и процессами этногенеза. ■

[Brumfiel, Fox, 1994]

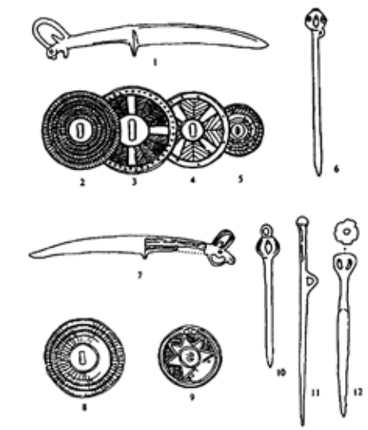


Рис. 5. Бронзы северного типа из находок в могиле Фу Хао и на сопредельных северных территориях:
1-6 - могила Фу Хао;
7 - Янтукун (Suide), Шаньси;
8 - Внутренняя Монголия;
9 - Наиматай, Гунянсиан, Цинхай;
10 - Линжеу, Баоде, Шаньси;
11 - Забайкалье;
12 - Чирноково, Красноярск.
[по Chang, 1986. Fig. 51].

[LeGrand, 2006; Bokovenko, 2006]

К. Алтынбеков, В. А. Новоженов
Повозки ранних кочевников в центре Евразии

[Новоженов, 2012]

Болгария.
Вверху: роспись фракийской могилы. Казанлык.
Внизу: Свештари. Погребение с фракийской колесницей. Раскопки Д. Герговой в 2013 году

[Новоженов, 2012; см. Нефёдкин, 2001; ср.: Кожин, 2011]

[Опубликованы подробные обзоры евразийских находок досакских и раннескифских погребений с конями и колесницами: Марсадолов, Тишкин, 1998. С. 91-92; Полидович, 2013. С. 157-227; Вальчак, 2008; 2009; Эрлих, 1994; 2007 и др.; по ассирийским колесницам: Ковалевская, 2013. С. 73-81 и многие другие]

[Сдыков, Лукпанова, 2013]

Традиционно считается, что в эпоху ранних кочевников верховая лошадь и кавалерия, как эффективное новое средство ведения боевых действий и как явная военная инновация, в сочетании с прогрессивными видами конского снаряжения (полужёсткие сёдла) и оружия (особые виды луков и стрел, копий), позволили киммерийцам и сакам совершать в VIII-V вв. до н. э. успешные военные походы в государства Переднего Востока и стать грозной силой в контексте геополитических отношений всего Древнего Востока. Новые находки казахстанских археологов позволяют сегодня уточнить этот тезис.

Действительно в развитых имперских цивилизациях Старого Света в это время – как на западе – в Ассирии, Персии, Хеттском царстве, в древнегреческих полисах, так и на востоке – в древнем Китае – армии их правителей формировались на основе мобильных и хорошо обученных подразделений, состоящих в том числе из большого количества хорошо оснащённых колесниц. Тактика военных действий в то время подразумевала использование подвижных отрядов колесниц для разрушения воинских построений неприятеля, стрельбы из луков по вражеским подразделениям, оперативной доставки воинов к местам контактных сражений. Военное предназначение колесниц состояло также в исполнении управленческих функций командиров по организации самого боя и мобильной коммуникации и координации действий воинских подразделений своих армий.

Такое функциональное предназначение колесниц подтверждается многочисленными свидетельствами письменных источников и находками изобразительных памятников – дворцовых рельефов Ниневии, Нимруда, Персеполиса и целой терракотовой армии китайского императора Цин Шихуана в Бамайонге, где частично раскопан огромный «гараж» колесниц (склеп 2) и командирская повозка с фигурами генералов этой армии (склеп 3), состоящей из подразделений пехоты, пока ещё немногочисленных всадников (кавалерии) и отрядов колесниц.

Очевидно, что успешно противостоящие таким огромным и прекрасно вооруженным армиям племена саков, скифов и сарматов неизбежно должны были бы пользоваться в своих военных подразделениях, наряду с хорошо вооруженными всадниками, ещё и колесницами, в целях собственного выживания и конкурентоспособности в геополитическом контексте Старого Света.

Настоящая статья посвящена анализу новых и известных находок на территории современного Казахстана и сопредельных территорий, позволяющих по мнению авторов, прояснить этот вопрос. К их числу прежде всего относятся – гребень с изображением колесницы и некоторые предметы конского снаряжения, датированные VI - началом V вв. до н. э., из курганного комплекса Таксай 1, курган 6, в Западно-Казахстанской области, обнаруженные в 2012 году М.Н.Сдыковым и Я. А. Лукпановой.

Уточнить конструкцию колесницы, вырезанной на гребне из этого могильника, помогает предпринятая нами реконструкция андроновской колесницы эпохи бронзы (конец III – II тыс. до н. э.; см.: вторую главу этой книги). Основой этой реконструкции стали материалы из раскопанных в урало-казахстанских

степях более чем полусотни колесничных комплексов, отнесенных археологами к ранним периодам существования андроновской культурно-исторической общности – петровской, синташтинской и алакульской археологическим культурам. Находки остатков реальных колесниц в могилах эпохи бронзы на территориях южно-уральских степей и современного Казахстана – настоящая научная сенсация. Это открытие наглядно свидетельствует о том, что наш регион входил в сферу интересов и активного влияния древнейших цивилизаций Старого Света.

[Чечушков, 2013; Новоженов, 2012]

[Новоженов, 2012; Алтынбеков, 2013. С 20-25; 2014. С. 252-260]

Таксайский гребень с колесничным сюжетом более позднего исторического периода (рис. 1) происходит из разрушенного огнем – сожжённого в древности – погребения знатной женщины, вероятно – жрицы, и представляет собой деревянный предмет прямоугольной формы, максимальных размеров 105,9 х 158 мм, толщиной 7, 5 мм.

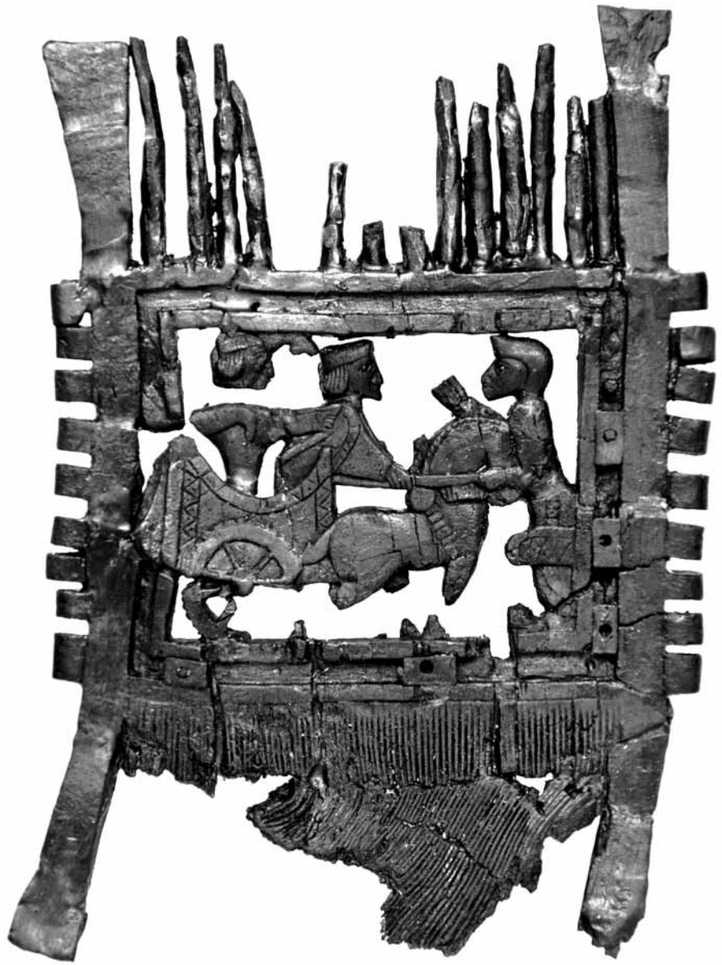
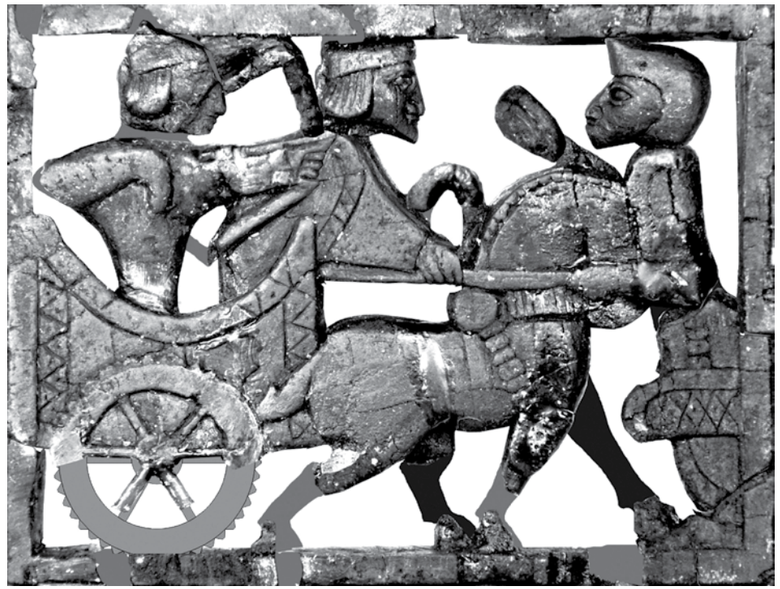


Рис. 1. Западный Казахстан. Мог. Таксай I. Курган 6. Гребень после реставрации (лицевая сторона). Раскопки Я. А. Лукпановой. Автор реставрации К. Алтынбеков. Фото Э. К. Алтынбековой

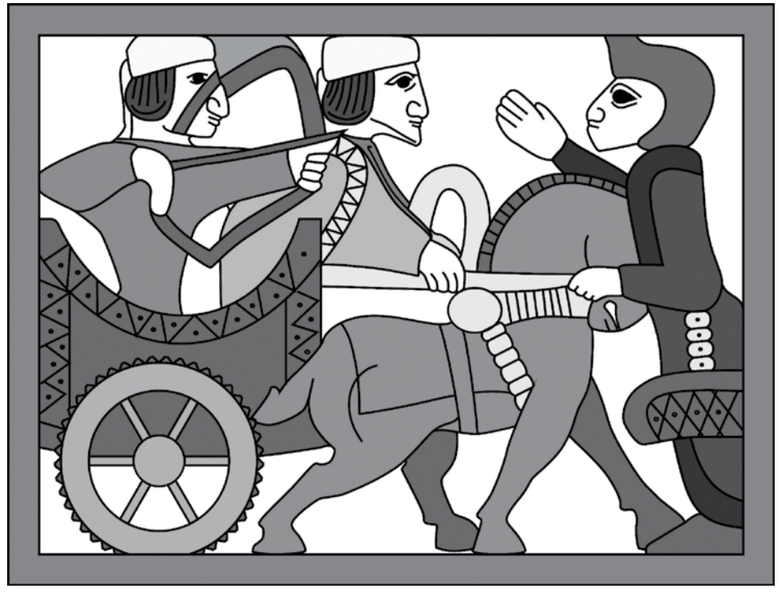
© Крым Алтынбеков

© Крым Алтынбеков

Реконструированная модель гребня (лицевая и оборотная стороны), выполненная по материалам из кургана 6 могильника Таксай 1. Раскопки Я. А. Лукпановой. Автор модели Крым Алтынбеков. Фото О. Белялов

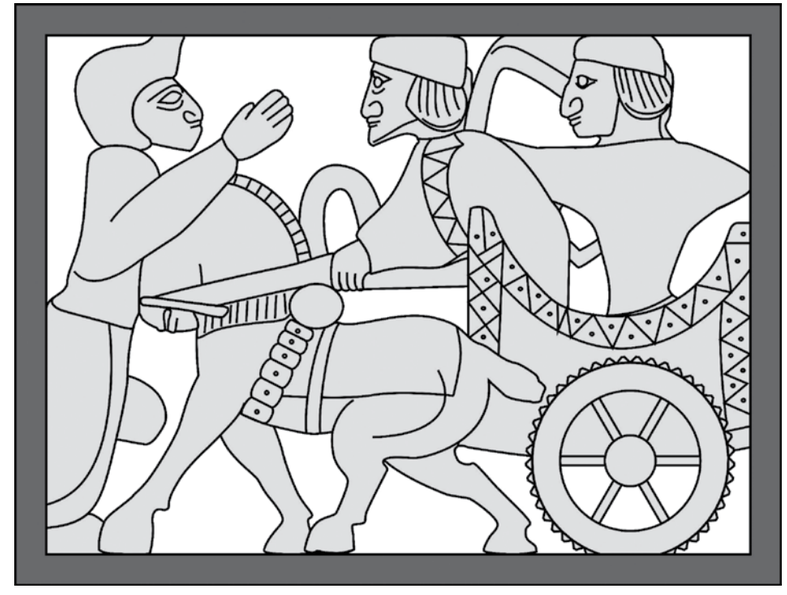


© Крым Алтынбеков



Западный Казахстан. Мог. Таксай I. Курган 6. Раскопки Я. А. Лукпановой. Реконструкция сюжета гребня (лицевая сторона). Автор реконструкции Крым Алтынбеков, графической реконструкци - Э. Алтынбекова

© Крым Алтынбеков



Западный Казахстан. Мог. Таксай I. Курган 6. Раскопки Я. А. Лукпановой. Реконструкция сюжета гребня (оборотная сторона). Автор реконструкции Крым Алтынбеков, графической реконструкци - Э. Алтынбекова

В центре гребня вырезана объёмная двусторонняя композиция, размером 64,4 х 47,5 мм, обрамлённая прямоугольной рамкой, размером 77,5 х 60,6 мм, шириной 3,6 мм, выполненная из наборных прямоугольных кусочков разных пород дерева, от которых сохранились лишь несколько фрагментов с отверстиями в центре и круглые шпеньки, на которых эти кусочки дерева крепились.

Миниатюра выполнена техникой объёмной сквозной резьбы по монолитному куску дерева, с высочайшим мастерством и проработкой самых мельчайших деталей. Показаны элементы убранства колесницы и упряжных лошадей, их анатомия, детали и декор костюмов персонажей и даже особенности их антропологического типа. Лицевая сторона представляет собой композицию из скульптурки колесницы, запряжённой парой лошадей, в кузов которой помещены возничий, управляющий повозкой, и лучник, стреляющий вперёд, – в направлении к третьему персонажу, стоящему перед колесницей с поднятой ладонью вверх правой рукой (хорошо показана с оборотной стороны гребня), а левой рукой удерживающего вожжи колесницы (на лицевой стороне).

Колесница. Доминирующее положение в композиции занимает боевая колесница, расположенная в направлении справа налево – на лицевой стороне. Кузов колесницы, массивный, вероятно, прямоугольной формы, по краям имеет высокие стойки, соединенные бортами-боковинами с дугообразными выемками. Края кузова декорированы фестонами из треугольников с точками в центре, аналогичными найденным на бронзовой бляшке из могильника Нуркен 2 в Центральном Казахстане. О конструкции передней и задней сторон кузова судить сложно. В центральной части кузова нанесен узор в форме удлиненной трапеции, расположенный от орнаментальной полосы до нижней части борта. Он очерчен боковыми резными линиями, между которыми нанесены небольшие вертикальные насечки.

[Бейсенов, 2011]

Колёса с шестью спицами имеют массивную ступицу и снабжены ребристой, возможно, металлической шиной-ободом, скрепляющим всю конструкцию колеса и обеспечивающим его неуязвимость для механических повреждений во время эксплуатации. Колесница имеет центральное дышло, по обеим сторонам которого располагаются упряжные кони. Дышло изогнуто вверх для удобного крепления ярма к шеям животных. Ярма-рогатки не показаны или не различимы. Верхний конец дышла – «хвост» вырезан загнутым вверх в виде петли, что скорее связано не с художественным замыслом, а с практической необходимостью сохранить прочность всей вырезанной композиции в процессе использования гребня.

Центральный Казахстан. Могильник Нуркен 2. Фрагмент бронзовой бляшки с орнаментом в виде треугольников и с «ассирийской» плетенкой [по Бейсенов, 2011. С. 20]

Упряжные животные. Детализация фигур лошадей более различима на лицевой стороне, чем на оборотной, где голову лошади перекрывает правая рука стоящего перед колесницей третьего персонажа. У лошадей показана ровная, явно ухоженная (подстриженная?) грива, выделены мышцы крупа, массивные копыта и рот. Экстерьер напоминает абрис породистого животного. Хвосты коней либо подвязаны, либо подстрижены.

Детальное обследование со значительным увеличением позволило выявить тонкие резные линии на крупах животных, образующие попону прямоугольной формы, покрывающую спины животных. Едва различимы следы ремней оголовья. Значительно чётче переданы ремни сбруи – плечевой и опоясывающий грудь лошади, которые показаны в виде рядов объёмных прямоугольных сегментов, узких на плечевом ремне и более широких – на другом, изображающие, возможно, ремни, декорированные бляшками. Место соединения ремней и предполагаемого дышла оформлено в виде объёмного круга – также вероятной массивной бляшки (см. далее).

Кони изображены близко к колесу, часть их ног и хвост закрывают переднюю часть кузова. Животные показаны в момент остановленного бега: головы прижаты к груди, шея изогнута, левые передние ноги согнуты и приподняты, правые передние – отставлены назад, задние ноги слегка согнуты. У коней короткая грива, показанная невысоким гребнем в виде рубчиков. Рельефно выделены губы, во рту резной короткой линией показаны удила и стержневые псалии (?). Из оголовья виден только нащечный ремень.

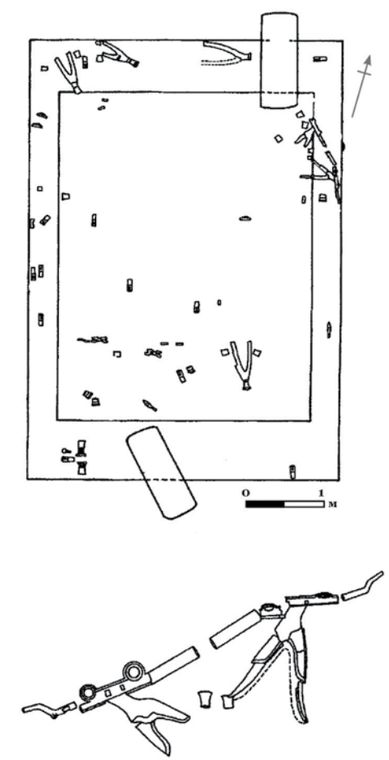
Возничий. Изображён в напряжённой позе, наклонённым к упряжным коням и крепко держащим вожжи. Правая рука возничего натягивает вожжи, как бы сдерживая коня. Лицо с низким лбом и узким подбородком, с миндалевидным разрезом глаз, с узкими скулами, крупным, удлиненным, прямым носом и тонкими, сжатыми губами. Прическа в виде короткой стрижки. Голова проработана до мелочей: показаны глаза, большой прямой нос, выступающий вперёд подбородок и недлинные волосы, прикрытые невысоким головным убором, напоминающим защитный шлем. Взгляд устремлён вперед и сосредоточен на противостоящей фигуре. Одежда свободного покроя с широкими рукавами, сужающимися к запястью. Верхняя и плечевая части рукава украшены орнаментом в виде треугольников, повторяющих узор кузова колесницы. Возница опоясан, пояс – в виде узкой неорнаментированной полоски.

Лучник. На переднем плане композиции изображен воин, стреляющий из лука. Стоит рядом, в кузове колесницы, немного позади возничего. Изображён в одежде с просторными в плечах рукавами. Древнему резчику удалось передать драматизм ситуации, напряженную позу, момент выстрела – натянутую тетиву лука и стрелу, направленную на противостоящего колеснице человека. Голова лучника показана в деталях: выразительные глаза, большой, с горбинкой, даже несколько крупнее, чем у возничего, нос, но аналогичная шапочка и короткие волосы, показанные тонкими резными линиями. Лицо с низким лбом, с миндалевидным разрезом глаз, крупным, удлиненным носом. Изображён лук сложного типа. Левая рука, держащая лук, вытянута вперед и вверх, правая, с изогнутой кистью, в которой зажата тетива, находится на уровне груди. Стрела расположена вдоль левой руки и лежит на её большом пальце. Часть тетивы проходит прямо перед лицом воина. Взгляд устремлен на противника, который изображен в правой части гребня.

Противостоящий персонаж. Группе колесничих противостоит пеший воин, который левой рукой держит вожжи, а правая рука его занесена вверх сбоку от возницы. Корпус слегка наклонен вперед, воин как бы останавливает лошадей, его грудь уперлась в голову животного. Он противостоит колеснице и её экипажу и, очевидно, пытается остановить мчащуюся на него колесницу. Левая рука согнута в локте, ею он держит вожжи колесницы. Различимы детали одежды – он одет, возможно, в длинный кафтан, край которого от головы до пола оторочен двойной линией. Возможно также, что он одет в короткий кафтан и шаровары с подвязками внизу. Определить эту разницу довольно трудно, поскольку пояс фигуры с лицевой стороны гребня перекрывает локоть, из-под которого виден подвешенный к поясу на специальном коротком декорированном ремне колчан. С оборотной стороны гребня поверхность поясничной части фигуры существенно обуглена.

Мужчина показан в шлемовидном головном уборе, который полностью закрывает волосы и уши. Лицо с низким лбом, миндалевидными и слегка удлиненными глазами, крупным прямым носом с рельефно выделенными крыльями, округлым подбородком, сильно выступающим вперед, и сжатыми губами, обозначенными вырезом, нижняя челюсть и нос выдаются вперёд, взгляд со-

Могильник Бэйяо. Финал Западной Чжоу. Детали колесничной упряжи, ярма с навершиями и ярма-рогатки из могилы M 118 [по Wu, Hsiao-yun, 2009. P. 122]



средоточен на колеснице. Антропологический тип и общий облик его резко отличаются от фигур возничего и лучника.

Интерпретация. Такой сюжет противостояния с колесницей достаточно широко распространён и традиционен в изобразительных памятниках Переднего и Ближнего Востока. Известен он в сюжетах на цилиндрических печатях из сирийского Угарита (Рас-Шамры) XII в. до н. э. и из коллекции таких печатей в Лувре. На ещё более раннем (XX - XIX вв. до н. э.) оттиске печати из хеттского памятника Куль-тепе (период Карум II) в Анатолии бог Пирва управляет четырёхколёсной повозкой и ему противостоит бог Адад, в одной руке у которого копьё, в другой – трезубец и который стоит на мифическом льве-драконе. Но наибольшее развитие этот сюжет получил в дворцовых колесничных рельефах Ассирии и Персии VIII - VII вв. до н. э.: в Ниневии, Нимруде, позднее – в Персеполе. Здесь на парадных колесницах показан царь, повозкой управляет возничий и они изображены в батальных сценах противостояния врагам или сценах «царской охоты» на львов (рис. 2).

[Новоженов, 2012. С.300-303; Рис. 170-171:15;30;32;39;41. Рис. 173:3,4,12,13]

[Macgueen, 2010. P. 110-111, Fig. 96]

Значительное сходство сюжета на гребне наблюдается именно с ассирийскими колесничными барельефами прежде всего в иконографии собственно колесниц и упряжных лошадей. Конструкция повозки хорошо диагностируется по такому элементу, как ребристые шины колесницы, и по элементам сбруи колесничных лошадей – попоне, парадным ремням и большой круглой бляшке, расположенной чуть выше лопаток лошади. Ребристые шины появляются на ассирийских барельефах в VII в. до н. э., во времена Сеннахериба и Ашшурбанипала, когда кузова ассирийских колесниц становятся больше, в них помещается возничий, царская персона и щитоносец, который обеспечивает оборону всего экипажа. Конструкция ремней упряжной сбруи также находит соответствия с описанными выше именно в этот период на дворцовых рельефах из Ниневии и Персеполя.

[Littauer, Crouwel, 1979. P. 68-71; Новоженов, 2012. С. 190-191]

[Werner, Matheson, 2001. P.47; Reade, 2011. P. 74, 86; Curtis, 2011. P. 51, 58]

Вместе с тем, нельзя утверждать, что этот сюжет исключительно заимствованный или гребень изготовлен по заказу. Особенности техники его исполнения, иконографии, некоторые детали: дугообразные борта кузова, антропологический тип персонажей и их расположение – явно свидетельствуют о том, что гребень этот изготовлен местным мастером. Кроме того, имеются прямые аналогии в материалах памятников тасмолинской культуры и в некоторых погребениях кургана Аржан 1.

[Грязнов, 1980. С. 26]

Раскопки кургана Аржан 1 в конце 70-х годов прошлого века и особенности размещения там останков лошадей совместно с бронзовыми навершиями в виде фигурок горных баранов позволили предложить Д. Г. Савинову интерпретацию их как захоронений упряжных лошадей и колесниц. Эта концепция опирается на реконструкции функционального предназначения отдельных предметов из сакских и тасмолинских археологических комплексов, предложенных казахстанскими археологами и впоследствии развитыми в исследованиях П.И.Шульги. Отметим, что такие навершия (рис. 3) найдены в ур. Мырзашокы в Центральном Казахстане, мог. Кызыл Тоган (Биже) в Жетысу, а распределители ремней известны в материалах мог. Тасмола V.

[Савинов, 2002. С. 51-52, 65]

[Акишев, Акишев 1978. С. 57, 38-63; Агапов, Кадырбаев, 1979]
[Шульга, 2008. С. 47-49]

[Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 102-103. Рис. 5; 7; 11]

Недавно подобные предметы и аргументация вновь подробно рассмотрены Н. Ю. Смирновым. Автор детально сравнивает аржанские предметы с изображениями колесниц на ассирийских барельефах, находит им поразительные соответствия и приходит к выводу о том, что «рассмотренные .... материалы представляют собой как прямые, так и косвенные доказательства наличия упряжных лошадей в составе сопроводительных конских захоронений кургана Аржан 1» (см. глава 2, рис. 61). Добавим, что многие эти предметы находят со-

[Смирнов, 2012. С.424-432]

[Смирнов, 2012. С.431]

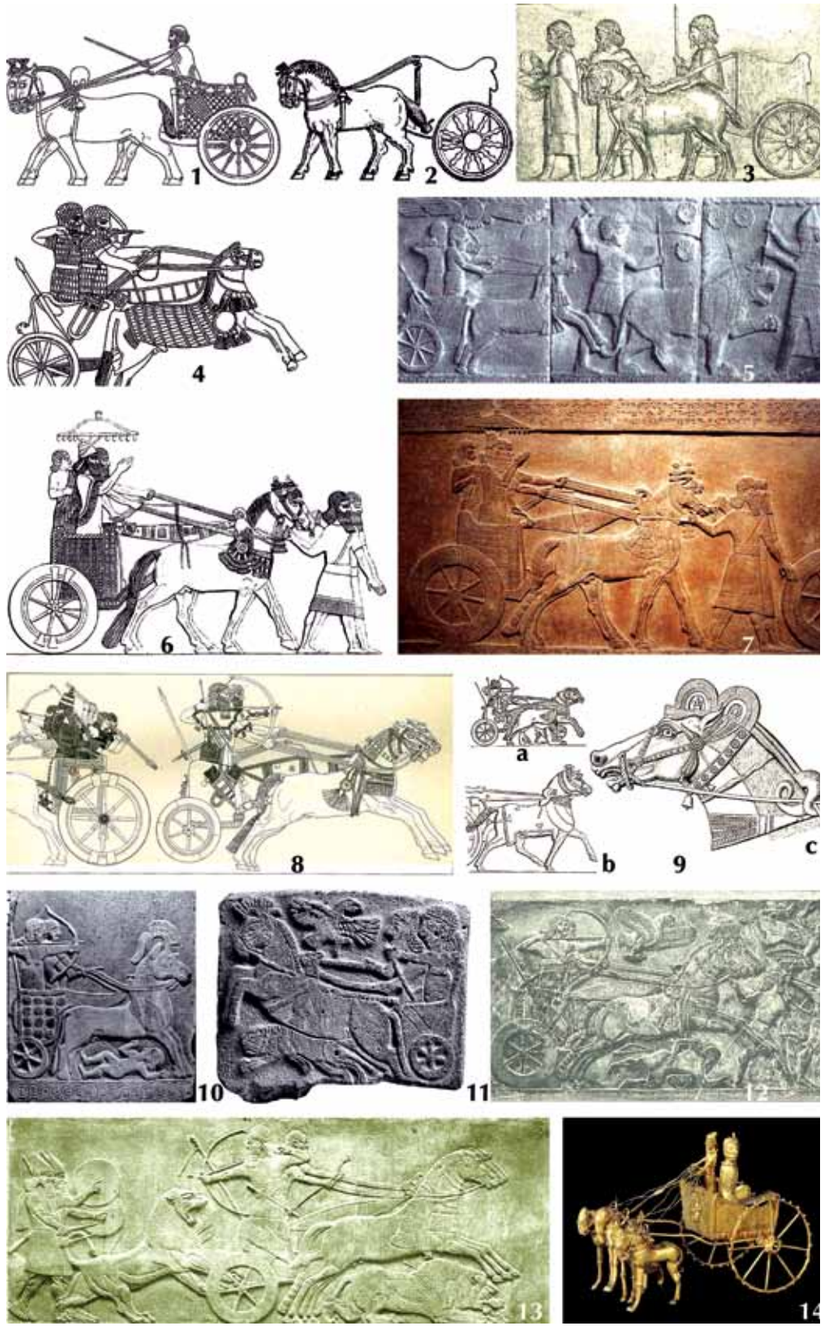
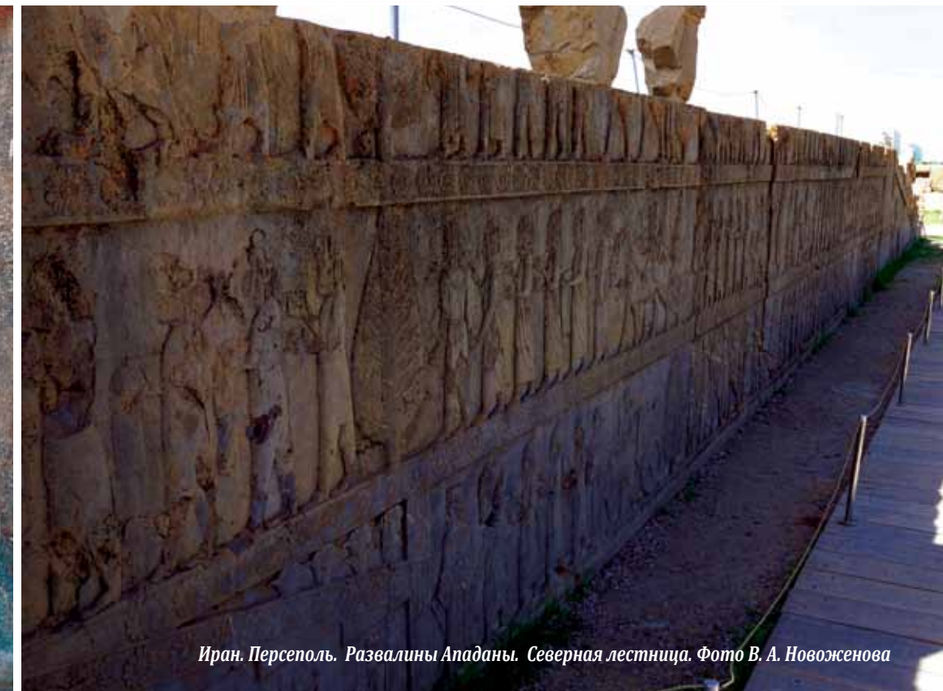


Рис.2. Колесничные сюжеты в изобразительных памятниках Переднего Востока
1 - фрагмент рельефа Ападаны в Персеполе (начало V в. до н. э.) [Littauer, Crouwel, 1979. Fig. 80];
2, 3 - персидская военная колесница, запряженная лошадьми нисейской породы [Maspero, 1916, Pl. 279;http://www.ibiblio.org/pub/docs/books/gutenberg/1/7/3/2/17326/17326-h/17326-h.htm];
4, 5 - охота на льва. Деталь рельефа из Сакчегёзу. Первая половина VIII в. до н. э. Vorderasiatisches Museum, №971, Берлин. Прорисовка и общий вид барельефа [Littauer, Crouwel, 1979. Fig. 58]
6, 7 - ассирийский дворцовый барельеф Тиглат-Паласара III. Захват города Астарту и царь в колеснице. Ассирия, Нимруд, юго-западный дворец, ок.730 - 727 вв. до н. э. [After Layard, http://www.pbase.com/bmcmorrow/bm_assyria];
8 - Ассирия. Царская колесница для охоты на львов и тигров, оснащенная более прочными и широкими колесами [Дюпюи, Дюпюи, 2004];
9 - детали упряжи ассирийской колесничной лошади. Британский музей [Rawlinson, 1880. Pl. 93]:
a - ассирийская колесница раннего периода, Нимруд;
b - колесничная лошадь, защищенная накидкой, Коюнжик (Ниневия);
c - голова колесничной лошади, показывающая упряжь с прикрепленными колокольчиками, Коюнжик (Ниневия);
10 - барельеф из Каргамиша (Carchemish). Музей анатолийских цивилизаций, Анкара. Хеттская колесница с ярмами-рогатками периода Нового Царства;
11 - барельеф со сценой охоты на льва. Сирия, Тель-Халаф (Древняя Гузана). Ок. 850 - 830 гг. до н. э. (Новое Хеттское Царство). The Metropolitan Museum of Art, Нью Йорк. № 43.135.2;
12 - ассирийская боевая колесница атакует врага [Maspero, 1916, Pl. 184; http://www.ibiblio.org/pub/docs/books/gutenberg/1/7/3/2/17326/17326-h/17326-h.htm];
13 - Ассирийская колесница. Охота на львов. IX в. до н. э. Барельеф из дворца Ашшурнасирпала II. Британский музей. Лондон. №ME 124532;
14 - модель золотой колесницы. Амударьинский клад. Тахт-и-Кувад, Таджикистан. V - IV вв. до н. э.. Британский музей, Лондон. №123908



Иран. Персеполь. Развалины Ападаны. Северная лестница. Фото В. А. Новоженова

Иран. Персеполь. Развалины Ападаны. Восточная лестница. Колесницы. Фото В. А. Новоженова

Иран. Персеполь. Развалины Ападаны. Восточная лестница. Колесницы. Фото В. А. Новоженова

Анкара. Музей Анатолийских Цивилизаций. Рельеф из Каргамиша. Новохетский период. Фото В. А. Новоженова

Берлин. Музей Пергамон. Деталь рельефа из Сакчегёзу. Фото В. А. Новоженова

Внизу и вверху справа: Париж. Лувр. Дворец Саргона II. Ассирийские колесницы. Фото В. А. Новоженова

[Новоженов, 2012. С. 205-220]

ответствия и в китайских чемакынах, в том числе в погребениях с отдельными захоронениями ярм и их деталей.

К числу предметов, найденных в кургане Аржан 1 и диагностирующих колесничные захоронения, относятся находки ярм-рогаток, различного типа бляшки и распределители ремней, двухчастные удила с двукольчатыми окончаниями, навершия плетей, бронзовые навершия в виде фигур горных баранов. Последние широко представлены в погребениях эпохи ранних кочевников первой половины I тыс. до н. э. на всей территории Евразии. Обычно трактуются как составные части разного рода штандартов, украшавших погребальные ложа или повозки, которые также могли исполнять функцию ложа, в ряде случаев фиксируется связь подобных наверший с наборами конской упряжи: они крепились по краям ярма, как на китайских ярмах, концы которых загнуты вверх, а сквозь петли, расположенные на втулке, могли пропускаться ремни поводьев. У значительного числа подобных наверший на втулках имеются боковые петли-ушки или дополнительные кольца в основании, сквозь которые пропускались ремни. Наиболее показательным представляется навершие – распределитель ремней в виде фигурки оленя из материалов могильника Тасмола V в Центральном Казахстане. В основу этого предположения легли наблюдения о стертости петель или дополнительных колец, преимущественно с внутренней стороны.

[Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 103]

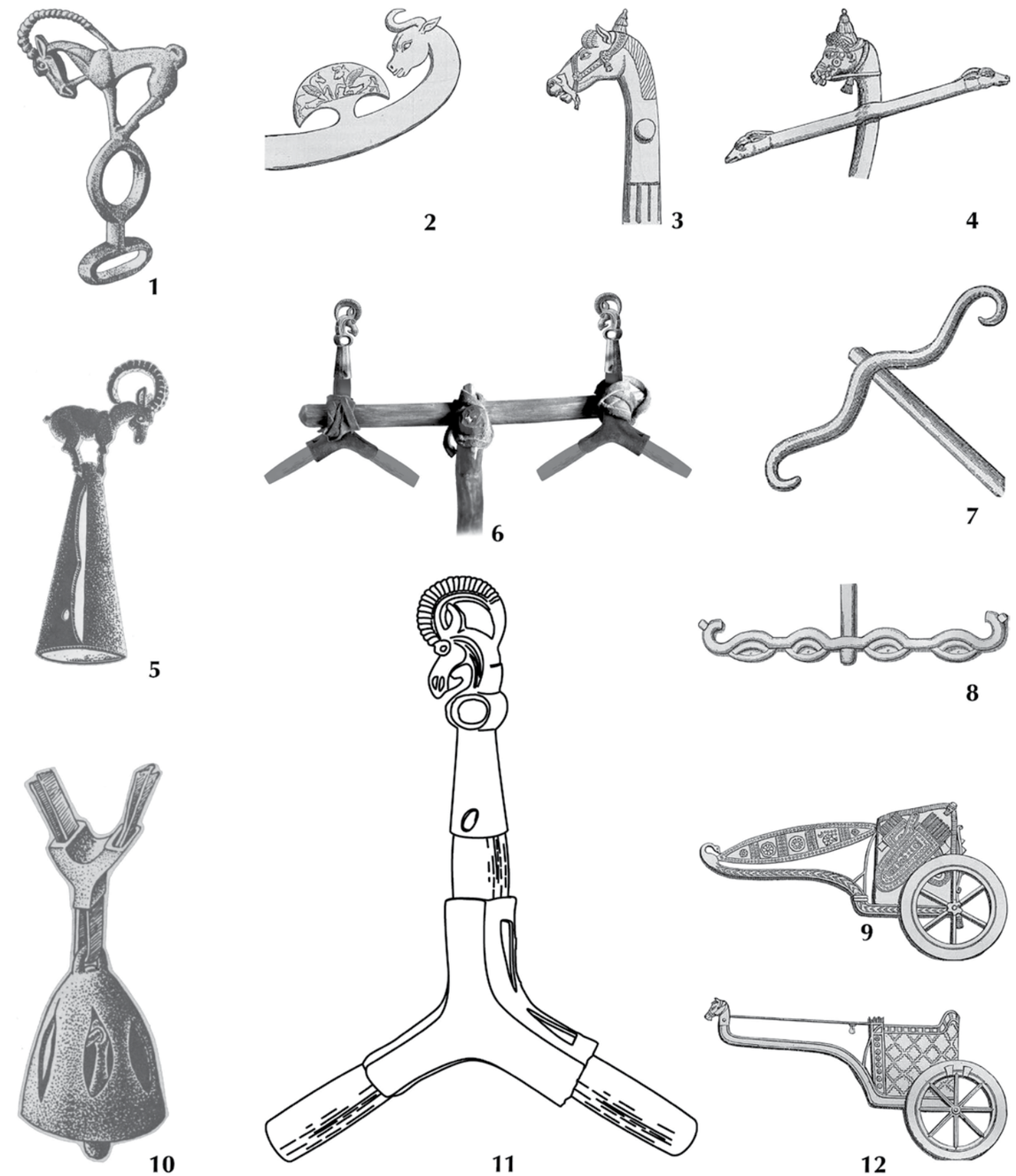
Таким образом, эти навершия выполняли роль распределителей вожжей – детали колесничной упряжи, хорошо известной по ближневосточным памятникам, а также служили декоративным украшением концов ярма, имевшего, несомненно, магическое значение во всей конструкции колесницы. Н. Ю. Смирнов указывает, что все пять бронзовых наверший происходят из камеры 26 кургана Аржан 1 и являются «комплектными» – один комплект на круглых втулках и один – на квадратных, а от третьего комплекта сохранилось только одно навершие (с низкой втулкой), притом что в этой камере обнаружено семь костяков лошадей и пустые камеры третьего яруса кургана, как это предполагал Д.Г. Савинов, символизируют сами повозки, а запряжены они соответственно – в «тригу» и «квадригу».

[Смирнов, 2012. С. 426]
[Грязнов, 1980. С.36. Рис. 25:3,4]

Смущает в предложенной реконструкции наличие «некомплектного» навершия. Возможно, объяснение его присутствия – в аналогиях с чжоускими и ассирийскими колесницами, у которых традиционно украшался, кроме концов ярма, ещё и передний «хвост» дышла, в месте соединения дышла и перпендикулярной жерди ярма, иногда выступающий вперёд по ходу движения повозки и изогнутый вверх. Именно этот конец дышла мог иметь такое навершие, с петлями или без них (рис. 3).

Слева: Южная Сибирь. Тагарская культура. VIII - VII вв. до н. э. Бронзовое навершие [по Королькова, 2006. С. 83. Ил. 67]

Справа: Рис. 3. Предметы колесничного снаряжения и реконструкция их функционального предназначения
1 - бронзовое навершие. VII - VI вв. до н. э. Могильник Кзыл-Тоган (Биже), Жетысу [по Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 103. Рис. 7; Акишев, Акишев, 1978]; 2, 3, 4 - навершия дышел ассирийских колесниц [по Rawlinson, 1880. Pl. 90, 91]; 5 - бронзовое навершие. VI - V вв. до н. э. Урочище Мырзашокы, Центральный Казахстан [по Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 102. Рис. 5; Акишев, Акишев, 1978]; 6, 11 - реконструкция ярма колесницы и функционального предназначения «тройника». Авторы К. Алтынбеков, В. Новоженов [по Алтынбеков, 2013. С. 37]; 7, 8 - ярма ассирийских колесниц [Rawlinson, 1880. Pl. 91]; 9 - ассирийская колесница раннего периода (Нимруд) [по Rawlinson, 1880. Pl. 92]; 10 - принадлежность конской сбруи. VII - V вв. до н. э. Могильник Тасмола, Центральный Казахстан [по Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 101. Рис. 10]; 12 - ассирийская колесница позднего периода (Ниневия) [по Rawlinson, 1880. Pl. 92]



Колесничная упряжь из памятников тасмолинской культуры [по Акишев, Акишев, 1978; Агапов, Кадырбаев, 1979]

[Смирнов, 2012. С. 430]

Мы полагаем, что такая бляшка могла фиксировать место крепления ярма к корпусу лошади и не обязательно крепилась подвижно, выполняя только декоративную функцию

[Алтынбеков, 2014]

В погребальной камере 2 кургана Аржан 1 также найдено подвесное массивное украшение в виде свернувшегося кошачьего хищника, отлитое из бронзы. Непревзойденный по своей лаконичности шедевр звериного стиля ранних кочевников – самый известный предмет из кург. Аржан 1. Н. Ю. Смирнов, на основании «значительной залощённости, практически – заполированности» всех выступающих частей обратной (не лицевой) стороны этой бляшки и по целому ряду аналогий на ассирийских барельефах и древнеегипетских изобразительных памятниках, приходит к заключению о том, что эта деталь – часть декора колесничной упряжи, и реконструирует её назначение как подвесного парадного украшения упряжи, обладающего и защитной функцией (?), свободно располагавшегося в области лопатки колесничной лошади. Именно этот круглый элемент показан в рассматриваемой композиции на гребне из мог. Таксай I.

Ярмо-рогатка, вырезанная из рога марала, важная деталь конструкции ярма колесницы – в форме перевёрнутой латинской буквы «Y» – препятствует соскальзыванию ярма с шеи животного и облегчает тягу лошади. Обнаружено в ограбленной камере 2 кургана Аржан 1 и имеет явные следы использования. Аналогичные по конструкции, но более грубые ярма-рогатки, сделанные из дерева, зафиксированы в пятом Пазырыкском кургане вместе с погребением упряжных лошадей и повозкой. Заметим, что в кургане 11 мог. Берел отмечена и другая находка фрагмента подобного деревянного ярма-рогатки для лошади, а также ярма другого типа - для запряжки быков.

В кургане 6 мог. Таксай I вместе с гребнем найден загадочный артефакт, названный «тройник», представляющий собой монолитный бронзовый предмет с полыми подпрямоугольными окончаниями. Подобный предмет найден также при раскопках кургана 15 «царского» курганного могильника Кырык-Оба, в западной поле которого найден клад бронзовых предметов – «тройник» вместе с остатками 4-5 уздечных наборов. По аналогии с находками из тасмолинских памятников, это, возможно, основная деталь комбинированного ярма-рогатки (рис. 3). М. К. Кадырбаев интерпретировал предмет из мог. Тасмола V как принадлежность конской сбруи, однако реконструирует его верхом-вниз, прикрепляя на кожаном ремне колокольчик. Нам представляется, что в полые концы этого тройника вставлялись, скорее всего, жёсткие наборные кожаные ремни или деревянные стойки и затем крепились за этот тройник к поперечной перекладине ярма, закреплённого на центральном дышле колесницы. Верхний конец этого ярма-рогатки украшался специальным зооморфным навершием или колокольчиком, два нижних конца – крепились к основанию шеи, а точнее - спине упряжной лошади, в месте, где шея переходит в корпус. Такое использование этого предмета наиболее оптимально для передачи тяглового усилия лошади.

[Бисембаев, Гуцалов, Сдыков, 2006. С. 231-235. Рис. 1]
[Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 101. Рис. 2, 10]

Тыва. Курган Аржан 1 [по Грязнов, 1980]

[Новоженов, 2012. С. 245. Рис. 147]

Дальнейшие исследования материалов из погребения кургана 6 мог. Таксай I, и особенно найденных в нём различных металлических бляшек, распределителей ремней, крючков и определение их функционального предназначения в конской колесничной сбруе позволит конкретизировать эту реконструкцию. Отметим, что если действительно окажется, что местные сакские (сарматские) племена использовали ярма-рогатки для запряжки колесниц, то, с функциональной точки зрения передачи тяглового усилия упряжных коней, здесь использована очень примитивная система, поскольку более развитые системы упряжи египтян, ассирийцев, персов в первой половине – середине I тыс. до н.э. уже не предполагают использования ярм-рогаток – в это время здесь появились уже более удобные системы колесничной упряжи дорсального типа, основанные на передаче тяглового усилия посредством корпуса и плечей упряжной лошади. Любопытно, что только в хеттских колесницах периода Нового царства (рис. 2:10) и у китайцев традиционно использовались классические ярма-рогатки, очень неудобные (шейный ремень душил лошадь), передающие тяглoвое усилие посредством шеи и плечей животного, вплоть до рубежа эпох. В любом случае, использование ярм-рогаток особого, более прогрессивного типа – яркое свидетельство местной, собственной, линии развития колесниц в нашем регионе, начиная со времён эпохи бронзы.

Ярму, в комплекте с ярмами-рогатками, очевидно, придавалось особое магическое значение: в шан-иньское время известны могилы с погребением вместо повозки только одного ярма. В позднечжоуский период такие захоронения известны в некрополе Бэйяо (например, чемакын М118), который связывается исследователями со степными племенами, проникающими в это время на территорию современного Китая (подробнее в статье К. М. Линдафф). О магическом значении ярма свидетельствуют различного типа колокольчики-бубенцы и украшения дышла, найденные в древнекитайских чемакынах, а также высокохудожественные распределители ремней оголовья колесничной упряжи, а так же многочисленные индоиранские письменные источники.

Таким образом, в кургане Аржан 1, в погребении кургана 6 мог. Таксай I, в кургане 15 мог. Кырык-Оба, обнаружены важные свидетельства развития азиатского колесничного комплекса – явные достижения местной колесничной технологии. Наличие в погребении кургана 6 мог. Таксай I стеклянных кувшинчиков, гребня с колесничным сюжетом, а также случайно найденного рядом ритона свидетельствует об активных культурных контактах с Ассирией, Персией и другими регионами Передней Азии во времена зафиксированных в письменных источниках военных походов киммерийцев, а затем и саков Центральной Азии в эти страны.

Пазырыкские повозки. Исключительное значение для исследования древнейшего колёсного транспорта на территории Казахстана и Центральной Азии имеют находки повозок в знаменитых Пазырыкских курганах, раскопанных ещё в 20-40-е годы прошлого столетия. Несмотря на то, что за прошедшие с той поры почти сто лет, и раскопанные многие десятки новых памятников этого периода на всей территории севера Центральной Азии, они по прежнему остаются практически единственным свидетельством реального использования колёсных повозок в скифо-сакских сообществах ранних кочевников, что делает их детальное изучение и интерпретацию всё ещё актуальной задачей. В историографии этих находок прочно утвердились некоторые стереотипы, высказанные в своё время авторами раскопок - о «китайском» происхождении пазырыкской телеги, например, и её использовании в ритуальных, погребальных обрядах, связанных с транспортировкой мумии вождя по подвластным ему территориям. Как эти представления соотносятся с современными данными?

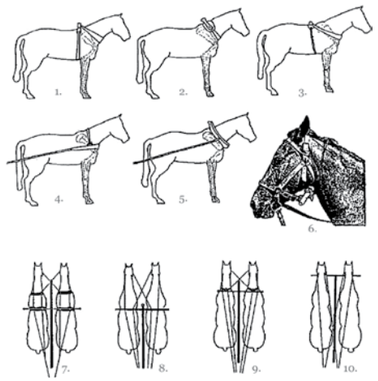
[Новоженов, 2012. С. 205-220]

Вверху: Центральный Казахстан. Поселение эпохи поздней бронзы Кент. Бляшка из кости с резным оранментом [по Бейсенов, 2011. С. 7]

[Грязнов, 1937; 1950; Руденко, 1951; 1953]

[Руденко, 1953; Курочкин, 1994]

Бляшки в виде свернувшейся пантеры. VII-VI вв. до н. э.
1. - Сибирская коллекция Петра I;
2. - Центральный Казахстан. Мог. Талды 2.
[по Королькова, 2006. С. 90. Ил. 73; Бейсенов, 2011. С. 10]



Типы древних систем запряжки:

1 – система упряжи с использованием двух ремней: тягловое усилие создается нижней частью шеи, что было неудобно для животного;
2 – система упряжи с ярмами-рогатками и фиксирующими ремнями: тягловое усилие создается плечами животного;
3 – дорсальная система – хомут (ремень) опоясывает грудную клетку: тягловое усилие создается грудью животного;
4, 5 – современные системы запряжки лошадей;
6 – крепление поперечного бруска-ярма к оголовью (по сахарским фрескам);
7 – современная парная упряжка;
8 – древняя парная упряжка и дорсальная система ярма;
9 – древняя парная упряжка с ярмами-рогатками;
10 – древняя парная упряжка с поперечным бруском-ярмом, прикрепленным к оголовью [по Новоженов, 2012]

В курганах Пазырыка зафиксировано три типа транспортных средств – двуколки (на двух маленьких дисковых колёсах, вероятно А-образного типа); четырёхколёсные грузовые телеги на маленьких, очень широких дисковых колёсах - катках, сделанных из стволов лиственницы (рис. 4), и «колесница» на четырёх больших колёсах со спицами, а точнее – крытая телега, или назовём её более нейтрально – «повозка», реконструкция которой проведена М. П. Грязновым, С. И. Руденко и Е. А. Румянцевым (рис. 5). Другие пазырыкские повозки остаются до сих пор не восстановленными. В 1955 году, когда материалы раскопок курганов приняты на хранение, реконструированная повозка выставлена на всеобщее обозрение в экспозиции Эрмитажа.

Грузовые повозки. Об этом типе повозок на маленьких катках (двух- и четырёхколёсных) известно немного. Вот как их описывает С. И. Руденко: «Во всех курганах, кроме четвёртого, где они не могли сохраниться, найдены остатки примитивных телег: в кургане первом – дрожины (нижние балки рамы платформы – В. Н.) и, по-видимому, части ярма, во втором – колесо и дрожины; в третьем и пятом курганах найдены колёса, оси и дрожины от двух телег. Все колёса выделаны из цельного ствола лиственницы, диаметром от 30 до 47 см, толщиною от 35 до 40 см, со втулками от 12 до 16 см в диаметре, в некоторых колёсах расширившимися от длительного употребления. Судя по остаткам её частей, вся телега в целом была столь же примитивна, как и её колёса. Из стволов лиственницы выделывались толстые, квадратные в сечении дрожины. В кургане третьем дрожины одной из телег были выделаны из ствола лиственницы с корнем так, что корневища спереди торчали кверху, подобно головкам у полозьев саней. Между собою дрожины соединялись рядом вставленных в них перекладин. Под передние и задние концы дрожин подводились толстые (около 10 см в диаметре) оси. Последние закреплялись под дрожинами толстыми, прямоугольными в поперечном разрезе, деревянными костылями, проходящими сквозь дрожину и ось. После насада колеса в ось вставлялась деревянная чека.

Рис. 4. Пазырык. Пятый курган. Колесо и ось грузовой повозки в раскопе. Фото [по Руденко, 1953. С. 230. Рис. 144]

В корневой передок телеги из кургана третьего, в особый прорез вставлялась, по-видимому, поперечная доска. Пониже, в корне близ ствола, в специальные прорезы продевались, видимо, специальные тяговые верёвки или петли для оглобель, так как края этих прорезов сильно отполированы. Колёса иногда смазывались дёгтем. Колесо из кургана второго было обильно им смазано». Далее автор отмечает значительные следы сработанностей на осях (стёрлись больше, чем на половину своей толщины), на внешних поверхностях колёс и в местах трения колёс о дрожину. Автор предполагает их исключительно утилитарное использование при строительстве курганов - для предварительного подвоза огромного количества камней, из которых затем возводились насыпи этих курганов. *[Руденко, 1953. С. 230-231, Рис. 143-145]*

[Руденко, 1953. С. 232]

Судя по опубликованным описаниям, чертежам (рис. 6) и фотографиям автора раскопок, данным реставраторов и сотрудников Эрмитажа все пазырыкские повозки находились в курганах в разобранном или во фрагментарном состоянии и даже – со следами намеренного разрушения (повозка на колёсах со спицами из пятого кургана). О деталях конструкции «грузовых» телег можно судить по их остаткам в кургане третьем (детали рамы) и относительно хорошо сохранившейся колёсной паре с осью – в третьем и остаткам другой телеги - в пятом кургане, где она найдена совместно с разобранными деталями от самой известной сегодня повозки, выставленной в экспозиции музея. Всего, таким образом, в пятом кургане обнаружены две повозки. *[Руденко, 1953. Рис. 145- 147. Табл. XIII-XV]*
[Гук, Николаев, 2012. С. 454-457. Рис. 1; 2011]

Рис. 5. Пазырык. Пятый курган. Четырёхколёсная повозка. Реконструкция С. И. Руденко, М. П. Грязнова и Е. А. Румянцева [по Королькова, 2006. С. 129]

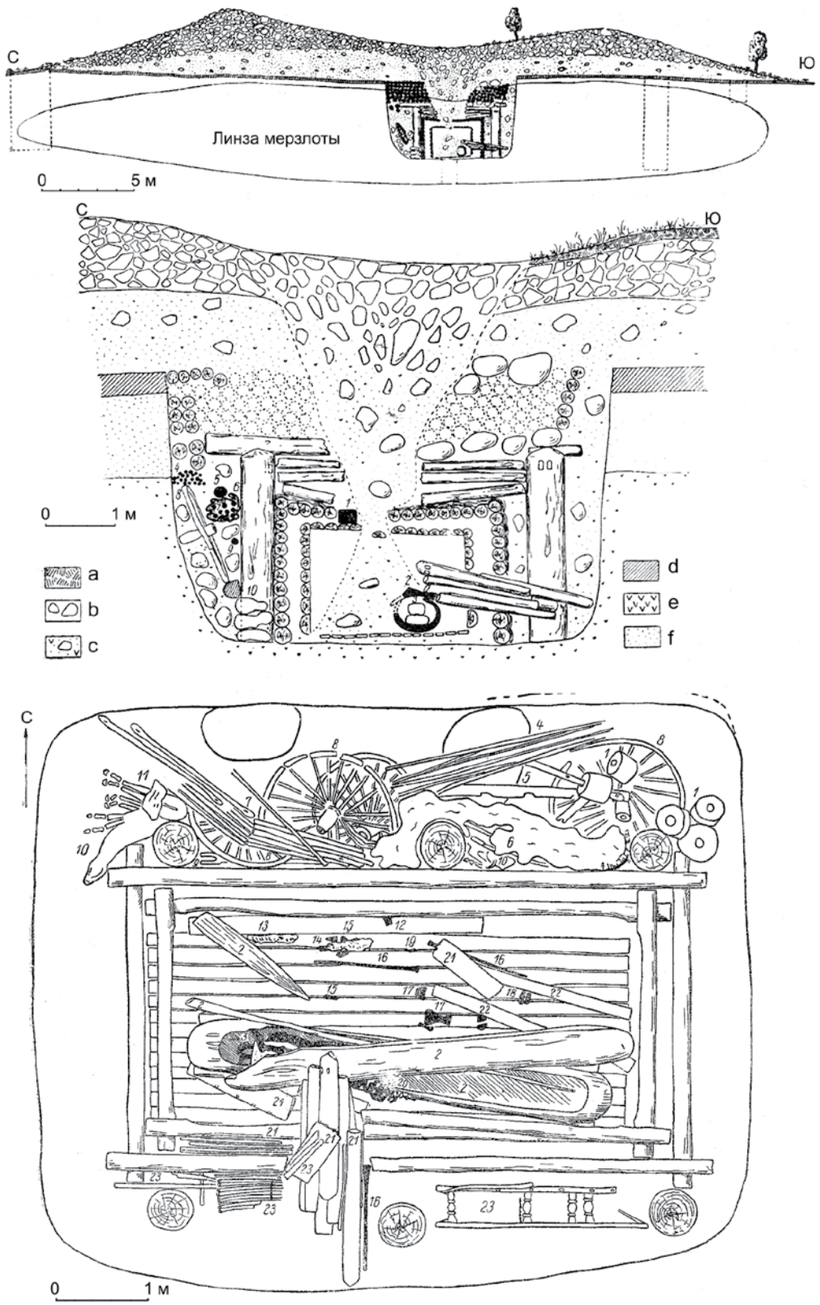


Рис. 6. Пазырык. Пятый курган. Разрез кургана и план погребения [по Руденко, 1953. С. 33, 55. Рис. 11, 26]

Разрез могилы и находки:
a - почва;
b – каменная насыпь;
c – смешанный грунт;
d – погребённая почва;
e – материковая глина;
f – материковый песок.

1 – подушка для сидения;
2 – саркофаг-колода;
3 – мумифицированные тела женщины и мужчины;
4 – жерди от телеги;
5 – лестница;
6 – войлочный ковер;
7 – древки от повозки;
8 – колесо повозки;
9 – дышло повозки;
10 – трупы лошадей.

План могилы и находки:
1 – колеса от телеги;
2 – саркофаг-колода с крышкой;
3 – тела захороненных;
4 – жерди от телеги;
5 – лестница;
6 – большой войлочный ковер;
7 – 9 – части повозки;
10 – трупы лошадей;
11 – ворсовый ковер;
12 – фрагмент глиняного кувшина;
13 – шкура козы;
14 – шкура овцы;
15 – ножки столиков;
16 – древки шестиноги;
17 – роговой барабан;
18 – войлочная подушечка;
19 – роговый сосуд с деревянной ложечкой;
20 – женский головной убор;
21 – доски с ременными вязками;
22 – бревна потолка камеры;
23 – части повозки

Конструкция «грузовых телег» представляется достаточно простой – прямоугольная рама из квадратных балок с поперечными досками – настил повозки, с закреплёнными снизу парой осей. Тяговое усилие животного или животных, скорее всего лошадей, но и возможно – быков, передавалось с помощью толстых верёвок. Судить об элементах упряжи или других деталях конструкции не представляется возможным. Важно, что все эти повозки реально использовались и были действующими.

Теоретически, с учетом находок остатков части одного ярма в первом кургане и другим находкам, можем предположить наличие среди пазырыкских повозок двуколки – одноосной грузовой повозки примитивного А–образного типа, на манер волокуши, запряженной одним или несколькими упряжными животным. Это предположение и было высказано С. И. Руденко, мы его поддерживаем и аргументируем исключительно одним практическим соображением: грузовые пазырыкские телеги не могли маневрировать. Развернуть такую гружённую камнем четырехколесную повозку было практически нереально. Радиус разворота должен был составлять не менее 20-30 метров (о важности этого фактора свидетельствуют особенности конструкции другой телеги, из пятого кургана, см. далее). Двуколка лишена этого недостатка и более управляема в гружёном состоянии.

[Руденко, 1953. С. 234]

Косвенно это предположение подтверждают находки двух ярм между брёвнами, заполнявшими верхнюю часть могильной ямы первого кургана, а также отдельного изогнутого дышла (среди множества других прямых жердей, пригодных для использования в качестве дышел или даже оглобель в повозках), в верхней части могильной ямы пятого кургана, из берёзы, длиною 3,35 м, с отверстиями на конце и заполированной нижней частью. Однако проверить это предположение можно только в хранящихся ныне в фондах Эрмитажа материалах коллекций пазырыкских курганов.

[Руденко, 1953. С. 234]

Изображения телег и двуколок хорошо известны в синхронных и более ранних петроглифах Алтая, Южной Сибири и Казахстана. В нашей классификации выделен тип двуколок на очень маленьких, дисковых колёсах, сохранившийся на Алтае и в этнографическое время. Такие повозки здесь назывались «медведки».

[Савинов, 2002; Мухарёва, 2011. С. 74. Рис. II, 1; см. классификацию: Новоженов, 2012]

Повозка из пятого кургана (рис. 5). О другом типе пазырыкских телег на колёсах со спицами известно больше – её удалось восстановить и реконструировать. О первоначальном состоянии этой находки в пятом кургане можно судить по первым, предварительным публикациям. Позже опубликована и собственно конструкция повозки; рассмотрим её основные части, опираясь на описание С. И. Руденко и наши собственные наблюдения при изучении этой повозки в Эрмитаже:

[Руденко, 1951]

[Руденко, 1953. С. 232-234]

Колёса и ступицы. Обращает на себя внимание значительный диаметр колёс (ок. 150 см), большая длина ступиц (ок. полуметра), при изысканном их оформлении, и количество тонких спиц (34). Ступицы не симметричны в продольном разрезе: внешняя часть их значительно длиннее, чем внутренняя. Ободья колёс состоят из двух половинок, края которых наложены один на другой и скреплены между собой деревянными костыльками, в одном случае, кроме того, кожаной обмоткой. Средняя часть ступиц, там, где в неё вставлены спицы, тщательно оклеена берестой, по видимому для предохранения от рассыхания и, следовательно, от выпадения спиц. Диаметр втулки ступицы около 7,5 - 8 см. Колёса, как и все части повозки, полагал С. И. Руденко, «выделаны из берёзового дерева», что оказалось не совсем так (см. далее). Особенность этих колёс в том, что посадочные пазы для спиц в ступице не круглого, а прямоугольного се-

Пазырык. Пятый курган. Повозка. Общий вид

Пазырык. Пятый курган. Повозка. Детали ступицы

Пазырык. Пятый курган. Повозка. Детали конструкции колес, оси и ярма

чения, в отличие от округлых посадочных гнёзд в ободе. Соответственно сами концы спиц, которые вставлялись в ступицу - подпрямоугольные в сечении, а внешние концы спиц, что вставлялись в обод, - округлые. Такая особенность диктуется технологическими особенностями сборки ступицы колеса с большим количеством спиц и хорошо известна по находкам таких колес из синхронных памятников на территории Китая.

Оси. Оси этой повозки очень длинные – 3, 10 м. Такие их размеры определялись шириною кузова-платформы, длиною ступиц колёс и дополнительными брусьями, связывающими переднюю и заднюю оси повозки и помещающимися между колёсами и деревянными чеками, вставленными на концах осей. Особенность осей в том, что они изготовлены не из цельного бревна, что естественно при их общей длине, а собраны из крупных отдельных частей треугольной формы, вставленных друг в друга и соединённых в одну массивную балку, подпрямоугольной формы в сечении. Концы этой балки снабжены выточенными круглыми полуосями, длиной более 60-70 см и диаметром около 7 см, на которые и надевались колёса. Таким образом, та часть осей, которая располагалась под кузовом, была прямоугольной, что облегчало крепление кузова и укрепляло всю конструкцию, а выходящие за габариты кузова (рамы) концы осей были круглыми.

Дышло и способ передачи тяги. На подушках оси имеются четырёхугольные прорезы, девять на передней и шесть на задней оси, для костылей балок рамы и для прикрепления к передней оси дышла. Рама из брусьев по краям и оси представляли собой остов - нижнюю раму повозки. К передней оси, как уже отмечено выше, привязывалось дышло при помощи специальной дуги. Длина этого массивного дышла 3,2 м. К оси телеги оно привязывалось не только непосредственно развилкой на своём заднем конце, но и специальной дужкой, прикреплённой к нему на некотором расстоянии от заднего конца особым костылём и ременной завязкой.

К переднему, слегка расширенному и закруглённому концу дышла ремнями привязана специальная перекладина - ярмо длиною 1,64 м с двумя закреплёнными по обе стороны дышла ярмами-рогатками. Кроме того, между ярмами-рогатками и концами перекладины в ней высверлены специальные отверстия. Рогатки накладывались на шеи упряжных коней и подвязывались снизу ремнём, продетым в отверстия на нижних концах рогаток. Упомянутые выше отверстия в перекладине служили, по-видимому, для привязывания шорок пристяжных коней. Для последних имеются два валька с остатками постромок. Таким образом, в эту повозку впрягалась четвёрка лошадей. Дышло было подвижным по линии «верх-низ», но не поворотным, поскольку крепилось к неподвижной передней оси. Разворот такой повозки требовал значительного пространства – до 30 м в одну сторону.

Возможно, наличие в этой конструкции совершенно не функциональных деталей – жердей, связывающих оси повозки между собой по обеим сторонам повозки, объясняется как раз необходимостью разворота этой повозки, когда четверо или даже двое взрослых людей, взявшись за эти «поручни», могли её спокойно приподнять и развернуть в нужном направлении. Это предположение косвенно подтверждает тезис о том, что на этой повозке могли возить мумию вождя по пересечённой местности и эти приспособления, возможно, специально устанавливались для этой церемонии – в повседневной эксплуатации этой повозки на равнинных поверхностях такие приспособления для данной конструкции не имеют большого практического смысла, кроме описанного выше «ручного разворота» такой телеги.

Кузов. Весьма своеобразной формы двухъярусная платформа, размером 1,28 х 2,36 м, состоящая из двух рам, соединённых между собою восемнадцатью резными колонками, высотою ок. 40 см каждая. В промежутках между колонками расположены туго закрученные ременные связки, соединяющие верхнюю, более короткую, и нижнюю – более длинную рамы. В верхней раме - три поперечные перекладины, на которых лежит настил из сплошного ряда переплетённых ремнями ивовых прутьев, закрывающий почти три четверти её площади. Впереди таким же настилом покрыт передний участок нижней рамы. Прутья настила и на нижней раме переплетены ремнями, но положены на четырёх перекладинах не в поперечном, как на верхней раме, а в продольном направлении. Правящий лошадьми сидел на верхнем настиле, полагал С. И. Руденко, а ногами упирался в нижний. Платформа наглухо закреплена на передней и задней осях.

Наиболее проблематичной оказалась реконструкция верхней надстройки кузова, поскольку изогнутые жерди решётчатой конструкции были в основном разрушены. С. И. Руденко отмечал, что у повозки «довольно сложный верх», не все детали которого выяснены. При этом он не сомневался, что верх повозки был частично покрыт черным войлоком. Помимо этого, С. И. Руденко более определено высказался по поводу войлочных фигур «лебедей». Они, по его мнению, украшали решетчатую часть верха «колесницы», сделанную из тонких прутьев. М. П. Грязнов не во всем согласился с автором раскопок и предположил, что гнутые жерди небольшого диаметра, соединенные между собой длинными деревянными штифтами, и стойки с лопаткообразными окончаниями являются частями шатровой конструкции, которая была установлена на платформу повозки. Внизу стойки крепились к набранной из гнутых жердей «стенке-решетке», а вверху привязывались к четырехугольной раме, которая затем покрывалась «щитом из тонких, связанных ремнями досок». Дополнительных элементов в виде войлочных фигур птиц эта реконструкция не предполагала.

Материалы и способ изготовления. Повозка изготовлена исключительно из деревянных материалов. Все движущиеся детали имеют явные и значительные следы сработанности или заполированы от длительного трения. По данным Д. Ю. Гук и Н. Н. Николаева основная часть деталей кузова повозки изготовлена из березы, а также использовались сосна и ивовые прутья для настила. Колёса и спицы вырезаны из берёзы, черёмухи, крушины, сосны, ели и ивы – такое разнообразие материалов может свидетельствовать о частом ремонте колёс и замене спиц, что подтверждает длительное практическое использование этой повозки. (Определения древесины выполнены М. И. Колосовой) Широко использован традиционный способ изгиба жердей (из ивы) у кочевников - под нагревом с последующей фиксацией. Применялся для производства круглых и изогнутых деталей повозки (ободья колёс, каркас надстройки).

Для изготовления плоских поверхностей платформ (верхней и нижней) использован метод комбинированного плетения из ивовых прутьев и кожи, вероятно - КРС. Использован способ производства наборных балок с помощью треугольных пазов, для соединения деталей повозки применены деревянные «гвозди» - костыли и связывание (привязывание) несущих узлов и декоративных деталей полосками сыромятной кожи. Металлические детали не обнаружены. Для изготовления деталей ступицы и колонок использована резьба по дереву. Смазка для трущихся деталей – дёготь.

Способы крепления и сборки узлов конструкции допускают быструю сборку (или разборку) многих деталей кузова и даже всей повозки в случае необходимости.

[Гук, Николаев, 2012. С. 454-455]

[цит. по: Гук, Николаев, 2012. С. 454-455]

[Гук, Николаев, 2012. С. 456]

Пазырык. Пятый курган. Повозка Детали конструкции надстройки (вверху); деталь жерди, соединяющей оси со следами значительной сработанности (внизу)

Датировка. «Если принять последние радиоуглеродные датировки первого и второго Пазырыкских курганов рубежом IV–III вв. до н. э., то дата третьего Пазырыкского кургана лежит в пределах первой половины III в. до н. э. По дендрохронологической шкале третий, четвертый и пятый курган сооружены позднее второго …. Соответственно, третий Пазырыкский курган датируется в интервале от +1 до +30 лет, четвертый – от +7 до +35 лет, а пятый – от +48 до +52 лет. Предпочтительнее более поздняя дата третьего Пазырыкского кургана, т. к. по материалу он очень близок пятому, тогда как четвертый – второму» .

[Степанова, 2012. С. 451]

Предназначение. На наш взгляд, конструкция этой повозки типична и традиционна для степей Евразии, где идея крытой четырёхколёсной повозки-платформы известна очень давно – начиная с эпохи ранней бронзы (конец IV – III тыс. до н. э.; см.: главу 2 этой книги) и разрабатывалась на основе конструкции новотиторовских, платформенного типа телег, с подобными рамами и специальным помостом для возничего. Эти платформы использовались для установки на ней разборного или стационарного жилища.

Рис. 7. Глиняная модель скифской (сарматской) повозки [по Королькова, 2006. С. 72]

Известные письменные и изобразительные источники рассматриваемого скифо-сакско-сарматского периода (изображение на склепе Анфастерия, глиняные модели кибиток) свидетельствуют об использовании разборных жилищ – крытых войлоком на каркасе из жердей, конической или пирамидально-усеченной формы (прообразов современных юрт). Формы надстроек, показанные на глиняных моделях повозок этого времени (рис. 7), также имеют пирамидально-усечённую форму. Находка изображения распряженной и крытой телеги из раннесарматского святилища Байте III на Устюрте также подтверждает такое предположение. Поэтому, применительно к форме надстройки пазырыкской телеги, такая реконструкция справедлива.

[Вайнштейн, 1991. С. 45-47. Рис. 23-25]

[Самашев, 2013а. С. 25. Рис. 6]

Очевидно, что в данной конструкции надстройка из жердей была съёмной и, в зависимости от задач повседневной эксплуатации, повозка могла перевозить прежде всего людей и не очень тяжёлые грузы. Более того, конструкция этой повозки представляется универсальной и трансформируемой, наиболее соответствующей мобильным потребностям кочевников. В случае необходимости она могла эксплуатироваться без верхнего настила, верхней рамы и даже без резных колонок – функционально в этой конструкции они не нужны. В таком случае, возничий располагался на переднем крае нижней платформы, которая является несущей основой всей конструкции повозки, ноги его свисали вниз или располагались на дышле – очень большой диаметр колёс позволял это сделать, и возничий мог спокойно управлять упряжными лошадьми. Плетёная циновка от верхней рамы укладывалась на нижнюю, основную раму. В результате такой трансформации изначальная нижняя площадка, размером 1,28 х 2,36 м, имеет достаточно места для «комфортного» размещения лежащей в полный рост мумии вождя, а также возничего и даже сопровождающих лиц.

Все эти трансформации (а всего мы насчитали не менее четырёх вариантов возможных трансформаций) изначально заложены в конструкцию этой повозки, подобно каркасу разборно-сборной юрты. Подтверждают это предположение условия находки самой повозки в могиле – в разобранном состоянии – и собственно способ сборки основных деталей всей конструкции – на скрутках,

[Курочкин, 1994]

Западный Казахстан. Устюрт. Сарматское святилище Байте III. Распряженная крытая повозка [по Тасмагамбетов, 2005. С. 302]

деревянных костылях и кожаных ремнях.

Возможно, что на этой повозке (без надстройки и верхней рамы) возили по окрестным владениям мумию вождя. Такая традиция описана Геродотом у скифов, практиковалась и в случае смерти китайских императоров. Так, умершего первого китайского императора Цин Шихуана возили в 209 г. до н. э. в специальной крытой повозке по всем принадлежащим ему владениям, а бронзовую уменьшенную копию этой повозки (вместе с копиями других его экипажей) похоронили с ним в его мавзолее.

[Новоженов, 2012. С. 220-230]

Что касается фигурок птиц по верху повозки, то такая традиция, по-видимому, также имеет очень древние корни. В. А. Сарианиди предполагает расположение найденных совместно с гонурской телегой фигурок соколов именно по углам четырёхугольного тента – лёгкой надстройки этой платформенного типа телеги.

[Сарианиди, 2010; Сарианиди, Дубова, 2008; 2010]

Конструкция колёс и ступицы пазырыкской повозки из пятого кургана более прогрессивная, чем у найденных здесь «грузовых телег». Способ изготовления колёс - из двух сегментов гнутых жердей – традиционный для кочевников Центральной Азии, некоторые китайские колесничные приёмы заметны в конструкции ступицы, однако они незначительно повлияли на конечный результат – весьма отличный от синхронных и значительно более совершенных в техническом и эстетическом плане экипажей китайского производства. Более того, традиция изготовления четырёхколёсных повозок там не зафиксирована вообще.

[Новоженов, 2012. С. 220 и сл.]

Очевидно, что пазырыкская телега из пятого кургана, так же как и другие найденные здесь повозки, - очевидный результат местной традиции изготовления транспортных средств, в которых воплощены глубинные представления древних алтайцев, навыки и умения, сохранившиеся со времён предков-колесничих.

Вообще, как уже отмечалось, традиция изготовления передвижных

Восточный Казахстан. Берел. Курган 11. Фрагмент ярма-рогатки. Реставрация Крыма Алтынбекова. Фото Элина Алтынбекова

Рис. 8. Монголия. Колесные пары традиционной монгольской повозки. Фото Рустема Рахимжана

домов на колёсах зародилась в евразийской степи очень рано - ещё в конце IV - III тыс. до н. э. – и документируется многочисленными находками в могилах древнеямной КИО, майкопско-новосвободненской КИО, новотиторовской и катакомбной культур, остатками более чем 250 экз. реальных повозок, запряженных парой быков. Многие из этих повозок представляли собой крытые четырёхколёсные фургоны-кибитки.

[Гей, 2000; Избицер, 1993; Новоженов, 2012]

В условиях мобильного, кочевого уклада хозяйства, появление такой инновации – передвижного или разборного жилища – являлось закономерным, поскольку наиболее оптимально соответствовало потребностям способа существования в условиях степных ландшафтов. Разборное и переносное жилище – юрта и по сей день используется в степи. Традиция строительства мобильных жилищ на колёсах, как и юрт, сохранялась в степи очень длительное время, вплоть до этнографической современности. В Монголии и в наше время можно увидеть в степи остатки массивных повозок на очень больших колёсах. По свидетельству местных чабанов, повозки прицеплялись друг за другом, запрягались быками или верблюдами, на них устанавливали юрту, либо перевозили её в разобранном виде (рис. 8). В устных преданиях казахов сохранились сведения об огромных юртах на колёсах, запряжённых «стадами» быков. Упоминания о таких повозках-жилищах известны также из путевых заметок многих путешественников (одним из очевидцев таких повозок являлся Марко Поло).

[Поло Марко, 1940]

Традиция строительства пароконных колесниц и колесных повозок на завершающих этапах эпохи бронзы, как уже отмечалось ранее, продолжилась и в карасукское время, о чем с большой долей вероятности свидетельствуют изображения колесниц на стенках их могил, на оградке кургана Аржан 2, «имитации» погребений с колесницами в кургане Аржан 1, изображения колесницы, карасукского оружия и предметов колесничного комплекса на оленных камнях. Новые находки казахстанских археологов на западе Казахстана, в курганных комплексах Таксай 1, Кырык-Оба подтверждают активное использование колесниц в сако-сарматских обществах. Аналогичное пазырыкскому ярмо-рогатка для запряжки лошадей имеется и в материалах берельских курганов. В отличие от ярма-рогатки из кургана Аржан 1, сделанного из рога марала, эта берельская деталь колесничной упряжи выполнена из дерева, а таксайское ярмо-рогатка было комбинированным, более сложным по своей конструкции и предполагало использование прогрессивной запряжки дорсального типа, когда тягловое усилие создавалось не шеей, а плечами и корпусом упряжных животных.

[Ковалева, 2011]
[Чугунов, 2008]
[Савинов, 2002; Смирнов, 2012]

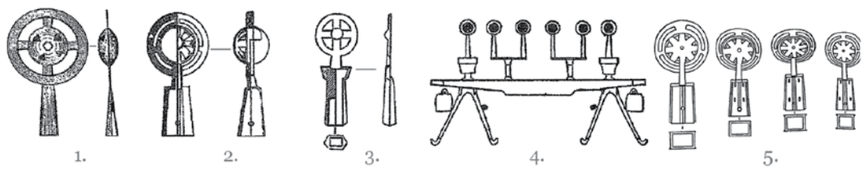
[Новоженов, 2012]

[Смирнов, 2012]

Открытие в Пазырыкских курганах разных типов транспортных средств: грузовых двуколок, телег и четырехколёсной крытой повозки представительского типа – свидетельствует о развитии местных традиций их производства, в которых воплощены глубинные представления древних алтайцев, навыки и умения, сохранившиеся со времён их предков-колесничих.

[Алтынбеков, 2013. С. 34-38]

Детальное обследование конструкции пазырыкской четырёхколёс-



Детали колесничной упряжи и колокольчики. Период Чжаньго

1 – могильник Люлихэ, 131: 7а; 2 – могильник Цзюнюйтай, JM16CHMK: 23; 3 – могильник Сюйлянчжун, XLM8CHMK:33-1; 4 – могильник Маанчжун, ярмо от колесницы 2, чемакын 2; 5 – могила Ченгун, колокольчики [по Hsiao-yun, 2009. P. 191]

ной крытой повозки, наличие следов значительной сработанности подвижных частей, явные следы ремонтов и замены деталей (спиц в колёсах) наглядно доказывают её продолжительное практическое использование. Более того, особенности её конструкции таковы, что все детали крепятся между собой исключительно кожаными ремешками и она может быть собрана и разобрана без особых усилий, так же как и трансформирована в случае необходимости из крытой повозки с лёгкой решётчатой надстройкой, покрытой войлоком, в обычную транспортную платформу открытого типа.

Повозки гуннского времени обнаружены в погребениях кочевой знати хунну (сюнну), и их конструкция принципиально отлична от пазырыкских повозок: у них нет центрального дышла, используется оглобельный способ запряжки упряжного (упряжных) животного (животных). В самом большом кургане могильника Царам в Забайкалье зафиксированы остатки крытой двухколёсной повозки с оглоблями и с сиденьем «ханьского типа», датированной I в. н. э. Подобные колесницы (детальная их конструкция пока не опубликована) обнаружены недавно и в Монголии, где Д. Эрденбаатар раскопал крупный комплекс хуннских вождей Гол-Мод 2. При расчистке самого большого кургана в комплексе зафиксированы 6 или 7 богато декорированных (расписанных разными красками и иероглифами) колесниц и их многочисленных и разнообразных деталей, судя по сохранившимся иероглифам, также изготовленным в Китае.

[Миняев, Сахаровская, 2007. С. 130 - 137]

[Эрденбаатар, 2012. С. 463-468]

[Эрденбаатар, 2012. С. 467]

Такие повозки китайцы обычно дарили при заключении династических браков своих принцесс с хуннскими вождями. Повозки оборудовались всем необходимым для походной жизни, так как в них китайские невесты добирались до мест кочевий своих будущих мужей (рис. 9).

Самые первые двухколёсные представительские экипажи с оглоблями (не с центральным дышлом), в Китае появляются в период Воюющих царств (IV - III вв. до н. э.) и документируются археологическими находками керамической модели из Бакутина (пров. Шэнси), а также реальной колесницы из некрополя Маанжун (пров. Хэнань). Производство представительских экипажей с оглоблями получает широкое распространение только в ханьское время. На скалах Монголии, в Яманы-ус, обнаружены две великолепно выбитые и запряжённые конями крытые повозки (рис. 9), сходные с представительскими экипажами ханьского типа с оглоблями (рис. 10). Изображения двухколёсных повозок с оглоблями этого же типа известны и по другим местонахождениям петроглифов в регионах Западной Монголии.

[Кожанов, 1984; Lu, 1993; Miller, 2012. P. 29-39]

[Новгородова, 1984; 1989]

[Jang, etal., 2008; 2009; Jacobson, 2012; Miller, 2012]

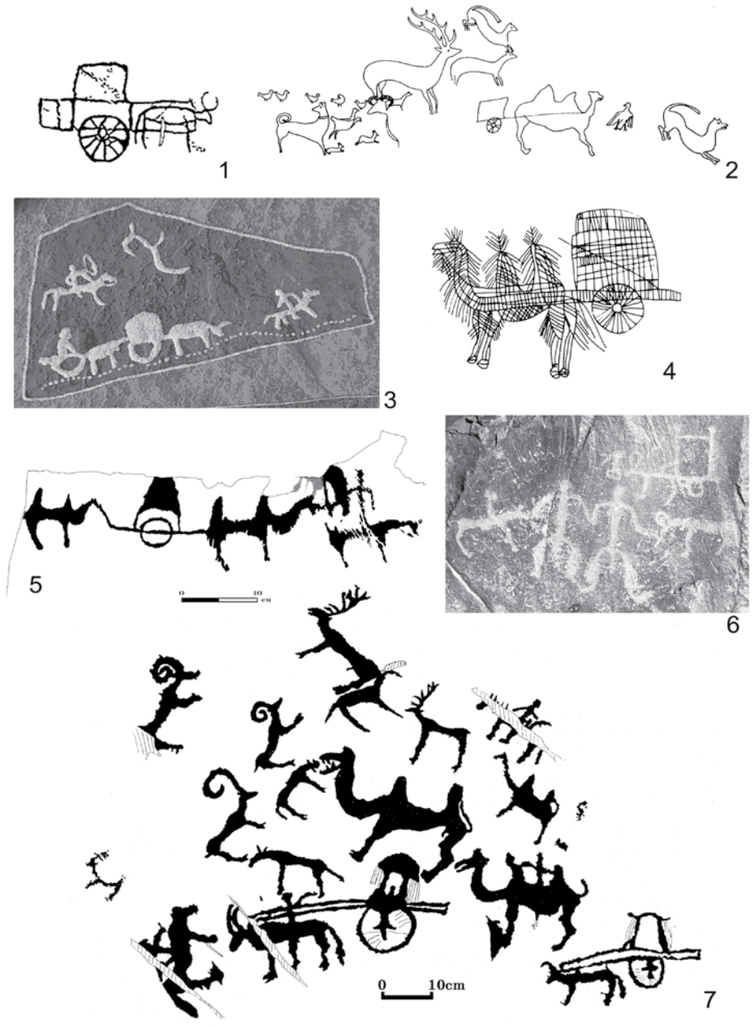
Из краткого обзора развития транспортных средств у ранних кочевников следует предположение о более активном, чем думалось ранее, использовании колёсного транспорта в их повседневной жизни. В пользу такого вывода свидетельствуют и данные более поздних письменных и изобразительных источников (рис. 11). Известны сведения о повозках, груженных сокровищами, в ставке западного тюркского кагана Истеми, увиденные там Земархом, посланником византийского императора, а в «Истории династии Суй» (581 - 618 гг.) упоминаются кочевые тюркские племена, с общим названием *теле*, которые «при перемещениях пользовались крытыми повозками с высокими колесами». Искусными строителями юрт на колёсах в ней называется племя *«хэйчедзы»* - в дословном переводе – «чернотележники», которые воюют с киданьским государством Ляо в X - XI вв. С тюркоязычными племенами теле (и их возможными предками – динлинами) некоторые исследователи отождествляют носителей карасукской культуры.

[подробнее см.: ЗТКА, 2013. С. 132-142; Самашев, 2013а. С. 296-299]

[Зуев, 2002; 2004]

Таким образом, рассмотренные материалы наглядно свидетельствуют об активной собственной линии развития колесного транспорта в ранних кочевых сообществах Северной Евразии: здесь разрабатывались и активно использовались различные автохтонные типы двухколёсных и четырёхколёсных грузовых и церемониальных повозок, которые, наряду с верховой лошадью, обеспечивали могущество и процветание этих племен и союзов, их активную интеграцию в транспортные потоки в рамках Великого Шелкового пути. Параллельно этой линии развивалась древнекитайская колесничная традиция, основанная исключительно на эволюции двухколёсных экипажей. ■

[Киселев, 1949; Ходжаев, 2010; Сулейманов, 2011; см. подробнее: ЗТКА, 2013. С. 100-140]



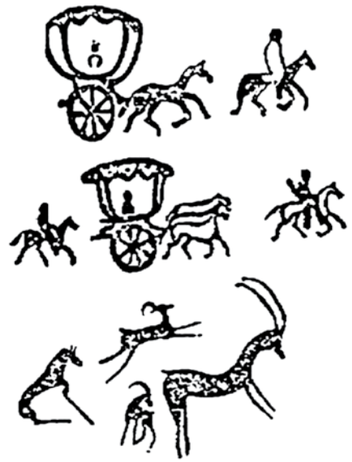


Рис. 9. Петроглифы. Повозки «ханьского типа». Монголия, Яманы-Ус [по Jang at al., 2008; Новгородова, 1984]

Рис. 10. Ханьская колесница. Настенная роспись. [по OVER 2200 YEAR..., 2011]

Рис. 11. Петроглифы. Тюркские повозки.
1 – Монголия, Цаган Гоол, секция KS [Jacobson, 2012];
2 – Хакасия, Сулек;
3 – Российский Алтай, Еланагаш, участок 3 [Окладников и др., 1981];
4 - Забайкалье, Табангутское Обо;
5-6 – отроги Джунгарского Алатау, Семиречье, Баянжурек [Самашев и др, 2011; Самашев, 2013а. С. 296-299];
7 – отроги хребта Каратау, Сауыскандык [по ЗТКА, 2013. С. 132-133]

А. Р. Хазбулатов

Ритуальное облачение сакского «Золотого человека» как воплощение идеи Мирового Древа

Исследование семантики и последующей реконструкции картины мира той или иной культуры никогда не теряло своей актуальности. Иногда это вообще единственный способ реконструкции, особенно если отсутствуют письменные источники. Одной из самых важных и проблемных областей феномена древних кочевников по-прежнему остается звериный стиль. Действительно ли сакский звериный стиль нечто большее, чем художественное творчество? Как номады сумели сформировать столь сложную философско-эстетическую систему? Каким образом одеяние «Золотого человека» из кургана Иссык выражает фундаментальные архетипические установки, единые для всего индоевропейского пространства?

Реконструкция «Золотого человека». Авторы К. Акишев и В. Садомсков, 1971-1973 гг. [по Акишев, 1978. С. 51. Рис. 69]

Введение. «Золотой человек» из кургана Иссык – не просто яркий образец сакского звериного стиля и очень удачная археологическая находка. Это, прежде всего, уникальная возможность восстановить картину мира скифо-сакской культуры, поскольку погребение как часть комплекса из сорока пяти курганов разной величины осталось практически нетронутым, хотя остальные оказались разграблены еще в древности.

Археологи, открывшие это захоронение, сразу утвердились в мысли, что одеяние сакского вождя не предназначалось исключительно для погребения. Скорее всего, это был парадный костюм, призванный подчеркнуть особый статус своего хозяина, причем не столько социальный, сколько духовный. Роскошное облачение «Золотого человека» выражает некую глобальную идею, священную для всех саков. Здесь мы имеем дело с мифопоэтическим осмыслением Космоса ранними кочевниками Центральной Азии, к числу которых относятся и сакские племена. Воспринимая реконструкцию одеяния вождя как специфический текст, мы восстанавливаем картину мира древних номадов.

Обширная география звериного стиля обусловила большое количество исследований его происхождения, мотивов и семантики. В искусствознании, как и в археологии, в настоящее время широко применяются иконографический и формально-стилистический методы. В основу первого положен иконографический анализ, но не как самоцель, а как вспомогательное средство. Он более традиционен для искусствознания, но уже давно используется для описания археологических памятников искусства. Здесь особую важность имеют исследования М. И. Артамонова, Я. А. Шера, Е. Е. Кузьминой, Д. С. Раевского, Н. Л. Членовой.

Очень часто археологами используется сравнительно-типологический анализ конкретного археологического материала с привлечением дополнительных данных, вследствие чего строятся гипотезы и создаются реконструкции. Представители подобного семантического направления (с точки зрения методологии) используют структурно-семиотический метод для своих исследований. Поэтому изыскания Е. Ф. Корольковой, В. А. Кореняко, Е. В. Переводчиковой, А. В. Доминяка и других исследователей представляются чрезвычайно полезными.

При большом количестве работ, посвященных древних номадам Евразии и звериному стилю вообще, проблема сакской культуры до сих пор не исследована должным образом. Огромный вклад в развитие этого направления сделан казахстанскими специалистами: К. А. Акишевым и А. К. Акишевым, А. Х. Маргуланом, А. Т. Толеубаевым, З. Самашевым, К. Алтынбековым.

Независимо от подходов, все эксперты единодушны в своем мнении: звериный стиль есть выражение глобальных ментальных констант. Но каких именно? Полагаем, что в данном случае речь идет о концепции Мирового Древа. При изобилии мифологических сюжетов можно выделить фундаментальные понятия, укоренившиеся в мировом сознании независимо от времени и места. Таков образ Мирового Древа, представляющий собой Модель мира. Как универсальный символ оно является краеугольным камнем сакральных учений и мировоззренческих представлений всех культур без исключения. По мнению В.Н.Топорова, «образ мирового дерева - ведущая (а в ряде традиций - единственная) тема искусства. В ряде случаев мировое дерево и сейчас остается основной темой в отдельных культурных традициях». Поэтому, несмотря на обилие материала по исследованиям в области семантики Мирового Древа, эта тема попрежнему открыта для исследований. *[Топоров, 2010. С. 67]*

Мир кочевников: мифо-поэтика, металл и звериный стиль. Археология фиксирует конкретные материальные свидетельства, и последующая научная реконструкция позволяет узнать, как все было *на самом деле.* Это можно расценивать как восстановление культурной памяти, способность жить и думать о будущем, так как истинно «умершие есть те, кто потеряли память». На основе масштабных исследований в области археологии, этнографии, антропологии и теории мифа М. Элиаде обосновывает общность мифологического сознания всего человечества, независимо от времени и разности культур. Здесь основополагающим является традиционность мышления, духовная связь между поколениями, а главным условием жизненной гармонии выступает осознанная память. *[Элиаде, 2010. С. 123]*

Сейчас нам недоступно «прямое воспроизведение первоначальной ситуации», так как это свойственно тем обществам, которыедо сих пор являются частью общего активного мифологического сознания и *действительно знают,* как это осуществить. Единственным способом для нас является «постепенный возврат к «истокам», подъем во Времени» как «тщательное и исчерпывающее припоминание индивидуальных и исторических событий». Реконструируя сюжет, вникая в смысл мифопоэтической традиции, мы осознаем, что имеем дело с *национальной историей,* и мифологическое сознание является своеобразным цементирующим раствором, скрепляющим уровни мировоззрения, способом хранения и передачи информации, ценной не только для отдельной культурной традиции, но и мира в целом. *[Элиаде, 2010. С. 94]*

Чтобы вникнуть в традицию, ее необходимо воспринять как *обряд*, который «нельзя исполнить, если неизвестно его «происхождение». Но и этого недостаточно, так как традицию или миф надо пересказывать или *«показывать»* (курсив М. Элиаде). Именно такой порядок пробуждает к действию духовную первооснову, наполняет смыслом и жизнью мертвый археологический материал». Сейчас это возможно путем изучения и «пересказа» мифологемы, закодированной в комплекте одеяния «Золотого человека» из кургана Иссык, где информационным кодом выступает звериный стиль. *[Элиаде, 2010. С. 123]*

Уникум звериного стиля обусловлен спецификой образа жизни. Не существовало абсолютной изолированности номадов от остального мира, как это виделось ранее. А. М. Хазанов утверждает, что «кочевники никогда не могли существовать сами по себе, без внешнего мира, представленного некочевыми обществами с иными системами хозяйства». То есть именно в параллельном *[Хазанов,2008. С. 50]*

гармоничном сосуществовании обоих миров был залог уникальности каждого из них. Далее он полагает, что «главный феномен номадизма и заключается в его неразрывной и необходимой (коль скоро он остается номадизмом) связи с внешним миром, т. е. с иными в экономическом, культурном и социально-политическом отношениях обществами». Н. Н. Крадин высказывает сходную точку зрения: «ученым давно пора отказаться от устойчивых стереотипов, сложившихся со времени классического эволюционизма и обобщенных Г. Чайлдом, согласно которым возникновение цивилизации всегда должно сопровождаться появлением письменности и урбанизации. Кочевые общества служат наглядным примером необходимости корректировки общепринятых представлений»

[Хазанов, 2008. С. 50]

[Крадин, 2007. С. 82]

Скорее всего, как раз это объясняет формирование и генезис специфических культурных парадигм, свойственных кочевникам, где из всех наиболее гармоничной является концептуальное понимание звериного стиля. А. М. Хазанов отмечает, что звериный стиль «бесспорно, является одним из выдающихся достижений кочевого мира. Семантика отражает как эстетические концепции кочевников, так и их религиозные воззрения и систему ценностей. Иначе говоря, звериный стиль отражал их мировоззрение».

[Хазанов, 2000. С. 466]

Главной причиной этого на материальном уровне является природно-климатический фактор. Широта восприятия, являющаяся результатом многовековой жизни на огромных территориях, сформировала особое мировидение, основанное на антитезе: *времени - пространства* и *макрокосма - микрокосма.* Звериный стиль стал самым объективным образным языком, выражающим все важнейшие космогонические и социально-бытовые аспекты жизни кочевников. В самом названии стиля уже заложены конкретные мыслеформы и их визуальные аналоги, что в корне отличается от доминанты геометрических и растительных образов в искусстве оседлых народов.

Р. Генон считает, что «деятельность кочевников осуществляется специальным образом в животном мире, мобильном, как и они; напротив, именно у оседлых в качестве непосредственного объекта принимаются фиксированные растительный и минеральный миры». В этой дифференциации мы видим философский вариант пространственно - временного континуума, где высшая диалектика уравнивает обе стороны. Поэтому звериный стиль как пространственная фиксация животного мира наиболее ярко олицетворяет картину мира кочевников.

[Генон, 2003. С.157]

В евразийском пространстве звериный стиль – неотъемлемая часть сознания древних номадов. Имея в целом конкретные временные рамки, он самым существенным образом повлиял на формирование новых иконографических систем, транслируя в них архетипические духовные установки.

Нигде еще мы не сталкивались со столь масштабным пространственным распространением и «живучестью» во времени, какие демонстрирует звериный стиль. Существует множество примеров ярких запоминающихся стилей, повлиявших на генезис искусства, но при этом каждый из них оставался в своих весьма узких пространственно - временных границах. Но звериный стиль, будучи особым ментальным феноменом, является своеобразной *Anima Mundi* для кочевников Центральной Азии на протяжении более двух тысяч лет.

Номады не единственные, кто использовал зооморфные изображения, так как животные во всем своем многообразии были доминирующим сюжетом первобытного искусства в мировом масштабе. Но только скифо-сакский звериный стиль «обладает специфическими чертами, выделяющими его из всей совокупности зооморфных изображений, созданных художниками Старого и Нового Света в различные периоды».

[Кореняко, 2002. С.6]

Несмотря на масштабы распространения звериного стиля, четко прослеживается закономерность: это искусство малых форм, запечатленное особым художественным языком. Несмотря на то, что самые ранние проявления звериного стиля зафиксированы в петроглифах, они все же достаточно малочисленны.

Оптимальным материалом, способным выразить все смысловое и образное богатство звериного стиля, является металл. Нельзя утверждать, что звериный стиль воплощён исключительно в металле. До появления металла древние номады уже преуспели в художественной обработке дерева, кожи, тканей, войлока. Но все же доминирующее значение имел именно металл и не только ввиду его технических свойств. Поэтому, если металл как наилучший вариант выбран кочевниками не случайно, то, возможно, причины этого следует искать в местах древнейших на континенте металлургических центров. Гумилев писал: «тюркюты выступили на арену мировой истории как народ, впервые освоивший в Центральной Азии промышленную добычу железа и благодаря этому поставивший себя в независимое положение по отношению к Китаю и Тибету» .

[Гумилев, 2003. С. 66]

«Воинственность» практически синоним слова «номад». Мобильность номадов, их готовность к активным действиям неизменно изумляла противников. В полевых записях XIX века говорится: «Постоянная война с соседями, борьба дома, делала кочевника с малолетства лихим воином. Быстрота движений их была изумительна. ... Кочевник как бы родился на лошади». Сознание своей силы и превосходства, сопровождающее кочевника едва ли не с рождения, сформировано на ментальном уровне и закодировано в металле посредством звериного стиля.

[Голубовский, 1884. С. 92]

Значение металлов и металлургии для развития общества неоспоримо и, в первую очередь, в социально - экономическом и политическом аспектах. Как отметил Е. Н. Черных, «важнейшим и определяющим признаком культуры следует, безусловно, считать постепенное освоение человеческими сообществами прогрессивной и, по существу, революционной технологии металлургии и металлообработки. Именно она и стояла во главе ряда открытий, кардинально изменивших мир».

[Черных, 2009. С. 149]

Древние металлургические центры Евразии соотносятся с общеизвестными очагами цивилизации. К началу III тыс. до н. э. наряду с Балкано-Карпатским и Циркумпонтийским регионами, заявляет о себе и Степной пояс– Рудный Алтай и Сары-Арка. Но если древние разработки в Анатолии и на Балканах мировой науке давно известны, то историко-археологические и геологические исследования Центрального Казахстана все ещё находятся в начальной стадии. Открытия, сделанные на материалах изучения медных копей Джезказгана, заставили во многом пересмотреть устоявшиеся концепции и по-новому взглянуть на материальное наследие сакской культуры.

Открытие чуть ли не сотен древнейших рудников по добыче меди, золота и других металлов свидетельствует об исключительном богатстве недр региона, следовательно, здесь были все условия не только для появления, но и мощного расцвета металлургии. Впервые детально и аргументированно это доказал А.Х. Маргулан: «…в Центральном Казахстане открыты и исследованы крупные центры древней металлургии. Древние рудники и металлургические поселения свидетельствуют о том, что Центральный Казахстан был крупнейшим центром зарождения и развития культуры бронзы. Раскопки древних выработок и металлургических поселений свидетельствуют о том, что первыми создателями металлической культуры были потомки степных неолитических охотников и первых скотоводов».

Реконструкция кинжала с ножнами. Автор К. Алтынбеков, 1996 г. [по Алтынбеков, 2014. С. 166]

[Маргулан, 2008. С. 86]

Места древнего металлургического производства являются и первыми

культурными центрами, где технические навыки развивались параллельно с духовностью, так как горные мастера и кузнецы были элитой древнего общества. М. Элиаде рассматривает общность кузнеца, литейщика и алхимика как уникальный магико - религиозный опыт: «это является их монополией, секреты передаются через инициационные ритуалы соответствующих ремесел; все трое трудятся над Материей, которую они считают и живой и сакральной, их же труд имеет целью «трансформацию» Материи, «достижение ею совершенства», ее «трансмутацию». Понятие трансмутации или трансформации требует дифференциации. Если под трансформацией в целом понимается изменение формы, то «трансмутация» есть еще более таинственное действо. Резчик по дереву или ткач *трансформируют* готовый природный объект в нечто, измененное человеческими руками. Но кузнец или мастер-литейщик, прежде чем работать непосредственно с металлом, сначала должен его преобразовать из порождения земных недр в конкретный материал, *трансмутировать* его. Это возможно только при достижении определенного уровня мировоззрения и знаний.

[Элиаде, 1998. С. 141]

Таким образом, расцвет металлургии неизбежно влечет за собой изменения на цивилизационном уровне. Мощный импульс, вызванный прорывом в технологиях, повлек за собой ускорение темпов развития общества и, как следствие, формирование более совершенной Модели мира, равно как и способа ее визуализации.

Модель мира и архетип Мирового Древа. Мы рассматриваем Модель мира как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте». Сначала это непосредственная реакция органов чувств, а затем следует своеобразная «перекодировка» результатов посредством включения определенных визуальных знаковых структур. Не упорядочение эмпирических потоков, но формирование гармоничной архитектоники, где все составные части подчиняются единой идее.

[Цивьян, 2006. С.5]

Эта пространственно-временная система основана на бинарной дихотомии. Будучи изменчивым по своей сути, сакральное пространство должно характеризоваться какой-то константой, «точкой в пространстве и времени, где и когда совершился акт творения, *центром мира*, местом, где проходит мировая ось (axis mundi), где стоят разные варианты земного образа космической структуры – «мирового дерева».

[Топоров, 2010. С. 30]

Мировое Древо имеет также значение Мировой Горы, Центра, вертикали и его семантика всегда неизменна. Древо как мировая ось призвано объединить небо и землю, разделенных высшими силами, но удерживающимися в равновесии именно благодаря Древу. Крона Древа покрывает небосвод, корни пронизывают землю, скрепляя верхнюю и нижнюю зоны Космоса. Ствол же образует новую плоскость. В восточной мифологии часто встречается мотив «древа, растущего корнями вверх», что символизирует архаичный философский принцип «что вверху, то и внизу».

Казахстан. Мог. Иссык. Общий вид.

Многие мифологические герои либо рождаются в горах, либо попадают туда еще младенцами, чтобы вырасти в их сокровенном пространстве и мудрости. Герой какое-то время пребывает в пещере, и Гора наделяется особыми функциями плодоносного чрева. Так, изначально мужской образ Горы, противостоящей равнине (Степи) как женской ипостаси, обретает бинарную суть, совмещая в себе гармонию земного и небесного. В нашем случае, особенно ярко это проявляется в семантике головного убора сакского вождя.

Символ Древа как духовной константы и восприятие деревьев как живых разнополых существ - основа мифопоэтики не только Востока, но и Запада.

Дж. Фрэзер приводит в пример архаичный всеевропейский обычай поклонения Майскому дереву. Майский шест, древо, столб понималось как «пробудившийся, оплодотворяющий дух».

[Фрэзер, 2003. С.122]

Мировое Древо структурирует мир и при этом четко упорядочено само посредством сакральной геометрии. Из *единого* космического яйца образуются две плоскости Космоса. Ствол Древа, объединяющего два мира, образует *третий* уровень. Скандинавский ясень Иггдрасиль состоит уже из *пяти* уровней, так как верхний и нижний миры создают внутри себя еще подуровни. Но Срединный мир всегда остается неизменным, в то время как другие уровни могут развиваться по вертикали, умножаясь до *семи и девяти*. На наш взгляд, важно, что под одним из трех корней Иггдрасиля скрыт источник мудрости, то есть Мировое Древо является также и неисчерпаемым ресурсом живых сакральных знаний.

Если вертикаль - временная ось, то Мировое Древо в целом является временным символом. Однако это и пространственная структура, так как Срединный мир (Ствол) постоянен во времени, но способен пространственно расширяться, образуя число *четыре*. Космос здесь организуется в устойчивый квадрат, каждая сторона которого воплощает сторону света, время года, часть суток и т. д. Следовательно, Мировое Древо представляет собой визуализацию пространственно - временного континуума, где динамика вертикального сужения уравновешивается статикой горизонтального расширения.

Эта конструкция, имеющая философское значение доктрины, предполагает фиксацию определенным образным языком. С одной стороны, он должен быть достаточно сложен и гармоничен, чтобы защитить идею от профанов, с другой – обязан обладать такими качествами подлинного художественного выражения, как простота, ясность и четкость. Это в полной мере справедливо для звериного стиля.

Мог. Иссык, Детали погребения [по Акишев, 1978. С. 16, 20. Рис. 7, 10]

Иссыкский «Золотой человек» как дериват мифологемы Мирового древа. К. А. Акишев и его исследовательская группа составили настолько подробное описание элементов «Золотого человека», что и сейчас эти материалы являются наилучшим источником для изучения сакской культуры Казахстана. Нам важно рассмотреть весь комплекс как некую конкретную философскую установку.

Особенности мифопоэтики со всей полнотой нашли свое выражение в прикладном искусстве саков, а именно – в облачении иссыкского «Золотого человека». С одной стороны, костюм здесь фигурирует как уникальный опыт художественного освоения мира, с другой – как текст. Как внешняя оболочка одеяние фиксируется взглядом в первую очередь. Это без преувеличения можно рассматривать как маркировку, призванную обозначить не просто статус владельца, но и взаимосвязь его хозяина со Вселенной.

Рассуждая о костюме вообще, мы подразумеваем, что он не может существовать изолированно, а является составной частью не только материальной, но и духовной культуры сакского этноса. Следовательно, важны не столько технические тонкости, свидетельствующие об определенном уровне развития прикладных навыков в обществе, сколько знаково - семиотический контекст.

Наибольшую информативную нагрузку имеет золотое убранство сакского вождя, обилие которого и прославило это захоронение. Достоверная реконструкция стала возможной благодаря тому, что все артефакты были найдены-непотревоженными и в своей исходной последовательности. Нас интересует не фасон самого костюма, восстановление которого осуществлено на основе изучения традиционной одежды скифов из Пазырыкских курганов и антропомор-

фных изображений, найденных в европейской части Скифии. Главный объект изучения – золотое убранство, имеющее сакральный смысл. По сведениям К. А. Акишева в могильнике найдено свыше четырех тысяч золотых предметов, при этом ученый отмечает, что для реконструкции им использовано немногим более половины. Местоположение и назначение большого количества золотых элементов облачения до сих пор остается непонятым. Но, даже оперируя известной частью артефактов, костюм «Золотого воина» представляется сложной и органичной системой, структурированным Космосом.

[Акишев, 1978. С. 17]

Весь комплекс четко делится по вертикали на три части: головной убор, туловище и ноги. Имеет смысл начать с ног и, постепенно двигаясь вверх, постичь логику всей композиции. Кроме того, это корректно и с философской точки зрения, так как здесь имеет место восхождение от мирского к сакральному.

Реконструкция «Золотого человека». Цветом выделены новые детали. Автор К. Алтынбеков, 1996 г. [по Алтынбеков, 2014. С. 164]

[Акишев, 1984. С.121]

Основу облачения «Золотого воина» представлял замшевый костюм насыщенного темно-красного цвета. Мягкие кожаные сапоги расшиты четырнадцатью горизонтальными рядами треугольных золотых бляшек. Если быть более точными, то бляшки имеют форму стилизованных тришул, но нашивались они вершиной вверх, а не в классическом индоарийском варианте. Думается, что здесь мы имеем дело с более сложной семантикой, чем это кажется на первый взгляд. С одной стороны, это типичный «мужской» треугольник, усиливающий воинские качества. С другой, рассматривая его именно как тришулу, мы видим этот треугольник перевернутым, изменившим свою обычную полярность. Это объясняется тем, что ноги и все, что имеет к ним отношение – обувь, подол платья, длинные полы одежды – традиционно соответствуют Нижнему уровню Космоса. Это связано с архаичными представлениями о потустороннем мире как об обиталище мёртвых и господствующих там враждебных сущностях.

Обувь есть то, что непосредственно соприкасается с землей, защищает своего хозяина от потенциального негатива, преждевременной смерти, позволяет легко передвигаться. Не случайно, что практически во всех культурах наличие обуви означало конкретный социальный статус. В Европе существовал обычай, где палач забирал себе сапоги осужденной на казнь жертвы, тем самым подтверждая свое суровое предназначение.

Золотые нашивки на сапогах у сакского вождя не имеют сугубо утилитарного или декоративного значения. Подчеркнем также, что золотые бляшки на сапогах в своей совокупности образуют четкий рисунок с устойчивой вертикальной динамикой, задающей направление всему костюму. Все наше внимание перенаправляется вверх, что можно интерпретировать как «отправную точку» ритуала, творимого «здесь и сейчас».

Ничем не украшенные (кроме бляшек в виде «лампасов») однотонные штаны превосходно уравновешивают орнаментированные области костюма, создавая этим повествовательную «фризовость». Чередование этих уровней еще активнее подчеркивает семиотику одеяния – текста. К тому же «пустой» ярус является неким «водоразделом» между зонами тернарного Космоса саков.

Структура Срединного мира исчерпывающе отражена декором куртки «Золотого воина». Мы согласны с А. К. Акишевым в том, что «кожаная куртка иссыкского воина, сплошь обшитая мелкими треугольными золотыми бляшками на бронзовой основе, вызывает ассоциации с конструкцией защитной катафракты – доспехом тяжеловооруженного всадника. Но реальной оборонительной функцией иссыкская «катафракта» не обладала». Имея ритуальное торжественное значение, облачение представляло собой организованную Модель мира.

Подчеркнем, что именно эта часть костюма декорирована особенно обильно. Основную плоскость куртки украшают с каждой стороны (спина и грудь) по 34 ряда расположенных в шахматном порядке золотых бляшек, идентичных тем, что и на сапогах. Благодаря такой композиции каждый мини-тришула образует с двумя соседними еще одну тришулу и так далее – бесконечный ряд. В целом же создается впечатление защитной кольчуги. Причем абсолютно не возникает ощущения декоративизма, напротив, это больше напоминает чешую дракона или кору дерева, усиливая иррациональный аспект.

Куртка орнаментирована по вороту, обшлагам, низу, манжетам и предплечьям ленточными фризами из золотых блях большего размера, имеющих форму голов хищников, предположительно, тигров. Интересно, что звериный стиль в своей самобытной иконографии крайне редко использовал плоские двухмерные изображения в фас. Такая проекция не отличается особой выразительностью и ограничена с точки зрения художественного воздействия. Однако мы видим на куртке именно такие образы, причем они существуют в двух вариантах, основанных на едином клише. Отделка, имеющая направление сверху – вниз (обшлага и ворот), составлена бляхами, где голова хищника вписана в две вертикальные прямые. Горизонтальные фризы образованы подобными же бляхами, только здесь уже хищника ограничивают горизонтальные прямые. Ритмически повторяясь, эти паттерны трансформируются в сплошной зооморфный орнамент.

Полагаем, что такой интересный с художественной точки зрения прием, как изображение в фас, не случаен. Любой, кто видел это, встречал прямой взгляд не только хозяина костюма, но и многочисленных хищников, охраняющих вверенное им пространство, практически весь периметр. В декоре куртки примечательно то, что мы наблюдаем чередование стилизованных трех- и четырехугольников, соответственно – тришул и голов тигров. Переходя на язык сакральной символики, можно «прочесть» это как пространственную организацию Срединного мира. Треугольники маркируют пространство как космическую зону, при этом плоскость ограничена статичными прямоугольными «земными» бляхами с тиграми.

Вся куртка «Золотого воина» есть четырехсторонний организованный мир, своеобразная арена, где разворачивается повествование. Основной «информационной» плоскостью здесь выступает наборный пояс, состоящий из шестнадцати массивных золотых блях. Три бляхи-накладки больше остальных и вытянуты по горизонтали. Остальные тринадцать меньше и представляют собой прямоугольники, вытянутые по вертикали. Все бляхи посвящены оленю как доминирующему образу в философии звериного стиля, персонифицирующему телесный смертный Срединный мир. Однако иссыкский олень с большой бляхи является полиморфным образом, объединяющим элементы сразу нескольких персонажей, маркирующих разные зоны Космоса. Здесь мы видим характерные черты грифа и лошади, но доминирует олень. Хотя принято считать, что олень изображен лежащим, у нас есть основания полагать, что это образ стремительно галопирующего животного. Олень почитался практически во всех индоевропейских культурах не только как царский символ или знак смертности бытия, но и как самое быстроногое из животных.

Фигурка оленя выполнена четкими линиями и массами, слишком резкими и выпуклыми для спокойно лежащего животного. К тому же, синкретические элементы вроде головы грифа или хвоста лошади наводят на мысль, что мы наблюдаем процесс трансмутации. К. А. Акишев по этому поводу отметил, что достаточно странно, как «в таком большом комплексе, как иссыкский, среди зооморфных мотивов нет ни одной композиции со сценой нападения и борьбы

Реконструкция костюма. Автор К. Алтынбеков, 1996 г. Тришулы [по Алтынбеков, 2014. С. 166]

Жалаулинский клад. Олень [по Алтынбеков, 2014. С. 181]

[Акишев, 1978. С.35]

Реконструкция камчи. Автор К. Алтынбеков, 1996 г. [по Алтынбеков, 2014. С. 166]

[Шаханова, 1998. С.58]

животных. Искусство «звериного» стиля в Иссыке представлено исключительно одиночными образами животных».

Если это не сцена терзания, то подобное совмещение означает процесс синтеза двух зон в одну, что возможно лишь в момент наивысшего напряжения, например, «летящего» галопа. Спокойное выражение морды оленя можно объяснить тем, что для него скорость – естественное состояние. Мощные массивные рога иссыкского оленя стилизованы тем же узнаваемым способом, что и у знаменитых костромского или чиликтинского оленей. Заметим, что эти олени, без сомнения, считаются галопирующими.

Каждая из вертикальных блях стилизована в замкнутую структуру, напоминающую знак бесконечности, в центре помещается профильное изображение оленьей головы. То есть мы опять сталкиваемся здесь с мини-моделью тернарного Космоса. Два уровня, Верхний и Нижний, проявленные через зеркальные треугольники, объединяются через Срединный. Он маркирован образом оленя и образует сквозную структуру, ствол Древа – мир живых.

Таким образом, пояс является важным атрибутом воина, мужчины, связующим элементом верхней и нижней частей человеческого тела и, следовательно, костюма. Есть еще одно объяснение, восходящее к древним тюркам и еще более архаичным временам: пояс защищает одну из двух архиважных зон человека, - область печени (другая зона - голова). Печень до сих пор считается вместилищем силы *«құт»*. Сакральное казахское понятие *«құт»* есть «жизненное начало, божественная искра, означающая жизнь и душу человека». Если разум олицетворяется головой и головным убором, то душа концентрируется в печени, и, следовательно, в поясе.

Мы полагаем, что тюрки свято соблюдали унаследованные от ранних кочевников традиции: пояс был практически единственной вещью, которую ни в коем случае нельзя было дарить, терять или продавать. Если воин-кочевник погибал в бою, родным привозили только его пояс, если мужчина должен был сообщить дурную новость, то он снимал с себя пояс и вешал на плечо. Так все было понятно без лишних вопросов. Неподпоясанный мужчина символизировал нарушившуюся гармонию, дезориентированный Космос.

Пояс «Золотого человека» – чрезвычайно важная деталь одеяния и имеет, прежде всего, не утилитарную, но сакральную функцию. Это окончательно подтвердилось, когда в 1996 году реставратор и знаток сакской эпохи К. Алтынбеков продолжил работы по восстановлению всего комплекса костюма. Основанием послужило то, что первоначальная реконструкция К. А. Акишева 1971- 1973 годов «не была завершена, так как большое количество украшений остались не использованными в костюме». Опираясь на новую информацию, полученную в ходе исследований, уточнены отдельные элементы предыдущей реконструкции и дополнены недостающие детали.

[Алтынбеков, 2010. С. 404]

Всего было внесено изменений по одиннадцати позициям, одна из которых непосредственно касалась пояса. «Оружие не крепилось к парадному наборному поясу, как показано в первой реконструкции, для этого предназначена портупея – второй ниже расположенный пояс, который восстановлен из не задействованных в декоре костюма прямоугольно - фигурных блях». Ранее считалось, что меч и акинак фиксировались на поясе, однако теперь выясняется, что эта роль отводилась поясу-портупее – узкому кожаному ремню, украшенному золотыми нашивными бляхами. Между двух параллельных прямых располагается двухэлементная композиция из повторяющихся стилизованных геометрических фигур, имеющих определенную направленность. Бляхи равномерно нашиты на пояс в строгом порядке, отчего создается устойчивая иллюзия движения

[Алтынбеков, 2010. С. 404]

против часовой стрелки справа-налево, то есть от рационального к иррациональному.

[Хазбулатов, 2012. С. 37]

Если куртка представляет собой четырехугольное организованное пространство Срединной зоны, то спиральная золотая гривна, без сомнения, символизирует переход к Верхнему уровню. Хотя гривна может не рассматриваться непосредственно как элемент костюма, будучи самостоятельным украшением, мы полагаем, что она весьма важна именно как промежуточная зона между уровнями сакского тернарного Космоса. Иссыкская гривна – это изображение свернувшейся в три с половиной оборота змеи с тигриной головой и ее семантика чрезвычайно сложна. «Существует глубокий, понятный даже животным страх перед микрокосмической свободной жизнью в пространстве, перед самим пространством и его силами, перед смертью, как и другого рода страх: страх за космические потоки существования, за жизнь, за направленное время». Исходя из этого, замкнутая округлая или приближающаяся к ней композиция с точки зрения звериного стиля есть символ бесконечности, освобождения от «проклятия» Времени. Поэтому временная вертикаль у кочевников трансформируется в кольцо. Отсюда и превалирование тех или иных моделей в украшениях (гривны, браслеты, кольца), а также, что важнее, их сюжетная компоновка. «Искусная стилизация и обобщение природных форм создают четкий силуэт, а ясность и простота вместе с гармонией рождают в высшей степени выразительный образ».

[Шпенглер, 1999. С. 340]

[Королькова, 2006. С. 90]

Змея, кусающая свой хвост, есть Уроборос – один из древнейших символов человечества, по сути, архетип. Поэтому этот доминирующий в сакском зверином стиле мотив нельзя рассматривать только как художественную данность. Это нечто большее, и этот мотив свидетельствует о широте мировосприятия и включении центрально-азиатских кочевников в индоарийскую ментальную общность.

Подразумевая, что весь комплекс есть своеобразная модель Мирового древа, головной убор Золотого воина, известный как кулах, символизирует крону или Верхний мир– вместилище особой жизненной энергии. Руководствуясь многочисленными свидетельствами исторической, социальной и культурной общности саков и их потомков – тюрков и, в частности, казахов, можно смело предположить, что от ранних кочевников были унаследованы и ментальные установки тоже. Тогда особый смысл приобретает семантика головного убора как одного из двух центров концентрации силы «құт». Напомним, что второй центр находится в области печени.

Кулах вождя увенчан маленькой литой статуэткой архара, имеет коническую форму около 60-65 см высотой. Символика конусообразного головного убора, соотнесенного с архетипическим образом Мировой Горы, отражает идею величия, возвышенности и торжественности. Это объясняет традицию ношения подобного головного убора представителями власти, высшего сословия. Судя по известным археологическим свидетельствам, скифы и саки носили конические шапки, отсюда и название одного из крупных племенных объединений «саки-тигрохауда» («саки в остроконечных колпаках»). Такой кулах мог принадлежать только особе, стоящей на вершине социальной лестницы. Но если форма головного убора ни у кого не вызывает сомнений, то основания этого явления чаще всего остаются в тени. К. А. Акишев, выясняя причины широкого распространения такого головного убора не только в сакское время, но и гораздо позже, считал это лишь «простотой исполнения этой формы из того специфического материала (войлок, кожа, береста), которым располагали эти племена».

Реконструкция кулаха. Автор К. Алтынбеков, 1996 г. [по Алтынбеков, 2014. С. 165]

Безусловно, вектор на простоту решения был одним из доминирующих ка-

[Акишев, 1978. С. 41]

честв рационального мышления ранних номадов, но, учитывая сложность и герметичность их мировоззрения, причина заключалась именно в философско - эстетическом осмыслении, а не в утилитарном аспекте. Кулах имеет форму Мировой Горы в двухмерной проекции священного треугольника – символа возвышения и трансформации сознания, сужения пространственно - временной бинарности до полного ее слияния в одной точке. А. К. Акишев утверждает, что «конический головной убор сакского вождя оформлен как своеобразный «чертеж» Космоса – космограмма, которая составлена согласно концепции Мирового дерева (или его эквивалентов)». Действительно, все элементы убранства кулаха четко делятся по своей семантике на «земные» и «небесные», занимают строго отведенное им место. Особое значение имеет и их количество.

[Акишев, 1984. С.18]

Несмотря на то, что кулах имеет конкретную смысловую нагрузку и является частью общей композиции, он еще и сам целая Вселенная. Здесь сталкиваются в извечном противостоянии смертные и бессмертные существа. Несмотря на то, что мы не видим самой борьбы, это остро ощущается благодаря оригинальному композиционному решению. Повествование осуществляется не на плоскости кулаха, а как бы в уме тех, кто его созерцает. Все элементы существуют сами по себе, но при этом взаимосвязаны. «Можно считать это своего рода формулами, априорными положениями», они выведены путем логических рассуждений и являются единственно возможным выражением определенной проблемы. Объединенные в конкретные комбинации, они решают какую-то более масштабную задачу.

[Султанова, 2011. С. 328].

Сам кулах делится на три зоны, персонифицируемые определенными образами. Это стилизованные рыбы – символ Нижнего мира, копытные и хищники, маркирующие Срединную зону. Горные вершины с деревьями и птицами на их макушках отождествляют Верхний уровень. Основные изменения по шести позициям К. Алтынбеков внес именно в убранство кулаха. Тщательное изучение археологических документов и привлечение материалов из смежных научных областей – искусствознания, этнографии, культурологии помогло скорректировать, логически упорядочить картину мира, представленную кулахом.

Заключение. В результате исследования семантики костюма иссыкского «Золотого человека» можно утверждать, что сакский звериный стиль представляет собой исключительное философско - эстетическое явление, в полной мере воплощающее традиции материальной и духовной культуры. Доминирующее значение в мировоззрении номадов имеет идея триединства мира, предопределяющего обустроенность всего сущего, развитие по определенным этим строением правилам, закономерную повторяемость жизненных циклов на новом, высшем витке спирали. Одеяние «Золотого человека» есть уникальная композиционная структура, соотносимая с космогонической концепцией Мирового древа и Мировой горы, по сути, прямой дериват. Будучи феноменом кочевого мировоззрения и искусства, сакский звериный стиль открывает неизмеримое пространство для дальнейшего анализа и осмысления его символики, художественной и культурно-исторической значимости. ■

Реконструкция кулаха. Автор К. Алтынбеков, 1996 г. [по Алтынбеков, 2014. С. 165]

Слева: Реконструкция «Золотого человека». Авторы К. Акишев и В. Садомсков, 1971-1973 гг. [по Акишев, 1978. С.51. Рис. 69]

Справа: Реконструкция «Золотого человека». Автор К. Алтынбеков, 1996 г. [по Алтынбеков, 2014. С. 164]

Миграционные процессы в Евразии в VI-XII вв.

Фото А. Б. Ипполитовой

А. Б. Ипполитова

Муза археологии
Памяти Елены Ефимовны Кузьминой

17 октября 2013 г. не стало отечественного археолога, историка культуры, музееведа доктора исторических наук Елены Ефимовны Кузьминой.

Е. Е. Кузьмина - заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена Дружбы, член-корреспондент Германского археологического института, действительный член Societas Iranologica Europaea, Европейской ассоциации археологии и искусства Южной Азии и Центрально-Азиатской народной академии Таджикистана, академик Российской Академии естественных наук.

Елена Ефимовна Кузьмина родилась 13 апреля 1931 года в семье потомственной московской интеллигенции. Ее детство и юность прошли на Чистых Прудах, а своей родиной она всегда считала не только Москву, но и Ярославль, откуда родом была бабушка и ее предки – ярославские дворяне Мухины и Каратыгины.

«Я выросла на берегах Волги, и метафора «реки времен», как и реки – символа Родины, мне очень близка. Я воспринимаю себя как маленькую капельку в потоке. Но как по капельке воды биолог устанавливает состав воды в реке, так и по судьбе одного ничем не примечательного человека историк может судить об эпохе».

Интерес к археологии появился у Елены Ефимовны еще в школьные годы, когда в 1944 г. учительница истории О. Г. Чумакова привела ее в археологический кружок Исторического музея. И вот спустя пять лет, в 1949 году золотая медалистка Лена Кузьмина подает документы на исторический факультет Московского университета.

А. В. Арциховский, бывший среди членов приемной комиссии на собеседовании, спросил ее: «А вот что Вы будете делать, если мы Вас не примем?» - «Как не примете? Я же археолог!», - удивилась абитуриентка. Арциховскому ничего не оставалось, как согласиться.

Студенческие годы Е. Е. Кузьминой прошли в самых разных экспедициях – в Дагестане, на Украине, в Молдавии, но главной любовью стала Средняя Азия, куда Елена Ефимовна попала в 1951 г. в составе Кафирниганского отряда Таджикской археологической экспедиции под руководством выдающегося отечественного востоковеда М. М. Дьяконова (1907-1954). Именно его Елена Ефимовна считала своим главным учителем. Здесь, на Памире, она набиралась опыта и знаний не только работая на раскопе, но и занимаясь в самостийной Кобадианской Академии – так называли в экспедиции вечерние собрания, когда весь отряд располагался в саду у хаýса и кто-нибудь из старших читал лекцию по истории культуры. По материалам той дьяконовской экспедиции написана и первая статья Е. Е. Кузьминой об оборонительных сооружениях бактрийского городища Кей-Кобад-Шах (1956).

«Археология была для меня не работой, не профессией и даже не делом жизни, а в моем юном восторженном воображении – чем-то большим: неким служением. Мне казалось, что археолог, как великий маг, способен воскрешать прошлое...» - напишет она позже.

Затем были учеба в аспирантуре Института истории материальной культуры в Ленинграде (1954-1957, руководитель М. П. Грязнов), работа в секторе неолита и бронзы (1958-1985), отделе теории и методики (1985-1986) Института археологии в Москве. В 1958 г. Е. Е. Кузьмина становится начальником Эмбинского и Еленовского археологических отрядов, работавших в Западном Казахстане и в Оренбургской области. С этого времени в круг ее интересов входит изучение андроновской культурно-исторической общности, памятники которой в эпоху бронзы были распространены на огромном пространстве от Урала до Енисея.

Параллельно Е. Е. Кузьмина участвовала в среднеазиатских археологических экспе-

дициях в Таджикистане, Туркмении и Киргизии. В процессе полевых исследований ею было открыто более ста памятников и раскопано более сорока поселений и могильников эпохи бронзы. Среди первых больших работ Е. Е. Кузьминой – книга «Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии» (1966) и раздел в коллективной монографии «Андроновская культура. Памятники западных областей» (1966).

Долгие годы – более полувека – Е. Е. Кузьмина занималась проблемами этнической атрибуции археологической культуры. Пожалуй, именно это направление она считала главным в своей жизни. В 1977 г. вышла ее совместная с К. Ф. Смирновым книга «Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий», где была аргументирована индоиранская атрибуция андроновской культуры. Итоги многолетнего изучения андроновской культуры и арийской проблемы подведены в ее книгах «Откуда пришли индоарии?» (1994), «Арии – путь на юг» (2008), «The Origin of the Indo-Iranians» (2007).

Как отметил в рецензии на книгу 1994 г. востоковед И. М. Дьяконов, сопоставив индоиранские свидетельства с археологическими материалами, «автор совершил научный подвиг немыслимой храбрости». В 2009 г. за монографию «The Origin of the Indo-Iranians» Е. Е. Кузьмина стала лауреатом международной премии Исламской Республики Иран «Книга года».

Еще одна тема, глубоко интересовавшая Е. Е. Кузьмину - семантика скифского и бактрийского искусства. Этой теме посвящено около двух десятков ее статей 1970-х - 80-х гг., впоследствии переизданных в отдельной книге «Мифология и искусство скифов и бактрийцев» (2002).

С 1990-х гг. Е. Е. Кузьмина обратилась к проблемам миграций населения евразийских степей в эпоху бронзы и его этнокультурных контактов с окружающими народами от Европы до Китая, от финно-угров до Средней Азии, Ирана и Афганистана. Значительный ее интерес вызывала и проблема влияния экологии степей на хозяйственную деятельность древнего населения. Итогом этой работы стала вышедшая на двух языках книга «The prehistory of the Silk road» (2008) / «Предыстория Великого Шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия» (2010).

Бесспорно, археология – главная научная специальность Е. Е. Кузьминой. Но судьба распорядилась так, что в 1986 г. Е. Е. Кузьмина перешла на работу в Научно-исследовательский институт культуры (с 1992 г. – Российский институт культурологии), с чего начался новый период ее творческой биографии. В немолодом уже возрасте ей пришлось окунуться в почти неизвестную ей с профессиональной стороны область знания – музееведение. Помогало то, что на дворе стояла перестройка и новые веяния коснулись и музеев. Возникла необходимость обновления экспозиций, новых методов работы с посетителями, заговорили о создании детских музеев. На этой новой волне академик В. П. Алексеев и Е. Е. Кузьмина даже придумали проект музея Истории цивилизаций, правда, так и оставшегося на бумаге. Но были и более конкретные дела. Е. Е. Кузьмина стала руководить в институте отделом музееведения и диссертационным советом, готовила аспирантов-музеологов, создала культурологический семинар, при участии Е. Е. Кузьминой создана Музейная комиссия Всесоюзной ассоциации востоковедов и ее вестник «Сфинкс» (1990), изданы новаторское учебное пособие «Национальная культурная политика Великобритании и музей» (1992), сборник «Музеи мира» (1991), коллективная монография «Концепция развития Таймырского окружного музея» (1993); в течение четырех лет она читала незабываемый курс лекций «Музеи мира» на факультете музеологии РГГУ (1997-2000).

Но археология все же одержала верх, и в первое десятилетие XXI века Е. Е. Кузьмина выпустила в России и за рубежом несколько монографий, подводящих итоги многолетних археологических исследований. Ее творческий потенциал отнюдь не был

этим исчерпан. В последние дни перед болезнью Елена Ефимовна вынашивала новые планы. В ее кабинете на подоконнике были разложены стопки книг о первобытном искусстве, а рядом на столе – о мифологии и истории Древнего Востока: она планировала написать новую книгу о мифологии и искусстве андроновских племен. Были начаты и новые воспоминания – на этот раз о семейной истории: об известном со времен Смуты роде Каратыгиных, ярославском архитекторе Мухине, польских шляхтичах Гаурилкевичах, - но рукопись оборвалась на полуслове.

Говорят, что на одной из археологических конференций Н. Я. Мерперт поднял такой тост: «За Музу археологии - Елену Ефимовну». Те, кто знал эту удивительно светлую женщину, бесспорно согласятся с этими словами. Она была тем чеховским человеком, в котором всё было прекрасно. Даже в последние годы она поражала окружающих своей молодостью духа, готовностью в любой миг сорваться с места и ехать с докладом на дальнюю конференцию или смотреть казахстанские петроглифы. Елена Ефимовна удивительным образом хранила в себе дух дореволюционной русской культуры, что ощущалось и в обстановке ее дома, и в ее московском говоре, и во внимательнейшем отношении к собеседнику, и в готовности всегда протянуть руку помощи и поддержки. Живопись, музыка, поэзия, литература, театр были для нее не просто предметом интереса, но тем воздухом, которым она дышала и без которого не могла бы жить. Так же не представляла она своей жизни и без любимой науки - археологии.

В заключение – несколько фрагментов из откликов коллег в память о Елене Ефимовне Кузьминой.

«Мы все хорошо знали этого великого человека, самоотверженного и мужественного ученого, прекрасную, искреннюю женщину - Елену Ефимовну. Археология понесла невосполнимую утрату, место Елены Ефимовны никогда не будет занято. Она будет жить в ее книгах и в наших сердцах». (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург).

«Наука потеряла исследовательницу, беззаветно преданную идеалам археологии, оставившую глубокий след в изучении древностей степной зоны Евразии. Творческое наследие Елены Ефимовны столь обширно и глубоко, что многие поколения археологов будут вновь обращаться к ее фундаментальным работам в поисках истины, независимо от того, чем они будут заниматься – изучением андроновской культурной общности, семантикой скифского и бактрийского искусства, происхождением ариев или развитием металлургии в Центральной Азии. Научные идеи Елены Ефимовны, реализованные ею при изучении древностей, которые были найдены на обширных пространствах Евразии от Китая до Рима и от Урала до Индии, всегда будут источником вдохновения и образцом служения избранному делу.

Елена Ефимовна была многогранным человеком, интеллектуалом самого высокого уровня, маститым ученым, интересным собеседником, блестящим оппонентом, добрым и отзывчивым человеком и, наконец, очаровательной женщиной» (Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург),

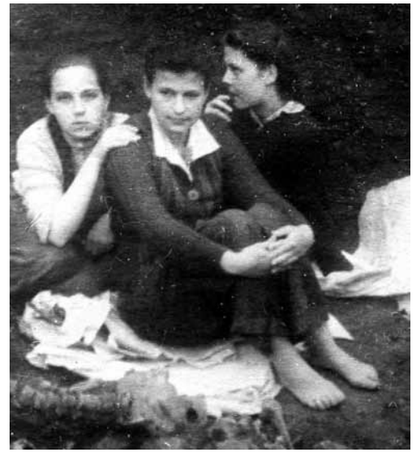
«Елена Ефимовна была очень известным специалистом сразу в нескольких областях, неизменно поражая окружающих своей эрудицией, увлеченностью, широтой интересов. Как написал однажды Л. С. Клейн: «Кузьмина – это громкое имя в археологии»! Можно добавить: и не только в археологии. Труды Елены Ефимовны, ставшие для нескольких поколений исследователей настольными книгами, переведены на европейские языки, отмечены научными премиями и востребованы. Это ли не лучшая награда для ученого! Общаясь с ней, невозможно было оторвать взгляд от ее лица, потому что она была не только умной, но и потрясающе красивой женщиной. Со многими новосибирскими археологами Елену Ефимовну связывали не только профессиональные, но и многолетние дружеские контакты» (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск). ■

Такой она навсегда останется в наших сердцах…

Подборка фотографий составлена из материалов личных архивов Е. Е. Кузьминой, Г. Б. Зданович, А. В. Епимахова, А. Д. Таирова, В. В. Варфоломеева, Осада Тошики, В. Г. Ломана, Э. Р. Усмановой, А. Е. Рогожинского, В.В. Евдокимова, В. В. Ткачева, Н. Б. Виноградова, П. Ф. Кузнецова и многих других. Искренняя благодарность всем коллегам, активно откликнувшимся на наш призыв! Огромная признательность семье Е. Е. Кузьминой за предоставленные фотоматериалы из домашнего архива

1933 г. Аленушка

1932 г. С мамой Верой Александровной и бабушкой Верой Михайловной Ефремовыми



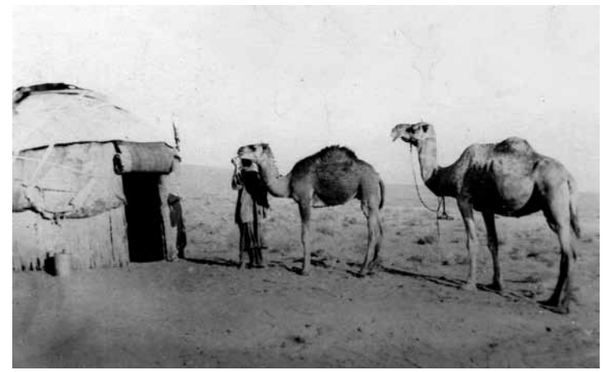
1950 г. Слева направо: Е. Е. Кузьмина, О. С. Гадзяцкая, М. Н. Погребова. Дагестан

1951 г. Проф. Б. Н. Граков и Е. Е.Кузьмина на Молочной

1952 г. Кобадиан. Таджикистан

1955 г. Павловск. Скамейка

1956 г. Кызыл-Кумы. Заман-баба



1956 г. Кызыл-Кумы. Заман-баба

1957 г. Экспедиция в Молдавии. Справа-налево: И. К. Свешников, хозяйка (стоит), начальник отряда А. И. Мелюкова, Е. Е. Кузьмина, Нина и Варя, С. Студзицкая

1960 г. Еленовская экспедиция

1960 г. Е. Е. Кузьмина в разведке. Кугиташ. Туркмения

1960 г. Туркмения

1964 г. Разведка. Еленовка

1965 г. Ялта

1957 г. Слева направо: С. Б. Певзнер, Е. Е. Кузьмина, Е. В. Рихтер с детьми, Б. Б. Пиотровский. Таллинн

1978 г. Уральское археологическое совещание. Нижний Тагил

1980 г. Доска почета. Институт археологии АН СССР

1980 г. Андроновское совещание. Петропавловск

1978 г. Уральское археологическое совещание. Профессор О. Н. Бадер, Е. Е. Кузьмина, участники конференции. Нижний Тагил

1995 г. Е. Е. Кузьмина и А. В. Епимахов. Челябинск

1996 г. Лекция в университете Питтсбурга. С проф. К. Линдафф

1998 г. С внучкой Ксенюшкой

2001 г. Слева направо: В. В. Отрощенко, Е. Е. Кузьмина, П. Ф. Кузнецов

1999 г. Аркаим. Слева направо: Л. Т. Пьянкова, Е. Е. Кузьмина, Г. Б. Зданович

1998 г. Любимая собака Ант на даче

2000 г. Слева направо: К. Рабинсон, Дж. Д. Мули, Е. Е. Кузьмина, А. Парпола.

1995 г. С сыном и внучкой

2001 г. Три андроновки. Слева направо: Э. Р. Усманова, Е. Е. Кузьмина, О. Н. Корочкова. Оренбург

2001 г. Слева направо: М. Н. Погребова, В. Б. Ковалевская, Е. Е. Кузьмина. Иран, Рей

2006 г. Слева направо: лорд К. Ренфрю, А. Лубоцкий, Е. Е. Кузьмина, Дж. Меллори. Ашхабад

2002 г. На ферме при вилле М. А. Литтауэр. Сьесет

2002 г. С М. Н. Погребовой. Греция

2009 г. Иссык-Куль. Алый мак из полевого блокнота Е. Е. Кузьминой

2007 г. В своем рабочем кабинете. Москва

2005 г. С академиком В. М. Плоских

2006 г. С В. И. Сарианиди. Ашхабад

2009 г. Вручение премии «Лучшая книга года по истории Ирана». Тегеран

С фирманом за лучшую книгу по истории Ирана

2006 г. С Г. Б. Здановичем. Конференция «Древняя Маргиана - новый центр мировой цивилизации». Туркменистан

2006 г. С коллегами В. Ю. Крюковой и Тошики Осада на Гонур-тепе. Туркменистан

2007 г. Казахстан. Актобе. Кадырбаевские чтения

2006 г. Конференция «Древняя Маргиана - новый центр мировой цивилизации». Туркменистан

2010 г. Академик В. И. Молодин и Е. Е. Кузьмина у бюста академика А. П. Окладникова. Новосибирск

2006 г. Н. Бороффка, К. Ренфрю и Е. Е. Кузьмина. Конференция «Древняя Маргиана - новый центр мировой цивилизации». Туркменистан

2012 г. Москва. Кремль. Президент России Д. А. Медведев вручает орден Дружбы

2012 г. Москва. Кремль. После вручения ордена

2010 г. На III Культурологическом конгрессе в С. Петербурге

2010 г. С А. В. Епимаховым. Новосибирск

2010 г. Новосибирск

2010 г. Слева направо: А. В. Епимахов, Ю. Ф. Кирюшин, Е. Е. Кузьмина. Новосибирск

2011 г. Казахстан. Алматы. Кальян

2011 г. Казахстан. Алматы. Конференция ЮНЕСКО

2011 г. Казахстан. Алматы, Медео

2011 г. Казахстан. Алматы, Медео

2011 г. На Всероссийском археологическом съезде. Новгород-Старая Русса

2011 г. Слева направо: А. Заика, А. И. Мартынов, А. З. Бейсенов, Е. Е. Кузьмина, А. Е. Рогожинский, М. Кулешова, М. Хужаназаров. Казахстан. Музей в Тамгалы

Библиография

Библиография печатных работ Елены Ефимовны Кузьминой

Составители: Е. Б.Кудрявцева, Н. В. Назарова, Т. С. Федорова, А. Б. Ипполитова.
Редактор: Т. С. Федорова.

Настоящий указатель представляет собой выверенную и дополненную версию библиографии Е. Е. Кузьминой, подготовленной в Российском институте культурологии и вышедшей отдельным изданием в 2012 г.[1]

Указатель построен по хронологическому принципу. Первый раздел посвящен монографическим исследованиям и содержит роспись их содержания, а также опубликованные рецензии. Второй включает летопись публикаций Е. Е. Кузьминой за 1956–2013 гг. и работы, находящиеся в печати. В третьем разделе перечислены сценарии научно-популярных фильмов. Наконец, в четвертом разделе приведены сведения о публикациях, посвященных Елене Ефимовне: в библиографиях, биографических статьях, в интервью и работах, посвященных ее памяти.

При подготовке новой версии указателя все записи по возможности проверялись по изданиям de visu: в частности, по авторским экземплярам из личной библиотеки Е. Е. Кузьминой. Кроме этого, мы пользовались данными библиографических указателей[2] и специализированных баз данных[3], доступными в сети Интернет библиотечными каталогами[4] и онлайн-библиотеками[5], а также рукописным указателем публикаций, составленным самой Еленой Ефимовной[6]. Тем не менее, часть позиций проверить не удалось (это касается в первую очередь тех работ, которые были опубликованы в зарубежных малодоступных изданиях) – в указателе они отмечены звездочкой. ■

---

[1] *Елена Ефимовна Кузьмина : LXXX : биобиблиография / Рос. ин-т культурологии ; сост.: Е. Б. Кудрявцева, Н. В. Назарова, Т. С. Федорова; ред. Т. С. Федорова. М.: Совпадение, 2012. (К 80-летию Российского института культурологии).*

[2] *Советская археологическая литература. Библиография. 1941-1957 / Сост. Н. А. Винберг и др. М.-Л., 1959; То же. 1958-1962 / Сост. Т. Н. Заднепровская и др. Л., 1969; То же. 1963-1967 / Сост. Т. Н. Заднепровская и др. Л., 1975; То же. 1968-1972 / Сост. Т. Н. Заднепровская и др. Л., 1980; То же. 1973-1975 / Сост. Т. Н. Заднепровская и др. Л., 1983; Советская археологическая литература. Библиографический указатель. 1976-1978 / Сост. Т. Н. Заднепровская и др. Л., 1988; То же. 1979-1981 / Сост. Р. Ш. Левина и др. Л., 1989; То же. 1982-1984 / Сост. Р. Ш. Левина и др. СПб., 1997; То же. 1985-1987 / Сост. Р. Ш. Левина и др. СПб., 1999; То же. 1988-1991 / Сост. Л. М. Всевиов. СПб., 2007; Археологическая литература стран СНГ. 1992-1994: Библиографический указатель / Сост. Л. М. Всевиов. СПб., 2012. Использовались также библиографии работ Е. Е. Кузьминой, приведенные в разделе «Литература о Е. Е. Кузьминой: Библиографии» настоящего указателя.*

[3] *База данных «Российская/советская археологическая литература» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rasl.ru/e_resours/Arxeologia/index.html (дата обращения: 25.03.2014); базы данных ИНИОН РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inion.ru/index6.php (дата обращения: 21.12.2013) и др.*

[4] *Например, генеральный каталог Российской национальной библиотеки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak (дата обращения: 25.03.2014).*

[5] *Например, электронная подшивка журнала «Советская археология» за 1957-1992 гг.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archaeolog.ru/index.php?id=259 (дата обращения: 25 марта 2014 г.).*

[6] *Личный архив Е. Е. Кузьминой.*

Раздел 1. МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. **Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы (кон. V – нач. I тыс. до н. э.)** : автореф. дис. … канд. ист. наук. — М., 1964. — 19 с.

2. **Андроновская культура** : в 3. вып. Вып. 1: Памятники западных районов / Е. Е. Кузьмина, М.Г.Мошкова, В. С. Стоколос, Э. А. Фёдорова-Давыдова; сост. В.С.Сорокин ; отв. ред. М. П. Грязнов ; АН СССР. Ин-т археологии. — М. ; Л. : Наука, 1966. — 139 с. : ил. — (Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. Б. А. Рыбакова ; вып. В3-2). — Табл.: с. 65-139.
Содерж.: Сорокин В.С. Западные памятники андроновской культуры. — С. 5-17; Памятники района Челябинск — Шадринск — Курган. — С. 18-37; Памятники района Магнитогорск — Троицк — Кустанай. — С. 38-43; Памятники района Соль-Илецк — Актюбинск — Орск. — С. 44-61; Источники. — С. 62-63.

3. **Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии** / Е. Е. Кузьмина; Ин-т археологии АН СССР ; ред. В .И. Мошинская. — М. : Наука, 1966. — 149 с. : ил. (Археология СССР. Свод археологических источников ; вып. В4-9). — Библиогр.: с. 110-116. — Табл.: с. 119-149.
Содерж.: Введение. — С. 5-7; Типологическая классификация металлических изделий Средней Азии. — С. 8-85; Этапы развития металлургии и металлообработки в областях Средней Азии. — С. 86-98; Приложение 1. Географический указатель основных находок металлических изделий. — С. 99-102; Приложение 2. Спектральные анализы металлических изделий Средней Азии. — С. 102-109.

4. **В стране Кавата и Афрасиаба** / отв. ред. К. Ф. Смирнов. — М. : Наука, 1977. — 144 с. : ил., табл. — (Из истории мировой культуры). — Библиогр.: с. 127-131. — Указ.: с. 137-143.
Содерж.: От редактора. — С. 3-5; От автора. — С. 6-8; По следам древних колесниц. — С. 9-18; ГЛ. 1. ТАЙНА СВЯЩЕННОЙ КНИГИ. — С. 19-30; Путешествие в глубь тысячелетий. — С. 19-23; Древние гимны и проповедь пророка. — С. 23-30; ГЛ. 2. В ЛЕГЕНДАРНОЙ СТРАНЕ. — С. 31-76; Поход Семирамиды и бактрийский мираж. — С. 31-42; Украшение всей Арианы. — С. 42-67; Безымянные мастера. — С. 67-76; ГЛ. 3. НА ШИРОКОМ СТЕПНОМ ПРОСТОРЕ. — С. 77-120; Туры с быстрыми конями. — С. 77-100; Зашифрованные легенды. — С. 100-110; Аржан или Баба-Джан? — С. 110-120; Примечания. — С. 121-132; Подписи к таблицам. — С. 133-136.

5. **Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий** / К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина ; АН СССР, Ин-т археологии ; отв. ред. Н. Я. Мерперт. — М. : Наука, 1977. — 83 с. : ил.
Содерж.: От редактора. — С. 3-4; Введение. — С. 5-7; ГЛ. 1. Комплекс Новокумакского кургана 25. — С. 8-18; ГЛ. 2. Памятники новокумакского типа в Приуралье и Казахстане. — С. 19-25; ГЛ. 3. Хронологическое соотношение культур эпохи бронзы евразийских степей. — С. 26-33; ГЛ. 4. Новокумакский хронологический горизонт — ранний этап андроновской культуры. — С. 34-39; ГЛ. 5. Абсолютная хронология памятников новокумакского горизонта. — С. 40-50; ГЛ. 6. Новокумакский комплекс и проблема этнической принадлежности и социальной структуры андроновского общества. — С. 51-57; Примечания. — С. 58-79; Приложение. — С. 81.

6. **Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня** / отв. ред. В. П. Мокрынин. — Фрунзе : Илим, 1986. — 134 с. : ил. — Библиогр.: С. 129-132.
Содерж.: Введение. — С. 3-7; Загадочные марианни. – С. 8-15; Прозаическое археологическое предисловие к романтическому историческому путешествию. — С. 16-23; Дары Хушенга. — С. 24-41; Четыре ступени вглубь четырех тысячелетий. — С. 42-55; И боги горшки обжигают. — С. 56-73; На таинственном мосту Чинват. — С. 74-99; Не в споре рождается истина. — С. 100-111; Загадки «Узорчатого камня». — С. 112-128.
Рец.: Клейн, Л. С. // Народы Азии и Африки. — 1988. — № 3. — С. 201-207; Ставиский Б. Я. // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии.— М.,

1987. — Вып. 13. — С. 122-127; Brentjes, B. Drevnejšie skotovody ot Urala do Tjan'-Šanja (Die älteste Viehzucht im Gebiet vom Ural bis zum Tienshan) by E. E. Kuz'mina // Central Asiatic Journal. —1988. — Vol. 32. — No. 3/4. — P. 298.

7. **Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев** : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Ин-т истории, филологии и философии Сибир. отд-ния АН СССР. — Новосибирск, 1988. — 34 с.

8. **Национальная культурная политика Великобритании и музей :** пособ. для аспирантов / НИИ культуры. — М., 1992. — 63 с. : ил. — (Этнология и проблемы культурного проектирования). — Библиогр.: с. 35-39.

Содерж.: Введение. — С. 3-8; [Основная часть]. — С. 8-34; Приложения. — С. 40-63.

9. **Концепция развития Таймырского окружного музея** / Л. Г. Блюдова, Е. Л. Галкина, Е. Е. Кузьмина и др. ; ред.: Н. А. Никишин, В. Ю. Дукельский ; Рос. ин-т культурологии ; Тай-мыр. окруж. краевед. музей. — М. ; Дудинка, 1993. — 128 с.

Содерж.: ВВЕДЕНИЕ. Тенденции современных преобразований в музейном деле. — С. 3-6; Ч. 1. ПРЕДПРОЕКТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. — С. 7; 1.1. Таймырский музей и музейная сеть страны. — С.9-17; 1.2. Музей в системе социально-экономического культурного развития Таймырского автономного округа. — С. 17-22; 1.3. Опыт экспозиционной и других видов культурной деятельности. — С. 22-28; 1.4. Источниковая база развития Таймырского музея. — С. 28-40; Ч. 2. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ. — С. 41-72; 2.1. Программа социологического исследования. — С. 43-48; 2.2. Опрос населения. — С. 48-67; 2.3. Изучение музейной аудитории. — С. 67-72; Ч. 3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ. — С. 73-96; 3.1. Границы сферы интересов и влияния Таймырского музея. — С. 75-80; 3.2. Музей в системе традиционных механизмов культурной коммуникации. — С. 80-87; 3.3. Музей и современные средства массовой коммуникации. — С. 87-91; 3.4. Перспективная теоретическая модель функционирования Таймырского музея. — С. 91-96; Ч. 4. КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАЙМЫРСКОГО МУЗЕЯ. — С. 97-122; 4.1. Концепция хранительского направления деятельности музея. — С. 99-106; 4.2. Концепция экспозиционной деятельности. — С. 106-115; 4.3. Концепция развития нетрадиционных видов музейной деятельности. — С. 115-122; ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Условия реализации концепции. — С. 122-126.

10. **Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев** / ред. М. Н. Погребова ; Рос. акад. наук ; М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. — М. : Вост. лит. ; Калина ВИНИТИ РАН, 1994. — 464 с. : 10 карт; 63 рис. — Библиогр.: с. 281-364.

Содерж.: ВВЕДЕНИЕ. — С. 5-51; Источники исследования. — С. 11-12; История изучения памятников андроновской культурной общности. — С. 13-34; Классификация памятников и выделение андроновской культурной общности. — С. 34-49; Гл. 1. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ. — С. 52-66; Гл. 2. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИНДОИРАНСКИХ ПЛЕМЕН И АНДРОНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ. — С. 67-215; Поселения и жилища. — С. 67-105; Гончарство. — С. 106-137; Горное дело, металлургия и металлообработка. — С. 137-155; Изготовление одежды. Костюм. — С. 156-162; Транспорт — С. 163-194; Хозяйство. — С. 195-215; Гл. 3. ЭТНОГЕНЕЗ ИНДОИРАНЦЕВ И ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ. — С. 216-263; Этническая атрибуция андроновской культурной общности ретроспективным методом. — С. 216-217; Этногенез индоиранцев в свете данных материальной культуры. — С. 217-223; Этническая история азиатских степей во II тыс. до н.э. — С. 223-226; Направление миграций в степях Евразии и сопредельных регионах. — С. 226-248; Контакты индоиранцев с носителями других языков. — С. 248-254; Искусство и мифология. — С. 254-263; ЗАКЛЮЧЕНИЕ. — С. 264-267; Примечания. — С. 268-280; Приложения. — С. 360-377; Summary. — С. 377-380; Карты, иллюстрации. — С. 384-463; Коротко об авторе. — С. 464.

Рец.: Дьяконов, И. М. Прародина индоевропейцев : (по поводу книги Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?». М., 1994) // ВДИ. — 1995. — № 1. — С. 123-130; Клейн, Л. С. // Народы Азии и Африки. —

1998. — № 3. — С. 201-207; Ставиский, Б. Я. // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии.— М., 1998. — Вып. 13. — С. 122-127; Diakonoff, I. M. Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins // Journal of the American Oriental Society. — 1995. — № 115.3. — P. 473-477; Erdelyi, I. // Studia nova. — Budapest, 1994. — № 2. — P. 277-278.

11. **Мифология и искусство скифов и бактрийцев : (культурологические очерки) = Mythology and art of Scythians and Bactrians : (essays on cultural history)** / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. — М., 2002. — 288 с. — 16 л. ил. — Библиогр.: с. 265-273.

Содерж.: Вместо предисловия. — С. 5-14; Ч. 1. МИФОЛОГИЯ И ИСКУССТВО СКИФОВ. — С. 15-180; О синкретизме образов скифского искусства в связи с особенностями религиозных представлений иранцев. — С. 17-19; Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. — С. 20-35; О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе. — С. 36-46; Конь в религии и искусстве саков и скифов. — С. 47-73; Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей. — С. 74-80; Сцена терзания в искусстве саков. — С. 81-89; Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи. — С. 90-102; Роль царицы в обществе скифов. — С. 103-104; Проблема реконструкции идеологических представлений сако-скифов. — С. 105-108; О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени : Методика анализа памятников. — С. 109-123; Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства. — С. 124-145; Ancient Iranian and Near Eastern elements in Scythian art. — С. 146-166; The motif of the lion-bull combat in the art of Iran, Scythia, and Central Asia and its semantics. — С. 167-180; Ч. 2. ИСКУССТВО И МИФОЛОГИЯ БАКТРИЙЦЕВ. — С. 181-264; Сокровища Кобадиана. — С. 183-190; Греческий курос в Бактрии. — С. 191-198; Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада. — С. 199-207; Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра. — С. 208-219; О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц. — С. 220-234; Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада. — С. 235-242; Два головных убора из погребений Тилля-тепе и их семантика. — С. 243-252; Les liens entre la Bactriane et l'Iran aux VII–IV siècles avant notre ère. — С. 253-264.

12. **The Origin of the Indo-Iranians** / ed. J. P. Mallory. — Leiden ; Boston : Brill, 2007. — 763 p., 18 maps, 114 figs. — Bibliogr.: p. 477-582. — Index: p. 731-762. — (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / ed. A. Lubotsky ; vol. 3).

Содерж.: Introduction. — P. XI-XVIII; PART ONE. THE ANDRONOVO CULTURAL ENDENTITY. CH. 1. HISTORY OF RESEARCH ON THE ANDRONOVO CULTURE. — P. 3-8; CH. 2. METHODOLOGICAL ASPECTS OF ETHNOCULTURAL RECONSTRUCTION. — P. 9-16; CH. 3. CLASSIFICATION OF SITES AND THE PRIMARY FEATURES OF ANDRONOVO UNITY. — P. 17-30; Petrovka. — P. 19-20; Alakul'. — P. 20-22; Fedorovo. — P. 23-26; Sol'-Iletsk. — P. 26-27; Kozhumberdy. — P. 27; Atasu. — P. 27-28; Amangel'dy. — P. 28; Tautary. — P. 29; Semirech'e. — P. 29-30; CH. 4. SETTLEMENTS AND DOMESTIC ARCHITECTURE. — P. 31-66; Settlements and houses. — P. 31-36; House-plan. — P. 36-40; House type I. — P. 40-60; House type II. — P. 60-66; House type III. — P. 66; CH. 5. CERAMICS. — P. 67-84; Petrovka. — P. 68-69; Alakul'. — P. 69-71; Fedorovo. — P. 71-74; Mixed Types. — P. 74-75; Alekseevka. — P. 75-77; Dongal. — P. 77-78; Dandybay. — P. 78-84; CH. 6. MINING, METALLURGY AND THE METAL INDUSTRY. — P. 85-99; CH. 7. TEXTILES AND DRESS. — P. 101-106; CH. 8. TRANSPORT. — P. 107-140; Vehicles. — P. 107-109; Chariots of the Eurasian steppe. — P. 109-115; Cheek-pieces. — P. 115-131; Frontlet. — P. 131; The tactics of chariot warfare and horse riding. — P. 131-140; CH. 9. ECONOMY. — P. 141-162; Farming. — P. 141-146; Stockbreeding. — P. 146-157; The Indo-Iranian economy. — P. 157-161; CH. 10. THE ETHNOGENESIS OF THE INDO-IRANIANS AND THE ETHNIC ATTRIBUTION OF THE ANDRONOVO CULTURE. — P. 163-168; The retrospective approach. — P. 163-164; The evidence of material culture. — P. 164-168; CH. 11. VERIFICATION OF THE HYPOTHESIS. — P. 169-184; Anthropological evidence. — P. 169-172; Toponymic evidence for the Indo-Iranian homeland. — P. 173-174; Indo-Iranian traditions on the homeland. — P. 174-175; Art and mythology. — P. 175-182; Some mythological representations. — P. 183-184; CH. 12. MORTUARY PRACTICE. — P. 185-198; CH. 13. INDO-IRANIAN CONTACTS WITH OTHER LINGUISTIC GROUPS. — P. 199-204; Indo-Iranians and Finno-Ugrians. — P. 199-203; Indo-Iranians and Greeks. — P. 204; CH. 14. CONCLUSIONS TO PART ONE. — P. 205; PART TWO. THE MIGRATIONS OF TRIBES AND THEIR CULTURES IN CENTRAL ASIA. CH. 15. CULTURES OF CENTRAL ASIA

IN THE 4TH–3RD MILLENNIA BC. — P. 211-216; CH. 16. THE INDO-ARYAN MIGRATION AND THE FIRST STAGE OF THE ANDRONOVO MIGRATION TO THE SOUTH. — P. 217-224; The problem of migration. — P. 217-219; Migration in the Eurasian Steppe and neighbouring regions. — P. 220-224; CH. 17. THE AGRICULTURAL TRIBES OF SOUTH CENTRAL ASIA IN THE 2ND MILLENNIUM BC. — P. 225-228; CH. 18. THE OCCUPATION OF CENTRAL ASIA BY PASTORAL TRIBES. — P. 229-236; The first Indo-Aryan migration to the South. — P. 229-233; The second stage of Andronovo migration — P. 234-236; CH. 19. THE SETTLEMENT OF PASTORAL TRIBES IN CENTRAL ASIA. — P. 237-250; The Tazabagyab culture: the Aral sea littoral variant. — P. 238-239; The Tazabagyab culture: the Lower Zeravshan variant. — P. 240; Sites of the Central Zeravshan. — P. 240; The Tashkent Oasis. — P. 241; The Timber-grave culture. — P. 241; Fedorovo type sites of the Andronovo culture. — P. 242; Andronovo sites of the Fedorovo type in Kirgizia. — P. 242; The Semirech'e-Fergana type. — P. 243-245; Sites of the north-eastern Tian-Shan. — P. 246; Sites of southern Fergana. — P. 247; Fergana valley: late sites of Kayrak-Kum type. — P. 248-250; CH. 20. RELATION OF THE ANDRONOVANS WITH THE POPULATION OF XINJIANG AND CENTRAL ASIA. — P. 251-266; CH. 21. CULTURES OF NORTHERN BACTRIA IN THE LATE BRONZE AGE. — P. 267-290; BMAC sites in Uzbekistan. — P. 267-270; Northern Bactria and Tadzhikistan. — P. 271; BMAC sites in Tadzhikistan. — P. 271-274; Bishkent-Vaksh culture. — P. 275-277; The Andronovo culture in Tadzhikistan. — P. 278-284; Andronovo sites of the Pamirs. — P. 285; The Andronovo culture in southern Bactria. — P. 286-288; The culture of the barbarian occupation period. — P. 289-290; CH. 22. TRANSCASPIA AND TURKMENIA. — P. 291-296. PART THREE. THE GENESIS OF THE DIFFERENT BRANCHES OF INDO-IRANIANS. CH. 23. MODERN STATE OF THE PROBLEM OF INDO-IRANIAN ORIGINS. — P. 297-306; CH. 24. THE GENESIS OF THE DARDS AND NURISTANI. — P. 307-320; CH. 25. THE GENESIS OF THE INDO-ARYANS. — P. 321-346; Is Vedic archaeology possible? — P. 322; The Bactria-Margiana archaeological culture. — P. 323-324; The Andronovo culture. — P. 325-326; Settlements and dwellings. — P. 326-327; Ceramics. — P. 327-328; Metal articles. — P. 328; Horses and chariots in Hindustan. — P. 329-339; Burial rite. — P. 339-340; The Andronovo burial rite. — P. 340-342; Burial rites in Baluchistan. — P. 342; Burial rites in the Harappan civilization. — P. 342-343; Burials in the post-Harappan cultures of North-Western India. — P. 343-345; Anthropological and genetic data — P. 345-346; PART FOUR. THE GENESIS OF THE IRANIANS. CH. 26. THE GENESIS OF THE IRANIANS. — P. 349-450; The history of research on the Timber-grave culture. — P. 349-358; The culture of the Eurasian steppes in the Final Bronze Age. — P. 358-367; The genesis of the West Iranians — P. 367-379; The genesis of Eastern-Iranian nomadic peoples: the Scythians and the Saka. — P. 379-383; The anthropological data. — P. 383-388; The formation of the Scythian complex. — P. 388-413; The genesis of the Eastern Iranians of South Central Asia, Afghanistan and Baluchistan. — P. 413-436; The formation of the farming culture of the Iranian-speaking peoples in North Central Asia. — P. 436-437; The Chust culture — P. 437-441; The Burgulyuk culture. — P. 441-447; The problem of the data of Zarathuštra. — P. 448-450; CONCLUSION. — P. 451-458; Post Scriptum. — P. 458; APPENDICES. — P. 459-476; APPENDIX I: THE CHRONOLOGY OF THE ANDRONOVO CULTURE. — P. 459-466; The methods of determining chronology. — P. 459-460; The new radiocarbon dates of the steppe cultures. — P. 460-461; The European line of synchronization — P. 461-462; The South Asian line of synchronization. — P. 462-464; The Chinese line of synchronization. — P. 464-465; Conclusion. — P. 465-466. APPENDIX II: RADIOCARBON DATES. — P. 467-476.

Рец.: Waghmar, B. K. Review of Elena Kuz'mina, The Origin of the Indo-Iranians (Leiden and Boston, 2007) and E. E. Kuzmina, The Prehistory of the Silk Road, ed. V. Mair (Philadelphia, 2008) // Journal of Inner Asian Art & Archaeology. — 2008. — Vol. 3. — P. 185-186. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eprints.soas.ac.uk/8087/1/Kuzminareview.pdf (дата обращения: 12.02.2014); Кулланда С. В. // ВДИ. — 2010. — № 3. — С. 202-210.

13. Арии — путь на юг / отв. ред. М. Н. Погребова ; Рос. ин-т культурологии. — М. : Летний сад, 2008. — 557 с. — Библиогр.: с. 345-447. — Прил.: с. 453-464. — Карты, ил.: с. 467-557. — Рез. англ.

Содерж.: Коротко об авторе. — С. 5; Предисловие. — С. 9-23; Введение. — С. 24-30; История изучения проблемы происхождения индоиранских народов. — С. 30-33; Классификация арийских языков. — С. 33-38; 1. КУЛЬТУРЫ ПЛЕМЕН И ИХ МИГРАЦИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ. — С. 39-114; Культуры Средней Азии IV–III тыс. до н.э. — С. 39-46; Культура юга Средней Азии II – начала I тыс. до н.э. — С. 46-50; Расселение пастушеских племен в Средней Азии. — С. 50-78; Культуры Бактрии. — С. 79-114; 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОИРАНСКИХ НАРОДОВ. — С. 115-333; Современное состояние проблемы происхождения индоиранцев. — С. 115-140; Происхождение дардов и нуристанцев. — С. 141-159; Происхождение ведических индоариев. — С. 159-188; Происхождение иранцев. — С. 188-215; Происхождение западных иранцев. — С. 215-233; Происхождение восточно-иранских кочевников саков и скифов. — С. 233-280; Происхождение культуры восточных иранцев земледельческих областей Средней Азии. — С. 281-299; Происхождение культуры восточных иранцев Афганистана и Белуджистана. — С. 299-305; Сложение земледельческой культуры ираноязычных народов в северных регионах Средней Азии. — С. 305-321; Происхождение восточно-иранских народов: выводы. — С. 322-329; Проблема даты Заратуштры. — С. 329-333; ЗАКЛЮЧЕНИЕ. — С. 334-343; Post scriptum. — С. 344; Summary. — С. 465-466.

Рец.: Плоских, В. М., Жапаров, А., Сарыгулов, Д. И. Е. Е. Кузьмина. «Арии — путь на юг». М., СПб., 2008 г. // Диалог цивилизаций. Культурно-цивилизационные мосты и современность. — Бишкек, 2009. — № 9. — С. 151-153; Виноградова, Н. М. Е. Е. Кузьмина. «Арии — путь на юг» // Центральная Азия и Южная Сибирь: альманах. — М., 2009. — Вып. 1. — С. 308-309; Клейн, Л. С. Пути ариев : полемические заметки о книге Е. Е. Кузьминой // Рос. археология. — 2010. — № 3. — С. 171-173.

14. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Акимат Актюбинской обл., Обл. управление культуры, Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии ; отв. ред. В. В. Ткачев. — Актобе : ПринтА, 2008. — 359 с., 158 рис. — Библиогр.: с. 329-354. — (История, археология и этнография Западного Казахстана / отв. ред. А. А. Бисембаев).

Содерж.: От редакции. — С. 3; Предисловие. — С. 4-60; Введение. — С. 61-62; ГЛ. 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ. — С. 63-85; ГЛ. 2. КЛАССИФИКАЦИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ. — С. 86-249; Принципы классификации, периодизации и установления хронологии. — С. 86-92; Памятники петровского типа. — С. 92-115; Памятники алакульского типа. — С. 115-159; Памятники федоровского типа. — С. 160-249; ГЛ. 3. ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И АССИМИЛЯЦИИ В ИСТОРИИ АНДРОНОВСКИХ ПЛЕМЕН. — С. 250-292; ГЛ. 4. АНДРОНОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ. — С. 293-303; Заключение. — С. 304-320; Примечания. — С. 321-328.

15. The Prehistory of the Silk Road / ed. V. Mair. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2008. — 248 p., 57 figs.; 15 maps. — Bibliogr.: p. 207-242. — Index: p. 243-248.

Содерж.: Editor's Foreword. — P. VII-X; A note on transcription. — P. XI-XII; Introduction. — P. 1-7; 1. THE DYNAMICS OF THE EURASIAN STEPPE ECOLOGY. — P. 8-17; 2. ECONOMICS DEVELOPMENTS IN THE PONTO-CASPIAN STEPPE. — P. 18-38; The first stage of the food-producing economy. — P. 19-23; The second stage of the food-producing economy. — P. 23-25; The domestication and early use of the horse. — P. 25-32; The development of the pit-grave cultural community. — P. 32-33; The spread of wheeled transport: a prerequisite to the opening of the Great Silk Road routes. — P. 34-38; 3. THE EURASIAN STEPPE IN THE BRONZE AGE. — P. 39-70; Proto-urban culture in the Urals. — P. 40-48; The chariots of the Eurasian steppe. — P. 49-59; The crisis of complex economy, the development of nomadism in the Eurasian steppe, and the origins of the Great Silk Road routes. — P. 59-65; The Origin and Spread of the Bactrian Camel. — P. 66-70. 4. ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF SOUTHERN CENTRAL ASIA. — P. 71-87; Southern Turkmenistan. — P. 71-76; The lower and middle part of Tran-soxiana. — P. 76-78; Ferghana. — P. 78-82; Kirghizstan. — P. 82-87; 5. RELATIONS BETWEEN EASTERN AND WESTERN CENTRAL ASIA. — P. 88-107; Contacts of the Xinjiang people with the West in the Copper Age, and the Tocharian question. — P. 88-98; Contacts of the Xinjiang people with the West in the Bronze Age. — P. 98-107; 6. CONCLUSION. — P. 108-114; Appendix. Dating and comparative chronologies. — P. 115-128; Maps and illustrations. — P. 129-202; Notes. — P. 203-206.

Рец.: Lamberg-Karlovsky, C. The prehistory of the Silk Rood // Choice : Societal and behavioral science. — 2008. — Vol. 46. — № 3; Anthony, D. The prehistory of the Silk Rood. UPenn 2008 // Scholarly book services. — Toronto, 2009. — P. 810-812; Waghmar, B.K. Review of Elena Kuz'mina, The Origin of the Indo-Iranians (Leiden and Boston, 2007) and E. E. Kuzmina, The Prehistory of the Silk Road, ed. V. Mair (Philadelphia, 2008) // Journal of Inner Asian Art & Archaeology [Электронный ресурс]. — 2008. — Vol. 3. — P. 185-186. — Режим доступа: http://eprints.soas.ac.uk/8087/1/Kuzminareview.pdf (дата обращения: 12.02.2014); Goddards, S. The Prehistory of the Silk Rood // Where the Past comes alive. — 2009; Kohl, Ph. The Prehistory of the Silk Rood // Journal of Asian History. — 2009. — Vol. 43/1. — P. 73-74; Smith, A. T. Early Eurasia: pattern and process

among pastoralists : review article on E. E. Kuzmina, The prehistory of the Silk Road and Frachetti M. D. Pastoralist landscapes and social interaction in Bronze Age Eurasia // Antiquity : a quarterly review of world archeology edited by Martin Carver [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://antiquity.ac.uk/reviews (дата обращения: 01.03.2011); Chan, M. Before the Silk Road // Expedition : The magazine of the University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. — 2010. — Vol. 52 — № 3. — P. 55. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://penn.museum/documents/publications/expedition/PDFs/52-3/book%20review.pdf (дата обращения: 24.12.2013).

16. Искусство и мифы бактрийцев и скифов : в стране Кавата и Афрасиаба / отв. ред. К Ф. Смирнов. — 2. изд., доп. — М. : URSS : КРАСАНД, 2010. — 152 с., ил. — Библиогр.: с. 127-131, 149-151. — Указ.: с. 133-139.

Содерж.: От редактора. — С. 3-5; От автора. — С. 6-8; По следам древних колесниц. — С. 9-18; ГЛ. 1. ТАЙНА СВЯЩЕННОЙ КНИГИ. — С. 19-30; Путешествие в глубь тысячелетий. — С. 19-23; Древние гимны и проповедь пророка. — С. 23-30; ГЛ. 2. В ЛЕГЕНДАРНОЙ СТРАНЕ. — С. 31-76; Поход Семирамиды и бактрийский мираж. — С. 31-42; Украшение всей Арианы. — С. 42-67; Безымянные мастера. — С. 67-76; ГЛ. 3. НА ШИРОКОМ СТЕПНОМ ПРОСТОРЕ. — С. 77-120; Туры с быстрыми конями. — С. 77-100; Зашифрованные легенды. — С. 100-110; Аржан или Баба-Джан? — С. 110-120; Примечания. — С. 121-126; Список сокращений. — С. 132; Заключение. — С. 140-148.

17. Предыстория Великого шелкового пути : диалог культур Европа — Азия / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии ; отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. — М. : URSS : Ком-Книга, 2010. — 240 с. — Прил.: с. 119-131. — Библиогр.: с. 132-163. — 57 карт, рис.

То же. — 2. изд. — 2011.

Содерж.: От ответственного редактора / Г. М. Бонгард-Левин. — С. 5; Предисловие. — С. 6-7; Введение. — С. 8-13; ГЛ. 1. ДИНАМИКА ЭКОЛОГИИ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ. — С. 14-25; ГЛ. 2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В ПОНТО-КАСПИЙСКИХ СТЕПЯХ И РОЛЬ ЗАПАДНЫХ СВЯЗЕЙ. — С. 26-44; 1. Ранние этапы развития производящего хозяйства. — С. 27-29; 2. Проблема доместикации и раннего использования коня. — С. 30-38; 3. Сложение ямной культурной общности. — С. 38-40; 4. Распространение колесного транспорта — предпосылка открытия трасс Великого шелкового пути. — С. 40-44; ГЛ. 3. КУЛЬТУРА СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ. РАЗВИТИЕ ТРАСС ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ. — С. 45-75; 1. Протогородская цивилизация «страны городов». — С. 46-55; 2. Колесницы степей Евразии. — С. 55-64; 3. Кризис комплексного хозяйства и становление номадизма в степях Евразии. Развитие трасс Великого шелкового пути. — С. 64-70; 4. Происхождение и распространение верблюда бактриана. — С. 70-75; ГЛ. 4. ЮЖНЫЙ МАРШРУТ. — С. 76-83; 1. Контакты земледельцев юга Средней Азии с населением степей в эпоху энеолита. — С. 76-79; 2. Контакты земледельцев юга Средней Азии и Афганистана с населением степей в эпоху бронзы. Индоиранская проблема. — С. 79-83; ГЛ. 5. ВОСТОЧНЫЙ МАРШРУТ. — С. 84-106; 1. Контакты населения Синьцзяна с Западом в эпоху энеолита. Тохарская проблема. — С. 84-94; 2. Контакты населения Синьцзяна с Западом в эпоху бронзы. — С. 94-106; ГЛ. 6. ТРИ МЕТОДА ХРОНОЛОГИЗАЦИИ И ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ СИНХРОНИЗАЦИИ КУЛЬТУР НА ТРАССАХ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ. — С. 107-111; 1. Методы установления хронологии. — С. 107-108; 2. Европейская линия синхронизации. — С. 108-109; 3. Южно-азиатская линия синхронизации. — С. 109-110; 4. Китайская линия синхронизации. — С. 110-111; ЗАКЛЮЧЕНИЕ. — С. 112-118. ■

Раздел 2. ЛЕТОПИСЬ ПУБЛИКАЦИЙ

1956

1. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах / Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер // КСИИМК. — М., 1956. — Вып. 64. — С. 77-84.

1958

2. Бронзовый шлем из Самарканда // СА. — 1958. — № 4. — С. 120-126.
3. Могильник Заман-Баба : (к вопросу о культурных связях населения долины нижнего Зеравшана в III–II тыс. до н.э.) // СЭ. — 1958. — № 2. — С. 24-33.

1961

4. Андроновские племена эпохи бронзы в восточной части Оренбургской области // Тезисы докладов на I Оренбургской историко-археологической конференции по вопросу «Состояние и задачи историко-археологического изучения Оренбургской области». — Оренбург, 1961. — С. 16-18.
5. Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Гос. Эрмитажа // СА. — 1961. — № 4. — С. 254-259.
6. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы (по материалам Иссык-Кульского клада) // Известия АН Киргизской ССР. Т. 3. Серия обществ. наук. — Фрунзе, 1961. — Вып. 3 (История). — С. 103-110.
7. Результаты работ на Эмбе в 1958 г. // КСИА. — М., 1961. — Вып. 85. — С. 85-94.

1962

8. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // КСИА.— М., 1962. — Вып. 88. — С. 84-92.
9. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1962. — Вып. 2. — С. 9-15.
10. III Уральское археологическое совещание // СА. — 1962. — № 4. — С. 306-309.

1963

11. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. — 1963. — № 2. — С. 38-46.
12. Купухта — могильник андроновской знати // КСИА. — М., 1963. — Вып. 93. — С. 96-105.

1964

13. Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы (конец V – нач. I тыс. до н.э.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. — М., 1964. — 19 с.
14. Андроновские могильники на р. Байту : (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // КСИА. — М., 1964. — Вып. 97. — С. 39-49.
15. Андроновское поселение и могильник Шандаша // КСИА. — М., 1964. — Вып. 98. — С. 100-106.
16. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. — М., 1964. — С. 141-158.
17. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. — М., 1964. — С. 121-140.
18. Топорик из Пуль-и-Хатун и вопрос о связях Южной Туркмении с Ираном в III тыс. до н.э. // КСИА. — М., 1964. — Вып. 101. — С. 49-52.

1965

19. Некоторые общие закономерности развития ранней металлургии меди в Средней Азии и на Кавказе // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР : тез. докл. — Баку, 1965. — С. 65-66.
20. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. — 1965. — № 4. — С. 40-51.

21. Хронология некоторых кладов Семиречья // Новое в советской археологии. — М., 1965. — С. 106-110. — (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 130)

1966

22. Андроновская культура : в 3-х. вып. Вып. 1: Памятники западных районов / Е.Е.Кузьмина, М.Г.Мошкова, В.С.Стоколос, Э.А.Фёдорова-Давыдова; сост. В.С.Сорокин ; отв. ред. М. П. Грязнов ; АН СССР. Ин-т археологии. — М. ; Л. : Наука, 1966. — 139 с. : ил. — (Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. Б. А. Рыбакова ; вып. В3-2). — Табл.: с. 65-139.

23. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии / Е.Е.Кузьмина; Ин-т археологии АН СССР ; ред. В. И. Мошинская. — М. : Наука, 1966. — 149 с. : ил. (Археология СССР. Свод археологических источников ; вып. В4-9). — Библиогр.: с. 110-116. — Табл.: с. 119-149.

24. * Кушанская культура в Средней Азии // Soviet Land. — New Delhi, 1966.

25. Новые данные об андроновской культуре на Южном Урале // Археологические открытия 1965 г. — М., 1966. — С. 84-86.

1967

26. Еленовский микрорайон андроновской культуры // Археологические открытия 1966 г. — М., 1967. — С. 113-114.

27. Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР / отв. ред.: А. М. Лесков, Н. Я. Мерперт. — Киев, 1967. — С. 214-216.

1968

28. Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. — 1968. — Вып. 114. — С. 13-15.

29. Культура пастушеских племен Средней Азии в эпоху развитой бронзы // Проблемы археологии Средней Азии. — Л., 1968. — С. 21-24.

30. Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана // СА. — 1968. — № 2. — С. 302-309.

1969

31. Могильник федоровского типа Туктубаево // Археологические открытия 1968 г. — М., 1969. — С. 152-153.

32. Раскопки могильника Кожумберды // КСИА. — М., 1969. — Вып. 115. — С. 124-132.

1970

33. Бернштам А.Н. // Большая советская энциклопедия. — М., 1970. — Т. 3. — Ст. 756. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Бернштам%20Александр%20Натанович (дата обращения: 12.02.2014).

34. Литейные формы из Лявлякана / А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина // СА. — 1970. — № 2. — С. 125-135.

35. Работы Еленовского отряда // Археологические открытия 1969 г. — М., 1970. — С. 393-394.

36. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. — М., 1970. — Вып. 122. — С. 44-48.

37. * Where did Indoaryans come from? // Soviet Land. — New Delhi, 1970. — № 20.

1971

38. Варахша // Большая советская энциклопедия. — М., 1971. — Т. 4. — Ст. 876-877. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/варахша/БСЭ/Варахша/ (дата обращения: 12.02.2014)

39. Вяткин В.Л. // Большая советская энциклопедия. — М., 1971. — Т. 5. — Ст. 1805. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/вяткин/БСЭ/Вяткин%20Василий%20Лаврентьевич/ (дата обращения: 12.02.2014)

40. Лошадь в Европе и на Переднем Востоке (история распространения) // V Всесоюзная сессия по Древнему Востоку, 6-9 апр. 1971 г. : тез. докл. — Тбилиси, 1971. — С. 92-94.

41. О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Искусство и археология Ирана. — М., 1971. — С. 171-183.

42. Цилиндрическая печать из Мервского оазиса со сценой единоборства // История Иранского государства и культуры. — М., 1971. — С. 180-189.

43. Earliest evidence of horse domestication and spread of wheeled vehicles in connection with the problem of time and place of formation of the Indo-European unity // VIIIe Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapportes et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS, Beograd, 9-15 septembre 1971. — Belgrade, 1971. — P. 2-18.

44. Nouvelles découvertes archéologiques en Asie Centrale // Revue Historique. — Paris, 1971. — T. 245. — P. 5-18.

1972

45. Андроновские памятники Уйско-Увельского региона // Археологические открытия 1971 г. — М., 1972. — С. 206-207.

46. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии : («бактрийский мираж» и археологическая действительность) // ВДИ. — 1972. — № 1. — С. 131-147.

47. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией : (обзор работ итальянской археологической миссии в Пакистане) // КСИА. — М., 1972. — Вып. 132. — С. 116-121.

48. Находки колес в ямных погребениях и вопрос об этногенезе индоиранцев, их религиозных представлениях и социальной структуре общества // XV Наукова конференція Інституту археології АН УРСР, присвячена 50-річчю утворення СРСР : Тези пленарних і секційних доповідей : (результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України). — Одеса, 1972. — С. 132-137.

49. О синкретизме образов скифского искусства в связи с особенностями религиозных представлений иранцев // Скифо-сибирский «звериный» стиль : тез. докл. III Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. — М., 1972. — С. 51-52.

1973

50. «Желаю здоровья вам, вашей семье и вашим коням...» : подкова на счастье // Знание — сила. — 1973. — № 9. — С. 36-39.

51. Кайраккумские стоянки // Большая советская энциклопедия. — М., 1973. — Т. 11. — Ст. 546. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/кайраккумские/БСЭ/Кайраккумские%20стоянки/ (дата обращения: 12.02.2014)

52. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири : сб. ст., посвящ. памяти В. Н. Чернецова / отв. ред. А. П. Смирнов. — М., 1973. — С. 153-164.

53. Навершие со всадниками из Дагестана // СА. — 1973. — № 2. — С. 178-190.

54. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье / А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина, В. М. Смирин // Проблемы археологии Урала и Сибири : сб. ст., посвящ. памяти В. Н. Чернецова / отв. ред. А. П. Смирнов. — М., 1973. — С. 85-103.

55. Об аньянской линии синхронизации сибирских бронз // Из истории Сибири. — Томск, 1973. — Вып. 7 : Материалы совещания по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири (Томск, 15-19 мая 1972 г.) / отв. ред. Л. А. Чиндина. — С. 31-39.

56. [Рец. на кн.]: Массон В. М. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, вып. 3. Ашхабад, 1970 // СА. — 1973. — № 1. — С. 310-311.

1974

57. Бактрия и эллинский мир до Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока : III Всесоюз. конф. по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточ. республик РСФСР : тез. докл. — М., 1974. — С. 18-20.

58. Из далекого прошлого лошади. 1. Конь в древней истории // Коневодство и конный спорт. — 1974. — № 2. — С. 20-23.

59. Из далекого прошлого лошади. 2. Конь в изобразительном искусстве // Коневодство и конный спорт. — 1974. — № 3. — С. 16-18.

60. Колесный транспорт и проблемы этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. — 1974. — № 4. — С. 68-87.

61. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков / отв. ред.

К. А. Акишев. — Алма-Ата, 1974. — С. 16-24.

62. О некоторых вопросах андроновской демографии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1974. — № 6. — Вып. 2. — С. 102-106.

63. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен (археологический и лингвистический аспект) // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя : тез. докл. — М., 1974. — С. 42-45.

64. [Рец. на кн.]: Dani, A.H. Excavations in the Gomal Valley (Ancient Pakistan : Bulletin of the Dept. of Archaeology / Univ. of Peshawar. — 1970-1971. — Vol. 5 (Special Number)) // Народы Азии и Африки. — 1974. — № 2. — С. 188-193.

1975

65. К вопросу о формировании культурного комплекса могильника Кхерай // КСИА. — 1975. — Вып. 142. — С. 64-67.

66. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии / отв. ред.: П. М. Кожин и др. — М., 1975. —

С. 220-230.

67. Сокровища Кобадиана // Вокруг света. — 1975. — № 6. — С. 48-52.

68. [Рец. на кн.]: Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. М., 1973. (Тр. Хорезмской археолого-этнограф. экспедиции ; Т. VIII) // СА. — 1975. — № 2. — С. 287-292.

1976

69. Греческий курос в Бактрии // КСИА. — 1976. — Вып. 147. — С. 27-33.

70. Две коллекции из Западного Казахстана // Сообщения Государственного Эрмитажа.— Л., 1976. — Т. 41. — С. 25-26.

71. Историзм археологии // Историзм археологии: методологические проблемы : тез. докл. — М., 1976. — С. 24-31.

72. О культе коня у народов Урала и Сибири // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа : препр. докл. и сообщ. — Уфа, 1976. — С. 21-24.

73. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. — 1976. — № 3. — С. 68-75.

74. Ранние погребальные комплексы под Орском и проблема хронологического соотношения культур эпохи бронзы Приуралья / К. Ф. Смирнов, Е.Е.Кузьмина // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). — Куйбышев, 1976. — С. 45-47.

75. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. — М., 1976. — С. 52-65.

76. [Рец. на кн.]: Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposion in Budapest, 1971 / Hrsg. von J. Matolcsi. Budapest, 1973 // ВДИ. — 1976. — № 1. — С. 147-153.

77. The “Bactrian Mirage” and the archaeological reality : on the problem of the formation of North Bactrian culture // East and West. — Rome, 1976. — Vol. 26, № 1/2. — P. 111-131.

1977

78. В стране Кавата и Афрасиаба / отв. ред. К.Ф.Смирнов. — М. : Наука, 1977. — 144 с. : ил., табл. — (Из истории мировой культуры). — Библиогр.: с. 127-131. — Указ.: с. 137-143.

79. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов,

Е. Е. Кузьмина ; АН СССР, Ин-т археологии ; отв. ред. Н.Я.Мерперт. — М. : Наука, 1977. — 83 с. : ил.

80. Взаимоотношения андроновских и абашевских племен // VI Уральское археологическое совещание, Нижний Тагил, 28 марта – 3 апр. 1977 г. : тез. пленарных и некоторых дискуссионных докл. — М., 1977. — С. 46-47.

81. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы / отв. ред. А. И. Тереножкин. — Киев, 1977. — С. 96-119.

82. Международный коллоквиум по проблемам археологии Ирана и Средней Азии // СА. — 1977. — № 3. — С. 322-325.

83. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных / Е. Е. Кузьмина,

К. Ф. Смирнов // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии, Душанбе, 17-22 окт. 1977 г. : тез. докл. сов. ученых. — М., 1977. — С. 19-22. — То же на англ. яз.: The origin of the Indo-Iranians in the light of recent archaeological data / Y.Y.Kuzmina, K.F.Smirnov // International symposium on ethnic problems of the ancient history of Central Asia : abstracts of papers presented by Soviet scholars. Dushanbe, October 17-22, 1977. — Moscow, 1977. — P. 27-31.

84. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / под ред.

Б. Г. Гафурова, Б. А. Литвинского. — М., 1977. — С. 28-52. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kladina.narod.ru/kuzmina/kuzmina.htm (дата обраще-ния: 12.02.2014)

85. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античности / отв. ред. М. А. Коростовцев. — М., 1977. — С. 16-25.

86. [Рец. на кн.]: Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975 // СА. — 1977. — № 2. — С. 261-265.

87. [Рец. на кн.]: Sankalia, H. D. Ramayana, Myth or Reality? New Delhi, 1973. 86 p. // Народы Азии и Африки. — 1977. — № 2. — С. 233-237.

88. * The Jaganatha chariot and the new finds of the Soviet archaeologists // Soviet Land. — New Delhi, 1977. — № 2.

89. Les relations entre la Bactriane et l’Iran du VIIIe au IVe siècle BC // Le Plateau Iranien et l’Asie Centrale des origines á la conquête islamique. Leur relation à la lumière des documents archéologiques. Paris, 22-24 mars 1976. — Paris, 1977. — P. 201-214. — (Colloques Internationaux du Centre national de la recherche scientifique ; № 567).

1978

90. Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / отв. ред. И. Р. Пичикян. — М., 1978. — С. 191-202.

91. Связи евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н.э. // Древние культуры Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1978. — С. 21-23. — (Науч. тр. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева ; т. 221).

92. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей // КСИА. — М., 1978. — Вып. 154. — С. 103-108.

93. The Origin of the Indo-Iranians in the Light of Recent Archaeological Data / Y.Y. Kuzmina, K.F. Smirnov // Journal of Central Asia. — Vol. 1. — № 1. — 1978. — P. 68-70. — То же // Gupta, S. P. Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands: Protohistory. — Delhi, 1979. — Vol. 2. — P. 311-313.

1979

94. Древнеиранские и переднеазиатские элементы в искусстве ираноязычных народов первой половины I тыс. до н.э. // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с

древнейших времен : тез. докл. III Всесоюз. конф. — М., 1979. — С. 42-45.
95. Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада // КСИА. — М., 1979. — Вып. 159. — С. 16-21.
96. Костяные псалии как источник установления хронологии срубно-андроновских племен // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы : тез. докл. конф., 3-6 дек. 1979 г. — Донецк, 1979. — С. 79-81.
97. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц // СА. — 1979. — № 1. — С. 35-46.
98. * Роль коня в культуре индоевропейских народов // Proceedings of the 3rd International Archaeozoological Conference : held 23-26th April, 1978 at the Agricultural Academy Szczecin, Poland / ed. by M. Kubasiewicz. — Szczecin, 1979. — P. 460-467.
99. Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии : сб. ст., посвящ. памяти С.П. Толстова / ред.: А.В. Виноградов и др. — М., 1979. — С. 78-83.
100. Формирование бактрийской художественной школы и ее значение в развитии культуры евразийских степей // Античная культура Средней Азии и Казахстана : Всесоюз. науч. совещание : тез. докл. — Ташкент, 1979. — С. 22-23.
101.* [Рец. на кн.]: Сарианиди, В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977 // Afghanistan Journal. — 1979.

1980

102.Дискуссионные проблемы отечественной скифологии : круглый стол // Народы Азии и Африки. — 1980. — № 6. — С. 67-95. [Участник дискуссии].
103.Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей // КСИА.— М., 1980. — Вып. 161. — С. 8-21.
104.Новые данные о распространении колесного транспорта в Туркмении / Е. Е. Кузьмина, А. А. Ляпин // Новые исследования по археологии Туркменистана. — Ашхабад, 1980. — С. 34-44.
105.О балканском или центральноазиатском пути миграции индоевропейских народов // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология, 2-4 дек. 1980 г. Предварительные материалы : тез. докл. — М., 1980. — С. 34-36.
106.Особенности развития скотоводческого хозяйства в географических условиях Западной Сибири // Вопросы этнокультурной истории Сибири / отв. ред. В. М. Кулемзин. — Томск, 1980. — С. 19-21.
107.Проблема реконструкции идеологических представлений сако-скифов // Идеологические представления древнейших обществ : тез. докл. конф. — М., 1980. — С. 75-79.
108.Роль Северного Прикаспия в истории культур степной полосы Восточной Европы в эпоху становления производящего хозяйства // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы : тез. докл. конф. — Оренбург, 1980. — С. 10-11.
109.Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии / И. К. Кожомбердиев, Е. Е. Кузьмина // СА. — 1980. — № 4. — С. 140-153.
110.Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы : (к проблеме миграции индоиранских племен) // ВДИ. — 1980. — № 4. — С. 11-35.

1981

111.Второй Каракольский клад Киргизии / Д. Ф. Винник, Е. Е. Кузьмина // КСИА.— М., 1981. — Вып. 167. — С. 48-53.
112.К методике статистического анализа керамических комплексов (по материалам памятников Орско-Актюбинской группы) / Е. Е. Кузьмина, Я. А. Шер // Количественные методы в гуманитарных науках / ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1981. — С. 29-34.
113.Некоторые переднеазиатские мотивы и композиции в искусстве ираноязычных народов евразийских степей в архаическую эпоху // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье : тез. докл. — М., 1981. — С. 76-78.
114.Новое в изучении культур бронзового века евразийских степей / Е. Е. Кузьмина, Н. Я. Мерперт, В. П. Шилов // Studia praehistorica. — Sofia, 1981. — № 5-6. — С. 73-102.

115.Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). — М., 1981. — С. 101-125.
116.Роль царицы в обществе скифов // VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР : тез. докл. 1-3 июня 1981 г. — М., 1981. — С. 46-47.
117.Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. — Уфа, 1981. — С. 23-43.

1982

118.Андроновская культурная общность (принципы выделения и установления хронологических этапов) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа : тез. докл. Всесоюз. совещания. — Ереван, 1982. — С. 47-51.
119.Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика / Е. Е. Кузьмина, В. И. Сарианиди // Крат. сообщения Института археологии. — М., 1982. — Вып. 170. — С. 19-27.
120.Формирование художественных школ в Средней Азии и Закавказье в предэллинистическую эпоху: (К вопросу о некоторых типологических параллелях в развитии культур V–IV вв. до н.э.). //
V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении : тез. докл. — Ереван, 1982. — С. 120-122, 349-350.
121.Шамшинский клад / И. Кожомбердиев, Е. Е. Кузьмина // По следам памятников истории и культуры Киргизстана / отв. ред. В. М. Массон, В. М. Плоских. — Фрунзе, 1982. — С. 11-18.
122.On the semantics of the images on the Chertomlyk vase // Soviet anthropology and archaeology. — N.Y., 1982. — Vol. 21. — № 1, 2. — P. 120-138.

1983

123.Некоторые идеологические представления усуней Семиречья // Культура и искусство Киргизии : тез. докл. — Л., 1983. — Вып. 1. — С. 49-50.
124.О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени. Методика анализа памятников // ВДИ. — 1983. — № 1. — С. 95-106.
125.Происхождение гончарства ведических ариев // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. — М., 1983. — Вып. 5. — С. 23-33.
126.Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen- und Oasenkulturen in Mittelasien / E.E.Kuz'mina, N.M.Vinogradova // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. — München, 1983. — Bd. 5. — S. 35-55.
127.Éléments de l'Iran et du Proche-Orient anciens dans l'art scythe // Arts Asiatiques. — Paris, 1983. — T. 38, № 1. — P. 5-19. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/arasi_0004-3958_1983_num_38_1_1162 (дата обращения: 12.02.2014)
128.Stages in the development of wheeled transport in Central Asia during the Aeneolithic and Bronze Ages : (on the problem of the migration of Indo-Iranian tribes) // Soviet studies in history : the Indo-European problem: recent Soviet contributions. — N.Y., 1983. — Vol. 22. — № 1-2. — P. 96-142.

1984

129.Лингвистический и археологический аспекты проблемы происхождения и расселения индоиранских народов // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока : тез. докл. — М., 1984. — Ч. 1. — С. 44-47.
130.Миграции в Евразийских степях и Подунавье в свете некоторых археолого-этнографических данных // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии : предварительные материалы к международному симпозиуму. — М., 1984. — С. 22-23.
131.Новые находки степной керамики на Мургабе / Е. Е. Кузьмина, А. А. Ляпин // Проблемы археологии Туркменистана. — Ашхабад, 1984. — С. 6-22.
132.Новый микрорайон андроновских памятников на р. Джарлы / Е. Е. Кузьмина, С. А. Попов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 141-147.

133.О происхождении одного керамического комплекса Индии эпохи раннего железа // Раннежелезный век Средней Азии и Индии : (тез. докл. членов советской делегации на первом советско-индийском симпозиуме). — Ашхабад, 1984. — С. 38-39.

134.Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ. — 1984. — № 1. — С. 93-108.

135.[Рец. на кн.]: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983. // ВДИ. — 1984. — № 3. — С. 130-133.

136.Ancient Iranian and Near Eastern elements in Scythian art // Persica : Annuaire de la Société Néerlando-iranienne. — Leiden, 1984. — T. 11. — P. 37-71.

137.Two crowns found at Tillya-Tepe and their significance / Е. Е. Кузьмина, В. И. Сарианиди // Cultura antiqua. — Kioto, 1984. — Vol. 36, № 8. — P. 27-34. (На япон. яз.).

1985

138.Занавес поднимается // Знание — сила. — 1985. — № 11. — С. 38-42. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000055/st000.shtml (дата обращения: 02.09.2009).

139.К методике выделения художественных школ Средней Азии и Казахстана в VII-VI вв. до н.э. // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии : тез. докл. науч. конф., 26-29 мая 1985 г., Дальверзин-тепе. — Ташкент, 1985. — С. 64-65.

140.Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии : информ. бюллетень. — М., 1985. — Вып. 9. — С. 24-45.

141.Новая стоянка эпохи бронзы в Киргизии и проблемы заселения Семиречья андроновскими племенами / Е. Е. Кузьмина, В. П. Мокрынин // Из истории дореволюционного Киргизстана. — Фрунзе, 1985. — С. 270-280.

142.Погребальный обряд пастушеских племен евразийских степей в свете данных индоиранской традиции // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 17–21 мая 1985 г. : тез. докл. / отв. ред.: В. П. Шилов, Дж. А. Халилов. — Баку, 1985. — С. 201-202.

143.Les contacts entre les peuples de la steppe et les agriculteurs et la problème de l'iranisation de la Bactriane ancienne // L'archéologie de la Bactriane ancienne : Actes du colloque franco-soviétique, Dushanbe (U.R.S.S.), 27 oct. — 3 nov. 1982. — P., 1985. — P. 289-290.

144.* The struggle of the beasts in Eurasian animal style art // Eurasia. — Tokyo, 1985. (На япон. яз.)

1986

145.Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / отв. ред. В. П. Мокрынин. — Фрунзе : Илим, 1986. — 134 с. : ил. — Библиогр.: с. 129-132.

146.Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / под ред. Б. А. Литвинского. — М., 1986. — С. 152-182. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kroraina.com/ca_1986/ca_1986_8.htm (дата обраще-ния: 12.02.2014)

147.Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы / Н.М.Виноградова, Е.Е.Кузьмина // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. — М., 1986. — С. 126-151. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kroraina.com/ca_1986/ca_1986_7.htm (дата обраще-ния: 12.02.2014).

148.О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. Вып. 4. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока / отв. ред. И. М. Дьяконов. — М., 1986. — С. 169-228.

149.[Рец. на кн.]: История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1984 // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. — М., 1986. — Вып. 11. — С. 113-118.

1987

150.Дионис у усуней : (о семантике Каргалинской диадемы) // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / отв. ред.: Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. — М., 1987. — С. 158-181.

151.Еще раз о происхождении юрты / Е.Е. Кузьмина, В.А. Лившиц // Прошлое Средней Азии : археология, нумизматика и эпиграфика, этнография. — Душанбе, 1987. — С. 243-250.

152.Классификация погребальных сооружений племен андроновской культурной общности // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : тез. докл. обл. науч. конф. по разделам «М. П. Грязнов и его место в археологии», «Теория и методология археологии», «Каменный и бронзовый века», «Скифская проблема». — Омск, 1987. — Ч. 1. — С. 102-105.

153.Контакты племен евразийских степей с земледельческими народами юга Средней Азии // Проблемы археологии степной Евразии : тез. докл. / отв. ред. В. Н. Добжанский. — Кемерово, 1987. — Ч. 1. — С. 21-23.

154.Некоторые аспекты раскрытия информационного потенциала музейной вещи // Духовное богатство социалистического общества : материалы гор. науч.-практ. конф. — Балаково, 1987. — С. 54-55.

155.О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. — Киев, 1987. — С. 48-69.

156.Проблемы реконструкции социального строя бесписьменных пастушеских племен на периферии древневосточных обществ // Десятая авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» : тез. докл. — М., 1987. — С. 14-16.

157.Процессы миграции и интеграции в этнической истории Казахстана и Средней Азии в эпоху бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций : тез. докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов, Алма-Ата, 19–24 окт. 1987 г. — Алма-Ата, 1987. — С. 73-74.

158.Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология / отв. ред.: А. И. Мартынов, В. И. Молодин. — Новосибирск, 1987. — С. 3-12.

159.The motif of the lion-bull combat in the art of Iran, Scythia and Central Asia and its semantics // Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata / eds.: G.Gnoli, L. Lanciotti. — Roma, 1987. — P. 729-745. — (Serie Orientale ; vol. 56, № 2).

1988

160.Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Ин-т истории, филологии и философии Сибир. отд-ния АН СССР. — Новосибирск, 1988. – 34 с.

161.Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. — Челябинск, 1988. — С. 31-45.

162.Еще раз о хронологии и этнической принадлежности памятников федоровского типа андроновской общности // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири : тез. докл. и сообщ. науч. конф. — Барнаул, 1988. — С. 95-97.

163.Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. — 1988. — № 2. — С. 35-59.

1989

164.Ахеменидский имперский канон и локальные художественные школы // Кавказ и цивилизации Древнего Востока : материалы Всесоюз. науч. конф. — Орджоникидзе, 1989. — С. 36-37.

165.Создана Музейная комиссия востоковедов // Сов. музей. — 1989. — № 3. — С. 64.

1990

166.Аркаим не должен быть разрушен! // Вестник Музейной комиссии : Семиотика. Философия. История. Народоведение. Культурология. Социология / АН СССР. Всесоюзная Ассоциация востоковедов / отв. ред. Е. Е. Кузьмина. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 186-190. — То же: см. № 205. — То же: Красная книга культуры // Историко-культурный заповедник областного значения «Аркаим» [Электронный ресурс].

— Режим доступа: http://www.arkaim-center.ru/index.php?page=41 (дата обращения: 30.03.2011).

167.Введение // Вестник Музейной комиссии : Семиотика. Философия. История. Народоведение. Культурология. Социология / АН СССР. Всесоюзная Ассоциация востоковедов / отв. ред. Е Е Кузьмина. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 5-6.

168.[Выступление по проблемам межнациональных культурных связей, сохранения и развития национальных культур] // Стенографический отчет о встрече работников органов культуры сопредельных областей РСФСР и Казахстана по проблемам межнациональных культурных отношений. — Омск, 1990. — С. 7-9.

169.Изучение славянского фольклора в контексте некоторых зарубежных концепций // Фольклор и современный мир : Европейский симпозиум. — Киев, 1990. — С. 4-6.

170.К вопросу о новых задачах учреждений культуры в возрождении национальных традиций / В. С. Евстигнеев, Е. Е. Кузьмина // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР : Всесоюз. науч. конф. «Национальные и социально-культурные процессы в СССР» : тез. докл. / отв. ред. Н. А. Томилов. — Омск, 1990. — С. 17-19.

171.* Культура и природа: динамика взаимодействия пастушеских племен с экологической средой Евразийской степи // История взаимодействия общества и природы : факты и концепции, Москва, дек. 1990 г. : тез. докл. — М., 1990. — Ч. 2/3. — С. 83-85.

172.Культурные традиции и механизмы их трансляции в современном обществе // Традиции в многонациональном обществе : тез. докл. Всесоюз. науч. конф., Минск, 12-15 нояб. 1990 г. — Минск, 1990. — С. 100-101.

173.Культурные традиции народов Сибири и музей // Вестник Музейной комиссии: Семиотика. Философия. История. Народоведение. Культурология. Социология / АН СССР. Всесоюзная Ассоциация востоковедов / отв. ред. Е. Е. Кузьмина. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 19-40.

174.Некоторые категории материальной культуры осетин и проблема происхождения индоиранцев // Вопросы иранистики и алановедения : науч. конф., посвящен. 90-летию В. И. Абаева, Владикавказ, 18-20 окт. 1990 г. : тез. докл. / отв. ред. и сост. В. М. Гусалов. — Владикавказ, 1990. — С. 37-39.

175.Отражение финно-угорско-индо-иранских связей в музейных собраниях РСФСР и перспектива создания новых экспозиций // История культуры советского общества : Всесоюз. науч. конф. «Национальные и социально-культурные процессы в СССР» : тез. докл. — Омск, 1990. — С. 121-122.

176.Пути к взаимоуважению [Обзор] // Известия культуры России. — М., 1990. — Вып. 6. — С. 74-78.

177.Работа зарубежных музеев с подрастающим поколением (на материалах музеев Англии). — М., 1990. — 16 с. — (Музейное дело и охрана памятников : экспресс-информация / Гос. б-ка им. В.И.Ленина, Информкультура ; вып. 2).

178.Создание Музейной комиссии Всесоюзной ассоциации востоковедов // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. — М., 1990. — Вып. 16. — С. 128-129.

179.Финноугры и индоиранцы: динамика культурных связей // Uralo-Indogermanica : балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей : материалы III Балто-славянской конференции, 18-22 июня 1990 г. — М., 1990. — Ч. 2. — С. 33-39. — То же: см. № 227.

Научное редактирование

Вестник Музейной комиссии: Семиотика. Философия. История. Народоведение. Культурология. Социология / АН СССР. Всесоюзная Ассоциация востоковедов / отв. ред. Е. Е. Кузьмина. — М. : Наука, 1990. — Вып. 1.

1991

180.О диалектике функций историко-культурного музея : музей как средство межкультурной трансляции и внутрикультурной рефлексии / А. С. Кузьмин, Е. Е. Кузьмина // Музееведение : Музеи мира. — М., 1991. — С. 66-71.

181.Предисловие // Музееведение : Музеи мира. — М., 1991. — С. 3-6.

182.* Роль культуры в решении межнациональных проблем // Межнациональные проблемы и конфликты: поиски путей их решения : тез. докл. науч. конф., 12–14 сент. 1991 г., г. Бишкек — Чолпон-Ата. — Бишкек, 1991.

183.Традиции материальной культуры индоиранцев в нартовских сказаниях и этнографии осетин // Осетиноведение: история и современность : I Междунар. науч. конф., Владикавказ, 12-18 окт. 1991 г. — Владикавказ, 1991. — С. 74-77.

184.Die urgeschichtliche Metallurgie der Andronovo-Kultur: Bergbau, Metallurgie und Metallbearbeitung // Zeitschrift für Archäo-logie. — Berlin, 1991. — Bd. 25. — № 1. — S. 29-48.

Научное редактирование

185.Музееведение : Музеи мира / отв. ред. Е. Е. Кузьмина; М-во культуры и туризма РФ ; Рос. акад. наук ; НИИ культуры. — М., 1991. — 378 с., ил. — (Сб. науч. тр. / НИИ культуры) —Библиогр.: с. 363-364. — Рез. англ. — На обл.: Музеи мира.

1992

186.Национальная культурная политика Великобритании и музей : пособие для аспирантов / НИИ культуры. — М., 1992. — 63 с. : ил. — (Этнология и проблемы культурного проектирования).

187.Изобразительное искусство азиатских степей эпохи бронзы // Культурно-историческое единство Евразии и Великий Шелковый путь : (интеграционная роль искусства, экология, этногенез) : сб. тез. семинара. — М., 1992. — № 2. — С. 19—24.

188.Несколько древних индоиранских сюжетов на петроглифах Средней Азии и Казахстана // Культура Востока: проблемы и памятники : краткие тез. докл. науч. конф., С.-Петербург, 21–25 янв. 1992 г., [посвящ. памяти В. Г. Луконина]. — СПб., 1992. — С. 49-51.

189.Работа зарубежных музеев с подрастающим поколением (на примере музеев Англии) // Информ. сообщение / Гос. б-ка им. В. И. Ленина.— М., 1992. — Вып. 2, сообщ. № 5. — 21 с.

190.Современное состояние традиционных культур и проблемы возрождения этнических традиций // Традиционное и новое в культуре народов России : тез. докл. и выступлений на всерос. конф. — Саранск, 1992. — С. 12.

191.Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Евразия от древности до средневековья : тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. — СПб., 1992. — С. 43-45.

192.Шортугай: проблемы соотношения этноса и материальной культуры : [Рец. на кн.] H.-P.Francfort. Fouilles de Short-ughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. P., 1989, Vol. 1, 2 // ВДИ. — 1992. — № 4. — С. 172-183.

193.Этапы развития культурных связей финноугров и индоиранцев в свете лингвистических и археологических данных // Suomen varhaishistoria : Tornion kongressi 14.-16.6.1991 : esitelmät, referaatit. — Rovaniemi, 1992. — P. 215-230. — (Studia historica septentrionalia ; t. 21.). — То же: см. № 200.

194.The evolution of cultural ties between the Finno-Ugrians and the Indo-Iranians // Altaic religious beliefs and practices : pro-ceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Budapest, June 24-29, 1990 / ed. G. Bethlenfalvy et al. — Budapest, 1992. — P. 215-220.

1993

195.Концепция развития Таймырского окружного музея / Л.Г.Блюдова, Е.Л.Галкина, Е.Е.Кузьмина и др. ; ред.: Н. А. Никишин, В. Ю. Дукельский ; Рос. ин-т культурологии ; Таймыр. окруж. краевед музей. — М. ; Дудинка, 1993. — 128 с.

196.Дискуссионные проблемы периодизации развития скотоводческого хозяйства в степях Евразии // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тез. докл. XII Уральского археологического совещания 19-22 апреля 1993 г. / под ред. И. Б. Васильева. — Екатеринбург, 1993. — С. 113-115.

197.Инновационный культурный центр как этностабилизирующий фактор региона // Региональные проблемы межнациональных отношений в России : материалы всерос. конф. / отв. ред. Н. А. Томилов. — Омск, 1993. — С. 168-172.

198.* Перспективы исторического развития самодийцев // Проблемы этнической истории самодийских народов : сб. докл. науч. конф. / отв. ред. В. И. Матющенко. — Омск, 1993.

199.Уральские народы и их прародина в свете лингвистических и археологических данных // Проблемы этнической истории самодийских народов : сб. докл. науч. конф. / отв. ред. В. И. Матющенко. — Омск, 1993. — Ч. 1. — С. 3-9.

200.Этапы развития культурных связей финноугров и индоиранцев в свете лингвистических и археологических данных // Oulun Yliopisto Historian Laitos. Erikoispainossarja. — Oulu, 1993. — № 300. — P. 215-230. — То же: см. № 193.

201.Les steppes de l'Asie Centrale á l'époque du bronze: la culture d'Andronovo // Découverte de la civilisations d'Asie centrale. — P., 1993. —— P. 82-89. — (Les dossiers d'archéologie ; № 185.)

1994

202.Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Рос. акад. наук ; М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии ;

ред. М. Н. Погребова. — М. : Вост. лит. ; Калина ВИНИТИ РАН, 1994. — 464 с. : 10 карт; 63 рис. — Библиогр.: с. 281-364. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.arheolog-ck.ru/Kuzmina-1994.pdf (дата обращения: 25.03.2014)

203.Horses, chariots and the Indo-Iranians: an archaeological spark in the historical dark // South Asian archaeology. 1993 : proceedings of the 12th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University 5-9 July 1993 / ed. by A. Parpola, P. Koskikallio. — Helsinki, 1994. — Vol. 1. — P. 403-412. — (Suomalaisen Tiedeakatemian toimituk-sia. Sar. B ; n. 271).

204.The stages of development of stock breeding, husbandry and ecology of the steppes in the light of the archaeological and paleozoological data (4th millennium BC — 8th century AD) // The archaeology of the steppes: methods and strategies : Papers from the international symposium held in Naples, 9-12 November 1992 / B. Genito (ed.). — Napoli, 1994. — Vol. 44. — P. 31-71. — (Dipartimento di Studi Asiatici Istituto Universitario Orientale. Series minor).

1995

205.Аркаим не должен быть разрушен! // Аркаим : Исследования. Поиски. Открытия / науч. ред.

Г. Б. Зданович; сост. Н. О. Иванова. — Челябинск, 1995. — С. 220-222. — То же: см. № 166.

206.Евразийская степь: интенсивный или экстенсивный путь исторического развития? // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : III Междунар. конф. — Челябинск, 1995. — Ч. 5, кн. 1. — С. 83-88.

207.Методы раскрытия информационного потенциала наскальных изображений // Наскальное искусство Азии : тез. докл. Междунар. конф. — Кемерово, 1995. — С. 37-39.

208.Процессы конвергенции и дивергенции в истории народов степной зоны Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы : материалы конф. и дискуссии, 21-25 авг. 1995 г., Саратов / отв. ред. В. С. Бочкарев. — СПб., 1995. — Ч. 2. — С. 11-13. — (Археологические изыскания ; вып. 25).

209.Роль в истории человечества культуры малочисленных народов Севера и задачи ее сохранения и презентации // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур : тез. Междунар. науч. конф., Новосибирск (Академгородок), 26-30 июня 1995 г. Т. 2 : Археология. Этнография. — Новосибирск, 1995. — С. 147-149.

210.Эволюция экологии Понто-Каспийских степей и динамика культуры пастушеских народов Евразии // Лик сфинкса : материалы исследовательской программы «Генезис кризисов природы и общества в России» и IV междунар. науч. конф. «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» / под ред. Э. С. Кульпина. — М., 1995. — С. 165-167. — (Социоестественная история ; вып. 6).

211.* Этапы развития коневодства в степях Евразии // Ранние коневоды степей Евразии = Early horse keepers of the Eurasians steppes. — Петропавловск, 1995. — С. 14-15, 37-39.

212.Этноисторический процесс сегодня / Е. Е. Кузьмина, А. С. Кузьмин // Наука о культуре: итоги и перспективы : информ.-аналит. сб. / Рос. гос. б-ка. — М., 1995. — Вып. 4. — С. 52-55.

1996

213.Комплексный анализ исторических источников в целях этногенетических реконструкций (на примере индоиранцев) // Древность: историческое знание и специфика источника : тез. докл. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского (25-27 сент. 1996 г.). — М., 1996. — С. 77-79.

214.Экология степей Евразии и предыстория Великого Шелкового пути // Человек и природа: проблемы социоестественной истории : V науч. конф., Феодосия, Республика Крым, 5-11 сент. 1996 г. / ред. Э. С. Кульпин. — М., 1996. — С. 50-51. — (Социоестественная история ; вып. 8).

215.Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. I. Сложение скотоводческого хозяйства // ВДИ. — 1996. — № 2. — С. 73-85.

216.Contacts between the steppe and agricultural tribes of Central Asia in the Bronze Age / N. Vinogradova, E. Kuzmina // Anthropology & archaeology of Eurasia. — N.Y., 1996. — Vol. 34, № 4. — P. 29-54.

217.* Cultural connections of the Tarim Basin people and the Andronovo culture: Shepherds of the Asian Steppes during the Bronze Age : paper presented to the International Conference on the Bronze Age and Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. 19-21, April. — Philadelphia, 1996.

1997

218.Актуальные проблемы российского музейного дела // Музеи Москвы и музеология XX века : тез. науч. конф., 25-26 нояб. 1997 г. / отв. ред. Ю. У. Гуральник. — М., 1997. — С. 6-8.

219.Бронзовый век // Хрестоматия по истории Кыргызстана (с древнейших времен до XX в.) : пособие для общеобразоват. шк. и вузов / сост. В. А. Воропаева. — Бишкек, 1997. — С. 12-15.

220.Динамика экономики и социальной стратификации пастушеских племен Азиатских степей // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири : материалы Всерос. науч. конф. — Барнаул, 1997. — С. 41-45.

221.* Музей как центр ноосферного образования // Ноогенез и образование. — Красноярск, 1997.

222.Некоторые современные концепции и проблема модернизации музеев России // Музей и этнология [Электронный ресурс]. — М., 1997. — С. 119-139. — Режим доступа: http://www.museum.ru/future/lmp/web/archive/m-pro_2.pdf (дата обращения: 30.03.2011). — (MUSEUM PRO ; вып. 2.0.).

223.Предыстория Великого шелкового пути : евразийская степь — перекресток культурных связей Старого Света в эпоху бронзы // Россия и Восток: археология и этническая история : материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» / гл. ред. Н. А. Томилов. — Омск, 1997. — С. 23-26.

224.Проблемы модернизации русской культуры: соотношение инновационного потенциала и традиции / Е. Е. Кузьмина, А. С. Кузьмин // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте : (культурол. очерки) / отв. ред. В. Х. Болотоков. — М. ; Нальчик, 1997. —

С. 92-117.

225.Роль музея в решении этнических проблем: анализ исторического опыта // Музей и этнология [Электронный ресурс]. — М., 1997. — С. 9-38. — Режим доступа: http://www.museum.ru/future/lmp/web/archive/m-pro_2.pdf (дата обращения: 30.03.2011). — (MUSEUM PRO ; вып. 2.0.).

226.Русские в многонациональном регионе (по материалам социологического исследования) / Ю.У.Гуральник, Е.Е.Кузьмина // Музей и этнология [Электронный ресурс]. — М., 1997. — С. 179-185. — Режим доступа: http://www.museum.ru/future/lmp/web/archive/m-pro_2.pdf (дата обращения: 30.03.2011). — (MUSEUM PRO ; вып. 2.0.).

227.Финноугры и индоиранцы: динамика культурных связей // Балтославянские исследования, 1988—1996. — М., 1997. — С. 184-190. — То же: см. № 179.

228.Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. II. Возникновение кочевого скотоводства // ВДИ. — 1997. — № 2. — С. 81-95.

229.Этапы развития транспорта как основа хронологии памятников степей Евразии // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс Сарат. обл., 12-17 мая 1997 г. — Саратов, 1997. — С. 21-23.

230.The cultural connections between the shepherds of the steppes and South Central Asia, Afghanistan

and India in the Bronze Age // South Asian archaeology, 1995 : proceedings of the 13th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists. Cambridge, 5-9 July 1995 / ed. R. Allchin, B. Allchin. — Cambridge, 1997. — P. 279-289.

231.* The Eurasian steppe: the transition from early urbanism to nomadism // III International Conference of European Association of Archaeologists. — Ravenna, 1997. — P. 50.

1998

232.Андроновское искусство : образы коня и верблюда // Международная конференция по первобытному искусству : тез. докл., Кемерово, 3-8 августа 1998 г. / отв. ред. Я. А. Шер. — Кемерово, 1998. — С. 41-43.

233.Культурные связи населения бассейна Тарима с пастухами андроновской культуры азиатских степей в эпоху бронзы // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы Междунар. симпозиума / отв. ред. В. И. Молодин. — Новосибирск, 1998. — Т. 1. — С. 316-319.

234.Методика этноархеологических реконструкций. Этногенез индоиранцев // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы VI Междунар. научного семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д. Н. Анучина / ред. Н. А. Томилов. — Омск, 1998. — Ч. 1. — С. 131-134.

235.Новейшие данные о динамике культуры евразийских степей в эпоху энеолита и бронзы // Древние цивилизации Евразии: история и культура : тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Б. А. Литвинского. Москва, 14-16 окт. 1998 г. — М., 1998. — С. 51-53.

236.Почему начался культурологический бум в России? / Е. Е. Кузьмина, Е. В. Матюнина // Социально-политический журнал. — М., 1998. — № 3. — С.229-243.

237.Cultural connections of the Tarim bassin people and pastoralists of the Asian steppes in the Bronze Age // The Bronze Age and Early Iron Age peoples of Eastern Central Asia / ed. by V. H. Mair. — Washington, DC, 1998. — Vol. 1. — P. 63-93. — (Journal of Indo-European Studies Monograph Series ; 26).

238.* Synchronization of the cultures of the Near East and Eurasian steppes in the Bronze Age // First International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, Rome, May 18th-23rd 1998. — Roma, 1998.

239.Three methods of chronologization and three directions of synchronization of the sites of the Bronze Age in the steppes of Eurasia // 4th Annual meeting of European Association of Archaeologists : abstracts book. — Göteborg, 1998. — P. 90-91.

1999

240.Андроновская культура и индоиранская проблема // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова : тез. докл., Москва, 20-24 дек. 1999 г. — М., 1999. — С. 93-95.

241.Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии III–I тыс. до н.э. — Челябинск, 1999. — С. 268-272.

242.Методика этнологических реконструкций: современные подходы (на примере индоиранцев) // III Конгресс этнографов и антропологов России, 8-11 июня 1999 г. : тез. докл. — М., 1999. — С. 42-43.

243.Некоторые дискуссионные проблемы культуры степей Урала и сопредельных территорий в эпоху энеолита и бронзы // XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апр. 1999 г.) : тез. докл. — Челябинск, 1999. — С. 88-89.

244.Предыстория Великого Шелкового пути: контакты населения евразийских степей и Синьцзяна в эпоху бронзы // ВДИ. — 1999. — № 1. — С. 163-177.

245.Chariot-warriors on their way from East Europe to India // Fifteenth International Conference on South Asian archaeology : abstracts. 5th-9th July 1999, Leiden University. — Leiden, 1999. — P. 24-25.

246.Du nouveau dans la chronologie de L'Asie Central du Chalcolithique à l'âge du Fer / H. P. Francfort, E. Kuzmina // Actes du colloque «C14 et Archéologie». Paris, 1998 / eds.: J. Evin, Ch. Oberlin, J. P. Daugas, and J. F. Salles. — Paris, 1999. — P. 467-469. — (Mémoires de la Société Préhistorique Française ; vol. 26).

247.* Tradition Andronovo // World Internet encyclopedia of Prehistory / ed. by P. Peregrine. — Chicago, 1999.

2000

248.Актуальные вопросы российского музейного дела и проблемы интерпретации археологических материалов музейными средствами // Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. — М., 2000. — С. 45-49. — (Тр. Гос. ист. музея ; вып. 113).

249.Еще раз о происхождении колесниц Евразии // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. — Донецк, 2000. — С. 85-86.

250.Кони и колесницы Южного Урала и индоевропейские мифы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала / ред. В. В. Ткачев. — Орск, 2000. — С. 3-9.

251.Культурные и торговые связи города Ош и Ферганы с Северо-Западным Китаем во II тыс. до н.э.: (предыстория Великого Шелкового пути) // Ош и Фергана в исторической перспективе / отв. ред. В. М. Массон. — Бишкек, 2000. — Вып. 3. — С. 3-5. — (Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана).

252.Металлические изделия как источник изучения культурных связей Семиречья, Южной Сибири и Синьцзяна в эпоху бронзы // Исторический ежегодник : спец. вып. — Омск, 2000. — С. 113-119.

253.Новые данные о распространении колесниц в Евразии и расселение индоиранцев // Древность: историческое знание и специфика источника : материалы конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского (3–5 окт. 2000 г). — М., 2000. — С. 72-75.

254.Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ : памяти И. М. Дьяконова. — 2000. — № 4. — С. 3-20.

255.Charioteer-warriors in the East European Bronze Age // 6th Annual meeting of the European Association of Archaeologists. Lisbon, Portugal, 10th-17th September 2000 : final programme and abstracts. — Lisbon, 2000. — P. 151-152.

256.The Eurasian steppes: the transition from early urbanism to nomadism // Kurgans, ritual sites, and settlements: Eurasian Bronze and Iron Age / ed. by J. Davis-Kimball, E. M. Murphy, L. Koryakova, L. T. Yablonsky. — Oxford, 2000. — P. 118-125. — (British Archaeological Reports : International Series ; 890). — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.csen.org/BAR%20Book/04%20Part%203.%20Bronze.Int.pdf (дата обращения: 02.12.2011).

257.* The Mother-goddes in Iran and Central Asia // II International Congress on the Archaeology of Ancient Near East. — Copenhagen, 2000.

258.* Origins of Pastoralism in the Eurasian Steppes // Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe : papers presented for the Symposium to be held 12-16 January 2000 at the McDonald Institute for Archaeological Research, Cambridge. — Cambridge, 2000.

2001

259.Время истории Волго-Уралья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы междунар. конф. «К 100-летию периодизации В. А. Городцова бронзового века Восточной Европы». — Самара, 2001. — С. 68-71.

260.Доместикация и этапы использования коня в Евразийских степях и Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства : материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. В. М. Массон. — Ашхабад, 2001. — С. 9-10.

261.Место андроновской культурной общности в Евразии // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. — Оренбург, 2001. — С. 87-90.

262.Мифологические представления о коне в культуре индоевропейцев // Миф. 7 : На акад. Дмитрий Сергеевич Раевский. Ἀποθέωσις / под ред. М. Погребовой, Е. Антоновой, В. Петрухина, С. Игнатова, И. Маразова. — София, 2001. — С. 117-134.

263.Andronovo // Encyclopedia of Prehistory. Vol. 4: Europe / ed. by P. Peregrine, M. Ember. — N.Y., 2001. — P. 1-22.

264.Contacts between Finno-Ugric and Indo-Iranian speakers in the light of archaeological, linguistic and mythological data // Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations / eds.: Chr. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio. — Helsinki, 2001. — P. 289-300. — (Suomalais-Ugrilaisen

Seuran Toimituksia ; vol. 242).
265.*The development of wheeled transport in Iran, Central Asia, Afghanistan and India in the Bronze Age // XVI International conference on South Asian Archaeology. — Paris, 2001. — P. 68.
266.The first migration wave of Indo-Iranians to the South // The Journal of Indo-European Studies. — 2001. — Vol. 29, № 1-2. — P. 1-40.
267.Pre-history of the Great Silk Road: cultural connections of Xinjiang population with Andronovo culture tribes in the Bronze Epoch // Silk Road art and archaeology : Journal of the Institute of Silk Road Studies. — Kamakura, 2001. — Vol. 7. — P. 1-20.

2002

268.Мифология и искусство скифов и бактрийцев : (культурологические очерки) = Mythology and art of Scythians and Bactrians : (essays on cultural history) / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. — М., 2002. — 288 с. — 16 л. ил. — Библиогр.: с. 265-273.
269.М. П. Грязнов и изучение культуры андроновских племен // Степи Евразии в древности и средневековье : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. — СПб., 2002. — Кн. 1. — С. 50-52.
270.Проблемы этнической идентификации и мифологизации в современной России // Ориентиры культурной политики. — М., 2002. — Вып. 10. — С. 28–30.
271.Chariots in the European steppes and Greece // 8th European Association of Archaeologists annual meeting, 24-29 Sept. 2002, Thessaloniki, Hellas : abstracts book. — Thessaloniki, 2002. — P. 225-226.
272.[Comments on C. Lamberg-Karlovsky] On the origin of the Indo-Iranians // Current anthropology. — 2002. — Vol. 43. — № 2. — P. 303-304. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/10.1086/339377 (дата обращения: 10.04.2011).
273.Comments on Kazanas' "Indigenous Indo-Aryans and the Rigveda" // The Journal of Indo-European Studies. — 2002. — Vol. 30, № 3-4. — P. 365-373.
274.Cultural connections between Ponto-Caspian steppes and Greece in the Mycenaen epoque // 8th European Association of Archaeologists annual meeting, 24-29 Sept. 2002. Thessaloniki, Hellas : abstracts book. — Thessaloniki, 2002. — P. 175-176.
275.Ethnic and cultural interconnections between Iran and Turan in the 2nd millennium BC // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st millennium — regional specifics in light of global models BC. Vol. 1: Ethnos, language, culture; General problems; Studying Statistics; The Eneolithic and Bronze Ages / ed. by K. Jones-Bley, D. G. Zdanovich. — Washington D.C., 2002. — P. 21-35. — (Journal of Indo-European Studies Monograph Series ; 45).
276.Session abstract [Session: Transport and horsebreeding in Europe in the Eneolithic, Bronze and Early Iron Ages] // 8th European Association of Archaeologists annual meeting, 24-29 Sept. 2002. Thessaloniki, Hellas : abstracts book. — Thessaloniki, 2002. — P. 224-225.

2003

277.Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. — Чебоксары, 2003. — С. 76-77.
278.Иран, Бактрия и формирование скифского звериного стиля // Центральная Азия: источники, история, культура : тез. докл. конф., посвящ. 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. Москва,
3-5 апр. 2003 года. — М., 2003. — С. 80-82.
279.Проблемы этнической идентификации и мифологизации в современной России // V Конгресс этнографов и антропологов России, Омск, 9-12 июня 2003 г. : тез. докл. / отв. ред. В. А. Тишков. — М., 2003. — С. 301.
280.Схема В. А. Городцова и классификация пастушеских культур Средней Азии // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В. А. Городцова : тез. конф. — М., 2003. — Ч. 1. — С. 159-160.
281.Ecology, settlements and houses in the Bronze Age steppes and the Indo-European context // European Association of Archaeologists. 9th Annual meeting. 10th – 14th September, 2003. St. Petersburg, Russia. — St. Petersburg, 2003. — P. 119-120.
282.Genesis of the Indo-Iranians: archaeological and linguistic aspects : the summary of lecture given by Prof. E. Kuzmina on November 11, 2002, at Stanford University // The Silk Road. — 2003. — Vol. 1. — № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.silk-road.com/newsletter/volumeonenumberone/summary.html (дата обращения: 29.12.2013).
283.* Iran, Bactria and the genesis of Scythian animal style // XVII International conference on South Asian archaeology. — Bonn, 2003.
284.Origins of pastoralism in the Eurasian steppes // Prehistoric steppe adaptation and the horse / eds.: M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle. — Cambridge, 2003. — P. 203-232.

2004

285.Андроновские традиции в культуре народов Сибири // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Пятых сибирских чтений (С.-Петербург, 17–19 окт. 2001 г.). — СПб., 2004. — Ч. 1. — С. 106—110.
286.Древнейшие этнические и культурные связи Ирана и Турана // Transoxiana. — Ташкент, 2004. — С. 127-133.
287.Культурные и торговые связи города Ош и Ферганы с северо-западным Китаем во II тыс. до н.э.: (предыстория Великого шелкового пути) // Центральная Азия и культура мира. — Бишкек, 2004. —
N 1/2. — С. 23-27.
288.Перспективы ведийской археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии : к 75-летию А. А. Формозова. — М., 2004. — С. 212-223.
289.Современное состояние проблемы доместикации лошади и происхождения колесниц // У истоков цивилизации : сб. ст. к 75-летию В. И. Сарианиди / ред.: М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова. — М., 2004. — С. 129-141.
290.* The chronology of East European cultures in the Bronze Age // 34th International Symposium on Archaeometry. 3-7 May 2004, Zaragoza, Spain : Program and abstracts. — Zaragoza, 2004. — P. 118.
291.The genesis of the Indo-Aryans in the light of data from historical tradition and archaeology // Proceedings of the Fifteenth Annual UCLA Indo-European Conference. Los Angeles, November 7–8, 2003 / ed.
by K. Jones-Bley, M. E. Huld et al. — Washington, DC, 2004. — P. 96-137. — (Journal of Indo-European Studies Monograph Series ; 49)
292.Historical perspectives on the Andronovo and early metal use in Eastern Asia // Metallurgy in ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow river / ed. by K. M. Linduff. — Lewiston, N.Y., 2004. — P. 37-84. — (Chinese Studies ; vol. 31)

2005

293.К вопросу о современном состоянии проблемы происхождения индоиранцев // Центральная Азия: источники, история, культура : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию
Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского : Москва, 3-5 апр. 2003 г. / отв. ред.: Е. В. Антонова, Т. К. Мкртычев. — М., 2005. — С. 383-411.
294.Памятники эпохи финальной бронзы степей Евразии (в порядке дискуссии) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры : (к юбилею профессора Т. Н. Троицкой). — Новосибирск, 2005. — Т. 2. — С. 73-85.
295.Chronology of the Late Bronze and Early Iron Age Monuments in the Northern Bactria / N. Vinogradova, E. Kuzmina // Biennial Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, Clore Centre at British Museum, July 4-8, 2005 : handbook of papers and panels. — L., 2005. — Vol. 2. — P. 34-35. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ucl.ac.uk/southasianarchaeology/Conference%20Handbook%20Vol%202.pdf (дата обращения: 21.12.2013).
296.The riders in Pontic area in the 1st millennium BC // Third international Congress on Black Sea antiquities (Pontic Congress) : the Black Sea Area and relations with ancient Central and Eastern Europe (1st millennium BC — 5th century AD). Prague, 11-18 September 2005 : programme and abstracts of papers and posters / eds.: G. Tsetskhladze, J. Bouzek. — Prague, 2005. — P. 20.

297.* The technology of ceramic manufacture in the East European Steppes in the 2nd millennium BC // 8th European Meeting on Ancient ceramics. — Lyon, 2005. — P. 72-73.

298.The Vedic Aryans' burial rites and their archaeological parallels // Biennial Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, Clore Centre at the British Museum, July 4-8, 2005 : handbook of papers and panels. [Электронный ресурс]. — L., 2005. — Vol. 2. — P. 33. — Режим доступа: http://www.ucl.ac.uk/southasianarchaeology/Conference%20Handbook%20Vol%202.pdf (дата обращения: 10.04.2011).

2006

299.Миграции пастушеских племен Средней Азии в эпоху бронзы и роль Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 2006. — Вып. 15. — С. 243—247

300.О некоторых основаниях культурологии как науки и ее месте среди иных дисциплин = Cultural Sciences: Reflections on First Principles and the Academic Status // Первый Российский культурологический конгресс : Программа. Тез. докл. С.-Петербург, 25-29 августа 2006 г. = The First Russian Congress in Cultural Research : Programme. Report Summaries. — СПб., 2006. — С. 89. (на рус. и англ. яз.)

301.Политическая культура и культурные политики : когнитивные основания политического действия и практические последствия / [Е. Е. Кузьмина], А. С. Кузьмин // Первый Российский культурологический конгресс. Программа. Тез. докл. С.-Петербург, 25-29 августа 2006 г. = The First Russian Congress in Cultural Research. Programme. Report Summaries. — СПб., 2006. — С. 411. (на рус. и англ. яз.)

302.Проблема происхождения западных иранцев // Ирано-Славика. — М., 2006. — № 2 (10). — С. 25-30.

303.Третий этап миграции пастушеских племен в Средней Азии // Арийская цивилизация в контексте Евроазиатских культур / сост. А. Раджабов, Р. Мукимов, П. Джамшедов и др. — Душанбе, 2006. — С. 46-62.

304.Giçki bürünç zamanyna degişli Margiana we Baktriýa medeniýeti = The Culture of Margiana and Bactria in the Final Bronze Age (EIA) and it's Ethnical Identification = Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) и ее этническая атрибуция // Gadymy Margiana dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezidir. Halkara ylmy maslahatyň nutuklarynyň gysgaça beýany. 2006 ý. Sanjar aýynyň 14-16-y. = Ancient Margiana is the New Centre of the World Civilization. Materials of the International Scientific Conference, 14-16 November 2006. = Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации : материалы Междунар. науч. конф. Мары, 14-16 нояб. 2006 г. — Мары, 2006. — С. 37-38; 108-109; 178-180. (на туркм., англ. и рус. яз.)

305.Mythological treatment of the horse in Indo-European culture // Horses and humans : the evolution of human-equine relationships / eds.: S. L. Olsen, S. Grant, A. M. Choyke, L. Bartosiewicz. — Oxford, 2006. — P. 263-270. — (British Archaeological Reports, International Series ; 1560).

306.* [Рец. на кн.]: Vinogradova N.M. South-West Tadjikistan in the epoque of Late Bronze. M., 2004 // International Association for the Study of the Cultures of Central Asia : Information Bulletin. — M., 2006. — Issue 24. — P. 438-441.

2007

307.The Origin of the Indo-Iranians / ed. J. P. Mallory. — Leiden ; Boston : Brill, 2007. — 763 p. 18 maps, 114 figs. — Bibliogr.: p. 477-582. — Index: 731-762. — (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / ed. A. Lubotsky ; Vol. 3). — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://archive.org/details/TheOriginOfTheIndo-iranians (дата обращения: 25.03.2014)

308.Культура пастушеских племен Средней Азии в эпоху бронзы и формирование индоиранских (арийских) народов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2007. — № 4 (49). — С. 17-29.

309.The Genesis of the Iranian in the Bronze Age // 6th European Conference of Iranian Studies. Vienna, 18–22 September 2007 : programmes, abstracts, list of participants. — Vienna, 2007. [без пагинации]

310.Migration of the pastoral tribes of Eurasian steppes to Central Asia, Afghanistan and Baluchistan in the 13–8th centuries BC // Birinci Uluslararasi Avrasya Arkeoloji Kongresi. [The 1st In-ternational congress of Eurasian archaeology], 21-24 Mayis 2007, Izmir. — Izmir, 2007. — P. 134-135.

Научное редактирование

311.Ткачев, В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. — Актобе, 2007. — 384 с. : ил.

2008

312.Арии — путь на юг / отв. ред. М.Н.Погребова ; Рос. ин-т культурологии. — М. : Летний сад, 2008. — 557 с. — Библиогр.: с. 345-447. — Прил.: с. 453-464. — Карты, ил.: с. 467-557. — Рез. англ. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4641487 (дата обращения: 25.03.2014)

313.Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Акимат Актюбинской обл., Обл. управление культуры, Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии ; отв. ред. В.В.Ткачев. — Актобе : ПринтА, 2008. — 359 с., 158 рис. — Библиогр.: с. 329-354. — (История, археология и этнография Западного Казахстана / отв. ред. А. А. Бисембаев).

314.The Prehistory of the Silk Road / ed. V.Mair. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2008. — 248 p.: 57 figs; 15 maps. — Bibliogr.: p. 207-242. — Index: p. 243-248. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.scribd.com/doc/154877260/The-Prehistory-of-the-Silk-Road-E-E-Kuzmina-2008 (дата обращения: 25.03.2014)

315.Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня // Источники и материалы по истории Древнего Востока : хрестоматия. — Ч. 2. Проблемы социально-политической истории Древнего Востока. — Орск, 2008. — С. 6-10.

316.Интеграция обществ на макроуровне, культурная диктатура и клиодинамика / А. С. Кузьмин, [Е. Е. Кузьмина] // Культурное многообразие: от прошлого к будущему : II Рос. культурологический конгр. с междунар. участием : Санкт-Петербург, 26-28 ноября 2009 г. : программа ; тез. докл. и сообщ. — СПб., 2008. — С. 482-483.

317.Наука о культуре: культурология или cultural studies? / [А. С. Кузьмин], Е. Е. Кузьмина // Культурное многообразие: от прошлого к будущему : II Рос. культурологический конгр. с междунар. участием : Санкт-Петербург, 26-28 ноября 2009 г. : программа ; тез. докл. и сообщ. — СПб., 2008. — С. 94-95.

318.Предисловие [Капля реки] // Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / отв. ред. В. В. Ткачев. — Актобе, 2008. — С. 4-60.

319.Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Источники и материалы по истории Древнего Востока : хрестоматия. — Ч. 2. Проблемы социально-политической истории Древнего Востока. — Орск, 2008. — С. 10-14.

320.Этапы развития колесного транспорта Средней Азии // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. — М., 2008. — Т. 1. — С. 319-321.

321.Этноархеологический метод установления этнической принадлежности андроновских племен // Интеграция археологических и этнографических исследований / гл. ред. Н. А. Томилов. — Новосибирск; Омск, 2008. — С. 70-74.

322.Charioteer-warriors in their way from East Europe to India // South Asian Archeology 1999 : proceedings of the Fifteenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held at the Universiteit Leiden, 5-9 July, 1999 / ed. E. M. Raven. — Groningen, 2008. — P. 167-179. — (Gonda Indological Studies ; 15).

323.* The origin of Iranians // The 2nd International Congress of the Society of South-Asian Archaeology, Shiraz, May 2008. — Shiraz, 2008. — P. 319-321.

324.Relations of the Andronovans with the populations of Xinjiang and other regions of China in the Bronze Age // Eurasian studies. — [Beijing], 2008. — Vol. 7. — P. 1-28.

2009

325.Кыргызстан — центр распространения культурных влияний Запада в Синьцзяне // Древность: историческое знание и специфика источника : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти

Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского, 14–16 дек. 2009 г. — М., 2009. — Вып. 4. — С. 58-60.

326.[Рец. на кн.]: Проблема происхождения колесниц степей Евразии : по поводу сборника статей «Происхождение и распространение колесничества», Луганск, 2008 // ВДИ : памяти Г. М. Бонгард-Левина. — 2009. — № 3. — С. 166-172.

327.The Greeks of Asia Minor, the Achaemenids and Bactrians // IV International congress on the Black Sea antiquities. — Istanbul, 2009. — P. 59-60.

2010

328.Искусство и мифы бактрийцев и скифов : в стране Кавата и Афрасиаба / отв. ред. К. Ф. Смирнов. — 2. изд., доп. — М. : URSS : КРАСАНД, 2010. — 152 с., ил. — Библиогр.: с. 127-131, 149-151. — Указ.: с. 133-139.

329.Предыстория Великого шелкового пути : диалог культур Европа — Азия / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии ; отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. — М. : URSS : Ком¬Книга, 2010. — 240 с. — Прил.: с. 119-131. — Библиогр.: с. 132-163. — 57 карт, рис. То же. — 2. изд. — 2011.

330.А.Н.Бернштам и его место в истории Казахстана и Киргизии // Древние культуры Евразии : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. — СПб., 2010. — С. 27-34.

331.Владимир Николаевич Топоров и российская археология раннего железного и бронзового веков // Топоровские чтения I–IV : избранное. — М., 2010. — С. 18-32.

332.«Креативный потенциал» «общества потребления»: от Шумпетера к Жижеку и Флориде, или «пусть сильнее грянет кризис» / Е.Е.Кузьмина, А.С.Кузьмин // Креативность в пространстве традиции и инновации : Третий Рос. культурол. конгресс с междунар. участием : тез. докл. и сообщ. — СПб., 2010. —

С. 378-379.

333.Кони степей Евразии в эпоху энеолита и бронзы = Horses of Eurasian steppes in the Eneolithic and Bronze Ages // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии = Horses, chariots and chariot's drivers of Eurasian steppes. — Екатеринбург ; Самара ; Донецк, 2010. — С. 5-20. (на рус. и англ. яз.)

334.Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) в работах В. И. Сарианиди // На пути открытия цивилизации : сб. ст. к 80-летию В. И. Сарианиди. — СПб., 2010. — С. 29-38.

335.Основные итоги изучения возникновения и распространения колесничества = The main results of studying the occur-rence and extension of chariot culture / В. С. Бочкарев, Е. Е. Кузьмина, П. Ф. Кузнецов,

А. Н. Усачук // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии = Horses, chariots and chariot's drivers of Eurasian steppes. — Екатеринбург ; Самара ; Донецк, 2010. — С. 344-347. (на рус. и англ. яз.)

336.Проблема этнической атрибуции населения степной зоны Волго-Уралья в свете новейших гипотез происхождения индоевропейцев // XVIII Уральское археологическое совещание : культурные области, археологические культуры, хронология. — Уфа, 2010. — С. 18-22.

337.Происхождение индоиранцев и генезис индоевропейцев: современная борьба гипотез в лингвистике и археологии // Проблемы истории и культуры Древнего Востока : (материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Г. М. Бонгард-Левина). — М., 2010. — С. 10-13.

338.Роль Казахстана в истории древней Евразии // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения академика Национальной Академии наук Республики Казахстан К. М. Байпакова. — Алматы, 2010. — С. 417-423.

339.Синташтинский тип памятников и их этническая атрибуция // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала : к 70-летию Г. Б. Здановича : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Г. Зданович. — Челябинск, 2010. — Ч. 2. — С. 66-77.

340. [Рец. на кн.]: О первом томе «Истории башкирского народа». М.: Наука, 2009. 400 с. // Проблемы востоковедения. — 2010. — № 4 (50). — С. 96-102.

341.* Contacts of the Xinjiang people with the West in the late Bronze Age : the prehistory of the Silk Road // International symposium on Xinjiang and the Central Asia in history, 18-23 August, 2010. — Urumqi, 2010.

342.* Homeland of the Indo-Iranians: Anatolian or North-Caucasian, and North-Pontic steppes? // 2nd International Congress of Eurasian archaeology : East Anatolian and Caucasian Bronze Age cultures, 1-5 March 2010, Tire, Turkey : abstracts. — Tire, 2010. — P. 29.

343.Korai városias életmódból a nomadizmusba // Turán. — 2010. — № 1 (január–március). — S. 66-75. (на

венгер. яз.)

2011

344.Информационный потенциал памятников наскального искусства стран СНГ: Культурологическая интерпретация, методы раскрытия ценности (по материалам эпохи бронзы и раннего железного века) // Международный семинар-тренинг по историко-культурному наследию стран СНГ, Алматы, 19-23 сент. 2011 г : сб. материалов. — Алматы, 2011. — С. 23—27.

345.Образ Митры в наскальном искусстве азиатских степей // Древность: историческое знание и специфика источника : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского

и Д. С. Раевского, 12–14 дек. 2011 г. — М., 2011. — Вып. 5. — С. 124—126.

346.Проблема происхождения индоевропейцев сегодня // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда, Великий Новгород — Старая Русса. — СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. —

Т. 1. — С. 237-238.

347.New data on the Development of Indo-Iranians in the Bronze Age // 7th European Conference of Irani-an studies, Cracow, 7-10 September, 2011 : conference guide. — Cracow, 2011. — P. 77. — То же [Электронный ресурс]. — Kraków, 2011. — P. 53-54. — Режим доступа: http://www.filg.uj.edu.pl/ecis7/ecis7_abstracts.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

2012

348.Предисловие // Новоженов, В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. — М., 2012. — С. 6-8.

Научное редактирование

349.Новоженов, В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. — М., 2012. — 500 с.

Научное рецензирование

350.Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). — Челябинск, 2011. — 175 с.

2013

351. Лингвистика — археология — культурология и культурная политика // История — история культуры — историческая культурология — cultural history : Новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы междунар. науч. конф. (5-7 апр. 2012 г., Белые Столбы) / отв. ред.

Н. А. Кочеляева, К. Э. Разлогов. — М., 2013. — С. 27-29.

352.Мария Николаевна Погребова: женщина и учёный // Текст. Контекст. Подтекст : сб. в честь

М. Н. Погребовой / отв. ред. Г. Ю. Колганова. — М., 2013. — С. 7-10.

353. The Greeks of Asia Minor, the Achaemenids and Bactrians // The Bosporus: gateway between the Ancient West and East (1st millennium BC – 5 century AD) : proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea antiquities, Istanbul, 14th-18th September 2009 / eds.: G. R. Tsetskhladze, S. Atasoy, A. Avram et al. — Istanbul, 2013. — P. 425-426. — (British Archaeological Reports. International Series ; 2517).

В печати

354.New data on the development of Indo-Iranians in the Bronze Age // Proceedings of the 7th European Conference of Irani-an studies held in Cracow, September 7–10, 2011. — Kraków.

355.Petroglyphs of the N-W Hindustan, their connections in Central Asia and Kazakhstan and semantics in the light of the Rigveda // Proceedings of the 21st conference of the European Association for South Asian Archaeology and Art, Paris, France, 2–6 July 2012. — Paris. ■

Раздел 3. КИНОСЦЕНАРИИ

1. Баллада о коне. Режиссер К. Георгиев. Совместное советско-болгарское производство. Центрнаучфильм. М.; София, 1973.

2. Степная рапсодия. Режиссер Э. Э. Дильмухамедова. Киевнаучфильм. Киев, 1985).

3. Жертвоприношение. Режиссер и соавтор Э. Э. Дильмухамедова. Казахнаучфильм. Алма-Ата, 1987. (Премия немецкого фестиваля научно-популярных и учебных фильмов). ■

Раздел 4. ЛИТЕРАТУРА О Е. Е. КУЗЬМИНОЙ

Библиографии

1. **Елена Ефимовна Кузьмина : LXX : библиография печатных работ** / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии ; Рос. археол. о-во ; сост. С. Д. Милибанд ; отв. ред. Б. Я. Ставиский. — М., 2001. — 66 с., портр., ил.

Содерж.: Ставиский, Б. Я. К 70-летию Елены Ефимовны Кузьминой : вместо предисловия. — С. 5-6; Литвинский, Б. А. Елена Ефимовна Кузьмина — выдающийся исследователь археологии и истории культуры Евразии. — С. 7-13; Diakonoff, I. M. Из рецензии на книгу Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?». — С. 14-16; Ипполитова, А. Б. Я училась у Е. Е. Кузьминой. — С. 17-18; Стрелкова, Г. Г. Основные даты жизни и деятельности Е. Е. Кузьминой. — С. 19-29; Библиография печатных работ. — С. 30-55; Научное редактирование. — С. 55; Киносценарии. — С. 55; Указатели. — С. 56-62; Литература о Е. Е. Кузьминой. — С. 62.

2. **Основные научные труды доктора исторических наук Е. Е. Кузьминой** / сост. С. Д. Милибанд // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2001. — № 3. — С. 198-200.

3. **Елена Ефимовна Кузьмина** // Публикации ведущих сотрудников Российского института культурологии : библиогр. указ. / сост. Е. Б. Кудрявцева, Н. В. Назарова, Т. С. Федорова ; ред. Т. С. Федорова [Электронный ресурс]. — М., 2007. — С. 41-45. — Режим доступа: http://ricur.ru/files/kuzmina.pdf (дата обращения: 01.03.2011).

4. **Елена Ефимовна Кузьмина : LXXX : биобиблиография** / Рос. ин-т культурологии ; сост.:

Е. Б. Кудрявцева, Н. В. Назарова, Т. С. Федорова ; ред. Т. С. Федорова. — М. : Совпадение, 2012. — 96 с., ил. — Указ.: с. 93-95. — (К 80-летию Российского института культурологии).

Содерж.: Разлогов, К. Э. Елена Ефимовна Кузьмина и Российский институт культурологии. — С. 5-7; Перепелкин, Л. С. Несколько слов в честь Е. Е. Кузьминой. — С. 8-9; Елена Ефимовна Кузьмина. Краткая научная биография / Г. Г. Стрелкова, Т. С. Федорова. С. — 10-23; Elena E. Kuz'mina : a short biography. — С. 24-25; Литвинский, Б. А. Елена Ефимовна Кузьмина — выдающийся исследователь археологии и истории культуры Евразии. — С. 26-32; Литвинский, Б. А. «Исключительно высокий стандарт…». — С. 33-37; Diakonoff, I. M. Whence came the Indo-Aryans? By Elena Kuz'mina. — С. 38-40; Литература о

Е. Е. Кузьминой. — С. 41-43; Публикации Е. Е. Кузьминой. — С. 44-92.

Биографические статьи

5. **Кузьмина Елена Ефимовна** // Милибанд, С. Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. — 2 изд. — М., 1995. — Кн. 1: А-Л. — С. 634-635.

6. **Кузьмина Елена Ефимовна** // Институт археологии: история и современность : сб. науч. биографий / под ред. В. И. Гуляева. — М., 2000. — С. 146.

7. **Мелуа, А.И. Кузьмина Елена Ефимовна** // Российская Академия естественных наук : биогр. междунар. энциклопедия. Т. 1: Гуманистика. — СПб., 2002. — С. 537.

8. **Кузьмина Елена Ефимовна** // Археологи Волго-Уральского региона : справочник / ред.-сост.: Г. Т. Обыденнова, И. А. Шуталева, Н. Б. Щербаков ; отв. ред. С. В. Кузьминых. — Уфа, 2002. — С. 40-41.

9. **Епимахов, А. В. Кузьмина Елена Ефимовна** // Челябинская область : энциклопедия. — Челябинск, 2004. — Т. 3: К–Л. — С. 533.

10. **Кузьмина Елена Ефимовна** // Культурология: люди и идеи / ред.-сост. Н.А. Конрадова. — М., 2006. — С. 225. — (Энциклопедия культурологии).

11. **Молодин, В. И. Кузьмина Елена Ефимовна** // Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред.

В. А. Ламин. — Новосибирск, 2009. — Т. 2: К-Р. — С. 219. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/kuzmina-elena-efimovna (дата обращения: 01.03.2014).

12. **К 80-летию Елены Ефимовны Кузьминой** // Культурологический журнал = Journal of cultural research. [Электронный ресурс]. — М., 2011. — № 2. — Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/67.html&j_id=6 (дата обращения: 19.01.2014).

13. **Кузьмина Елена Ефимовна** // Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кузьмина,_Елена_Ефимовна (дата обращения: 01.12.2013).

14. *** Kuzmina, Elena** // Enzyklopedisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas / Hrsg. von J. Filip. — Prague, 1969. — T. 1 (A–K).

15. **Kuzmina, Elena** // Deutsches Archäologisches Institut. Verzeichnis der Mitglieder. — Berlin, 1982. — S. 44.

16. **Kuzmina, Elena** // Guide to Scholars of the History and Culture of Central Asia / ed. by J. Schoeberlein-Engel. — Harvard, 1995. — P. 153.

17. **Kuzmina, Elena** // Mitglieder des Deutschen Archäologischen Instituts. 1999. — Berlin, 1999. — S. 48, 97.

18. **Elena Efimovna Kuzmina** // Wikipedia, the Free Encyclopedia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Elena_Efimovna_Kuzmina (дата обра-щения: 01.12.2013).

19. **Клейман, С. Сквозь толщу тысячелетий** // Звезда. — 1969. — 5 июля. — С. 2, 4.

20. **Плоских, В. М. В поисках древних путей ариев** // Культурологический журнал = Journal of cultural research. [Электронный ресурс]. — М., 2011. — № 2. — Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/70.html &j_id=6 (дата обращения: 01.12. 2013).

21. **Поляков, Т. П. Белый пароход** // Культурологический журнал = Journal of cultural research. [Электронный ресурс]. — М., 2011. — № 2. — Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/68.html&j_id=6 (дата обращения: 01.12.2013).

22. **A Classic Example of the Culture-historical Book** // Iran Book News Agency [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ibna.ir/vdchk6nx.23nx6d10t2.html (дата обращения: 01.12.2013).

23. **Weerasinghe Chitra. She digs for the past** // Daily News. — Kolombo, 1982. — 1 June.

Интервью

24. **Соболева, А. С. Ей довелось носить кольцо Роксаны (Интервью с Е. Е. Кузьминой)** // Ирано-Славика. — 2009. — № 20. — С. 72-75.

25. **Тайны, покрытые временем [Интервью с Е. Е. Кузьминой] / Н. Шагапова** // Слово Кыргызстана. — 2009. — 24 июня. — С. 12.

In memoriam

26. **Ипполитова, А. Памяти Елены Ефимовны Кузьминой** // Полит.ру [Электронный ресурс]. — 2013. — 9 нояб. — Режим доступа: http://polit.ru/article/2013/11/09/kuzmina/ (дата обращения: 19.01.2014).

27. **Окороков, А. В. Елена Ефимовна Кузьмина** // Культурологический журнал = Journal of cultural research. [Электронный ресурс]. — М., 2013. — № 3. — Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/229.html&j_id=16 (дата обращения: 19.01.2014).

28. **Linduff K., Rubinson K.** // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. [In print].

29. **Molodin, V. I., Epimakhov, A. V**. In memoriam. Elena Efimovna Kuz'mina // The Journal of Indo-European Studies. — 2014. — Vol. 42, № 1-2. [In print].

Сборник памяти

Арии степей Евразии: (эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях): сб. в честь 80-летия Елены Ефимовны Кузьминой = The Aryans on the Eurasian Steppes: (the Bronze and the Early Iron Ages on the Steppes of Eurasia and Neighbouring Territories): Elena Kuz'mina Memorial Volume / Рос. ин-т культурологии; редкол.: К. Э. Разлогов (пред.) и др. – М.: Новосибирск, 2014. – в печати. ■

Список литературы

АБАЕВ В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. – М.: Наука, 1972. – С. 26-37.

АБУ А.-Х. БАКРИ. Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даб´а и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Том 2. – С. 267-271.

АВАНЕСОВА Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: Фан УзССР, 1991. – 200 с.

АВИЛОВА Л. И. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем периодах эпохи бронзы. – М., 2008.

АГАПОВ П., КАДЫРБАЕВ М. К. Сокровища древнего Казахстана. – Алма Ата: Жалын, 1979. – 242 с.

АКИШЕВ К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.

АКИШЕВ К. А., АКИШЕВ А. К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 38–63.

АКИШЕВ К. А., АКИШЕВ А. К. Происхождение и семантика Иссыкского головного убора // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1979.

АКИШЕВ К. А., АКИШЕВ А. К. Древнее золото Казахстана. – Алма Ата: Онер, 1983 – 34 с, илл.

АКИШЕВ А. К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984.

АЛАЕВА И. П. Миниатюрные предметы из материалов поселения бронзового века Южного Зауралья // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург – Сургут: Изд-во «Магеллан», 2007. – С. 128–130.

АЛЕКСАНДРОВ Б. Е. Малая Азия и Армянское нагорье в древние времена //Историография по истории Древнего Востока. – М., 2009.

АЛЕКСЕЕВ В. П. О брахикранном элементе в составе населения афанасьевской эпохи // СЭ. – 1961. – N 1. – С. 116-129.

АЛЕКСЕЕВ В. П., ГОХМАН И. И., ТУМЭН Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век - эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 320 – 347.

АЛЁКШИН В. А. Индоевропейская проблема и археология // Археологические Вести. – 1992. – N 1. – С. 200–203.

АЛЁКШИН В. А. В поисках индоевропейской прародины. Между Сциллой археологии и Харибдой лингвистики // Проблемы археологии. – Л., 1998. – Вып. 4. – С. 86–101.

АЛТЫНБЕКОВ К., АХМЕТКАЛИЕВ Р., ЧАРЛИНА Л. Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»: опыт сотрудничества с археологами // Мәдени мұра, – 2009. – №1(22). – С. 90-96.

АЛТЫНБЕКОВ К . Опыт сохранения и презентации памятников археологии // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие: Сборник науч. Трудов, посвященный 70-лет. со дня рождения академика К. Байпакова. – Алматы, 2010. – С. 401-406.

АЛТЫНБЕКОВ К. Возрождённая из пепла. – Алматы: Остров Крым, 2013. – 64 с.

АЛТЫНБЕКОВ К. Возрожденные сокровища Казахстана: реставрация как возрождение. Алматы: Остров Крым, 2014. – 364 с., ил.

АЛТЫНБЕКОВ К., НОВОЖЕНОВ В. А. Реконструкция андроновской колесницы. / Возрождённые сокровища Казахстана: реставрация как возрождение. Отв. ред. В. А. Новоженов. – Алматы: Остров Крым, 2014. – 364 с.

АНДРЕЕВА М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. – 1977. – N 1. - С. 39-56.

АНДРЕЕВА М. В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. – 1979. – N 1. – С. 22-34.

АРТАМОНОВ М. И. Сокровища саков. – М., 1973. – 280 с.

АСИМОВ М. (ред.). Этническая история Центральной Азии во 2 тыс. до н. э. // Материалы международного симпозиума. – М., 1981.

БАЙПАКОВ К. М., МАРЬЯШЕВ А. Н. Петроглифы в горах Кулжабасы. – Алматы: Изд-во Института археологии МОН РК, 2004. – 28 с., 86 ил.

БАЙПАКОВ К. М., МАРЬЯШЕВ А. Н., ПОТАПОВ С.А. Петроглифы Тамгалы. – Алматы, 2006. – 86 с.

БАЙПАКОВ К. М., МАРЬЯШЕВ А. Н. Петроглифы Баян-Журека. – Алматы: Credos, 2008. – 200 с.

БАЙПАКОВ К. М., МАРЬЯШЕВ А. Н. Петроглифы Ак-Кайнара. – Алматы: Credos, 2009. – 104 с.

БАЙПАКОВ К. М., МАРЬЯШЕВ А. Н. Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. – Алматы: Археологическая экспертиза, 2013. – 120 с., ил.

БАРРОУ Т. Санскрит. – М.: Прогресс, 1976. – 410 с.

БАЧУРА О. П. Сезоны функционирования поселений скотоводов средней бронзы в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 272–276.

БЕЙСЕНОВ А. З., ДЖУМАБЕКОВА Г. С, БАЗАРБАЕВА Г. А. Мир образов в искусстве населения Сарыарки // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Т. II. – Алматы, 2011. С. 263-271.

БЕЙСЕНОВ А. З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения – 2010: матер. II научн. междунар. конф. – Актобе, 2010. - С. 77 – 79.

БЕЙСЕНОВ А. З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 32 с.

БЕРЕЗАНСКАЯ С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. – Киев: Наукова думка, 1982. – 210 с.

БЕРЕЗАНСКАЯ С. С., ОТРОЩЕНКО В. В., ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н. Н., ШАРАФУТДИНОВА И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова Думка, 1986. – 166 с.

БЕРЁЗКИН Ю. Е. Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 35-39.

БЕРНШТАМ А. Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. – 1952. – N 2. – С. 50-68.

БЕРНШТАМ А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности // КСИЭ. – 1957. – Вып. 26.

БЕСЕДИН В. И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Евразийская лесостепь в эпоху металла (Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 13). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. С. 45–59.

БЕСЕДИН В. И. О новых абсолютных датах предсрубного периода // Исторические записки ВГУ. – Вып. 4. – 1999. – С. 189–197.

БЕХТЕР А. В., ХАВРИН С. В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьззян-Уйгурского автономного района Китая и проблема восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Уде – Чита: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. – С. 73–78.

БИСЕМБАЕВ А. А., ГУЦАЛОВ С. Ю., СДЫКОВ М. Н. Исследования курганов могильного комплекса Кырык-Оба // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году / Гл. редактор И. Н. Тасмагамбетов. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2006. – С. 231- 235.

БЛАГОРОДНЫЕ МЕТАЛЛЫ в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала / Ред. В. В. Зайков, А. Д. Таиров. – Миасс: ИМин УрО РАН, 2012. – 232 с.

БОБОМУЛЛОЕВ С. Раскопки погребального сооружения из Зардчахалифы // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия востоковедения, история, филология. – Душанбе, 1993. – С. 56-63.

БОГДАНОВ С. В. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. – Оренбург: ДИМУР, 1998. – С. 17–37.

БОГДАНОВ С. В. Древнейшие курганные культуры степного Приуралья: Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Уфа, 1999. – 28 с.

БОГДАНОВ С. В. Культурно-хронологические комплексы IV Ефимовского курганного могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара: Научно-технический центр, 2006. – С. 209–224.

БОГДАНОВ С. В. Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 287 с.

БОЛЬШОЙ ИПАТОВСКИЙ КУРГАН НА СТАВРОПОЛЬЕ. Коллект. монография / С. Н. Кореневский, А. Б. Белинский, А. А. Калмыков. – М.: Наука, 2007. – 229 с.

БОНДАРЕНКО Д. М. Глобализация или диалог цивилизаций: мир-системный и цивилизационный подходы к истории и современности // Новая и новейшая история. Вып. 21. – Саратов, 2005.
БОЧКАРЕВ В. С. Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. – Вып. 1. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1968. – С . 102–120.
БОЧКАРЁВ В. С. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: изд-во университета, 1986. – Вып. 3.
БОЧКАРЁВ В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб, 2010. – 310 с.
БОЧКАРЁВ В. С. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 13-24.
БРАТЧЕНКО С. Н. Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. – Киев: «Видавничий дім «Скіф», 2012. – 307 с.
БРИЛЕВА О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). Гос. Музей искусства народов Востока. - М.: Таус, 2012. – 424 с.
БРОДЕЛЬ Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. Т. 2. Перевод с фр. Л. Е. Кубеля. Ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1988. – 631 с.
БРОНЗОВЫЙ ВЕК ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: НТЦ, 2001. 452 С.
БРОНЗОВЫЙ ВЕК: Европа без границ. Четвёртое – первое тысячелетия до н.э. Под ред. Ю.Ю. Пиотровского. Каталог выставки. – СПб.: Чистый лист, 2013. – 648 с.
БУРЛАК С. А., СТАРОСТИН С. А. Сравнительно-историческая лингвистика. – М., 2005.
БЫТКОВСКИЙ О. Ф., ТКАЧЕВ В. В. Погребальные комплексы среднего бронзового века из Восточного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. I. – Оренбург: ДИМУР, 1996. – С. 68–84.
ВАДЕЦКАЯ Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 127 с.
ВАДЕЦКАЯ Э. Б., ЛЕОНТЬЕВ Н. В., МАКСИМЕНКОВ Г. А. Памятники окуневской культуры – Л.: Наука, 1980. – 148 с.
ВАЙНШТЕЙН С. И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
ВАРФОЛОМЕЕВ В. В. Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011): ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2011.
ВАСИЛЬЕВ Л. С. Аграрные отношения и община в древнем Китае (XI-VII вв до н. э.). – М.: Наука, 1961. – 320 с.
ВАСИЛЬЕВ Л. С. Проблема генезиса китайской цивилизации: формирование основ материальной культуры и этноса. – М.: Наука, 1976. – 368 с.
ВАСИЛЬЕВ М. Е., МИЛИТАРЁВ А. Ю. Глоттохронология и сравнительно-историческая лингвистика // Модели девергенции языков. – М., 2008.
ВАСИЛЬЕВ И. В. Энеолит на Волге. Степь и лесостепь. – Куйбышев, 1980.
ВАСИЛЬЕВ И. В., КУЗНЕЦОВ П. Ф., СЕМЁНОВА А. П. Потаповский погребальный курган индоиранских племён на Волге. – Куйбышев: Самарский университет, 1994. – 208 с.
ВАСИЛЬЕВ И. В. и др. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье // Древняя культура индоиранцев между Волгой и Уралом. – Самара, 1995.
ВАСИЛЬЕВ И. Б., КУЗНЕЦОВ П. Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших дней до наших дней (бронзовый век). – Самара: Самарский научный центр РАН, 2000. – С. 65–84.
ВАЛЬЧАК С. Б. Классификация и состав предскифских комплексов с наборами тягловой упряжи // Проблемы современной археологии. Сб. памяти В. А. Башилова. - М., 2008.
ВАЛЬЧАК С. Б. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. - М., 2009.
ВИКТОРОВА В. Д. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // III Берсовские чтения. – Екатеринбург: БКИ, 1999. – С. 49–54.

ВИКТОРОВА В. Д. Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 4. – Екатеринбург: БКИ, 2001. – С. 95–107.
ВИННИК Д. Ф., КУЗЬМИНА Е. Е. Второй Каракольский клад // КСИА. 1981. – Вып. 167. – С. 48-53.
ВИНОГРАДОВ А. В. Древние охотники и рыболовы в речных долинах Центральной Азии. – М., 1981.
ВИНОГРАДОВ Н. Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. – 1982. – Вып. 169. – С. 94–99.
ВИНОГРАДОВ Н. Б. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа): Автореф. дисс. докт. ист. наук. – М., 2007. – 46 с.
ВИНОГРАДОВ Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. – 362 с.
ВИНОГРАДОВ Н. Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 261–284.
ВИНОГРАДОВ Н. Б., КОСТЮКОВ В. П., МАРКОВ С. В. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 131–150.
ВИШНЯЦКИЙ Л. Б., КОЛПАКОВ Е. М. Периодизация в археологии // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. (Археологические изыскания. Вып. 3. – Л.: ЛО ИА АН СССР, 1991. – С. 5–11.
ВОЛКОВ В. В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с. (на кит. яз.: Пекин, 2007).
ВЫБОРНОВ А. А., МОСИН В. С., ЕПИМАХОВ А. В. Хронология уральского неолита // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. 2014. В печати.
ГАВРИЛОВА А. А. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопочному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: ВИЧИ, 1996. – С. 89-102.
ГАГЕН-ТОРН Н.И. Женская одежда Поволжья. – Чебоксары, 1960.
ГАЙДУЧЕНКО Л. Л. Зубр, тур, крупный рогатый скот в голоцене Казахстана и интерпретация наскальных изображений // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – Т. 2. – С. 195-212. ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В., ИВАНОВ В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси: Изд-во университета, 1984. – Ч. 1-2. – 1328 с.
ГЕЙ А. Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. – 1991. – N 1. – С. 54-71.
ГЕЙ А. Н. Новотиторовская культура. – М.: Старый сад, 2000. – 224 с.
ГЕНИНГ В. Ф. Могильник Синташта и проблемы ранних индоиранских племен // СА. – 1977. – N 4. – С. 53-73.
ГЕНИНГ В. Ф., ЗДАНОВИЧ Г. Б., ГЕНИНГ В. В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – 407 с.
ГЕНИНГ В. Ф., ЛЕВЧЕНКО, В. Н. Археология древностей – период зарождения науки (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). – Киев: б. и., 1992. – 64 с.
ГЕНОН Р. Избр. сочинения. Царство количества и знамения времени. – М.: Беловодье, 2003. – 480 с.
ГИРЕНКО Н. М. Социология племени: Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. – СПб.: Carillon, 2004. – 512 с.
ГОБЕДЖИШВИЛИ Г. Ф. Культура курганных погребений (Беденская культура). – Тбилиси, 1980. – 148 с.
ГОЛУБОВСКИЙ П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей. IX-XIII вв. –Киев: Университетская типография И.И. Завадского,1884.– 237 с.
ГОНЧАРОВА Ю. В., БЕХТЕР А. В. Синташта и Сейма – враги и соседи // Комплексные общества Центральной Евразии в 3-1 тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск; Аркаим: «Аркаим», 1999. – С. 121-129.
ГОЛОВНЁВ А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. – 496 с. – http://ethnobs.ru/Anthropology_of_movement.pdf
ГОМЕР. Илиада Пер. Н. И. Гнедича. – VIII. 41–44.
ГОРБУНОВ В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. – Уфа: изд-во БГПИ, 1986. – 96 с.
ГОРБУНОВ В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. – Уфа: изд-во БГПИ, 1992. – 223 с.

ГОРБУНОВ В. С. Курганы эпохи бронзы на правобережье реки Демы (Башкирия) // СА. – 1977. – N 1. – С. 155–161.
ГОРБУНОВ В. С. Некоторые проблемы периодизации и хронологии культур эпохи бронзы Волго-Уральской лесостепи // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ РАН, 1993. – С. 4–10.
ГОРБУНОВ В. С. Срубная общность Восточной Европы. – Уфа, 2006.
ГОРБУНОВ В. С., МОРОЗОВ Ю. А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1991. – 160 с.
ГОРБУНОВ В. С., МОРОЗОВ Ю. А. Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). – Куйбышев: КГПИ, 1985. – С. 95–118.
ГОРЕЛИК М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III-II тыс. до н. э. // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 183-202.
ГОРЕЛИК М. В. Оружие древнего Востока. – СПб.: Атлант, 2003. – 336 с.
ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Индо-иранские касты у скифов // Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов. – М., 1960. – 22 с.
ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М.: Наука, 1970. – 396 с. Издание 2-е – 2007.
ГРАНТОВСКИЙ Э. А. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Средней Азии. – М., 1977. – С. 12-16.
ГРАНТОВСКИЙ Е. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. – М., 1998.
ГРИГОРЬЕВ С. А. Проблема культурных трансформаций в Урало-Иртышском междуречье // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск: ЧелГУ, 1990. – С. 26–41.
ГРИГОРЬЕВ С. А. Древние индоевропейцы: опыт исторической реконструкции. – Челябинск, 1999. – 444 с.
ГРИГОРЬЕВ С. А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – С. 241–409.
ГРИГОРЬЕВ С. А. История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья: Учеб. пособие / В. С. Мосин, С. А. Григорьев, А. Д. Таиров, С. Г. Боталов, Г. Х. Самигулов. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2002. – С. 40–112.
ГРИГОРЬЕВ С. А. Эпоха поздней бронзы Южного Зауралья и проблема андроновской историко-культурной общности // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2006. – Т . 1. – С . 359–361.
ГРИГОРЬЕВ С. А. Миграции и их роль в культурогенезе Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 40-48.
ГРИГОРЬЕВ С. А. Обнаружение геоглифа и природные зоны в горной части Южного Урала. // Маргулановские чтения – 2012. Материалы ежегодной научно-практической конференции. – Астана, 2012а. – С. 30- 36.
ГРИГОРЬЕВ С. А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. - Челябинск: Цицеро, 2013. - 660 с.
ГРИГОРЬЕВ С. А., ТИДЕМАН Е. В., ПЕТРОВА Л. Ю. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Известия ЧНЦ. Вып. 2 (36). – 2007. – С. 86–90.
ГРИНИН Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. – М., 2006.
ГРИНИН Л. Е. Социальная макроэволюция: генезис и трансформации Мир-Системы. – М., 2009.
ГРИНИН Л. Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. – 2011. – N 1.
ГРУШИН С. П. Реконструкция состава стада поселка эпохи ранней бронзы Костенкова избушка в верхнем Приобье // Маргулановские чтения 2011 года. – Астана: ЕНУ им. Л. Н.Гумилева, 2011. – С. 411-413.
ГРУШИН С. П. Наконечники копий сейминско-турбинского типа Обь-Иртышского междуречья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 224-228.

ГРЯЗНОВ М. П. Погребения бронзовой эпохи на востоке Казахстана // Казахи. – 1927. – 11. – 4.
ГРЯЗНОВ М. П. Пазырыкский курган. – М. –Л., 1937. – 178 с.
ГРЯЗНОВ М. П. Первый Пазырыкский курган. – Л., 1950. – 197 с.
ГРЯЗНОВ М. П. Колесница ранних кочевников Алтая // СГЭ. – 1955.– Т. VII. – С. 30–32.
ГРЯЗНОВ М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. – 1955а. – Вып. 24. – С. 19-29.
ГРЯЗНОВ М. П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – 1957. – Вып. 26. – С. 21-28.
ГРЯЗНОВ М. П. Писаница зпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 85-89.
ГРЯЗНОВ М. П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л., 1980. – 233 с.
ГУК Д. Ю., НИКОЛАЕВ Н. Н. Повозка из Пятого Пазырыкского кургана // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 454–457.
ГУМИЛЕВ Л. Н. Древние тюрки. – М., 1993. – 523 с.
ГУМИЛЕВ Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2007.– 455 с.
ДАНДАМАЕВ М. А. Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н. э.: социальные институты и идеология. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 512 с.
ДАНДАМАЕВ М. А. Вавилония в 626 – 330 годы до н. э.: социальная структура и этнические отношения. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 222 с.
ДЕБЕЦ Г. Ф. Палеоантропология СССР. – М – Л., 1948. – 392 с.
ДЕРГАЧЕВ В. А., БОЧКАРЕВ В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. – 348 с.
ДЖАПАРИДЗЕ О. М. Археологические раскопки в Триалети. К истории грузинских племен во II тыс. до н. э. – Тбилиси, 1969. – 296 с.
ДЖАПАРИДЗЕ О. М. Художественное ремесло в древней Грузии // Древний Восток и мировая культура. – М.: Наука, 1981. – С. 31-34.
ДЖИБЛАДЗЕ Л. В. Поселения Колхидской низменности в 3-2 тыс. до н. э. – Тбилиси, 2007.
ДНЕПРОВ С. А., КОНОРКИН В. М., ШОРИН А. Ф. Раскопки поселения Дружный I в Челябинской области // Археологические открытия 1978 г. – М.: Наука, 1979. – С. 169–170.
ДОБЖАНСКИЙ В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: изд-во университета, 1990. – 163 с.
ДОЛУХАНОВ П. М. Неолитическая революция в Передней Азии: экологические, культурно - исторические и лингвистические аспекты // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы конференции. – М., 1984. – Ч. 1.– С. 29-31.
ДОСЫМБАЕВА А. М. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – Алматы: Servise Press, 2013. – 250 с.
ДРЕВНЕЕ УСТЬЕ: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск: Абрис, 2013. – 482 с.
ДРЕМОВ В. А. О родственных связях населения Среднего Прииртышья в эпоху бронзы // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. – С. 14-21.
ДУБОВА Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. – М.: Наука, 2004.
ДУБОВА Н. А. Население Гонура по данным антропологии // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной конференции. – Мары, 2006. – С. 169-173.
ДУБОВА Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (западная часть раскопа 9) // Труды Маргианской археологической экспедиции. – М.: «Старый сад», 2008. – Т. 2. – С. 94-104.
ДУБОВА Н. А. Антропологическое «покрытие» Туркменистана в древности и сегодня. // На пути открытия цивилизации. Сборник статей, посвящённый 80–летию В. И. Сарианиди. – СПб., 2010.
ДЬЯКОНОВ М. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. – М.; Л., 1956. – 485 с.

ДЬЯКОНОВ М. М. Очерк по истории древнего Ирана. – М., 1961.
ДЬЯКОНОВ И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов //Бюллетень древней истории. – 1982. – N 3-4.
ДЬЯКОНОВ И. М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке. // Кавказ и цивилизации Ближнего Востока. Тезисы конференции. – Орджоникидзе, 1989. – С. 5-21.
ДЬЯКОНОВ И. М. Индоевропейская прародина. (о книге Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли арии?» - М., 1994) // Бюллетень древней истории. – 1995. – N 1.
ДЮПЮИ Р. Э., ДЮПЮИ Т. Н. Все войны мировой истории. Кн.1 (3500 г. до н. э. - 1000 г. н. э.). – СПб.: Полигон, 2004. - 640 с.
ЕВДОКИМОВ В. В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. – 1975. – N 4. – С. 163–172.
ЕВДОКИМОВ В. В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы: Институт археологии, 2000. – 140 с.
ЕВДОКИМОВ В. В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.06. – Алматы, 2001: ИА МОН РК. – 36 с.
ЕВДОКИМОВ В. В., ЛОМАН В. Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во университета, 1989. – С. 34-46.
ЕВДОКИМОВ В. В., ВАРФОЛОМЕЕВ В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: КарГУ, 2002. – 138 с.
ЕВРОПА БЕЗ ГРАНИЦ ... Бронзовый век: Европа без границ. Четвёртое – первое тысячелетия до н. э. Под ред. Ю. Ю. Пиотровского. Каталог выставки. – СПб.: Чистый лист, 2013. – 648 с.
ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я. Ригведа – древнейший памятник индийской культуры. – М., 1972.
ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. – М., 1999.
ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., ТОПОРОВ В. Н. Слова и вещи по данным Ригведы. Мандалы V-VIII. – М., 1995.
ЕПИМАХОВ А. В. О границах и соотношении частей «абашевской культурно-исторической общности» // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. – С. 73–74.
ЕПИМАХОВ А. В. Мало-Кизильское селище и его место в системе культур бронзового века Урала // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I. – СПб: Изд-во ГЭ, 2002. – С. 133–138.
ЕПИМАХОВ А. В. Верхне-Кизильский клад – варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск. – 2003. – № 4. – С. 96–102.
ЕПИМАХОВ А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Кн. 1. – Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. – 192 с.
ЕПИМАХОВ А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар – 5). Кн.1. – Электронное приложение. – Челябинск: изд-во ЮУГУ, 2005. – Ч. 1,2.
ЕПИМАХОВ А. В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиокарбонных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. – Вып. XVII. – С. 402–421.
ЕПИМАХОВ А. В. «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей // Известия Челябинского научного центра. – 2008. – Вып. 1 (39). – С. 93-96.
ЕПИМАХОВ А. В. От археологии памятника к археологии социума : эпоха бронзы Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 3 (25). – М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2009. –
С. 92–104.
ЕПИМАХОВ А. В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты: автореф. дис. … докт. ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 52 с.
ЕПИМАХОВ А. В. Абсолютная хронология бархатовских древностей в системе культур бронзового века // Андроновский мир: Сб. статей / Отв. ред. Н. П. Матвеева. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010а. – С. 137–144.
ЕПИМАХОВ А. В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // Российская археология. – 2010б. – № 2. – С. 39–50.
ЕПИМАХОВ А. В. Бронзовый век Южного Урала : экономическая и социальная эволюция // Уральский исторический вестник. – 2010в. – N 2. – С. 31–37.
ЕПИМАХОВ А. В. О синташтинском земледелии (бронзовый век Южного Урала) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010г. - N 2 (13).
ЕПИМАХОВ А. В. Редкая разновидность каменных наверший булав бронзового века // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ: тез. докл. Всеросс. науч. конф. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 18–19.
ЕПИМАХОВ А.В. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Рос. археол. ежегодник. – Вып. 2. – СПб., 2012а.
ЕПИМАХОВ А. В., ЧЕЧУШКОВ И. В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. – Донецк, 2004. – С. 39–45.
ЕПИМАХОВ А. В., ЕПИМАХОВА М. Г. Случайные находки бронзового века с территории Челябинской области // Вестник ЧГПУ. – Серия 1: Исторические науки. – 2005. – N 3. – С. 75–83.
ЕПИМАХОВ А. В., ХЭНКС Б., РЕНФРЮ К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – N 4.
ЕПИМАХОВ А. В., ЧЕЧУШКОВ И. В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Зауралья. Степь (проблемы культурогенеза). Под ред. С. Г. Боталова. – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. – С. 168-182.
ЕПИМАХОВ А. В., ЧЕЧУШКОВ И. В. К вопросу о способах управления пароконной колесницей бронзового века // Происхождение и распространение колесничества. Сборник научных статей. – Луганск: Глобус, 2008. – С. 205-211.
ЕПИМАХОВ А. В., ТАИРОВ А. Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь) // Российский археологический ежегодник. – Вып. 3. – СПб, 2013. – С. 211–231.
ЕПИМАХОВ А. В., ЗАЙКОВ В. В., ЮМИНОВ А. М., ТКАЧЕВ В. В. Об использовании золота в Зауралье в эпоху бронзы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 13. – N 2. – С. 24–28.
ЕРЖАНОВА А. Е., МЕРЦ В. К., ЧЕНЧЕНКОВА О. П. Зооморфный «утюжок» из поселения Талдысай // Шестые берсовские чтения. – Екатеринбург, 2011. – С. 73-75.
ЕСАЯН С. А. Оружие и военное дело древней Армении. – Ереван, 1966. – 158 с.
ЕСИН Ю. Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропою тысячелетий. Сб. Научных трудов, посвященный юбилею М. А. Дэвлет. – Кемерово, 2008. – С. 81-98.
ЕСИН Ю. Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура: Труды музея археологии и этнографии Сибири. – Т. 2. – Томск: Томский государственный университет, 2009. – 526 с.
ЕСИН Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53-73.
ЕСИН Ю. Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – N1 (3). – С. 14 - 47.
ЖОЛДАСБЕКОВ М., САРТКОЖАУЛЫ К. Атлас Орхонских памятников. – Астана, 2006. – 496 с.
ЗАЙКОВ В. В. Медные рудники, хромитосодержащие руды и шлаки Ишкининского археологического микрорайона (Южный Урал) / В. В. Зайков, А. М. Юминов, В. В. Ткачев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – N 2 (50).
ЗАЙКОВ В. В., ЮМИНОВ А. М., АНКУШЕВ М. Н., ТКАЧЕВ В. В., НОСКЕВИЧ В. В., ЕПИМАХОВ А. В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология». Этнология. Антропология. – 2013. – N 1. – С. 174–195.
ЗАЙЦЕВА Г. И., ДУБОВА Н. А., СЕМЕНЦОВ А. А., РЕЙМАР П., МЭЛЛОРИ Дж., ЮНГЕР Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур–тепе // Труды Маргианской археологической экспедиции. – М.: Наука, 2008. – Т. 2. – С.166-178.
ЗАХ В. А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1995. – 96 с.
ЗАХ В. А., ИВАНОВ С. Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 7. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2007. – С. 12–21.
ЗАХ В. А., СКОЧИНА С. Н., ПАРХИМОВИЧ С. Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005.

– С. 24–41.
ЗДАНОВИЧ Г. Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во БашГУ, 1985. – С. 110–119.
ЗДАНОВИЧ Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988. – 184 с.
ЗДАНОВИЧ Г. Б. (ред.) Аркаим. – Челябинск, 1990.
ЗДАНОВИЧ Г. Б. Аркаим. – Челябинск, 1995.
ЗДАНОВИЧ Г. Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. – 1997. – N 2. – С. 47–62.
ЗДАНОВИЧ Г. Б., БАТАНИНА И. М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). – Челябинск: Изд-во Крокус; Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. – 260 с.
ЗДАНОВИЧ Г. Б., БАТАНИНА И. М., ЛЕВИТ Н. В., БАТАНИН С. А. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. – 240 с.
ЗДАНОВИЧ Г. Б., ЗДАНОВИЧ Д. Г. Протогородская цивилизация «страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Мат. конф. Ч. V. Кн. 1. – Челябинск: ЧелГУ, 1995. – С. 48–62.
ЗДАНОВИЧ Г. Б., МАЛЮТИНА Т. С. Поселение Берсуат // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. – С. 74–75.
ЗДАНОВИЧ Г. Б., МАЛЮТИНА Т. С. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Рифей, 2004. – С. 56–61.
ЗИМИНА О. Ю., ВОЛКОВ Е. Н., РЯБОГИНА Н. Е., ИВАНОВ С. Н. Новые материалы ранней и поздней бронзы в Тюменском Притоболье (по результатам исследования поселения Мостовое I) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. – 2009. – N 10. – С. 20–34.
ЗТКА, 2013. - ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ. Атлас. – Астана: Назарбаев центр, 2013. – 880 с., ил.
ЗУЕВ Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.
ЗУЕВ Ю. А. Самое сильное племя // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII-XVIII вв. – Алматы, 2004. – С. 31-68.
ИВАНОВ В. В. История славянских и балканских названий металлов. – М.: Наука, 1983. – 197 с.
ИВАНОВ В. В. К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии. – Челябинск, 1999.
ИВАНОВА С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 2001.
ИВАНЧИК А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии. – М.: Палеограф, 2001. – Т. 2. – 324 с.
ИЗБИЦЕР Е. В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. 3 – 2 тыс. до н.э.: автореф. дис. ....канд. ист. наук.: – СПб., 1993. – 27 с.
ИЗБИЦЕР Е. В. Колесница с тормозом, или реконструкции без тормозов // Stratum plus. – 2010. – N 2. – С. 187-194.
ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М. Опыт сравнения ностратических языков: сравнительный словарь. – М., 1971; 1976; 1984.
ИСМАГИЛ Р., МОРОЗОВ Ю. А., ЧАПЛЫГИН М. С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. – Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2009. – 240 с.
ИТИНА М. А. Могильник эпохи бронзы Кокча 3. – М., 1976. – 233 с.
ИТИНА М. А. История степных племён южного Приаралья. – М., 1977. – 287 с.
КАДЫРБАЕВ М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. – Алма-Ата, 1966. – С. 303–428.
КАДЫРБАЕВ М. К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана //Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968.
КАДЫРБАЕВ М. К., КУРМАНКУЛОВ Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). – Алматы: Гылым, 1992. – 247 с., ил.

КАДЫРБАЕВ М. К., МАРЬЯШЕВ А. Н., Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Наука, 1977. – 232 с..
КАДЫРБАЕВ М. К., МАРЬЯШЕВ А. Н. Петроглифы хребта Каратау: 2-е изд. – Алматы, 2007. – 147 с.
КАЙЗЕР Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // КСИА. – 2011. – Вып. 225. – С. 15–27.
КАЛИЦ Н. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта // СА. – 1976. – N 2. – С. 106-117.
КАРГАЛЫ, ТОМ II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология/ Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 184 с.
КАРГАЛЫ, ТОМ III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. редактор Е. Н. Черных. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 320 с.
КИРЧО Л. Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // АЭАЕ. – 2009. – № 1 (37). – С. 25-33.
КИРЧО Л. Б. Север и Юг – встреча на Зеравшане // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 284-286.
КИРЮШИН И. Ф. Энеолит и ранний бронзовый век Южной Сибири. – Барнаул, 2002.
КИРЮШИН Ю. Ф., ГРУШИН С. П., ТИШКИН А. А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). – Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2003. – 333 с.
КИРЮШИН Ю. Ф., МАЛОЛЕТКО А. М., ТИШКИН А. А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. – Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2004. – 288 с.
КИРЮШИН И. Ф., ТИШКИН А. А. Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул, 2009. – 277 с.
КИРЮШИН, Ю. Ф., ГРУШИН С. П., ПАПИН Д. В. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи раннего металла Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: АГУ, 2009. – С. 120–124.
КИСЕЛЕВ С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л., 1949. – 363 с.
КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ. – Пекин, 2007. – 256 с., илл.
КИЯШКО А. В. Вопросы абсолютной хронологии эпохи средней бронзы степей Юго-Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2004. – С. 86–90.
КИЯШКО А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2002. - 268 с.
КЛЕЙН Л. С. Глиняные модели колес эпохи бронзы в северном Причерноморье // Archaeologiai Ertesito. – 1963. – Т. 90.
КЛЕЙН Л. С. Откуда арии пришли в Индию? // Вестник Ленинградского университета. – 1980. – N 20. – С. 35–39.
КЛЕЙН Л. С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991. – 448 с.
КЛЕЙН Л. С. Феномен советской археологии. – СПб.: ФАРН, 1993. – 128 с.
КЛЕЙН Л. С. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum plus. – 2000. – N 2. – С.178–187.
КЛЕЙН Л. С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // Stratum plus. – 2000а. – N 1. – С. 485–515.
КЛЕЙН Л. С. О степном происхождении индоевропейцев // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург: Институт экологии растений и животных УО РАН, 2010. – С. 167-180.
КЛЕЙН Л. С. Время кентавров: степная прародина греков и ариев. – СПб., 2010а. – 347 с.
КЛЕЙН Л. С. Происхождение индоевропейцев и археология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 25-34.

КЛЕЙН Л. С. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Под ред. В. С. Бочкарёва, при участии С. В. Белецкого. – Кн.1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2012а. – 622 с.; Кн. 2. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2013. – 599 с.

КОВАЛЁВ А. А. О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. – С. 160 -166.

КОВАЛЕВ А. А. О происхождении комплекса форм бронзовых лезвийных изделий Древнего Китая (эпохи Ся-Шан) // СЕДС. – 2002. – Кн. I. – С. 158-164.

КОВАЛЕВ А. А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. – СПб., 2004. – С. 249-292.

КОВАЛЕВ А. А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Ю. Ф. Кирюшина. – Барнаул, 2005. – С. 178-184.

КОВАЛЕВ А. А. Чемурчекский культурный феномен (статья 1999 г.) // «А. В.»: Сб. науч. тр. В честь 60-летия А. В. Виноградова. – СПб, 2007. – С. 25-76.

КОВАЛЕВ А. А. Локализайия народов 6-3 вв до н. э. на северных границах китайских государств (по археологическим и письменным источникам) // Записки Института истории материальной культуры РАН. - № 3. - СПб., 2008. - С. 181-2002.

КОВАЛЕВ А. А. Великая чемурческая миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // РАЕ. – 2011. – № 1. – С. 183-244.

КОВАЛЁВ А. А. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 49-56.

КОВАЛЁВ А. А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. – СПб., 2012а. – 160 с.

КОВАЛЕВ А. А, Новые данные о связях культур Западной Сибири, Монголии и Китая в первой половине второго тыс. до н. э. // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии : сб. научн. ст. /отв. ред.А. А. Тишкин. - Барнаул : изд-во Алт. ун-та, 2013. - С. 140-146.

КОВАЛЁВА И. Ф. Новоалександровский энеолитический курган в Днепровском Надпорожье // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье, 1991. – Вып. 2.

КОВАЛЁВА О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 160 с.

КОВАЛЕВА В. Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 102-108.

КОВАЛЕВСКАЯ В. Б. Ассирийские колесницы IX - VII вв. до н. э.: развитие во времени на основании анализа статистических данных // Текст. Контекст. Подтекст. Сб. статей в честь М. Н. Погребовой / отв. ред. Г. Ю. Калганова. - М.: Инст. востоковедения РАН, 2013. - С. 73-81.

КОВТУН И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо - Западной Азии. Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно - Алтая. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2001. – 184 с.

КОВТУН И. В. Конь и лыжник:Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. - Томск : Томский государственный университет, 2012. - Т. IV. - 128 с. + 4 вкл.

КОВТУН И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Институт экологии человека СО РАН. – Кемерово: Азия – Принт, 2013. – 702 с.

КОЖАНОВ С. Т. Колёсный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. – Новосибирск, 1984. – С. 67-75.

КОЖИН П. М. Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тысячелетия до н. э. по первые века н. э. (происхождение и древняя история колесного транспорта). – М., 1982. – Деп. ИНИОН. – № 13481 – 273 с.

КОЖИН П. М. К проблеме хронологии азиатских петроглифов // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск, 1982а. – С. 100-103.

КОЖИН П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 169-183.

КОЖИН П. М. Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 109-125.

КОЖИН П. М. О хронологии иньских памятников Аньяна // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 45-56.

КОЖИН П. М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолоите-раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). - Владивосток: Дальнаука, 2007. - 438 с.

КОЖИН П. М. Разновидности бронзовой ритуальной посуды эпох Шан и Чжоу // 39-я научная конференция «Общество и государство в Китае» (далее – НК ОГК ИВ РАН). – М., 2009. – С.15-22.

КОЖИН П. М. Средиземноморское «койнэ» в 1-м тыс. до н. э. // Аспекты компаративистики 4 / Orientalia classica. Труды Ин-та Восточных культур и античности. – Вып. 28. – М.: РГГУ, 2009а. – С. 55-67.

КОЖИН П. М. Значение этнокультурного компонента в древней лексике // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. – М., 2009б. – С. 44-48.

КОЖИН П. М. Этноисторические наблюдения Ибн-Фадлана (922 г.). «Носорог» у Ибн- Фадлана // Человек: его биологическая и социальная история. – М.: Одинцово, 2010. – Т. 1. – С. 146-150.

КОЖИН П. М. Новый этап первобытной и раннеисторической археологии Средней Азии // На пути открытия цивилизации / Сб. статей к 80-летию В. И. Сарианиди / Труды Маргианской археологической экспедиции. – М., 2010а. – Т. 3. – С.135-143.

КОЖИН П. М. Начальные этапы формирования родственных и социальных коллективов в свете представлений проф. В. В. Бунака об эволюции человека и его сознания (на путях решения загадок Пигмалиона) // Вестник антропологии. – 2010б. – Вып. 19. – С. 25-31.

КОЖИН П. М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. – М.: ИД «Форум», 2011. – 368 с.

КОЖИН П. М. Объективные законы древнего производства // Индоевропейская история в свете новых исследований / Сб. памяти В. А. Сафронова. – М., 2011а. – С. 28-35.

КОЖИН П. М. Развитие техники в Китае от неолита до публикации «Записок о проверке (качества) работ» – Каогунцзи // 41-я НК ОГК, 2011б. – С.142-145.

КОЖИН П. М. Обзор: Сыма Цянь. Исторические записки. – Т. 1-9. – М., 1972-2010 // Восток (Oriens). – 2012. – N 3. – С. 160-167.

КОЖИН П. М. Лепная керамика кочевников раннего бронзового века в Средней Азии // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 4. – Исследования Гонур-тепе в 2008-2011 гг. –М., 2012а. – С. 199-221.

КОЖИН П. М. Совершенствование экономики как стимул территориального роста древних государств (на примере древнего Китая) // 42-я ОГК. – М., 2012б. – Ч. 1. – С. 63-69.

КОЖИН П. М. Древнейший портрет на Енисее // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан, 2013. – N 1(5). – С. 28-34.

КОЖИН П. М. Массовые миграции среди главных факторов перемен функций городских центров // X конгресс этнографов и антропологов. Тезисы докладов. – М.: ИЭА, 2013а. – С. 235-236.

КОЖИН П. М. Место расписной керамики Китая среди евразийских неолитических культур.// Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. – М.: ИВ РАН, 2013б. – С. 77- 99.

КОЖИН П. М., МОЛОДИН В. И. Начало эры металлов // Вестник Новосибирского университета. – 2012. – Серия: история, филология. – Т. 117 – Вып. 10. – С. 6-13.

КОЗИНЦЕВ А. Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов //Археология, этнография и антропология Евразии. – 4 (36). – 2008. – С. 140-144.

КОЗИНЦЕВ А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) //Археология, этнография и антропология Евразии. – 4 (40). – 2009. – С. 125-136.

КОКШАРОВ С. Ф. Факты, комментарии, интерпретации: Рецензия на издание: Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллективная монография. – Екатеринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2011. – 192 с., с ил. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 2. – С. 133–149.

КОЛЕВ Ю. И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. – С. 242-301.

КОМИССАРОВ С. А. К вопросу о происхождении стремян // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 127-129.

КОНИ, КОЛЕСНИЦЫ И КОЛЕСНИЧИЕ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ. Коллективная монография. – Екатеринбург; Самара; Донецк: Институт экологии растений и животных УО РАН, 2010. – 370 с.

КОРЕНЕВСКИЙ С. Н. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. – 1981. – № 1.

КОРЕНЕВСКИЙ С. Н. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // СА. – 1990. – № 4. – С. 125-130.

КОРЕНЕВСКИЙ С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. – М: Таус, 2011. – 336 с., илл.

КОРЕНЯКО В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. – М.: Вост. лит., 2002. – 327 с.

КОРОЛЬКОВА Е.Ф. Властители степей. – СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. – 136 с., ил.

КОРОЧКОВА О. Н., СТЕФАНОВ В. И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. – 2010. – N 4. – С. 120–129.

КОРЯКОВА Л. Н., КРАУЗЕ Р., ЕПИМАХОВ А. В., ШАРАПОВА С. В., ПАНТЕЛЕЕВА С. Е., БЕРСЕНЕВА Н. А., ФОРНАСЬЕ Й., КАЙЗЕР Э., МОЛЧАНОВ И. В., ЧЕЧУШКОВ И. В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. – 2011. – N 4. – С . 61–74.

КОРЯКОВА Л. Н., СТЕФАНОВ В. И., СТЕФАНОВА Н. К. Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III.– Свердловск:УрО РАН, 1991.–72 с.

КОСАРЕВ М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

КОСАРЕВ М. Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.

КОСТЮКОВ В. П., АЛАЕВА И. П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – С. 5–56.

КОСТЮКОВ В. П., ЕПИМАХОВ А. В. Проблема культурной интерпретации памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – С. 278–282.

КОСТЮКОВ В. П., ЕПИМАХОВ А. В. Предварительные результаты исследования могильника эпохи бронзы Троицк–7 // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Часть 2. Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – С. 66–70.

КОСТЮКОВ В. П., ЕПИМАХОВ А. В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. – Актюбинск: Актюбинский государственный университет, 2005. – С. 73–80.

КОСТЮКОВ В. П., ЕПИМАХОВ А. В., НЕЛИН Д. В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 151–163.

КРАДИН Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 416 с. КРИВЦОВА-ГРАКОВА О. А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. – Вып. XVII. – 1948. – С. 57–164.

КРИВЦОВА-ГРАКОВА О. А. Степи Поволжья и Причерноморья в позднем бронзовом веке // МИА. – 1955. – N 6.

КУБАРЕВ В. Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

КУЗНЕЦОВ П. Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. – Вып. 1. – СПб., 1996. – С. 56-59.

КУЗНЕЦОВ П. Ф. О хронологической позиции погребений с заплечиками Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. IV. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. – С. 98-99.

КУЗНЕЦОВ П. Ф. Образы коня в бронзовом веке и еще одна интерпретация ростовкинской композиции // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 81-84.

КУЗНЕЦОВ П. Ф. Пепкинский курган как отображение конфронтации в начальный период формирования культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Поволжья и Урала. – Вып. 2. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – С. 146-154.

КУЗНЕЦОВ П. Ф. Вольско-лбищенская культура // XVII Уральское археологическое совещание. Мат. науч. конф. (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2007. – С. 151-155.

КУЗНЕЦОВ П. Ф. Датировка памятника у Репина хутора и хронология // РА. – 2013. – N 1. – С. 13-21.

КУЗНЕЦОВ П. Ф., МОЧАЛОВ О. Д. Нестандартный раннесрубный погребальный комплекс Юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Вып. 1. – Самара: б. и., 1999. – С. 59-92.

КУЗЬМИНА Е. Е. Могильник Заман - баба // СА. – 1958. – N 2.

КУЗЬМИНА Е. Е. Древнейшая скульптура верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактриана // СА. – 1963. – N 2.

КУЗЬМИНА Е. Е. Колесный транспорт и проблемы этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. – 1974. – N 4. – С. 68-87.

КУЗЬМИНА Е. Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // ВДИ. – 1980. – N 4. – С. 11-35.

КУЗЬМИНА Е. Е. Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей // КСИА. – 1980а. – Вып. 161. – С. 8-21.

КУЗЬМИНА Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М.: Наука, 1981. – С. 101-125.

КУЗЬМИНА Е. Е. Некоторые археологические аспекты происхождения индоиранцев // Ближневосточная коллекция. – 1986. – N 4.

КУЗЬМИНА Е. Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: автореф. ... док. ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 34 с.

КУЗЬМИНА Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Российский институт культурологии РАН и МК РФ, 1994. – 464 с.

КУЗЬМИНА Е. Е. Время истории Волго-Уралья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: НТЦ, 2001. – С. 68-71.

КУЗЬМИНА Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: Принт А, 2008. – 360 с.

КУЗЬМИНА Е. Е. Арии – путь на юг. – М; СПб., 2008а. – 320 с.

КУЗЬМИНА Е. Е. Предыстория Великого шёлкового пути: диалог культур Европа - Азия. Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. – М: КомКнига, 2010. – 240 с.

КУЗЬМИНА Е. Е. Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы в работах В. И. Сарианиди // На пути открытия цивилизации. – СПб., 2010а. – С. 29-38 (ТМАЭ. Т. 3).

КУЗЬМИНЫХ С. В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры или культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, УрГУ, 1993. – С. 116-122.

КУЗЬМИНЫХ С. В. О металле городища Чича-1 // Молодин В. И., Парцингер Г., Кривоногов С. К. и др. Чича – городище переходного времени от бронзы к железу в Барабинской лесостепи. Т. 3. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. – С. 202-212.

КУЗЬМИНЫХ С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. – 2011. – Вып. 225. – С. 240-263.

КУЗЬМИНЫХ С. В., ДЕГТЯРЕВА А. Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. – С. 219-270.

КУКУШКИН И. А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису // РА. – 2011. – № 2. – С. 103-109.

КУКУШКИН И. А. Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой. Новый аспект в археологии бронзы Казахстана. //Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет. – Алматы, 2011а. – С. 97-113.

КУКУШКИН И. А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана /отв. ред. М. К. Хабдулина. Сб. научных статей, посвященный 90-летию со дня

рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. - Астана: изд-во «Сарыарка», 2014. - С. 401-414.
КУЛЛАНДА С. В. О лексических контактах между классическими, индоиранскими и северо-кавказскими языками // Индоевропейская лингвистика и классическая филология. – Т. XVI. – Материалы конференции в честь профессора И. М. Тронского. – СПб: Наука, 2012. – С. 406-415.
КУПРИЯНОВА Е.В. Аркаим: костюм и украшения женщин эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей // Буклет. - Челябинск, 2006.
КУПРИЯНОВА Е. В., ЯКИМОВ А. С., САФАРОВА Л. Р., БАЖЕНОВ А. И. Особенности стратиграфии поселения Стрелецкое (предварительные результаты исследований) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 82-102.
КУРМАНКУЛОВ Ж. К., ЕРМОЛАЕВА А. С. Археология эпохи бронзы в независимом Казахстане // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет. – Алматы, 2011. – С. 69-84.
КУРОЧКИН Г. Н. Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» пазырыкских курганов // ПАВ. – 1994. – N 8. – С. 60-70.
КУШТАН Д. П. Трансъевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы // Российский археологический ежегодник. – № 2. – СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та, 2012. – С. 246-262.
КУФТИН Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Т. 1. Опыт периодизации памятников. – Тбилиси: изд-во АН Грузии, 1941. – 492 с.
КУФТИН Б. А. Материалы к археологии Колхиды. – Тбилиси, 1949. – 127 с.
КЫЗЛАСОВ Л. Р. Древнейшая Хакасия. – М.: изд-во МГУ, 1986. – 295 с.
ЛАЗАРЕТОВ И. П. Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997. – С.137-146.
ЛАЗАРЕТОВ И. П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. – Кемерово, 2011. – С. 59-63.
ЛЕОНТЬЕВ Н. В., КАПЕЛЬКО В. Ф., ЕСИН Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006. – 217 с.
ЛЕСКОВ А. М. Древнейшие роговые псалии из Тахтемирова // СА. – 1964. – N 1. – С. 299–303.
ЛИНДАФФ К. Как далеко на восток распространялась евразийская металлургическая провинция // РА. – 2005. – N 4. – С. 25-35.
ЛИНДАФ К. М. Торговля и обмен товарами в конце I тыс. до н. э. после исследований М. П. Грязнова // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 412-420.
ЛИНЬ ЮНЬ. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями Шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 29-45.
ЛИТВИНЕНКО Р. А. Культурные области Бабино и Синташты: к проблеме хронологического соотношения // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. – Уфа: изд-во БГПУ, 2006. – С. 92-105.
ЛИТВИНЕНКО Р. А. Южно-уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары: Чувашский ин-т гуманитарных исследований, 2003. – С. 145-152.
ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Памятники бронзовой эпохи и раннего железного века в Кайрак Кум. – Душанбе, 1962.
ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М.: Наука, 1981. – С. 54-166.
ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Храм Окса. – М., 2010. – Т. 3. – 217 с.
ЛОГВИН В. Н. Работы в Тургайской области // АО, 1974. – М.: Наука, 1975. – С. 491-492.
ЛОГВИН В. Н., ЧЕНЧЕНКОВА О. П. Утюжок с личиной из Южного Тургая // РА. - 2006. - № 1. - С. 143-147.
ЛОГВИН А. В., ШЕВНИНА И. В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы. – Том 1. – 2011. – С. 349-360.

ЛОГВИН А. В., ШЕВНИНА И. В. Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения-2011. – Астана, 2011а. – С. 291–295.
ЛОМАН В. Г., КУКУШКИН И. А. Могильник Кудрявая Сопка 1 // Ред. В. В. Варфоломеев // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения–2008». – Караганда, 2009. – С. 91-96.
ЛУБОЦКИЙ А. Кем были люди из Гонура и на каком языке они говорили? // На пути открытия цивилизации. – СПб., 2010.
МАКСИМОВА А. Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // ВАН Каз ССР. – 1958. – № 9. – С. 108-116.
МАКСИМЕНКОВ Г. А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 192 с.
МАЛОВ Н. М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: НТЦ, 2001. – С. 199-202.
МАЛЮТИНА Т. С., ЗДАНОВИЧ Г. Б. Куйсак – укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Мат. конф. Ч. V. Кн. 1. – Челябинск: ЧелГУ, 1995. – С. 100-106.
МАЛЮТИНА Т. С., ЗДАНОВИЧ Г. Б. Могильник Кизильский I: у истоков строительства аркаимских крепостей // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. Н. О. Иванова, А. Д. Таиров. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 51-64.
МАЛЮТИНА Т. С., ЗДАНОВИЧ Г. Б., ГАВРИЛЮК А. Г. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 1. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. – С. 179-206.
МАЛЮТИНА Т. С., ЗДАНОВИЧ Г. Б., ПЕТРОВА Л. Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 148-167.
МАЛЮТИНА Т. С., КУПРИЯНОВА Е. В., РАФИКОВА М. Р. Раскопки курганного могильника Худолазские Курганы на Южном Урале в 2008 г. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 26-31.
МАЛЮТИНА Т. С., УСАЧУК А. Н. Заготовка псалия из рога лося с укрепленного поселения Куйсак в Южном Зауралье // Археологический альманах. – N 15. – Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. – Донецк, 2004. – С. 111-114.
МАНДЕЛЬШТАМ А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – Л.: Наука, 1968. – (МИА. – № 145) –184 с.
МАРГУЛАН А. Х., АКИШЕВ К. А., КАДЫРБАЕВ М. К., ОРАЗБАЕВ А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 578 с.
МАРГУЛАН А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – 320 с.
МАРГУЛАН А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Резьба по дереву и кости. Художественная обработка металла и тиснение по коже. – Алматы: Өнер, 1994. – Т. 3. – 248 с.
МАРГУЛАН А. Х. История археологического исследования Центрального Казахстана // Сочинения. VI том. – Алматы: Алатау, 2008. – 496 с.
МАРКОВ Г. Е. Кочевники Азии (структура хозяйства и общая организация). – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 319 с.
МАРСАДОЛОВ Л.С., ТИШКИН А.А, Основная библиография печатных работ археологов за последние 50 лет (1947-1997 гг.) по конскому снаряжению I тыс. до н. э. в степной полосе Евразии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.Ф,Кирюшина и А.А.Тишкина. - Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1998. - С. 91-92.
МАРТЫНОВ А. А., ШЕР Я. А. Методы археологического исследования. – М.: Высшая школа, 1989.–223 с.
МАРЬЯШЕВ А. Н. Наскальные изображения Казахстана: итоги 20-летнего изучения и проблемы // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы. – Т. 1. – 2011. – С. 36-40.
МАРЬЯШЕВ А. Н., РОГОЖИНСКИЙ А. Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 48 с., 60 илл.

МАРЬЯШЕВ А. Н., ГОРЯЧЕВ А. А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: Общественный фонд «Родничок», 2002. – 238 с.

МАРЬЯШЕВ А. Н., ГОРЯЧЕВ А. А. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2008. – №1 (254). – С. 101-109.

МАРЬЯШЕВ А. Н., ГОРЯЧЕВ А. А. Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетысу // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет. – Алматы, 2011. – С. 313-337.

МАСАНОВ Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана 18-19 вв. – Алма Ата: Наука, 1984. – 326 с.

МАСАНОВ Н. Э. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // ВАН Каз.ССР. – 1987. – № 3. – С. 29-39.

МАСАНОВ Н. Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма Ата: Наука, 1989. – С. 55-81.

МАСАНОВ Н. Э. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов // Сезонный экономический цикл населения Северо Западного Прикаспия в бронзовом веке. – М., 2000. – С. 116-130.

МАСАНОВ Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Издание 2-е, дополненное. – Алматы: Print-S, 2011 – 740 с.

МАТВЕЕВ А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1993. – 181 с.

МАТВЕЕВ А. В. Лесостепное Зауралье во II – I тыс. до н. э: Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2000. – 50 с.

МАТВЕЕВ А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1998. – 417 с.

МАТВЕЕВ А. В. Черкаскульская культура Зауралья // Ab origine: проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – С. 4-41.

МАТВЕЕВ А. В., АНОШКО О. М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. – Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2009. – 416 с.

МАТВЕЕВ А. В., ВОЛКОВ Е. Н., КОСТОМАРОВА Ю. В. Материалы новых раскопок Хрипуновского могильника // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 108-113.

МАТВЕЕВ А. В., ОРИЩЕНКО А. В., ЗАХ В. А., ПАНФИЛОВ А. Н., ПЕТРЕНКО Ю. В. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Алтайский ун-т, 1991. – С. 28-31.

МАТВЕЕВА Н. П., АНОШКО О. М., ЦЕМБАЛЮК С. И. Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье) // РА. – 2006. – N 2. – С. 24–37.

МАТВЕЕВА Н. П., ВОЛКОВ Е. Н., МАТВЕЕВ А. В. Изучение этнокультурных ареалов и материальной культуры энеолита и бронзового века в Зауралье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Вып. 6. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. – С. 118–128.

МАТВЕЕВА Н. П., ВОЛКОВ Е. Н., РЯБОГИНА Н. Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд. 2003. – 174 с.

МЕРПЕРТ Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: автореферат ... дис. докт. ист. наук. – М., 1968. – 84 с.

МЕРПЕРТ Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 152 с., 18 илл.

МЕРПЕРТ Н. Я. Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 68-79.

МЕРПЕРТ Н. Я. Срубная культурно-историческая область. – М., 1985.

МЕРПЕРТ Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тыс. до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М.: Наука, 1988. – Вып. 80. – С. 7-36.

МЕРПЕРТ Н. Я., МУНЧАЕВ Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии (по материалам раскопок Советской экспедиции). – М.: Наука, 1971. – 320 с.

МЕРЦ В. К. Наскальные рисунки края Кереку-Баян. – Павлодар: изд-во Павлодарского университета, 2002. – 114 с.

МЕРЦ В. К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003.

МЕРЦ В. К. К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потемкиной. – Курган, 2007. – С. 71-75.

МЕРЦ В. К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореферат дис. канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 26 с.

МЕРЦ И. В. История изучения эпохи ранней бронзы Восточного и Северо-Восточного Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул, 2010. – С. 49–58.

МЕРЦ В. К. Каменный жезл с антропоморфным изображением из Павлодарской области // VIII исторические чтения памяти М. П. Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Сб. научных трудов. – Омск, 2012. – С. 130-135.

МЕРЦ В. К., МЕРЦ И. В. Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 134-144.

МЕРЦ И. В. История изучения эпохи ранней бронзы Восточного и Северо-Восточного Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул, 2010. – С. 49-58.

МИКЛАШЕВИЧ Е. А., МУХАРЕВА А. Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. – Кемерово, 2011. – С. 233-249.

МИМОХОД Р. А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2004. – С. 108–104.

МИМОХОД Р. А. Лолинская культура финала средной бронзы Северо-Западного Прикаспия // РА. – 2007. – N 4. – С.143–154.

МИМОХОД Р. А. О верхней дате вольско-лбищенской культурной группы // Археологические памятники Восточной Европы. – Вып. 13. – Воронеж, 2009. – С. 276–278.

МИМОХОД Р. А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический сборник. – 2009-2010. – N 13–14. – С. 67–82.

МИМОХОД Р. А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований. – КСИА. – Вып. 225. – 2011. – С. 28–53.

МИНЯЕВ С. С., САХАРОВСКАЯ Л. М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. – СПб. – Вып. 14. – 2007. – С. 130-137.

МНАЦАКАНЯН А. О. Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 году // СА. – 1957. – N 2. – С. 146-153.

МНАЦАКАНЯН А. О. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье озера Севан // СА. – 1960. – N 2. – С. 139-152.

МОЛОДИН В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – 200 с.

МОЛОДИН В. И. Современные концепции бронзового века Обь-Иртышской степи // Археологические исследования в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск, 2010.

МОЛОДИН В. И., КОМИССАРОВ С. А. Соотношение древних культур Восточного Туркестана и Сибири (к историографии проблемы) // Восток – Россия – Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В. С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – С. 273-301.

МОЛОДИН В. И., КОМИССАРОВ С. А., СОЛОВЬЕВ А. И. Еще раз о китайсикх источниках по эпохе бронзы и необходимости критического к ним отношения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 394–300.

МОЛОДИН В. И., ПАРЦИНГЕР Г., КРИВОНОГОВ С. К. и др. Чича – городище переходного времени от бронзы к железу в Барабинской лесостепи. – Т. 3. – Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. – 248 с.

МОЛОДИН В. И., ПАРЦИНГЕР Г., МАРЧЕНКО Ж. В. и др. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 325-328.

МОЛОДИН В. И., ПАРЦИНГЕР Г., КРИВОНОГОВ С. К. И др. Чича – городище переходного времени от

бронзы к железу в Барабинской лесостепи. – Т. 3. – Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2009. – 248 с.
МОЛОДИН В. И., ЕПИМАХОВ А. В., МАРЧЕНКО Ж. В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. – 2014. В печати.
МОРГУНОВА Н. Л. Курганы у с. Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. I. – Оренбург: ДИМУР, 1996. – С. 8–41.
МОРГУНОВА Н. Л. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2006. – С. 67-71.
МОРГУНОВА Н. Л., КРАВЦОВ А. Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: Наука, 1994. – 153 с.
МОРГУНОВА Н. Л., ХАЛЯПИН М. В., ХАЛЯПИНА О. А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. V. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2001. – С. 99-125.
МОРГУНОВА Н. Л., ХАЛЯПИН М. В. Новые исследования памятников эпохи бронзы в центральном Оренбуржье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 225-229.
МОРГУНОВА Н. Л., ТУРЕЦКИЙ М. А. Ямные памятники у с. Шумаево: новые данные о колёсном транспорте у населения Западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2003.
МОРГУНОВА Н. Л., ХОХЛОВА О. С., ЗАЙЦЕВА Г. И., ЧИЧАГОВА О. А., ГОЛЬЕВА А. А. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Приуралья // Шумаевские курганы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – С. 264-274.
МОРГУНОВА Н. Л., КРАЕВА Л. А., МАТЮШКО И. В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. VII. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2005. – С. 5-49.
МОРГУНОВА Н. Л., ГОЛЬЕВА А. А., ЕВГЕНЬЕВ и др. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2009а. – 98 с.
МОРГУНОВА Н. Л., ЗАЙЦЕВА Г. И., КОВАЛЮХ Н. Н., СКРИПКИН В. В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 9. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2009б. – С. 53-75.
МОРГУНОВА Н. Л., ГОЛЬЕВА А. А., ДЕГТЯРЕВА А. Д., и др. Скворцовский курганный могильник. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2010. – 160 с.
МОРОЗОВ Ю. А. О культурно-хронологическом соотношении срубных и межовских керамических комплексов на Казангуловском поселении // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 41-51.
МОРОЗОВ Ю. А. Находки бронзолитейного производства на поселении Азануй в верховьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. – Вып. 4. – Уфа: Главное управление госохраны и использования недвижимых объектов культурного наследия МКиНП РБ, 2003. – С. 113-114.
МОРОЗОВ Ю. А., РУТТО Н. Г. Чишминское поселение срубной культуры на реке Уршак // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 72-84.
МОРОЗОВ Ю. А., НИГМАТУЛЛИН Р. А. Этнокультурные связи срубных племен Приуралья в эпоху развитой бронзы (по материалам Петряевского могильника) / Препринт. – Уфа: б. и., 1998. – 40 с.
МОТОВ Ю. А. «Восхождение на небо». К интерпретации погребального обряда пазырыкской элиты по материалам Первого кургана могильника Пазырык // История и археология Семиречья. Сб. статей и публикаций. – Алматы, 2007. – Т. 3. – С. 42-73.
МОЧАЛОВ О. Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы в лесостепном междуречье Волги и Урала. – Самара, 2008.
МУНЧАЕВ Р. М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. – М.: Наука, 1975. – 416 с.
МУРГАБАЕВ С. Петроглифы хребта Каратау (по материалам Жанакоргинского района, Шиели) // Вестн. Международного казахско-турецкого Университета им. Х.А. Ясауи. Сер. обществ. наук. – 2005. – № 5. – С. 120-126.
МУРГАБАЕВ С. Проблемы хронологии и культурных связей ранних петроглифов Каратау // Научное обозрение Саяно-Алтая. К 75-летию Н.В. Леонтьева. Сер.: Археология. – Абакан: «ХакНИИЯЛИ», 2013. – № 1 (5). – С. 52-65.
МУРГАБАЕВ С., ЕЛЕУОВ М., САМАШЕВ З. Үлкен Қаратау петроглифтері. // ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы. – N 3 (42). – Алматы, 2006. – Б. 68-73.
МУХАРЁВА А. Н. Изображения крытых повозок в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2011. – С. 72–78. (Изв. лаборатории археологических исследований. Вып. 25).
МЮЛЛЕР-КАРПЕ Г. Циркумпонтийские отношения в период ранней и средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси: Мецниереба. 1987. – С. 157-167.
НАПОЛЬСКИХ В. В. Введение в историю // Уральские исследования. – Ижевск, 1997.
НАПОЛЬСКИХ В. В. Отношения Урал – арии: научная традиция и новые вопросы // XVIII Уральская археологическая конференция. – Уфа, 2010.
НЕЛИН Д. В. Шибаево I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – С. 150-180.
НЕФЕДКИН А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 528 с.
НЕФЁДКИН А. К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). – СПб.: Нестор-История, 2011. – 304 с.
НИКОЛАЕВ С. Л., СТАРОСТИН С. А. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Ближнего Востока // Лингвистические реконструкции и древняя история Востока. – М., 1984.
НИКОЛАЕВА Н. А., САФРОНОВ В. А. Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры – культуры древнейших повозок // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. – Орджоникидзе, 1982. – С. 43-83.
НИКОЛОВА Л. Ямная культура на Баланах // Stratum plus. – 2000. – № 2. – С. 423–458.
НИКОНОВ В. А. Географические названия Млечного пути // Ономастика Востока. – М., 1980.
НОВГОРОДОВА Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 178 с., ил.
НОВГОРОДОВА Э. А. Дорогой древних колесниц // Вокруг света. – 1971. – N 3. – С. 49-53.
НОВГОРОДОВА Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // СА. – 1978. – N 4. – С. 193-206.
НОВГОРОДОВА Э. А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с., ил.
НОВГОРОДОВА Э. А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
НОВОЖЕНОВ В. А. О датировке наскальных изображений Сары-Арки // Проблемы периодизации и хронологии археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во университета, 1987. – С. 79-89.
НОВОЖЕНОВ В. А. Колесный транспорт эпохи бронзы урало-казахстанских степей // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во университета, 1989. – С. 79-89.
НОВОЖЕНОВ В. А. О взаимосвязях населения Казахского мелкосопочника в древности // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С.130-136.
НОВОЖЕНОВ В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). – Алматы: изд-во Аргументы и Факты – Казахстан, 1994. – 297 с.
НОВОЖЕНОВ В. А. Петроглифы Сары Арки. – Алматы: изд-во Института археологии, 2002. – 125 с., ил.
НОВОЖЕНОВ В. А. Азиатские колесницы (к проблеме выделения азиатского колесничного комплекса) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20 - летию Независимости Республики Казахстан и 20 - летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. - Алматы, 2011. – Т. 1. – С. 247- 256.
НОВОЖЕНОВ В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Под редакцией Е. Е. Кузминой. – М.: Таус, 2012. – 500 с.
НОВОЖЕНОВ В. А. Андроновская изобразительная традиция: конец мифа? (методологический ас-

пект) // Археология и история Сары Арки. – Караганда: изд-во КарГУ, 2012а. – С. 114-145.

НОВОЖЕНОВ В. А. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110 - летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012б. – Т. 2. – С. 183-187.

НОВОЖЕНОВ В. А. Петроглифический канал коммуникации // Методика исследования культовых комплексов. – Барнаул, 2012в. – С. 57-65.

НОВОЖЕНОВ В. А. Образ возничего в мелкой пластике и петроглифах Центральной Азии второй половины 3 тыс. до н. э. // Материалы III международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012». – Актобе, 2012 г. – С. 42-50.

НОВОЖЕНОВ В. А. Древнеямные памятники Сарыарки в контексте синхронных памятников степной Евразии и наскальная изобразительная традиция // Маргулановские чтения - 2012. Материалы ежегодной научно-практической конференции. – Астана: изд-во ИА им. А. Х. Маргулана, 2012д. – С. 68-83.

НОВОЖЕНОВ В. А. К вопросу об идентификации тамгообразных знаков в петроглифах Центральной Азии (методологический аспект) // Историко-культурное наследие и современная культура. – Алматы: изд-во КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов, 2012е. – С. 117-122.

НОВОЖЕНОВ В. А. Заметки по этнокультурной истории племён эпохи бронзы Центральной Азии // Материалы и исследования по культурогенетическим процессам на территории древнего и средневекового Казахстана. Полевые материалы и исследования кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ им. Аль-Фараби. – Вып. 2. – Алматы: «Казак университетi», 2012ж. – С. 44-67.

НОВОЖЕНОВ В. А. Ямно-афанасьевские изобразительные коммуникации населения Сарыарки в эпоху ранней бронзы //Материалы республиканской научно-практической конференции «V Оразбаевские чтения: Отечественная археология и этнология: исследования, открытия и интерпретации». 26-27 апреля 2013 г. – Алматы: «Казак университетi», 2013. – С.100-117.

НОВОЖЕНОВ В. А. К вопросу о древнейших коммуникациях Евразии // Археологические исследования степной Евразии. Сб. статей к 70-летию В. В. Евдокимова. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2013а. –

С. 52 – 67.

НОВОЖЕНОВ В. А. Изобразительные коммуникации населения Урало-Казахстанских степей в эпоху энеолита и ранней бронзы // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сборник научных трудов. – Омск: издательский дом «Наука», 2013б. – С. 185-197.

НОВОЖЕНОВ В. А. О функциональном предназначении крюков-багров из памятников эпохи бронзы степной Евразии // Археология Казахстана: итоги и перспективы: материалы международной научно – практической конференции. (5 декабря 2013 г.) / отв. ред. Р. О. Карибжанова – Алматы: РГП «Гылым ордасы», 2013в. – С. 128 - 138.

НОВОЖЕНОВ В. А. Индоевропейские коммуникации в свете распространения древнейшего колёсного транспорта: модель кочевой прародины // Материалы и исследования по культурогенетическим процессам в эпоху бронзы и РЖВ. Материалы стендовой конференции и круглого стола «Традиционная культура казахов и протоказахов (вопросы генезиса и преемственности)», приуроченных к 60-летию профессора А. Т. Толеубаева. Исследования кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ им. Аль-Фараби. – Вып. 4. – Алматы: «Казак университетi», 2013г. – С. 19-71.

НОВОЖЕНОВ В. А. Древнейшие кузнецы Евразийской степи (карасукская культура и происхождение бегазы-дандыбаевского феномена) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А. З. Бейсенов. – Алматы, 2013д. – С. 321-329.

НОВОЖЕНОВ В. А. Е. Е. Кузьмина: проблема происхождения индоиранцев // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Историческая наука Казахстана: современное состояние и перспективы развития», посвященной 75-летию исторического факультета Карагандинского университета, Караганда, 6 декабря 2013 года / отв ред.: Смагулова Г.М., Шотбакова Л.К., Оразбекова Г.Б. – Караганда : Гласир, 2014. – С. 124-130.

НОВОЖЕНОВ В. А. К вопросу о происхождении А - образного типа двуколок Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2 (58). – Новосибирск, 2014а. – С. 90 – 100.

НОВОЖЕНОВ В. А. Этнокультурные маркеры андроновского погребального обряда (по материалам могильника Карагайлы 3) // Материалы международной научно-практической конференции «VI Оразбаевские чтения» по теме «Проблема преемственности культур в археологии и этнологии», приуроченной к 80-летию КазНУимени Аль-Фараби (25 апреля 2014 г.) / Отв. ред. А. Б. Калыш, Р. С. Жуматаев. – Алматы : «Казак университетi», 2014б. – С. 115 - 127.

НОВОЖЕНОВ В. А. Повозки ранних кочевников в центре Азии // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития археологической и этнологической науки в Казахстане», приуроченной к 80-летию КазНУимени аль-Фараби и 90-летию почетного академика НАН РК У.К.Шалекенова (16 мая 2014 г.) / Отв. ред. Б. К. Калшабаева. – Алматы : «Казак университетi», 2014в. – С. 142 - 151.

НОВОЖЕНОВ В. А. Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху поздней бронзы // Материалы Всероссийской научной конференции «Архаическое и традиционное искусство Сибири: проблемы научной и художественной интерпретации». – ноябрь 2014г. – Новосибирск. В печати.

НОВОЖЕНОВ В. А. Андроновская изобразительная традиция в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии // Арии степей Евразии (эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и сопредельных территориях. Сборник памяти Е. Е. Кузьминой. / Отв. ред. В. И. Молодин. – М., Новосибирск, 2014г. В печати.

НОВОЖЕНОВ В. А. Разграбление могил как коммуникативный меседж // Материалы Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014ж. В печати.

НОВОЖЕНОВ В. А., СМИРНОВ Д. А., ШЕР Я. А. Компьютерный банк данных «Петроглифы Центральной и Средней Азии» (общая концепция и основные структуры) // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово, 1993. – С. 48-60.

НОВОЖЕНОВ В. А., АЛТЫНБЕКОВ К. К вопросу об использовании колесниц в эпоху ранних кочевников // Восхождение к вершинам археологии: сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А.Акишева / Гл. ред. Б.А.Байтанаев, отв. ред. К.М.Байпаков. – Алматы: изд-во ИА археологии имени А. Х. Маргулана, 2014. – С. 231 – 247.

НУРУМОВ Т. Н., МАКАРОВА Л. А. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. – Алма-Ата: Наука, 1988. – С. 7-36.

ОБЫДЕННОВ М. Ф. Древние памятники северо-восточной Башкирии. – Уфа: б. и., 1991. – 158 с.

ОБЫДЕННОВ М. Ф. Межовская культура. – Уфа: изд-во БЭК, 1998. – 201 с.

ОБЫДЕННОВ М. Ф., ГОРБУНОВ В. С., МУРАВКИНА Л. И., ОБЫДЕННОВА Г. Т., ГАРУСТОВИЧ Г. Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. – Уфа: изд-во Башгоспедуниверситета, 2001. – 159 с.

ОБЫДЕННОВ М. Ф., ОБЫДЕННОВА Г. Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. – Самара: изд-во СамГУ, 1992. – 172 с.

ОБЫДЕННОВ М. Ф., ШОРИН А. Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: изд-во УрГУ, 1995. – 196 с.

ОБЫДЕННОВ М. Ф., ШОРИН А. Ф. Черкаскульская культура. – Уфа: Юридический колледж, 2005. – 139 с.

ОБЫДЕННОВА Г. Т., ШУТЕЛЕВА И. А., ЩЕРБАКОВ Н. Б., ХОХЛОВА О. С., КОВАЛЮХ Н. Н., СКРИПКИН В. В. Некоторые результаты применения комплексного подхода при изучении памятника позднего бронзового века Башкирского Приуралья – Мурадымовского поселения // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. – Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 435-438.

ОКЛАДНИКОВ А. П., ОКЛАДНИКОВА Е. А., ЗАПОРОЖСКАЯ В. Д., СКОРЫНИНА Э. А. Петроглифы Чанкыр-Келя. – Новосибирск: Наука, 1981. –146 с., ил.

ОКЛАДНИКОВ А. П., ОКЛАДНИКОВА Е. А., ЗАПОРОЖСКАЯ В. Д., СКОРЫНИНА Э. А. Петроглифы урочища Сары-Сатак. – Новосибирск: Наука, 1982. – 149 с., ил.

ОЛЬХОВСКИЙ В. С. Об археологических признаках миграций в эпоху бронзы и раннего железа // Маргулановские чтения 1990 г. – М., 1992. – Ч.1. – С. 30-33.

ОРЛОВА Л. А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1995. – С. 87-97.

ОТРОЩЕНКО В. В. До уточнення хронологіі синташтинскоі культури // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы. – Днепропетровск: изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1994. – С. 39-41.

ОТРОЩЕНКО В. В. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск: Ин-т евразийских исследований, Ин-т степи УрО РАН, 2000. –

С. 66-72.

ОТРОЩЕНКО В. В. Проблемы периодизации культур средней и поздней бронзы Западной Европы. – Киев, 2001. – 277 с.

ОТРОЩЕНКО В. В., ВОВК Т. А. До етнічної належності носіїв культур зрубної спільноти // Магістеріум. Археологічні студії. – Киев: НаУКМА, 2001. – С. 69-75.

ОТРОЩЕНКО В. В. Герой чи заробітчанин? // Магістеріум. Археологічні студії. – Вып. 53. – Киев: НаУКМА, 2013. – С. 18-21.

ОЧЕРКИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1. Поселения и жилища. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. – 485 с.

ПАНЮШКИНА И. П. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э. Р. Усманова. – Караганда – Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. – С. 196-204.

ПАМЯТНИКИ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ: археологические сюжеты / отв. ред. Э. Р. Усманова. – Караганда–Лисаковск : Tengi Ltd, 2013. – С. 196-207.

ПАРЦИНГЕР Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // АЭАЕ. – 2000. – № 1. – С. 66-75.

ПЕТРОВА Л. Ю. Керамические комплекс эпохи поздней бронзы степной зоны Южного Зауралья // Известия ЧНЦ. – Вып. 2 (36). – 2007. – С. 81-85.

ПЕТРОВА Л. Ю. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. – Вып. 2. – Челябинск: изд-во ЧГПУ, 2004. – С. 181-206.

ПИЛИПЕНКО А. С., МОЛОДИН В. И. Палеогенетические анализы в археологических исследованиях // Журнал Вавиловского общества генетиков и селекционеров. – 2010. – Т. 14. – N 2.

ПИОТРОВСКИЙ Б. Б. Ванское царство. – М.: Наука, 1959.

ПИЦХЕЛАУРИ К. Древнегрузинский очаг цивилизации на Южном Кавказе. // Археология Кавказа. – 2010. - №№ 2-3. – Тбилиси: Национальный музей Грузии. – С. 117 –135.

ПЛЕТНЕВА С. А. Очерки хазарской археологии. – М.-Иерусалим: Гешарим, 2000. – 365 с.

ПЛИХТ Й. ван дер, ШИШЛИНА Н. И., ХЕДЖЕС Р.Е.М., ЗАЗОВСКАЯ Э. П., СЕВАСТЬЯНОВ В. С.,

ЧИЧАГОВА О. А. Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия // РА. – 2007. – N 2. – С. 39–47.

ПОГРЕБОВА М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. – М.: Наука, 1971. – 183 с.

ПОГРЕБОВА М. Н. О миграции иранских племён в Восточном Закавказье в предскифскую эпоху //СА. – 1977. – N 2.

ПОГРЕБОВА М. Н. История Восточного Закавказья (в первой половине второго – начале первого тыс. до н.э.). – М., 2011. – 287 с.

ПОДОЛЬСКИЙ М. Л. Становление степного скотоводства на Саяно-Алтае (по материалам Минусинской котловины) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 7-10.

ПОДОЛЬСКИЙ М. Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез: сборник научных статей. – СПб., 2007. – С. 113-128.

ПОЛИДОВИЧ Ю. Б. Конь и конская узда в системе погребальной обрядности народов юга Восточной Европы предскифского и скифского времени // Текст. Контекст. Подтекст. Сб. статей в честь М. Н. Погребовой / отв. ред. Г. Ю. Калганова. - М.: Инст. востоковедения РАН, 2013. - С. 157-227.

ПОЛО МАРКО. Путешествие. Перевод со старофранцузского И. П. Минаева. Вступительная статья, комментарий и редакция перевода К. И. Кунина. – Л.: Художественная литература, 1940. – 313 с.

ПОЛОСЬМАК Н. В. Всадники Укока. – Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2001.

ПОЛОСЬМАК Н.В., КУНДО Л.П. Пазарыкцы в поисках красного цвета // Центральная Азия. Источники, история, культура. – М., 2005.

ПОЛЯКОВ А. В., СВЯТКО С. В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. 5. – С. 20–46.

ПОТЕМКИНА Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

ПОТЕМКИНА Т. М. Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. -1975. – N 1. – С. 35-50.

ПОТЕМКИНА Т. М. Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – № 3. – С. 62-72.

ПЬЯНКОВ И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток - Orient. – 1995. – № 6. – М.: Наука. – С. 3-27.

ПЯТКИН Б. Н., МИКЛАШЕВИЧ Е. А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 146-153.

РАЕВСКИЙ Д. С. Очерки идеологии скифо–сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977. – 267 с.

РАФИКОВА Я. В. К вопросу о погребальных памятниках эпохи поздней бронзы Магнитогорского района // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: НТЦ, 2001. – С. 327-333.

РЕЗЕПКИН А. Д. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ ст. Новосвободная // КСИА. – 1987. – Вып. 192. – С. 26-32.

РЕМПЕЛЬ Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент: Изд-во Института литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. – 190 с.

РОГОЖИНСКИЙ А. Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. – Алматы, 1999. – С.7-43.

РОГОЖИНСКИЙ А. Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы. // История и археология Семиречья. – Вып. 2. – Алматы, 2001. – С. 7-44.

РОГОЖИНСКИЙ А. Е. Изучение и сохранение памятников наскального искусства в Казахстане (итоги и перспективы на рубеже столетий) // Вестник САИПИ. – Вып. 5. – Кемерово , 2002. – С. 12-20.

РОГОЖИНСКИЙ А. Е. Наскальные изображения «солнцеголовых» из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Вып. 4. – Бишкек, 2009.

РОГОЖИНСКИЙ А. Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. – Кемерово, 2011. – С. 87-99.

РОГОЖИНСКИЙ А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. – Алматы, 2011а. – 342 с.

РОГОЖИНСКИЙ А. Е., АУБЕКЕРОВ Б. Ж., САЛА Р. Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 44-92.

РТВЕЛАДЗЕ Э. Великий Шёлковый путь: древность и средневековье. – Ташкент: Узбекистон милий энциклопедияси, 1999. – 280 с.

РУДЕНКО С. И. Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVII. – С. 106–116.

РУДЕНКО С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. – 233 с.

РУДЕНКО С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960. – 257 с.

РУДКОВСКИЙ И. В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. - Алматы: изд-во ИА им. А. Х. Маргулана, 2013. - 192 с., ил.

РУМЯНЦЕВ Е. А. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая // СА. – 1961. – № 1. – С. 236-242.

РУСАНОВ И. А. Особенности металлургии укрепленных поселений бронзового века Зауралья (по данным экспериментальных работ) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики

Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – Т. 1. – С. 314-320.
РУТТО Н. Г. Новые срубно-алакульские памятники Южного Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железного века. – Уфа: БФАН СССР, 1982. – С. 20-29.
РУТТО Н. Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. – Уфа: Гилем, 2003. – 212 с.
РЫКУШИНА Г. В., ЗАЙБЕРТ В. Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: изд-во Башкирского университета, 1984. – С. 121-136.
РЫНДИНА Н. В., ДЕГТЯРЁВА А. Д. Энеолит и бронзовый век. – М., 2002.
РЯБОГИНА Н. Е., ИВАНОВ С. Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2011. – N 4 (48).
САВЕЛЬЕВА И. М., ПОЛЕТАЕВ А. В. Знание о прошлом: теория и история. – Т. 1: Конструирование прошлого. – СПб.: Наука, 2003. – 632 с.
САВИНОВ Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: Археологические культуры и культурогенез. – СПб., 2002. – 257 с.
САЛА Р., ДЕОМ Ж.-М. Наскальные изображения Южного Казахстана. – Алматы, 2005. – 150 с.
САЛЛИНЗ М. Экономика каменного века. – М.: ОГИ, 2000. – 296 с.
САЛЬНИКОВ К. В. Кипельское селище // СА. – 1957. – Т. XXVII. – С. 193-208.
САЛЬНИКОВ К. В. Раскопки у села Ново-Бурино (1948 год) // СА. – 1959. – Вып. XXIX XXX. – С. 172–185.
САЛЬНИКОВ К. В. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы // АЭБ. – Т. 1. – Уфа, 1962. – С. 16-58.
САЛЬНИКОВ К. В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с., ил.
САМАШЕВ З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
САМАШЕВ З. Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 с.
САМАШЕВ З. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: автореф. ... докт. ист. наук: 07.00.06. – Алматы: ИА МОН РК, 2010. – 59 с.
САМАШЕВ З. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.
САМАШЕВ З. Изобразительная деятельность в бронзовом веке (к изучению проблемы в контексте культурогенеза) // Материалы республиканской научно-практической конференции «IV Оразбаевские чтения» на тему «Проблемы и достижения отечественной археологии и этнологии в XXI столетии», приуроченной к 90 - летию А. М. Оразбаева. – Алматы: «Казак университетi», 2012. – С. 20-31.
САМАШЕВ З. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2012а – 240 с.
САМАШЕВ З. Древнее искусство. – Т. 1. – Алматы: Елнур, 2013. – 240 с. / Казахское искусство: в 5 томах. – Алматы: Елнур, 2013. – 240 с.
САМАШЕВ З. Древнетюркская графика. – Астана: филиал ИА им. А. Х. Маргулана, 2013а. – 324 с.
САМАШЕВ З. С., ФРАНКФОР А-П., НОВОЖЕНОВ В. А., ВИДАЛЬ П. Памятники древнего искусства Казахстана: новые исследования // Наскальное искусство Азии. – Вып. 1. – Кемерово, 1995. – С. 15-16.
САМАШЕВ З., ЧЖАН СО ХО, БОКОВЕНКО Н., МУРГАБАЕВ С. Наскальное искусство Казахстана (Rock Art of Kazakhstan). – Сеул; – Астана: Фонд истории Северо-Восточной Азии, Астанинский филиал ИА
им. А. Х. Маргулана, 2011. – 464 с., ил.
САМАШЕВ З., БАЙТЛЕУ Д., КАРИЕВ Е., МУРГАБАЕВ С. Исследование археологического комплекса Баганалы в Шиелинском районе Кызылординской области. // Археологические исследования степной Евразии. Сб. статей к 70-летию В. В. Евдокимова. – Караганда: изд-во КарГУ, 2013. – С. 71-88.
САРАЕВ В. В. Феномен Тамгалы // История и археология Семиречья. – Алматы, 2007. – № 3. – С. 7-20.
САРИАНИДИ В. И. Древности страны Маргуш. – Ашхабад, 1990. – 223 с.
САРИАНИДИ В. И. Некрополи Гонура и иранский зороастризм. – М., 2001. – 187 с.
САРИАНИДИ В. И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. – Ашхабад, 2008. – 198 с.
САРИАНИДИ В. И. Задолго до Заратуштры. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане. – М.: Старый сад, 2010. – 233 с.
САРИАНИДИ В. И., ДУБОВА Н. А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур-тепе (раскоп

16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. – М., 2008. – Т. 2.
САРИАНИДИ В. И., ДУБОВА Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. – СПб., 2010. – Т. 3.
САТАЕВ Р. М. Животные из раскопок городища Гонур-тепе // Труды Маргианской археологической экспедиции. – М., 2008. – Т. 2.
САТЫГА XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург–Сургут: Уральский рабочий, 2011. – 192 с.
САФРОНОВ В. А. Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. – 398 с., илл.
СВОДЕШ М. Лексико-статистические данные по доисторическим этническим контактам // Новое в лингвистике. – М., 1960.
СДЫКОВ М. Н., ЛУКПАНОВА Я. А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). - Уральск: Полиграфсервис, 2013. – 292 с.
СЕМЕНОВ Вл. А. Древнеямная культура - афанасьевская культура и проблема прототохарской миграции на восток // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: изд-во университета, 1987. – С. 137 - 153.
СЕРИКОВ Ю. Б., КОРОЧКОВА О. Н., КУЗЬМИНЫХ С. В., СТЕФАНОВ В. И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. – Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 341- 346.
СЕРИКОВ Ю. Б., КОРОЧКОВА О. Н., КУЗЬМИНЫХ С. В., СТЕФАНОВ В. И. Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – N 2. – С. 67-78.
СИМОНЕНКО А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб., 2010. – 307 с.
СЛОБОДЗЯН М. Б. Еще раз о повозках Саймалы - Таша (развитие иконографии изображений в «битреугольном» стиле) // Чтения, посв. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМе: тез. конф. – М., 2003. – Ч. 1. – С. 157-158.
СМИРНОВ К. Ф., КУЗЬМИНА Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977. – 197 с.
СМИРНОВ Н. Ю. На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 424-431.
СОКОЛОВА Л. А. Саянский блок археологических культур как индикатор кросс-культурного взаимодействия // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 229-235.
СОЛОВЬЕВ Б. С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. – 2005. – N 4. – С. 103-111.
СОЛОДОВНИКОВ К. Н., РЫКУН М. П., ЛОМАН В. Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3 (22). – С. 113-131.
СОСНОВСКИЙ Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // ПИДО. - № 2. - 1984.
СТАРКОВ В. Ф. Кокшарово-I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. – 1970. – N 1. – С. 97-108.
СТАРОСТИН С. А. Сравнительно-историческая лингвистика и лексикостатистика // Лингвистические реконструкции и ранняя история Востока. – М., 1989.
СТАРОСТИН С. А. Труды по лингвистике. – М., 2007. – 426 с.
СТЕПАНОВА Е. В. Седла из Третьего Пазырыкского кургана // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 446-453.
СТЕФАНОВ В. И., КОРОЧКОВА О. Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 108 с.
СТЕФАНОВ В. И., КОРОЧКОВА О. Н. Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: про-

блемы взаимодействия // РА. – 2004. – N 4. – С. 52-66.
СТЕФАНОВ В. И., КОРОЧКОВА О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2006. – 160 с.
СТОКОЛОС В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М.: Наука, 1972. – 167 с.
СТОКОЛОС В. С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. – Вып. 1. – Челябинск: ЧОКМ, 1962. – С. 3-20.
СТОКОЛОС В. С. О стратиграфии поселения Кипель // СА. – 1970. – N 3. – С. 193-198.
СТОКОЛОС В. С., СТОКОЛОС Г. И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. – Вып. 2. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – С. 237-256.
СТУДЗИЦКАЯ С. В., КУЗЬМИНЫХ С. В. Галичский «клад» - шаманский комплекс бронзового века // Бронзовый век: Европа без границ. Четвёртое – первое тысячелетия до н. э. Под ред. Ю. Ю. Пиотровского. Каталог выставки. – СПб.: Чистый лист, 2013. – С. 264 - 272.
СУЛЕЙМАНОВ Р. Х. К вопросу об этнической атрибуции некоторых археологических культур эпохи бронзы севера Центральной Азии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – Т. 1. – С. 404 - 407.
СУЛТАНОВА М. Э. Звериный стиль: голос Евразии // Материалы международного научного симпозиума «Славяно-тюркское взаимодействие: взгляд из современности». – Алматы, 2011. – С. 326-330.
СУХАРЕВА О. А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. - М., 1979.
ТАСМАГАМБЕТОВ И. Н. Кентавры Великой степи. – Алматы, 2005. – 487 с.
ТЕЛЕГИН Д. Я., СОБОТОВИЧ Э. В., КОВАЛЮХ Н. Н. Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиокарбонных анализов (Сообщение 2 Координационного совета комплексного изучения памятников археологии ИА АН УССР за 1975–1977 гг.) // Использование естественных наук в археологии. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 78-84.
ТИТОВ В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. – М.: Наука, 1982. – С. 89-145.
ТИТОВ В. С. Европа в каменном и бронзовом веке // История Европы. – М.: Наука, 1988. – С. 47-123.
ТИТОВ В. С. Европа в III тыс. до н. э. – М., 2002. (История Европы с древнейших времен до наших дней). В 8-ми т. – Древняя Европа. – Т. 1. Электронное издание: www. gumilevica/kulichki.net/HEU/heu1.
ТИШКИН А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: изд-во Атлайского гос. ун-та, 2007. – 356 с.
ТКАЧЁВ А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень, 2002. – Ч.1-2.
ТКАЧЁВ А. А. К вопросу о соотношении нуринских комплексов Центрального Казахстана // Маргулановские чтения 2011 года. – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011. – С. 155-159.
ТКАЧЕВ В. В. К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. I. – Оренбург: ДИМУР, 1996а. – С. 85-98.
ТКАЧЕВ В. В. О курганной стратиграфии полтавкинских и синташтинских погребений в степном Приуралье // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. докл. – Ч 1. – Уфа: Восточный университет, 1996б. – С. 63-65.
ТКАЧЕВ В. В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. II. – Оренбург: ДИМУР, 1998. – С. 38-56.
ТКАЧЕВ В. В. Начальный этап позднего бронзового века в степном Приуралье (западноалакульская группа) // Культурное наследие степей Северной Евразии. – Вып. 1. – Оренбург: Ин-т степи УрО РАН, 2000а. – С. 29-43.
ТКАЧЕВ В. В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск: Ин-т евразийских исследований, Ин-т степи УрО РАН, 2000б. – С. 37-65.

ТКАЧЕВ В. В. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. Древние эпохи. – Астана: Культегин, 2003. – С. 109-124.
ТКАЧЕВ В. В. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Вып. 4. – Уральск, 2005. – С. 182-198.
ТКАЧЕВ В. В. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. – Челябинск: Рифей, 2006. – 75 с.
ТКАЧЕВ В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.
ТКАЧЕВ В. В. Особенности поселений позднего бронзового века Уральско-Мугоджарского региона (по результатам междисциплинарных исследований) // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 4. – С. 24-30.
ТКАЧЕВ В. В., ГУЦАЛОВ С. Ю. Новые погребения энеолита – средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. IV. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. – С. 27-54.
ТОЛСТОВ С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Наука, 1962. – 324 с.
ТОПОРОВ В. Н. Иранское влияние на финно-угорскую мифологию // Финно-угорские народы и Запад. – Тарту, 1975.
ТОПОРОВ В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227-284.
ТОПОРОВ В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 448 с.
ТОПОРОВ В. Н., ТРУБАЧЁВ О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962.
ТРИФОНОВ В. А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. – 1987. – Вып. 192. – С. 18-26.
ТРИФОНОВ В. А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. Археологические изыскания. – Вып. 37. – СПб., 1996а. – С. 60-64.
ТРИФОНОВ В. А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. – СПб.: ГЭ, 1996б. – С. 43-49.
ТРИФОНОВ В. А. К абсолютной хронологии евроазиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и археология. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 94-97.
ТРИФОНОВ В. А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: НТЦ, 2001. – С. 71–82.
ТУРЕЦКИЙ М. А. Развитие колесного транспорта у племен ямной культуры в степной зоне Восточной Европы // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. VI. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. – С. 31-37.
УСМАНОВА Э. Р. Могильник Лисаковский I. – Караганда-Лисаковск, 2005. – 232 с.
УСМАНОВА Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. - Караганда-Лисаковск, 2010. – 176 с.
ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА Э. А. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М.: Советская Россия, 1971. – С. 45-60.
ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА Э. А. Катакомбные погребения с повозкой на Нижнем Дону // История и культура Евразии по археологическим данным. – М., 1980. – С. 39-45.
ФИЛИППОВА Е. Е. Погребальные колесницы карасукского времени // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 166-168.
ФИЛИППОВА Е. Е. Изображение ритуальной колесницы карасукской эпохи из мог. Хара Хая // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90 - летию со дня рождения М. П. Грязнова. Археологические изыскания. – СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 89-92.
ФИЛИППОВА Е. Е. Погребальные петроглифы Среднего Енисея и их место в идеологических представлениях карасукских племен // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды Государствен-

ного Исторического музея. – М., 1997. – Вып. 93. – С. 62-69.
ФЛОРА КАЗАХСТАНА. Т. VIII. - Алма-Ата, 1965. – 320 с.
ФРАНКФОР А.-П. Цивилизация БМАК и местонахождение Мархаши около 2300-1800 гг. до н. э. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной конференции. – Мары, 2006. – С. 193-194.
ФРАНКФОР А.-П., ЯКОБСОН Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // АЭАЕ. – 2004. – № 2 (18). – С. 53-78.
ФРЭЗЕР Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. – М.: АСТ, 2003. – 781 с.
ХАЗАНОВ А. М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. – М.: Наука, 1973. – С. 5-10.
ХАЗАНОВ А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 4-е, доп. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 510 с.
ХАЗАНОВ А. М. Кочевники и внешний мир / Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 604 с.
ХАЛЯПИН М. В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: НТЦ, 2001. – С. 417-425.
ХАЛЯПИН М. В., Погребение литейщика эпохи бронзы с территории степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Вып. 4. – Уральск, 2005. – С. 203-217.
ХАЧАТРЯН Г. С. Древняя культура Ширака III-I тысячелетий до н. э. – Ереван: изд-во университета, 1975.
ХЕЛИМСКИЙ Е. Историческая и дескриптивная диалектология самодийских языков. – М., 1988.
ХИГЕН А.-С. Этические основы документации, консервации и менеджмента памятников наскального искусства // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 8-10.
ХЛОБЫСТИН Л. П. Поселение Липовая Курья. – Л.: Наука, 1976. – 65 с.
ХОДЖАЕВ А. Из истории древних тюрков. – Ташкент, 2010. – 237 с.
ХОЛЮШКИН Ю. П. Системная археология. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 554 с.
ХУДЯКОВ Ю. С., КОМИССАРОВ С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана // Труды гуманитарного факультета НГУ. Серия V: учебно-методическое пособие. – Новосибирск, 2002. – 122 с.
ЦАЛКИН В. И. Древнейшие животные в Восточной Европе. – М., 1970. – 187 с.
ЦАЛКИН В. И. О времени и центрах доместикации животных в свете современной археологии // ИАН СССР, географическая серия. – 1972. – N 1, 4.
ЦИВЬЯН Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
ЦИНЬ ВЭНЬ. Подземные войска в гробницах императора Цин Шихуана. – Пекин: Чжаохуа, 2009. – 128 с., ил.
ЧАЙЛД Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М., 1956.
ЧАРЛИНА Л. Ф., ЯЦЕНКО Е. Л., РОГОЖИНСКИЙ А. Е., ИСКАКОВ К. Т. Консервация петроглифов в Казахстане // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 128-133.
ЧЕМУРЧЕКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. Исследования последних лет. / отв. ред.: А. А. Ковалёв. – СПб, 2012. – 74 с.
ЧЕМЯКИН Ю. П. Коркино I // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. – С. 28, 282.
ЧЕНЧЕНКОВА О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III-I тыс. до н. э. Под ред. Д. Г. Савинова. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.
ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н. Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев: Наукова думка, 1976. – С. 135-150.
ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н. Н., ПУСТОВАЛОВ С. Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры // СА. – 1991. – № 4. – С. 206-216.
ЧЕРЛЕНОК Е. А. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке нп территории Восточной Европы и Казахстана // Stratum plus. - 2000. - № 2. - (Рождение Европы). - Кишинев.
ЧЕРЛЕНОК Е. А. Колесничная запряжка в погребальном обряде (начало эпохи поздней бронзы Евразийских степей) // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. - № 1. - СПб., 2001.
ЧЕРЛЕНОК Е. А. О расположении псалиев в погребениях Потаповского и Утевского могильников// Альманах молодых археологов. - СПб., 2004.
ЧЕРНИКОВ С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – N 88. – 1960. – 272 с.
ЧЕРНИКОВ С. С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: автореф… докт. ист. наук: 07.575. – М. : ИА АН СССР, 1970. – 60 с.
ЧЕРНЫХ Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. – N 172. – М.: Наука, 1970. – 180 с.
ЧЕРНЫХ Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. – 1978. – N 4. – С . 53–82.
ЧЕРНЫХ Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: изд-во БашГУ, 1983. – С. 81–99.
ЧЕРНЫХ Е. Н. Каргалы. – Т. V: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 200 с.
ЧЕРНЫХ Е. Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – N 3 (35).
ЧЕРНЫХ Е. Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 624 с., илл.
ЧЕРНЫХ Е. Н. Металлургические провинции на фоне геоэкологических ареалов Евразии в Эпоху раннего металла (V–I тыс. до н. э.) // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. – М. : Институт археологии РАН, 2012. – С. 122-127.
ЧЕРНЫХ Е. Н., КУЗЬМИНЫХ С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с., илл.
ЧЕРНЫХ Е. Н., КУЗЬМИНЫХ С. В., ЛЕБЕДЕВА Е. Ю., ЛУНЬКОВ В. Ю. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. IV. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. – С. 63-84.
ЧЕРНЫХ Е. Н., АВИЛОВА Л. И., ОРЛОВСКАЯ Л. Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: ИА РАН, 2000. – 96 с.
ЧЕРНЫХ Е. Н., АВИЛОВА Л. И., ОРЛОВСКАЯ Л. Б., КУЗЬМИНЫХ С. В. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. – 2002. – N 1. – С. 5–23.
ЧЕРНЫХ Е. Н., ИСТО К. Дж. Начало эксплуатации Каргалов: радиоуглеродные даты // РА. - 2002. – N 2. – С. 44–55.
ЧЕРНЫХ Е. Н., ЧЕРНЫХ Н. Б. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 9–44.
ЧЕРНЫХ Е. Н., ОРЛОВСКАЯ Л. Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. – 2004а. – N 1. – С. 84–99.
ЧЕРНЫХ Е. Н., ОРЛОВСКАЯ Л. Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. – 2004б. – N 2. – С. 15–29.
ЧЕРНЫХ Е. Н., ОРЛОВСКАЯ Л. Б. Базы данных радиоуглеродных датировок и коррективы релятивной хронологии Эпохи Раннего Металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: Ин-т археологии РАН, 2009. – С. 26–40.
ЧЕРНЫХ Е. Н., ОРЛОВСКАЯ Л. Б. Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 2. – М.: Изд-во «ТАУС», 2011. – С. 63–79.
ЧЕРНЫХ Е. Н., КУЗЬМИНЫХ С. В., ОРЛОВСКАЯ Л. Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV – III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 2. – М.: Изд-во «ТАУС», 2011. – С. 24-62.
ЧЕЧУШКОВ И. В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – N 2 (15).

ЧЕЧУШКОВ И. В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.06.: – М., 2013: ИА РАН. – 27 с.

ЧЕЧУШКОВ И. В., ЕПИМАХОВ А. В. Колесницы и упряжь как культурный индикатор эволюции коневодства. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург: Институт экологии растений и животных УО РАН, 2010. – С.182-229.

ЧИЖЕВСКИЙ А. А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург – Сургут , 2007. – С. 174-176.

ЧЛЕНОВА Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. (МИА. № 182). – 248 с.

ЧЛЕНОВА Н. Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.

ЧЛЕНОВА Н. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // Античная балканистика. Тезисы конференции. – М., 1980. – С. 66-67.

ЧЛЕНОВА Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале раннего железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – С. 4-42.

ЧЛЕНОВА Н. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1984. – С. 259-268.

ЧЛЕНОВА Н. Л. Волга и Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II - начале I тыс. до н. э. // VI международный конгресс финно-угров. Тезисы докладов. – Сыктывкар, 1985. –Т. 4. – С. 119.

ЧЛЕНОВА Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пущинский науч. центр РАН, 1994. – 170 с.

ЧУГУНОВ К. В. Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: Славия, 2004.

ЧУГУНОВ К. В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Труды САИПИ. – Барнаул, 2007. – Вып. 3.

ЧУГУНОВ К. В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан 2 (к хронологии аржано-маэмирского стиля) // Тропою тысячелетий. Сб. научных трудов, посвященный юбилею М. А. Дэвлет. – Кемерово, 2008. – С. 53-69.

ЧУГУНОВ К. В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы // Сакская культура Сарыарки в контесте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. – С. 69-77.

ШАХАНОВА Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов. – Алматы, Казахстан, 1998. – 174 с.

ШВЕЦ И. Н. Ритуальные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Изв. МОН РК. Сер. обществ. наук. – 1999. – № 1. – С. 85–91.

ШВЕЦ И. Н. Сюжеты окуневского изобразительного типа в наскальном искусстве Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): матер. междунар. научн. конф. – Кемерово, 2011. – Т. 2. – С. 134-138.

ШЕВЧЕНКО А. В. Палеоантропологические данные к проблеме происхождения индоевропейцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – Ч. 1.

ШЕР Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с, илл.

ШЕР Я. А. Ранний этап скифо–сибирского звериного стиля. //Скифо-сибирское культурно–историческое единство. – Кемерово: Изд-во университета, 1980а. – С. 344-346.

ШЕР Я. А. Стиль в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. – СПб., 2004. – С. 9-13.

ШИЛОВ В. П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. – 1975. – № 1. – С. 5-15.

ШИЛОВ В. П. К проблеме взаимодействия первобытных земледельческо-скотоводческих и скотоводческих племен Евразии // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Археологические изыскания. – СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 26-27.

ШИЛОВ Ю. А. Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1982.

ШИШЛИНА Н. И., ван дер ПЛИХТ Й., СЕВАСТЬЯНОВ В. С., ЗАЗОВСКАЯ Э. П., ЧИЧАГОВА О. А. К вопросу о поправке на резервуарный эффект и радиоуглеродной хронологии ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2006. – С. 112-114.

ШИШЛИНА Н. И., КОВАЛЁВ Д. С.,ИБРАГИМОВА Э. Р. Повозки катакомбной культуры Евразийских степей //Бронзовый век: Европа без границ. Четвёртое – первое тысячелетия до н. э. Под ред. Ю.Ю.Пиотровского. Каталог выставки. – СПб.: Чистый лист, 2013. – С. 119 - 126.

ШИ-ЦЗИН Пер. А. А. Штуина. – I, VII, 5.

ШКОДА В. Г. К вопросу о северных связях Саразма // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Археологические изыскания. – СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 57-59.

ШКОДА В. Г. Две каменные скульптуры палеометалла // Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб., 1997. – С. 48-51.

ШПЕНГЛЕР О. Закат Европы. – М.: Попурри, 1999. – Т.2. – 720 с.

ШУЛЬГА П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч I. Раннескифское время. – Барнаул, 2008. – 276 с.

ШУЛЬГА П. И. Синьцзян в 8-3 вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). - Барнаул, 2010.

ЩАПОВА Ю. Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. – М.: КомКнига, 2005. – 192 с.

ЩЕТЕНКО А. Я. Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы Евразийских степей // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск: УдГУ, 2000. – С. 260-263.

ЭЛИАДЕ М. Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с. рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. – 604 с.

ЭЛИАДЕ М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2010. – 251 с.

ЭРДЕНБААТАР Д. Могильник хуннских вождей в Гол-Мод-2. (на англ. яз.) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 463-467.

ЭРЛИХ В. Р. У истоков раннескифского комплекса. - М., 1994.

ЭРЛИХ В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. - М., 2007.

ЮНГЕР Х., КАРПЕЛАН К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. – 2005. – N 4. – С. 112.

ЯРОВОЙ Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. – Кишинев, 1985.

ЯЦЕНКО С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М., 2006. – 427 с.

ADAMS R. M. Heartland of Cities. – Chicago, 1981.

AMZALANG N. From Metallurgy to Bronze Age Civilisations: The Sinthetic Theory // American Journal of Archaeology. – 2009. – Vol. 113. – P. 497–512.

ANON. Beijingshi wenwu yanjiushuo Shanrong wenhua kaogudui. “Beijing Yanqing Jundushan Dongzhou Shanrong buluo mudi fajue jilue”. // Wenwu (8), 17-35. – 1989.

ANON. Wenwu Kaogu gongzuo sanshinian (Beijing). // Wenwu, 142-143. – 1990.

ANON. Yinxu de faxian yu yanjiu (Archaeological Excavation and Researches of the Yin Ruins). – Beijing, 1994.

ANTHONY D.,W. The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world. – Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2007.

ANTHONY D. W., VINOGRADOV N. B. Birth of the chariot // Archeology. – 1995. – March/April. – P. 36-41.

ANYANG CITY MUSEUM. Anyang Tiexi Liujiazhuang nan Yindai muzang fajue jianbao (Excavation of Yin Dynasty Tomb in South Liujiazhuang, Tiexi at Anyang) // Zhongyuan wenwu (3), 14-23. – 1986.

ANYANG WORK TEAM, Institute of Archaeology, CASS 1977: Anyang Yinxu nuli jisikeng de fajue (Excavation of the Sacrificial Pits of Slaves at Yin Ruins in Anyang) // Kaogu (1), 20-36. – 1977.

ANYANG WORK TEAM, Institute of Archaeology, CASS 1987: Yinxu 259, 260 haomu fajue baogao (The Excavation of

Tombs M259 and M260 at the Yin Ruins) // Kaogu xuebao (1), 99-118. – 1987.
BAKKER J. A. On the possibility of reconstructing roads from TRB period // Bericht Rijksdienst Oudheid. – Bodemond. – 1976. – T. 26. – P. 63-91.
BAKKER J.A. Die neolithischen Wagen im nordlichen Mitteleuropa // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – S. 283 - 294.
BAKKER J. A., et al. Bronocice, Flintbek, Uruk, Jebel Aruda and Arslantepe: the earliest evidence of wheeled vehicles in Europe and the Near East. Palaeohistoria: Acta Et Communicationes Instituti Bio-archaeologici Universitatis Groninganae. – 2006. – 47/48. – P. 10-28.
BAMSHAD M., KIVISILD T., WATKINS W. et. al. Genetic Evidence on the Origins of Indian Caste Populations // Genome Research. – 2001.
BANNER J. Die Peceler Kultur. // AAH. – 1956. – N 35.
BARNABAS S., APTE R., SURESH C. G. Ancestry and interrelationships of the lndians and their relationship with other world populations: a study based of mitochondrial DNA polymorphisms // Ann. Hum. genet. – 1996. – N 60. (Separate reprint).
BARNARD N. Bronze Casting Technology in the Peripheral "Barbarian" Regions // Bulletin of the Metals Museum. – Vol. 12. – 1987. – P. 3-37.
BARNARD N. Thoughts on the Emergence of Metallurgy in Pre-Shang and Early Shang China, and a Technical Appraisal of Relevant Bronze Artefacts of the Time // Bulletin of the Metals Museum. – Vol. 19. – 1993. – P. 3-48.
BINTLIFF J. Regional Survey, Demography, and the Rise of Complex Societies in the Ancient Aegean: Core-Periphery, Neo-Malthusian, and Other Interpretive Models // Journ. of Field Archaeology. – 1997. – Vol. 24. – N 1.
BOKOVENKO N. The emergence of Tagar Culture // Antiquity. – Vol. 80. – N 310. – 2006. – P. 860-879.
BOLLWEG J. Vorderasiaticshe Wagentypen (im Spigel der Terracottaplastic bis zur Altbabilonicshen Zeit). – Freiburg: Univ. Verlag: Gottingen: Vandenhoech und Ruprecht, 1999.
BONA J. Clay Models of Bronse Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Bassin // AAH. – 1960. – N 12.
BORTVIN N. N. Verkhny-Kizil Find. - ESA. - III. - Helsinki, 1928. - P. 122–131.
BRAUDEL F. Les Jeux de l'Echange. Civilisation materielle, economie et capitalism XV – XVIII siècle. – T. 2. – Paris: Librairie Armand Colin, 1979. – 633 p.
BRONK RAMSEY C. at al. Radiocarbon-Based Chronology for Dynastic Egypt // Science. – 2010. – Vol. 328. – P. 1554-1557.
BRONK RAMSEY C., LEE S. Recent and Planned Developments of the Program OxCal. Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55(2-3). – P. 720-730.
BRUINS H. J. Dating Pharaonic Egypt // Science. – 2010. – Vol. 328. – P. 1489-1490.
BRUMFIEL, E. M., FOX J. (Eds.). Factional Competition and Political Development in the New World. – Cambridge, England. – 1994.
BUNKER E. C., CHATWIN B. C., FARKAS A. R. «Animal Style Art» from East to West. – New York. – 1970.
BUNKER E. C., KAWAMI T., LINDUFF K. M., WU EN. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. – New York. – 1997.
BURMEISTER St. Der Wagen im Neolithikum und Bronzezeite: Erfindung, Ausbreitung und Funktion der ersten Fahrzeuge // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – S.13-40.
BURNEY C., LANG D. M. The Peoples of the Hills: Ancient Ararat and Caucasus. – L., 1971.
BURROW T. The Proto-Indoaryans // JRAS. – 1973. – N 2.
CATTANI M. Margiana at the end of Bronze Age and beginning of Iron Age // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарианиди. – М.: Старый сад, 2004. – С. 303–315.
CHAIRKINA N. M., KUZMIN Y. V., BURR G. S. Chronology of the perishables: first AMS 14C dates of wooden artifacts from Aeneolithic–Bronze Age waterlogged sites in the Trans-Urals, Russia // Antiquity. – 2013. – Vol. 87. – N 336. – P. 418–429.
CHANG CHENG-LANG. A Brief Discussion of Fu Tzu. // In K. C. Chang (ed.), Studies of Shang Archaeology. – New Haven, 1986. – P. 103-119.
CHANG K. C. Shang Civilization. – New Haven, 1980.
CHANG K. C. Studies of Shang Archaeology. – New Haven, 1986.
CHASE-DUNN, C. World-System in the Biosphere: Urbanization, State Formation and Climate Change since the Iron Age: global socioenvironmental change and sustainability since the Neolithic / C. Chase-Dunn, T. D. Hall, P. Turchin // The World

System and the Earth System. – Walnut Creek, CA, 2007.
CHAVALAS M. The Age of Empires, 3100-900 BCE. // Companion to the Ancient Near East. – Wiley, 2005. – P. 34-47.
CHERNYKH E. N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. – Cambridge, 1992.
CHERNYKH E. The «Steppe Belt» of stockbreeding cultures in Eurasia during the Early Metal Age // Trabajos de Prehistoria. – 65. – N 2. – Julio-Diciembre 2008. – P. 73-93.
CHERNYKH E. N. Eurasian Steppe Belt: Radiocarbon Cronology and Metallugical Provinces // Anatolian metal, V. Der Anschnitt. Beiheft 24. – Bohum, 2011. – P. 151-171.
CHERNYKH E.N., KUZ'MINYKH S.V., ORLOVSKAYA L.B. Ancient metallurgy in Northen Asia: from the Urals to the Saiano-Altai // Metallurgy in Ancient Central Asia from the Urals to the Yellow river. (Chinese Studies. Vol. 32). – Lewiston, Queenston, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2003. – P. 15–36.
CHILDE V. G. The First Waggons and Carts from Tigris to the Severn // PPS. – 1951. – N 8.
CHILDE V. G. The Diffusion of Wheeled Vehicles // Ethnographisch-archaeologische Forschungen. – 1954. – T. 2. – S. 1-17.
CHILDE V. G. Rotary Motion // Singer C., Holmyard E. J., Hall A. R., et al. History of Technology. I. – Oxford, 1954a. – P. 187-215.
CHILDE V. G. The down of European civilization. – L., 1957.
CHOU HUNG-HSIANG. Fu-X Ladies of the Shang Dynasty // Monumenta Serica 29 (1). – 1970. – P. 346-390.
CICARP Chifeng International Collaborative Archaeological Research Project 2011. Settlement Patterns in the Chifeng Region. Center for Comparative Archaeology, University of Pittsburgh. – Pittsburgh, 2011.
COOTER S W. Preindustrial Frontiers and Interaction Spheres: Prolegomenon to a Study of Roman Frontier Regions // In D. Miller and J. Stefan (eds.), The Frontier, Comparative Studies (Norman), 1977. – P. 81-107.
CROUWEL J. Der Alte Orient und seine Rolle in der Entwicklung von Fahrzeugen // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – S. 69-86.
CURTIS J. E. Ancient Persia. – L.: British Museum Press, 2011. – 96 p.
CURTIS J. E., READE J. E. Art and Empire: Treasures from Assyria in the British Museum. Ed. J. E. Curtis, J. E. Reade. – L.: British Museum Press, Harry N. Abrams, 1995 (2000). – 224 p.
ČUGUNOV K., PARZINGER H., NAGLER A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Aržan 2 in Tuva. – Berlin, 2010 – 330 s.
DEE M.W. et al. Synchronising radiocarbon dating and the Egyptian historical chronology by improved sample selection. // Antiquity. – 2012. – Vol. 86. – P. 868-883.
DOONAN R., PITMAN D., HANKS B., ZDANOVIC D., KUPRIYANOVA E. Die Organisation der Metallurgie der Sintašta-Kultur // Unbekanntes Kasachstan Archäologie im herzen Asiens / Ed. by T. Stöllner, Z. Samašev. Band I. – Bohum: Grafisches Centrum Cuno GmbH & Co. KG, Calbe, 2013. – S. 211-220.
DYEN J. et al. An Indo-European classification: A lexicostatistical Experiment // Transactions of American Philosophical Sosiety. – 1992. – T. 82 (5).
ECSEDY I. The people of the Pit-Grave Kurgans in Eastern Hungary. – Budapest, 1979.
EHRICH, R.W. (ed.) Chronologies in Old World Archaeology. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 515 p.
EPIMAKHOV A. V. Settlements and necropolises of the Bronze Age of the Urals: opportunities of reconstruction of social dynamics // Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 74–90.
EPIMAKHOV A.V., KRAUSE R. Chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement // R. Krause, L. Koryakova (eds.) Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 129–146.
FANSA V. Einleitung // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – S. 9-12.
FITZGERALD-HUBER L. Qijia and Erlitou. The Question of Contacts with Distant Cultures. John King Fairbank Center for East Asian Research. – 6. – Cambridge, Massachusetts, 1995.
FOLTINY S. The Oldest Represantions of Wheeled Vehicles in Central and South Eastern Europe // American Journal of Archeology. – 1959.–Vol. 63. – N 1.
FOLTINY S. The Ivory Horse Bits of Homer and the Bone Horse Bits of Reality // Bonner Jahrbucher. – 1967. – N 167. – P. 11-37.
FRACHETTI M. D. Bronze Age Pastoral Landscapes of Eurasia and the Nature of Social Interaction in the Mountain Steppe

Zone of Eastern Kazakhstan. Unpublished PhD Dissertation, Department of Anthropology, University of Pennsylvania. – 2004.
FRACHETTI M. D. Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. – Berkley, ect: University of California Press, 2008.
FRACHETTI M. D. Multi-regional emergence of mobile pastoralism and nonuniform institutional complexity across Eurasia // Current Anthropology. – 2012. – № 1. – Vol. 53. – P. 2-21.
FRANK A. G. Bronze Age World System Cycles // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34. – N 4. August-October.
FRANCFORT H. - P. Fouilles de Shorhtugay. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. – Vol. II. – Paris, 1989.
GAMBLE C. Archaeology: The Basics. – Abingdon, Oxon: Routledge, 2004. – 239 p.
GAO QIANG, YUN KUEN LEE. A Biological Perspective on Yangshao Kingship // Journal of Anthropological Archaeology. – N 12.3. – 1993. – P. 266-298
GENING V.F. The cemetery at Sintashta and the early Indo-Iranian peoples // JIES. – N 7. – 1979.
GIBSON M.G., FIELD H. The City and Area of Kish. – Miami: Field Research Project, 1972. – 320 p.
GHIRSHMAN R. L'Iran et la migration des indo-aryens et des iranyens. – Leiden: E. Brill, 1977. – 88 p.
GIMBUTAS M. Proto-Indo-European Culture: the Kurgan Culture during V-IV and III Mil. B. C. // Indo-European and Indo-Europeans. – Philadelphia, 1970. – P. 155-197.
GIMBUTAS M. The Gods and Goddesses of Old Europe 7000 to 3500 B. C. Myths, Legends and Cult Images. – L., 1974. – 347 p.
GIMBUTAS M. The fierst wave of Eurasian steppe pastoralists into Copper Age Europe // JIES. – 1978. – Vol. 2. – N 4. – P. 277-338.
GIMBUTAS M. The Language of the Goddes. – San-Francisco: Harper Row, 1989. – P. 49-95.
GOLDEN P. B. Turkic Calques in Medieval Earstern Slavic // Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe // Journal of Turkish Studies 8. – Cambridge. – MA. – 1984. – Ashgate: Variorum, 2003. – P. 103-111.
GORSDORF J. 14C-Datierungen am Materialien aus der Necropole Bajkara // H. Parzinger, V. Zaibert, A. Nagler, A. Pleshakov. Der Grobe Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum (Archaeologie in Eurasien. Band 16). – Maintz am Rein: Verlag Philipp von Zabern, 2003. – S. 143–148.
GORSDORF J., PARZINGER H., NAGLER A. 14C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. – L.: Kluwer Academic, 2004. – P. 83–89.
GRAY R., ATKINSON O. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European Origin // Nature. – 2003. – N 426.
GRIAZNOV M. Ancient Civilization of Southern Siberia. – Geneva, 1969.
GUO ZHIYU, KEXIN LIU, XIANGYANG LU, HONGJI MA, KUN LI, SIXUN YUAN, XIAOHONG WU. The use of AMS radiocarbon dating for Xia – Shang – Zhou chronology // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. B 172. – 2000. – P. 724-731.
JARRIGE J., SANTONI M. Fouille de Pirak. – V. 2. – Paris, 1979.
JACOBSON E. Beyond the frontier. A reconsideration of Cultural Interchange Between China and Early Nomads // Early China. – 1988. – N 13. – P. 201-240.
JACOBSON-TEPFER E. The Image of the Wheeled Vehicles in the Mongolian Altai: Instability and Ambiguty // The Silk Road. – 2012. – Vol. 10. – P. 1-28.
JACOBSON-TEPFER E. Rock Art Research in Mongolia, 2005 – 2009 // Rock Art Studies: News of the World IV. Ed. by: P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker. – Oxford: Oxbow Books, 2012a. – P.164-195.
JACOBSON E., KUBAREV V., TSEEVENDORJ D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagaan-Salaa/Baga Oigor // Repertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. – T.V. – Fasc. 6. – Paris, 2001.
JACOBSON E., KUBAREV V., TSEEVENDORJ D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagaan-Salaa/Baga Oigor // Repertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. – T.V. – Fasc. 7. – Paris, 2006.
JANG SEOGHO, ERDENBAATAR D., et al. Mongolian Gov'-Altain khadny zurag. (Петроглифы Гови Алтая). Notheast Asian Foundation: – Seul; Inst. of Archaeology Mong. Acad. of Scienses: – Ulanbataar, 2008. (Mong.).
JANG SEOGHO, ERDENBAATAR D., et al. Mongolyn baruun khoid aimgiin khadny zyrag. (Петроглифы Северо-Западной Монголии). Notheast Asian Foundation: – Seul; Inst. of Archaeology Mong. Acad. of Scienses: – Ulanbataar, 2009. (Mong.).
JETTMAR K. Die frühen Steppenvölker. – Baden-Baden, 1964.
JETTMAR K. Die Religionen des Hindukusch. – Stuttgart: Kohlhammer, 1975. – 525 s.
JETTMAR K. Bemerkungen zu Arkaim // Eurasia Antiqua. – 1997. – Vol. 3.
JOHNSON J. A., HANKS B. Society, Demography and Community: Reassessing Bronze Age Sintashta Populations in the

Southern Urals, Russia (2100–1700 BC) // Beyond Elites. Alternative to Hierarchical Systems in modeling Social Formations / Ed. by T. L. Kienlin, A. Zimmermann. – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2012. – Teil. 2. – S. 355¬–367.
JUNGER H. Radiocarbon Dating of Samples from the Necropolis of Gonur in Turkmenistan // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. – Athens: KAPON EDITIONS, 2007. – P. 338-339.
HALL T. D. World-Systems Analysis and Archaeology: Continuing the Dialogue / T. D. Hall, P. N. Kardulias, C. Chase-Dunn // Journ. of Archaeological Researches. – 2011. – Vol. 19. – Issue 3.
HANCAR F. Das Pferd in Prahistorischer und fruher historischer Zeit. – Wien; Munchen: Herold, 1955. – 650 s.
HANKS B. K., EPIMAKHOV A. V., RENFREW C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // Antiquity. – 2007. – Vol. 81. – P. 353-367.
HASEL M. Recent developments in Near Eastern chronology and radiocarbon dating // Origins. – Number 56. – 2004. – P. 6-31.
HASSAN F.A, ROBINSON W. High precision radio-carbon chronometry of ancient Egypt, and comparisons with Nubia, Palestine, and Mesopotamia // Antiquity. – 1987. – 61. – P. 119-135.
HAUDRICOURT A. G. Contribution a la geographie et a l`ethnologie de la voture // La Revue de geographie humaine et l`ethnolgie. – 1948. – N 1. – P. 54-64.
HAUSLER A. Zur altesten Geschichte von Rad und Wagen im Nord-pontischen Raum // Ethnog. Arch. Zeitschrift. – 1981. – N 224. – S. 581-646.
HAUSLER A. Invasionen aus den nordponticshen Steppen nach Mitteleuropa im Neolithikum und in der Bronzezeit: Realitat oder Phantasie - product? // Archaologische Informationen. – 1996. – T. 19. – N 1-2.
HELIMSKY E. The southern neighbours of Finno-Ugrians: Iranians or an extinct branch of Aryans («Andronovo Aryans») – Finnisch-Ugrische sprachen in Kontakt. – Maastricht, 1996.
HELMS M. Long Distance Contacts, Elite Aspirations and the Age of Discovery in a Cosmological Context // In E. M. Schortman and P. A. Urban (eds.). Resources, Power, and Interregional Interaction. – New York, 1992. – P. 157-174.
HOULE J.-L. Emergent Complexity on the Mongolian Steppe: Mobility, Territoriality, and the Development of Early Nomadic Polities. Unpublished PhD Dissertation, Department of Anthropology, University of Pittsburgh, 2010.
HROUDA B. Der assyrische Streitwagen // Iraq. – 1963. – N 25. – S. 155-158.
HROUDA B. Die Kulturgeschichte des assyrischen Flachbildes. – Bonn, 1965.
HSIAOYUN WU. Study on chariot burials in Early China, 1200-210 BCE // Aurora Center for the Study of Ancient Civilization. – Peking University Publication Series, 2009. – N20. – 257 p., ill.
HSIAOYUN WU. The role of the transmission of chariots in the early east-west interaction: 2,000-1,200 BCE // The National Palace Museum research quarterly (Taipei). – 2011. – N 28:4. P. 119-132.
HSIAOYUN WU. Chariots in Early China: Origins, cultural interaction, and identity // BAR Int. series. – N S2457. – Oxford: Archaeopress, 2013. – 137 p., il.
HYGEN A.-S., BENGTSSON L. Rock carvings in the Borderlands. – Bohuslän and Østfold, 2000.
HUBBER P. J. Astronomical evidence for the Long and against the Middle and Short Chronologies // High, Middle Or Low? PT. 1: Acts of an International Colloquium on Absolute Chronology Held at the University of Gothenburg 20th-22nd August 1987. Ed. P. Åström. – Gothenburhg: Åström, 1987. – P. 5-17.
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, CASS: Yinxu Fuhaomu (Tomb of Lady Hao at Yinxu in Anyang). – Beijing, 1980.
IZBITSER E. The royal cemetery at Ur and early wheels // Tyragetia, s.n. – Vol. VII [XXII]. – N 1. – 2013. – P. 9-17.
KALICZ N. Die Badener (Peceler) Kultur und Anatolien. – Budapest, 1963.
KAMMENHUBER A. Hippologia Hethitica. – Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1961. – 375 s.
KARLGREN B. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. – N XCII. – 1945. – P.101-144.
KEIGHTLEY D. N. Sources of Shang History. – Berkeley – Los Angeles, 1978.
KEIGHTLEY D. N. Women in the late Neolithic and Shang Period in China // Nan nü 1 (1). – 1999. – P. 1-63.
KHAZBULATOV A. R. Jewelry on the "Golden man's" costume – masterpieces of world significance // Мирнауки, культуры, образования. – 2012. - № 1 (32). - С . 36-39.
KLEJN L. S. Kossina im abstand von vierzig Jahren // Jahresschichte mitteldeutsch Vorgeschichte. – 1974. – N 58. – Halle/Saale. – S.7-55.
KNAPP A. B. Mesopotamia, History of // The Anchor Bible Dictionary. Ed. D.N. Freedman. – Vol. 4. – NY: Doubleday, 1992. – P. 714-720.

KOHL P. L. The Making of Bronze Age Eurasia. – Cambridge, 2007.
KORYAKOVA L., EPIMAKHOV A. The Ural and Western Siberia in the Bronze and Iron Age (Ser. World Archaeology). – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 384 p.
KORYAKOVA L., KRAUSE R., FORNASIER J., EPIMAKHOV A., SHARAPOVA S., BERSENEVA N., PANTELEEVA S. Archaeological structures of the Kamennyi Ambar settlement // R. Krause, L. Koryakova (eds.) Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. - P. 85–128.
KOSSINA G. Die Indogermanen. Ein Abriss I. Das Indogermanische Ur-volk. – Leipzig, 1921.
KOSINTSEV P. A. The Human – Horse Relationship on the European – Asian Border in the Neolithic and Early Iron Age // BAR Int. Series. – 2006. – T. 1560.
KRISTIANSEN K. Chiefdom, State, and System of Social Evolution. // In Earle T. K. (ed.), Chiefdoms: Power, Economy and Ideology. – Cambridge, 1991. – P. 16-43.
KRISTIANSEN K. Europe before History. – Cambridge, 1998.
KRISTIANSEN K. Eurasian Transformations: Mobility, Ecological Change, and Transmission of Social Institutions in the Third Millennium and Early Second Millennium B.C.E. // The World System and the Earth System. – Walnut Creek, CA, 2007.
KRUK J., MILISAUSKAS S. Radiocarbon Datierung aus Bronocice // Arch. Korrespond. – 1977. – N 7. – S. 149-156.
KRUK J., MILISAUSKAS S. Chronology of Funnel-Beaker, Baden-like and Lublin-Volynian settlements at Bronocice, Poland // Germania. – 1981. – N 59. – P. 1-19.
KUZMINA E. E. Stages in the Development of Wheeled Transport in Central Asia during the Eneolitic and Bronze Ages // Soviet studies in history. – 1983. – XXII. – N 1-2.
KUZMINA E. E. Origins of Pastoralism in the Eurasian steppes // PSAH, 2003.
KUZMINA E. E. Historical perspectives on the Andronovo and metal use in Eastern Asia // Metallurgy in Ancient Central Asia from the Urals to the Yellow river. (Chinese Studies. Vol. 32). – Lewiston, Queenston, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2003a. – P. 37–84.
KUZMINA E. E. The Origin of the Indo-Iranians. – Leiden, Boston, 2007.
LAMBERG-KARLOVSKY C. C. Archaeology and language: The Indo-Iranians // Current Anthrophology. – 2002. – T. 43 (1).
LANGDON S. The Return of the Horse - Leader // Archaeology. – 1989. – N 93. – P. 185-201.
LATTIMORE O. Inner Asian Frontiers of China. – Oxford, 1942.
LEGRAND S. Karasuk Metallurgy: Technological Development and Regional Influence // Metallurgy in Ancient Eurasia from the Urals to the Yellow River / Ed. by K. M. Linduff. – Lewiston-Queenston-Lampeter: Edwin Mellen Press, 2004.
LEGRAND S. The emergence of the Scythians: Bronze Age to Iron Age in southern Siberia // Antiquity. – Vol. 80. – N. 310. – 2006. – P. 843-879.
LEGRAND S. Sorting Out Men and Women in the Karasuk Culture // Are All Warriors Male? / Ed. by K. M. Linduff and K. S. Rubinson. – Lanham: Altamira, 2008. – P. 153-174.
LI J. J. Mapping Artifacts of the Frontier: An Approach to the Study of the Yan Mountainous Area in the Eastern Zhou Period (8th—3rd Century BC), PhD Dissertation, University of Pittsburgh, 2000.
LINDUFF K. M. Zhukaigou, Steppe Culture and the Rise of Chinese Civilization // Antiquity. – N 69. – 1995. – P. 133-145.
LINDUFF K. M. Art and Identity: The Chinese and Their «Significant Others» in the Shang // In Gervers, M. and Schlepp (eds.). Cultural Contact, History and Ethnicity in Inner Asia. – Toronto, 1996. – P. 12-48.
LINDUFF K. M. The Emergence and Demise of Bronze-using Cultures Outside the Central Plain in Ancient China // In Mair V. (ed.). The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. – Washington, DC, 1998. – P. 619-643.
LINDUFF K. M. The Emergence of Metallurgy in China. – Lewiston, Queenston, Lampeter, 2000.
LINDUFF K. M. A Walk on the Wild Side: Horses and Horse Gear in Shang China // In Renfrew C. (Ed.). Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. – Cambridge, England, 2002.
LINDUFF K., (Ed.). Mettalurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River // Chainese Studies. – 2004. – Vol. 31. – N.Y.
LINDUFF K. M. Beyond the Steppe and the Sown: Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. – Leiden; Boston, 2006. – P. 358–370.
LINDUFF K. M. Production of Signature Artifacts for the Nomad Market in the State of Qin During the Late Warring States Period in China (4th–3rd Century BCE) // Metallurgy and Civilisation: Eurasia and beyond. – L., 2009. – P. 90–96.
LINDUFF K. M., RUBINSON K. S. (Print). Transfer of Metallurgical Technology and Objects across Eurasia and northern China in the late 1st millennium BCE–early 1st millennium CE // Festscrift in Honor of Elena Kuzmina. – Moscow.

LINDUFF K., DRENNAN R., SHELACH G. Early Complex Societies in NE China: The Chifeng International Collaborative Archaeological Research Project // Journal of Field Archaeology. – 2002-2004. – Boston. – Vol. 29, ½. – P. 45-73.
LINDUFF K. M., MEI J. J. Metallurgy in Ancient Eastern Asia: Retrospect and Prospects // Journal of World Prehistory. – September, 2009. – Vol. 22, Iss. 3. – 2013. – P. 265-281.
LIN JUN. A Reexamination of the Relationship between Bronzes of the Shang Culture and the Northen zone // Studies of Shang Archaeology. – New Haven/London: Yale Univ. Press, 1986. – P. 237-273 .
LITTAUER M. A. Rock Carvings of Chariots in Transcaucasia, Central Asia and Outer Mongolia // PPS. – 1977. –N 43. – P. 243-262.
LITTAUER M. A.,CROUWEL J. H. Evidence for Horse Bits from Grave IV at Mycenae? // Praehistorische zeitschrift. – 1973. – Bd. 48. – P. 207-213.
LITTAUER M. A., CROUWEL J. H. The origin and diffusion of the cross-bar wheel? // Antiquity. – 1977. – Vol. LI. – P. 95-105.
LITTAUER M. A., CROUWEL J. H.Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. – Leiden/Koln: E. J. Brill, 1979. – 185 p, 85 ill.
LITTAUER M. A., CROUWEL J. H. Handbuch der Orientalistik: Kunst und Archäologie. – Leiden/Koln: E. J. Brill: 1979a.
LITTAUER M. A., CROUWEL J. H. A pair of horse bits of the second millenninm B. C. from Iraq // Iraq. – 1988. – Vol. L. – P. 169-171.
LITTAUER M. A., CROUWEL J. H. The origin of the true chariot // Antiquity. – 1996. –Vol. 70. – N 270. – P. 934–939.
LITTAUER M. A., CROUWEL J. H., RAULWING P. Selected Writings on Chariots and Other Early Vehicles, Riding and Harness. – Leiden/Koln: E. J. Brill, 2002
LIU LI. Settlement Patterns, Chiefdom Variability, and the Development of Early States in North China // Journal of Anthropological Archaeology. – 15. – 1996. – P. 237-288.
LOEHR M. Weapons and Tools from Anyang and Siberian Analogies // American Journal of Archaeology. – LIII. – 1949a. – P.126-144.
LOEHR M. Ordos Daggers and Knives: New Material Classification and Chronology // Artibus Asiae XII. – 1949b. – P. 23-83.
LORBLANCHET M. Höhlenmalerei. – Sigmaringen: Thorbecke, 1997. – 340 S.
LOZEK V. Golocen // Slovenska Archeologia. – 1971.
LU LIANCHENG, 1993. Chariot and Horse Burials in Ancient China // Antiquity. – T. 67 (257). – P. 824-838. On line at: <http://www.thefreelibrary.com.
LUBOTSKY A. Tocharian Loan Words in Old Chinese: Chariots, Chariot Gear, and Town Building // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. – Vol. 1–2. – Washington, Philadelphia, 1998. – P. 379–390 (JIES Monograph 26).
MACMAHON A., TUNGA O., BAGDO M. New Excavations at Chagar Bazar 1999-2000 // Iraq. – 2001. – Vol. LXIII. – P. 201-222.
MACQUEEN J. G. The Hittites. – L.: Thames & Hudson, 2010. – 176 p.
MASPERO G. History of Egypt, Chaldæa, Syria, Babylonia and Assyria. – Vol. 6 (of 12). – L.: The Grolier society publishers, 1916. – 455 p. http://www.gutenberg.org/files/17326/17326-h/17326-h.htm.
MALLORY J. P. Indo - Europeans. Language, Archaeology and Myth. – L.: Thames & Hudson, 1989. – P. 186-199.
MALLORY J. P., MAIR V. The Tarim Mummies. – L., N.Y., 2000.
MAHLSTEDT I. Die religiöse Welt der Jungsteinzeit. – Stuttgart: Theiss, 2004. – 156 S.
MAJUMDER R. Indian Caste Origins: genomic Insights and futureoutlook // Genome Research. – Vol. 11. – 2001. – N 6.
MARSHALL D. N. Carved Stone Balls // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. – 1976/77. –
Vol. 108. – P. 40–72.
MAYRHOFER M. Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. – Wiesbaden, 1966.
MAYRHOFER M. Die Arier im Forderen Orient-ein Mythos? – Wien, 1974.
McGREGOR G. Making Sense of the past in the Present: A Sensory Analysis of Carved Stone Balls // World Archaeology. – Vol. 31. – N 2. The Cultural Biography of Objects (Oct., 1999). – P. 258–271.
McGUIRE, R. H., PAYNTER R. The Archaeology of Inequality. – Cambridge, Massachusetts, 1991.
MEI J. J. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its cultural context and relationship with neighboring regions // BAR International Series 865. – Oxford, 1999.
MEI J. Cultural interaction between China and Central Asia during the Bronze Age // Proceedings of British Academy. – Vol . 121. – 2003a. – P. 1–39.
MEI J. Qijia and Seima-Turbino: The Question of Early Contacts between Nothwest China and the Eurasian Steppe // Bulletin of the Museum of Far East antiquity. – Vol. 75. – 2003b. – P. 31–54.

MELLAART J. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. – 1979. – 53. – P. 6-22.
MILLER B. Vehicles of the Steppe Elite: Chariots and Carts in Xiongnu Tombs // The Silk Road. – 2012. – Vol. 10. – P. 29-38.
MOOREY P. R. S. A Re-Consideration of the Excavations on Tell Ingharra (East Kish), 1923-33 // Iraq. – Vol. 28. – N 1. – 1966. – P. 18-51.
NAGEL W. Der Mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im ostmediterranen Bereich // Berliner Beitrage zur vor und Fruhgeschichte. – 1966. – Bd. 10. – S. 1-72.
NEMEJCOVA-PAVUKOVA V. Zu Ursprung und Chronologie der Boleraz-Gruppe // Symposium uber die...Badener Kultur. – Bratislava, 1973. – S. 297-316.
NEUSTUPNÝ E. Zur Entstehung der Kultur mit kannelierter Keramik // Slovenska Archeologia. – 1959. – VII. – S. 260–284.
NOMADS AND NETWORKS: The Ancient Art and Culture of Kazakstan. – Princeton, 2012. – 347 p.
NOVGORODOWA E. A. Alte Kunst der Mongolie. – Leipzig, 1981.
NUOFFER O. Der Rennwagen im Altertum. – Leipzig, 1904.
NZWKYOB, 2000: Zhukaigou: Qingtong Shidai Zaoqi Fajue Baogao (Zhukaigou: Excavation Report of the Early Bronze Age Site). – Beijing, 2000.
OATES J. A Note on the Early Evidence for Horse in Western Asia // PSAH, 2003.
OPPENHEIM A. L., REINER E. Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization. – Chicago: University of Chicago Press, 1977. – 445 p.
OSAWA T. The significance of the Ötükän yer to the ancient Turks, Mehmet Ölmez (ed.). Ötükän'den İstanbul'a Türkče'n in 1290. Sempozyumu Bildiri kitabı. – Istanbul, 2011.
OVER 2200 YEAR UNSOLVED MYSTERIES OF QIN DYNASTY. – Beijing, 2011. – 159 p.
PANYUSHKINA I. P., MILLS B. J., USMANOVA E. R., CHENG LI. Calendar age of Lisakovsy timbers attributed to Andronovo community of Bronze Age in Eurasia // Radiocarbon. – 2008. – Vol. 50. – N 3. – P. 459-469.
PARPOLA A. The Nasatyas, the chariot and Proto - Aryan // Journal of Indological Studies. – 2005. – T. 16-17. – P. 1-63.
PARPOLA A., CARPELAN C. The cultural counterparts to Proto - Indo - European, Proto - Uralic and Proto - Aryan. Matching the dispersal and contact patterns in the linguistic and archaeological record // The Indo - Aryan Controvercy: Evidence and inference in Indian history. – L.; N.Y., 2005. – P. 107-141.
PASSARINO G., SEMINO O., BERNINI L. et. al. Pre-Caucasoid and Caucasoid genetic features of the Indian population, revealed by mt DNA polymorphisms // American Journal of Human genetic. – 1996. – Vol. 59.
PIGGOTT St. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // PPS. –1968. – Vol. 34. – P. 266-318.
PIGGOTT St. Chinese Chariotry: an outsider`s View. – University of London Colloque. – 1978. – Art and archaelogy in Asia. – N 7. – P. 32-49.
PIGGOTT St. The Earliest Wheeled Transport From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. – L.: Thames & Hudson, 1983. – 263 p, ill.
PORADA E. Seminars at Columbia University // American Journal of Archaeology. – 1970-1977. – NN 74-81.
POTRATZ J. A. H. Die Pferdetrensen des alten Orient. – Roma, 1966. (Analecta Orientalia. – Vol. 41) – 364 s.
QI XIAOSHAN, WANG BO. The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road. – Xinjiang, 2008. – 304 p., ill.
RACZY P., SIKLOSI Z. Recjysideration of the Copper Age chronology of the eastern Carpathian Basin: a Bayesiab approach // Antiquity. – 2013. – Vol. 87. – N 336. – P. 555–573.
RAU W. Zur vedischen Altertumskunde. – Wiesbaden, 1983.
RAULWING P. Horses, chariots and Indo - Europeans. Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo - European Linguistic. – Budapest: Archaeolingua, 2000. – 177 p., ill.
RAWLINSON G. The Seven Great Monarchies of the Ancient Eastern World or the History, Geography, and Antiquities of Chaldaea, Assyria, Babylon, Media, Persia, Parthia, and Sassanian or New Persian Empire. – New York: John W. Lovell company, 1880. - 680 p. https://archive.org/details/sevengreatmonarc02rawl.
READE J. Assyrian King-Lists, the Royal Tombs of Ur, and Indus Origins // Journal of Near Eastern Studies. – Vol. 60. – N 1 (Jan., 2001). – P. 1-29.
READE J. Assyrian Sculpture. – L.: British Museum Press, 2011. – 96 p.
RENFREW C. Archaeology and Language: Puzzle of Indo - European Origins. – L.: J. Cape, 1987. – 346 p.
RENFREW C. Models of change in language and archaeology // Transactions of the Philological Society. – 1989. – Vol. 87:2.

– P.103-155.
RENFREW C. The Tarim Basin, Tocharian and Indo - European Origins: a View from the West // BAEIAP. – 1998. – Vol. 1.
RENFREW C., BAHN P. (ed.) Archaeology. The key concepts. – L., New York: Routledge, 2005. – 298 p.
ROBB J. Random causes with directed effects: the Indo - European language spread and the stochastic loss of lineages // Antiquity. – 1991. – T. 65. – P. 287-291.
SALONEN A. Die Landfahrzeuge des alten Mesopotamier. – Helsinki, 1951.
SALONEN A. Hippologia accadica. – Helsinki, 1956. – 318 p.
SARIANIDI V. I. Margiana and Protosoroastrism. – Athens, 1998.
SCHEERES M., KNIPPER C., HAUSCHILD M., SHONEFELDER M., SIEBEL W., VITALI D., PARE C., ALT K. W. Evidence for "Celtic migrations"? Stroncium isotope analysis at the early La Tene (Lt. B) cemetery of Nebringen (Germany) and Bibele (Italy) // Journal of Archaeological Science. – 40 (2013). – P. 3914–3625.
SCHORTMAN E. M., URBAN P. A. Modeling Interregional Interaction in Prehistory. // In Schiffer M. B. (Ed.). Advances in Archaeological Method and Theory. – Vol.11. – San Diego, 1987. – P. 37-95.
SCHRADER O. Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde. – Strassburg, 1901.
SHELACH G. Prehistoric Societies on the Northern Frontiers of China: Archaeological Perspectives on Identity Formation and Economic Change during the First Millennium BCE. – L.: Equinox Publishers, 2009.
SHERRATT A. & S. The Archaeology of Indo-European: an alternative view // Antiquity. – 1988. – Vol. 62.
SHISHLINA N. The steppe and Caucasus during the Bronze Age: mutual relationships and mutual enrichments // Counterpoint: Essays in archaeology and heritage studies in honour of Professor Kristian Kristiansen (BAR International Series 2508). – Oxford: Archaeopress, 2013. – P. 53–60.
SHVETS I. N. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd.1. – Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern, 2012. – 417 s.
SMOLIAN J. Studien zur Entstehung und Ausbreitung des Wagens // EAZ. – 1964. – Jg.5. – N 1. – P. 1-38.
SNELL D. C. (ed.). Companion to the Ancient Near East. – Wiley, 2005a. – 504 p.
SNELL D. C. Introduction. // Companion to the Ancient Near East. – Wiley, 2005b. – P. xvii-xix.
SPALINGER A. J. Warfare in Ancient Egypt. // Snell D. C. (ed.). Companion to the Ancient Near East. – Wiley, 2005. – P. 229-242.
STAROSTIN S.A. 2000. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics // Time Depth in Historical Linguistics. – Vol. 1. – The McDonald Institute for Archaeological Research. – Cambridge: University Press.
SVYATKO S. V., MALLORY J. P., MURPHY E. M., POLYAKOV A. V, REIMER P. J.,SCHULTING R. J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. – 2009. – Vol. 51. – N 1. – P. 243–273.
SUN YAN. A Study of Classification of Material Culture and Mortuary Practices of the Yan in the Early Western Zhou Period. Unpublished PhD Dissertation, University of Pittsburgh, 2001.
TAŞAĞIL A. Gök-Türkler. I. 2. Baski. Türk Tarih Kurumu Basimevi. – Ankara, 2003. - 197 c.
TAŞAĞIL A. Gök-Türkler III. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004.
TAŞAĞIL A. Çin Kaynaklarına Göre Eski Türk Boyları. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004a.
TEUFER M. Der Streitwagen: eine «indo-iranische» Erfindung? Zum Problem der Verbindung von Sprachwissenschaft und Archaologie // Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan. – Deutsches Archaologisches Institut. Eurasien-Abteilung. Außenstelle Teheran. Band 44. – Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2012. – S. 270-312.
TOYNBEE A. Study of History. – V. III. – L.: Oxford Univ. Press, 1934. – 551 p.
VARFOLOMEEV V., EVDOKIMOV V. Die Andronovo-Kulturen // Unbekanntes Kazachstan. Archäologie im Herzen Asiens. - Bochum, 2013. Band I. - P. 289-305.
WAALS J. D. van der. Neolithic Disk Wheels in the Netherlands // Paleohistoria. – 1964. – N10. – P. 103-146.
UNDERHILL A. P., FEINMAN G. M., NICHOLAS L., BENNETT G., FENGSHU CAI, HAIHUANG YU, FENGSHI LUAN, HUI FANG. Systematic, Regional Survey in SE Shandong Province, China // Journal of Field Archaeology. – N 25. – 1998 . – P. 453-474.
WALLERSTEIN I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture of the European World Economy in the Sixteenth Century. – L., 1974.
WALLERSTEIN I. A World-System. Perspective on the Social Sciences // British Journal of Sociology. – N 27 (3). – 1976. – P. 343-352.
WERNER F. D., MATHESON S. A. Persia. Persepolis. – Tehran: Yassvoli. 2001. – 104 p.

WHITTAKER C. R. Roman Empire: A Social and Economic Study. – Baltimore, 1994.
WIESNER J. Fahren und Reiten // Arhaeologia Homerica. – 1968. – Bd I. – Gottingen, Kapitel F.
WREDE N. Uruk. Terrakotten I. – Mainz am Rhein: Phillipp von Zabern, 2003. – 477 s.
WOOLLEY C. L. The Royal Cemetery // Ur Excavation Reports. – L.; Philadelphia, 1934. – 604 p. - Woolley 1934:
C. L. Woolley, The Royal cemetery. A Report on the Predynastic and Sargonid Graves Excavated between 1926 and 1931. Ur Excavation Reports, 2 (London and Philadelphia 1934).
XU YONGJIE. The Siba Culture Site at Huoshaogou, Donghuishan, Minle County // In The Almanac of Chinese Archaeology (1988). – Beijing, 1989.
ZACCAGHNINI C. Pfred und streit wagen in Nuzi. – Francfurt am Main, 1978.
ZARINS J. The Domestication of Equidaes in the Third Millennium B. C. – Chicago, 1976.
ZIMMERMAN T. Zu den sogenannten «Pilzknaufkeulen» der Anatolischen Frühbronzezeit – Zeremonialgerät zwischen Halysbogen und Kuban // Eurasia antiqua. Band 12. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2006. – P. 127–135.
ZVELEBIL M. Indo - European origins and the agricultural transition in Europe // Whither archaeology? Papers in honor of Evžen Neustupný. – Praha, 1995. – P. 173–203.

Список сокращений

АК – археологическая культура.
ЗТКА – Западный Тюркский каганат. Атлас. – Астана: Назарбаев Центр, 2013.
АО – Археологические открытия. – М.:Наука.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. –Новосибирск.
БМАК – Бактрийско – Маргианский археологический комплекс.
ВАН – Вестник Академии наук.
ВДИ – Вестник древней истории. – М.: Наука.
ИАН – Известия Академии наук.
ИА – индоарии.
ИЕ – индоевропейцы.
ИИ – индоиранцы.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. – М.; Л.; М.
КИО – культурно историческая общность (область).
КХТ – культурно-хозяйственный тип.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МНО – Майкопско - Новосвободненская общность.
НК ОГК ИВ – научная конференция «Общество и государство в Китае» в Институте востоковедения РАН. – М.
РАЕ – Российский археологический ежегодник. – СПб.
РАН – Российская Академия наук.
СА/РА – Советская археология/ Российская археология. – М.:Наука.
САИ – Свод археологических источников.
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства.
СЕДС – Степи Евразии в древности и средневековье. Сборник материалов конференции к 100-летию М. П. Грязнова.
– СПб. Кн. 1 – 2002; Кн. 2 – 2003.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л.
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. – Л.
СЭ – Советская этнография. – М.: Наука.
AAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest.
BAR – British Archaeological Reports. – L.
BAEIAP – The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia, ed. by V. Mair. Two vol. – Washington, 1998.
Corded Ware culture – культура шнуровой керамики в Европе.
EAZ – Ethnographische-archaeologische Zeitschrift. – Berlin.
ECUIE – Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linquistic and Archaeological Considerations. – Helsinki, 2001.
IJES – International Journal of Eurasian Studies.
JAOS – Journal of American Oriental Society.
JIES – Journal of Indo-European Studies.
JRAS – Journal of Roual Asiatic Society of Great Britain and Ireland
NZWKYOB Neimenggu Zizhiqu Wenwu Kaogu Yanjiusuo and Oerduosi Bowuguan
(Archaeological Institute of Inner Mongolia Autonomous Region and the Ordos Museum).
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society. – L.
PSAH - Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. (Levin M., Renfrew C.(eds) – Exeter, 2003.
TRB – культура воронковидных кубков в Европе.

Персеполь. Ападана. Восточная лестница. Саки, дары приносящие. Фрагмент

Электронное мультимедийное приложение на двух дисках «Колесо коммуникации. Версии 2.1. и 2.2. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций»

Добро пожаловать в мир электронных книг!

Это издание содержит электронное мультимедийное приложение на двух дисках, расположенных на внутренней стороне обложки. Этим приложением мы продолжаем серию релизов электронных мультимедийных материалов, начатую в нашем предыдущем издании [Новоженов, 2012]. Востребованность, положительные отзывы коллег и многочисленные запросы обновлений убеждают нас в необходимости продолжить начатое. Формат приложения совместим со всеми типами настольных компьютеров, ноутбуков, планшетов, других устройств и подавляющим большинством современного программного обеспечения. Новые версии 2.1. и 2.2. содержат более 9,5 Гигабайт полезной информации о коммуникациях и колесном транспорте и состоят из следующих разделов:

Книги – подборка изданных и ставших библиографической редкостью книг в формате PDF:

ЕПИМАХОВ А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар – 5). – Кн.2. – Электронное приложение. – Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. – Ч. 1, 2. – на русском языке.

НОВОЖЕНОВ В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Под редакцией Е. Е. Кузьминой. – М.: Таус, 2012. – 500 с.– на русском языке.

(=НОВОЖЕНОВ В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Под редакцией Е.Е.Кузьминой. – Алматы: KIT Publishing, 2012. – 500 с.– на русском языке.

NOVOZHENOV V. A. Communications and Earliest Wheeled Transport of Eurasia. Ed. by E.E. Kuzmina. – M.: Taus, 2012 (2014). – 498 p.). – на английском языке.

РОГОЖИНСКИЙ А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. - Алматы: Signet Print, 2011. - 396 с.

ЧЕЧУШКОВ И. В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии. Т. 1-2 (текст и иллюстрации). Дисс. на соискание уч. степени к.и.н., защищенная в ИА РАН РФ в 2013 году - на русском языке.

+ электронная версия этой и других полезных книг.

Видеоролики –мультимедийные ролики о древнем и современном колесном транспорте Евразии и не только. Собраны материалы из разных стран и музеев мира:

Россия, С-Петербург, Эрмитаж:
1.Hermitage. Pasyryk's vehicles.m4v
2.Hermitage_Sakas kourgans, Altay, Siberia.m4v
3.Hermitage._Tagar kulture and tashtyk's masks.m4v

Франция, Париж, Лувр:
4.Louvre_Bactria.m4v
5.Louvre_Palace of Sargon II.m4v
6.Louvre_Cryte and Mycen.m4v
7.Louvre_Luristan.m4v
8.Louvre_Marlik_Syria.m4v
9.Louvre_Ras-Samra, Syria.m4v
10.Louvre_Mesopotamia.m4v
11.Louvre_Simashki, Tepe Sialk.m4v

Германия, Берлин, Остров музеев:
12.Pergamon Museum_Asian collection.m4v
13.Alte Museum, Berlin_etrusks and greeks.m4v
14.New Museum, Berlin_Cryte and Mycen.m4v

Нидерланды, Амстердам, Музей А. Пирсона:
15.Allard Pierson Museumin Amsterdam.m4v
16.Living Horse Museum.m4v

Multimedia appendix on two discs «Communications Wheel 2.1. & 2.2. Steppe the Great: Man in the Ancient Communications Network»

Welcome to a Multimedia e-books World!

Индия, Дели, Национальный музей:
17.National Museum, New Delhi, India.m4v

Казахстан, поселение Ботай:
18.Settlement Botai, Kazakhstan.m4v

Китай, Бамайонг, Янглин, Сиань, Урумчи:
19.Bamaiong Museum, China.m4v
20.Museum in Yangling, China.m4v
21.Museum in Zhanzhaopo, China.m4v
22.Museum in Xian', China.m4v
23.Museum in Urumqi, China.m4v

Шри-Ланка, Сингири:
24.Sri Lanka, Singhiri, vehicles.m4v

Грузия, Тбилиси:
25.Georgia.Tbilisi. Dry Bridge. Vehicles.m4v

Камбоджа, Сием Рип (Ангкор):
26. Cambodia. Siem Reap. Vehicles.m4v
27.Cambodia. Siem Reap. Angkor Wat.m4v

США, Нью-Йорк, Музей искусств Метрополитэн:
28. USA. Metropolitan Art Museum. Chariot.m4v

Монголия:
29. Mongolia. Wheels.m4v

Иран, Тегеран, Национальный музей:
30.Iran, National Museum, Saltman.m4v
31.Iran, National Museum, Louristan Bronzes.m4v

Иран, Персеполь:
32.Iran, Persepolis, Apadana, north.m4v
33.Iran, Persepolis, Apadana, east.m4v

+ материалы из других музеев мира.

Предложения, комментарии, идеи
и заказы обновлений направлять по адресу:
vnovozhenov@gmail.com

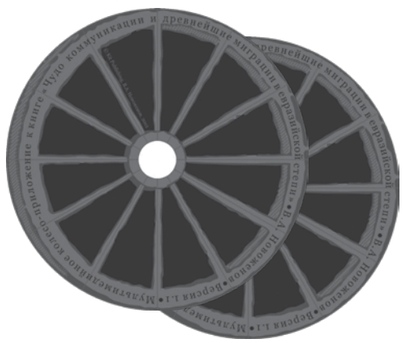
The Multimedia Wheel of Communications. Versions 2.1. and 2.2.

Welcome to the multimedia appendix of this book!

Here you've got more 9,5 GB information about IE communications.
Here is all materials from the book and much more….

«The Multimedia Wheel of Communication». Versions 2.1.&2.2. is:
Books – PDF's some books in English and other usefull issues;
Videos – photos of ancient and contemporary wheeled transport from museums and not only.

Your ideas, comments and orders for new versions of «MultiWheel»
please send to: *vnovozhenov@gmail.com*



Бұл кітап әйгілі кеңес және Ресей археологы, тарихшы, мәдениеттанушы, қола дәуіріндегі қазақстандық ескерткіштерді зерттеуге және үндіеуропалықтардың шығу тарихы мәселелерін шешуге зор үлес қосқан ғалым **Елена Ефимовна Кузьминаның** рухына бағышталады. Елена Ефимовнаның қазақстандық және шетелдік археологтар Қазақстан жерінен қазып алған ескерткіштерді жүйелеу, жіктеу және кезеңдеуге арналған көпжылдық іргелі зерттеулері көптеген елдерде жарық көріп, қазіргі таңда ғылымның осы саласында классикалық материалдарға айналған авторлың төлтума іргелі монографиялар сериясында жинақталған.

Елена Ефимовна еңбек қорлығы мен көпжылдық ғылыми ізденісінің арқасында қазақтың дәстүрлі мәдениетін терең зерттеу мен насихаттауға үлкен үлес қосты. Оның зерттеу жұмыстарының нәтежиесінде қазақ тарихының тамыры сонау адамзат өркениетінің алғашқы кезеңдеріне дейін таралып жатқаны белгілі болды. Ғалым Қазақстан аумағында осы күнге дейін сақталып келген ата-бабаларымыздың мұрасы күйінде жеткен бай мәдени мұраларды ЮНЕСКО сынды халықаралық ғалымдар қоғамына мойындатып, бүгінде әлемдік өркениет қазынасының ажырамас бөлігіне айналғаны, біздің ұлттың оған қосқан келелі үлесін қалыптастырды.

Оқырман назарына ұсынылып отырған бұл кітапты Е. Е. Кузьминаны жақсы таныған, оның шығармашылық идеялары мен теорияларын қолдайтын Қазақстан, Ресей, АҚШ, Германия елдеріндегі халықаралық ғалымдар ұжымы жазып шыққан. **Кітап екі тараудан тұрады**: бірінші тарауда қазақстандық зерттеуші В. А. Новоженовның монографиясы және Е. Е. Кузьминаның өзі мен А. В. Епимахов жазған бөлімдермен толықтырылған; екінші тарау қазақстандық және шетелдік әріптестерінің жекелеген мақалалары, қосымша материалдар, фотографиялар және оның баспа жұмыстарының толық библиографиясы қамтылған.

Бірінші тарау орыс тілді археология зерттеулерінің үндіеуропалық тарихы туралы жазбалардан тұрады. Тараудың 1.2 бөлімі – Е. Е. Кузьминаның ең соңғы жұмыстарының бірі. Онда ол үндіирандықтардың шығу тарихы жайында өз тұжырымдамасын ұсынған. Сонымен бірге бұл тарауда А. В. Епимаховның да бөлімі бар.Онда автор ежелгі қола дәуіріндегі алыс байланыстарды әлемдік жүйелер теориясы бойынша қарастырған.

Екінші тарауды В. А. Новоженов Евразия аумағындағы дөңгелекті байланыс құралының таралуын зерттеуге арнап, «үндіеуропалықтардың көшпелі атажұрты» тұжырымдамасын қалыптастырады. Авторлың айтуынша, өте ежелгі үндіиранның жазбаша дерек көздерінде атажұрт түсінігі шеті-шегі жоқ өнімді жайлау дегенмағына береді екен (Арьянам Вайджа Арий даласы), ол далада үндіирандықтар мен үндіеуропалықтардың арғы ата-бабалары біртұтас өмір сүрген. Сол себепті олардың нақты атажұрты қайсы екені анықталмай отыр.

Алайда Еуразия даласы толығымен және Қазақстанның Орал өңірі олардың көшпелі ата жұрты болды деген жорамал бар. Бұл тайпалар малға қолайлы жайылым іздеп, зор аумақта көшіп-қонып жүруге мәжбүр болған және өздерінің байырғы мекендеріне, туған жерлеріне қайта оралып отырған. Халықтың саны өсе келе көшпелі тайпалар руларға бөлініп, жеке-дара көбейіп, өркендеп жаңа аумақтарға барып орналасқан. Авторсондай-ақ, үндіирандықтардың кейінгі атажұрты таралған Қазақстанның Орал өңіріне баса назар аудартады (2.6 бөлім). Бұл өлкеде жылқы шаруашылығы, дөңгелектерді, ерекше ат әбзелдерін жасап шығару мен пайдалану, қола металдардан ер-тұрман жасау технологиясы дамыған.

Осы бөлімде А. В. Епимахов қола дәуіріндегі Жайық бойындағы халықтың байланыс динамизмін зерттейді (2.8 бөлім). Осы өлке жайындағы әртүрді тарихи материалдарды мұқият, түбегейлі зерттегеннен кейін автор Солтүстік Еуразия мен Орал өңірінің тарихында қола дәуірі шешуші кезең болған деген тұжырымға келеді. Бұл кезеңде маңызды технологиялық, әлеуметтік-экономикалық және идеологиялық инновациялар бір-бірімен тығыз байланыста болған. Мысалы, Орал өңірі жез кені мен металл балқытудағы маңызды орталықтардың бірі болған. Соның нәтижесінде Орал өңірі құрамында Еуразияның әртүрлі аймақтарынан Қытай, Балқан және Скандинавиядан келген адамдар тобы (рулық қауым) дамыған алпауыт жүйенің қатарына қосылады. Айта кетерлігі, 2.8.2 бөлімінде А. В. Епимахов материалдардың болжалды және нақты даталарын көрсетіп, қола дәуіріндегі Орал өлкесінің ескерткіштерін мынадай кезеңдерге бөлу керектігін ұсынған:

Ямни мәдени-тарихи өлкесі – б.з.д. 3350 – 2490 ж.
Сеймин-турбиндік феномен – б.з.д. 2040 – 1620 ж.;
Абаш мәдениеті – б.з.д. 2140 – 1740 ж.;
Синташта мәдениеті – б.з.д. 2010 – 1170 ж.;
Петров мәдениеті – б.з.д. 1880 – 1750 ж.;
Алакөл мәдениеті – б.з.д. 1900 – 1450 ж.;
Федор мәдениеті - б.з.д.1980 – 1510 ж.;
Кесінді мәдениеті – б.з.д.1730 – 1410 ж.;
Барқыт мәдениеті (алғашқы кезең) – б.з.д.1310 – 1010 ж.;
Барқыт мәдениеті (кейінгі кезең) – б.з.д. 1220 – 780 ж.;
Темір дәуіріне өту – б.з.д.980-840 ж. (б.з.д. 910 – 800 ж.ж.).

Түйін

Үшінші тарауда В. А. Новоженов қола дәуіріне жататын Орта Азияның 500-ден аса аймақтарындағы көптеген көрнекті ескерткіштердің петроглифтер кешенін зерттейді. Мұндай мыңдаған нысандар адамдардың сол кездегі коммуникативтік және салт-жоралық ғұрыппен өмір сүргендіктерін көрсетеді. В. А. Новоженов оларды мал өсіруге бейім үнді-ирандық ру-тайпалардың өнер туындылары ретінде түсіндіреді. Сөйтіп, жартасқа қашалып жазылған петроглифтердің даму тарихы мен Орта Азиялық бейнелеу салтын мынадайсатыларға бөліп қарастырады: 1 ямнийлік-афанасьевтік, 2 - андроновтық, 3 - карасұқтық.

Олардың әрбірі анық белгілер мен бейнелеу өнерінің стилімен ерекшеленеді. Ал, төртінші тарауы хат түрінде жеткен көптеген дереккөздерге, мәселен, ассириялық, вавилондық және қытайлық тарихи хроникаларына сүйенген мәліметтерге негізделеді. Осыған сүйене отырып, В.А. Новоженов көне дәуірдегі Орта Азияның этникалық және мәдени тарихын қайта жаңғыртуғатырысады.

II-бөлімде Е. Е. Кузьминаны еске алуға арналған эссе жазылған.Онда үндіеуропалық зерттеудің түрліаспектілерін қамтылады. Бұл бөлімге Е. Е. Кузьминаның бұған дейін жарық көрмеген, әу баста ағылшын тілінде жазылған «Үндіирандықтардың қола дәуіріне өтуі жайлы жаңа деректер» атты мақаласы түпнұсқа күйінде жарияланған. Сондай-ақ, автор андроновтық мәдениетті «үндіариилік мәдениет» деп қарастыруға болатынын айтады. Себебі, олардың біраз бөлігі б. д. д XIV - XV ғасырларда еуразия даласындағы экологиялық өзгерістерге байланысты Үнді субконтиненті солтүстік-батысқа ығысқан деген қорытынды жасайды. Бұлай қоныс аударудың екінші толқыны б. д. д, шамамен 1200 жылдары орын алған экологиялық тоқыраумен байланысты дейді. Соның салдарынан бұл мәдениет өкілдері Иранға жаппай көше бастаған.

И. В. Чечушков өзінің зерттеу жұмысында радиокөміртекті деректерді Таяу Шығыстың, Мысырдың және Еуроазияның ең көне дөңгелекті көліктерімен салыстыруға тырасады. Осылайша ол дөңгелекті көліктердің көне нұсқаларын б. д. д IV мыңжылдықтың екінші жартысынан бастап Месопотамиядан да кездестіруге болады деген қорытындыға келеді. Алайда, б. д. д III мыңжылдықта Таяу Шығыс технологиясы мен үйлескен дөңгелекті көлік еуразия далаларында да жақсы дамыған болатын. Екідөңгелекті арбалар еуразия даласында өзалдына жасалып, Месопотамия мен Мысыр үндіеуропалықтарына б.д.д 17 ғасырда жеткізілген.

Э. Р. Усманова Қазақстанның Лисаковский қорымынан табылған тоқыма бұйымдары және металлзаттардың ерекшеліктерін негізге ала отырып андронов киімдері мен оның символдық мағынасын талдайды. Бұл мақалада андронов мәдениетіндегі әйелдер киімдері толық қалпына келтірілген. Археологиялық материалдар мен сырт киімдерді қайтадан қалпына келтіріп, оларды талдай келе автор бұл киімдер салтжорамен байланысты деген тұжырымға келді. Анронов әйелдерінің бас киімдерінің маңызды элементі және оның символдық мағынасы көп. Оның әрленімі тұрмыс құрмаған қызды сиқыр, дуадан қорғауға, оның өмірге көбірек ұрпақ әкелу қабілетін өсіру мақсатында жасалған.

И. Н. Швец Қазақстанның қола дәуіріндегі петроглифтердегі антроморфтық кейіпкерлерді талдауға қатысты жазылған мақаласында ұзақ жылдар бойы Қазақстанның оңтүстік, орталық аймақтарындағы ескерткіштердегі суреттерді зерттеу барысында жасаған тұжырымдары және зерттеулерімен бөліседі.

Кэтрин Линдафф өз мақаласында неліктен сібір ескілі ескерткіштерінің орталық Қытай жазықтары ескерткіштерінің арасынан табылды деген сұрақтың жауабын іздейді. Автордың айтуынша бұл сұрақ ауқымды мәселелерді қамтиды. Оның ішінде Еуразияның осы бөлігіндегі біздің дәуірімізге дейінгі соңғы IV мыңжылдықтағы халықаралық сауда мен айырбас қолға алынған. Тек Қытай материалдарын зерттей келе дұрыс шешім таппаймын-ау деген күдік автордың бұл мәселеге қызығушылығын тудырды.

Бүкіл Еуразияның ескерткіштерін зерттей келе осы сұрақтың жауабы анықталады. Кэтрин Линдафф Оңтүстік Сібірден табылған жәдігерлер мен халықтар тек сол өңірмен және сол жердің тұрмыс-тіршілігімен шектелмеген, қазіргі Қытайдың орталығына дейін таралған деген тұжырымға келеді. Осы жәдігерлерді тасыған халықтардың арасындағы қарым-қатынас хал-ахуал мен жерлерге байланысты болған. Айырбас технологиясы, тауар өндірісінің артуы, некелесу, этногенез, автордың пайымдауынша бұл сібірлік материалдардың ежелгі қытай ақсүйектерінің қорымдарынан табылуының себептерінің бірі ғана.

Еуразияның көшпенді халықтарындағы дөңгелекті көлік **Қ. Алтынбеков пен В. А. Новоженовтың** мақаласында талданады. Бұған Батыс Қазақстанның Тақсай 1 қорымының 6-шы обасынан табылған біздің дәуірімізге дейінгі VI-ғасырдың соңы V-ғасырдың басына жатқызылатын бірегей ағаш тарақ себепші болды. Тарақта шайқас бейнеленген, онда арба және екі жауынгердің бір жаяу жауынгермен шайқасып жатқан сурет бар. Авторлардың пікірінше, Еуразияның солтүстігіндегі көшпелі халықтардың өзіндік дөңгелекті көліктер желісі, оның ішінде арбалары болған. Бірнеше автохтонды 2-4 дөңгелекті көлік түрі болған және оларды әртүрлі мақсатта пайдаланған. Қарулы жауынгерлер оларға отырғанда бұл көлік түрлері геополитикалық тұрғыдан транс-еуразиялық байланыста көшпенділердің күшеюіне және өркендеуіне, оңтүстік-батыс Азия аймақтарына жорықтардың артуына және Ұлы Жібек жолының байланыс жолдарына қосылуға себеп болды.

А. Б. Ипполитованың мақаласы Елена Ефимовна Кузьминаға естелік ретінде жазылған. Сонымен қатармақалада оның өмірбаянының негізгі кезеңдері және естеліктер қамтылған.

Summary

This book is devoted to the memory of **Elena Efimovna Kuzmina (1931-2013),** outstanding Soviet-Russian archaeologist, historian and culture expert who made an enormous contribution to Indo-European studies. The book consists of **two parts:** first is **a monograph by Viktor Novozhenov** with the addition of chapters by Elena Kuzmina and Andrey Epimakhov; the second part includes additional **papers and memorabilia devoted to Elena Kuzmina**.

The Chapter 1 consists of a description of the evolutionary history of Indo-European studies in the Russian archaeology. One of the latest pieces of work of Elena Kuzmina follows where she develops her own conception of the origin of Indo-Iranians [see also Kuzmina 2007]. Moreover, there is a chapter of Andrey Epimakhov where the author examines the problem of the long-distance connections in the Bronze Age from the point of view of World-Systems theory [Wallerstein 1974].

In the Chapter 2 Victor Novozhenov addresses the development and distribution of the wheeled transport across the Eurasian landmass and formulates an hypothesis for "The Mobile Homeland of the Indo-European people". The author reminds us that in the later Indo-Iranian written sources the ancestral home described was as an endless landmass abundant with the various resources where mobility was common for the ancestors of the Indo-Iranians. Thus, no exact place for a homeland can be found, but the Eurasian Steppe itself was thought to be a Mobile Homeland for the Indo-Europeans. Over time these people moved across the space seeking for the new pastures, but always returned to well-known lands. With the population growth new groups detached themselves from the main group and created their own lines and populated new lands. The author also highlights the importance of the Ural-Kazakhstan region (ch. 2.6) as the locality where the latest homeland of the Indo-Iranians must have been. In this region important innovations such as horse breeding, chariot use and horse harness equipment along withthe technology of the Bronze metallurgy were combined.

In the same Chapter 2, Andrey Epimakhov studies the dynamism of communication in the Urals during the Bronze Age (ch. 2.8). Afterintensive and careful observation of the diverse archaeological material from the region, the author concludes that the Bronze Age is a crucial period in the history of the Urals region, North Eurasia, and the whole of mankind. At this time the most crucial technological, socio-economic and ideological innovations occurred and were interrelated. For instance, the Ural Mountain region became one of the most important centers of copper ore mining and metal production. As the result the region was involved to the huge and broad network which involved and connected groups of people in different regions of Eurasia as well as China, the Balkans and Scandinavia. It is worth mentioning that in ch. 2.8.2. Andrey Epimakhov also providesboth relative and absolute chronologies and develops a secure periodization of the Ural Bronze Age. He provides the following radiocarbon intervals for the main archaeological cultures:

Pit-Grave culture – 3350 - 2490 BC;
Seimo-Turbino culture – 2040 - 1620 BC;
Abashevo culture – 2140 - 1740 BC;
Sintashta culture – 2010 - 1170 BC;
Petrovka culture – 1880 - 1750 BC;
Alakul' culture – 1900 - 1450 BC;
Fedorovo culture – 1980 - 1510 BC;
Timber-grave culture – 1730 - 1410 BC;
Early Barhatovo culture – 1310 - 1010 BC;
Late Barhatovo culture – 1220 - 780 BC;
Transition to the Iron Age – 980 - 840 BC (910 - 800 BC).

In Chapter 3 Viktor Novozhenov examines the known complex of the Central Asia petroglyphs accumulated from more than 500 locations during the several millennia of the Bronze Age. These thousands of objects are evidence of communication from and ritual activities of the people who left them. Prof. Novozhenov interprets them as the pieces of art left by Indo-European and Indo-Iranian populations who lived as mobile pastoralists in this area. In the history of the petroglyphs development he finds the following stages: 1 – Yamnay-Afanasievo, 2 – Andronovo, 3 – Karasuk. Each is characterized by the specific topics and artistic manners.

Chapter 4 is based on the broad list of written sources, such as from Assyrian and Babylonian documents and Chinesehistorical texts. On this basis Viktor Novozhenov attempts to reconstruct the ethnic and cultural distribution in Central Asia in the Bronze Age up to the Common Era.

Part II includes essays dedicated to the memory of Elena Kuzmina and ones concentrated on issues in Indo-European studies. The chapter begins with the previously unpublished paper of Elena Kuzmina "New Data on the Development of the Indo-Iranians in the Bronze Age" which is included in its original English version. Among other ideas, the author concludes that the Andronovo culture should be thought of as Indo-Aryan and that its population of the steppes along with ecological changes in the 15th – 14th century BC brought part of the Andronovo population to the NW of the Indian Subcontinent. A second wave of migration was connected to an ecological crisis which occurred around 1200 BC and caused mass migration of the people of Timber-Grave culture to Iran.

Summary

In his paper **Igor Chechushkov** aims to compare radiocarbon dates of the earliest evidence of wheeled transport from the Near East, Egypt and Eurasia. He concludes that the earliest evidences of the wheeled transport can be found in Mesopotamia dating back to the second half of IV millennium BC, although already in III millennium BC it was highly developed in Eurasia in close conjunction with technologies from Near East. Two-wheeled horse-drawn chariots were independently developed in the Eurasian Steppes and were brought to Mesopotamia and Egypt by Indo-Europeans no earlier than 17th century BC.

Emma Usmanova analyses the characteristics of Andronovo clothing and its symbolic meanings using the findings of textile and metal furniture from the cemetery near Lisakovsk, Kazakhstan. In this paper one can find a full reconstruction of Andronovo women's clothing. After analysis of archaeological materials and reconstruction of outwear the author concludes that these findings could be connected to ritual apparel of Andronovo women and not necessary that of every-day life. The headgear of Andronovo woman was one of the most important elements of dress and was full of symbolic meaning. Its design was associated with protection of unmarried woman from witchcraft and with increasingher fertility.

Irina Shvets analyses in her article numerous depictions of human figures in the Bronze Age rock art of Kazakhstan. The corresponding archeologic source material comes mainly from Central and Southern Kazakhstan. In the archaeological literature such figures are described by a wide variety of terms - zoo-anthropomorphic or «masked», monsters, ghosts, demons, fantasy or mythical creatures. Many are associated with priests, shamans, gods or spirits. Some of them have dresses resembling to sunbeams, horns or mushroom-heads. Their corresponding names in the literature are such sun-headed, horned or mushroom-headed anthropomorphic personages. These terms have been discussed for decades, and they continue to be used. Nearly all of these figures have certain attributes in their hands such as – presumedly – a mace or sceptre, tambourine, bow or stick. Such an iconography allows on one hand to connect these figures with rituals or mythological-religious actions. On the other hand, many of them are also depicted in everyday scenes – like hunting or migrating with animal herds, all of which is well illustrated in the published rock art material from the Mongolian Altai. The article provides a detailed and comparative view on many sources for these figures as well as older and modern theories of their interpretation.

In her paper **Katheryn Linduff** is seeking answer to the question why Siberian artifacts been excavated inside ancient Chinese dynastic borders? As the author points out the questions belong to a much larger issue, that of trade and exchange across Eurasia in the last four millennia BCE. The author's interest in such questions came with the study of ancient China, and developed out of concerns that could not be addressed by studying China, but only with knowledge of Eurasia. Katheryn Linduff concludes that the peoples and their artifacts identified in southern Siberia were not limited to that area or lifestyle and extended into the heartland of China. The relationship of the peoples who bore such artifacts with the dynastic centers varied according to the specific circumstances of time and place. Technology exchange, surplus extraction, marriage alliance and ethnogenesis are, then, some of the reasons she thinks that Siberian artifacts have been found in burials of ancient Chinese leaders.

The wheeled transport of nomadic people of Eurasia is being analyzed in **Crym Altynbekov and Victor Novozhenov's** paper byusingevidence including a unique wooden comb from the Taksay cemetery in Kazakhstan dated back to the 6-5 centuries B.C. This comb is decorated with an image of a battle where a chariot and the team of two charioteers confront an unmounted warrior. The authors come to the conclusion that early nomadic societies had their own line of evolution of the wheeled transport, including chariots. There were several autochthonic types of two- and four-wheeled vehicles used for various purposes. Together with mounted horsemen these vehicles made possible the supremacy of nomadic societies in Eurasia and their integration into the societies on the Silk Road.

Final Chapter by **Alexandra Ippolitova** is devoted to the memory of Elena Kuzmina and includes the main stages of her biography and some memories about her life and work. She received her PhD in archaeology in 1976 at the Moscow State University where she was a full professor of archaeology since 1988. She was the head scholar of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow, Russia) and was an academician and member of the Russian Academy of Natural Sciences, as well as a Corresponding Fellow of the German Archaeological Institute and member of the Società Iranologica Europea (Italy). In 2009, she won Iran's World Prize for the book of the year for The Origins of the Indo-Iranians [2007]. Kuzmina published more than 300 articles and 10 books on the archaeology of the Eurasian Steppes and the origins of Indo-Iranians.

Even though this book is the last publication of Elena Kuzmina's work, her academic intellectual legacy is one of the greatest contributions to the Indo-European studies ever and will influence the academic tradition for many years to come.

Dieses Buch ist **Elena Efimovna Kuz'mina (1931-2013)**, der hervorragenden sowjetisch-russischen Archäologin, Historikerin und Kulturexpertin gewidmet, die einen enormen Beitrag zur indoeuropäischen Forschung geleistet hat. Das Buch besteht aus **zwei Teilen:** Der erste Teil besteht aus einer **Monographie von Viktor Novoženov** mit einigen zusätzlichen Kapiteln von Elena Kuz'mina und Andrej Epimachov. Der zweite Teil stellt eine Gedenkschrift für Elena Kuz'mina inklusive Bibliographie dar.

Das **erste Kapitel** enthält die Forschungsgeschichte der Indogermanistik in der russischen Archäologie. Danach (1.2) folgt eine der letzten Arbeiten von Elena Kuz'mina, in der sie ihre eigene Vorstellung über die Herkunft der Indoiraner darbietet [siehe auch Kuzmina 2007]. Außerdem gibt es ein Kapitel von Andrej Epimachov, in dem der Autor das Problem der bronzezeitlichen Fernbeziehungen aus der Sicht der Weltsystem-Theorie dargestellt hat [Wallerstein 1974].

Im **zweiten Kapitel** wird von Novoženov die Entwicklung und Verbreitung vom Radtransport in Eurasien vorgestellt und eine Hypothese „der nomadischen Urheimat der Indoeuropäer» formuliert. Der Autor erinnert daran, dass in den späteren indoiranischen Schriftquellen die Urheimat ihrer Vorfahren als eine endlose fruchtbare Weide beschrieben wird, wo Mobilität für alle Vorfahren der Indoeuropäer und Indoiraner traditionell war. Es kann zwar kein genauer Ort für die Urheimat der Indoeuropäer festgelegt werden, aber die eurasischen Steppen eignen sich seiner Meinung nach am besten dafür. Im Laufe der Zeit mussten diese Menschen sich auf diesem riesigen Territorium bewegen, um die neuen Weiden für ihre Viehherden zu finden, aber sie kehrten immer wieder zurück in die Urheimat. Mit dem Bevölkerungswachstum haben sich einige Gruppen von ihren Stämmen getrennt, um später eigene Entwicklungslinien zu gründen und neue Regionen zu besiedeln.

Der Autor betont dabei die Bedeutung des Ural-Gebietes im Westkasachstan (Kapitel 2.6), wo die Heimat der Indoiraner lokalisiert werden sollte. Genau in dieser Region wurden die wichtigen Innovationen wie Pferdezucht, Entstehung und Benutzung der Streitwagen und des spezifischen Pferdegeschirres sowie Technologien der Bronzemetallurgie kombiniert.

Im selben Kapitel (2.8) hat Andrej Epimachov die Dynamik der bronzezeitlichen Kommunikation im Ural-Gebiet erforscht. Nach der intensiven und sorgfältigen Untersuchung des vielfältigen archäologischen Materials aus der Region, kommt der Autor zu dem Schluß, dass die Bronzezeit eine entscheidende Periode in der Geschichte der Ural-Region, Nord-Eurasiens und der gesamten Menschheit war. Zu diesem Zeitpunkt traten die wichtigsten technischen, sozio-ökonomischen und ideologischen Innovationen hervor und wirkten aufeinander. So wurde die Ural-Region beispielweise in dieser Zeit zu einem der wichtigsten Zentren des Kupferbergbaus und der Metallproduktion. Als Ergebnis wurde diese Region zum umfangreichen Netzwerk aus verschiedenen Gruppen von Menschen (Clans) aus unterschiedlichen Teilen Eurasiens wie China, Balkan oder Skandinavien. Erwähnenswert ist, dass Andrej Epimachov im Kapitel 2.8.2. sowohl relative als auch absolute Chronologie der archäologischen Funde aus der Region darlegt und eine Periodisierung des bronzezeitlichen Uralgebietes vorschlägt. Er bietet folgende C14-Daten für die wichtigsten archäologischen Kulturen an:

Jamnaja-Kultur - 3350-2490 v.Chr.,
Sejmo-Turbino-Kultur - 2040-1620 v.Chr.,
Abaševo Kultur - 2140-1740 v.Chr.,
Sintašta Kultur - 2010-1170 v.Chr.,
Petrovka Kultur - 1880-1750 v.Chr.,
Alakul' Kultur - 1900-1450 v.Chr.,
Fedorovo Kultur - 1980-1510 v.Chr.,
Balkengrab-Kultur - 1730-1410 v.Chr.,
Frühe Barchatovo Kultur - 1310-1010 v.Chr.,
Späte Barchatovo Kultur - 1220-780 v.Chr.,
Übergang zur Eisenzeit - 980-840 v.Chr. (910-800 v.Chr.).

Im **dritten Kapitel** untersucht Novoženov bronzezeitliche Petroglyphen aus über 500 bekannten Felsbildstationen Zentralasiens. Diese Tausende von Darstellungen sind ein Beweis für die kommunikativen und rituellen Handlungen von Menschen, die sie hinterlassen haben. Novoženov interpretiert sie als Kunstwerke der indoeuropäischen und indoiranischen Bevölkerung, die als Nomaden in dieser Gegend gelebt hat. Die Felsbildkunst Zentralasiens ist nach Novoženov in drei folgende Etappen zu gliedern: 1 - Jamnaja-Afanas'evo, 2 - Andronovo, 3 - Karasuk. Jede Phase wird durch spezifische Themen und Darstellungsweise gekennzeichnet.

Das **vierte Kapitel** besteht aus der Analyse der vorhandenen Schriftquellen – assyrischen und babylonischen Dokumenten sowie chinesischen historischen Texten. Auf dieser Basis versucht Novoženov, die ethnische und kulturelle Geschichte Zentralasiens von der Bronzezeit bis zu unserer Zeitrechnung zu rekonstruieren.

Der **zweite Teil** des Buches enthält Beiträge zur Erinnerung an Elena Kuz'mina sowie Artikel über verschiedene Aspekte zum Thema „Indoeuropäer". Das erste Kapitel beginnt mit der bislang unveröffentlichten Arbeit von Elena Kuz'mina «Neue Daten zur Entwicklung der Indoiraner in der Bronzezeit". Die Autorin schlägt unter anderem vor, die Träger der Andronovo-Kultur als Indoarier zu betrachten. Diese Steppenbevölkerung ist ihrer Meinung nach im 15.-14. Jh. v. Chr. wegen ökologischer Veränderungen in den Nordwesten des indischen Subkontinents ausgewandert. Die zweite Migrationswelle wird mit einer ökologischen Krise um 1200 v. Chr. verbunden, die zur Massenmigration der Träger der Balkengrab-Kultur nach Iran führte.

In seinem Beitrag versucht **Igor Čečuškov** die C14-Daten der frühesten Funde von Wagen aus dem Nahen Osten, Ägypten und Eurasien zu vergleichen. Er kommt zum Schluss, dass die frühesten Zeugnisse von Wagen aus Mesopotamien der zweiten Hälfte des IV Jts. v. Chr. stammen, obwohl der Radtransport in Eurasien bereits in III Jt. v. Chr. hochentwickelt war und in enger Verbindung mit Technologien aus Vorderasien stand. Die Streitwagen wurden nach Čečuškov in den eurasischen Steppen entwickelt und frühestens im 17. Jh. v. Chr. von den Indoeuropäern nach Mesopotamien und Ägypten gebracht.

Emma Usmanova analysiert in ihrem Artikel die Merkmale der Andronovo-Bekleidung und ihre symbolische Bedeutung anhand von Textil- und Metallfunden aus dem Gräberfeld von Lisakovsk, Kasachstan. Auch eine vollständige Rekonstruktion der Andronovo--Damenbekleidung wird geliefert. Nach der Analyse von archäologischen Materialien und der Rekonstruktion der Oberbekleidung kommt die Autorin zum Schluss, dass diese Bekleidung eher eine rituelle Bedeutung hatte. Die Kopfbedeckungen der Andronovo-Frau war eines der wichtigsten Elemente der Bekleidung und hatte gänzlich symbolische Bedeutung. Ihre Gestaltung war vor allem mit dem Schutz der unverheirateten Frau vor der Hexerei und mit dem Fruchtbarkeitskult verbunden.

Irina Shvets analysiert in ihrem Artikel zahlreiche Darstellungen von Menschen in der bronzezeitlichen Felsbildkunst Kasachastans. Ihre Materialien stammen überwiegend aus Zentral- und Südkasachstan. In der Literatur bekamen solche Figuren äußerst unterschiedliche Benennungen – zoo-anthropomorphe oder „verkleidete" Gestalten, Monster, Phantome, Dämonen, phantastische oder mythische Wesen. Viele von denen werden mit Opferpriestern, Schamanen, Göttern oder Geistern assoziiert. Manche von denen weisen einen Strahlenkranz, Hörner oder pilzförmige Kopfbedeckungen auf und haben, vielleicht nicht ganz gelungene, jedoch ziemlich feste Bezeichnungen erhalten, wie z. B. „Sonnenköpfige", „Gehörnte" oder „Pilzköpfige". Über die Richtigkeit dieser Termini werden seit Jahrzehnten Diskussionen geführt, jedoch werden sie weiterhin benutzt. Für die meisten dieser Figuren ist das Vorhandensein von Attributen in den Händen, wie Keule/Szepter (?), Schellentrommel (?), Bogen oder Stab, charakteristisch. Eine derartige Ikonographie erlaubt einerseits, diese Figuren zum rituellen oder mythologisch-religiösen Rang hinzuzuzählen, andererseits sind viele von ihnen in alltäglichen Szenen – Jagd oder Wanderung – gezeigt, was z.B. im publizierten Material aus dem Mongolischen Altaj reich illustriert wird.

Im nächsten Beitrag sucht **Katheryn Linduff** eine Antwort auf die Frage, warum typisch südsibirische Funde im zentralen China gefunden wurden? Die Autorin weist darauf hin, dass diese Frage zu einem viel größeren Problem gehört und zwar: Handel und Austausch in Eurasien in den letzten vier vorchristlichen Jahrtausenden. Das Problem könnte nach Linduff nur mit Hilfe von gleichzeitigen archäologischen Materialien aus den benachbarten Regionen Chinas geklärt werden. Linduff betont, dass die südsibirischen Ethnien mit ihrer Lebensweise und ihren Waren nicht nur auf dieses Territorium beschränkt blieben, sondern sind bis in das Zentrum vom modernen China vorgedrungen. Technologieaustausch, Überschuss von Waren, Eheschließungen und Ethnogenese sind die Gründe, die die sibirischen Artefakte in den Bestattungen der alten chinesischen Aristokratie erklären.

Der Wagentransport von eurasischen Nomaden wird im nächsten Artikel von **Krym Altynbekov und Viktor Novoženov** untersucht. Dabei werden die neusten Funde, darunter der einzigartige Holzkamm aus der Bestattung Taksaj 1, Kurgan 6 (Westkasachstan) einbezogen. Das Grab wird ins 6.-5 Jh. v.Chr. datiert. Der Kamm ist mit der Darstellung einer Schlacht verziert – ein Streitwagen mit zwei Wagenlenkern, die mit einem Krieger zu Fuß konfrontiert sind. Die Autoren sind der Meinung, dass die frühen nomadischen Gesellschaften Nordeurasiens ihre eigene Entwicklung des Radtransportes, einschließlich Streitwagen, hatten. Es gab mehrere Arten von autochthonen zwei- und vierrädrigen Wagen, die für verschiedene Zwecke verwendet wurden. Zusammen mit Reitern ermöglichten diese Wagen die Vorherrschaft der nomadischen Gesellschaften in Eurasien und ihre erfolgreiche Integration in den Warentransfer der Seidenstraße.

Der letzte Beitrag von **Alexandra Ippolitova** ist dem Andenken von Elena Kuz'mina gewidmet und umfasst die wichtigsten Etappen ihres Lebens sowie einige Erinnerungen an ihr Leben und ihr Werk. Elena Kuz'mina hatte ihre Habilitation im Fach Archäologie im Jahr 1976 an der Moskauer Staatlichen Universität verteidigt, wo sie seit 1988 als Professorin der Archäologie gearbeitet hat. Sie war die führende Wissenschaftlerin des Russischen Instituts für Kulturforschung (Moskau, Russland), Mitglied der Russischen Akademie der Naturwissenschaften, Mitglied des Deutschen Archäologischen Instituts Berlin und Mitglied der Società Europea Iranologica (Italien). Im Jahr 2009 gewann sie Irans Weltpreis „Das Buch des Jahres" für ihr Buch über die Herkunft der Indoiraner [2007]. Kuz'mina veröffentlichte über 300 Artikel und 10 Bücher zur Archäologie der eurasischen Steppen und der Herkunft der Indoiraner.

Zusammenfassung

Эта книга посвящена памяти **Елены Ефимовны Кузьминой (1931-2013)**, выдающегося советского и российского археолога, историка и культуролога, которая внесла огромный вклад в индоевропейские исследования. **Книга состоит из двух частей:** первая представляет собой **монографию В. А. Новоженова** с добавлением разделов, написанных Е. Е. Кузьминой и А. В. Епимаховым; вторая часть включает в себя отдельные **статьи коллег** и дополнительные материалы – фотографии и полную библиографию работ Елены Ефимовны Кузьминой.

Первая глава состоит из описания эволюционной истории индоевропейских исследований в русскоязычной археологии. В главе представлен раздел 1.2. - одна из последних работ Е. Е. Кузьминой, где она разрабатывает собственную концепцию происхождения индоиранцев. Кроме того, есть в этой главе раздел А. В. Епимахова, где автор рассматривает проблему дальних связей в бронзовом веке с точки зрения теории мировых систем.

Вторую главу В. А. Новоженов посвящает разработке и распространению колесного транспорта в Евразии и формулирует гипотезу «кочевой» прародины индоевропейцев. Автор напоминает нам, что в более поздних индоиранских письменных источниках прародина описывается как бесконечное плодородное пастбище (Арьянам Вайджа – Арийский простор), где мобильность была общей для всех ветвей предков индоиранцев и индоевропейцев. Таким образом, точное место для прародины не может быть найдено, но Евразийская степь скорее всего является их кочевой прародиной. Эти племена в постоянных поисках новых пастбищ для своего скота вынуждены были кочевать на огромных территориях, периодически возвращаясь на свои исконные территории, хорошо им знакомые, родные места. С ростом населения новые семьи отделялись от родительской группы, создавали свои собственные линии развития и осваивали новые территории. Автор также подчеркивает важность Урало-Казахстанского региона (раздел. 2.6), где локализуется поздняя прародина индоиранцев. В этом регионе были объединены важные инновации, такие как коневодство, изобретение и использование колесниц, особой конской сбруи, вместе с технологией втульчатого литья металлургии бронзы.

В той же главе А. В. Епимахов изучает динамизм связей населения на Урале в эпоху бронзы (раздел. 2.8). После тщательного исследования разнообразного археологического материала из региона, автор приходит к выводу, что бронзовый век является решающим периодом в истории Уральского региона и Северной Евразии. В это время наиболее важные технологические, социально-экономические и идеологические инновации были взаимосвязаны. Например, Уральский регион стал одним из важнейших центров добычи медной руды и выплавки металла. В результате регион был вовлечен в огромную и развитую сеть, в которой участвуют группы людей (кланы) из разных регионов Евразии, а также Китая, Балкан и Скандинавии. Стоит отметить, что в разделе 2.8.2. А. В. Епимахов также предоставляет как относительные, так и абсолютные датировки материалов и предлагает периодизацию памятников Уральского региона в эпоху бронзы:

Ямная культурно-историческая область - 3350 - 2490 до н. э.;
Сеймо-турбинский феномен - 2040 - 1620 до н. э.;
Абашевская культура - 2140 - 1740 до н. э.;
Синташтинская культура - 2010 - 1170 до н. э.;
Петровская культура - 1880 - 1750 до н. э.;
Алакульская культура - 1900 - 1450 до н. э.;
Федоровская культура - 1980 - 1510 до н. э.;
Срубная культура - 1730 - 1410 до н. э.;
Бархатовская культура (начальный этап) - 1310 - 1010 до н. э.;
Бархатовская культура (поздний этап) - 1220 - 780 до н. э.;
Переход к железному веку - 980-840 г. до н.э. (910 - 800 до н. э.).

В третьей главе В. А. Новоженов исследует комплексы петроглифов Центральной Азии, огромный массив изобразительных памятников, известных более чем в 500 пунктах региона и датированных специалистами бронзовым веком. Эти тысячи объектов свидетельствуют о коммуникативной и ритуальной деятельности людей, которые их оставили. В.А.Новоженов интерпретирует их как произведения искусства, оставленные индоиранскими группами населения, которые жили как мобильные животноводы в этих местах. В истории развития петроглифов и в наскальной изобразительной традиции Центральной Азии он выделяет следующие этапы: 1 – ямно-афанасьевский, 2 - андроновский, 3 - карасукский. Каждый характеризуется конкретными знаковыми кодами и художественным стилем.

Резюме

Четвертая глава основана на данных из большого списка письменных источников, например, ассирийских и вавилонских канцелярий и китайских исторических хроник. На этой основе В. А. Новоженов пытается реконструировать этническую и культурную историю Центральной Азии в эпоху бронзы.

Часть II включает эссе, посвященные памяти Елены Ефимовны Кузьминой и различным аспектам индоевропейских исследований. Эта часть начинается с ранее неопубликованной работы Е. Е. Кузьминой «Новые данные о расселении индоиранцев в эпоху бронзы», написанной изначально на английском языке, и здесь эта статья публикуется в её оригинальной английской версии. Среди других идей, автор приходит к выводу, что андроновскую культуру следует рассматривать как индоарийскую и что часть ее носителей в евразийских степях в связи с экологическими изменениями в 15 – 14 веках до н. э. переселилась на северо-запад Индийского субконтинента. Вторая волна миграции связана с экологическим кризисом, который произошел около 1200 г. до н. э. и вызвал массовое переселение народа срубной культуры в Иран.

В своей работе **И. В. Чечушков** стремится сравнить радиоуглеродные даты самых первых находок колесного транспорта из Ближнего Востока, Египта и Евразии. Он приходит к выводу, что самые ранние свидетельства можно найти в Месопотамии, начиная со второй половины IV тысячелетия до нашей эры, хотя уже в III тысячелетии до нашей эры колесные повозки хорошо известны в евразийских степях в тесном сочетании их местного производства с технологиями из Ближнего Востока. Двухколесные конные колесницы независимо разработаны в евразийских степях и доставлены в Месопотамию и Египет индоевропейцами не ранее 17-го века до нашей эры.

Э. Р. Усманова анализирует характеристики андроновской одежды и ее символических значений, используя результаты исследований текстиля и металлических предметов из могильника Лисаковский в Казахстане. После анализа археологических материалов и реконструкции верхней одежды автор приходит к выводу, что она связана с ритуальной одеждой. Головные уборы андроновской женщины были одним из самых важных элементов костюма и полны символического смысла.

И. Н. Швец в статье, посвященной анализу антропоморфных персонажей в петроглифах эпохи бронзы Казахстана, делится своими наблюдениями и выводами, полученными в результате многолетних исследований на изобразительных памятниках в южных и центральных регионах Казахстана.

В своей статье **Кэтрин М. Линдафф** ищет ответ на вопрос, почему сибирские древности найдены в памятниках на Центральной равнине Китая. Как отмечает автор, этот вопрос относится к гораздо более широкому кругу проблем, связанных с системой международной торговли и обменов в этой части Евразии в течение последних четырех тысячелетий до нашей эры. Интерес автора к этому вопросу развился из опасения, что его решение не может быть найдено только путем изучения материалов из Китая, но требует изучения материалов из синхронных памятников всей Евразии. Кэтрин Линдафф приходит к выводу, что народы и их артефакты, выявленные в южной Сибири, не ограничивались только этой областью или местным образом жизни и активно распространялись в самый центр территории современного Китая. Отношения народов, которые несли такие артефакты, варьировались в зависимости от конкретных обстоятельств и места. Технология обмена, избыток производства товаров, брачные союзы и этногенез - лишь некоторые из причин, из-за которых, как она думает, сибирские материалы найдены в захоронениях древних китайских аристократов.

Колесный транспорт кочевых народов Евразии анализируется в статье **Крыма Алтынбекова и В. А. Новоженова** на основании новых находок на сей счет, включая уникальный деревянный гребень из могильника Таксай 1, курган 6, на западе Казахстана, датированный 6 - началом 5 вв. до н. э. Этот гребень украшен изображением битвы, где колесница и команда из двух колесничих противостоят пешему воину. Авторы приходят к выводу, что ранние кочевые общества севера Евразии имели свою линию эволюции колесного транспорта, в том числе колесниц. Имелись несколько автохтонных видов двух- и четырехколесных транспортных средств, используемых для различных целей. Вместе с вооруженными всадниками они стали основой могущества и процветания сообществ номадов в геополитическом контексте трансевразийских коммуникаций, военных походов ранних кочевников в страны Передней Азии, а также их интеграции в транспортные потоки Великого Шелкового пути.

А. Р. Хазбулатов в своей статье приходит к выводу о том, что скифо-сакский звериный стиль в евразийском искусстве ранних номадов являлся важным и универсальным средством их коммуникации. Автор подробно рассматривает знаковый код этого искусства на примере реконструкции «Золотого человека» из кургана Иссык.

Статья **А. Б. Ипполитовой** посвящена памяти Елены Ефимовны Кузьминой: автор рассматривает основные этапы ее жизненного пути.

Алтынбеков Крым – основатель и директор научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым», г. Алматы, Казахстан. Художник-реставратор, член Союза художников РК, академик Академии Художеств РК; обучался во ВНИИР (Москва), стажировался в Лувре (Париж, Франция). Кавалер орденов «Күрмет» (РК) и «Рыцарский крест» (Венгрия), награжден почетным знаком «Мәдиниет Қайраткери». Автор реконструкций «Золотого человека» кургана Иссык, убранства берельских коней, образов сакского и сарматского воинов и многих других, ставших национальными символами Казахстана. Опубликовал десятки научных статей и ряд монографий.

e-mail: tengri05@mail.ru

Епимахов Андрей Владимирович – известный российский археолог, представитель славной челябинской школы. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Южно-Уральский филиал), профессор Южно-Уральского государственного университета. Проживает в г. Челябинск, Россия, участник нескольких международных проектов (с университетом г. Питтсбург, США, с университетом имени Гете, г. Франкфурт-на-Майне, Германия). Разрабатывает проблемы социальной археологии, периодизации и хронологии бронзового века Урала и сопредельных территорий на основании методов радиоуглеродного датирования. Опубликовал ряд монографий и множество статей на русском и английском языках (см. на: *https://www.academia.edu/EpimakhovAndrey*).

e-mail: eav74@rambler.ru

Ипполитова Александра Борисовна – фольклорист, историк. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного республиканского центра русского фольклора (г. Москва). Автор монографии «Русские рукописные травники XVII - XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники» (М.: Индрик, 2008) и ряда статей по фольклору, этнобиологии, истории музееведения, фольклористики и археологии (см на: *https://www.academia.edu/IppolitovaAlexandra).*

e-mail: alhip@yandex.ru

Линдафф Кэтрин (Katheryn M. Linduff) – известная американская исследовательница, профессор истории искусств и археологии Центра международных исследований Питтсбургского университета. Специализируется на изучении неолита, бронзового и железного веков в истории Китая, а также китайского традиционного искусства. В сферу интересов профессора К. Линдафф также входит проблема контактов ранней китайской цивилизации с северными соседями, вопросы гендера в ранней истории Китая. Среди многочисленных полевых проектов следует упомянуть завершенные в 2011 году международные исследования в Чифенге. Профессор К. Линдафф автор 10 монографий, более 30 статей *(см. на: http://www.pitt.edu/~arthome/faculty/linduff/linduff.html).*

e-mail: linduff@pitt.edu

Новоженов Виктор Александрович – известный в Казахстане специалист по массовым коммуникациям, археолог, журналист, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете имени академика Е. А. Букетова. Возглавлял ряд национальных СМИ. Обучался в Париже (C.N.R.S.) и работал в Департаменте Восточных древностей Лувра. Научные интересы: древнейший колесный транспорт, древние и современные коммуникации. Проживает в г. Алматы, Казахстан. Активный участник международных археологических экспедиций, эксперт ЮНЕСКО в странах Центральной Азии. Опубликовал четыре монографии и более трёх десятков научных статей (см на: *https://kaznu.academia.edu/NovozhenovVictor*).

e-mail: vnovozhenov@gmail.com

Информация об авторах

Усманова Эмма Радиковна – археолог, ведущий специалист по проблемам эпохи бронзы, Сарыаркинского археологического института Карагандинского государственного университета имени академика Е. А. Букетова. Сфера научных интересов – изучение андроновской культуры в ритуальном контексте поведения человека, реконструкция костюма эпохи бронзы. Руководитель археологических раскопок памятников Лисаковской округи (Костанайская обл., Казахстан). Куратор Лисаковского музея истории культуры Верхнего Притоболья. Автор трех монографий, пятидесяти статей, посвященных проблемам эпохи бронзы. Участник грантовых программ: Oxford Hospitality Scheme, St. John's College, Britain, 2004; United Nations Institute for Training and Research, Hirosima, Japan, 2005; Agnese N. Haury Visiting Scholar at Laboratory of Tree-Ring Research, University of Arizona, USA, 2008; Cultural Heritage Preservation, The Institute of International Education, USA, 2009. Удостоена звания «Почетный Гражданин города Лисаковска».

e-mail: emmadervish2004@mail.ru

Хазбулатов Андрей Равильевич – генеральный директор Казахского научно-исследовательского института культуры Министерства культуры и спорта РК (г. Астана), доктор философии (PhD). Окончил Казахскую национальную академию искусств имени Т. Жургенева, стажировался в ведущих вузах Италии, Российской Федерации, США и Финляндии. В 2004 – 2014 годы – преподаватель, руководитель подразделений, проректор по научной работе, доцент Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова (г. Алматы). Президент АО «Фонд духовного развития народа Казахстана», автор свыше десятка научных статей, а так же монографии, участник международных научных форумов, лауреат Государственной стипендии деятелям литературы и искусства РК, отмечен Благодарственными письмами Президента Казахстана, Администрации Президента РК и другими наградами (см.: *www.cultural.kz).*

e-mail: xazbulatov@mail.ru

Чечушков Игорь Владимирович – российский археолог, кандидат исторических наук. Родился и вырос в г. Челябинске, где и началось юношеское увлечение археологией, переросшее в профессию. С 2012 г. по настоящее время - сотрудник Университета Питтсбурга (США). Сфера профессиональных интересов включает в себя бронзовый век Евразийской степи, проблему колесничного комплекса, вопросы экспериментальной археологии и археологической реконструкции при помощи современных методов моделирования (статистика, компьютерное моделирование). Опубликовал ряд научных статей (см на: *https://pittsburgh.academia.edu/ChechushkovIgor).*

e-mail: chivpost@gmail.com

Швец Ирина Николаевна – казахстанский и немецкий археолог, кандидат исторических наук (Институт археологии НАН РК, г. Алматы), защитила вторую диссертацию по теме «Наскальное искусство Казахстана» в Германии, в Институте первобытной и ближневосточной археологии. Постоянно проживает в г. Гейдельберг. Является автором ряда статей и монографий, на русском, английском и немецком языках. Принимает активное участие в международных проектах по изучению наскального искусства Центральной Азии.

e-mail: schwezi@mail.ru

Научное издание
Коллективная монография памяти Елены Ефимовны Кузьминой

Авторлар / Авторы:
Е. Е. Кузьмина† (Москва, Россия), В. А. Новоженов (Алматы, Казахстан), А. В. Епимахов (Челябинск, Россия), К. Алтынбеков (Алматы, Казахстан), А. Р. Хазбулатов (Астана, Казахстан), К. М. Линдафф (Питтсбург, США), И. Н. Швец (Гейдельберг, ФРГ), Э. Р. Усманова (Караганда, Казахстан), И. В. Чечушков (Питтсбург, США), А. Б. Ипполитова (Москва, Россия).

Баспаға мәдениет институтының Ғылыми кеңесі ұсынған / Печатается по решению Ученого совета Казахского научно- исследовательского института культуры.
Напечатано при поддержке Министерства культуры и спорта РК и при частичной поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках государственного задания № 33.2644.2014/к

Пікір жазғандар / Рецензенты:
К. М. Байпаков, д.и.н., академик НАН РК.
В. В. Евдокимов, д.и.н., профессор, Карагандинский университет
А. Н. Марьяшев, д.и.н., с.н.с. Институт археологии имени А.Х. Маргулана

Е63 Еуразия даласындағы ежелгі тайпалардың этникалық тарихының құпиялары = Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии = The Mystery of the Ethnic History of the Earliest Nomads of the Eurasian steppe / құраст. /сост. /comp. В. А. Новоженов; бас. ред. / гл. ред. / ed. А. В. Епимахов. – Алматы: Остров Крым, 2014. – 454 б. - қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-601-06-3164-9

Верстка: Э. К. Алтынбекова
Корректор: П. Л. Молодова

Формат: 260 х 210 мм
Гарнитура: Cambria
Печать офсетная.
Сдано в набор: 23.05.2014 г.
Типография: Signet Print
Тираж: 500 экземпляров (limited edition)
Заказ № 777

Дизайн, допечатная подготовка:
ТОО «Остров Крым»
050034, Казахстан, г. Алматы, ул. Венецианова, 6/5;
тел.: + 7 (727) 253 08 25,
e-mail: tengri05@mail.ru